АРХИВЪ

КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА.

КНИГА СЕДЬМАЯ

1896

4007 м/69
Geneal. 224 e/6

АРХИВЪ КН. Ѳ. А. КУРАКИНА.

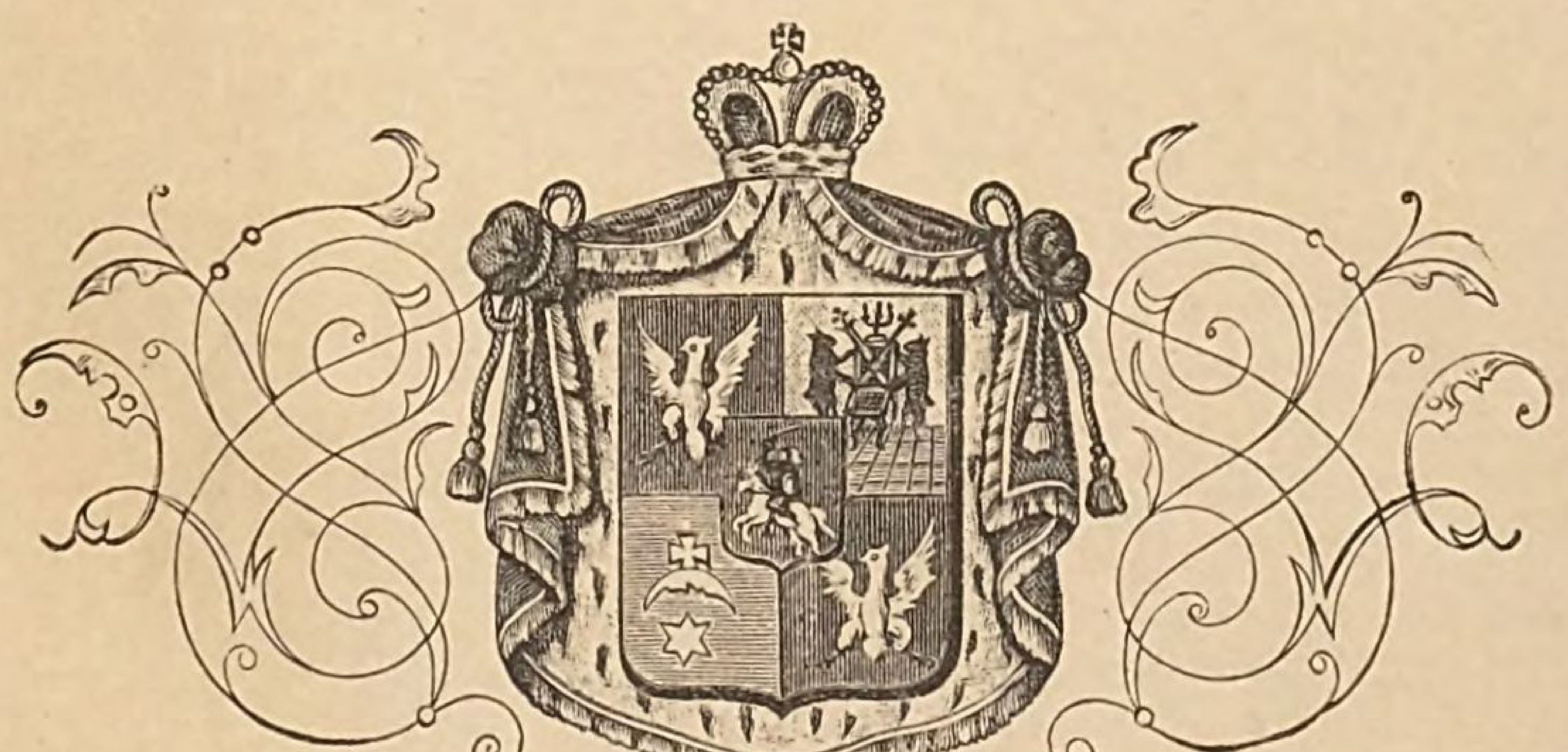
КНИГА ШЕСТАЯ,

изданная членомъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи и почетнымъ членомъ Археологическаго Института княземъ Ѳ. А. Куракинымъ

подъ редакціею

В. Н. Смольянинова.

Всѣ доселѣ вышедшія книги одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Гербъ князей Куракиныхъ.

1896.

12
210 Н

Geneal. 224 L/(6

6.

Дозволено цензурою. Москва. 21 января 1895 года.

САРАТОВЪ.
Высочайше утвержденное Товарищество „Печатня С. П. Яковлева".
1896.

FgT/87/5143

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОЙ КНИГИ „АРХИВА КН. Ѳ. А. КУРАКИНА“.

Предисловіе . XIII—XV

Бумаги князя Бориса Ивановича Куракина 1712—1713 гг.

	Страницы.	Подл. томъ и стр. Надеждинскаго архива.	№ хронологическій документа.
938. 1713 г. январь—августъ. Дипломатическіе мемуары князя Бориса Ивановича Куракина, т. е. дневникъ его о посольскихъ и другихъ дѣлахъ. (Продолженіе).	3—74	67, 424—427	1868
		61, 221—223	1941
		69, 148—149	1932
		69, 152	1955
		69, 152—153	1962
		69, 152	1963
		66, 185—187	1980
		69, 176—178	1987
		69, 174—175	2009
		51, 191—193	2014
		69, 187	2036
		51, 172—183	2046
		69, 223—225	2075
		69, 223	2080
		69, 231—232	2091
		51, 254—257	2118
		69, 261—262	2093
		69, 249—252	2120
		69, 254	2124
		51, 106—107	2130
		28, 107—108	2152
		67, 182—192	2163
		67, 201—207	2167
		51, 161—164 167—169	2170
		67, 300—307	2175
		13, 72—76	2196
		48, 267—272	2214
		28, 106—165	2283

Примѣчаніе 1-е. А обозначаетъ документы, представляющіе собою собственноручные подлинники, Б—подлинники, лишь подписанные собственноручно, В—собственноручные черновики, Г—черновики, лишь отчасти собственноручные, Д—черновики подьяческіе или руки разныхъ лицъ, Е—собственноручныя копіи, Ж—копіи подьяческія или руки разныхъ лицъ. Дипломатическіе мемуары писались отчасти кн. Борисомъ Ивановичемъ собственноручно, отчасти подьячими посольской канцеляріи подъ его диктовку.

Примѣчаніе 2-е. Документы, отмѣченные звѣздочкою, помѣщены, по разнымъ причинамъ, въ сокращенномъ видѣ. Обращенія въ письмахъ, а также обычныя заключительныя строки ихъ мы вообще выбрасывали.

Ред.

939. **1712 г.** іюля 1. Князь Б. И. Куракинъ - Г. И. Волкову.	75—77	70, 588—592	1436 В.
940. **1712 г.** іюля 1. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.	77—79	11, 130—133	1438 Д.
941. **1712 г.** іюля 4. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	79—83	11, 138—143	1441 Д.
942*. **1712 г.** іюля 7. Графъ Г. И. Головкинъ—А. А. Матвѣеву	83—86	11, 157—160	1445 Ж.
943. **1712 г.** іюля 7. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	86—87	11, 156	1446 Ж.
944. **1712 г.** іюля 8. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	87—88	11, 150—151	1447 Д.
945. **1712 г.** іюля 19. Князь Б. И. Куракинъ—кн. Ѳ. Ю. Ромодановскому	89	60, 109	1464 Д.
946. **1712 г.** іюля 25. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	89	11, 163—164	1467 В.
947. **1712 г.** іюля 27. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	90	11, 167—168	1470 Ж.
948. **1712 г.** октября 13. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	90—91	11, 178—179	1520 Ж.
949. **1712 г.** октября 17. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	91—92	11, 171—173	1524 Д.
950. **1712 г.** октября 30. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	92—94	11, 223—226	1535 Ж.
951. **1712 г.** октября 31. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	94—96	11, 182—187	1538 В.
952. **1712 г.** ноября 7. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	97—99	11, 203—208	1550 В.
953*. **1712 г.** ноября 10. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	99—100	11, 227—229	1554 Ж.
954. **1712 г.** ноября 11. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	100—102	11, 209—212	1556 В.
955. **1712 г.** ноября 14. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	102—104	11, 213—219	1560 Д.
956. **1712 г.** ноября 19. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	104—105	11, 276	1561 Ж.
957*. **1712 г.** ноября 21. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	105—106	11, 234—237	1564 В.
958. **1712 г.** ноября 25. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	107—109	11, 239—243	1566 В.
959. **1712 г.** ноября 26. Аврамъ Веселовскій—кн. Б. И. Куракину	109	69, 66—67	1567 Ж.
960*. **1712 г.** ноября 29. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	110—112	11, 245—250	1572 В.
961. **1712 г.** ноября 30. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	112	11, 275	1573 Ж.
962. **1712 г.** декабря 2. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	112—117	11, 251—262	1575 Г.
963. **1712 г.** декабря 5. Князь Б. И. Куракинъ—Цесаревичу Алексѣю Петровичу.	117—118	11, 268	1577 Ж.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

964*. **1712 г.** декабря 5. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	118—119	11, 266—267	1580 В.
965. **1712 г.** декабря 6. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	119—120	11, 398	1585 Ж.
966. **1712 г.** декабря 9. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	120—122	11, 269—273	1588 В.
967. **1712 г.** декабря 13. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	122—123	11, 273—274	1592 Д.
968. **1712 г.** декабря 15. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	123—124	12, 26—27	1593 Ж.
969. **1712 г.** декабря 16. Кн. Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	124—127	11, 277—283	1595 В.
970. **1712 г.** декабря 18. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	127—130	11, 288—294	1597 В.
971. **1712 г.** декабря 19. Графъ Болинброкъ (Сентъ-Джонъ)—кн. Б. И. Куракину.	130	69, 129—130	1599 Ж.
972. **1712 г.** декабря 21. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	130—131	11, 338—340	1602 Ж.
973. **1712 г.** декабря 23. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	131—133	11, 295—301	1605 В.
974. **1712 г.** декабря 26. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	133—139	11, 302—314	1608 В.
975*. **1713 г.** января 2. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	139—143	11, 329—337	1911 В.
976. **1713 г.** января 3. Князь Б. И. Куракинъ—А. В. Макарову	143	61, 30	1915 Д.
977*. **1713 г.** января 6. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	143—147	11, 342—355	1916 В.
978*. **1713 г.** января 6. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	147—148	11, 359—360, 365	1920 Ж.
979*. **1713 г.** января 13. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	149—151	11, 366—372	1924 В.
980. **1713 г.** января 15. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	151—152	11, 373—374	1925 В.
981. **1713 г.** января 15. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	152	11, 361—362	1926/а Ж.
982. **1713 г.** января 15. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	153—154	11, 362—364	1926/б Ж.
983. **1713 г.** января 16. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	154—156	11, 385—388	1931 Д.
984. **1713 г.** января 17. Князь Б. И. Куракинъ—кн. В. Л. Долгорукову	157—158	61, 32—35	1934 В.
985. **1713 г.** января 19. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову . . .	158—159	61, 36—37	1937 Д.
986*. **1713 г.** января 20. Князь Б. И. Куракинъ—А. А. Матвѣеву	159—160	61, 38—41	1938 Д.
987*. **1713 г.** января 24. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	160—163	11, 389—393	1940 Д.

988. 1713 г. [января 30]. Князь Б. И Куракинъ—цесаревичу Алексѣю Петровичу	164	11, 399—400	1946 Д.
989. 1713 г. февраля 1. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	164—165	12, 2—4	1951 В.
990. 1713 г. февраля 3. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	165—167	12, 24—26	1952 Ж.
991. 1713 г. февраля 3. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	167—171	12, 6—14	1953 В.
992. 1713 г. февраля 6. Князь Б. И. Куракинъ—А. А. Матвѣеву	171	61, 43	1956 Д.
993*. 1713 г. февраля 7. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Трубецкому	172—173	12, 66—67	1960 Ж.
994. 1713 г. февраля 7. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	173—174	12, 16—19	1961 В.
995. 1713 г. февраля 10. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	174—176	12, 20—23	1968 В.
996. 1713 г. февраля 14. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину . . .	176—180	12, 28—36	1978 В.
997. 1713 г. февраля 17. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину . . .	180—182	12, 36—39	1981 Д.
998. 1713 г. февраля 17. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину . . .	183—186	12, 39—43	1982 Д.
999. 1713 г. февраля 20. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину . . .	186—189	12, 44—49	1985 В.
1000. 1713 г. февраля 20. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину . . .	189—191	12, 63—65	1984 Ж.
1001. 1713 г. февраля 23. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину . . .	191—192	12, 179	1988 Ж.
1002. 1713 г. февраля 24. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	192—194	12, 50—54	1989 В.
1003. 1713 г. февраля 27. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину	194—199	12, 56—62	1994 Д.
1004. 1713 г. марта 2. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	199—201	12, 83—85	1999 Ж.
1005. 1713 г. марта 2. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину	201—204	12, 85—88	1998 Ж.

Бумаги князя Александра Борисовича Куракина 1770—1772 гг.

1006*. Souvenirs de voyage en Hollande et en Angleterre par le prince Alexandre Kourakin à sa sortie de l'université de Leyde durant les années 1770—1772	205—239	973, 154—225	12223 В.
1007. [1772 г.]. Отрывокъ изъ черновыхъ записокъ кн. Александра Борисовича Куракина.	239—240	110, 97—98	12191 В.
1008. [1772 г.]. Notice pour un séjour à faire à Leyde dans le dessein louable d'y étudier.	241—247	111, 110—113	12177 В.

1009*. 1770 г. іюня 14. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину	247—248	365, 19—21	12231 А.
1010*. 1770 г. іюня 30. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину	248—249	365, 23—26	12235 А.
1011. [1770 г. не ранѣе іюля]. Вильнёфъ—кн. Александру Бор. Куракину . .	249—251	442, 49—52	12300 А.
1012. 1770 г. іюля 5. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину	251—252	977, 281	12240 В.
1013. 1770 г. іюля 7. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину . .	252—253	441, 1—3	12241 А.
1014*. 1770 г. іюля 17. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу	253—254	977, 1—3	12246 А.
1015*. 1770 г. августа 12. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину	254—255	365, 27—29	12258 А.
1016*. 1770 г. августа 16. Княгиня Наталія Александровна Репнина—кн. Александру Бор. Куракину	255—256	432, 5—6	12259 А.
1017. 1770 г. августа 31. Аграфена Леонтьевна Апраксина—кн. Александру Бор. Куракину	256	364, 42—43	12263 А.
1018*. 1770 г. сентября 2. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.	257	365, 31—32	12266 А.
1019*. 1770 г. сентября 30. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину	257	365, 34—35	12271 А.
1020. [1770 г. конецъ сентября]. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ —неизвѣстному.	257—267	1375, 1—10	12273 В.
1021. 1770 г. октября 9. Князь Александръ Бор. Куракинъ—княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ Куракиной.	267—268	364, 118—120	12274 В.
1022. 1770 г. октября 30. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину	268—269	977, 285—286	12276 В.
1023*. 1770 г. декабря 21. Вильнёфъ—кн. Александру Бор. Куракину. . .	269—272	442, 32—35	12283 А.
1024*. 1771 г. января 10. Княгиня Александра Ивановна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину	272	365, 37	12305 А.
1025. 1771 г. января 31. Степанъ Степановичъ Апраксинъ—кн. Александру Бор. Куракину	272—273	442, 37—39	12306 А.

1026*. 1771 г. февраля 7. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину 273 365, 38—40 12308 А.

1027. 1771 г. марта 28. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину 273—275 972, 40—42 12315 А.

1028*. 1771 г. апрѣля 14. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину 275 365, 43—46 12324 А.

1029*. 1771 г. апрѣля 15. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину. 275—276 972, 44—46 12325 А.

1030. 1771 г. апрѣля 24. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ—кн. Александру Бор. Куракину 276—278 441, 230—233 12328 Б.

1031. 1771 г. мая 12. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину. 278—279 972, 48—50 12332 А.

1032. 1771 г. мая 26. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину 279—280 972, 36 12334 А.

1033. 1771 г. іюня 10. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину 280 972, 56—58 12339 А.

1034. 1771 г. іюня 17. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину 281 972, 52—53 12343 А.

1035*. 1771 г. іюня 17. Княгиня Наталія Александровна Репнина—кн. Александру Бор. Куракину. 281 432, 14—16 12340 А.

1036. 1771 г. іюня 27. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину 282 972, 64—65 12341 А.

1037*. [1771 г. іюль]. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину 283—284 108, 37—38 12295 В.

1038*. 1771 г. августа 15. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину 284—285 365, 47—49 12345 А.

1039. 1771 г. августа 21. Графъ Сальдернъ—кн. Александру Бор. Куракину . . 285—286 956, 16—17 12347 А.

1040. [1771 г. сентябрь]. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину. 286—288 108, 43—46 12292 В.

1041*. 1771 г. сентября 20. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу. 288—296 977, 27—40 12356 А.

1042*. 1771 г. октября 9. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу 296—300 977, 41—51 12360 А.

1043. **1771 г.** ноября 3. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину	301—302	441, 4—7	12367 А.
1044*. **1771 г.** декабря 21. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину	302—303	977, 327—331	12377 В.
1045. **1771 г.** декабря 25. Князь Александръ Бор. Куракинъ—княгинѣ Наталіи Александровнѣ Репниной	303—305	977, 334—336	12378 В.
1046. **1772 г.** январь. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Сальдерну	305—310	977, 370—379	12413 В.
1047*. **1772 г.** января 4. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину	311	441, 21—24	12417 А.
1048. **1772 г.** января 10. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Маріи Степановнѣ Талызиной	311—312	977, 332—333	12418 В.
1049. **1772 г.** января 13. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ—кн. Александру Бор. Куракину	312—314	441, 81—84	12474 В.
1050. [**1772 г.** середина января]. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину	315—317	108, 78—81	12419 В.
1051*. **1772 г.** января 16. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу	317—326	977, 79—96	12421 А.
1052*. **1772 г.** января 27. Степанъ Степановичъ Апраксинъ—кн. Александру Бор. Куракину	326	442, 43	12422 А.
1053. **1772 г.** февраля 4. Графъ Сальдернъ—кн. Александру Бор. Куракину	326—328	956, 30—32	12426 А.
1054*. **1772 г.** февраля 7. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Ивану Ивановичу Круку	328	977, 343—344	12430 В.
1055*. **1772 г.** февраля 11. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину	328—330	365, 55—58	12432 А.
1056*. **1772 г.** марта 6. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину	330	442, 24—27	12442 А.
1057*. **1772 г.** марта 6. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Сальдерну	331—332	977, 385—387	12444 В
1058. **1772 г.** марта 12. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину	332—334	977, 380—383	12446 В.
1059*. **1772 г.** марта 16. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину	334	365, 60—61	12447 А.
1060*. **1772 г.** марта 30. Графъ Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ—кн. Александру Бор. Куракину	334—335	441, 59—62	12451 А.

1061. [1772 г. апрѣль]. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину .	335—336	442, 28—31	12452 А.
1062. 1772 г. апрѣля 6. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу	337—340	977, 119—126	12460 А.
1063*. 1772 г. апрѣля 6. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину	341—342	977, 393—396	12459 В.
1064. 1772 г. апрѣля 24. Графъ Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ—кн. Александру Бор. Куракину	343—344	441, 63—67	12463 А.
1065*. 1772 г. мая 2. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину	345—346	441, 26—30	12466 А.
1066. 1772 г. мая 7. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ—кн. Александру Бор. Куракину	346—349	441, 85—88	12469 Б.
1067. 1772 г. мая 7. Графиня Марія Родіоновна Панина—кн. Александру Бор. Куракину	349—350	441, 109—100	12468 А.
1068*. 1772 г. мая 7. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину	350	974, 401	12471 В.
1069. 1772 г. мая 12. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу	350—355	977, 127—132	12472 А.
1070*. 1772 г. мая 29. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу	355—359	977, 133—140	12478 А.
1071. 1772 г. іюня 13. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину	359—360	977, 410	12493 В.
1072*. 1772 г. іюня 13. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу	360—370	977, 141—157	12482 А.
1073. 1772 г. іюня 26. Професоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину . .	370—371	442, 21—23	12485 А.
1074*. 1772 г. іюля 13. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу	372—381	977, 158—172	12493 А.
1075*. 1772 г. іюля 28. Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ—кн. Александру Бор. Куракину.	381—382	442, 7—8	12500 Б.
1076*. 1772 г. августа 1. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.	382	365, 64—65	12502 А.
1077.* 1772 г. августа 4. Ландграфъ гессенъ-кассельскій Георгъ — кн. Александру Бор. Куракину	383—384	972, 72—73	12503 А.

1078*. 1772 г. августа 12. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу,	384—395	977, 177—195	12509 А.
1079*. 1772 г. августа 14. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину	396	365, 66—68	12514 А.
1080*. 1772 г. августа 15. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину	397	441, 31—34	12515 А.
1081. 1772 г. августа 17. Княгиня Наталія Александровна Репнина—князю Александру Бор. Куракину	398—399	432, 31—33	12518 А.
1082*. 1772 г. августа 20. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину	399	977, 452—454	12520 В.
1083*. 1772 г. сентября 3. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину	400—401	442, 17—20	12522 А.
1084. 1772 г. сентября 7. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Петру Ивановичу Панину	401—403	977, 458—461	12526 В.
1085*. 1772 г. сентября 7. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу	403—421	977, 197—226	12527 А.
1086*. 1772 г. сентября 10. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину	422	365, 71—72	12530 А.
1087*. 1772 г. сентября 16. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину	422—424	441, 35—38	12531 А.
1088*. 1772 г. октября 12. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину	424—425	441, 39—42	12539 А.
1089*. 1772 г. октября 17. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу	425—430	977, 229—236	12542 А.
1090*. 1772 г. октября 19. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Сальдерну	430—431	977, 473—475	12543 В.
1091*. 1772 г. октября 25. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ—кн. А. Б. Куракину и кн. Г. П. Гагарину	432—433	441, 77—79	12546 Б.
Алфавитный указатель русскихъ личныхъ именъ	435-445		
Алфавитный указатель иностранныхъ личныхъ именъ	447—461		
Примѣчанія и поправки	463—482		

Кромѣ продолженія дневника кн. Бориса Ивановича Куракина [1]), въ VI т. вошли 45 его писемъ и 21 письмо къ нему разныхъ лицъ, за 1712—1713 гг. Эти матеріалы относятся, главнымъ образомъ, къ Утрехтскому съѣзду и къ событіямъ, его подготовлявшимъ, о чемъ было подробно говорено нами въ предисловіи къ пятой книгѣ „Архива".

Что касается бумагъ кн. Александра Борисовича, то онѣ охватываютъ собою его университетскую жизнь въ Лейденѣ и пребываніе въ Англіи, продолжая удивлять читателя замѣчательной наблюдательностью юнаго князя, философскимъ настроеніемъ его мысли и исторической вѣрностью своего содержанія, указывающей на прилежное изученіе трактуемыхъ предметовъ [2]).

Корреспонденція кн. Александра Борисовича помѣщена нами за два слишкомъ года и заключаетъ въ себѣ 83 документа изъ общаго количества 323 №№ хронологической описи Надеждинскаго архива за этотъ періодъ времени. Кромѣ чисто историческаго матеріала, который будетъ рости и пріобрѣтать цѣну по мѣрѣ расширенія общественной и государственной дѣятельности кн. Александра Борисовича, мы помѣщаемъ, несмотря на указанную строгость выбора, и второстепенные документы,

[1]) См. т. V, стр. 1—144. Эти драгоцѣннѣйшія записки велись княземъ Борисомъ Ивановичемъ до сентября 1727 г., т. е. до самой кончины его. Ред.

[2]) Не болѣе какъ за 70 лѣтъ передъ этимъ (въ ноябрѣ и декабрѣ 1705 г.), по Голландіи путешествовалъ и осматривалъ, между прочимъ, Лейденскую Академію, князь Борисъ Ивановичъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ птенцовъ Петровыхъ, также занося всѣ свои впечатлѣнія на бумагу. Но какая разница въ развитіи между нимъ и правнукомъ его кн. Александромъ Бор.! Россія XVIII в. дѣлала исполинскіе шаги по пути прогресса, представляя единственный подобный примѣръ въ исторіи народовъ. (См. т. I „Архива кн. Ѳ. А. Куракина", стр. 128—165, а также статью проф. Брикнера въ Русскомъ Обозрѣніи 1892 г. № 1, стр. 5—38, „Русскій туристъ въ западной Европѣ въ началѣ XVIII в."). Ред.

каковы письма княжны Аграфены Александровны и княгини Александры Ивановны Куракиныхъ, Аграфены Леонтьевны Апраксиной и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, такъ какъ они или дороги семьѣ князей Куракиныхъ по родовымъ воспоминаніямъ, или важны по заключеннымъ въ нихъ даннымъ біографическаго характера. Отмѣтимъ, что съ настоящаго тома начинается печатаніе писемъ графовъ Паниныхъ, которыя восполнятъ многіе пробѣлы [1]) въ исторіи этихъ честныхъ и талантливыхъ русскихъ людей.

Прошло не болѣе четырнадцати лѣтъ, какъ покойный Н. В. Калачевъ, получивъ въ свои руки небольшую и притомъ наименѣе интересную часть Куракинскихъ бумагъ, задавалъ вопросъ [2]): „Неужели князь Александръ Борисовичъ, бывши вице-канцлеромъ и посломъ, не оставилъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ своихъ занятій по сношеніямъ Россіи съ иностранными государствами?“ Какъ былъ бы радъ создатель Археологическаго Института и вообще архивнаго дѣла въ Россіи, если-бъ онъ дожилъ до настоящей минуты, когда, благодаря энергіи и затратамъ владѣльца села Надеждина князя Ѳ. А. Куракина, его архивъ даетъ возможность прослѣдить жизнь и дипломатическую дѣятельность князя Александра Борисовича годъ за годомъ, день за днемъ, однимъ словомъ, въ такихъ подробностяхъ, что по-истинѣ мало у насъ государственныхъ людей, для которыхъ память потомства была бы болѣе обезпечена. Дѣйствительно, въ Надеждинѣ не только сохраняются въ бережномъ порядкѣ письма къ князю Александру Борисовичу множества лицъ обоего пола, но имѣется не мало собственноручныхъ черновиковъ и даже подлинныхъ писемъ самого князя, такъ какъ послѣдній, по кончинѣ кого-либо изъ своихъ корреспондентовъ, обыкновенно хлопоталъ о возвращеніи своей

[1]) См. профес. Брикнера „Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина“. Т. I, стр. 4 и 9. Ред.

[2]) Рѣчь его въ торжественномъ собраніи Археологическаго Института 9 мая 1882 г.—Сборникъ Археологическаго Института. 2-ая половина V книги. Спб. 1886 г., стр. 13. Ред.

переписки [1]. Такъ, напримѣръ, помѣщенныя въ настоящей книгѣ обширныя и весьма интересныя письма его къ Цесаревичу Павлу Петровичу печатались нами именно съ собственноручныхъ подлинниковъ князя [2].

Упомянувъ объ этой перепискѣ, встрѣчавшей, конечно, благосклонный пріемъ у Великаго Князя и соотвѣтствовавшей его тогдашнему образу мыслей, мы не можемъ не обратить вниманія читателей на несомнѣнное значеніе ея для характеристики Павла Петровича въ первой половинѣ его жизни.

Въ заключеніе выражаемъ нашу искреннюю благодарность почтенному издателю Русскаго Архива П. И. Бартеневу, снабдившему эту книгу многими весьма цѣнными примѣчаніями [3], а также нашимъ сотрудникамъ А. О. Лебедеву, М. А. Горбуновой-Неандеръ, С. П. Колмогоровой и А. К. Мартэну, изъ коихъ одни занимались копировкою помѣщенныхъ здѣсь документовъ, а другіе, кромѣ того, много помогали намъ при корректурѣ.

[1] Князю также были возвращены его письма, за многіе годы, къ графамъ Петру Ивановичу и Никитѣ Ивановичу Панинымъ, къ его воспитателю графу Сальдерну, къ князю Степану Борисовичу Куракину и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Къ своей корреспонденціи князь умѣлъ отнестись совершенно объективно, сберегая и такія письма, которыя, по разнымъ причинамъ, могли бы ему быть непріятны. На него не вліяли въ этомъ смыслѣ и политическія опасенія, изъ-за которыхъ его прадѣдъ князь Борисъ Ивановичъ былъ принужденъ уничтожить всю корреспонденцію съ племянникомъ своимъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Ред.

[2] Какъ извѣстно, по кончинѣ Павла Петровича, Александръ I поручилъ князю Куракину разобрать бумаги его царственнаго друга, при чемъ княземъ были сняты нѣкоторыя копіи съ наиболѣе важныхъ бумагъ (См. Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1867 г. №№ 1 и 2, сообщенія М. И. Семевскаго, и Русскій Архивъ 1865 г., стлб. 23). Точно также, по смерти Екатерины II, князь Александръ Борисовичъ вмѣстѣ съ Ростопчинымъ, по приказанію Павла Петровича, помогалъ Великому Князю Александру Павловичу разбирать бумаги Императрицы (См. интересный разсказъ объ этомъ князя С. М. Голицына.—Русскій Архивъ 1869 г., стлб. 642—643). Ред.

[3] Они помѣчены буквами П. Б.

В. Н. Смольяниновъ,

директоръ Александровскаго Саратовскаго дворянскаго пансіона и правитель дѣлъ Саратовской ученой архивной коммиссіи.

БУМАГИ

КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

1712—1713 гг.

Записки князя Б. И. Куракина о посольствахъ при европейскихъ дворахъ и переписка его съ разными лицами.

938. ДИПЛОМАТИЧЕСКІЕ МЕМУАРЫ КНЯЗЯ Б. И. КУРАКИНА.

[1713 г. Утрехтъ].

Съ начала сей негоціаціи цесарь и Голландія, какъ возможно, продолжали; но когда увидѣли, что не въ силѣ рукъ аглинскихъ тѣ дѣла стали, и сама Франція всему повелительница есть, тогда цесарь и господа голландцы декляровали себя Англіи весьма склонными къ миру на томъ плянѣ, какъ Англія впослѣдніе объявила.

И по сему сходству со стороны аліатовъ видится, что сей миръ, какъ чаяли, каждаго дня могъ заключенъ быть; однакоже видимъ его въ продолженіи и чаемъ, что Франція продолжитъ нѣкоторое время, а особливе до вступленія въ кампанію, къ чему уже виды есть, что намѣрена, вступя, атаковать Монсъ, а когда взятъ будетъ, тогда на Турне обмѣняетъ, который въ рукахъ голландскихъ есть. И потомъ надобно чаянію быть, что миръ учинится.

Паче сего публичнаго разсужденія, заподлинно увѣдомились, что при дворѣ французскомъ интригуются, раздѣлясь, двѣ партіи: одна къ миру, а другая противъ мира. Одна партія—принцевъ крови, которые весьма желаютъ мира, видя короля въ великой слабости, чтобы по немъ имъ остаться въ тишинѣ,—въ такомъ случаѣ свободнѣе могутъ они, принцы крови, въ молодо-

лѣтствѣ дофиновомъ взять правленіе на себя. Другая партія—министерства и другихъ военныхъ правителей, какъ: марки де-Торсій, маршалъ Виллярсъ, маршалъ Талляртъ, аббе Полиньякъ, который нынѣ отъѣхалъ для принятія кардинальской шляпы, и другіе всѣ ихъ партіи, которые имѣютъ правленіе государственное въ рукахъ своихъ, весьма желаютъ продолженія войны, предлагая королю многіе резоны подъ лукавствомъ. Но въ томъ продолженіи помянутая партія склонна къ войнѣ не для государственнаго интереса, но для своего партикулярнаго. Усмотря, что король въ чрезвычайную слабость пришёлъ здоровья своего, разсуждаютъ своему интересу быть того для, чтобъ онаго смерть случилась во время войны,—въ такомъ случаѣ всѣ тѣ правители государственные останутся при своихъ саржахъ и управительми въ малолѣтствѣ дофиновѣ и принцевъ крови къ правленію не допустятъ. А особливе та помянутая министерская партія, при такомъ случаѣ смерти короля ихъ, уже между собою сошлась, чтобы быть шефомъ своего совѣта кардиналу Полиньяку такъ, какъ Ришельё и Мазарини.

Мадамъ Ментенонъ, вѣрная въ совѣтѣхъ королю своему, не смотря уже больше на свои интересы, но ища покоя, есть между тѣми обѣими партіи неутральна и всегда королю предлагаетъ, чтобы миръ учинить; того для вся сія негоціація продолжается, и будемъ смотрѣть, которая партія къ намѣреніемъ своимъ пресилѣетъ.

Вопросы по поводу церемоніала съ принцами, министрами и другими лицами, по пріѣздѣ въ Утрехтъ.

1713 г. января 25. Утрехтъ.

По пріѣздѣ своемъ въ Утрехтъ, всѣхъ ли министровъ обсылать и самыхъ малыхъ,—резидента генуэзскаго, или нѣтъ?

Также и другихъ малыхъ принцевъ,—дука Санктъ-Пьеръ обсылать ли?

Пальмквиста и другого шведскаго обсылать ли?

Въ обсылкѣ дистинкцію дѣлать ли и какими людьми?

Ежели кого дома застанетъ, самому ли принять, и ежели жентиломъ, другому отдавать ли ту коммиссію?

Ежели дома кого не застанутъ, отдавать ли ту коммиссію, и вмѣнится ли за обсылку?

Визиты буду отдавать, прося ли часа, обсылаючись, или нѣтъ?

И ежели дома не застанетъ, вмѣнится ли за визиту?

Равнымъ образомъ и я когда визиту отдамъ, вмѣнится ли за визиту?

По тѣхъ церемоніяхъ надлежитъ, хотя и отдавъ контровизиты, информе свои визиты сдѣлать чивильты.

И ежели имъ визиты контру отдать, кому надлежитъ?

Контровизиты отдавать напредь тому, кто тебѣ прежде отдалъ; сіе усматривается между первыми.

Кресла какъ ставятъ, — у камина ли или нѣтъ?

Къ магистрату здѣшнему обсылаться ли?

У нихъ надобно привилежіе обыкновенное взять въ акцизѣ; имя свое напечатать тѣмъ обоимъ книжникамъ въ выписку министровъ выше шведскаго.

Съ полномочной копію дать или нѣтъ?

Ни венетскій и никто изъ неутральныхъ принцевъ еще по се число полномочныхъ не казали.

1713 г. января 31.

Былъ я у ратпенсіонарія и объявилъ о полученіи его царскаго величества до ихъ высокомочествъ грамоты, которую подалъ статскому президенту г. ванъ-деръ-Лиру, и съ оной списокъ при семъ объявленъ.

Списокъ великаго государя грамоты, какова послана къ Господамъ Статомъ изъ Ренсбурга генваря въ „ “ день 1713 года.

Ваше высокомочіе не могли бы намъ вящшаго опыта своей дружбы и добраго намѣренія оказать, какъ [то], что вы недавно чрезъ своего, при Оттоманской Портѣ пребывающаго, посла свою медіацію къ возставленію мира между нами и помянутою Портою приложить изволили, — и мы, какъ чрезъ резидента вашего, у насъ обрѣтающагося, такожде и чрезъ посла нашего,

засвидѣтельствовать повелѣли объ обязаніи, которое мы вашему высокомочію за то имѣемъ, и что мы не преминемъ при всякомъ случаѣ взаимно всѣ желаемые опыты нашей дружбы оказать. И потому мы чаяли, что сей, чрезъ ея королевина величества великобританской и вашего высокомочія медіацію, междо нами и Портою заключенный миръ конечно постояненъ пребудетъ, а наипаче, понеже мы съ нашей стороны, къ чему мы помянутому миру обязаны были, весьма исполнили; якоже извѣстно есть, что мы Азовъ отдали и Каменный Затонъ и Таганрогъ разорили, хотя мы объ истинномъ намѣреніи Порты, и что она миръ съ нами содержать намѣрена, и причину имѣли сумнѣваться, а именно, покамѣсть нашъ непріятель, король шведскій, въ турецкихъ областяхъ и подъ турецкою протекціею обрѣтается. Мы такожде и артикулъ о Польшѣ исполнили и всѣ наши войска изъ онаго королевства до одного человѣка вывели. Однакоже, не смотря на все то, принуждены мы нынѣ слышать, что Порта паки съ нами миръ нарушила и нашихъ въ Царьградѣ обрѣтающихся пословъ, противъ всѣхъ народныхъ правъ, заарестовали подъ фальшивымъ и неосновательнымъ предлогомъ, будто наши войска еще въ Польшѣ обрѣтаются. Сіе доносилъ изъ Польши возвратившійся солохоръ.

И то весьма неправедно, понеже довольно явно есть, что ни единый человѣкъ изъ нашихъ въ Польшѣ больше не обрѣтается; но паче сіе подлинно есть, что помянутый солохоръ отъ нашего непріятеля и отъ его адгерентовъ, при его возвратѣ, который онъ нарочно для того чрезъ Бендеръ учинилъ, къ такому фальшивому доношенію подкупленъ. Сего нашего непріятеля почитай нечеловѣческое мщеніе такъ есть велико, что онъ не токмо никакого резона не слушаетъ, но паче ничего иного не ищетъ, токмо чтобы все христіанство отъ турковъ и татаръ нападено и въ крайнее разореніе приведено было. Мы то предаемъ въ разсужденіе: не имѣетъ ли каждая христіанская держава то за противно принять и смотрѣть, ка́къ бы благовременно такое великое и всего христіанства руины касающееся намѣреніе предупредить.

А вашему высокомочію изобрѣли мы за благо о семъ новомъ мирномъ нарушеніи объявить и васъ дружебно просить, чтобы вы, понеже чрезъ приложеніе свое и медіацію мирное заключеніе съ турками наипаче произыскали, и о содержаніи того нынѣ старалися, а для того къ своему, въ Константинополѣ обрѣтающемуся, послу крѣпкіе указы дать изволили, чтобъ онъ Порту отъ сего намѣренія всякимъ образомъ отвратить искалъ. Ваше высокомочіе окажетъ чрезъ то дѣло, съ вашимъ праводушіемъ сходное, и освободитъ все христіанство отъ угрожаемаго ему страха. И якоже чрезъ сіе ваша уже въ свѣтѣ пріобрѣтенная слава вящше умножится, тако и мы не преминемъ вашему высокомочію всякое обязательство за то имѣть и всегда пребывать вашего высокомочія добрый пріятель.

1713 г. февраля 5.

Агентъ Фанденбургъ учинилъ рапортъ сего числа, по прибытіи своемъ, въ Гагѣ, что онъ заподлинно увѣдомился о данной коммиссіи купцамъ амстердамскимъ г. Пельцу и г. Франсу отъ министровъ шведскихъ для покупки фуража и провіанта, и аммуниціи въ пристаняхъ, въ Амстердамѣ, и въ провинціи Фризіи городѣ Гарлингенѣ, откуль все то помянутое закупное на шмакахъ вскорѣ будутъ отправлять до Голштеніи въ пристань Тонингъ, для субсистенціи арміи шведской, которая нынѣ подъ командою генерала Штейнбока отъ войскъ его царскаго величества и его аліатовъ блокирована.

И на-завтрее того дня, февраля 6-го, былъ я въ конференціи съ ратпенсіонаріемъ и предлагалъ, чтобы воспрещено было тѣ вышепомянутыя провизіи отпускать въ непріятельскую армію, информе протестовалъ, который взялъ на доношеніе статскому собранію.

1713 г. февраля 8.

Получено вѣдѣніе отъ двора. „Изъ прежнихъ и изъ вложеннаго при семъ извѣстно вамъ, что непріятель имѣлъ гварнизонъ въ Фридрихштатѣ, къ которому иного пути нѣтъ, токмо одна плотина на великую милю. Непріятель, чтобы насъ не

пропустить къ Фридрихштату, сдѣлалъ на той плотинѣ четыре крѣпости и наполнилъ людьми и пушками.

Вчерашняго числа царское величество своею персоною съ пятью баталіоны своей гвардіи и нѣсколько драгунъ атаковалъ помянутыя непріятельскія крѣпости и, выбивъ изъ нихъ непріятелей, принудилъ ихъ уступить къ главному ихъ войску; гварнизонъ, который былъ въ Фридрихштатѣ, ушелъ тою же дорогою. Царское величество съ своими войски въ Фридрихштатъ вошелъ и сея ночи въ немъ ночевалъ.

Во вчерашней акціи съ нашей стороны убиты драгунскій поручикъ и одинъ гренадиръ, раненъ одинъ гренадиръ. Съ непріятельской стороны о побитыхъ и раненыхъ не вѣдаемъ; а въ полонъ взято непріятельскихъ: 1 капитанъ, 1 прапорщикъ, 1 адъютантъ, рейтаръ и солдатъ около трехсотъ человѣкъ.

Штейнбокъ съ главнымъ войскомъ стоитъ въ мѣстечкѣ съ 2 мили отсюда. Правда, проходъ къ нему зѣло труденъ: иного пути нѣтъ, только одна плотина, и за великою грязью трудно везть артиллерію; также слышно, что войска непріятельскія стоятъ въ великихъ крѣпостяхъ, но всѣ тѣ трудности не помѣшаютъ намъ къ нему итить, ежели онъ насъ дождется.

Дорога толь трудна, что артиллерія и багажи войсковые другія сутки идутъ одну милю; не чаемъ еще, чтобы сегодня пришли".

1713 г. февраля 9.

Полученъ вексель съ Москвы на 5000 червонныхъ чрезъ письмо Александра Гавриловича Головкина.

„Доношеніе, каково учинено въ бытность въ Помераніи, его царскому величеству".

„Резолюція, какова учинена на послѣдующіе пункты подписаніемъ собственныя его царскаго величества руки".

1713 г. февраля 16.

Кораблей еще покупать ли?

Покупать, противъ указа, однакоже до тѣхъ мѣстъ, чтобъ оные конечно въ октябрѣ, или кончая въ ноябрѣ, были въ Копенгагенѣ.

Исправлено, и вновь два корабля куплены.

Когда векселi изъ Риги умедлятся, тогда для расплаты, также и отправленiя, ежели такого числа денегъ не сыщется на кредитъ, указъ дать Осипу Соловьеву, чтобы при такомъ случаѣ денегъ далъ; а по полученiи векселей, ему заплачу.

Указъ не токмо къ Соловьеву, но и тѣ вексели, что̀ отъ Сената переведены будутъ, также и пошлинныя вручатся.

По указу Соловьевъ не далъ; а векселi получены.

Ѳедоръ Салтыковъ проситъ о своемъ жалованьи; срокъ прошёлъ.

Когда довольныя деньги будутъ, дать.

Жалованье ему, 1000 ефимковъ, выдано.

Пашпортъ на купленный нынѣ корабль надлежитъ послать или отъ датскаго двора требовать?

Дать.

Въ запасъ здѣсь есть.

Стельсъ въ письмѣ проситъ, когда отправитъ нынѣ корабль, по присланнымъ его счетамъ заплатить,—платить ли?

Ежели что̀ достойно, и то заплатить на Москвѣ.

Роспись послана къ Сенату, а другая къ царскому величеству, что̀ должно заплатить Стельсу за корабль.

Христофоръ Брантъ проситъ милости о шпагѣ и позволительнаго письма на то, чтобы могъ всегда носить.

Позволяется.

Бранту оный листъ позволительный отданъ.

„Описанiе бѣдственнаго припадка, приключившагося въ Бендерѣ“.

(Переводъ съ новинъ послѣднихъ, каковы объявилися при цесарскомъ дворѣ, въ Вѣнѣ, сего февраля въ 21-ый день с. ст. 1713 г.).

Генваря въ 30-ый день с. ст. прибылъ въ Бендеръ Юсуфъ-ага, капиджи-баши, салтанскiй верховный придверный, съ украйны, [съ] его атши-шерифъ называемымъ, къ хану крымскому въ отвѣтъ на отписки четырехъ знатныхъ вельможъ, т.-е. хана крымскаго, паши бендерскаго, верховнаго конюшаго и Мерикора-аги, чауша-паши, къ нему, салтану, прежде отправленныя.

Того же дня ханъ крымскій вышелъ изъ Бендера и сталъ обозомъ въ слободѣ Липковъ, насупротивъ квартиры короля свейскаго въ деревнѣ Варничи, и поставилъ въ два ряда пушки противу той квартиры, велѣлъ порохъ и пульки ратемъ своимъ раздать, и чтобы всѣ къ-завтрее рано готовы и вооружены были. Потомъ ханъ крымскій послалъ къ четыремъ знатнымъ польскимъ господамъ, которые недавно къ нему, хану, отъ короля свейскаго пріѣзжали, но потомъ къ нему, королю, поворотилися, и велѣлъ ихъ спросить: хотятъ ли изъ двора короля свейскаго выйтить или вмѣстѣ съ нимъ погибнуть.

На то они отвѣчали: „Мы недавно, опасаяся въ руки короля Августа впасть, выѣзжали и нынѣ, ежели ханъ и прочіе при немъ пребывающіе вельможи письменно насъ о нашемъ безопасеніи обнадежатъ, мы выѣдемъ". И на то ханъ согласился, и далъ имъ письмо своей руки объ ихъ свободѣ и о безопасеніи.

На-завтрее, т.-е. генваря въ 31-ый день, въ 9 часовъ до полудня, всѣ турецкія и татарскія рати, изъ крѣпости Бендерской вышедчи, пошли къ квартирѣ короля свейскаго обще съ ханомъ крымскимъ, съ пашою, или сераскиромъ бендерскимъ, съ верховнымъ салтанскимъ конюшимъ, съ чаушемъ-пашою Мустафою и съ судьею законнымъ, т.-е. съ кадіемъ бендерскимъ, и съ прочими начальными людьми, и, заперши ворота бендерскія, привели съ собою еще двѣнадцать пушекъ. Пришедши подъ Варничи, расположили войско янычаръ съ одной стороны королевскаго двора, татаръ же и гебезіевъ—съ другой стороны, а въ рединѣ пушки поставили.

Того же времени вышепомянутые господа польскіе о провожатыхъ просили у хана и сераскира и изъ двора короля свейскаго выѣхали. Но король свейскій отъ себя выслалъ спальника Грота къ хану, сераскиру и прочимъ вельможамъ спрашивать, что они нѣчто удивительное дѣлаютъ.

На то отвѣчалъ сераскиръ: „Удивительное сіе дѣло происходитъ отъ самихъ васъ. Уже четыре года какъ императора нашего лжами обманываете и въ отечество ваше поворотиться

не хотите,—для того императоръ нашъ ни часа больше васъ въ своемъ государствѣ снесть не хочетъ. Если же дружбы императора нашего желаете, пойди, спальникъ, и скажи своему королю, чтобъ онъ, сего момента изъ своей квартиры вышедчи, съ нами въ Бендеръ поѣхалъ".

На то спальникъ Гротъ отвѣтовалъ: „какъ тому возможно быть, чтобы мой король изъ своей квартиры вышелъ, не приготовя себя къ тому".

На то опять сераскиръ сказалъ, чтобы „вышелъ сего момента и ѣхалъ съ нами въ Бендеръ; можетъ тамъ, въ которомъ дворѣ ему угодно ни будетъ, хотя въ моемъ властномъ,—который императорскимъ дворцомъ есть,—жить, пока къ пути не приготовится".

Съ тѣмъ отвѣтомъ поворотился спальникъ Гротъ къ своему королю. И послѣ четверти часа опять пришелъ съ отвѣтомъ просительнымъ, чтобъ ему, королевскому величеству, остаться на своемъ дворѣ, пока приготовится, ибо ему сего момента выйтить и въ Бендеръ ѣхать нельзя. И сказалъ „аманъ" (которое слово, по обыкновенію турецкому, словомъ подданства есть), чтобы того короля оставили. Къ тому-жъ онъ, спальникъ, сказалъ: „написано есть въ вашемъ законѣ, что если кто аманъ скажетъ, да свободенъ будетъ". Къ тому-жъ онъ, спальникъ, объявилъ, что ни салтанъ, ни королевскій посланникъ при Портѣ ничего къ королю о томъ не писали, что его изъ государства выслать велѣно.

Ханъ, сераскиръ и прочіе, сіе услышавъ, тотчасъ поѣхали и велѣли войску знать дать и изъ пушекъ двожды противу шведовъ выстрѣлить. Но янычары, хотя имъ ихъ, янычарскій, ага, сераскиръ бендерскій и прочая старшина въ бой вступать велѣли, не хотѣли того исполнить. И хотя кади, т.-е. законный судья, имъ прочелъ атши-шерифъ, т.-е. салтанскій указъ, и на тотъ внять не хотѣли, и сказали: „сей не есть салтанскій атши-шерифъ".

Начальники, усмотря ослушаніе ихъ, янычарское, къ наступленію на короля свейскаго, велѣли имъ изъ войска выйтить и

въ Бендеръ возвратиться, и пушки всѣ опять въ городъ отвезти приказали. И достальныя рати около второго часа пополудни всѣ въ Бендеръ же поворотилися.

Въ воскресенье, т.-е. февраля въ 1-ый день с. ст., всѣ начальники янычарскіе пошли къ королю свейскому, обѣщая ему подъ присягою, что, если его величество хочетъ особу свою имъ ввѣрить, они, не выдая его ни хану, ни сераскиру, въ цѣлости и въ безопасеніи къ властному ихъ императору проводятъ.

Но шведы на то имъ отвѣчали: „биль дери понъ денъ калма“, т.-е. „дѣлайте, какъ знаете,—мы не хотимъ“.

Янычары, тѣмъ озлоблены будучи и согласясь, напали на шведовъ, многихъ порубили и съ 300 человѣкъ мужескаго и женскаго пола въ полонъ взяли, а самъ король съ нѣкоторыми знатнѣйшими офицерами заперся въ своемъ дворѣ. Хотя по тому двору стрѣляли и бомбы на него съ двухъ сторонъ бросали, но не могли онаго до вечера добыть, и для того янычары и татары близъ того мѣста ночевали.

Многіе турки и татары при томъ случаѣ побиты, не только рядовые, но и начальные. А все, что́ внѣ двора королевскаго къ нему надлежащаго ни нашлося, турки и татары разнесли и разграбили. Наконецъ, когда огонь во дворѣ королевскомъ загорѣлся (при которомъ случаѣ ханъ и сераскиръ были), въ часъ ночи король свейскій отъ великаго жара и отъ чада принужденъ былъ выйтить съ 15-ю офицерами, которые токмо въ живыхъ при немъ осталися, и взялъ его въ полонъ одинъ татаринъ Липка; но янычары его отбили и къ сераскиру повели. Сераскиръ, его обнявъ и увеселя, на лошадь посадить и на свой дворъ отвезти велѣлъ; и держали его по обѣимъ сторонамъ на лошади. Онъ, король, по рукѣ и по носу легко раненъ.

Сераскиръ тѣмъ янычарамъ, которые короля въ полонъ взяли, 1000 ефимковъ въ награду далъ.

Пока король взятъ, около 200 человѣкъ турковъ побиты и между тѣхъ многіе янычарскіе офицеры, 4 аги и мурзы. Тѝ

подлинно есть, что ежели бы дворъ не загорѣлся, и по се время король свейскій не былъ бы взятъ.

Турки хотятъ его, короля свейскаго, въ Солунь отвезти. Однакоже, когда Мустафу-пашу спросили: къ кому его, короля, куда, и въ Адріанополь ли къ салтану отвезти велѣно,— онъ отвѣчалъ: „развѣ если на дорогѣ указъ получу, то его въ Адріанополь повезу; а инако прямо въ Солунь съ нимъ поѣду“. И намѣреніе было сего февраля въ 4-ый день с. ст. подняться.

1713 г. марта 7. Гага.

Посолъ аглинскій милордъ Страффордъ предлагалъ мнѣ, чтобъ его царское величество войска свои вывелъ вонъ изъ имперіи; также равнымъ образомъ и шведы выведутъ свои войска въ Швецію.

Я не имѣлъ полной мочи въ сіе дѣло вступать, того для онъ просилъ меня доносить двору и требовать указа на то.

1713 г. марта 7. Гага.

Министръ ганноверскій баронъ Ботмаръ, бывъ у меня, сообщалъ, что конте Цинцендорфу и ратпенсіонарію желаніемъ курфюрстовымъ предлагалъ, чтобъ имъ просить у царскаго величества въ службу ихъ его войскъ. И на то оба сказали, что впредь будутъ усматривать времени.

Нынѣшняго 1713 г., по смерти короля прусскаго, министръ его, резидующій въ Гагѣ, баронъ Гимменъ не обсылалъ министровъ чужестранныхъ и другихъ съ объявленіемъ о смерти короля его нѣкоторые дни для уборовъ своихъ,—чтобы могъ въ печальный приборъ по чину убраться, и то продолжилось съ двѣ недѣли. Потомъ объявлялъ всѣмъ чрезъ посланнаго своего секретаря, который былъ въ печальной обыкновенной каретѣ и въ епанчѣ, и шляпа съ флёромъ. И тотъ присланный, по обыкновенномъ объявленіи, назначилъ три дня, въ которые онъ будетъ примать визиты кондоленціи, и въ тѣ дни тѣ визиты начинались отъ 10-го часа и продолжались до одного пополудни.

Въ пріемѣ церемоніалъ былъ такой, также и домъ убранъ. Всякій пріѣзжій не одерживается, но тотчасъ отъ доместиковъ того дома двери перваго входа въ домъ отворяются, которыя всегда затворены бываютъ, и, вошедъ въ залу, при дверяхъ антикаморы два жентилома въ печальномъ платьѣ и въ епанчахъ встрѣчаютъ, и провожаютъ до каморы аудіенціи. Въ той каморѣ были министры прусскіе, посланникъ чрезвычайный баронъ Гимменъ, да резидентъ, оба убраны въ печальномъ платьѣ съ епанчами и съ флёрами, и встрѣчали сами у дверей, и, встрѣтя, пошедъ къ своимъ мѣстамъ, сѣли въ креслахъ обыкновенныхъ. И по отправленіи взаимныхъ сболѣзновательныхъ рѣчей, не продолжаются въ долгихъ разговорѣхъ [касательно] постороннихъ какихъ дѣлъ, — встаютъ, отъѣзжаютъ. Но господа дома провожаютъ только до дверей въ той каморѣ, а жентиломы провожаютъ ажъ до самыхъ дверей послѣднихъ дома.

Домъ, первая зала и антикамора, и пріемная убраны чернымъ сукномъ грубымъ, и окна всѣ завѣшаны, съ малымъ укрытіемъ свѣта и въ каморѣ аудіенціи,—и гораздо было темно. Доместики всѣ убраны въ черномъ толстаго сукна и стояли въ залѣ у первыхъ дверей дома, какъ обыкновенно есть въ пріемѣ визитъ публичныхъ; двери дома всегда затворены были.

Есть же обычай, какъ я усмотрѣлъ, что г. баронъ Гимменъ отвѣтствовалъ на мои слова и говорилъ все тихимъ голосомъ. Сіе притворно дѣлается для печальнаго вида. По тѣхъ дняхъ онъ отдавалъ контровизиту всѣмъ безъ епанчи, токмо въ печальномъ платьѣ.

„Рефлексіи для съѣзда утрехтскаго на дѣла наши, которыя бы могли тутъ начаты быть, и какую престорожность въ тѣхъ имѣть“.

1713 г. марта 10.

Министры шведскіе стараются и стараться будутъ, чтобы трактатъ вестфальскій былъ подтверженъ, и провинціи, принадлежащія къ коронѣ шведской въ имперіи, были всегда содержаны.

Больше того,—внесутъ, чтобъ оныя были гварантированы не токмо между имперіею, но и отъ постороннихъ потенцій: кто бы ни хотѣлъ атаковать, всему имперію противу того быть.

Дукатство бременское датскаго принудить возвратить, и для того возвращенія концертъ учинить согласна вся имперія между собою.

О выходѣ войскъ царскаго величества изъ имперіи заключатъ въ одинъ нѣкоторый терминъ.

Чтобы при семъ партикулярнаго сходства не учинили Голландія, мюнстерскій, прусскій и не позволили бы прохода свободнаго войскамъ французскимъ чрезъ имперію противу датскаго короля, какъ уже тому примѣръ былъ послѣ мира нимвежскаго: тогда король датскій былъ въ аліансѣ противу Франціи съ имперіею и съ голландцы, также и для своего собственнаго интереса былъ въ аліансѣ съ курфюрстомъ брандебургскимъ противу шведа, и завоевали всё,—а потомъ, когда миръ нимвежскій былъ учиненъ, были всѣ оставлены; и принужденъ былъ прежде датскій (чрезъ сикурсъ шведу отъ Франціи, что уже 20 тысячъ войскъ французскихъ въ графство ольденбургское пришли) примириться, и потомъ брандебургскій —послѣдствовать. И такимъ образомъ та война окончалася, и провинціи въ имперіи за шведомъ устояли.

„Каково объявленіе письменное учинилъ въ Утрехтѣ при конгрессѣ министръ шведскій“.

1713 г. апрѣля 1. Утрехтъ.

Но понеже покоя и тишины въ имперіи чрезъ сей миръ уповать невозможно, ежели при томъ учиненныя въ Нижней Германіи безпокойства примирены не будутъ, и мирныя договаривающіяся стороны, съ общаго согласія и совокупленною помощью, какъ междо собою, такъ и съ прочими вестфальскаго мира союзники, свои средства наикрѣпчайше приложатъ, дабы, по угашеніи, какъ наискорѣе возможно, военнаго огня во всемъ

имперіи, все, по силѣ помянутаго мира, въ прежнее состояніе возставлено было,—того ради принцы, въ сѣверѣ воюющіе, вскорѣ, по подписаніи сего трактата, имѣютъ напоминаемы быть, дабы безпокойство общаго мира въ цесарствѣ далѣе не продолжали, но дабы оные, которые никакихъ земель въ Германіи не имѣютъ, свои войска оттуда вывели, а прочіе, по вышепомянутомъ возставленіи, покойно тамо да пребудутъ. Но ежели сіи средства во время „ “ мѣсяцевъ къ пожеланному концу приведены не будутъ, тогда его цесарское величество и курфюрсты, принцы и члены имперскіе, о войнѣ сѣверной неизвѣстные, купно съ освященнымъ королевскимъ величествомъ христіаннѣйшимъ, употребятъ способы дѣйствительные и совокупленными силами до того времени будутъ дѣйствовать, пока во всей Германіи миръ противъ вышепомянутой силы будетъ возставленъ и учрежденъ.

„Генеральный плянъ, о которомъ соглашенось междо сѣверными союзными“.

1713 г. апрѣля 10. Гага.

При соединенныя сѣверныя державы обнадежены, что много въ томъ состоитъ, чтобы междо ими доброе согласіе и совершенная любовь были, и, разсуждая, что лучшаго способа нѣтъ того достичь, яко междо собою сдѣлать плянъ, по которому онымъ поступать какъ междо собою, такъ и съ другими державами, согласились такой плянъ учинить и для того постановили показать всякую умѣренность въ войнѣ, дабы тѣмъ короля шведскаго обличить. И понеже ихъ величества довольно вѣдаютъ, что лучше другія державы увѣрить неможно, что оныя истинно склонность къ пристойному и постоянному миру имѣютъ, какъ чтобы генеральныя кондиціи объявить, на которыхъ миръ чинить хотятъ,—того ради они согласились о генеральномъ плянѣ къ миру, который иностраннымъ державамъ объявить хотятъ по послѣдующему проекту.

„Проектъ къ миру въ сѣверѣ".

1. Чтобы король польскій покойнымъ владѣтелемъ своей короны былъ и остался на престолѣ своемъ безъ всякаго прекословія; чтобы Ригу и Лифляндію отдать королевскому величеству польскому и речи посполитой.

2. Чтобъ его царское величество, сверхъ того, что́ прежде сего россійской коронѣ принадлежало, имѣлъ Эстляндію и все то, что́ онъ въ нынѣшней войнѣ взялъ (кромѣ того, что́ выше объявлено по силѣ трактата, учиненнаго съ королемъ польскимъ), подъ сею кондиціею, чтобъ агличане и голландцы свободное отправленіе въ купечествѣ имѣли.

3. Что король датскій на обмѣнъ дастъ Бременъ и Ферденъ противъ княжества шлезвигъ-голштинскаго.

4. Чтобы Померанія въ волю имперскую отдана была, который оную провинцію расположить можетъ, какъ оный то за благо изобрѣтетъ. Ежели по такому пляну иныя державы къ тому привести можно, чтобъ оныя въ наши дѣла мѣшались и искали пристойный миръ въ сѣверѣ исходатайствовать, то можно, когда негоціаціи прежде будутъ начаты, кондиціи того мира пространно изобразить, которыя больше или меньше полезны будутъ по состоянію, какъ союзничьи дѣла счастливо или несчастливо пойдутъ.

2. Ихъ величества такожде согласились всѣмъ своимъ министромъ, которые при иностранныхъ дворѣхъ обрѣтаются, указы дать междо собою согласно поступать во всемъ томъ, что́ къ союзу касаться будетъ, и согласнымъ быть въ своихъ реляціяхъ, которыя они къ своимъ дворамъ о тѣхъ дѣлѣхъ чинить будутъ. И якоже такія дѣла приключиться могутъ, о которыхъ всѣ министры не одного мнѣнія суть, какъ то́ часто приключается и междо министрами одного государя, — то оные, которые другого мнѣнія суть, о томъ справное доношеніе къ своимъ дворамъ учинить имѣютъ, и о причинахъ, для чего оные въ своемъ мнѣніи отъ другихъ розны, дабы союзные державы междо собою согласиться и къ своимъ министрамъ указъ послать могли.

Ни къ польскому, ни ко мнѣ, ни къ датскому указовъ не дано.

А что надлежитъ до партикулярныхъ дѣлъ всякаго государя, то министрамъ указы даны будутъ другъ другу вспомогать такимъ образомъ, чтобы каждый министръ отъ сихъ державъ казался быть отъ всѣхъ трехъ.

3. Понеже увѣдомились, что нѣкоторыя державы подозрѣніе имѣютъ о великой силѣ его царскаго величества и мнятъ, будто онъ гораздо великія намѣренія имѣетъ, а именно: 1) будто его величество хощетъ титло цесарское, 2) что онъ себя на Балтійскомъ морѣ устрашительна и сильна учинить хощетъ, 3) что онъ намѣреніе имѣетъ себѣ Польшу иногда подвергнуть,— того ради ихъ величества согласились своимъ министрамъ указы дать, дабы оное подозрѣніе у тѣхъ державъ отнять искали.

Сіе противно чести, и лучше такъ оставить, нежели то объявлять.

Чтó до перваго артикула надлежитъ, то оные при случаѣ объявятъ, что его величество никогда онымъ титломъ не писался, и ни въ какомъ письмѣ его канцеляріи не написано. Что до седьмого пункта надлежитъ, то проектъ къ миру, въ которомъ о Ригѣ и Лифляндіи упомянуто, оное подозрѣніе отнять можетъ. И министры короля польскаго и царскіе объявятъ, что ихъ государи весьма склонны съ Англіею и Голландіею о купечествѣ согласиться, и что его царское величество позволяетъ, чтобы Лифляндія королю польскому присягла, или чтобы польскія войска туда посланы были, однакоже подъ сею кондиціею, чтобъ его царское величество свои гварнизоны тамъ имѣлъ, и оная провинція его царскому величеству послушна была, какъ до сего времени, до заключенія мира, какъ того воинскій резонъ требуетъ. Что до третьяго артикула, который и туркамъ подозрѣніе подаётъ, и весьма мнятъ, будто король польскій съ его царскимъ величествомъ согласился Польшу себѣ подвергнуть, къ которому подозрѣнію войска, бывшія обоихъ государей въ Польшѣ, поводъ дали,—то министры ихъ величествъ представятъ, что его царское величество войско свое не для какой иной причины въ Польшѣ имѣлъ, токмо чтобы непріятеля своего изъ оной выгнать, и что король польскій тамъ ника-

Въ сіе, прежде нежели дѣла турецкія въ тишину установятся, не надлежало бы письменно обязываться.

кого войска не имѣлъ, какъ по прошенію самой речи посполитой, и что нынѣ, когда непріятеля больше въ Польшѣ нѣтъ, ни его королевское величество, ни его царское величество никакихъ войскъ болѣе тамо не имѣютъ, которыя подозрѣніе дать могли бы. Сей артикулъ съ прилежаніемъ вѣнскому двору внушенъ быть имѣетъ, дабы оный трудился у турковъ подозрѣніе отнять, которое они противъ его царскаго величества имѣютъ.

4. Понеже интересъ союзовъ въ томъ есть, чтобы другія державы къ своимъ интересамъ склонить, того ради ихъ величества согласились такія мѣры воспріять, чтобы цесаря и имперіумъ склонить, къ чему много служить будетъ миръ, который нынѣ учинится, а цесарю и имперію весьма неполезенъ будетъ.

Якоже и достовѣрно есть, что вѣнскій дворъ усмотритъ, что сей миръ постояненъ быть не можетъ, того ради министрамъ ихъ величествъ сими конжюктурами [надлежитъ] пользоваться и вѣнскому двору показатъ интересъ, который оный имѣетъ въ крѣпкомъ соединеніи съ сѣверными союзными. И для того министры оному двору представятъ злыя слѣдованія, которыя оный ожидать имѣетъ отъ сего мира, отъ великихъ силъ Франціи, и обязательство, которое сія корона съ Швеціею имѣетъ, и что цесаря интересъ равнымъ образомъ въ томъ состоитъ, какъ нашихъ государей, чтобы Швецію умалить. Министры ихъ величествъ такожде будутъ искать вѣнскій дворъ къ тому привести, чтобъ оный исполнилъ свое обязательство, въ святомъ союзѣ противъ турокъ изображенное, и оному двору предъявить, что ежели одна изъ сихъ державъ сѣверныхъ союзниковъ побѣдитъ, то можетъ цесарь себѣ того-жъ ожидать. По симъ внушеніямъ министры вѣнскому двору объявятъ, что сѣверные союзники склонны съ цесаремъ обязаться и о пристойныхъ мѣрахъ для настоящаго и предбудущаго согласиться.

Чтó до другихъ имперскихъ князей надлежитъ, то токмо потребно есть прусскій и ганноверскій дворъ склонить. Чтó до прусскаго надлежитъ, понеже оный всегда отъ какого иного зависитъ, и что неможно надѣяться прямо что съ нимъ учинить,— того ради ихъ величества согласились, что надлежитъ оную пар-

тію употребить, которую король прусскій возьметъ, дабы оный дворъ въ интересы союза привести. Что до ганноверскаго двора надлежитъ, понеже оный токмо вѣнскому двору во всемъ слѣдуетъ, — того ради ихъ величества постановили ганноверскій дворъ употребить, чтобы вѣнскій дворъ къ нимъ склонить; ибо подлинно есть, что временемъ лучше какую негоціацію произвести можно, ежели оная чрезъ третьяго чинится, нежели чтобы самому прямо негоцировать. И понеже дворъ ганноверскій нѣкоторое намѣреніе имѣетъ на Бременъ, то можно тѣмъ пользоваться, чтобъ оный дворъ въ интересы союза привесть, и министромъ польскимъ и царскимъ указы даны будутъ министрамъ датскимъ въ сей негоціаціи вспомогать. Еще, сверхъ того, министромъ указы даны будутъ ганноверскому двору представить, что, соединясь съ сѣверными союзниками, всегда сильный подпоръ имѣть будетъ, чтобъ его, въ случаѣ нужды, содержать въ претензіи короны аглинской.

5. И понеже голландцы равнымъ же образомъ, какъ цесарь, настоящею войною довольны быть не могутъ,—того ради ихъ величества своимъ министромъ указать хотятъ, чтобы голландцомъ почитай таковыя же представленія учинить, какъ вѣнскому двору учинены.

6. И хотя не чаемъ, чтобъ Англію весьма можно склонить или весьма отъ Швеціи отвлещи, однакоже соглашенось оную, по послѣдней мѣрѣ, къ неутральству привести, что́ король польскій и его царское величество учинить могутъ, а именно—король польскій чрезъ интересъ Англіи въ кронпринцѣ пріемлетъ, и его царское величество чрезъ торговлю въ Россіи. И якоже не сумнѣваемся, — внушеніе пляна къ умѣренному миру и присяга, которую король польскій отъ Лифляндіи возьметъ, утишатъ агличанъ, то согласились, чтобъ еще, сверхъ того, министры отъ всѣхъ трехъ соединенныхъ державъ крѣпкія представленія чинили объ авантажѣ, который Англія отъ русской торговли имѣть можетъ. Сверхъ того всего, оные еще подъ рукою и въ негоціаціи своимъ друзьямъ, которыхъ себѣ въ Англіи учинили, внушатъ опасность, въ которой аглинское купечество въ Россіи обрѣтается,

ежели съ сѣверными союзниками склоннѣе не поступятъ, но продолжать будутъ такое великое похлѣбство въ пользу Швеціи показывать; оные такожде внушатъ, что иныя державы тѣмъ пользоваться могутъ, чтобы свое купечество въ лучшее постояніе привести. Да полезно бы было, чтобы такія внушенія учинены были такимъ особамъ, которыя въ купечествѣ интересованы. Но министры ихъ величествъ сіе внушатъ будто собою, а не такъ, чтобъ указъ къ тому имѣли, наговоря будто другъ къ другу и разсуждая о томъ, чтó случиться можетъ.

7. Якоже все сіе служитъ, чтобъ Англію въ интересъ союза привести, то, однакоже, не надобно виговъ озлобить, ибо обѣ партіи равный же интересъ въ купечествѣ имѣютъ.

8. Такожде согласились, что надлежитъ Францію ласкать, дабы препятствовать, чтобъ оная, по послѣдней мѣрѣ, противъ союза не дѣйствовала, ежели въ пользу онаго ничего чинить не похощетъ. И никто сіе ласканіе намъ за зло принять не можетъ, ибо весь свѣтъ въ прикладъ намъ служитъ, какое разсужденіе о Франціи имѣетъ.

9. Что до воинскихъ дѣйствъ принадлежитъ, въ томъ ихъ величества особливо проектъ учинятъ.

10. Ихъ величества согласились, что вышеписанное фундаментомъ будетъ всѣхъ ихъ негоціацій при всѣхъ дворѣхъ, и что въ семъ плянѣ не отмѣнятъ, развѣ такія конъюктуры приключатся, которыхъ предусмотрѣть неможно, въ которомъ случаѣ другъ другу да пріобщитъ всё, чтó приключится, дабы междо собою иныя мѣры воспріять по тому, какъ то за потребно изобрѣтено будетъ.

1713 г. апрѣля 27.

Того числа, пополудни въ часъ, отъ статскаго собранія были позваны министръ его царскаго величества князь Куракинъ, также и министръ польскій баронъ Герсдорфъ съ депутаты статскими чужестранныхъ дѣлъ, а именно: провинціи гельдресской баронъ де-Бракъ-Гюйсенъ, провинціи голландской г. фонъ-Альфенъ и ратпенсіонарій, провинціи зеляндской г. де-Ко-

нинкъ, провинціи утрехтской г. Блуа, провинціи фрисляндской г. де-Бурманнія, провинціи д'Овериссель г. де-Слотъ, провинціи Гронингенъ г. Тарминга, г. грефій Фагель, при которой присутствовалъ министръ аглинскій милордъ Страффордъ. И въ камерѣ де-треве, чрезъ помянутаго министра аглинскаго милорда Страффорда и депутатовъ статскихъ, министромъ князю Куракину и барону Герсдорфу было предложено послѣдующимъ образомъ.

Говорилъ милордъ Страффордъ. Ея королевино величество, купно съ ихъ высокомочествы Статы Генеральными, разсудили быть сходно при нынѣшнихъ случаяхъ сѣвернымъ воюющимъ предложить,—понеже ея величество и Господа Статы, желая возставить тишину въ Голштеніи, къ чему и обязаны есть, по трактатомъ и гвtriантіи извѣстной, сторонѣ своей о томъ имѣть, нынѣ съ удовольствомъ увѣдомились, что аліаты сѣверные съ генераломъ Штенбокомъ въ негоціацію вступили, которая и донынѣ продолжается. Для помянутой потенціи потенціи мирныя [морскія?] желаютъ, дабы оная негоціація, какъ наискорѣе, къ окончанію своему приведена могла быть, и въ чемъ несходство есть, чтобы тѣ трудности съ обѣихъ сторонъ умалить и скорѣе къ пожелаемому концу привести. Притомъ просятъ помянутыя министровъ сѣверныхъ союзниковъ дворамъ своимъ доношеніе учинить, а особливе за отдальностью своихъ дворовъ нынѣ каждому писать къ своему командирующему генералу надъ арміями, въ Голштеніи обрѣтающимися, а именно къ фельдмаршалу князю Меншикову и къ графу Флеммингу, дабы оные, обще съ министры и генералы королевскаго величества датскаго, ту помянутую негоціацію къ скорому окончанію привести трудилися. Помянутый милордъ Страффордъ и депутаты просили о семъ предложеніи сообщить королевскаго величества датскаго секретарію посольства г. фонъ-Штеккену, понеже иного здѣсь министра со стороны датской не обрѣталося.

Отвѣтъ министровъ сѣверныхъ аліатовъ. О семъ предложеніи князь Куракинъ обѣщалъ двору своему доношеніе учинить, также и къ фельдмаршалу князю Меншикову писать; министръ

польскій обѣщалъ то-жъ учинить и притомъ говорилъ: онъ, баронъ Герсдорфъ, увѣдомленъ, что оная негоціація не окончалася за несходствомъ Штенбоковымъ, но со стороны аліатовъ сѣверныхъ лучше того поступить, какъ онъ, Герсдорфъ, чаетъ, больше резонъ военный развѣ не допускаетъ.

Потомъ въ партикулярныхъ разговорѣхъ были нѣкоторое время со всѣми депутаты, между которыми разговоры говорили о генеральномъ мирѣ въ сѣверѣ. И разсуждая, говорили они, депутаты, что потенціи морскія не могутъ начать вступить инымъ образомъ въ дѣла сѣверныя, какъ нынѣ предложили, дабы покой въ Голштеніи прежде возставить и потомъ въ тѣ дѣла сѣверныя генерально вступать. И тѣмъ та конференція окончалася.

И потомъ позванъ былъ въ конференцію посланникъ шведскій Пальмквистъ, которому предложено въ равной же силѣ, о котораго отвѣтѣ, за краткостью времени, немочно было увѣдомиться.

1713 г. мая 2. Гага.

По указу его царскаго величества сего числа было предложено принцу эссенъ-кассельскому Вильгельму о маріажѣ на дукешѣ курляндской, племянницѣ его царскаго величества, и чтобъ ему, принцу Вильгельму, быть дукомъ курляндскимъ. И то состоитъ въ той токмо волѣ ихъ одной, какъ отца его ляндграфа, такъ и его. А къ тому царское величество весьма способствовать будетъ.

На что принцъ Вильгельмъ былъ благодаренъ и хотѣлъ писать къ отцу своему и мнѣ отповѣдь учинить. Между тѣмъ же говорилъ, что къ сему имѣютъ видъ король польскій своему сыну, а король прусскій своему дядѣ, принцу Альберту, чтобы дукомъ курляндскимъ учинить.

И на то все впредь опредѣлили сойтиться и согласиться. Но по словамъ его видѣлъ многую къ сему склонность.

1713 г. мая 9. Гага.

Агентъ Розенбаумъ присланъ былъ отъ статскаго собранія съ обвѣщеніемъ о мирѣ съ Франціею, и кондиціи того мира напечатаны. И по пріѣздѣ своемъ говорилъ: Господа Статы

Генеральные прислали его, агента Розенбаума, объявить объ учиненномъ своемъ мирѣ съ его величествомъ христіаннѣйшимъ и притомъ сообщить всѣ того мира кондиціи, и потомъ напечатанный трактатъ подалъ.

На то ему мой отвѣтъ былъ: „О семъ объявленіи учиню двору своему доносъ. И я, съ своей стороны, партикулярно президента [намѣренъ] поздравить, и надѣюся, что его царскому величеству о томъ нотификація учинена будетъ особливая статскимъ письмомъ, по прежнему обыкновенію."

И на третій день князь Куракинъ ѣздилъ поздравлять президента недѣльнаго, который называется г. Конинкъ, зеляндской провинціи.

Для вѣдѣнія здѣсь вписано.

Министръ цесарскій отвѣтствовалъ только [то], что двору своему доносить хотѣлъ, также и всѣ другіе министры цесарственные. Но помянутые всѣ министры цесарства опредѣлили между собою, что имъ президенту никакого кумплимента не чинить и къ президенту не ѣхать, также и огней артофиціальныхъ предъ своими дворами не ставить. И когда будутъ звать ввечеру смотрѣть огни артофиціальные, также и коллеціонъ имѣть, и тогда также министры цесарства быть не хотятъ.

А и другимъ неутральнымъ, разсуждается, трудно тутъ быть для того, чтобы въ церемоніяхъ чего не произошло, какъ въ мѣстахъ и въ подносахъ, кубкахъ и питьѣ здоровья короля гишпанскаго, короля сицильскаго, короля сардинскаго, для чего еще оные не признаны.

„Министръ шведскій предложенія чинитъ Статомъ непрестанныя".

отенціи морскія гварантами трактата вестфальскаго чтобы содержали или оборонили отъ непріятеля всѣ провинціи шведскія, лежащія въ имперіи.

„Противный доводъ".

1713 г. мая 31. Гага.

Гварантія потенцій морскихъ трактата вестфальскаго состоитъ въ томъ, чтобъ интересованные между собою того трактата не нарушили; но чрезъ нынѣшнюю войну сѣверную не можетъ быть причтено нарушеніе того

вестфальскаго трактата для того: впервыхъ, его царское величество не обязанъ въ оный вестфальскій трактатъ, такъ и его союзники, какъ король датскій и король польскій; второе, его царское величество, по славной побѣдѣ надъ непріятелемъ въ баталіи полтавской, имѣлъ оказію послѣдовать съ войски своими за непріятельскимъ корпомъ Красовымъ въ Померанію, но чрезъ домогательство королевскаго величества польскаго послѣдованіе войскъ своихъ за непріятелемъ удержалъ, дабы тѣмъ входомъ чего къ предосужденію общаго интереса имперіи не учинить. Того для его царское величество желалъ, дабы актъ нейтральства учиненъ былъ, который, по учиненіи въ Гагѣ 1710 г., отъ аліатовъ сѣверныхъ былъ принятъ, но отъ короля шведскаго, чрезъ его грамоту и торжественную протестацію чрезъ его министра, того же года оный актъ неутральства нарушенъ,—того ради помянутое его величество съ своими высокими аліаты для своей безопасности вступилъ въ Померанію съ своими войсками и операціи военныя чинитъ, на что резонъ военный повелѣваетъ.

Того же помянутаго вестфальскаго трактата не кто иной, токмо самъ король шведскій нарушителемъ есть вступленіемъ своимъ въ Саксонію.

Господа Статы обязаны давать коронѣ шведской по трактату учиненнаго оборонительнаго союза 6000 войскъ на своихъ проторяхъ и 12 кораблей военныхъ.

На все сіе требуется отъ Статовъ со стороны воюющихъ сѣверныхъ резона, чтобы показали, почему они не могутъ по обязательствомъ въ сіе дѣло вступить, дабы по тому могли въ тѣхъ дѣлѣхъ поступить.

1. Обязательство Господъ Статовъ давать помощныя войска по трактату 1640 г., который есть въ той силѣ, что оная помочь шведу, ежели война будетъ съ кѣмъ у кого изъ нихъ къ предосужденію коммерціи, — въ такомъ случаѣ помогать. И потомъ въ помянутомъ трактатѣ, въ четвертомъ артикулѣ, хотя и обязалось генеральными термины другъ другу вспоможеніе чинить, однакоже молвлено, чтобы прежде искать случая добродѣтельно примирить.

2. Король шведскій взаимно обязанъ помощныя войска давать Господамъ Статомъ, но оный, прежде заключенія мира рисвикскаго, войскъ своихъ ничего не далъ и тѣмъ тотъ трактатъ нарушилъ.

3. Помянутый трактатъ изъ своихъ лѣтъ уже 1706 г. вышелъ.

4. Но хотя бы Господа Статы и обязаны давать помощныя войска, однакоже не тому, который имѣетъ намѣреніе свое войну продолжать и быть всегда въ войнѣ для своего плезира, не являя никакой своей склонности къ миру, но склонность къ противной партіи.

5. Трактатъ аліанса оборонительнаго повелѣваетъ помощныя войска давать другому въ то время, когда будетъ нападенъ отъ кого. Но королю шведскому со стороны аліатовъ сѣверныхъ многократно чрезъ другія потенціи было предложено, но на всѣ тѣ предложенія никакой склонности не являлъ, а намѣренъ весьма войну продолжать, и тѣмъ себя весьма наступителемъ войны объявилъ.

На сіе доводитъ Гроціусъ въ книгѣ своей въ „ “ главѣ и „ “ листу.

„Реляція, какова получена при письмѣ кн. Александра Даниловича, о побѣгѣ непріятеля отъ войскъ его царскаго величества къ крѣпости Абову, оставя артиллерію въ мѣстечкѣ Гельсингфорсѣ“.

1713 г. [іюнь].

Вчерашняго дня къ его свѣтлости князю Меншикову прибылъ отъ его царскаго величества изъ Финляндіи нарочный курьеръ, морского флота поручикъ Шхелингъ, съ такою реляціею, что 10 числа мая его царское величество съ арміею своею на транспортѣ, въ 280 парусахъ состоящемъ, къ Гельсингфорсу пришелъ къ вечеру, гдѣ былъ шведскій генералъ-майоръ Аренфельдъ. И понеже непріятель имѣлъ около онаго мѣста транжаментъ съ дефензіею и нѣсколько пушекъ, того ради того же вечера стали россійскія войска выбираться на берегъ, дабы поутру атаковать, къ чему все было готово; но непріятель до свѣта вдругъ оное мѣсто зажегъ и ушелъ чрезъ воду въ лѣсъ, покинувъ пушки и нѣсколько тысячъ ружья и аммуниціи. Потомъ его царское величество со всѣмъ транспортомъ пошелъ отъ того мѣста къ Боргоу, гдѣ шведскій генералъ-лейтенантъ Либессеръ стоялъ, чая съ онымъ въ бой вступить. И въ 15-ый день мая, какъ пристали къ берегу, въ помянутомъ мѣстѣ никого не видали, ибо за 5 часовъ до прихода войска россійскаго непріятель ушелъ со всѣмъ войскомъ; однакожъ оное мѣсто нежженое оставилъ, въ которомъ учредя магазейнъ, его царское величество со всею арміею вскорѣ оттуда пойдетъ къ Абову, куда вышереченный непріятель побѣжалъ.

Вышепомянутый поручикъ съ сею реляціею изъ Финляндіи до Шлезвига ѣхалъ на русскомъ бригантирѣ и былъ въ морѣ тринадцать дней, понеже гонялись за онымъ шведскія двѣ шнау, отъ которыхъ принужденъ былъ опасныя мѣста объѣзжать. И такимъ образомъ въ пути остановка ему чинилась.

1713 г. іюня 1. Гага.

Сегодня, въ 11-мъ часу, Статы позвали въ конференцію министровъ ихъ царскаго величества и короля польскаго, чрезвычайнаго посла и полномочнаго князя Куракина и чрезвычайнаго посланника барона Герсдорфа; и бывъ въ той конференціи съ депутаты статскими барономъ Латмаромъ, съ ратпенсіонаріемъ и прочими, при которой присутствовали министры цесарскій баронъ Геемсъ и курфюрста ганноверскаго баронъ Ботмаръ, въ которой конференціи помянутымъ министромъ, князю Куракину и барону Герсдорфу, чрезъ президента чужестранныхъ дѣлъ барона Латмара было предложено послѣдующимъ образомъ.

Понеже министры дука голштейнскаго, администратора, генералъ Бернеръ и Петкумъ по многимъ домогательствамъ нынѣ подали меморіалъ, которымъ объявляютъ поступокъ непріятельскій и нападеніе датское въ земляхъ помянутаго дука, и чтобъ интересованныя потенціи, т.-е. цесарское величество, королева великобританская и Господа Статы Генеральные, также и принцы имперскіе, какъ король прусскій, такъ и курфюрстъ ганноверскій, какъ всѣ оные гварантами есть трактата травендальскаго, въ то дѣло вступили, по обязанію своей гварантіи, и отъ нападенія помянутаго оборонили,—того для они, статскіе депутаты, въ присутствіи министровъ вышепомянутыхъ потенцій, которыя гварантами есть, за благо изобрѣли призвать помянутыхъ министровъ, россійскаго и польскаго, какъ есть одного съ дворомъ датскимъ союза, чтобы взять лучшую информацію о тѣхъ дѣлѣхъ голштейнскихъ, и притомъ требовали резоны явные, чего для оное нападеніе датскаго учинено, и трактуется то дукатство за непріятеля; и также бы прилежность свою имѣли, и писали бы къ своимъ дворамъ и командирующимъ генераломъ, дабы трудилися оное дѣло добродѣтельно успокоить, а для лучшаго извѣстія съ меморіала помянутымъ министромъ на дворы присланы будутъ списки. Помянутые же голштейнскіе министры объявили, что генералы

россійскіе и саксонскіе учинили деклараціи письменныя, что они дука голштейнскаго за непріятеля не признаваютъ и за такого трактовать не будутъ.

На что отвѣтъ учиненъ отъ князя Куракина, что о дѣлѣ голштейнскомъ онъ не можетъ пространно никакой информаціи дать, въ какомъ намѣреніи есть топерь датскій дворъ, но сіе дѣло можетъ больше изъявлено быть чрезъ министра датскаго, который въ скорыхъ дняхъ сюда ожидается.

Что же приналежитъ къ объявленію резоновъ, чего для Данія содержитъ въ трактованіи земли дука голштейнскаго такъ, какъ нынѣ есть,—и, сколько могъ увѣдомиться, объявляю при семъ партикулярно отъ себя, а не такъ, какъ бы по указу отъ двора. Король датскій въ проходѣ своемъ чрезъ Голштенію съ войски къ Висмару никакого непріятельства дуку голштейнскому не показалъ, но по несчастливой баталіи гадебужской генералъ Штенбокъ первый нападеніе учинилъ въ Голштенію и тѣмъ трактатъ травендальскій нарушилъ. И потомъ дукъ голштейнскій учинилъ декларацію, что хочетъ содержать полное неутральство, и на ту декларацію король датскій никакого непріятельства не показалъ. Но когда непріятель въ Тонингъ былъ впущенъ, тогда неутральство помянутаго дука нарушено было; и ежели что есть къ предосужденію нынѣ того дукатства, то можетъ разсудиться не инаково, токмо отъ самаго нарушенія неутральства помянутымъ образомъ,—отдачею непріятелю крѣпости Тонинга.

А о прочемъ всемъ на предложеніе взято на доношеніе ко двору, также и на описку генералу командирующему въ армію.

Министръ польскій баронъ Герсдорфъ учинилъ равный тому отвѣтъ и съ прибавкою другихъ многихъ доводовъ и взялъ на доношеніе двору своему.

Потомъ помянутые депутаты учинили другое предложеніе о генеральномъ мирѣ въ сѣверѣ, что потенціи морскія объявляютъ свои добрыя средства къ примиренію той войны.

На что помянутый князь Куракинъ отвѣтствовалъ, что его царское величество, какъ онъ чаетъ, добрыхъ средствъ не

отречется; но прежде надлежитъ вѣдать намѣреніе и сходства къ миру короля шведскаго, дабы что предопредѣлительными статьями было объявлено въ удовольство помянутому величеству, что́ бы могло за фундаментъ мира принято быть. Но для подлиннаго извѣстія взято на доношеніе ко двору.

Министръ польскій отвѣтствовалъ, что его король добрыхъ ихъ средствъ не отрекается и къ миру склонность свою являетъ. И притомъ говорилъ, что онъ не находитъ иного лучшаго способа къ вступленію вскорѣ въ негоціацію, токмо дабы назначить мѣсто и время къ съѣзду и вступить въ тѣ мирные трактаты.

Потомъ ратпенсіонарій говорилъ, что въ отпискахъ ко двору проходитъ долгое время, и того для надлежитъ министрамъ, воюющимъ въ сѣверѣ, имѣть полную мочь отъ дворовъ своихъ здѣсь и полныя инструкціи, дабы и впредь, не описываючись, въ тѣ дѣла вступать. И равное предложеніе хотѣли учинить министру шведскому, дабы онъ отъ своего двора полную мочь и инструкціи требовалъ.

Въ той же конференціи учинено третье предложеніе. Какъ они сначала въ сей конференціи предлагали о возставленіи тишины въ Голштеніи, то топерь предлагаютъ объ учиненіи акта нейтральства въ имперіи, дабы тѣмъ тишину и покой поставить.

На сіе помянутые министры князь Куракинъ и баронъ Герсдорфъ отвѣтствовали, что сіе можетъ быть больше къ предосужденію ихъ государей, для того что нынѣ въ состояніи есть кампанію свою противу непріятелей продолжать и отъ транспорта непріятельскаго къ безопаству себя впредь привести.

И при окончаніи той конференціи депутаты статскіе повторяли и рекомендовали, дабы, учиня доношеніе дворамъ, скорый отвѣтъ учинить.

1713 г. іюня 3. Гага.

Статы торжествовали о заключеніи мира и ввечеру жгли огни артофиціальные, и для смотрѣнія тѣхъ звали всѣхъ чуже-

странныхъ министровъ въ одну залу опредѣленную. И когда всѣ собрались, тогда усмотрѣли, что послу аглинскому милорду Страффорду и съ его женою была отведена особая камора, и для того раздѣленная.

Престерегая каждый честь своего государя, мы съ датскимъ министромъ, также шведскій и ганноверскій изъ той залы ретировалися въ свои дома.

Потомъ статскій депутатъ баронъ Латмаръ объявилъ князю Куракину, что сіе сдѣлалось безъ позволенія ихъ, статскаго, и дѣлалъ обыкновенную экскузу.

„Что принадлежитъ выписать для вѣдѣнія впредь къ миру между сѣверными съ Швеціею и чтó шведскихъ какихъ трактатовъ“.

1713 г. іюня 7.

Трактатъ 1640 г. аліанса оборонительнаго у Статовъ съ Швеціею, которымъ обязывается только помогать 4000 человѣки въ такомъ случаѣ, когда отъ кого будетъ нарушено ихъ коммерціо.

Сей трактатъ давно изъ своихъ лѣтъ вышелъ.

Въ 1679 г. учиненъ трактатъ и подтвержденъ прежній у Статовъ съ короною шведскою,—и тотъ пріискать и выписать.

1686 г. трактатъ оборонительнаго аліанса у Статовъ съ Швеціею, чѣмъ старый возобновленъ, и при томъ актъ особливый о прибавкѣ другъ другу къ прежнимъ 2000 инфантеріи и всего 6000 инфантеріи, 12 военныхъ кораблей,—3 перваго ранга, 4 второго ранга, 5 третьяго ранга и со всѣми къ нимъ принадлежащими речьми.

Учиненъ на 20 лѣтъ и окончался 1706 г.

1698 г. трактатъ аліанса между короною шведскою, Англіею и Статы Голландскими, въ которомъ всѣ прежніе трактаты подтвержены, токмо не объявлено въ нихъ, чѣмъ кому помогать.

На сколько лѣтъ—не молвлено, токмо положено полномочныхъ назначить и трипле трактатъ информе учинить. И ежели по томъ времени тотъ учиненъ, знать не можемъ.

Трактатъ оборонительнаго аліанса сдѣланъ чрезъ дука Мальбурга въ 1700 г. съ короною шведскою.

О которомъ надлежитъ, справясь, выписать.

1713 г. іюня 19. Гага.

Въ камерѣ де-требе чрезъ депутатовъ статскихъ барона Латмара и прочихъ, также милорда Страффорда, посла аглинскаго, предложены сѣвернымъ воюющимъ добрыя средства. И на то отвѣтъ учиненъ на французскомъ языкѣ въ такой силѣ.

„Messieurs. Je vous remercie de l'offre des bons offices que vous me faites de la part de Sa Majesté la Reine de la Grande-Bretagne et de Leurs Hautes Puissances. Et comme Sa Majesté, mon maître, ne souhaite rien tant que de faire une bonne paix conjointement avec ses alliés, ainsi je ne doute point que ces offres ne lui soient très agréables; je ne manquerai point de lui en faire rapport".

„Держанъ протоколъ о конференціи въ камерѣ де-треве, которая началась въ 12-мъ часу, въ полдень, въ пятницу".

1713 г. іюня 27. Гага.

Милордъ Страффордъ, посолъ аглинскій, и депутаты статскіе, президентъ чужестранныхъ дѣлъ провинціи гельдресской баронъ Латмаръ, провинціи голландской конселье пенсіонарій Генсіусъ, и другіе депутаты министромъ союзныхъ сѣверныхъ князю Куракину, барону Альфельду и барону Герсдорфу предлагали въ камерѣ де-треве, что онѣ, обѣ потенціи морскія, многократно прежде, такъ и недавнимъ временемъ предлагали свои добрыя средства къ примиренію сѣверной войны, желая видѣть тишину въ Европѣ, притомъ же и для своего собственнаго интереса коммерціи въ Балтическомъ морѣ, отъ которой войны оное коммерціо несетъ великіе убытки,—и на тѣ ихъ прежнія предложенія они, министры союзныхъ сѣверныхъ, всегда

являли волю и склонностъ къ миру и брали на доношеніе своимъ дворамъ, но подлинно еще не объявили, что они добрыя средства потенцій морскихъ примаютъ. Того для нынѣ милордъ Страффордъ, получа указъ королевы своей, здѣсь Господамъ Статомъ намѣреніе своего двора объявилъ. И на то Господа Статы съ нимъ, милордомъ Страффордомъ, согласились, дабы вновь предложить воюющимъ сѣвернымъ добрыя свои средства и дѣйствительно, безъ продолженія времени, въ дѣла къ примиренію сѣверной войны вступить, и для вступленія въ тѣ дѣла чтобъ каждый свои пропозиціи къ миру объявилъ; чего для онъ, милордъ Страффордъ, именемъ королевы своей, и они, депутаты, именемъ своихъ Господъ Статовъ, топерь вышепомянутымъ министрамъ сѣвернаго союза добрыя свои средства къ примиренію той войны предлагаютъ.

На то предложеніе министры союза сѣвернаго отвѣтствовали.

Впервыхъ князь Куракинъ говорилъ, по обычномъ благодареніи за объявленіе добрыхъ средствъ, что его царское величество весьма желаетъ учинить добрый, честный и постоянный, и прибыточный миръ обще съ своими аліаты. И того ради не сумнѣвается онъ, князь Куракинъ, что добрыя средства, предложенныя нынѣ, будутъ его величеству пріятны, и не упуститъ времени о семъ донести двору своему и вѣдать подлинное намѣреніе его царскаго величества.

Потомъ говорилъ министръ польскій баронъ Герсдорфъ, что онъ по предложенію сему тѣ ихъ добрыя средства, потенцій морскихъ, примаетъ, и что король его весьма склонность свою и волю къ миру являетъ, и въ негоціацію вступить желаетъ. Однакожъ онъ, баронъ Герсдорфъ, желаетъ вѣдать, ежели со стороны Швеціи есть къ миру склонность, и добрыя ихъ, потенцій морскихъ, средства такимъ же образомъ равно приняты-ль, дабы о томъ могъ двору своему донести.

Потомъ говорилъ министръ датскій баронъ Альфельдъ въ той же равной силѣ и принялъ ихъ добрыя средства, и также волю и склонность къ миру короля своего явилъ. И притомъ говорилъ, что со стороны короля его, также и его аліатовъ

не находится никакая трудность къ вступленію въ трактаты мирные, но за несклонностью короля шведскаго и донынѣ та война продолжается; того для надлежитъ искать способъ, дабы его, короля шведскаго, къ миру склонить.

На тѣ его слова милордъ Страффордъ говорилъ, что онъ надѣется вскорѣ министру шведскому получить полную мочь и инструкціи о вступленіи въ трактаты мирные. А ежели король шведскій въ прежней несклонности своей къ миру будетъ, то королева его съ Господами Статы намѣрена въ его отбытность и противу его воли миръ учинить такимъ образомъ, чтобы претензіи, или первыя предложенія, отъ союзныхъ сѣверныхъ были поданы и въ нихъ учинить плянъ мирный, и по тому усматривать потенціямъ морскимъ и искать средства, чтобъ обѣ воюющія стороны были удовольствованы. И ежели, хотя съ одной стороны воюющихъ сѣверныхъ, тотъ плянъ за благо признанъ будетъ, и съ потенціями морскими равно согласятся, тогда на такомъ плянѣ тотъ миръ учиненъ будетъ. А для лучшаго подтвержденія къ содержанію того мира отъ противной воли на то короля шведскаго онѣ, потенціи морскія, обяжутся за каждымъ оное, что́ кому чрезъ тотъ плянъ уступлено будетъ, гварантировать.

И, по окончаніи той рѣчи, онъ, милордъ Страффордъ, говорилъ князю Куракину, что онъ, милордъ, не сумнѣвался въ томъ, дабы и со стороны его царскаго величества нынѣ равнымъ же образомъ добрыя средства потенцій морскихъ приняты не были, но видитъ, что сіе дѣло идетъ къ продолженію. И надѣялся онъ, милордъ, что уже на прежнія предложенія за три мѣсяца онъ, князь Куракинъ, отъ двора своего довольныя инструкціи на всѣ дѣла сѣвернаго мира и полную мочь получилъ.

На что онъ, князь Куракинъ, ему, милорду Страффорду, отвѣтствовалъ, что онъ въ прежней конференціи на предложенія потенцій морскихъ желалъ вѣдать: ежели король шведскій склоненъ къ миру является и ихъ, потенцій морскихъ, добрыя средства примаетъ, и какія кондиціи прибыточныя его царскому величеству и его союзникамъ обѣщаетъ,—и на то ему, князю

Куракину, никакой отповѣди не было учинено; того для медленіе двора его въ отвѣтъ о пространныхъ инструкціяхъ и полной мочи учинилося. Но нынѣ онъ, князь Куракинъ, принужденъ еще толь больше двору своему доносить и намѣреніе его царскаго величества вѣдать на предложенія вновь, что потенціи морскія намѣрены миръ въ сѣверѣ учинить, хотя въ отбытіи короля шведскаго и противно волѣ его, о чемъ прежде сего никакого предложенія не было.

На то милордъ Страффордъ и депутаты статскіе ему, князю Куракину, повторяя, говорили и просили, чтобъ учинилъ, какъ наискорѣе, пространное доношеніе о всемъ вышепомянутомъ его царскому величеству и требовалъ на то себѣ указа, дабы могъ отвѣтъ учинить, примаетъ ли его царское величество ихъ, потенцій морскихъ, къ примиренію сѣверной войны добрыя средства, и ежели примаетъ, чтобы претензіи, или пропозиціи къ вступленію въ трактатъ мирный, объявить, и того для чтобъ онъ, князь Куракинъ, имѣлъ довольныя инструкціи и полную мочь о вступленіи въ тѣ мирные трактаты; притомъ же опредѣлили время, дабы отвѣтъ получить въ семь или восемь недѣль. И на конецъ всей той конференціи взято все то отъ него, князя Куракина, на доношеніе двору своему.

А министры датскій и польскій обѣщали, какъ наискорѣе, ко дворамъ своимъ писать, каковы должны претензіи свои, или пропозиціи къ миру, учинить, также и пространныхъ инструкцій и полной мочи для вступленія въ мирные трактаты отъ дворовъ своихъ требовать и, какъ наискорѣе получа, здѣсь въ конференціи потенціямъ морскимъ объявить. И тѣмъ оная конференція окончалася.

И, по окончаніи оной, былъ призванъ министръ шведскій Пальмквистъ. Министру шведскому Пальмквисту было предложено въ той же равной силѣ.

„Ремарки на протоколъ".

1713 г. іюня 27. Гага.

Видимо изъ предложеній потенцій морскихъ объ учиненіи мира въ сѣверѣ при двухъ случаяхъ: первое, ежели добрыя ихъ средства и медіація приняты будутъ отъ короля шведскаго, и склонность свою къ миру явитъ, то, въ такомъ случаѣ, вступятъ въ тѣ мирные трактаты, какъ то́ обыкновенно чинится; второе, ежели король шведскій медіаціи ихъ, потенцій морскихъ, или добрыхъ средствъ не приметъ и къ миру сходенъ нынѣ не явится, въ такомъ случаѣ, онѣ, потенціи морскія, намѣрены учинить миръ въ сѣверѣ, трактуя токмо съ одними сѣверными аліаты. Сіе дѣло чрезвычайное видится, дабы миръ могъ быть учиненъ противу воли и несходства одной стороны.

Однакожъ онѣ, потенціи морскія, хотятъ вступать въ тѣ дѣла такимъ образомъ: первое, предложить добрыя средства (какъ и учинено есть), и когда союзники сѣверные примутъ, тогда отъ нихъ требовать будутъ отъ каждаго пропозицій къ миру (которыхъ уже и требуютъ); и изъ тѣхъ онѣ, потенціи морскія, будутъ трудиться о постановленіи мирнаго пляна и, учиня, объявятъ союзнымъ сѣвернымъ, и ежели отъ нихъ въ чемъ будетъ несходно, то онѣ, потенціи морскія, будутъ находить посредство, дабы оный мирный плянъ постановить къ удовольству какъ одной, такъ и другой стороны. И когда согласятся съ союзными сѣверными, и мирный плянъ на мѣрѣ постановятъ, тогда помянутыя потенціи декляруютъ королю шведскому, также и всему правительству той короны, что онѣ за благо изобрѣли миръ учинить въ сѣверѣ на такомъ плянѣ, дабы оный миръ, ежели не отъ короля, хотя отъ правительства шведскаго былъ принятъ. Но ежели принятъ не будетъ, то онѣ, потенціи морскія, обязуются союзнымъ сѣвернымъ по тому пляну миръ твердо и ненарушимо содержать и гварантировать, и всякими образы къ содержанію того, какъ

впредь сойденось будетъ, вспомогать. И такимъ образомъ паче Англія, нежели Голландія, надѣется дѣла сѣверныя къ концу своему привести и миръ учинить.

На сіе топерь надлежитъ, предусматривая, разсуждать: ежели бы по намѣренію оному потенцій морскихъ обязательство могло быть состоятельно, и могли бы гварантіею своею содержать, и не могло бы что́ къ предосужденію сѣверныхъ аліатовъ изъ сей негоціаціи учиниться, или кому одному изъ нихъ, — и первое будемъ объявлять къ предосужденію, а другое къ пользѣ.

Первое. Предусматривается о вступленіи помянутымъ образомъ въ трактаты къ предосужденію сѣверныхъ союзниковъ для того, что хотя бы потенціи морскія по учиненному пляну гварантіею и обязалися, но усматривается по состоянію нынѣ всѣхъ дѣлъ въ Европѣ, — не есть въ состояніи оное чрезъ свою гварантію содержать, понеже сами довольно отягчены своими властными дѣлами и понуждены впредь себя сами престерегать отъ всякихъ опасностей, которыя близъ видимы есть: какъ желюзія между ими, потенціями морскими, нынѣ умножается, такъ же и между Францією, а особливе невозможно узнать, что́ бы могло послѣдовать изъ войны всего цесарства нынѣ съ Францією.

Второе. Онѣ, потенціи морскія, намѣрены плянъ мирный постановить и средства съ союзными сѣверными сыскать, дабы къ удовольству обѣимъ воюющимъ сѣвернымъ сторонамъ могло быть. И разсуждается, всѣхъ свободнѣе согласиться королю польскому, котораго не чаютъ, что́-бъ больше требовалъ, какъ одной короны польской.

Но о королѣ датскомъ хотя и труднѣе, однакоже чаютъ, что оный дукатствомъ Бременомъ и Ферденомъ доволенъ быть можетъ.

Что же принадлежитъ до его царскаго величества, не могутъ знать подлиннаго намѣренія о его претензіяхъ, но по завоеванію многихъ мѣстъ отъ Швеціи не сумнѣваются, чтобы не быть великимъ запросомъ. И того для трудность предусматривается, чтобы съ его царскимъ величествомъ могло какое

средство къ удовольству обѣихъ сторонъ найдено быть, ежели его царское величество умѣренно въ своихъ запросахъ не поступитъ. И посему видимо, что аліаты его царскаго величества свободнѣе могутъ миръ учинить, къ чему опасенія есть, дабы оные партикулярнаго мира не учинили.

Топерь объявляется о вступленіи въ ту негоціацію къ общей пользѣ союзныхъ сѣверныхъ.

Впервыхъ, союзные сѣверные, являя свою склонность къ миру до сего времени, тѣмъ помянутыя потенціи морскія отъ всякаго противнаго воспріятія до сихъ мѣстъ удерживали; а особливе, по заключеніи нынѣ мира съ Франціею, онѣ, потенціи морскія, кромѣ всѣхъ другихъ причинъ, обязаны по своимъ трактатамъ дать помощныя войска королю шведскому, но за несклонность его къ миру и за самовольное продолженіе войны тѣхъ помощныхъ войскъ и донынѣ не дали. Но еще больше. Подъ рукою министру шведскому здѣшняя република объявила, что она никогда не намѣрена дать помощныя свои войска, дабы тѣмъ безобнадеживаніемъ принудить короля шведскаго къ миру. Но ежели союзные сѣверные не примутъ нынѣ ихъ, потенцій морскихъ, медіаціи, ни добрыхъ средствъ, тогда невозможно узнать, какъ оное несходство къ миру сѣверныхъ аліатовъ можетъ принято быть отъ помянутыхъ потенцій; но чается, что примутъ бо́льшую желюзію и противными могутъ явиться.

Также разсуждается небезполезно быть союзнымъ сѣвернымъ, дабы миръ въ сѣверѣ учинить, прежде нежели Франція съ цесаремъ войну свою прекратитъ: но тогда она, Франція, имѣвъ свободныя руки, конечно, замѣшается въ сѣверныя дѣла, и весьма къ пользѣ сѣверныхъ аліатовъ такъ тогда быть не можетъ, какъ нынѣ по умѣреннымъ видится поступкамъ потенцій морскихъ.

Что же принадлежитъ къ опасности особливой его царскому величеству, чтобъ аліаты его величества въ той негоціаціи по своимъ намѣреннымъ легкимъ запросамъ партикулярнаго мира не учинили,—на то разсуждается, что ежели склонность его ве-

личества аліатовъ къ миру есть, то нынѣ, вступя въ партикулярные трактаты, миръ свободно учинятъ.

О склонности къ миру и о вступленіи въ трактаты аліатовъ его царскаго величества довольно можно признать изъ отвѣтовъ тѣхъ министровъ, какъ въ протоколѣ объявлено.

„Доношеніе, что́ приналежитъ къ дѣламъ сѣверной войны“.

1713 г. іюня 27. Гага.

По предложенію нынѣшнему потенцій морскихъ — примать ли ихъ медіацію или добрыя средства и вступать ли въ негоціацію — я нынѣ взялъ то на доношеніе ко двору, для того что по инструкціи, мнѣ данной, не велѣно примать медіацію или добрыя ихъ средства, ежели обнадеживанія не учинятъ онѣ, потенціи морскія, о наслѣдственныхъ земляхъ безспорно въ вѣчное владѣніе его царскому величеству; а о прочихъ награжденіяхъ за понесенные убытки въ сей войнѣ впредь, по вступленіи въ трактаты, со стороны его царскаго величества объявлено будетъ. На что я, какъ депутатомъ Господъ Статовъ, такъ и милорду Страффорду, многократно предлагалъ, чтобъ они такое обнадеживаніе учинили и тѣмъ бы намъ бо́льшую охоту или склонность ко вступленію мирныхъ трактатовъ придали.

На то мнѣ отвѣтствовали, что они такого обнадеживанія, прежде вступленія въ негоціацію, учинить не могутъ, для того что медіаторы по-

„На сіе доношеніе получено рѣшеніе отъ двора 17 августа сего 1713 г.“.

Отъ медіаціи, какъ возможно, отъ обѣихъ потенцій морскихъ отговариваться, но добрыя средства пріимать. А что хотятъ, чтобы ту сторону, которая склонности не покажетъ, принуждать, такожъ чтобъ имъ плянъ, яко законъ, поставлять, — то́ болѣе является къ предосужденію интересовъ его царскаго величества съ его союзники. Ибо то уже не средство, но усиліе, чего не точію себѣ его величество и союзники его, яко натурально есть, желать [не могутъ], но ниже непріятелю ихъ того желаютъ. Но требовать съ ихъ стороны прямыхъ средствъ безъ принужденія обѣихъ сторонъ (сіе для того, что болѣе изъ сего его царскому величеству опасно, нежели шведу) и пріимать съ обѣихъ сторонъ предложеніе о мирѣ, а не имъ, самимъ потенціямъ, ставить законы.

винны себя содержать неутральны, ни къ той, ни къ другой сторонѣ. И притомъ сказали, что не обычай медіаторомъ есть такія обнадеживанія чинить, прежде нежели вступятъ въ негоціацію, и тогда—медіаторски въ томъ трудиться и способъ искать будутъ.

2. И ежели нынѣ его царское величество укажетъ по прежде данной мнѣ инструкціи такую декларацію на предложеніе ихъ нынѣшнее потенціямъ морскимъ учинить, что безъ обнадеживанія такого, какъ мнѣ инструкція повелѣваетъ, ихъ медіаціи, ни добрыхъ средствъ не примать и въ негоціацію мирныхъ трактатовъ не вступать, тогда, получа указъ, въ отвѣтъ имъ потенціямъ морскимъ, учиню. А безъ подтвердительнаго указа не могъ того объявить нынѣ для того, чтобъ изъ того какое впредь зло не послѣдовало.

Когда о наслѣдственныхъ земляхъ его царскаго величества нынѣ не хотятъ принять за фундаментъ, то чтобы въ начатіи негоціаціи въ прелиминарныя статьи оныя приняты были.

3. Ежели же его царское величество укажетъ нынѣ тѣ ихъ предложенныя добрыя средства принять и въ негоціацію вступать, того для требуется полная мочь информе, чтобы, при вступленіи въ дѣла, можно было показать.

Добрыя средства прімать, и полномочная послана отъ 3 іюля, такожъ и грамота къ Статомъ по присланному проекту посылается.

При семъ посылается для вѣдѣнія образцовая полная мочь, почитай сходна съ тѣми, каковы были даны къ съѣзду утрехтскому, токмо съ нѣкоторою отмѣною.

4. Также требуется пространная инструкція, какимъ образомъ первое предложеніе къ миру учинить,—или такое предложеніе учинить по силѣ проекта, каковъ ко мнѣ присланъ съ г. Остерманомъ.

5. И потомъ, ежели за благо изобрѣтено будетъ, чтобы двѣмя, или сколько угодно, примѣрами предложенія были присланы, которыя-бъ я могъ при такихъ случаяхъ предлагать, ежели они первыя принять не похотятъ, или какую трудность чинить въ оныхъ будутъ.

Учинить предложеніе обще съ министры союзными на плянѣ, учиненномъ въ Гузомѣ (хотя оный и не подписанъ, однакоже безспорно всѣ союзники согласились на томъ), съ чего копія прилагается при семъ.

6. Ежели что касаться будетъ Ливоніи, и какъ въ проектѣ, присланномъ ко мнѣ, объявлено, что оная уступается коронѣ польской, также и министръ польскій въ своихъ первыхъ запросахъ предложитъ какъ объ уступленной провинціи, и потому объ оной министры польскіе съ непріятельскою стороною похотятъ трактовать и, въ такомъ случаѣ, отъ меня пожелаютъ деклярацiи, что оная провинція уступлена коронѣ польской, и что отъ нихъ, министровъ польскихъ, о той провинціи трактовано будетъ,—на все то его царское величество соглашается, тогда какимъ мнѣ образомъ поступить?

Ливонія уступается коронѣ польской съ такимъ предлогомъ, чтобъ оная никому иному не была отдана, но при оной коронѣ содержана, какъ и въ прежнихъ договорѣхъ о томъ межъ сими державами постановлено. Ежели же будутъ весьма въ томъ противны, чтобы не полякамъ, но шведомъ отдать Ливонію, то объявить, что его царское величество изволитъ отдать и шведомъ, ежели на то король польскій и речь посполитая позволятъ, только бы дефенсіи фортецъ были разорены; также, вмѣсто той провинціи, Финляндію Швеція уступила бы его царскому величеству. Ежели же на плянѣ мирномъ будутъ дѣлать и требовать будутъ отъ его царскаго величества уступки, говоря, что безъ того не бываетъ, чтобы ничего не уступить, то изволяетъ его царское величество Финляндію уступить шведомъ.

Сіе дѣло деликатное, того для изволите согласиться съ польскимъ дворомъ, дабы мнѣ здѣсь съ нимъ, министромъ польскимъ, сходные указы имѣть.

7. Ежели потенціи морскія похотятъ трактовать о мирѣ въ Гагѣ, — на то позволять ли, или гдѣ въ имперіи, кромѣ Гамбурга и Данцига. А о Данцигѣ мое предложеніе было, и на то склонности министры нашихъ аліатовъ, ни Англія не являютъ, и всѣ бóльшую склонность являютъ въ Брунсвикѣ, но датскій министръ—въ Любекѣ.

О мѣстѣ къ трактованію мира, ежели весьма Гданска не захотятъ, то предлагать, дабы избранъ былъ Бреславль, чтó въ Шлезіи. Буде же и тамъ за благо не изобрѣтено будетъ, то въ Брунсвикѣ; а отъ Гаги и отъ другихъ мѣстъ для дальности отговариваться, по посланному указу отъ 3 іюля.

Объ избраніи мѣста для трактованія весьма надлежитъ нынѣ рѣшеніе учинить и, два или три мѣста избравъ, здѣсь медіаторомъ объявить, для того [что] обыкновенно сіе оставляется въ волю для избранія медіаторовъ; о семъ равно согласиться съ министры нашихъ аліатовъ, дабы мы могли о томъ говорить и мѣсто избрать.

8. Какъ слышно есть, Англія намѣрена предлагать армистицію. Ежели предложено будетъ, — что̀ на сіе отвѣтствовать? и примать ли на доношеніе ко двору или, не описываясь, никогда не примать?

Армистицію ежели похотятъ учинить, то принять на двадцать или, по послѣдней мѣрѣ, на пятнадцать лѣтъ. А ежели меньше, то̀ разумѣется, чтобы непріятелю только отдыхъ дать. И меньше того отнюдь не примать; ибо когда и въ царство дѣда его царскаго величества, князя Михаила Өеодоровича, война была съ шведомъ, тогда армистиція учинена была на тридцать лѣтъ. А нынѣ дается не токмо болѣе, но и въ-по́лы.

Также о семъ равнымъ образомъ съ аліаты нашими должно согласиться, дабы единогласно здѣсь говорить, примать ли армистицію или нѣтъ.

9. Страффордъ весьма желаетъ, чтобъ о мирѣ трактовано было здѣсь. И ежели на то склонны явятся министры нашихъ аліатовъ, тогда со стороны его царскаго величества на то позволять ли?

Объявлено въ седьмомъ, выше сего, къ чему надлежитъ и министровъ союзничьихъ приводить.

Ежели на сей артикулъ позволено не будетъ, равно же мнѣніе его царскаго величества дворамъ нашихъ аліатовъ объявить.

10. И ежели позволено будетъ, тогда частыя нужды требовать будутъ курьеровъ посылать, и оныхъ отправлять ли?

Курьеровъ съ нужнѣйшими письмами посылать тогда, когда нужда будетъ требовать, а о неважныхъ дѣлѣхъ писать на почтахъ.

11. И когда позволено ихъ отправлять будетъ, то для лучшей имъ, курьерамъ, легости чтобы были опредѣлены два въ Ригѣ, два въ Берлинѣ и два въ Гагѣ, чего для одному невозможно такого дальняго пути скорою ѣздою отправить.

Когда будетъ соглашенось и постановлено о трактованіи мира мѣсто удобное, тогда курьеры въ Ригѣ, и гдѣ надлежитъ, поставлены будутъ; и о томъ писать заранѣе.

12. Англія, повидимому, нынѣ не хочетъ, дабы цесарь въ тѣ сѣверныя дѣла замѣшался. Но со стороны его царскаго величества требовать ли того, дабы и цесарь при тѣхъ трактатѣхъ былъ обще съ

Въ добрыя средства какъ цесаря, такожъ и курфюрста ганноверскаго конечно присовокуплять, чтобы цесарь и тотъ курфюрстъ были обще съ тѣми же морскими потен-

ними, потенціями морскими. Но ежели изволите, чтобъ я, съ своей стороны, донёсъ, — то, правда, лучше того требовать, дабы цесарь въ тѣхъ дѣлѣхъ обще съ потенціями морскими былъ, для того что одна Голландія не будетъ въ силѣ противу Англіи балянсъ содержать, ежели оная парціально къ одной сторонѣ поступитъ. Но еще больше. Какъ слышимъ, король прусскій въ тѣ дѣла за медіатора хочетъ замѣшаться, о которомъ я весьма худого надѣянія есть, и тогда она, Англія, паче въ дѣлѣхъ сильнѣе Голландіи будетъ; и для уравненія не безполезно бы было, противу прусскаго, курфюрста ганноверскаго въ тѣ же дѣла допустить. Но я хотѣлъ вѣдать нарочно мнѣнія о семъ Господъ Статовъ, — похотятъ ли они, дабы цесарь въ тѣ дѣла съ ними замѣшался.

ціи. И о томъ явственно обѣимъ потенціямъ предлагать и говорить союзничьимъ министромъ, чтобъ и они къ тому сходны были; о чемъ цесарскому и ганноверскому министромъ объявить при министрахъ датскомъ и польскомъ для того, чтобъ и ихъ тѣмъ объявленіемъ принудить къ тому общему желанію.

На что мнѣ чрезъ нѣкоторыхъ первыхъ персонъ отвѣтствовано, что они противны тому не будутъ, но разсуждаютъ, чтобы топерь о цесарѣ ничего не упоминать и оставить такъ для того: ежели о цесарѣ съ которой ни есть стороны предложено будетъ, тогда, насупротивъ, Франція похочетъ въ тѣ же дѣла вступить, и Англія свободнѣе можетъ къ тѣмъ дѣламъ привести её, Францію, нежели цесаря, — и тогда къ бо́льшему предосужденію учинится. И того для нынѣ то всё дѣло оставить въ рукахъ однѣхъ потенцій морскихъ и, по вступленіи въ трактаты, усматривать времени, когда бы могли цесаря въ тѣ дѣла ввести, ежели отъ него въ томъ чается какой быть способъ.

13. При такихъ нужныхъ случаяхъ, когда вступится въ трактаты мирные, надобно имѣть одного искуснаго человѣка изъ адвокатовъ для сложенія въ силѣ письменныхъ предложеній, актовъ, протестацій, меморіаловъ и прочаго. И находится здѣсь къ тому годный человѣкъ, называемый Дюмонъ, который былъ во всю нынѣ негоціацію въ Утрехтѣ употребленъ въ такихъ дѣлѣхъ при министрѣ цесарскомъ графѣ Цинцендорфѣ,

Адвоката, называемаго Дюмонъ, принять и жалованья тысячу ефимковъ на годъ обѣщать.

которому отъ цесаря на годъ было опредѣлено по 2000 ефимковъ; но, по окончанiи дѣлъ въ Утрехтѣ, оный нынѣ свободнымъ есть. И ежели позволено будетъ его токмо для сей негоцiацiи принять и на годъ обѣщать тысячу ефимковъ, тогда чаю ему тѣмъ довольну быть. А безъ такого человѣка весьма быть невозможно. Также и о другихъ нуждахъ должно было бы объявить, чтó надобно въ такихъ случаяхъ имѣть; но не знаю, гдѣ оные трактаты будутъ начаты, того для отлагаю на предбудущее время.

14. А ежели когда съѣздъ для мирныхъ трактатовъ назначится въ иномъ мѣстѣ, а не въ Гагѣ, тогда тотъ, кто къ тому съѣзду опредѣленъ будетъ, пространнѣе о всемъ потребномъ самъ донесетъ.

У сей негоцiацiи быть ему самому, г. князю Куракину. А ежели потребенъ будетъ баронъ Шакъ къ тому, то мочно и его къ нему придать, токмо надобно о томъ заранѣе писать сюда.

15. Министры польскiй и датскiй мнѣ объявили, что они хотя имѣютъ какiя предложенiя объявить нынѣ здѣсь, но будутъ удерживать оныя до тѣхъ мѣстъ, пока я указъ получу, дабы тогда могли обще подать.

Что министры датскiй и польскiй умедливаютъ своими предложенiи, то не худо. Однакожъ надобно вывѣдывать конечно, какiя они предложенiя о томъ со сторонъ своихъ къ той негоцiацiи имѣть будутъ, и то ихъ объявленiе вывѣдавъ,—писать немедленно.

16. Ежели еще въ дополненiе къ сему доношенiю должно что прибавить, дабы было объявлено въ явныхъ терминахъ.

17. Въ протоколѣ я о всѣхъ разговорѣхъ милорда Страффорда не писалъ, для того что послѣ формальнаго предложенiя говорилъ, которое при семъ слѣдуетъ.

18. Когда я взялъ на доношенiе ко двору, сiе ему, милорду Страффорду, весьма стало противно. И потомъ мнѣ говорилъ, что я его, милорда Страффорда, всегда обнадеживалъ, что его царское величество склонность свою къ миру имѣетъ и что не имѣетъ такихъ намѣренiй, дабы коро-

Милорду Страффорду объявить, что его царское величество съ союзники его, какъ прежде, такъ и нынѣ, съ короною шведскою мира честнаго и прибыточнаго желаетъ; и продолженiе къ миру ни отъ кого иного чинится, только отъ короля шведскаго.

ну шведскую въ разореніе привести или ею завладѣть, но токмо бы силу оной короны шведской съ умѣренностью убавить. Но нынѣ онъ, милордъ, признаваетъ по сему моему отвѣту,—что я беру на доношеніе ко двору, и не примаю ихъ добрыхъ средствъ, и не вступаю въ негоціацію,—то не что иное, токмо чтобы время продолжать. Изъ сего онъ, милордъ, видитъ намѣреніе двора нашего, чтó можетъ быть къ нѣкоторому дальнему виду, который видъ можетъ многимъ потенціямъ въ Европѣ подозрѣніе придать. И притомъ же говорилъ, чтобъ я не опасенъ былъ въ сіе мирное дѣло вступать и добрыя средства пріимать, чего для потенціи морскія со всякою умѣренностью намѣрены поступить, и надѣются, что окончаніе сего мира будетъ во всякое удовольство его царскому величеству.

На что ему въ отвѣтъ, по многихъ своихъ разговорѣхъ, заключилъ, что его царское величество въ прежнемъ своемъ намѣреніи и склонности къ миру безъ всякихъ дальнихъ такихъ видовъ, которые бы могли дать подозрѣніе потенціямъ въ Европѣ. А что онъ, милордъ, мнѣ объявилъ доброе надѣяніе имѣть при окончаніи сего мира во всякое удовольство его царскому величеству, за то благодарилъ и [сказалъ], что донесу добродѣтельное намѣреніе его царскому величеству.

Къ удовольствованію нѣкоторыхъ персонъ о дачѣ подарковъ писано 3 іюля, съ чего и дубликатъ посланъ, также и трипликатъ посылается при семъ.

19. Еще къ прежнимъ моимъ доношеніямъ, которыя учинилъ подъ № 39-мъ, о дачѣ нѣкоторыхъ подарковъ, и на то, повторяя, доношу, что есть нужно нѣкоторыхъ удовольствовать при такихъ нынѣшнихъ нужныхъ случаяхъ, и хотя бы двухъ или трехъ персонъ имѣть въ самой конфиденціи, которыя въ тѣхъ дѣлѣхъ обращаться будутъ, дабы я всѣ ихъ секретныя намѣренія чрезъ тѣхъ могъ вѣдать и по тому свои мѣры примать.

На все сіе прошу милостиваго рѣшенія его царскаго величества, всемилостивѣйшаго государя.

Во всю сію негоціацію ежели увидится, что дѣла тамошнія будутъ, какъ у цесаря съ Франціею, такъ и въ Англіи, къ концу приходить, то и сею негоціаціею поспѣшать. А буде тамъ далѣе въ возмущеніе приходить будутъ, а наипаче въ Англіи, то оную, какъ возможно, до будущей кампаніи дотя-

нуть. Также ежели оныя морскія потенціи будутъ зѣло жестоко принуждать къ пользѣ шведской, то объявить его царскаго величества слова, которыя его величество, будучи въ Гузомѣ, министру голландскому Гоусу объявилъ, что ежели станутъ принуждать сильно, то будетъ его царское величество противиться; а ежели за какимъ невозможествомъ удержать немочно, то прежде въ пепелъ сдѣлаются оныя мѣста, нежели уступятся цѣлыя непріятелю, ибо ежели отдать крѣпости въ руки непріятельскія, то самимъ себѣ паки змѣю впустить въ пазуху.

Затѣмъ слѣдуетъ собственноручная кн. Бориса Ивановича Куракина помѣта: „$\frac{\text{25 іюля}}{\text{5 августа.}}$ Отъ двора, изъ Санктъ-Петербурга“.

„Указъ, данный отправленному курьеру Егору Бороздину“.

1713 г. іюня 28. Гага.

1. Ѣхать ему денно и ночно со всякимъ поспѣшеніемъ ко двору его царскаго величества въ Санктъ-Петербургъ.

2. А по пріѣздѣ своемъ ему въ Санктъ-Петербургѣ явиться къ великому канцлеру, превосходительнѣйшему графу Гавріилу Ивановичу Головкину.

3. И, явясь, посланныя письма помянутому превосходительству вручить, также и другія по надписямъ раздать; а кого тутъ изъ тѣхъ персонъ не случится, то отдать въ канцелярію и просить, чтобы чрезъ почты разослать. А письмо до г. Ягужинскаго самому вѣрно отдать; а ежели его тутъ нѣтъ, то оное письмо до помянутаго Павла Ивановича Ягужинскаго отдать г. Якову Павловичу Веселовскому, который нынѣ въ Санктъ-Петербургѣ обрѣтается, и просить его, дабы оное письмо къ нему, Ягужинскому, онъ вѣрно сослалъ.

4. И потомъ требовать ему отпуска для своего возвращенія ко мнѣ отъ помянутаго канцлера, также и на дорогу денегъ. И ежели ты не можешь назадъ наскоро ѣхать, или, вмѣсто тебя, иного курьера отправятъ,—тогда тебѣ ѣхать въ Ригу и явиться къ купцу одному, который называется Кордесъ; онъ тебя моремъ отправитъ.

5. Дорога твоя надлежитъ: изъ Гаги на Оснабрюкъ, отъ Оснабрюка на Ганноверъ, отъ Ганновера на Берлинъ, отъ Бер-

лина на Данцигъ, отъ Данцига на Кенигсбергъ, отъ Кенигсберга на Ригу, а отъ Риги до Санктъ-Петербурга.

6. И въ проѣздѣ томъ тебѣ по всѣмъ почтамъ платить деньги. А платится съ лошади за всякую милю по полуталеру нѣмецкому, а не голландскому, т.-е. двѣнадцать добрыхъ грошей, или, чаю, платится по восьми грошей добрыхъ только. И для той заплаты надлежитъ вѣдать такимъ образомъ: когда ты пріѣдешь на которую почту, то тебѣ прежде надлежитъ спрашивать, чтó есть отсель миль до другой почты, и по чему на милю просять будутъ,—и, по тому смѣтясь, то число денегъ и заплатить. Однакоже, для твоего вѣдѣнія, при семъ объявляется, что почты обыкновенныя въ разстояніи одна отъ другой по двѣ мили или по три, или по четыре, а больше пяти миль никогда въ разстояніи почта отъ почты не бываетъ.

7. Въ проѣздѣ своемъ въ Ганноверѣ ищи домъ министра царскаго величества барона Шлейница и подай ему мое письмо, и поѣзжай того же часа, не мѣшкавъ. И въ Берлинъ пріѣхавъ, ищи домъ министра царскаго величества графа Александра Гавриловича Головкина и подай ему письмо, и проси, чтобы тебя указалъ отправить до Риги немедленно.

8. Ежели несчастіе случится, что ты занеможешь, и тогда, какъ ни есть, надобно доѣзжать до Ганновера или до Берлина, и, туда пріѣхавъ, проси помянутыхъ министровъ, чтобы, вмѣсто тебя, кого иного отправили и, тѣ у тебя всѣ письма принявъ, ко двору отправили.

9. Когда пріѣдешь въ Ригу, пиши ко мнѣ и отдай то письмо на почту.

10. По пріѣздѣ въ Санктъ-Петербургѣ чтó усмотришь и увѣдаешь, о всякомъ состояніи тамошнихъ дѣлъ пиши ко мнѣ и письмо отдай въ посольскую канцелярію.

11. Деньги, которыя тебѣ даны, записывать по вся почты.

12. Отсель до Ганновера за почту всё заплачено; и тебѣ больше не платить, токмо развѣ тринкгельдъ почталіономъ давать, чтó обыкновенно даётся гроша по два или по три.

13. Къ твоему знанію, — червонный ходитъ нѣмецкихъ денегъ шестьдесятъ четыре гроша.

На оборотѣ приписано собственноручною же рукою кн. Б. И. Куракина: „Дано ему сто червонныхъ".

„Образцовый трактатъ оборонительнаго союза между его царскимъ величествомъ и ихъ высокомочествы Статы Генеральными Соединенныхъ Нидерляндовъ въ Гагѣ 11 іюля 1713 г.".

Понеже его освященное царское величество и ихъ высокомочества Господа Статы Соединенныхъ Нидерляндовъ издревле между собою всегда содержали тѣсную и усердную дружбу и добрую корришпонденцію, и желая нынѣ еще вящше подкрѣпить и утвердить оную древнюю и твердую дружбу, — того ради за благо разсудили къ содержанію оной придать новую силу чрезъ учрежденный трактатъ союза оборонительнаго. И къ исполненію сего толь полезнаго дѣла его царское величество, съ одной стороны, удостовѣрилъ и далъ полную мочь (имя рекъ), и ихъ высокомочества Статы Генеральные, съ другой стороны, опредѣлили и назначили (имя рекъ), которые, довольно будучи увѣдомлены о добрыхъ намѣреніяхъ своихъ государей, по взаимномъ сообщеніи полномочій (съ которыхъ на конецъ сего трактата списки отъ слова до слова написаны), договорилися объ артикулахъ послѣдующаго содержанія.

1. Его царское величество и ихъ высокомочества возобновляютъ и подтвержаютъ, по силѣ сего настоящаго трактата союза оборонительнаго, свою древнюю дружбу и доброе согласіе такъ, что да будетъ впредь между обѣими высокими договаривающимися сторонами и ихъ государствами, областьми и подданными, на сухомъ пути и на морѣ, и во всякихъ мѣстахъ, и странахъ совершенная, вѣрная и усердная дружба, миръ и союзъ ненарушимый, и да не учинитъ единъ другому никогда никакого предосужденія и убытка или безпокойства, ни онаго государствамъ, областямъ, ни ихъ подданнымъ.

2. Наипаче же каждая изъ договаривающихся сторонъ потщится всѣми своими силами другой сторонѣ и подданнымъ оной искать

пользы и прибытка, какъ своего собственнаго, и отвращать, и препятствовать, по всей своей возможности, всякимъ убыткамъ, предосужденіямъ и обидамъ, которые онымъ могутъ учинены быть.

3. И того ради обѣ договаривающіяся стороны да содержатъ всегда прилежную и усердную корришпонденцію и повелятъ своимъ министромъ, при чужестранныхъ дворѣхъ пребывающимъ, о приключающихся случаяхъ и дѣлѣхъ, которые къ обѣихъ сторонъ интересамъ касаться будутъ, обще престерегать и доброе согласіе возымѣть.

4. И понеже между его царскимъ величествомъ и ихъ высокомочествы постановленъ и заключенъ формальный трактатъ торговли и навигаціи (мѣсяца и числа) 1713 года,—того ради договоренось, дабы, для лучшаго и твердаго содержанія вольности и безопасенія вышепомянутой взаимной торговли и навигаціи на морѣ Сѣверномъ и Балтическомъ, помянутый трактатъ былъ подтверженъ, якоже по силѣ сего настоящаго трактата союза оборонительнаго оный подтвержается.

5. Ежели же вольность торговли и навигаціи на морѣ Сѣверномъ и Балтическомъ будетъ обезпокоена, воспрепятствована или пресѣчена, или ежели помянутые договаривающіеся, его царское величество и ихъ высокомочества, ихъ области и подданные будутъ обезпокоены и препятствованы въ свободной торговлѣ и навигаціи на морѣ Сѣверномъ и Балтическомъ, противу обыкновенія и народныхъ правъ,—то изобидящая сторона дастъ о томъ знать своему союзнику, и тогда потщатся вкупѣ добродѣтельно напоминать наступателю къ оставленію того и къ возставленію свободы и вольности торговлѣ и навигаціи, дабы тѣмъ непотребно было употребить силу и оружіе. Но ежели наступитель и помѣшатель не оставитъ обезпокоивать помянутую торговлю и навигацію и не похощетъ склониться на напоминанія добродѣтельныя, то, въ такомъ случаѣ, между помянутымъ его величествомъ и ихъ высокомочествы договоренось употребить съ обѣихъ сторонъ всѣ возможныя силы, дабы возставить и содержать помянутую торговлю и на-

вигацію и оружіе не полагать, пока достойная сатисфакція изобиженному учинена будетъ, и вольность торговли и навигаціи возставлена и приведена будетъ въ прежнее состояніе.

6. Ежели случится, что его царское величество и ихъ высокомочества будутъ привлечены въ войну ради иныхъ причинъ, нежели какъ выше объявлено, съ какою ни есть державою, и что оную войну невозможно будетъ отвратить чрезъ примиреніе добродѣтельное, — то обѣ стороны договаривающіяся будутъ вспомогать другъ другу тѣмъ образомъ, какъ впредь о семъ подлиннѣе договоренось будетъ. Между тѣмъ, въ такомъ случаѣ, съ обѣихъ сторонъ предудерживается, чтобы послѣ дачи договоренной помощи не быть обязану мѣшаться ближайшимъ образомъ [въ дѣла] своего союзника изобиженнаго, ниже разорвать торговлю, согласіе и дружбу, имѣющую съ наступателемъ.

7. Сей же настоящій союзъ ничего въ себѣ не содержитъ, что̀ бы могло изобидѣть кого ни есть, но токмо касается взаимной безопасности обѣихъ сторонъ договаривающихся и содержанія ихъ торговли и навигаціи. Того ради договоренось, дабы сей союзъ пребылъ твердо и ненарушимо въ основаніе прочимъ союзамъ, которые бы впредь могли учинены быть къ вящшей безопасности и взаимнымъ пользамъ между договаривающимися сторонами; прочимъ же инымъ никакого вреда и нарушенія симъ да не учинится.

8. Сей договоръ союза оборонительнаго имѣетъ „ “ лѣтъ, считая отъ числа сего трактата, пребыть, и, по окончаніи оныхъ, по изобрѣтеніи о продолженіи того, впредь съ обѣихъ сторонъ со всякимъ прилежнымъ стараніемъ возобновлено и трактовано да будетъ.

9. Напослѣдокъ при семъ договоренось, что ратификаціи, или подтверженія, съ обоихъ трактатовъ учиненныхъ размѣнены быть имѣютъ во время 4-хъ мѣсяцевъ, считая отъ дня подписанія сего союзнаго трактата, или какъ наискорѣе возможно будетъ.

10. Во свидѣтельство всего вышепомянутаго сей вдвое изготовленный рецессъ и равно переведенный экземпляръ отъ учре-

жденныхъ къ сему съ обѣихъ сторонъ полномочныхъ подписанъ и припечатанъ. Данъ въ Гагѣ.

P.S. Доношеніе.

Сверхъ сего, ежели что̀ за благо изобрѣтено будетъ прибавить къ сему, то съ отмѣнками да припишется. А особливе желается вѣдать намѣреніе его царскаго величества о помощныхъ войскахъ,—какъ одной, такъ и другой сторонѣ опредѣленнымъ числомъ вспомогать какъ войскомъ сухопутнымъ, такъ и на морѣ кораблями; и о семъ будетъ ожидаться указъ отъ двора. Однакоже при семъ доносится, что, когда позволено будетъ, то̀ не можетъ быть поставлено въ артикулы трактата, но способнѣе учинится артикуломъ сепаре, для того что все то, которое бы дало другимъ желюзію, для содержанія въ тайности такимъ образомъ чинится.

„Въ какой силѣ надлежитъ Статомъ сообщить на французскомъ языкѣ".

1713 г. іюля 22. Гага.

Высокомочные Господа́. Когда его царское величество прибылъ съ своимъ транспортомъ къ Гельсингфорсу, въ Финляндію Шведскую, гдѣ непріятельскій корпусъ обрѣтался, которое мѣсто въ приходѣ войскъ его царскаго величества отъ непріятеля было сожжено, — того для весь транспортъ его помянутаго величества отъ того мѣста отступилъ съ восемь миль къ Боргу для учиненія транжементовъ и магазина; а шаутбенахтъ галерный г. Боцисъ съ частью скампавей оставленъ въ виду отъ Гельсингфорса былъ для осмотрѣнія той помянутой непріятельской пристани, также и прихода непріятельскихъ кораблей. И на третій день, по отступленіи его царскаго величества всего транспорта отъ Гельсингфорса, пришёлъ къ той пристани шведскій вице-адмиралъ Лили съ шквадрою непріятельскою въ восьми военныхъ корабляхъ и съ двумя простыми, или торговыми, суды, которыя были подъ такими же шведскими флаги; и потомъ еще прибыли три торговыхъ корабля и подъ

обороною тѣхъ же непріятельскихъ кораблей подъ пушками стали, а за позднимъ приходомъ на тѣхъ флаговъ неможно было видѣть. И понеже его царскаго величества помянутый шаутбенахтъ понужденъ былъ, по военному обыкновенію, искать способъ надъ непріятелемъ и, гдѣ бы возможно, атаковать,— и ночью оныя помянутыя пришедшія подъ флагами шведскими два судна, также и три послѣдующія, атаковали (не смотря на то, хотя и подъ пушками непріятельскими были, отъ которыхъ въ той атакѣ отъ великой стрѣльбы пушечной съ тѣхъ непріятельскихъ кораблей немалый упадокъ и нарушеніе судамъ видѣли); и когда въ той великой стрѣльбѣ на тѣ суда взошли, и оныя тогда зажгли, и отъ непріятельской стрѣльбы не могли на оныхъ больше застать, и людей, которыхъ на тѣхъ судахъ взяли, во флотъ его царскаго величества къ вышнему своему командиру привезли. А на одномъ изъ тѣхъ судовъ, когда взошли войска его царскаго величества, подняли голландскій флагъ, и помянутые, взятые съ тѣхъ судовъ, сказалися подданными ихъ высокомочествъ.

Того для его царское величество указалъ мнѣ, здѣсь пребывающему своему полномочному министру, помянутыхъ взятыхъ на тѣхъ корабляхъ имена ихъ высокомочествомъ объявить и о нихъ засвидѣтельство взять, ежели они ихъ подданные властно есть, и по тому засвидѣтельству оные взятые тотчасъ освобождены будутъ.

Также его царское величество, для содержанія всегда своей доброй дружбы съ ихъ высокомочествы, желаетъ, дабы ихъ высокомочества учинили генеральный заказъ, чтобъ ихъ подданные впредь подъ непріятельскими флаги не ходили и также при непріятельскихъ флотахъ не стояли, дабы и впредь подданнымъ ихъ, Господъ Статовъ, какихъ противностей и убытковъ, за неизвѣстіемъ, не случилось, какъ вышепомянутымъ, ежели оныя суда заподлинно были подданныхъ ихъ высокомочествъ. Но, по обыкновенію, потенцій неутральныхъ подданнымъ надлежало-было, видя флотъ его царскаго величества, послать къ командиру того объявить свои пасы и причину своего прихода,

какъ тому въ примѣръ при осадѣ [Риги] было отъ подданныхъ неутральныхъ потенцій учинено, что оные, будущіе своими судами въ той пристани рижской, объявили въ обозѣ генераломъ его царскаго величества свои пасы, которымъ для охраненія были даны пасы его царскаго величества, и оные въ то время никакого вреда не понесли. И о семъ требуется въ престорожность, разсуждая быть къ интересамъ обѣихъ потенцій, понеже непріятель весьма искать будетъ такихъ способовъ, дабы чрезъ что могъ какую вражду между его царскимъ величествомъ, такъ и ихъ высокомочествы положить. Какъ и все сіе вышепомянутое дѣло видимо есть, что нѣкоторымъ образомъ съ искусства оный вице-адмиралъ сіе учинилъ и тѣ суда подъ свою протекцію взялъ, дабы чрезъ то какую ссору между его царскимъ величествомъ и ихъ высокомочествы возставить, какъ то явно можно признать изъ самыхъ словъ тѣхъ взятыхъ, которые сказываются подданными Господъ Статовъ, что когда были вопрошены, что они стояли съ недѣлю въ виду отъ флота его царскаго величества, и знавъ себя неутральными, для чего по обыкновенію не обсылалися своими пасы во флотъ его царскаго величества и о себѣ не объявили,—на который вопросъ сказали, что воспрещены то были учинить отъ вице-адмирала шведскаго.

И на конецъ сего его царское величество ихъ высокомочествамъ такъ обстоятельно приказалъ о томъ дѣлѣ объявить и показать, какимъ незапнымъ образомъ то случилося, которое не можетъ дать ни подозрѣнія, ни какой [-либо] неблагодарности между тѣми потенціями, какъ его царскимъ величествомъ, такъ и ихъ высокомочествы, которые отъ времени до времени больше въ тѣсную корреспонденцію и обязательство союза приходятъ, нежели бы что къ нарушенію того чрезъ непріятелей внушено быть могло.

1713 г. [конецъ августа]. Гага.

Августа 21 дня возвратился въ Гагу курьеръ съ полными указы на тѣ мои доношенія, которыя при семъ не вписаны, но

въ габинетѣ сохраняются для многихъ секретовъ. А при семъ впишемъ, какова прислана полномочная грамота, также и вѣрющая къ Статомъ въ посольскомъ характерѣ къ тому съѣзду *).

Въ присланномъ рѣшеніи его царскаго величества на мои доношенія о мирѣ сѣверномъ повелѣно предлагать и какимъ образомъ поступать. И многое изъ того указа есть несходно съ волею потенцій морскихъ, ни съ нашими аліаты, а иное въ противность самыхъ общихъ интересовъ по частымъ премѣнамъ временъ во всѣхъ европскихъ дѣлѣхъ. И изъ того рѣшенія тѣ пункты, которые предусматриваются къ затрудненію, объявляемъ здѣсь.

1. Отъ медіаціи отговариваться, а добрыя средства примать.

2. Чтобы намѣренный мирный плянъ не дѣлать.

3. Чтобы въ начатіи негоціаціи наслѣдственныя земли въ прелиминарныя статьи приняты были.

5. Предложеніе первое велѣно учинить на плянѣ, учиненномъ въ Гузомѣ.

12. Весьма Гданескъ предлагать. А ежели не похотятъ, чтобъ избрать Бреславль; и ежели тамъ не похотятъ, то въ Брунсвикѣ.

21. Въ добрыя средства цесаря присовокуплять.

22. Въ тѣ же средства и курфюрста ганноверскаго присовокуплять.

23. О томъ явственно обѣимъ потенціямъ морскимъ предлагать.

25. При датскомъ и польскомъ министрахъ о цесарѣ и ганноверскомъ декляровать и ихъ къ тому принудить.

И разсудилъ за потребно всѣ тѣ помянутые важные пункты, прежде предложенія формальнаго, объявить приватными разговоры каждому въ разной силѣ (какъ ратпенсіонарію, Герсдорфу, польскому министру, Альфельду, датскому министру, Ботмару, ганноверскому, цесарскому барону Геемсу,

*) Упоминаемыя княземъ Борисомъ Ивановичемъ полномочная и вѣрющая грамоты помѣщены на стр. 64—66 II кн. „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“. 1891 г. Ред.

Гоусу, министру статскому, что при датскомъ дворѣ резидуетъ, милорду Страффорду, послу аглинскому) для того, дабы могъ вѣдать ихъ намѣренія и склонность къ тѣмъ и потомъ взять свои мѣры. И съ каждымъ изъ тѣхъ въ какой силѣ послѣдовали тѣ мои разговоры, то при семъ слѣдуетъ.

Съ начала своего пріѣзда въ Гагу я усмотрѣлъ нравъ ратпенсіонарія Генсіуса, что любитъ другого видѣть въ дѣлѣхъ и словѣ постоянна, негоряча, съ флегмою, также и человѣка правдива. Къ тому-жъ увидѣлъ весьма склонна къ интересамъ его царскаго величества и всемѣрно искалъ сначала своего времени, дабы могъ свой кредитъ у него постановить. И уже то по прилежности своей учинилъ, о чемъ засвидѣтельствуютъ мои ко двору доношенія.

Того для нынѣ при такихъ великихъ нужныхъ случаяхъ разсудилъ за потребно ему о всѣхъ тѣхъ вышеобъявленныхъ пунктахъ, какъ мнѣ указъ повелѣваетъ, объявить партикулярнымъ своимъ разговоромъ, а не предложеніемъ, и требовать отъ него совѣта, дабы тѣмъ знать его мнѣнія въ тѣхъ дѣлѣхъ; также и его увѣдомить, дабы онъ, знавъ, могъ заранѣе принять свои мѣры, сходныя съ нашимъ интересомъ, какимъ образомъ намѣренъ я поступить и приводить ихъ въ согласіе къ тому же мнѣнію, дабы о томъ онъ, ратпенсіонарій, знавъ, не имѣлъ какого подозрѣнія къ начатію несогласія отъ меня, или, не вѣдавъ моего намѣренія, что я министрамъ нашихъ аліатовъ не буду пространно объявлять, дабы онъ, вѣдавъ, всего не объявилъ имъ.

Объявленіе мое ему, пенсіонарію, состоялось въ томъ, что на предложенія ихъ, потенцій морскихъ, добрыхъ средствъ я на доношенія свои указъ въ отвѣтъ его царскаго величества получилъ, что его царское величество благодаритъ за ихъ доброе намѣреніе, какъ ея королевина величества, такъ и ихъ высокомочествъ, [и за] объявленныя добрыя средства къ примиренію сѣверной войны, и что его царское величество съ своими высокими аліаты тѣ ихъ добрыя средства примаетъ; токмо дабы и цесарь во оныя же дѣла своими добрыми средствы обще съ

ними, потенціями морскими, вступилъ, для того что прежде сего многократно было предложено обще съ нимъ, цесаремъ, и уже его царское величество нѣкоторымъ образомъ къ принятію его добрыхъ средствъ цесарскихъ обѣщалъ. А особливе интересы его высокихъ союзниковъ есть къ тому неволею привязаны, для того, какъ есть принцы имперскіе, не могутъ оныя дѣла быть окончены безъ него, цесаря, и что его, цесарскія, добрыя средства его царское величество примаетъ. Того для я не сумнѣваюсь, что́ бы могло быть за противность потенціямъ морскимъ.

На что онъ, пенсіонарій, сказалъ, что они благодарны за принятіе ихъ добрыхъ средствъ отъ его царскаго величества. А что принадлежитъ о цесарѣ, они никакой противности не находятъ, токмо склонна ли къ сему явится Англія? И притомъ разсуждалъ, что Франціи весьма есть оказія въ тѣ дѣла сѣверныя топерь замѣшаться; но когда бы цесарь во оныя дѣла не вступилъ, а были-бъ однѣ потенціи морскія, тогда-бъ и Франція до тѣхъ дѣлъ допущена не была.

И о семъ его разсужденіи объявлено въ моемъ доношеніи ко двору.

Потомъ я говорилъ, что принадлежитъ до намѣреннаго пляна мирнаго, какъ Англія намѣрена,—и къ сему его царское величество никогда воли своей не объявитъ, и больше къ его есть предосужденію; также и самая является невозможность, для того что противу воли другого ка̀къ возможно миръ учинить и оный содержать? Того для надѣюся, что Господа Статы того аглинскаго намѣренія не будутъ.

На что отвѣтствовалъ, что они никогда о томъ намѣренія не имѣли и имѣть не будутъ, для того что они не могутъ насильнымъ образомъ въ тѣ сѣверныя дѣла вступать и замѣшиваться, чрезъ что свободно могутъ въ новую войну вступить; но они съ великимъ трудомъ и съ Франціею свою войну окончали, нежели въ новую принуждены будутъ вступить. И о томъ намѣреніи статскомъ меня обнадежилъ.

Притомъ я ему объявилъ, что его царское величество, съ своей стороны, объявляетъ мѣсто къ съѣзду мирныхъ тракта-

товъ—Гданескъ, какъ о томъ чрезъ меня и прежде сего было предложено. Ежели же несходство къ тому найдется, то желаетъ въ Бреславлѣ въ Шлезіи, а уже по крайней мѣрѣ въ Брунсвикѣ. Но я въ предложеніи своемъ формальномъ буду предлагать Гданескъ и Бреславль, для того что, имѣвъ затрудненіе на оныхъ, всѣ сходны будутъ въ Брунсвикъ. И тогда объявлю свое послѣднее сходство на Брунсвикъ, когда увижу всѣхъ къ тому сходныхъ, дабы не было больше въ избраніи мѣста никакой трудности.

Однакожъ о Брунсвикѣ намѣренія его царскаго величества министромъ нашихъ аліатовъ не объявлю для того,—прежде буду вѣдать ихъ намѣренія. О польскомъ не сумнѣваюся, что на то согласенъ будетъ; но датскаго двора въ томъ намѣренія не знаю, и опасенъ, чтобы тотъ городъ отъ датскаго былъ выбранъ, для того что имѣютъ многое подозрѣніе отъ ганноверскаго двора къ предосужденію своихъ интересовъ и разсуждаютъ, что оный дворъ ганноверскій будетъ майстеромъ во всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ.

На сіе мнѣ отвѣтствовалъ, что въ избраніи мѣста не безъ трудности будетъ, для того что цесарь то мѣсто назначилъ къ съѣзду для интересовъ имперскихъ и въ декретѣ своемъ объявилъ явно, что потенцій чужестранныхъ допустить не хочетъ; и того для Англія будетъ въ томъ немалую трудность имѣть. А что принадлежитъ ко Гданску и Бреславлю, не можетъ онъ знать, въ какомъ сходствѣ другія потенціи къ тому будутъ.

Я ему при томъ объявилъ, что ни здѣсь въ Гагѣ, ни въ другихъ какихъ мѣстѣхъ, которыя бы могли быть отъ краевъ Россійской имперіи далѣе Брунсвика, его царское величество трактовать не повелитъ, и что указъ я имѣю ни въ какую негоціацію не вступать.

А для чего въ Гагѣ не трактовать, причины есть тѣ:

1. Есть предосудительно достоинству его величества, понеже ни одного примѣра не имѣли, дабы въ резиденціи трактовать о мирѣ той потенціи, которая добрыя свои средства представила.

2. Отдальность великая отъ краевъ Россійской имперіи.

3. Что вскорѣ ожидается посолъ французскій, который свободно можетъ въ оныя дѣла замѣшаться.

4. Все мѣсто Гаги наполнено чужестранными министры, которые будутъ мѣшаться въ тѣ дѣла; изъ того оныя дѣла будутъ въ интригахъ продолжаться, нежели скоро къ окончанію приведены могутъ быть.

5. Не безъ труда находится, какъ намѣреніе есть его царскаго величества, дабы оный министру своему здѣсь позволилъ трактовать.

На сіе онъ, пенсіонарій, отвѣтствовалъ, что ихъ намѣреніе о трактованіи въ Гагѣ никогда не было. „И того для нынѣ больше еще, не видя склонности его царскаго величества, отъ сего и другія потенціи будемъ отводить, чтобы здѣсь, въ Гагѣ, не трактовать“.

На что я ему сказалъ: то правда, что со стороны ихъ, Господъ Статовъ, мнѣ никакого предложенія не было, чтобы трактовать о мирѣ въ Гагѣ; но я о семъ доношеніе двору учинилъ на намѣренія милорда Страффорда, что онъ мнѣ предлагалъ о семъ, и того для оный отвѣтъ получилъ.

Потомъ я ему говорилъ, что первыя предложенія здѣсь не должно подавать, а поданы будутъ при съѣздѣ мирныхъ трактатовъ. На то отвѣтствовалъ, что „есть все то въ волѣ вашей; но мы свои во всемъ должности будемъ исправлять такъ, какъ неутральные“.

И на конецъ сего я просилъ его сіе все содержать въ тайнѣ до времени, пока будемъ въ согласіи во всемъ, какимъ образомъ надлежитъ намъ предложить съ министры нашихъ аліатовъ. И та конференція съ нимъ, пенсіонаріемъ, тѣмъ окончалася.

Имѣлъ конференцію съ министры нашихъ аліатовъ и имъ предлагалъ въ равной силѣ, и объявлялъ, какъ мнѣ указъ повелѣваетъ его царскаго величества.

Министру датскому предлагалъ, что я указы на все свое доношеніе получилъ отъ его царскаго величества впредь на предложеніе потенцій морскихъ, которыхъ содержаніе есть то:

1. Его царское величество указалъ мнѣ во всемъ томъ поступать съ общаго согласія съ министрами высокихъ своихъ аліатовъ, и того для намѣренія его царскаго величества сообщаю, дабы могли на оныя согласиться и равной силы отвѣтъ учинить.

2. Его царское величество указалъ мнѣ ихъ, потенцій морскихъ, за объявленныя добрыя средства благодарить, и что оныя вмѣстѣ съ своими аліаты примаетъ, и ничего такъ больше не желаетъ, какъ честнаго и прибыточнаго мира себѣ и своимъ аліатомъ. Токмо притомъ повелѣлъ мнѣ объявить, что его царское величество нѣкоторымъ образомъ обязался цесарю также его добрыя средства принять, и какъ уже прежде сего многократно его, цесарское, предложеніе было обще съ потенціями морскими,—ихъ добрыя средства. Къ тому же необходимо видится быть, дабы оная негоціація безъ цесаря могла быть, для того что его оба высокіе аліаты есть принцы имперскіе, и оба больше въ сей войнѣ сѣверной своими интересы прилежатъ къ имперіи.

3. О мѣстѣ съѣзда [для] мирныхъ трактатовъ, какъ я прежде сего объявлялъ, его величества царскаго желаніе есть въ Данцигѣ, ежели не согласны къ тому будутъ, то въ Бреславлѣ. И надѣюся я, что его королевское величество датскій сходство къ тому свое покажетъ, также и король польскій, для того, чтобы въ близость могло быть отъ двора его царскаго величества; но отъ дворовъ его аліатовъ всегда въ близости будетъ равной такъ, какъ бы и въ имперіи было.

4. Предложеніе здѣсь весьма не должно подавать, а объявить, что поданы будутъ при съѣздѣ, на мѣстѣ мирныхъ трактатовъ.

И на все то отъ него, Альфельда, требовалъ его мнѣнія, и какіе указы имѣетъ отъ двора своего, дабы могъ согласиться на сіи мои объявленные пункты. На то онъ, Альфельдъ, датскій [министръ], мнѣ отвѣтствовалъ, что не имѣетъ отъ двора своего никакихъ указовъ и будетъ о семъ отписываться ко двору, и просилъ пообождать отвѣтомъ до тѣхъ мѣстъ, когда отвѣтъ отъ двора своего получитъ.

На что я ему говорилъ, что безъ общаго согласія весьма ничего не учиню и буду ожидать столько времени, сколько желанно будетъ. Токмо при тѣхъ разговорѣхъ напоминалъ ему, Альфельду, чтó онъ, Альфельдъ, въ тотъ день въ верху мнѣ объявилъ,—что имѣетъ пространные указы отъ двора, токмо не отвѣтствуетъ силою оныхъ, для того что я пространныхъ къ тому указовъ не имѣю. И отъ тѣхъ своихъ словъ онъ, Альфельдъ, отперся и сказалъ, что, можетъ быть, оные разговоры были отъ г. Герсдорфа, а не отъ него, Альфельда; и опредѣлилъ ожидать къ нему указовъ. Того для я отъѣзжалъ нарочно въ Амстердамъ и былъ въ отлученіи изъ Гаги 12 дней.

Министру польскому барону Герсдорфу отъ меня было предложено въ равной же силѣ, какъ выше объявлено, который на то отвѣтствовалъ: о принятіи добрыхъ средствъ потенцій морскихъ равный указъ имѣетъ, также и о цесарѣ. Что же принадлежитъ о съѣздѣ, онъ согласоваться будетъ со мною, для того что ему именной указъ король о томъ далъ, и ежели во Гданескъ или въ Бреславль,—токмо не видится къ тому сходства другихъ, и того [для] разсуждается лучше быть въ Брунсвикѣ. Того ради и онъ къ Брунсвику сходство свое являетъ.

Что же до поданія первыхъ предложеній,—здѣсь ли подавать и въ какой силѣ,—о томъ не имѣетъ указа и будетъ писать ко двору, что требовалъ на описку три недѣли.

Потомъ имѣлъ я конференцію съ г. Гоусомъ, который въ посланническомъ характерѣ при дворѣ датскомъ резидуетъ. Но оный здѣсь сихъ часовъ былъ для того, что ежели гдѣ въ имперіи мѣсто къ съѣзду назначено будетъ, то ему, Гоусу, быть министромъ со стороны статской. И оный же помянутый Гоусъ многую службу явилъ къ интересомъ его царскаго величества во всю свою здѣшнюю бытность,—того ради разсудилъ быть за потребно нѣкоторое ему объявить изъ указовъ ко мнѣ отъ двора.

Я ему, Гоусу, сообщилъ въ великомъ секретѣ, что я имѣю указъ отъ двора, ежели Гданескъ и Бреславль не выберутъ,

и, наконецъ, позволить съѣзду въ Брунсвикѣ быть. Токмо, знавъ розныя мнѣнія министровъ нашихъ аліатовъ, а паче датскаго двора къ тому несходства, буду на двухъ мѣстѣхъ всегда трудность имѣть; и, наконецъ, когда увижу всѣхъ склонныхъ въ Брунсвикъ, тогда и я на то позволю. И притомъ ему говорилъ, чтобъ онъ сію мою конфиденцію припомнилъ и былъ бы тѣмъ благодаренъ, и во всѣхъ бы случаяхъ вспомогалъ, и чтобъ о томъ намѣреніи моемъ онъ, Гоусъ, никому знать не давалъ.

На тѣ мои слова онъ благодарилъ и обѣщалъ мнѣ во всѣхъ случаяхъ показать себя склонна къ интересамъ его царскаго величества и свои услуги показать, и притомъ же объявилъ мнѣ, что будетъ писать ко двору датскому и оный дворъ къ тому мѣсту Брунсвику склонять.

Конференцію о тѣхъ же дѣлѣхъ имѣлъ съ министромъ ганноверскимъ барономъ Ботмаромъ. Съ симъ помянутымъ господиномъ меня неволя понудила вступить въ конференцію, понеже о всѣхъ тѣхъ намѣреніяхъ его царскаго величества и ко мнѣ посланныхъ указахъ велѣно отъ двора предложеніе учинить барону Шлейницу, тамъ резидующему министру, и что онъ, баронъ Ботмаръ, уже до моего предложенія отъ двора своего былъ извѣстенъ о всемъ томъ, какъ было чрезъ него, Шлейница, курфюрсту предложено. Но мое намѣреніе было такое, чтобъ ему, барону Ботмару, о всемъ томъ намѣреніи его царскаго величества, что приналежитъ до его курфюрста, не объявлять до нѣкотораго времени для того, чтобы прежде видѣть склонность къ тому нашихъ аліатовъ; а особливе я разсуждалъ, чтобы здѣсь о томъ не говорить; но какъ видится по всѣмъ обстоятельствомъ, что съѣзду быть въ Брунсвикѣ, то, когда съѣдутся, чтобы при томъ мѣстѣ съѣзда мирныхъ трактатовъ и его, курфюрста ганноверскаго, министра въ конгрессъ ввести.

Но когда увидѣлъ изъ письма барона Шлейница, что онъ, получа указъ отъ двора, предложилъ курфюрсту ганноверскому о намѣреніи его царскаго величества, дабы онъ, курфюрстъ, съ потенціями морскими обще и съ нимъ, цесаремъ, трудился

своими добрыми средствы къ примиренію сѣверной войны, и [что] барона Шлейница еще весьма противу указа ко мнѣ декларація учинена, чтобы цесарю и ему, курфюрсту, быть медіаторы; того для я былъ принужденъ предложить ему, барону Ботмару, что его царское величество желаетъ, чтобы цесарь, также и его курфюрстская свѣтлость добрыми своими средствы были, обще съ потенціями морскими, къ примиренію сѣверной войны. И притомъ я ему, Ботмару, объявилъ, что я не буду еще министромъ нашихъ аліатовъ о семъ предлагать и имъ знать давать, но буду прежде вѣдать ихъ намѣренія къ тому, для того что отъ датскаго двора больше трудности вижу, нежели отъ польскаго. И то все взялъ на доношеніе двору своему.

Потомъ, на другой день, бывъ я у ратпенсіонарія, ему объявилъ о курфюрстѣ ганноверскомъ, какого намѣренія есть царское величество, который мнѣ не отвѣтствовалъ много, токмо сказалъ, что дворъ ганноверскій имъ есть добрый пріятель; токмо къ начинанію самаго дѣла еще не видитъ ничего, и отъ многихъ посредниковъ бо́льшая трудность придетъ. И разсуждалъ, что сходнѣе было бы, дабы въ тѣхъ дѣлѣхъ были однѣ потенціи морскія; но ежели другія будутъ, то весьма того мнѣнія надобно быть, что Франція въ тѣ дѣла замѣшается.

И о всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ топерь умолчалъ до предбудущаго времени, какъ о объявленіи министрамъ нашихъ аліатовъ о курфюрстѣ ганноверскомъ, такъ и о другихъ дѣлѣхъ, и буду писать каждое въ свое время, когда будетъ объявлено. Но топерь для подлиннаго вѣдѣнія объявлю о всѣхъ дѣлѣхъ съ начала сей негоціаціи.

Какъ началася 1712 г., по возвращеніи моемъ изъ Помераніи, и какія инструкціи дворовыя имѣлъ во всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ: 1) къ мирнымъ трактатомъ сѣверной войны, 2) къ конгрессу утрехтскому, 3) о турецкомъ примиреніи, 4) объ учиненіи трактата коммерціи съ Статами, 5) о нейтральствѣ въ имперіи и о секвестраціи Помераніи, 6) о голштейнскомъ дѣлѣ, 7) объ удержаніи Англіи и Голландіи, чтобы своего флота въ Балтическое море не посылали, — и о всемъ томъ топерь буду пространно писать.

Пріѣздъ мой въ Померанію, по именному его царскаго величества указу, былъ въ августѣ мѣсяцѣ 1712 г. И первое время въ навечеріи Успеніяго дня въ Анкламѣ имѣлъ аудіенцію его царскаго величества, и о всемъ, чтó приналежало, доношеніе чинилъ какъ словесно, такъ и письменно, и потомъ о всѣхъ дѣлѣхъ письменное свое разсужденіе давалъ, чтó приналежало къ интересамъ его царскаго величества. И оттуль, изъ Помераніи, былъ въ пути при его царскомъ величествѣ въ Берлинѣ даже и до Лейпцига, а изъ Лейпцига отправленъ я былъ въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Гагу къ Генеральнымъ Господамъ Статомъ чрезвычайнымъ посломъ и полномочнымъ министромъ, какъ къ ихъ помянутымъ высокомочествамъ, такъ и къ конгрессу утрехтскому.

И по пріѣздѣ своемъ нашелъ всѣ тѣ дѣла въ такой ситуаціи, что дѣла союзныхъ съ Франціею въ Утрехтѣ хотя и были въ замѣшаніи, токмо окончанія оныхъ видъ являлся. И въ февралѣ мѣсяцѣ начали являться нѣкакіе билеты министра шведскаго, которые раздавалъ министромъ аглинскимъ, такъ французскимъ и прочимъ, и хотѣлъ, чтобы дѣла сѣверныя токмо тѣ, которыя въ имперіи есть, были тутъ къ конгрессу внесены и опредѣлены, т.-е. Померанія и дукатство бременское были возвращены. А каковъ его, Пальмквистовъ, былъ билетъ раздаванъ, и тотъ при семъ слѣдуетъ.

„Понеже покоя и тишины въ имперіи чрезъ сей миръ уповать невозможно, ежели при томъ учиненныя въ Нижней Германіи безпокойства примирены не будутъ, то мирныя договаривающіяся стороны съ общаго согласія и совокупленною помощью, какъ междо собою, такъ и съ прочими вестфальскаго мира союзники, свои средства наикрѣпчайше приложатъ, дабы, по угашеніи, какъ наискорѣе возможно, военнаго огня во всемъ имперіи, все по силѣ помянутаго мира въ прежнее состояніе возставлено было. Того ради принцы, въ сѣверѣ воюющіе, вскорѣ, по подписаніи сего трактата, имѣютъ напоминаемы быть, дабы безпокойства общаго мира въ цесарствѣ далѣе не продолжали, но дабы оные, которые никакихъ земель въ Германіи не имѣютъ, свои войска оттуда вывели, а прочіе по

вышепомянутомъ возставленіи покойно тамо да пребудутъ. Но ежели сіи средства во время *) мѣсяцевъ къ пожеланному концу приведены не будутъ, тогда его цесарское величество и курфюрсты-принцы, и члены имперскіе, о войнѣ сѣверной неизвѣстные, купно съ освященнымъ королевскимъ величествомъ христіаннѣйшимъ, употребятъ способы дѣйствительные и совокупленными силами до того времени будутъ дѣйствовать, пока во всей Германіи миръ противъ вышепомянутой силы будетъ возставленъ и учрежденъ".

Но я, не смотря на всѣ его тѣ, Пальмквистовы, интриги въ Утрехтѣ, предудерживалъ себя къ объявленію своего характера въ Утрехтѣ.

И съ начала своего пріѣзда не искалъ ничего такъ, какъ бы могъ установить свой кредитъ у ратпенсіонарія Генсіуса, и, хотя чрезъ великія трудности, могу себя похвалить, что пожелаемое нашелъ. И непрестанно какъ ему, пенсіонарію, такъ графу Цинцендорфу, полномочному министру цесарскому при конгрессѣ утрехтскомъ, также и здѣсь правительствующимъ персонамъ сей республики говорилъ, дабы сѣверныхъ дѣлъ не допускали вчинать при конгрессѣ утрехтскомъ, представляя имъ резоны, что Франція весьма того желаетъ, дабы оныя дѣла были начаты, и чрезъ то она, Франція, хочетъ замѣшаться внутрь самыхъ дѣлъ имперскихъ,—и не можетъ больше предосудительнаго быть цесарю, какъ и всей имперіи, также и Господамъ Статомъ Генеральнымъ провинцій соединенныхъ, какъ чрезъ сей каналъ замѣшанія дѣлъ въ Утрехтѣ.

И на то все мое предложеніе мнѣ отвѣтствовали, какъ ратпенсіонарій,—и прочіе, что они весьма того престерегаютъ, дабы оныя дѣла въ Утрехтѣ не начались, и обнадежили меня, что начаты не будутъ.

Правда, я весьма былъ надеженъ на тѣ обнадеживанія всѣхъ, однакожъ не упускалъ своего времени самъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ въ Утрехтѣ надзирать, и непрестанно туда ѣздилъ для навѣдыванія всѣхъ тѣхъ дѣлъ и престорожности къ интересамъ его

*) Въ подлинникѣ пробѣлъ. Ред.

царскаго величества. И стоялъ въ домѣхъ партикулярныхъ, и хотя не объявляя своего характера, однакожъ не оставленъ былъ отъ всѣхъ визиты получить, кромѣ однихъ токмо министровъ французскихъ.

И въ мѣсяцѣ мартѣ 1713 г. уже всѣ дѣла почали приходить къ самому заключенію мирному, также и разглашеніе стало быть, что объ интересахъ шведскихъ министры французскіе хотятъ говорить и въ интересъ Швеціи нѣчто бы заключить, того для я понужденъ былъ весьма взять резолюцію, чтобъ ѣхать въ Утрехтъ, и уже для найма двора послалъ. Но потомъ удержанъ былъ чрезъ ратпенсіонарія, чтобъ удержаться тою ѣздою и усматривать времени, для того что пріѣздъ мой туда можетъ учинить великій эклятъ и тѣмъ, можетъ быть, понудитъ другихъ въ тѣ сѣверныя дѣла паче вступить.

И по нѣкоторыхъ дняхъ объявилося явнѣе, что цесарь весьма не хочетъ мира такого заключить и [рѣшилъ] въ войнѣ одинъ остаться, — того для я, усмотря, весьма взялъ резолюцію, чтобы мнѣ не ѣхать и не объявлять себя при томъ утрехтскомъ конгрессѣ, разсудя, что когда цесарь и цесарство съ Франціею [мира] не учинятъ, тогда не можетъ ничто касаться къ интересамъ его царскаго величества, понеже чтó-бъ и касаться могло, то не что иное, токмо въ дѣлахъ сѣверныхъ, которыя приналежатъ къ имперіи.

И когда миръ со всѣми аліаты у Франціи заключился,— 1713 г. 31 апрѣля,—тогда я доношеніе двору учинилъ, что я, разсудя за потребно, для многихъ причинъ въ конгрессъ утрехтскій не поѣхалъ, усмотря, что о дѣлѣхъ сѣверныхъ касаться не будетъ; и нынѣ, по заключеніи мира, буду еще смотрѣть, ежели вновь дѣла цесарственныя вчинаться не будутъ, и тогда доношеніе учиню, что о дѣлахъ его царскаго величества ничего не касалося, и всѣ опасности прошли. И въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда уже всѣ министры цесарственные разъѣхались ко дворамъ своимъ, оставя конгрессъ утрехтскій, тогда помянутымъ образомъ двору доношеніе учинилъ, и что при всемъ томъ конгрессѣ ничего предосудительнаго къ интересамъ его царскаго величества

не учинено. И такимъ образомъ чрезъ мою прилежность и усмотрѣніе то дѣло окончалось безъ всякихъ трудностей, что́ бы могло тамъ припасть въ церемоніяхъ, также и въ понесенныхъ великихъ убыткахъ.

Я между всѣмъ тѣмъ временемъ продолженія конгресса всегда, по пріѣздѣ своемъ, въ Утрехтѣ бывалъ у министровъ аглинскихъ, бискупа бристольскаго, такъ и милорда Страффорда, и имъ являлъ волю и склонность его царскаго величества къ миру, и желалъ отъ нихъ всегда вѣдать, ежели о дѣлахъ сѣверныхъ что начинали дѣлать, или что хотятъ начать. Изъ всѣхъ ихъ отвѣтовъ усматривалъ, что довольно имѣютъ своихъ дѣлъ разбраживать, нежели въ чужія вступать. Сіе еще меня паче подтвержало, что дѣламъ сѣвернымъ въ Утрехтѣ вчатымъ невозможно быть.

„О дѣлахъ турецкихъ“.

Нечаянно получена вѣдомость, что Порта нарушила миръ, учиненный съ его царскимъ величествомъ 1712 г. 2 апрѣля въ Константинополѣ чрезъ пословъ его величества барона Шафирова и прочихъ, и что война объявлена, и помянутые послы его величества въ семь туръ *) посажены, и варварски трактованы. Того для указъ его царскаго величества изъ Помераніи въ декабрѣ мѣсяцѣ ко мнѣ былъ присланъ, какъ наивозможно, трудиться при Господахъ Статахъ Генеральныхъ соединенныхъ провинцій, дабы по прежней своей склонности и дружбѣ къ его царскому величеству для общей пользы христіанства въ сіе дѣло вступили и чрезъ своего посла графа Коллiерса Портѣ свою медіацію предложили, дабы сію неправую войну прекратить.

И по полученіи того указа, здѣсь, чрезъ ратпенсіонарія Генсіуса и президента чужестранныхъ дѣлъ барона Латмара, Господамъ Статамъ предлагалъ, чтобы такой указъ послали къ своему послу въ Константинополь; но все то мое

*) Т.-е. башенъ.—Ред.

публичное предложеніе одну церемонію дѣлало, ниже что изъ того успѣвало. Тогда я принужденъ былъ въ семъ дѣлѣ великія трудности понесть—искать способъ къ доброму произвожденію сего дѣла. И чрезъ многіе труды и свою прилежность нашелъ такимъ образомъ, что на всѣ мои формальныя предложенія Статы явныхъ указовъ отъ своего собранія къ послу своему не пошлютъ. Тогда я разсудилъ за потребно трудиться о секретныхъ указѣхъ и того для предлагалъ главнымъ въ секретѣ сей республики: впервыхъ, ратпенсіонарію Генсіусу, великому казначею Гоппу, грефію Фагелю, статскому секретарю Шлингерлянту, г. Дивинфорту, первому въ кредитѣ изъ ноблесъ во всей сей республикѣ, г. де-Лиру, первому изъ ноблесъ, бургумистрамъ амстердамскимъ: г. Корверу, г. Панкрасу, Михельсону, г. Витсену. И всѣ тѣ помянутые господа, съ общаго согласія, безъ сообщенія статскому собранію, тайно указъ послали въ Константинополь къ послу своему графу Колліерсу, и велѣли трудиться со всякою прилежностью, чтобы между его царскимъ величествомъ и Портою [миръ] возобновить и отъ войны турокъ отводить; и ежели за благо разсудитъ, чтобъ онъ, графъ Колліерсъ, самъ ѣхалъ въ Адріанополь, также-бъ и въ кампанію при салтанѣ послѣдовалъ, и вездѣ бы къ примиренію той войны трудился, а ежели самъ онъ, Колліерсъ, за чѣмъ не можетъ ѣхать, то-бъ отправилъ своего посольства секретарія и велѣлъ бы быть при тѣхъ дѣлѣхъ. И тотъ указъ 21 генваря отъ нихъ, Статовъ, былъ отправленъ чрезъ тайную коррипшонденцію одного купца изъ Амстердама.

И по отправленіи на третій день того указа, ввечеру, въ восьмомъ часу, былъ ко мнѣ присланъ отъ всего того помянутаго тайнаго собранія грефій Фагель съ объявленіемъ, что вышепомянутымъ образомъ къ послу ихъ графу Колліерсу указъ отправленъ, и притомъ обнадеживали его царское величество, что они во всѣхъ случаяхъ готовы себя являть склонна къ интересомъ его. И о томъ я двору своему пространно доношеніе учинилъ, когда его царское величество еще былъ въ Голштеніи.

И по полученіи того указа, онъ, графъ Колліерсъ, вступилъ въ тѣ дѣла, и такъ въ милости Вышняго счастливо начаты были и окончалися, что вновь миръ между его царскимъ величествомъ и Портою, 1713 г. іюня мѣсяца 22-го, въ Адріанополѣ заключенъ и подтверженъ.

И все сіе дѣло моей прилежности и вѣрной услуги къ его царскому величеству не можетъ быть скрыто, понеже всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ есть, извѣстно, а паче изъ писемъ барона Шафирова ко двору, чаю, о всемъ томъ пространно объявлено.

„О дѣлахъ голштейнскихъ“.

Когда его царское величество послѣдовалъ за непріятельскимъ корпомъ войскъ шведскихъ подъ командою графа Штенбока въ Голштенію, и такимъ образомъ вся война была перенесена въ оную провинцію дука голштейнскаго. И о тѣхъ всѣхъ дѣлѣхъ довольно надобно писать, какимъ образомъ оныя дѣла военныя были, но то можетъ быть обстоятельне объявлено въ военныхъ журналахъ или въ гисторіи. Но топерь объявлю, что́ принадлежитъ до дѣлъ политическихъ.

Англія тогда трудилась здѣсь, при Господахъ Статахъ, чрезъ посла своего милорда Страффорда во всю прошедшую зиму, дабы обще имъ, потенціямъ морскимъ, послать свои эскадры въ Балтическое море и короля датскаго принудить къ миру съ короною шведскою, или, по послѣдней мѣрѣ, чтобы войски своими оставилъ Голштенію. Также и другимъ образомъ она, Англія, намѣрена была сквадру свою послать въ пристань Тонингъ и нѣсколько баталіоновъ войскъ своихъ въ ту крѣпость пересадить, и уже, по всѣмъ вѣдомостямъ, тотъ флотъ аглинскій въ 15-ти корабляхъ линейныхъ былъ во всякой готовности въ концѣ мѣсяца февраля и мѣсяца марта.

Того для, по прошенію короля датскаго, его царское величество послалъ свою грамоту, написавъ къ королевѣ аглинской, къ посланнику своему чрезвычайному г. Литу и велѣлъ

оную подать въ такомъ случаѣ, ежели весьма Англія намѣрена будетъ оную эскадру отправлять. И содержаніе той грамоты при семъ слѣдуетъ.

„Пресвѣтлѣйшая и державнѣйшая королева, намъ любезнѣйшая сестра. Ваше королевино величество намъ столько опытовъ своей дружбы и добраго намѣренія до сего времени показала, и мы о присодержаніи оной такимъ образомъ всегда старались, что мы вѣрить не можемъ, хотя публично то разглашается, и едва не отовсюду вѣдомости о томъ къ намъ приходятъ, а именно, будто ваше величество намѣрена сильный транспортъ въ Голштенію шведамъ на помочь учинить, и къ отправленію онаго уже дѣйствительныя предуготовленія чинятся,—и мы о подлинности сего разглашенія толь вящше сумнѣваемся, понеже мы во всѣхъ нашихъ поступкахъ, которые мы въ разсужденіе къ вашему королевину величеству имѣли, ничего не находимъ, что́ бы къ таковой непріятельской резолюціи поводъ дать могло. Такожде и союзники наши, его королевское величество датскій и польскій, къ такому поступку никакой причины не дали, ибо извѣстно есть, что оные паче, чрезъ перепускъ знатнаго числа войскъ своихъ и инымъ образомъ, къ счастливому произведенію вашихъ и всѣхъ союзниковъ дѣлъ противъ Франціи явственно и много вспомогали. Не меньше же съ нашей стороны мы къ оказанію всякой дружбы и къ ближайшему вступленію съ вашимъ величествомъ всегда готовы были,—и для того толь меньше чаять мочно, что ваше королевино величество безъ всякой отъ насъ и союзныхъ нашихъ данной причины непріятельскую партію принять, оному дѣйствительное вспоможеніе чинить и тако явственно противъ насъ себя объявить восхотѣла. Но паче уповаемъ мы отъ вашего величества извѣстнаго праводушія, что вы равнымъ же образомъ въ настоящую шведскую войну мѣшаться не будете, толь меньше противъ насъ партію пріимете, какъ мы въ французской войнѣ къ предосужденію вашему и вашихъ союзниковъ не мѣшались.

Какъ уже чаемъ, вашему королевину величеству извѣстно, какую склонность и умѣреніе имѣли по такой едва слыханной

викторіи при Полтавѣ, по которой тотчасъ королю шведскому генерала-маеора Меерфельда, а къ сенату гехеймъ-секретаря Цедергельма послали, прося о мирѣ, и не желали больше къ тому, что́ уже имѣли, только двухъ крѣпостей для барьеры, Выборга и Корелы; но непріятель только съ безчестіемъ отвѣтствовалъ, которое его непримиримое сердце видѣвъ, понудило насъ далѣе войну вести. Итако можете ваше величество разсудить нашу добрую склонность къ миру, нежели къ войнѣ, за что мы надѣялись вящшей дружбы и вспоможенія отъ вашего величества.

Но притомъ не можемъ оставить, вамъ не объявя, что ежели, паче всякаго чаянія, помянутая молва основаніе имѣетъ, и ваше величество себя въ пользу шведовъ противъ насъ объявите онымъ дѣйствительна вспомогать, или прямо противъ насъ, или противъ кого изъ нашихъ союзниковъ, его королевскаго величества датскаго или польскаго, что непріятельскаго начинать, и тако на насъ наступать будете,—то натурально есть, что мы тогда принуждены будемъ въ нашей правдѣ всѣми силами, купно съ нашими союзниками, всѣмъ тѣмъ, которые на насъ такимъ неправеднымъ образомъ наступать будутъ, противиться и оборониться искать, употребляя къ тому всѣ оные способы, которые случай намъ [подастъ] и къ тому способны будутъ. И надѣемся на помощь Божію толь наипаче, [понеже] никакой причины къ такому непріятельскому поступку и нападенію не подали, [и ничего] такъ не желаемъ, какъ чтобы до сего времени междо нами и вашимъ величествомъ къ великой пользѣ обоихъ подданныхъ бывшее доброе согласіе продолжать и прочая".

Изъ Фридрихштата, февраля 12-го 1713 г.

Въ то же время указъ его царскаго величества я получилъ, и о всемъ мнѣ сообщено, и велѣно ему, Литу, во всемъ томъ сноситься со мною, а мнѣ велѣно въ Утрехтѣ съ министры аглинскими говорить въ твердыхъ терминахъ.

И кратко объявлю, что ежели королева что́ приметъ противнаго не токмо прямо противу его царскаго величества, хотя противу его котораго аліата, то́ весьма его царское величество

можетъ принять за нарушеніе древней дружбы и доброй коррипponденціи, и принужденъ будетъ къ оборонѣ себя и своихъ аліатовъ [принять всякія мѣры], которыя не могутъ полезнаго понести, кромѣ вредительнаго. И для убѣжанія отъ всѣхъ тѣхъ трудностей я о семъ имъ, министромъ аглинскимъ, предлагаю, дабы отъ чего не учинилося предосудительнаго коммерціи, чтó есть общее къ интересамъ обоихъ народовъ, россійскаго и аглинскаго.

И въ тѣхъ нашихъ разговорѣхъ съ обѣихъ сторонъ довольно было угрозъ.

Однакоже по нѣкоторыхъ дняхъ уже изъ писемъ аглинскихъ явилася нѣкоторая при дворѣ модерація, и эскадра приготовленная больше въ тотъ путь отставлена прибираться, также и помянутая грамота не подана, понеже въ ней нужды не было, также и въ сильныхъ терминахъ писана, которая бы весьма досаду могла принести; о чемъ я партикулярнымъ своимъ письмомъ царскому величеству доносилъ, а обстоятельно о всемъ дѣлѣ явно покажетъ изъ моихъ реляцій ко двору.

Правда, въ семъ дѣлѣ ни грамота бы, ежели-бъ и подана была, ни мои протестаціи, учиненныя министрамъ аглинскимъ, такъ не способствовали, какъ оная самая постоянная дружба Господъ Статовъ Генеральныхъ къ интересомъ его царскаго величества, что на всѣ домогательства аглинскія не посмотрѣли и шквадры своей въ Балтическое море послать не хотѣли,—и тѣмъ весьма оное аглинское намѣреніе удержано, также и по се число не допускается. И постоянная дружба въ тѣхъ дѣлѣхъ сей республики къ интересамъ его царскаго величества можетъ пространно видима быть изъ моихъ доношеній ко двору.

Во всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ голштейнскихъ сколько здѣсь имѣли конференцій, о томъ покажетъ въ годовомъ протоколѣ.

„О нейтральствѣ въ имперіи и о секвестраціи въ Помераніи“.

Указомъ отъ двора мнѣ повелѣно, когда будутъ предлагать о нейтральствѣ въ имперіи или въ секвестрацію Померанію отдавать, тогда мнѣ велѣно поступить въ томъ во всемъ дѣлѣ

и учинить претензіи такія, какъ объявлено въ грамотѣ къ цесарю, которая въ февралѣ мѣсяцѣ 1713 г. отправлена, также и по статьямъ, посланнымъ къ фельдмаршалу князю Меншикову. Содержаніе тѣхъ въ указѣхъ и инструкціи дворовой увидишь.

И о всемъ томъ дѣлѣ, однакожъ, здѣсь въ сію мою бытность никакого предложенія не было, кромѣ токмо одного мимоходомъ. И того же времени отвѣтствовалъ, что возьму на доношеніе ко двору.

„О трактатѣ коммерціи".

Съ самаго своего пріѣзда трудился о трактатѣ коммерціи и, подавъ имъ на письмѣ для вѣдѣнія на французскомъ языкѣ проектъ, также и ремарки, на то требовалъ отъ нихъ отповѣди письменной; но въ томъ весьма видѣлъ отъ нихъ несходство, для того что письменно въ то дѣло не хотѣли обязываться, чтобы не дать подозрѣнія другимъ потенціямъ, и приводили меня къ тому, чтобы трактовать на словахъ. Однакоже по всемъ моемъ прилежномъ стараніи склонились, чтобы дать мнѣ письменно резолюцію статскую и свои имъ ремарки, что̀ и учинено.

Но та ихъ, статская, резолюція дана такъ секретно, что токмо сообщена тайному совѣту, а статскому собранію всему конечно было не предложено, для того что была подписана рукою, вмѣсто президента, барономъ Латмаромъ, президентомъ чужестранныхъ дѣлъ, и грефіемъ Фагелемъ; и какого оная есть содержанія, то увидишь въ письмахъ о торговлѣ, также и въ большомъ протоколѣ.

Я все то сообщилъ двору и того же времени писалъ, чтобы въ томъ дѣлѣ мнѣ дали скорую резолюцію, для того что при нынѣшнемъ случаѣ нужно здѣшнимъ въ тѣ дѣла вступать, также и съ нашей стороны чтобы времени не упустить. Притомъ же я разсудилъ за потребно послать ко двору, сдѣлавъ образцовый проектъ трактата навигаціи и союза оборонительнаго между его царскимъ величествомъ и Статами, для того что сей трактатъ можетъ всѣхъ другихъ покрыть, и тѣмъ бы трактатомъ въ бо́льшую дружбу ихъ, Статовъ, обязать.

Насупротивъ тому и здѣшней республикѣ небезполезно есть обязаться тѣмъ трактатомъ съ его царскимъ величествомъ, для того что съ шведомъ уже весьма ссорились, и отъ прусскаго есть въ немалой опасности, также и противу Англіи и Франціи при случаяхъ всегда могутъ надежны быть.

„О трактатѣхъ сѣвернаго мира".

Въ данной мнѣ инструкціи въ Лейпцигѣ упомянулося въ 6-мъ артикулѣ, чтобы требовать у потенцій морскихъ обнадеживанія, что наслѣдственныя земли безспорно останутся во владѣніи его царскаго величества, и тогда въ негоціацію вступать; а въ 16-мъ артикулѣ молвлено, ежели такого обнадеживанія не учинятъ, то ихъ добрыя средства не примать и въ негоціацію не вступать.

Я сіе дѣло разсудилъ великой импотенціи и такъ скрытно содержалъ, что никому не сообщалъ того слова, что безъ того царское величество ихъ добрыхъ средствъ, потенцій морскихъ, не приметъ; токмо одному пенсіонарію объявилъ, что могутъ ли они такое обнадеживаніе учинить, также и милорду Страффорду нѣкоторыми разговоры не такъ явно. Но отъ обоихъ ихъ отвѣтъ получилъ, что они такого обнадеживанія учинить не могутъ, а, вступя въ негоціацію, о томъ трудиться будутъ.

Все сіе я скрытно велъ отъ министровъ нашихъ аліатовъ и сему въ противность поступалъ, и являлся имъ тѣмъ лицомъ, что наша склонность весьма къ миру есть, чтобъ имъ никакого подозрѣнія не дать.

И многія предложенія были о добрыхъ средствахъ потенцій морскихъ. И уже впослѣдніе когда предложено было, тогда я ко двору доношеніе учинилъ, что лучше въ негоціацію вступать, нежели такую противную деклярацію учинить, и со многими резоны о томъ писалъ, какъ о томъ явлено въ моихъ доносительныхъ письмахъ ко двору.

И на то свое я доношеніе получилъ указъ отъ всемилостивѣйшаго государя,—велѣно добрыя средства потенцій морскихъ

примать и въ негоціацію вступать и прочее, для которыхъ дѣлъ и сію книгу начали писать. И могу причесть себѣ за великую службу къ интересомъ его царскаго величества, какимъ образомъ я сіе дѣло производилъ и съ какою трудностью. И ежели-бъ я по указомъ поступалъ, то бы весьма обѣ потенціи морскія согласнаго мнѣнія были и насиліемъ въ наши дѣла поступили со всякою противностью. Но нынѣшній нашего двора поступокъ весьма есть сходенъ съ мнѣніемъ Господъ Статовъ соединенныхъ провинцій, что они хотятъ трудиться добродѣтельно во всѣхъ тѣхъ сѣверныхъ дѣлѣхъ къ примиренію сѣверной войны, а не насильными образы, какъ о томъ явнѣе увидишь въ резолюціи статской, данной милорду Страффорду, послу аглинскому, на его меморіалъ. Въ большомъ протоколѣ о семъ значитъ.

„Какимъ образомъ я отъ всѣхъ противностей удерживалъ сію республику и о пожженныхъ пяти корабляхъ".

Намѣреніе сей республики всегда было, чтобы миръ въ сѣверѣ учинить, и того для, знавъ ихъ намѣреніе, я всегда всѣмъ внушалъ, что его царское величество весьма склонность свою къ миру являетъ, и что самъ того окончанія скораго съ своими аліаты обще желаетъ. И чрезъ многіе договоры такъ сильно имъ внушалъ и показалъ о всемъ томъ, что весьма то намѣреніе его царскаго величества, безъ сумнѣнія, за вѣрно приняли, — и того для на всѣ домогательства милорда Страффорда при Статахъ, чтобы съ Англіею насильно противныя мѣры принять противъ сѣверныхъ аліатовъ, Господа Статы не хотѣли о томъ слышать и взяли резолюцію ему, милорду, письменно отвѣтствовать, что они добродѣтельно и чрезъ негоціацію въ тѣ дѣла сѣверныя вступать хотятъ, а не другимъ какимъ насильнымъ образомъ.

Потомъ же я имъ внушалъ, что имъ, Статомъ, не безъ опасности есть въ своихъ властныхъ [дѣлѣхъ] со стороны Франціи, Гишпаніи, также и самой ея, Англіи, и что она, Англія,

вводитъ ихъ, Статовъ, въ замѣшаніе новой войны съ сѣверными воюющими, то желаетъ со всѣхъ сторонъ здѣшней республикѣ всякаго непріятельства такъ, чтобы сію республику къ самому разоренію привесть и всѣхъ пріятелей отъ нея отлучить, между которыми наивпервыхъ считаю его царское величество, который, кромѣ обязательства своими интересы, натуральную склонность къ сей республикѣ имѣетъ; также-бъ и коммерціо голландское въ Балтическомъ морѣ разорить, откуль вся Голландія питается, и весь торгъ подробный, который больше прибытку меньшому народу приноситъ, нежели большой торгъ есть въ морѣ Балтическомъ. И ежели что начнется насиліемъ какимъ въ тѣхъ дѣлѣхъ, и потенціи морскія пошлютъ свои шквадры, то отъ насильнаго замѣшанія, конечно, полезнаго произойти не можетъ, но паче предосудительнаго и самимъ интересомъ шведскимъ, для того, ежели её, Швецію, возставлять къ продолженію сѣверной войны, то къ ея властному разоренію, — ежели противную партію принуждать имъ, потенціямъ морскимъ, къ такому миру, къ какому они хотятъ, весьма онѣ внѣ силы своей и состоянія есть.

И притомъ я внушалъ чрезъ г. Гоуса, что въ нужномъ и противномъ случаѣ его царское величество будетъ противиться противу всѣхъ, и, наконецъ, объявлю, что не будетъ менажировать ни одной непріятельской фортеціи, имѣющей въ рукахъ, но все обратитъ въ пепелъ.

И сіе между здѣшнею республикою великую силу придало къ удержанію ихъ противнаго пріятія.

939. Князь Б. И. Куракинъ—Г. И. Волкову.

1712 г. іюля 1. Гага.

Не чаю симъ трудъ вамъ нанести, чего для я разсудилъ быть сходно вамъ, мой господинъ, обстоятельно написать о дѣлахъ нынѣшняго такъ деликатнаго времени, которыя и къ нашимъ интересамъ принадлежатъ.

Съ начала сего конгресса утрехтскаго въ рапортѣ моемъ двору объявлялъ, что Голландія намѣрена продолжать; тó и донынѣ есть. Но, по пріѣздѣ милорда Страффорда, на сихъ недѣляхъ оному продолженію чаемъ къ концу своему прійти, что принуждены здѣшніе господа будутъ брать резолюцію —или войну, или миръ. Есть нѣкоторый видъ,—не токмо Англія миръ партикулярно учинить намѣрена, но всѣ чаянія того, что по предложеніямъ своей медіаціи, которая никогда принята не будетъ, войну здѣшнимъ декляруетъ. Для чего такія трудности и несходность къ миру у здѣшнихъ съ Англіею находятся? Для того,—Англія плянъ мира объявила; а [какъ] вы уже извѣстны, здѣшніе усматриваютъ, что Англія не токмо войну желаетъ прекратить, но ищетъ Францію въ прежнюю силу возставить для того, что чрезъ ту силу принца Галлиса на королевство возставитъ и повелительства голландскаго свободится.

Статы требуютъ мира такого, чтобы Каталонія съ половиною другихъ провинцій всей Гишпаніи и половина Индіи и съ депенденціями Италіи [была уступлена] дому аустрійскому, а другая половина Филиппу.

Смотри, какое время—желаемое намъ исполнить и обязательство союза съ здѣшними учинить; могу сказать, или нынѣ, или никогда. Но нѣкакій развѣ секретъ къ сему не допускаетъ, который моему разсужденію непонятенъ есть. Что же могу разсудить, при семъ объявляю: здѣшнихъ слабость видится отъ несогласія сѣверныхъ аліатовъ, что каждый партику-

лярнаго нынѣ интереса ищетъ, нижé общаго, или помогать нашему. Но могу сказать, что, испустя нынѣ благополучное время, наконецъ, оба обманутся.

Конецъ невидимый прогрессовъ сей кампаніи многія премѣны въ дѣлѣхъ сѣверныхъ являетъ. Но здѣшніе, бывъ въ слабости, желали бы пристать къ пользующимъ, нежели къ тѣмъ, какъ впредь чающимъ немощь.

Многому разсужденію придаетъ удержаніе долгое непріятеля въ Бендерѣ и его проходъ чрезъ Польшу.

Англія, учиня миръ,—разсуждаютъ,—чтó бы могла дѣлать?—Франціи помогать и шведа въ прежнюю силу возставить. Того для, усматривая, здѣсь чаютъ лучше неутральными себя къ сѣверной войнѣ явить, нежели съ тою или другою стороною союзомъ обязаться.

Всѣ помянутыя причины не воспретили бы здѣшнимъ съ нами въ союзъ вступить, ежели бы видѣли согласіе союзныхъ сѣверныхъ; чего для при нынѣшнемъ случаѣ польскій и датскій каналы нашему дѣлу могутъ быть чрезъ свои войска, которыя на заплатѣ аглинской есть, но нынѣ чрезъ новый трактатъ здѣшніе принуждены будутъ брать, а паче всего желаютъ вѣдать нашихъ запросовъ. Я быть разсуждаю безотвѣтныхъ на наши предложенія по се число тѣхъ ради причинъ, ежели будемъ запрашивать всего того, то лучше начинать не хотятъ.

Топерь, ежели бы кто мнѣ сказалъ, что я о всѣхъ тѣхъ намѣреніяхъ свѣдомъ и по состоянію дѣлъ могъ бы кондиціи премѣнить,—могу сказать, что несвѣдомъ. И ежели бы нынѣ, учиня здѣсь намъ отвѣтъ, попросили проектовъ, я бы въ конфузію пришелъ, какимъ образомъ написать, чего для въ инструкціи упомянулося токмо о помощныхъ войскахъ. И то—обыкновенная отдача войскъ, а не трактатъ аліанса, который при нынѣшнихъ случаяхъ обѣимъ странамъ нужнымъ есть, въ которомъ кондиціи по претензіямъ бóльшія могутъ быть, нежели въ трактатѣ о помощныхъ войскахъ.

И въ нынѣшнихъ случаяхъ для премѣнъ частыхъ въ дѣлѣхъ ко всѣмъ новыми инструкціи подтвержаютъ. Такъ равно

и къ намъ надлежало бы частыя инструкціи присылать, разсуждая къ своему интересу изъ доношенія при чужестранныхъ дворѣхъ всѣхъ министровъ также кондиціи заранѣе постановить, и многими примѣрами, не однимъ; и ежели бы не могли всѣхъ войскъ на своей заплатѣ имѣть, кромѣ фуража, провіанта и квартиръ, то нѣкоторую часть на своей заплатѣ обѣщать, усмотря, есть ли то сходно съ интересомъ.

Для чего такъ заранѣе надобно знать? Для того всѣ тѣ намѣренія двора надобно заранѣе знать и по тому здѣсь третьею особою постороннею давать знать, чтобы тѣмъ охотнѣе здѣшнихъ въ дѣло приводить.

Ежели желать въ семъ дѣлѣ окончанія добраго, паче всего приводить въ согласіе своихъ аліатовъ: чрезъ то согласіе пожелаемое можно получить, чего для здѣсь въ нихъ больше нужды имѣютъ для ихъ войскъ, которыя въ службѣ аліатской, нежели о другихъ.

940. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. іюля 1. Гага.

Министры аглинскіе съ Статы имѣли по два дня конференціи, въ которыхъ ничего, кромѣ принятія армистиціи, не предлагали. Но изъ всѣхъ тѣхъ конференцій, что́ нужно къ вѣдѣнію, доношу.

Милордъ Страффордъ объявилъ имъ, чтобъ была резолюція о принятіи армистиціи принята въ двои сутки; притомъ многіе въ противныхъ терминахъ одни другимъ отвѣтствовали. Потомъ Страффордъ сказалъ, что они, Статы, намѣрены продолжать войну, и въ какое намѣреніе, о томъ королевѣ извѣстно. Но именемъ ея объявляетъ, что она весьма намѣрена миръ учинить, не смотря ни на чьи къ тому помѣшательства; и подтвердилъ, чтобъ они, Статы, не продолжая времени, армистицію примали, а ежели не примутъ, принуждена королева будетъ примать иныя мѣры.

Статы, съ своей стороны, объявляли, что они безъ пріобщенія провинціямъ того учинить не могутъ и безъ согласія всѣхъ аліатовъ, и требовали отъ него, Страффорда, вѣдать причину, чего для Англія ускоряетъ армистиціею. На то сказалъ имъ явно, что они въ продолженіи безъ армистиціи опасны, чтобы войска аліатскія противъ непріятеля авантажъ не имѣли; а чрезъ то весь проектъ у нихъ, агличанъ, съ Франціею можетъ нарушенъ быть, какъ и нынѣшнимъ взятіемъ города Кенау уже немалое несходство есть. На конецъ всего того милордъ Страффордъ, не учиня того, отъѣхалъ въ армію, въ Брабантъ, а они, Статы, взяли резолюцію требовать отъ провинцій ихъ мнѣнія. Но голландская провинція взяла резолюцію армистиціи не принимать, прежде нежели Францiя на объявленныя ихъ кондиціи къ тому себя не объявитъ, также и плянъ о мирѣ къ интересамъ ихъ не изобразитъ; къ тому-жъ и безъ согласія всѣхъ аліатовъ не примать, также и для обнадеженія дать имъ нѣкоторыя мѣста, какъ и Дюнкирхенъ обѣщанъ Англіи. Сей резолюціи равно, чаемъ, будутъ послѣдствовать и другія всѣ.

Между тѣмъ, какъ здѣсь конференціи у аглинскихъ министровъ были съ Статы, послали указъ принцу Евженію, отлучась отъ дука д'Ормонда, дать баталію. И на сихъ дняхъ ожидаемъ вѣдомости, чтó изъ того можетъ быть.

Отъѣздъ милорда Страффорда,—впервыхъ, чтобы войска ауксиліарныя при командѣ дука д'Ормонда содержать и обще съ ними отъ аліатскихъ ретироваться; притомъ же будетъ искать случая, чтобъ имѣть ему конференцію съ министры французскими, которымъ начаются уже въ Камбре, объ установленіи, какимъ бы образомъ могли армистицію между Англіею и Франціею постановить и въ Дюнкирхенъ гварнизонъ аглинскій ввести. Сіе дѣло придаетъ не что иное знать, токмо партикулярный миръ у Англіи съ Франціею. Но, по отъѣздѣ его, милорда Страффорда, здѣсь вновь ничего не явилося.

Министры прусскіе декляровали, что войска короля ихъ хотя и на заплатѣ аглинской, однакоже весьма принуждены быть

при арміи аліатской, чего для отлучиться интересы общіе имперіи не позволяютъ; также и другіе всѣ сему же послѣдствуютъ.

Что же принадлежитъ къ нашимъ интересамъ, я ни отъ кого отвѣта по се число къ себѣ не имѣлъ; а съ нашей стороны о томъ при нынѣшнихъ случаяхъ не упускается.

Указъ адмиралтейству каковъ данъ, чтобы подъ конвоемъ въ Зундъ никакихъ кораблей, ни подданныхъ голландскихъ, которые будутъ въ Ливонію торговать, не брать (и тѣмъ вся та коммерція пресѣклася), о семъ, чаю, уже агентъ изъ Амстердама до вашего превосходительства писалъ.

И сего утра съ ратпенсіонаріемъ говорили, чтобы конвою попрежнему до Зунда провожать позволено было. Притомъ онъ разсуждалъ, что то сдѣлано для того, что шведы хотятъ тотъ флотъ визитовать, и, убѣгая отъ такихъ ссоръ, для того адмиралтейство такимъ образомъ учинило; и обѣщалъ о томъ въ собраніи говорить и впредь отвѣтствовать. Притомъ же онъ сказалъ, что увѣдомился чрезъ корришпонденцію о королѣ шведскомъ, который намѣренъ еще іюль мѣсяцъ въ Бендерѣ пробыть, для того смотрѣть будетъ, ежели по трактату все со стороны его царскаго величества содержано будетъ.

Сего утра датскій и польскій позваны въ конференцію,— для чего, еще не могу вѣдать; на предбудущей буду писать. Я опасенъ, чтобы намѣреніе датское къ бременской провинціи помѣшано не было, что уже цесарскіе министры къ сему есть первымъ инструментомъ.

941. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. іюля 4. Гага.

Союзничьи министры цесарскіе,—прусскій, ганноверскій, палатинскій,—были позваны въ конференцію съ депутаты статскими, и желали отъ нихъ вѣдать намѣренія ихъ при нынѣшнихъ конжюктурахъ о тѣхъ трупахъ, которые на заплатѣ аглинской. И на то цесарскіе къ прежнимъ своимъ проектомъ уже

информе объявили, что цесарь для содержанія тѣхъ войскъ обѣщаетъ Статомъ въ помочь 900 тысячъ гульденовъ, только для содержанія сей кампаніи на четыре мѣсяца; къ тому-жъ иныя многія обѣщанія дѣлали къ продолженію войны. А наибóльшій пунктъ изъ тѣхъ, что цесарь хочетъ третьею частью помогать въ Гишпаніи, а чаютъ, на половинѣ сойдутся. Прусскій къ прежнему своему объявленію обѣщаетъ въ предбудущую кампанію отозванные 9 баталіоновъ возвратить и на своей заплатѣ ихъ содержать. Палатинскій и ганноверскій всѣ свои трупы на своей заплатѣ обѣщали содержать, токмо просятъ, чтобы заслуженныя деньги, когда Англія платить не будетъ, имъ были заплачены.

Сія сходность аліатовъ многую охоту придаетъ здѣшнимъ къ продолженію войны.

Потомъ, на другой день, позваны были въ конференцію министры нашихъ союзниковъ,—польскіе и датскій,—которымъ въ такихъ же терминахъ предложено, чтобъ о тѣхъ трупахъ, которые на заплатѣ аглинской они имѣютъ, объявили свое мнѣніе; но помянутые министры требовали отъ нихъ, депутатовъ, прежде вѣдать ихъ мнѣнія.

По многихъ спорахъ, кому напередъ мнѣніе свое объявлять, министръ датскій объявилъ,—хотя онъ еще отъ двора своего указа никакого не имѣетъ, токмо надѣется, что король его въ тѣхъ войскахъ всякую склонность покажетъ; токмо ежели Статы съ своими союзники за то взаимно королю его и его высокимъ союзникомъ въ сѣверной войнѣ къ интересамъ ихъ полезное обѣщаютъ и трактатомъ обяжутся, также и заслуженныя деньги, которыя ежели отъ Англіи удержаны будутъ, заплатятъ. На что ему депутаты за намѣреніе доброе благодарили и сказали, что они не оставятъ приложить своего труда, чтобы сѣвернымъ воюющимъ учинить миръ постоянный и твердый.

Потомъ г. Альфельдъ говорилъ, что можетъ ихъ обнадежить о союзныхъ его короля, что есть въ добромъ намѣреніи къ интересомъ ихъ, статскимъ, и въ состояніи себя находятъ довольное число помощныхъ войскъ здѣшнимъ аліатомъ

въ службу дать съ добрыми кондиціи. На что ему сказалъ изъ тѣхъ депутатовъ грефій Фагель, что они о такомъ добромъ намѣреніи союзныхъ сѣверныхъ уже извѣстны и взаимно къ интересомъ ихъ, аліатовъ сѣверныхъ, намѣрены во всемъ престерегать.

При тѣхъ же разговорѣхъ онъ, министръ датскій, имъ объявлялъ, какая опасность есть въ семъ дѣлѣ его королю изъ декляраціи статскаго секретарія, учиненной именемъ королевинымъ, о которой уже имъ извѣстно, что скорѣе всѣхъ моремъ отъ Англіи можетъ непріятельство быть показано; того для король его нынѣ прежде пожелаетъ отъ нихъ, Статовъ, безопасности при такихъ случаяхъ. И потомъ взялъ о всемъ на доношеніе своему двору и впредь намѣреніе короля своего обѣщалъ имъ сообщить.

Министры польскіе разговоръ имѣли почитай равно тому. Токмо графъ Вертернъ сказалъ, что онъ не можетъ за вѣрно ихъ, депутатовъ, обнадежить, ежели король его сей кампаніи можетъ войскъ къ продолженію войны прибавочныхъ что дать; но въ предбудущую кампанію надѣется быть въ состояніи обще союзнымъ сѣвернымъ нарочитое корпо войскъ помощныхъ дать. На то сказалъ ратпенсіонарій, что оныхъ въ состояніи такомъ они находятъ, но желалъ вѣдать, на чьей бы платѣ содержаны быть могли, предъявляя свою невозможность. На то помянутый графъ ему сказалъ, что, смотря по прибыльнымъ кондиціямъ учиненнаго трактата, можетъ быть, нѣкоторое число и на своей платѣ будутъ содержать. И потомъ взялъ на доношеніе двору и впредь мнѣніе короля своего обѣщалъ сообщить.

И того же дня помянутые министры, датскій и польскій графъ Вертернъ, мнѣ о всемъ томъ сообщали и притомъ сказали, что они въ семъ дѣлѣ будутъ все съ общаго согласія дѣлать и къ интересамъ престерегать. А польскій особливе сказалъ, что онъ имѣетъ указъ нарочно отъ короля своего общимъ согласіемъ въ семъ дѣлѣ поступить, и просилъ, чтобы такъ обстоятельно двору своему я донесъ. То топерь до вашего превосходительства пишу.

Я обоимъ имъ предлагалъ,—когда будутъ впредь въ конференцію позваны, или отвѣтъ будутъ чинить и мнѣніе на вышепомянутое предложеніе дворовъ своихъ объявлять,—чтобъ имъ, депутатамъ, говорили, что они по обязанію своего союза съ царскимъ величествомъ должны съ общаго совѣта во всемъ томъ поступать; и того для желаютъ, чтобъ они на извѣстное предложеніе министровъ его царскаго величества свое мнѣніе объявили и обще съ ними въ то дѣло вступили. И на то мнѣ обѣщали такимъ образомъ говорить.

Изъ всѣхъ тѣхъ вышепомянутыхъ конференцій съ министры союзничьи еще неможно знать здѣшнихъ намѣренія, ежели войну продолжать будутъ; токмо вышепомянутымъ образомъ проба учинена.

Я разсуждаю своей повинности быть все доносить, что́ мнѣ говорено. По тѣхъ разговорѣхъ наединѣ помянутый министръ датскій мнѣ говорилъ, что онъ недавно имѣлъ случай говорить изъ первыхъ персонъ здѣшнихъ, и усматриваетъ изъ словъ ихъ немалую трудность, наивпервыхъ, о вступленіи съ нами въ трактатъ изъ нашихъ запросовъ, т.-е. о гварантіи всѣхъ завоеванныхъ мѣстъ,—что помянутые Статы, разсуждая съ нимъ, какъ онъ могъ признать, неохотны являются къ удержанію всей Ливоніи; и сказалъ: натурально, что они разсуждаютъ весьма къ предосужденію своей коммерціи. На то имъ онъ объявилъ, что прошлаго года нѣкоторыми предложеніи, или декларацією, отъ двора его царскаго величества было объявлено о Ливоніи въ нѣкоторыхъ терминахъ, которые-бъ имъ, Статомъ, противны не могли быть. Но тѣ слова проходили между нами за словомъ, какъ между пріятели, и я отъ него не прималъ то на доношеніе ко двору; также и онъ объявлялъ то мнѣ токмо для знанія, въ какомъ мнѣніи здѣшніе господа о семъ находятся. Притомъ я, съ своей стороны, ему говорилъ, что его царское величество отъ турецкой войны и понесенныхъ великихъ убытковъ не можетъ находиться о томъ дѣлѣ въ прежнемъ своемъ намѣреніи безъ излишняго предъ прежнимъ отъ непріятеля награжденія.

Изъ сего изволите видѣть, что сіе за начало принять можно новыхъ трактатовъ между аліаты нашими и здѣшними, чрезъ который каналъ надѣялся бы и намъ по предложеніемъ своимъ вступить. Того для я чаялъ бы, что изволите новыми инструкціи о всемъ обстоятельно опредѣлить, чтобы заранѣе свѣдомымъ намъ быть, для того что прежнія инструкціи не могутъ быть на всякое время дѣйствительны, а особливе при нынѣшнихъ частыхъ премѣнахъ въ дѣлахъ здѣшнихъ.

Въ инструкціи прежней явлено, чтобы нѣкоторое число войскъ помощныхъ аліатомъ здѣшнимъ въ службу отдать,—и тотъ трактатъ не можетъ причесться за трактатъ аліанса, по которому другъ другу взаимно интересы свои могли престерегать; также и о другихъ дѣлѣхъ, о которыхъ сами изволите разсудить изъ разговоровъ вышепомянутыхъ министровъ съ депутаты статскими, къ чему бы должно заранѣе мѣры свои взять.

Изъ Брабанта еще никакихъ вѣдомостей не получили, токмо что армія не маршируетъ, но ожидали пріѣзда милорда Страффорда.

942. Графъ Г. И. Головкинъ—А. А. Матвѣеву.

1712 г. іюля 7. Кенигсбергъ.

По доношенію вашему, о чемъ надлежало, царскому величеству я докладывалъ, и по указу его величества симъ отвѣтствую. Что́ министръ курфюрста ганноверскаго баронъ Ботмаръ, именемъ своего курфюрста, вамъ предлагалъ о дружбѣ и вѣрной пересылкѣ того курфюрста съ царскимъ величествомъ, и что́ по даннымъ отъ него указомъ министры его, при цесарскомъ дворѣ сущіе, ищутъ цесаря привести съ его царскимъ величествомъ въ аліанцію, и уже цесарь объявилъ себя къ тому склонна,—и за сіе имѣете ваша милость отъ страны его царскаго величества ему, курфюрсту ганноверскому, чрезъ того же министра его барона Ботмара благодарить и обнадежить, что взаимно тому его царское величество, съ своей стороны,

въ интересахъ его курфюрстской свѣтлости никогда не оставитъ всякія склонности чинить.

Что же принадлежитъ о желаніи цесарскомъ, дабы царское величество то предпріятое о союзѣ трактованіе изволилъ поручить природному царскаго величества министру, понеже съ барономъ Урбихомъ невозможно въ то дѣло вступать, и именно, [чтобы] представили къ тому г. князя Куракина,— то о семъ також де писалъ сюда изъ Ганновера посланникъ г. баронъ Шлейницъ.

А понеже уже до полученія такихъ отъ министровъ ганноверскихъ предложеній посланъ ко двору цесарскаго величества г. Нарышкинъ, съ объявленіемъ цесарю о его царскаго величества дружбѣ и о склонности къ вступленію въ ближайшій союзъ съ дворомъ аустрійскимъ, и хотя притомъ съ нимъ же посланы о трактованіи того дѣла къ барону Урбиху довольныя инструкціи и полномочная,—однакожъ, ежели онъ усмотритъ при дворѣ цесарскомъ, что оный недоволенъ барономъ Урбихомъ, и, въ такомъ случаѣ, велѣно ему, г. Нарышкину, предложить, дабы для трактованія того дѣла присланъ былъ отъ двора цесарскаго ко двору царскаго величества, а именно—при нынѣшнемъ случаѣ по близости въ Померанію,—министръ его цесарскаго величества съ полною мочью, съ которымъ наилучше возможно будетъ трактовать и постановить. Того ради нынѣ его царское величество указалъ мнѣ къ вамъ и къ барону Шлейницу писать, дабы вы министрамъ ганноверскимъ также предложили, что когда цесарь не изволитъ того дѣла чрезъ барона Урбиха трактовать повелѣть, то изволилъ бы отъ себя прислать министра съ полною мочью ко двору его царскаго величества и съ тѣмъ бы о томъ трактовать и постановить; а г. князя Куракина бытность въ Голландіи для нынѣшнихъ конжюктуръ его величеству потребна, и отлучить его нынѣ оттуда немочно. И о семъ также и г. Нарышкину писано.

По желанію вашему объявляю, что на постановленные недавно въ Царьградѣ мирные подтвердительные договоры между его царскимъ величествомъ и салтаномъ турскимъ, о которыхъ

вамъ, по письму вице-канцлера г. барона Шафирова, подлинно извѣстно, ратификація отъ его царскаго величества г. барону Шафирову и г. графу Шереметеву послана, [а также и] характеръ полномочныхъ пословъ. А съ тою ратификаціею и съ вѣрющею тѣмъ грамотою съ Москвы поѣхалъ Аврамъ Ѳедоровичъ Лопухинъ.

О померанскихъ дѣйствахъ, надѣюся, что ваша милость по близости и по имѣющей корреспонденціи съ г. фельдмаршаломъ княземъ Меншиковымъ извѣстны. Однакожъ и я вамъ сообщаю, что уже послѣднія войска царскаго величества подъ командою генерала князя Репнина, туда опредѣленныя, въ Познань пришли, и на сихъ дняхъ надѣемся въ Помераніи быть.

Я такожъ уповаю, что вашей милости было слышно о вступленіи въ Польшу писаря короннаго Потоцкаго и региментаря Грудинскаго, посланнаго отъ короля свейскаго и воеводы кіевскаго, съ войски польскими, между которыми такожъ были воры-запорожцы, волохи и нѣсколько шведовъ, и что оные нечаянно напали и разбили нашъ Кіевскій драгунскій полкъ. Но потомъ генералъ-лейтенантъ г. князь Долгорукій съ партіею нашихъ войскъ, состоящей въ 2500 человѣкъ, ходилъ на тѣхъ партизановъ свейскихъ; іюня 15-го дня нашелъ ихъ у мѣстечка Загоры въ 15000 человѣкъ и многихъ изъ нихъ побилъ; прочіе же, оставя багажъ побѣжали, къ Калишу, гдѣ стоялъ посланный отъ гетмана короннаго региментарь Брюховской съ войски коронными, которому тамо польскія хоронгви сдались, а запорожцевъ и волохъ, и шведовъ многихъ побили, а иные разбѣжались же. И при первой акціи Кіевскаго полка офицеры и драгуны многіе, бывшіе у нихъ въ полонѣ, отбиты. И по той счастливой акціи вышереченный князь Долгорукій такожде пошелъ въ Померанію.

Царское величество сего числа прибылъ счастливо въ Кенигсбергъ и отсюда чрезъ Эльбингъ изволитъ путь свой въ Померанію отправлять, и сего же числа походъ свой отсюда воспріиметъ.

Хотя изъ многихъ вашихъ реляцій видимо, что ваша милость въ дѣлѣхъ общихъ интересовъ съ министры союзниковъ его царскаго величества, ихъ величествъ королей датскаго и польскаго, всегда имѣете согласіе и отправляете общими совѣты,— однакоже короля датскаго секретарь г. Фалькъ просилъ здѣсь, дабы къ вашей милости еще о томъ указомъ его величества подтвердить, и притомъ пріобщилъ копію съ посланнаго отъ короля его къ министру, въ Гагѣ пребывающему, указа, съ котораго переводъ здѣсь прилагается *). И понеже царскаго величества интересъ того требуетъ, дабы въ общихъ интересахъ по союзу, постановленному между всѣми высокими союзники, министрамъ ихъ сообщаться и общіе совѣты имѣть, — того ради изволите вы въ такихъ случаяхъ съ датскими и польскими министры согласно и общими совѣты поступать, какъ о томъ и прежъ сего его царскаго величества указомъ къ вамъ многократно писано; однакоже надлежитъ притомъ имѣть всякую осторожность къ своей безопасности по вашему разсмотрѣнію.

943. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. іюля 7. Съ яхты отъ Кенигсберга.

Изъ письма милости вашей, отъ 6-го дня прошедшаго іюня, усмотрѣлъ я, что вашей милости не будетъ пріятно, ежели бы вамъ быть при дворѣ цесарскомъ. И хотя я прошедшаго іюня 29-го дня по указу царскаго величества писалъ, что когда вы получите вѣдомость о пріѣздѣ цесаря въ Франкфортъ, тогда прибыть вамъ ко двору царскаго величества, — однакожъ, извольте, ваша милость, быть свѣдомы, что тотъ вамъ ко двору позывъ не для того, чтобы васъ употребить при дворѣ цесарскомъ; но когда цесарь прибудетъ въ Франкфортъ, тогда его царское величество хочетъ васъ послать въ Франкфортъ къ цесарю на малое время только для обнаде-

*) Помянутаго приложенія въ подлинномъ томѣ нѣтъ. Ред.

живанія цесаря о доброй своей склонности и дружбѣ. А для трактованія объ извѣстномъ дѣлѣ требуется присылка цесарскаго министра къ нашему двору, какъ изволите изъ письма моего къ г. послу Матвѣеву подлиннѣе усмотрѣть. И понеже особливо къ вамъ о томъ писать не успѣли, того ради изволите съ того его письма взять себѣ копію.

944. Князь Б. И. Куракинъ — гр. Г. И. Головкину.

1712 г. іюля 8. Гага.

Изъ Брабанта получена вѣдомость: принцъ Евженій со всею арміею аліатскою и со всѣми тѣми трупы, которые на заплатѣ аглинской были, маршируетъ осаживать Ландресы; но дукъ д'Ормондъ съ аглинскою арміею (и при немъ осталось только изъ помощныхъ войскъ 2 баталіона голштейнскихъ) маршируетъ къ Кипру провинціями французскими и оттуль будетъ пронимaться къ Дюнкирхену, откуль разсуждаютъ транспорту быть всѣхъ тѣхъ войскъ въ Англію.

По полученіи вчерась сихъ здѣсь новинъ, Статы министрамъ аліатскимъ сообщали и заплату тѣхъ войскъ, которыя съ ними случилися, выдавать велѣли.

Здѣсь разсужденіе къ сему дѣлу многихъ, что бы могло послѣдствовать.

Англія, принявъ Дюнкирхенъ, какъ учитаютъ, что уже сего дня отданъ, объявитъ миръ съ Франціею партикулярный, а потомъ предложитъ свою аліатомъ медіацію. И ежели не примутъ, то уже довольно о семъ надобно разсуждать, что́ бы могло послѣдствовать.

По-завтрее будетъ здѣсь Статовъ Голландскихъ собраніе, и будутъ брать резолюцію на нынѣшнія дѣла. И правда, всѣ провинціи уже согласны, кромѣ голландской, продолжать войну. Но и при вышепомянутомъ собраніи не чаютъ, чтобы декляровали явно о продолженіи и французскихъ министровъ изъ Утрехта отлучили; но будутъ по своимъ обыкновеннымъ тихимъ

и нескорымъ поступкамъ безъ всякой декларацiи кампанiю продолжать, а между тѣмъ съ Францiею трактовать, гдѣ и Англiя станетъ труды свои прилагать. И, хотя съ продолженiемъ, больше чаютъ по состоянiю всѣхъ дѣлъ, что Францiя всѣхъ алiатовъ удовольствуетъ, токмо же не Каталонiею, и миръ безъ разъѣзда утрехтскаго собранiя учинитъ.

Что же о продолженiи, по всѣмъ обстоятельствомъ нынѣ здѣшнихъ дѣлъ многiе чаютъ,—продолжится до зимы и далѣе.

Я чаю, какое предложенiе учинилъ г. баронъ Урбихъ при цесарскомъ дворѣ, вашему превосходительству уже извѣстно,—что обѣщалъ цесарю и алiатомъ помощныхъ войскъ царскаго величества безъ субсидiй и на своей заплатѣ 20 тысячъ, токмо квартиры и провiантъ алiатскiй. И ежели такое намѣренiе весьма есть, я бы чаялъ нѣкоторую часть и здѣсь предложить, токмо сперва довольно пять тысячъ объявить на своей заплатѣ, и тѣмъ здѣшнимъ бо́льшую охоту къ вступленiю съ нами въ ту негоцiацiю придать. А чтобы такое число великое обѣщать, не чаю, чтобы могли выдержать, разсуждая по здѣшнимъ краемъ; также хотя-бъ и возможно было, но прежде нежели обѣщаютъ что въ нашъ интересъ явно и вступятъ въ самую негоцiацiю, не надлежитъ всего нашего намѣренiя объявлять.

Мы здѣсь, по полученiи такой вѣдомости, ожидаемъ непрестанно, чтобы намъ цесарскiе министры о вышепомянутомъ дѣлѣ что начали говорить, но по се число еще не слыхали. И ежели уже нынѣ по такому предложенiю тотъ дворъ въ то дѣло не вступитъ, то явно покажетъ, какую склонность имѣетъ къ интересамъ его царскаго величества, что и напредь упованiе малое надобно имѣть.

Министры польскiй и датскiй на сихъ дняхъ будутъ имѣть конференцiю съ депутаты статскими, при которой и о нашемъ интересѣ будутъ упоминать.

О конвоѣ кораблей торговыхъ въ Ливонiю, чаю, будетъ г. Матвѣевъ писать, для того что онъ сей день видѣлся съ ратпенсiонарiемъ.

945. Князь Б. И. Куракинъ — кн. Ѳ. Ю. Ромодановскому.

1712 г. іюля 19. Гага.

Одиночество мое понудило васъ, мой государь, просить о протекціи мнѣ и оставшимъ моимъ въ отечествѣ; того для, надѣюся, по обыкновенной своей женерозитé ко многимъ, оною же частію и на сіе мое прошеніе милость свою покажете и прибѣжище свободное домовнымъ моимъ учинить повелите.

Взаимно сему, хотя не есть въ состояніи, но ежели бы гдѣ возмогъ, паче властнаго моего интереса принужденъ былъ бы вамъ, мой государь, и всему дому вашему мои услуги показать.

Приписка: „Таково письмо послано также къ князю Петру Алексѣевичу Голицыну".

946. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. іюля 25. Гага.

Письмо, отъ № 24-го, вашего превосходительства получилъ и въ путь свой завтрее съ поспѣшеніемъ отъѣзжаю.

Сего дня, бывъ у ратпенсіонарія, объявлялъ ему о своемъ отъѣздѣ и притомъ требовалъ рѣшенія на наши предложенія, и чтó о тѣхъ дѣлѣхъ въ тѣхъ разговорѣхъ было, о томъ по пріѣздѣ самъ словесно донесу.

А что принадлежитъ о свободномъ коммерціи въ Ригу и другія мѣста, и на то мнѣ объявилъ, — за словомъ, чтобы до времени содержать секретно, — что завтрашній день Статы резолюцію возьмутъ для безопасности ихъ коммерціи въ Балтическомъ морѣ посылать конвой, — и сказалъ мнѣ, — ажъ до самой Риги. А нынѣ отсель тотъ конвой въ первый путь свой пойдетъ подъ видомъ до Копенгагена, а оттуль нечаянно и далѣе. И того для тайно до времени содержать упоминалъ.

947. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. іюля 27. Изъ обоза при Штетинѣ.

Я уповаю, что сіе мое письмо еще васъ въ Голландіи застанетъ, и для того изволите ваша милость по посланному при сей почтѣ указу, за приписаніемъ собственныя его величества руки, который включенъ въ письмѣ г. посла Матвѣева, предложеніе Господамъ Статамъ учинить обще съ нимъ, г. посломъ Матвѣевымъ, и, получа на то резолюцію, указалъ царское величество вамъ съ оною сюда къ себѣ быть на почтѣ. Ежели-жъ они, Господа Статы, будутъ тою резолюціею медлить, то извольте, и не взявъ той резолюціи, сюда пріѣзжать. И можетъ тоё резолюцію г. посолъ Матвѣевъ, и по отъѣздѣ вашемъ принявъ, сюда ко двору царскаго величества прислать.

948. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. октября 13. Карлсбадъ.

Объявляю милости вашей, что его царское величество изволилъ прибыть сюда въ 8-ой день сего мѣсяца и, при помощи Господней, зачалъ пользоваться здѣшними водами. Дай, Боже, во здравіе. И указалъ мнѣ его величество къ милости вашей писать: когда будетъ генеральный миръ у соединенныхъ съ Франціею послѣдовать вскорѣ, и тогда ваша милость трудились бы въ службу его царскаго величества принять изъ генераловъ-поручиковъ или изъ генераловъ-майоровъ добрыхъ и искусныхъ въ воинскихъ дѣлѣхъ людей. А кого пріищете, о томъ извольте писать, на какомъ жалованьи въ службѣ его величества они похотятъ быть; и изволь нынѣ заранѣе о нихъ провѣдывать отъ постороннихъ, кто искуснѣе.

Къ г. посланнику Литу изволь, ваша милость, отписать, обнадежа его, что, конечно, когда счетъ его я получу съ

Москвы, то трудиться буду по оному о заплатѣ ему. А жалованье, уповаю, уже съ Москвы къ нему переведено, ибо не единократно о томъ отъ меня подтвержено. Такожъ и о присылкѣ иного кого на его мѣсто стараться будемъ, въ чемъ бы онъ былъ надеженъ и малое время потерпѣлъ.

949. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. октября 17. Амстердамъ.

Въ проѣздѣ своемъ вчерась чрезъ Утрехтъ что̀ могъ увѣдомиться о состоянiи дѣлъ нынѣшнихъ, при семъ доношу.

Хотя Голландiя городъ Лилль Францiи уступаетъ, но проситъ взаимно городъ Ипръ, Контей къ основанiю своего барьера. Францiя весьма тому противна есть, и обѣщаетъ городъ Ипръ Голландiи уступить, но взаимно проситъ отъ нихъ, голландцевъ, Турнэ. И то несходство Англiя взяла на себя, и королева обнадежила Статы, что она надѣется Францiю къ тому концу привести. И посему многiе разсужденiя есть такого: ежели не учинится какого развращенiя въ дѣлахъ въ Англiи,—къ чему уже видъ есть,—то больше надѣются, что на такомъ основанiи барьера, какъ Голландiя требуетъ, миръ учиненъ будетъ. Есть же другiе мнѣнiя противно сему разсужденiю,—что оная Голландiя при начинанiи нынѣшняго парламента являетъ нарочно къ миру свою склонность, чтобы тѣмъ её, Англiю, къ несогласiю съ Францiею привести и показать непостоянство Францiи по счастливыхъ ея прогрессахъ нынѣшней кампанiи, [для того] что оная постановленныя свои кондицiи о барьерѣ съ нею, Англiею, не токмо нынѣ содержать не хочетъ, но еще во всемъ бо̀льшую амбицiю кажетъ и отдачи Турнэ отъ голландцевъ требуетъ.

О начинанiи нѣкакихъ несогласiй въ Англiи, чаю, уже донесено чрезъ г. Матвѣева прежними почты. И нынѣ больше о тѣхъ дѣлахъ не могу донести, токмо̀ всѣ чужестранные министры на сей почтѣ оттуль къ себѣ никакихъ писемъ не полу-

чили, кромѣ одного бискупа бристольскаго; того для разсуждаютъ быть тамъ нѣкакимъ новымъ дѣламъ и премѣнѣ.

Вечóръ видѣлся я съ министромъ польскимъ графомъ де-Вертерномъ, и что принадлежитъ къ интересамъ сѣверной войны, мнѣ сообщалъ, что онъ, графъ, получилъ нынѣ указъ отъ короля своего учинить здѣсь декларацію, что король его заподлинно увѣдомился о намѣреніи шведскомъ, что оные хотятъ въ провинціи меклембургскія вступить, отчего можетъ общимъ интересамъ высокимъ союзнымъ учиниться [вредъ]. Того для разсудилъ король его за благо упредить тому злому намѣренію шведскому,—своими войсками въ тѣ провинціи меклембургскія вступить и удобные пасы къ вступленію отъ непріятеля принять. И такую декларацію онъ, Вертернъ, на предбудущей недѣлѣ учинить хотѣлъ.

Я сему безмѣрно сходенъ явился, и разсуждаю быть къ лучшему, что такая декларація учинена отъ нихъ будетъ, а не отъ насъ. А впредь, ежели указомъ царскаго величества чтó будетъ повелѣно чинить, о томъ буду ожидать.

Онъ же, графъ, мнѣ объявилъ: графъ Цинцендорфъ, министръ цесарскій, ему сказалъ, что онъ указъ отъ цесаря получилъ предложить свою медіацію намъ информе.

Я, по прибытіи своемъ въ Амстердамъ, пробуду дней съ шесть для извѣстныхъ дѣлъ и потомъ поѣду въ Гагу, и по пріѣздѣ своемъ о дѣлахъ впредь донесу.

950. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. октября 30. Карлсбадъ.

Письмо милости вашей, ко мнѣ писанное отъ 17 октября изъ Амстердама, я здѣсь еще первое получилъ и по оному его царскому величеству о всемъ доносилъ, на которое симъ моимъ отвѣтствую.

Принадлежащее о меклембургской землѣ, которую реляцію, по указу его королевскаго величества польскаго, министръ его

графъ де-Вертернъ имѣлъ учинить, его царское величество пріемлетъ за благо. И ежели случится, что будутъ о томъ и вашу милость спрашивать, то по тамошнему состоянію и по своему разсмотрѣнію можете тогда о томъ объявить противъ того же содержанія. А Шлейницъ на предложеніе свое, которое ему велѣно по указу предлагать мекленбургскому князю, съ отказомъ отъѣхалъ.

При семъ же въ извѣстіе вамъ объявляю. Г. Нарышкинъ предъ нѣсколькими дняМи сюда возвратился и объявилъ, что съ Урбихомъ извѣстнаго вамъ оборонительнаго союза, котораго проектъ ему данъ, дѣлать не хотятъ, а пришлютъ сюда графа Вильчека и ему дадутъ о томъ инструкцію, который послѣ его сюда пріѣхалъ и, бывъ на аудіенціи у его царскаго величества, поздравленіе отъ цесаря при поданіи грамоты отправилъ. И потомъ былъ со мною въ конференціи, на которой никакихъ предложеній не чинилъ, токмо о томъ проектѣ оборонительнаго союза говорилъ, что ему оный тамо не сообщенъ, а указано о томъ только выслушать и ко двору писать; однакоже не чаетъ онъ, чтобы прислана была къ нему полная мочь о трактованіи и заключеніи онаго, на что бы посланъ былъ кто отъ его царскаго величества къ его цесарскому величеству для заключенія онаго. И по указу его царскаго величества тотъ проектъ ему сообщенъ, чтобъ онъ послалъ ко двору и просилъ бы указа отъ двора, дабы могли съ нимъ объ ономъ здѣсь согласиться, а для заключенія онаго его царское величество потомъ уже къ его цесарскому величеству кого послать изволитъ, чтó онъ и учинилъ.

Изъ Константинополя имѣемъ письма отъ пословъ нашихъ, отъ 25 сентября, въ которыхъ пишутъ, что турки еще новыя претензіи всчинаютъ, дабы войскамъ его царскаго величества, обрѣтающимся въ Помераніи, не имѣть прохода чрезъ Польшу, когда возвращаться будутъ, и въ томъ просятъ обязательства отъ нихъ, пословъ; на что ему, царскому величеству, позволить весьма невозможно, о чемъ къ нимъ, посломъ, посланъ указъ,— не велѣно тѣмъ обнадеживать. А солохоръ, посланный отъ

Порты, отъ гетмана Синявскаго отправленъ изъ Львова, съ объявленіемъ тѣмъ отъ гетмана и отъ другихъ многихъ сенаторовъ, ему даннымъ, что войскъ его царскаго величества никакихъ нѣтъ въ Польшѣ, а далѣе ради осмотра оныхъ въ Польшу не ѣздилъ. И изъ сего что́ происходить будетъ, о томъ вскорѣ время покажетъ.

Его царское величество изволитъ отсюда идти сего мѣсяца въ 31-ый день въ Теплицы, а оттуда водою до Дрездена, гдѣ, чаемъ, съ недѣлю побыть изволитъ.

Изъ Помераніи пишутъ, что генералъ Штенбокъ войска съ острова Рюгена переправляетъ и ставится у Стральзунда въ транжементѣ, а наши, укрѣпя линіи, стоятъ, куда и гвардія его царскаго величества приведена, и его королевское величество польскій еще тамо изволитъ обрѣтатися.

951. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. октября 31. Гага.

По пріѣздѣ своемъ въ Гагу, на другой день бывъ у ратпенсіонарія, объявилъ о резиденціи своей отъ его царскаго величества при Статахъ Генеральныхъ и притомъ со стороны его царскаго величества обнадеживалъ въ продолженіи доброй корришпонденціи и дружбы съ ихъ Господами Статы; на что обыкновенный комплиментъ учиня, имѣли разговоры партикулярныхъ дѣлъ, между которыми мнѣ объявилъ.

Вчерашняго дня Статы получили вѣдомость отъ посла своего изъ Константинополя, который пишетъ, что предъ отправленіемъ того письма позванъ къ великому везирю въ конференцію, гдѣ будетъ послѣдняя взята резолюція о высылкѣ, какъ наискорѣе, короля шведскаго изъ Бендера; а о содержаніи всей той конференціи впредь обѣщалъ къ Статомъ доношеніе учинить.

Въ томъ же доношеніи своемъ къ Статомъ онъ, посолъ, писалъ, что его царское величество милостивно изволилъ удовольствовать письмомъ своимъ какъ къ нему, такъ и къ аглинскому министру, также и портретъ свой чрезъ министровъ его царскаго величества былъ ему объявленъ; на что онъ нынѣ отъ Статовъ проситъ позволенія то принять. И потомъ онъ, пенсіонарій, благодарилъ именемъ статскимъ за показанное такое награжденіе послу ихъ.

На другой день, бывъ у статскаго президента, отдалъ вѣрющую грамоту съ обыкновеннымъ поздравленіемъ и взаимно со стороны ихъ также имѣлъ, и обыкновенные визиты и отъ чужестранныхъ министровъ и отъ другихъ здѣсь первыхъ персонъ имѣлъ, и еще донынѣ продолжаются.

При свиданіи съ министры нашихъ аліатовъ, датскимъ и польскими, ничего о дѣлахъ нашихъ чрезвычайнаго не могъ вѣдать. Токмо вчерашній день, ввечеру, польскіе министры были позваны въ конференцію къ ратпенсіонарію съ министры цесарскими, которымъ объявили, что они трупамъ саксонскимъ, которые на заплатѣ аглинской были, платили до нынѣшняго ноября мѣсяца, а нынѣ съ сего мѣсяца платить не будутъ. Но графъ Вертернъ мнѣ объявилъ, что онъ имѣетъ указъ отъ короля своего оные трупы отозвать. А датскому и прусскому о такихъ же трупахъ никакого предложенія еще не учинено.

По указу каково предложеніе велѣно учинить о супружествѣ принцу Вильгельму гессенъ-кассельскому, и до моего пріѣзда сюда оный проѣхалъ въ Кассель. Того для я къ нему писалъ и желалъ вѣдать его намѣреніе, ежели онъ сей зимы прибудетъ въ Гагу, и когда прибудетъ, противъ указа ему предложу. Но слышалъ здѣсь, что онъ былъ въ намѣреніи изъ Касселя самъ прибыть къ его царскому величеству въ Карлсбадъ, или гдѣ въ иномъ мѣстѣ въ Саксонію.

Дѣла мирныя здѣсь въ тишинѣ состоятъ и будутъ до поворота милорда Страффорда, котораго по недѣлѣ сюда чаютъ.

Здѣсь принцъ Евженій хотя и часто въ конференціяхъ бываетъ о пріуготовленіяхъ къ предбудущей кампаніи, но еще

никакой резолюціи Статы ему не объявляютъ. И помянутый принцъ на предбудущей недѣлѣ до Вѣны отъѣзжаетъ и обѣщаетъ возвратиться сюда въ шесть недѣль.

Министры цесарскіе, еще вновь свой проектъ учиня, министромъ принцевъ имперскихъ роздали къ продолженію войны, какимъ образомъ должны всякій участокъ войскъ своихъ поставить, и всѣ обѣщаютъ впредь отповѣдь учинить, но смотрятъ на подлинную резолюцію статскую.

Въ письмахъ аглинскихъ объявляютъ, что ко двору аглинскому ожидаютъ изъ Гишпаніи отъ дука д'Анжу вскорѣ чрезъ курьера присланный актъ информе о ренунціаціи наслѣдства короны французской, равнымъ же видомъ и отъ французскаго двора; и по полученіи оныхъ, Англія намѣрена чрезъ милорда Страффорда объявить кондиціи мира письменно. И ежели кто не приметъ, то Англія, оставляя тѣхъ, миръ съ Франціею объявитъ. И при поворотѣ милорда Страффорда что̀ въ семъ учинится, буду смотрѣть.

Многіе здѣсь находятся того мнѣнія, будто Голландія уже во всемъ по предложенію Англіи сходна есть. Токмо трудность есть о барьерѣ, какъ я прежнимъ своимъ доносилъ, что она, Голландія, уступаетъ Франціи Лилль, а взаимно отъ нея проситъ Ипръ и Контей, и такимъ образомъ барьеръ свой хотятъ содержать, то-есть: Монсъ, Контей, Турнэ, или Дорникъ, Ипръ, Асъ и Остендэ. Но Франція Ипръ за Лилль уступаетъ, а Контей не отдаетъ; также еще проситъ возвратить Турнэ, и будто для сего одного мѣста всѣ сіи несходства къ миру. Но, я чаю, все сіе—продолженіе времени, но трудности есть большія, которыя намъ впредь окажутся.

Министры португальскіе съ французскими учинили договоръ объ армистиціи на 4 мѣсяца, съ котораго переводъ *) при семъ прилагаю. Сіе многимъ придало нѣкоторый видъ къ слабости аліатской. Но въ скоромъ времени ожидаемъ того-жъ и отъ савойской стороны.

*) Упомянутаго перевода въ Надеждинскомъ архивѣ не находится.
Ред.

952. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. ноября 7. Гага.

Вчерашняго числа въ консиліи статскомъ опредѣлили указы дать о рекрутованьи войскъ, также и цѣлые регименты набрать, вмѣсто тѣхъ, которые сей кампаніи изъ трехъ гарнизоновъ невольниками учинены; сіе учинено по многимъ прилежностямъ принца Евженія. Однакожъ еще по се число подлинной резолюціи Статы о пріуготовленіи къ предбудущей кампаніи не взяли, ожидая отвѣта изъ Англіи на учиненный свой мирный плянъ.

Топерь доношу, въ какой ситуаціи нынѣ дѣла здѣшнія находятся. Помянутаго пляна статскаго содержаніе каково есть, о томъ, чаю, изъ прежнихъ доношеній до меня извѣстно. Но бо́льшая трудность есть та: Франція проситъ возвратить Турнэ, а Контей по запросамъ голландскимъ не уступаетъ, но уступаетъ Ипръ, вмѣсто Лилля, [для того] что уже объ уступкѣ того мѣста Голландія себя объявила. Но нынѣ изъ Англіи увѣдомились, что Франція одного города Лилля отдачею со стороны голландцевъ удоволена быть не можетъ и весьма проситъ Турнэ; но здѣшнимъ Господамъ сіе мѣсто такъ нужно, что барьеръ ихъ отвореннымъ можетъ быть каждаго времени, и отъ внезапнаго входа непріятеля въ прежнемъ опасеніи будутъ.

И по всѣмъ обстоятельствомъ дѣлъ уже видится, что миръ или продолженіе войны есть нынѣ въ рукахъ Франціи, а не Голландіи, какъ съ начала сей негоціаціи медленность Статовъ здѣшнихъ видѣли.

Здѣсь многихъ разсужденіе есть такое, что Франція о Турнэ такой весьма нужды не имѣетъ, какъ Голландія. Но видя себя въ добромъ состояніи, и для своихъ счастливыхъ прогрессовъ нарочно ту въ претензіяхъ трудность чинитъ, продолжая время къ предбудущей кампаніи, гдѣ надѣется еще бо́льшій свой авантажъ имѣть, знавъ несогласіе аліатское и слабость, что не могутъ быть въ состояніи въ той силѣ, какъ

Bayerische Staatsbibliothek München

были. А ежели она, Францiя, не похочетъ продолжать время, усмотря нѣчто въ свой интересъ, и оставитъ голландцомъ въ барьеръ ихъ Турнэ, то миръ генерально со всѣми алiаты скоро можетъ къ концу своему приведенъ быть. И будемъ на конецъ сего дѣла смотрѣть.

При поворотѣ милорда Страффорда изъ Англiи, ежели продолжаться будетъ, и министры французскiе до февраля отвѣта информе никакого не дадутъ, то больше чаянiя быть надобно о предбудущей кампанiи, нежели о заключенiи мира до весны.

Что же принадлежитъ до Англiи, то оная хотя партикулярнаго мира и не объявитъ, но будетъ желать, чтобы всѣхъ алiатовъ обще замирить, и будетъ продолжать свою армистицiю до самаго конца мира.

Дукъ Мальбургъ получилъ позволенiе изъ Англiи отъѣхать въ имперiю и оттуль въ Италiю; но указъ ему данъ отъ двора, чтобъ ему въ пути своемъ не быть ни въ Голландiи, ни при цесарскомъ дворѣ въ Вѣнѣ.

Министры польскiе въ порядочномъ со мною обхожденiи; но слышу, что оные не безъ жалобы на насъ есть въ содержанiи войскъ его царскаго величества въ Померанiи, будто король ихъ на великихъ своихъ иждивенiяхъ содержитъ. Министръ датскiй есть со мною во всякомъ прiятельскомъ обхожденiи, и о дѣлахъ обоихъ тѣхъ не имѣю что доносить; а что трудятся, ищутъ способа о мирѣ, то уже старое намѣренiе ихъ есть, но видятъ сами, что сiе есть бездѣйствительно за отлученiемъ и упрямствомъ бендерскаго жителя.

О войскахъ ихъ, польскихъ и датскихъ, которыя въ службѣ алiатской, еще никакого опредѣленiя нѣтъ.

Изъ Францiи здѣсь получена вѣдомость заподлинно, что генералъ шведскiй Шпаръ къ прежней дачѣ 200 тысячамъ ефимковъ еще получилъ 300 тысячъ ефимковъ отъ того двора, которая сумма чрезъ Гамбургъ коммиссарамъ шведскимъ платить опредѣлена.

Съ министры цесарскими, также и ратпенсiонарiемъ съ прiѣзда своего и по се число при многихъ свиданiяхъ довольные раз-

говоры имѣли о другихъ дѣлѣхъ, но о вступленіи въ аліансъ или о помощныхъ войскахъ ничего въ словахъ не упоминаютъ, равнымъ же образомъ и я, съ своей стороны, въ молчаніи оставляю.

Министръ датскій имѣлъ со мною конференцію, въ которой сообщалъ, въ отбытность мою, дѣлъ своихъ, и притомъ желалъ вѣдать, въ какомъ состояніи при отъѣздѣ моемъ осталися дѣла въ Помераніи. И, межъ тѣми словами, говорилъ, что не смотря на здѣшній аліатскій миръ или продолженіе войны, для того что Англія весьма свободныя имѣть будетъ руки, отъ которой всякую опасность намъ надобно имѣть, чтобы на весну своей эскадры противу короля его въ Балтическое море не послали; того для надобно искать способъ къ своей безопасности, и не находитъ иного, токмо чтобъ его царское величество свою эскадру, какъ наивозможно сильную, вооружилъ, и съ флотомъ короля его совокупясь, могли бы безопасны быть отъ противныхъ намѣреній аглинскихъ, также и отъ другихъ. Притомъ же говорилъ: ежели его царское величество не вспоможетъ королю его деньгами для вооруженія флота, не чаетъ, чтобы могли они флотъ свой въ предбудущую кампанію поставить, развѣ только нѣкоторую эскадру.

По указу, министра годнаго, чтобъ употребить къ аглинскому двору, пріискиваю, токмо въ краткомъ времени годнаго сыскать трудно. И ежели кого пріищу, буду впредь доносить.

953. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. ноября 10. Дрезденъ.

Его царское величество изволилъ прибыть сюда въ 6-ой день сего мѣсяца и изволитъ идти въ армію свою, откуда имѣемъ вѣдомость, что генералъ Штенбокъ, собравшись и взявъ людей съ острова Рюгена и изъ Стральзунда, въ 15 тысячахъ пошелъ въ мекленбургскую землю и намѣренъ взять изъ Висмара еще 2000, за которымъ его королевское величество польскій съ войски своими и россійскими пошелъ, и уже вблизи

обѣ арміи межъ собою обрѣтались неподалеку отъ Роштока. А что́ учинится, время окажетъ. Дай, Боже, счастія.

Его царское величество, по желанію его королевскаго величества польскаго, изволилъ пріобщить съ данныхъ указовъ милости вашей и барону Урбиху силу оныхъ, съ чего при семъ посылаю списокъ. И изъ того изволите ваша милость усмотрѣть, о чемъ сообщено и о чемъ не сообщено, противъ инструкціи, вамъ данной, по чему можете ваша милость поступать съ польскими и съ датскими министры, ибо о томъ же властно такъ пріобщить велѣно и его королевскому величеству датскому послу г. князю Долгорукову, и отправится ему на сихъ дняхъ. Въ прочемъ же изволите во всемъ поступать такъ, какъ въ инструкціи написано, а сіе токмо для извѣстія къ милости вашей посылаю.

Писалъ ваша милость къ его царскому величеству о присылкѣ къ себѣ кредитива, о иманіи въ Голландіи въ заемъ денегъ, который, какъ ваша милость извѣстенъ, у насъ давно приготовленъ былъ; но понеже вы при отъѣздѣ своемъ изъ Лейпцига ничего о томъ напоминать не изволили, того ради тотъ тогда и не подписанъ. А когда нынѣ о томъ пишете, то такіе два кредитива, розными образцы написанные, за приписаніемъ его царскаго величества, посылаются къ милости вашей при письмѣ его величества.

954. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. ноября 11. Гага.

Третьяго дня министры датскій и польскій позваны были къ статскому собранію, которымъ чрезъ депутатовъ объявлена резолюція статская о дачѣ денегъ на рекруты и на лошади, и дабы они дали указы своимъ командирующимъ генераломъ, чтобы рекрутованье солдатъ и покупка лошадей были управлены марта къ первымъ числамъ. Притомъ же оные министры говорили о половинѣ войскъ своихъ, которыя были на заплатѣ

аглинской, дабы оныя были плачены такъ, какъ и другія; на что безъ всякаго опредѣленія съ ними разошлись.

И потомъ польскіе министры мнѣ сообщили, что они конечно дадутъ указъ маршировать въ Саксонію той половинѣ войскъ, которая на заплатѣ аглинской была, которыхъ учинитъ 5 баталіоновъ и шесть шкадроновъ, для того что ни квартиръ зимнихъ, ни субсидій на тѣ войска здѣсь имъ не даютъ. А датскій о своихъ войскахъ мнѣ не объявилъ ничего и оставляетъ ихъ впредь до указа отъ двора.

Министрамъ прусскому, палатинскому, ганноверскому равнымъ образомъ вышепомянутая резолюція отъ Статовъ сообщена. И изъ тѣхъ конечно чаютъ, что прусскія войска отозваны будутъ; и когда оныя маршировать будутъ, уже прямой знакъ къ миру есть, что оныхъ войскъ въ службѣ своей не удерживаютъ, и тогда помянутый прусскій дворъ подъ нынѣшній случай небезсильнымъ себя можетъ находить.

Когда увѣдомились здѣсь о входѣ войскъ шведскихъ въ меклембургскую землю, тогда немалое разсужденіе къ сему имѣли и имѣютъ. А особливе принцъ Евженій при свиданіи со мною говорилъ, что ежели тому войску шведскому дано будетъ свободно быть въ меклембургскомъ княженіи нѣкоторое время, то опасность есть, чтобъ оное войско не умножилось такъ, какъ и въ Саксоніи, и многій вредъ учинитъ не токмо дѣламъ сѣвернымъ,—и здѣшнимъ. Того для разсуждаетъ, чтобы, не упуская времени, непріятеля искать и принуждать къ баталіи,—ежели ретируется въ которое мѣсто, конечно блокировать.

Здѣсь приняли гораздо за непріятно, каковъ отвѣтъ Штенбокъ учинилъ посланному короля прусскаго. Тотъ присланный со стороны короля своего говорилъ, чтобъ онъ разореніе меклембургской землѣ не чинилъ, знавъ, что есть членъ имперіи. На то ему отвѣтствовалъ генералъ Штенбокъ, что не знаетъ ни цесаря, ни цесарства, ни ихъ членовъ, но хочетъ всему тому послѣдствовать, какъ указы короля его повелѣваютъ.

Здѣсь чаютъ, конечно войска непріятельскія маршъ свой къ Голштеніи примутъ и прежде отъ Гамбурга и Любека доволь-

ную сумму возьмутъ, которые охотно дадутъ, къ тому-жъ и Францiя не оставитъ. Ежели резолюцiя будетъ взята о вступленiи нашими войски въ меклембургскую землю, конечно, я чаю, здѣсь за противность не возьмутъ, и хотя бы далѣе, для того что здѣсь никто о томъ не говоритъ.

Опасность есть въ томъ, ежели непрiятель, получа себѣ сумму денегъ, маршъ свой учинитъ, наприкладъ, чрезъ владѣнiя короля прусскаго въ Саксонiю съ довольною всѣмъ вездѣ заплатою, то нашимъ войскамъ послѣдствовать, не имѣя своего удовольства, не безъ трудности и озлобленiя другимъ будетъ.

Дѣла здѣшнiя до возвращенiя милорда Страффорда въ тишинѣ пребываютъ.

955. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. ноября 14. Гага.

По отправленiи моего письма прошлой почты, вновь здѣсь въ дѣлахъ статскихъ ничего не произошло, и при собранiи Статовъ Голландскихъ сей недѣли больше не опредѣлили, какъ о рекрутахъ, такъ же о зимовыхъ квартирахъ и о фуражѣ; а о вступленiи въ предбудущую кампанiю обыкновенные указы выдали токмо для прiуготовленiя фуражей къ 25 марта. А о прибавочныхъ войскахъ, также и на учиненные проекты принца Евженiя,—какимъ образомъ кампанiя должна начата быть,—на все то резолюцiи отъ Статовъ не взято, для того, чтобы цесарь съ цесарствомъ по учиненнымъ прежде проектомъ и своему обѣщанiю въ собранiи войскъ 100 тысячъ, также и 4-хъ миллiоновъ талеровъ, себя дѣйствительно опредѣлили. Потомъ и они, Статы, смотря на то, не упустя времени, предбудущей кампанiи во всемъ себя опредѣлятъ и резолюцiю скорую возьмутъ.

Здѣсь между провинцiями великое несогласiе есть. Какъ и недавно провинцiи утрехтская, фришляндская, тонингская себя объявили, чтобы конечно миръ учинить; но другiя провинцiи еще себя умѣренно въ томъ содержатъ и смотрятъ, ежели сходно

съ ихъ интересы миръ учинить. А хотя-бъ и хотѣли, есть многое въ томъ разсужденіе, что Франція уже сама нынѣшнюю кампанію продолжать хочетъ. И того для многіе разсуждаютъ, что городъ Амстердамъ политикою поступаетъ, будто не являетъ себя склонна къ продолженію войны, хотя видя всю голландскую провинцію къ продолженію войны склонна; но тѣмъ своимъ несогласіемъ или медленіемъ продолжаютъ время, а между тѣмъ конечно чрезъ Англію ищутъ мира съ Франціею. И по всѣмъ обстоятельствомъ здѣшнихъ дѣлъ видится, что негоціація утрехтская продолжаться будетъ.

Принцъ Евженій вчерашняго дня отъѣхалъ до Вѣны и обѣщалъ возвратиться тогда, ежели Статы возьмутъ подлинную резолюцію къ продолженію войны и поставятъ свои войска въ равной силѣ противъ непріятеля.

Изъ Англіи получена вѣдомость о ренунціаціи, которую обѣщалъ Филиппъ учинить о наслѣдствѣ короны французской, что онъ и домъ бурбонскій объявили нынѣ Англіи, что они ренунціацію прежде не могутъ учинить, ежели домъ аустрійскій не учинитъ равной ренунціаціи о монархіи гишпанской. Однакоже заподлинно еще здѣсь сіе не объявилось, но окажется все въ пріѣздъ милорда Страффорда.

Вчерашняго дня бывъ я у ратпенсіонарія, о трактатѣ коммерціи говорилъ, и постановили на предбудущей недѣлѣ ремарки и проекты старые снести, также и вновь объявить. Притомъ мнѣ онъ, пенсіонарій, говорилъ: министръ шведскій Пальмквистъ, бывъ въ Утрехтѣ, имѣлъ по три дня сряду конференціи съ министры французскими, и потомъ вскорѣ отъ министровъ французскихъ курьеръ отправленъ ко двору ихъ. И о силѣ тѣхъ конференцій онъ, ратпенсіонарій, увѣдомился и мнѣ объявилъ, что министры французскіе, шведскимъ проекты учиня о корпусѣ войскъ подъ командою Штенбока, намѣреніе того генерала двору своему сообщили, и требуютъ еще на вспоможеніе денегъ, чего для онъ, пенсіонарій, чаетъ, можетъ то учиниться чрезъ Гамбургъ. Притомъ министръ шведскій ему, пенсіонарію, говорилъ, для чего Статы здѣшніе и

вся имперія упускаютъ датскому королю въ разореніе приводить Гамбургъ и такую сумму денегъ брать, а Статомъ Голландскимъ особливе тотъ городъ престерегать для своей коммерціи. И того для ежели они, Статы, находятъ за благо, чтобъ оный городъ Гамбургъ отъ того освободить, то войска ихъ подъ командою Штенбока, пришедъ къ тому городу, могутъ свободно непріятеля отбить; токмо желаетъ, чтобъ они, Статы, также и другіе принцы имперскіе нѣкоторую помощь въ томъ имъ подали. На то все ратпенсіонарій ему отвѣтствовалъ, что они по се число въ дѣла сѣверныя не мѣшались и нынѣ для своихъ дѣлъ здѣшнихъ мѣшаться не могутъ.

Здѣсь разглашено между многими, что, по вступленіи въ меклембургскую землю, Флеммингъ имѣлъ конференцію съ Штенбокомъ, при которой ни нашихъ министровъ, ни датскихъ не было. Сіе придаетъ многому подозрѣнію,—нѣкакимъ интригамъ при томъ съѣздѣ. А особливе остатней почты письмами подтвердили, что король польскій возвращается въ Польшу, а оставляетъ въ командѣ трехъ персонъ: Флемминга, барона Левендаля, барона Геемса, о которыхъ разсуждаетъ, что не для военныхъ дѣлъ остаются, но больше о вступленіи въ трактатъ партикулярнаго мира съ Штенбокомъ.

956. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. ноября 19. Берлинъ.

Объявляю милости вашей: г. Матвѣевъ къ его царскому величеству прибылъ въ Дрезденъ и оттуда отправленъ ко двору цесарскаго величества, яко полномочный министръ, на время для того дѣла, о которомъ вамъ извѣстно. При отъѣздѣ нашемъ говорилъ, чтобы мнѣ писать къ милости вашей, дабы оставшихся въ Голландіи при немъ бывшихъ подьячихъ къ нему въ Вѣну отправить на почтѣ приказали, которые прислали сюда челобитную: бьютъ челомъ о заплатѣ долговъ ихъ и о дачѣ на проѣздъ. И ваша милость изволите оныхъ, изъ долговъ вы-

купя и давъ на дорожный проѣздъ, что пристойно, отправить въ Вѣну на почтѣ. А деньги изволите на ту дачу держать изъ присланныхъ къ милости вашей по векселямъ за смолу, о которыхъ писали ко мнѣ съ Москвы секретари, что оные къ милости вашей посылаютъ. И изволите, мой государь, ихъ конечно выслать не умедля, понеже г. Матвѣеву въ нихъ есть нужда. Только изволь, мой государь, въ дачѣ денегъ учинить по своему разсмотрѣнію, дабы лишняго не дать.

957. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. ноября 21. Гага.

Здѣсь дѣла всѣ, такъ и въ Утрехтѣ, въ молчаніи есть до пріѣзда милорда Страффорда, котораго вскорѣ сюда ожидаютъ и чаютъ, что будетъ съ послѣднимъ пляномъ мирнымъ, который по пріѣздѣ своемъ аліатомъ предложитъ. А ежели не примутъ того, то, оставя ихъ, аліатовъ, Англія объявитъ свой миръ партикулярный.

Трупы саксонскіе хотя и намѣрены были маршировать, какъ я своими прежде доносилъ,—о чемъ мнѣ и сами министры польскіе сказывали,—но оные и по се число отъ марта удержалися. И по всему видимо, что не хотятъ отлучиться отъ службы аліатской.

Курфюрстъ ганноверскій далъ указъ войскамъ своимъ, которыя на заплатѣ аглинской были, маршировать въ отечество. Но министръ его баронъ Ботмаръ ратпенсіонарію объявилъ, что его курфюрстъ причину имѣетъ оныя войска отзывать, впервыхъ, что Статы тѣмъ ничего не платятъ, также и для осторожности своихъ краевъ, чего для въ близости война есть.

Что же изволили ваше превосходительство о цесарскомъ дворѣ и о другихъ приказать ко мнѣ писать, за что по униженномъ моемъ благодареніи, прошу приказать впредь тѣмъ же образомъ продолжать. А о цесарскомъ дворѣ я весьма того

мнѣнія есть, что сіе дѣло окончано не будетъ. А и здѣсь со мною того двора министровъ обхожденіе гораздо холодное.

О Штенбоковыхъ маршѣхъ здѣсь слухъ есть, что сбираетъ лошадей довольство и хочетъ, свою пѣхоту на лошади посадя, маршировать близъ Эльбы рѣки, чрезъ брандебургскую землю, въ Саксонію. Но другіе чаютъ, больше тѣмъ наслушаніе даетъ, чтобы наши войска туда отвести, а потомъ пройти чрезъ Померанію; также и Гарцъ уже шведы, будто, намѣрены атакоковать своимъ гарнизономъ изъ Штетина. Могу сказать, что здѣсь партія аліатская генерально всѣ желаютъ, дабы оное непріятельское войско оружіемъ его царскаго величества разорено было.

Что же объ артикулахъ инструкціи моей и барона Урбиха изволили сообщить двору польскому и датскому, и по тому съ тѣми министры буду здѣсь поступать. Токмо мое мнѣніе объявляю, что въ пунктѣ о предложеніи медіаціи упомянулося— „обнадеживанія о наслѣдственныхъ земляхъ“, также и въ другомъ пунктѣ на медіацію Франціи—„о деклараціи со стороны ихъ“, чаялъ бы лучше оное тѣмъ дворамъ не объявлять, а особливе польскому, отъ котораго мы больше въ подозрѣніи себя видимъ, хотя и несостоятельныхъ ихъ интригъ,—для того, когда то намѣреніе царскаго величества сей дворъ увидѣлъ, то весьма скрытно отъ меня съ французскими о медіаціи здѣсь будутъ дѣлать, разсудя, что французскимъ такую декларацію учинить будетъ трудно. А обнадеживаніе о наслѣдственныхъ земляхъ, можетъ быть, по премѣнамъ здѣшнихъ дѣлъ усмотрятъ несостоятельно, и потому весьма партикулярнаго будутъ искать мира и отлучатся. Но я, по пріѣздѣ своемъ, министрамъ датскому и польскому внушалъ, что его царское величество съ аліаты своими есть весьма во всѣхъ интересахъ склоннымъ и къ миру обще хочетъ согласенъ быть; но чрезъ сіе желаю, чтобы могли быть со мною въ лучшей конфиденціи.

958. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. ноября 25. Гага.

Въ прошлую субботу, чрезъ почту гамбургскую и ганноверскую, въ письмахъ объявлено, что миръ сѣверной войны въ Помераніи нынѣ учиненъ, а обстоятельно о томъ не упоминалося. А въ одномъ письмѣ явилося, что оный миръ учиненъ между королемъ польскимъ и шведскимъ на такихъ кондиціяхъ, чтобы королю Августу быть королемъ польскимъ и давать нѣкоторое число денегъ Станиславу по его животъ. И того же дня сносилися мы съ министромъ датскимъ со всѣми тѣми новинами и письмами, которыя отъ своихъ дворовъ получали. И онъ обнадеживалъ, съ своей стороны, что король его, отлучась отъ царскаго величества, того мира не учинилъ. Взаимно и я его обнадеживалъ со стороны его царскаго величества. И того же дня, ввечеру, былъ я у министра польскаго барона Герсдорфа, хотя вѣдать о тѣхъ новинахъ и видѣть изъ его разговоровъ, и о тѣхъ новинахъ мнѣ отвѣтствовалъ невѣдѣніемъ. И при томъ часѣ графъ Цинцендорфъ, пріѣхавъ, сказалъ, что онъ письмо изъ Гамбурга видѣлъ, и объявляютъ именно, что оный миръ заключенъ въ Ростокѣ.

Но на-завтрее того дня министръ шведскій публиковалъ, что въ Помераніи между саксонскими и шведскими войски учинена армистиція на 15 дней. Но мы здѣсь, какъ датскій, и я, во всякомъ невѣдѣніи отъ тѣхъ новинъ остаемся.

Топерь объявляю здѣшнее разсужденіе: при такомъ случаѣ, ежели бы тотъ миръ учиненъ или учинится, чтó бы могло послѣдствовать.

Разсуждается, ежели король польскій миръ учинилъ, оставя корону польскую, то бы могло лучшее быть къ нашему интересу, нежели оную удержитъ, для того что республика, избравъ новаго короля, содержала бы обще наши интересы. А ежели бы король Августъ удержалъ корону польскую, то сей миръ или не можетъ быть твердъ и постоянень, или король Августъ не-

пріятельски противу насъ поступитъ; для того, ежели въ мирныхъ договорѣхъ заключено, чтобы войскамъ шведскимъ въ Польшу не вступать и оставить ее неутральной, то не можетъ содержанъ быть оный миръ королемъ шведскимъ никогда. А по вступленіи своемъ шведы въ Польшу весьма явятся неполезны королю Августу и республикѣ; но при такомъ случаѣ паче чаять весьма его отлученія отъ той короны, и Лещинскій утвержденъ будетъ, для того что Швеція не токмо въ одинъ свой интересъ ищетъ, равнымъ же образомъ и Франціи того желаетъ. Но король Августъ, будучи королемъ польскимъ, никогда противнаго имперіи учинить не похочетъ и не можетъ.

А ежели король Августъ, учиня тотъ миръ, вступитъ въ аліансъ съ короною шведскою,—къ чему есть многіе того чаянія, разсуждая примѣръ дука савойскаго, который учинилъ при начинаніи сей войны съ Франціею, что сперва былъ въ союзѣ съ Франціею и командировалъ войски, а потомъ, учиня аліансъ съ аліаты, противу Франціи непріятельски поступилъ, какъ и донынѣ видимъ,—тогда смотрѣть, ежели тѣмъ поступкомъ короля польскаго республика будетъ довольна. Но весьма чаянія надобно быть такого, что будетъ недовольна, и отъ него отлучится, и право имѣть будетъ, не хотя потерять свою волю и быть невольниками въ рукахъ шведскихъ.

Что же принадлежитъ объ армистиціи, уже сего дня, поутру, подтверждается. Но при семъ есть многое разсужденіе, но паче всѣхъ смотрѣть, чтобы конечно польскій король въ трактатъ не вступилъ; какъ мнѣ сообщено изъ корришпонденціи статской нынѣшняго же дня, что уже проектъ о мирѣ конечно учиненъ между Флеммингомъ и Штенбокомъ, въ которомъ упомянуто, чтобы быть Станиславу на его земляхъ, и писаться королемъ, и давать ему по вся годы съ королевства польскаго 100 тысячъ ефимковъ.

Все сіе дѣло примѣромъ объявлю нынѣшняго дѣла Англіи съ Франціею и съ аліаты, и, смотря на сей примѣръ, также предосторожности надобно примать, а паче всего, чтобы всякія предложенія со стороны непріятельской не могли быть чрезъ руки

и переписки Флеммингови, но сами бы чрезъ себя, дабы польскимъ министрамъ всѣхъ дѣлъ и кредитъ въ руки не отдать, властно смотря на Англію, какъ нынѣ все то въ своихъ рукахъ содержитъ.

Ратпенсіонарій объявилъ мнѣ, что Статы опредѣлили Краненбургу, посланнику ихъ, ѣхать въ Померанію къ королю польскому; также надѣются, что оному будетъ нѣкоторая коммиссія дана и до двора его царскаго величества. И объявилъ мнѣ, что ему въ инструкціяхъ его опредѣлено имѣть стараніе, чтобы въ лучшее согласіе приводить сѣверныхъ воюющихъ аліатовъ.

959. Аврамъ Веселовскій—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. ноября 26. Сапендорфъ.

О послѣднемъ нашемъ свиданіи съ Штенбокомъ вамъ доношу, при которомъ его свѣтлость и самъ былъ, что при ономъ положено унятіе оружія токмо на 15 дней, пока дальній отъ его царскаго величества указъ и соизволеніе отъ короля датскаго получимъ, которому, надѣюсь, за-утро быть заключену; и тогда имѣетъ или продолженіе войны, или армистиціумъ объявлено быть. А между симъ временемъ поставляемъ мы войска свои на кантониръ-квартиры въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нынѣ стоимъ. И сіе мы не ради иного чего учинили, токмо ради необходимой нужды, понеже донынѣ стоять вся армія подъ небомъ на дождѣ и снѣгу принуждена была, къ тому-жъ и скудость въ хлѣбѣ превеликая. А нынѣ, вначалѣ собравъ всѣ свои войска изъ гварнизоновъ и дождавшись трехъ полковъ саксонской кавалеріи, которые по трехъ дняхъ изъ Польши прибудутъ сюда, такожде случась съ Бауэровымъ корпусомъ, съ помощью Божіею, по исшествіи 15 дней, пойдемъ сами на нихъ. А можетъ, между тѣмъ, къ намъ прибыть и датская кавалерія, которая сюда прислана быть обѣщана, и тогда непріятель всеконечно можетъ пропасть, ежели всемогущій Богъ намъ подастъ помощь.

960. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. ноября 29. Гага.

Здѣсь получена вѣдомость объ учиненной армистиціи въ Помераніи между войски его царскаго величества, короля польскаго, также и шведскими, на 15 дней; о чемъ министръ датскій отъ меня подлиннѣе желалъ вѣдать, и въ немаломъ подозрѣніи себя находитъ, какъ могъ признать изъ словъ его. И говорилъ, что оная армистиція учинена безъ согласія короля его, того для онъ опасенъ, чтобы маршъ ихъ, войскъ датскихъ, удержанъ не былъ. Притомъ же говорилъ, что онъ видѣлъ изъ писемъ, будто, по выхожденіи термина 15 дней, будетъ учинена армистиція на 3 мѣсяца; изъ того разсуждаетъ быть немалому предосужденію въ дѣлахъ нашихъ. На всѣ тѣ его слова не могъ инымъ чѣмъ отвѣтствовать, токмо невѣдѣніемъ.

Вчерашняго дня при разговорѣхъ ратпенсіонарій о томъ же меня спрашивалъ и сказалъ заподлинно, что оная армистиція учинена, какъ выше упомянулъ я. Но я о тѣхъ дѣлѣхъ ничего по се число вѣдѣнія не имѣлъ и не имѣю. Прошу, мой государь, приказать ко мнѣ обстоятельно отписать и о кондиціяхъ той армистиціи.

Министръ шведскій Пальмквистъ, также и другіе въ Утрехтѣ наслушаютъ, что та армистиція учинена не по ихъ требованію, но, будто, со стороны нашей.

Милордъ Страффордъ четвертаго дня сюда пріѣхалъ и того же дня былъ въ конференціи съ ратпенсіонаріемъ, а назавтрее статская депутація была, также и вчерашняго дня у него съ Статами была конференція. Но о всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ подлинно еще знать не можемъ, а о чемъ могли увѣдать, при семъ доношу.

На предложеніе послѣднее статское онъ, милордъ Страффордъ, объявилъ, что королева его по всѣмъ возможностямъ въ интересъ ихъ у Франціи трудилася, чтобы города Турнэ,

Контей, Ипръ, также и весь барьеръ по ихъ прежнему желанію былъ уступленъ. Но Франція себя объявила Ипръ уступить имъ, голландцомъ, а взаимно отъ нихъ требуетъ Лилль, въ чемъ съ обѣихъ сторонъ сходно принято; о Контеѣ весьма отказала. Объ уступленіи Турнэ имъ, голландцомъ, она, Франція, себя нынѣ объявила, токмо предложила новый плянъ, какимъ образомъ они, голландцы, должны будутъ своими гварнизоны оный барьеръ содержать.

Въ томъ своемъ плянѣ она, Франція, предлагаетъ, чтобы во всѣхъ Фляндрахъ и Брабантѣ Статы никакой крѣпости своимъ гварнизономъ однимъ не содержали, но имѣли бы въ тѣхъ третью часть: два баталіона были бы дома аустрійскаго, а третій ихъ, статскій; также коменданты были бы дома аустрійскаго, а баталіона ихъ, статскаго, одинъ майоръ.

Притомъ же предлагается о дукатствѣ люксембургскомъ, чтобъ отдано было дуку баварскому въ награжденіе Верхняго Палатината, который отданъ курфюрсту пфальцскому. А о Сициліи и интересахъ имперскихъ еще подлинно увѣдомиться не можемъ.

Также Франція желаетъ, чтобы Гандъ, Остенда, Ньюпортъ были содержаны гарнизонами аглинскими.

И на всѣ тѣ предложенія здѣсь имѣютъ разсужденіе такое: что́ о содержаніи гарнизоновъ, то не что иное, токмо тѣмъ цесаря съ голландцы въ ссору привести и всегда ихъ въ желюзіи между собою содержать; также и о дукатствѣ люксембургскомъ и о гарнизонахъ аглинскихъ во Фляндрахъ—все то за невозможность считается принять.

Еще же слышимъ, что милордъ Страффордъ во всѣхъ своихъ конференціяхъ о коммерціи, кромѣ терминовъ генеральныхъ, не говорилъ и о тарифѣ отъ 64 года ничего не упоминалъ. Сіе многому разсужденію есть здѣсь,—когда городъ Амстердамъ увидитъ слабость въ дѣлѣхъ своихъ о коммерціи, тогда надѣются ему быть иного мнѣнія, нежели сходна къ миру, какъ являлся до сихъ мѣстъ.

На все сіе будемъ смотрѣть, что́ изъ провинцій рѣшеніе учинятъ на вышеупомянутыя предложенія, и впредь доносить буду.

Третьяго дня былъ я у милорда Страффорда. Между другими всѣми разговоры мнѣ сказалъ, что онъ не имѣетъ никакого указа отъ королевы своей, что́ бы дотыкалося до интересовъ сѣверныхъ; но токмо имѣетъ указъ—въ терминахъ генеральныхъ предлагать добрыя средства.

Подьячихъ отсель въ Вѣну отправлю. О дѣлѣ министра шведскаго Фризендорфа еще знать не можемъ, и не чаю, что-бъ иное было, токмо о гварантіи вестфальскаго мира, что принадлежитъ къ провинціямъ ихъ въ имперіи.

961. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. ноября 30. Мѣстечко Лаго въ Меклембургіи.

Объявляю вашей милости, что его царское величество изволилъ прибыть сюда въ армію сего мѣсяца въ 26-ой день и намѣренъ надъ непріятелемъ, при помощи Господней, поискъ чинить въ скоромъ времени, дождавшись его королевскаго величества датскаго съ войски въ слученіе, о которомъ вѣдомость имѣемъ, что съ войскомъ своимъ въ слученіе съ соединенною арміею идти изволитъ, и уже вошелъ въ сію землю; о чемъ повсечасно ожидаемъ подлиннаго увѣдомленія чрезъ г. генералъ-адъютанта Ягужинскаго, который къ его королевскому величеству отправленъ отъ его царскаго величества изъ Демина.

Непріятель стоитъ попрежнему у Ростока и у Швана на крѣпкомъ пасѣ, съ которымъ до прибытія его царскаго величества сюда положено на словахъ, чтобы во время двухъ недѣль съ обѣихъ сторонъ никакихъ непріятельскихъ дѣйствъ не чинить и стоять войску на контанирахъ, до котораго срока дней съ 5 осталося. Сіе было учинено ради малаго отдохновенія войску.

962. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 2. Гага.

По отправленіи прошлой почты моего доношенія, о предложеніяхъ милорда Страффорда еще по се число письменно

достать не можемъ, чего для въ секретѣ содержится между нимъ, милордомъ, и Статами; однакоже на сихъ дняхъ уже явнѣе намъ открылося.

Онъ, милордъ Страффордъ, предложилъ имъ, Статомъ, что королева его у Франціи исходатайствовала, по желанію ихъ, статскому, о барьерѣ, какъ я въ прежнемъ своемъ доносилъ, т.-е. она, Франція, Ипръ взаимно за Лилль уступаетъ имъ, Статомъ, также и Турнэ. А о кондиціяхъ, какимъ образомъ гварнизоны въ Брабантѣ цесарю и голландцомъ содержать, то имъ, Статомъ, будто, въ предложеніи не было, но партикулярно о томъ говорилъ одному Цинцендорфу; а о Контеѣ имъ, Статомъ, объявилъ, что Франція уступить того никогда не хочетъ.

Дукатство люксембургское и графство намурское уступлены будутъ во владѣніе дуку баварскому до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ награжденъ будетъ отъ дома аустрійскаго отъ всѣхъ убытковъ, понесенныхъ въ нынѣшнюю войну. Ему же, дуку баварскому, домъ аустрійскій долженствуетъ возвратить всю Баварію, и призванъ будетъ за курфюрста отъ цесаря и отъ всего имперія, и рангъ имѣть будетъ седьмымъ; а въ награжденіе Верхняго Палатината ему же, дуку баварскому, отдастся королевство сардинское и съ титуломъ, въ которомъ отъ всѣхъ аліатовъ долженъ быть признанъ.

Что принадлежитъ объ интересахъ имперіи,—Страсбургъ Франція уступать имперіи никогда не будетъ, а Ляндау и Филиппсбургъ обѣщаетъ разорить; королевство сицильское уступается дуку савойскому и съ титуломъ, въ которомъ отъ всѣхъ аліатовъ долженъ быть признанъ.

Что же принадлежитъ о коммерціи тарифа, который есть весьма нуженъ голландцомъ,—онъ, милордъ, объявилъ, что Франція, кромѣ четырехъ сортей товаровъ, на всѣ позволяетъ. О другой коммерціи—въ Гишпаніи—генеральными термины объявилъ, что королева его обѣщаетъ содержать въ прежнемъ порядкѣ какъ до нынѣшней войны было. И при тѣхъ же всѣхъ вышепомянутыхъ предложеніяхъ имъ, Господамъ Статомъ, онъ, милордъ Страффордъ, говорилъ, что онъ надѣется отъ нихъ подлинную

резолюцію на все вскорѣ получить. И сказалъ, хотя кто изъ аліатовъ склоненъ къ миру и не явится, но королева его весьма миръ свой намѣрена съ Франціею учинить и вскорѣ будетъ декляровать.

Но Господа Статы, принявъ всѣ тѣ предложенія, третьяго дня по провинціямъ послали, и будутъ на то отъ всякой провинціи ожидать ихъ мнѣнія. Но голландская провинція назначила Статомъ собраніе свое учинить въ нынѣшнюю среду, и будемъ смотрѣть, какое рѣшеніе приметъ.

Милордъ Страффордъ повседневно въ конференціяхъ съ выбранными персонами секрета статскаго, и о нѣкоторыхъ тайныхъ его предложеніяхъ имъ, Статомъ, нынѣ слухъ происходитъ: предлагаетъ Статомъ, чтобы Брабантъ и всю Фляндрію во владѣніе и суверанство имъ, Статомъ, себѣ взять и отъ дома аустрійскаго то отлучить; также и при конгрессѣ въ Утрехтѣ чтобъ аустрійскій домъ ренунціацію учинилъ о монархіи гишпанской равнымъ образомъ, какъ дукъ д'Анжу—отъ короны французской. И о семъ слышимъ, хотя можетъ быть и несостоятельно, токмо на домъ аустрійскій нарочно та тягость налагается, чтобы то уступить, а въ другихъ претензіяхъ по намѣренію своему окончать. Также слышимъ, что уже Статы о Контеѣ хотятъ предложить, когда Франція имъ уступить не хочетъ, чтобъ оная фортеція была разорена.

И на всѣ тѣ дѣла такъ въ краткихъ дняхъ узнать трудно и сказать, что вскорѣ учинится миръ, или продолженіе войны будетъ. Но здѣсь во всѣхъ семи провинціяхъ партіями раздѣлены: однѣ къ миру, другія къ войнѣ. И уже видится, что партія къ миру умножается, и здѣсь изъ статскихъ первыхъ персонъ больше являются къ тому; токмо ратпенсіонарій съ нѣкоторыми своей партіи весьма тому по се число былъ противенъ. Но будемъ смотрѣть, ежели и того самая невозможность въ дѣлѣхъ къ тому же миру склонна не приведетъ.

Министры цесарскіе никогда такъ смущены не были, какъ нынѣшняго времени, что уже не токмо монархіи гишпанской домъ аустрійскій отлученъ, но и Сицилію Англія отнимаетъ;

но еще больше—и Сардинію, какъ прошлаго парламента королева аглинская объявила въ арангѣ своей конечно то дому аустрійскому.

Изъ всего того предложенія, что королевство сицильское уступается дуку савойскому, тѣмъ многую слабость всѣмъ аліатскимъ дѣламъ придало нынѣ, что уже дукъ савойскій весьма партіи аглинской и обще миръ съ Англіею изъ того своего интереса учинитъ.

На все то по состоянію нынѣшнихъ дѣлъ разсуждается однимъ образомъ сильно, что Голландія хотя похочетъ и миръ учинить, но цесарь, хотя видѣвъ себя безсильна и не смотря на опасаемое себѣ разореніе, не похочетъ такой убыточный и безчестный, и непостоянный миръ учинить, и будетъ продолжать войну, хотя Франція такою сильною потенціею въ наслѣдственныя земли дома аустрійскаго войски своими вступитъ, также и внутрь имперіи; то, въ такомъ случаѣ, разсуждается нынѣ, что̀ бы могла Голландія дѣлать. И предусматриваютъ, что оная никогда домъ аустрійскій въ разореніи, также и армію французскую внутри имперіи видѣть не похочетъ, и самый интересъ ихъ, голландцевъ, отлученнымъ быть отъ дома аустрійскаго и имперіи не позволитъ. Того для господа голландцы нынѣ немалую трудность имѣть будутъ, ежели отлучиться отъ Англіи или отъ дома аустрійскаго.

Милордъ Страффордъ, бывъ у меня, между другими разговоры, сказалъ мнѣ явно, что они миръ свой учинятъ въ четыре или въ пять недѣль отсель, хотя и аліаты къ тому съ ними согласны не будутъ; но онъ надѣется, что Голландія отъ нихъ не отстанетъ, и тому другіе послѣдствовать всѣ будутъ.

А что принадлежитъ до интересовъ его царскаго величества и обще къ сѣверной войнѣ, какъ я въ прежнемъ своемъ письмѣ упоминалъ, что, будто, онъ, милордъ, не имѣетъ иного указа, токмо предлагать добрыя средства; но при другомъ нынѣ свиданіи въ моемъ домѣ говорилъ, какъ своимъ со мною партикулярнымъ разговоромъ, что онъ великую видитъ трудность, какимъ бы образомъ миръ сѣверной войны могъ учиненъ быть,

для того что его царское величество и его аліаты все завоеванное хотятъ содержать, но, противно тому, король шведскій хочетъ, чтобъ оное возвращено было. Но онъ, милордъ, чаетъ сходно быть, ежели бы сѣверные воюющіе нынѣ при съѣздѣ въ Утрехтѣ прелиминаріи опредѣлили и потомъ, вступя въ трактатъ, претензіи каждаго лучше бы могли къ концу своему приведены быть.

На все то, видя его партикулярнымъ разговоромъ, а не предложеніемъ, я, съ своей стороны, сказалъ кратко, не вступая съ нимъ въ дальніе разговоры, что его царское величество добрыхъ средствъ ея королевина величества обще съ аліаты своими не отрекается, но желаютъ вѣдать прежде къ удовольствованію своему намѣренія со стороны шведской.

Министры цесарскіе писали къ министру своему, который при датскомъ дворѣ, чтобы весьма старался оный дворъ привести, дабы войскамъ ихъ, датскимъ, въ Померанію маршировать, для того что интересъ нынѣ ихъ самый есть, чтобы Штенбока съ войски шведскими умножиться въ имперіи не допустить, который бы развращенія дѣламъ аліатскимъ не могъ учинить.

Я увѣдомился здѣсь, что курфюрстъ ганноверскій предлагалъ королю польскому, чтобъ онъ на всѣ нынѣшнія предложенія шведскія къ миру надеженъ не былъ, изъ чего неможно иного сподѣваться себѣ, токмо кромѣ обмана.

По указу я здѣсь непрестанно ищу искуснаго министра, которому бы можно вручить дѣла въ Англіи, на мѣсто г. Лита; но по се число не могу найти такого человѣка и вскорѣ найти трудно, кому бы можно въ такихъ дѣлахъ повѣрить. Но я здѣсь увѣдомился, что г. посолъ аглинскій Витвортъ возвращается въ Англію и отпускъ отъ его царскаго величества изъ Берлина уже взялъ; того для доношу и нахожу сходно, чтобы г. де-Бека учинить резидентомъ хотя до тѣхъ мѣстъ, пока Англія министра своего вновь въ характерѣ назначитъ и пришлетъ, котораго присылкѣ вскорѣ я весьма быть не чаю. А между тѣмъ временемъ онъ, г. Бекъ, для одной корришпонденціи весьма годенъ и тамъ свѣдомъ о всѣхъ дѣлѣхъ.

И ежели изволите взять на то резолюцію, изволите прислать грамоту, какъ обычай резиденту, также и жалованье опредѣлить, и оное я къ нему отправлю, и учиню съ нимъ аккордъ по обыкновенію, также и присягу въ услугахъ вѣрности его. И такимъ образомъ г. Литъ нынѣ вскорѣ оттуль освобожденъ можетъ быть, и объ отъѣздѣ своемъ онъ, г. Литъ, ко мнѣ непрестанно пишетъ.

О трактатѣ коммерціи доношу. По двумъ имѣющимъ прежнимъ конференціямъ съ ратпенсіонаріемъ о томъ согласились, чтобы мнѣ подать, съ своей стороны, проектъ съ ремарки, который прошлой недѣли я подалъ. И сего утра бывъ нарочно, желалъ отъ него вѣдать, что́ опредѣлили на тѣ мои проекты и ремарки. И сказалъ, что, по пріѣздѣ милорда Страффорда, за нынѣшними суетами отвѣта не можетъ дать до предбудущей недѣли.

Полученъ здѣсь курьеръ отъ курфюрста ганноверскаго, который принесъ указъ, чтобы трупы его, которые было велѣно отозвать, нынѣ, по прошенію цесаря и голландцевъ, остановить въ Брабантѣ попрежнему.

Коммиссары кампаніи ливонской изъ Амстердама прислали ко мнѣ копіи съ писемъ, каковы убытки учинены ихъ шиперомъ и другимъ подданнымъ въ Ригѣ, и жалобы великія въ томъ приносятъ. И изъ приложенныхъ при семъ копій изволите усмотрѣть и указъ дать впредь такихъ обидъ не дѣлать. А изъ такихъ обидъ можетъ коммерціи великая остановка учиниться.

963. Князь Б. И. Куракинъ—царевичу Алексѣю Петровичу.

1712 г. декабря 5. Гага.

По указу вашему о покупкѣ извѣстныхъ вещей здѣсь освѣдомился, и то будетъ съ флотомъ весною отправлено. А сервизъ серебряный станетъ и съ работою 1888 ефимковъ, для того что здѣсь вся работа дѣлается гораздо толста. И буду на сіе вашего милостивѣйшаго указа ожидать, ежели поволите за

такую цѣну дѣлать; также и деньги нынѣ способнѣе изъ Помераніи, чрезъ кого укажете, на вексель перевесть. А другая покупка будетъ управлена, не трясуючи топерь денегъ.

964. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 5. Гага.

Здѣсь разглашаютъ непрестанно о трактатахъ мирныхъ въ Помераніи сѣверной войны, о чемъ третьяго дня меня ратпенсіонарій спрашивалъ, будто бы съ подозрѣніемъ, чая, что тѣ дѣла нынѣ дѣлаются чрезъ интриги французскія, и что Станиславъ Лещинскій себя декляровалъ, что никакой претензіи къ коронѣ польской имѣть не будетъ, но будетъ доволенъ прежнимъ своимъ воеводствомъ и нѣкоторымъ пенсіономъ. Но я, хотя безъ всякаго извѣстія, однакожъ о томъ объявлялъ ему, что все то разглашеніе неправое есть, и Франція никакими своими интриги при дворѣ царскаго величества дѣйствительна быть не можетъ.

Статы Голландскіе въ собраніи своемъ начали быть третьяго дня для опредѣленія на предложенія мирныя; но еще по се число не слышимъ, какую бы резолюцію могли взять на тѣ предложенія милорда Страффорда.

Милордъ Страффордъ, сверхъ извѣстныхъ предложеній, что принадлежитъ о мирѣ съ Франціею, подалъ Статомъ именемъ королевы своей проектъ. Содержаніе онаго есть: первое, учинить трактатъ о барьерѣ ихъ, голландцевъ, который постановленъ нынѣ будетъ при мирныхъ договорѣхъ въ Утрехтѣ, а именно всѣ тѣ крѣпости того барьера, — о чемъ нынѣ сходство есть, — кромѣ Контея, изображены будутъ въ семъ трактатѣ, и обязуетъ себя она, Англія, въ томъ барьерѣ гварантиромъ быть. Второй пунктъ, — дабы утвердить наслѣдство короны аглинской въ линіи протестантской, а именно дома гановерскаго, и взаимно-бъ она, Голландія, въ томъ гварантиромъ была. И, наконецъ, молвлено, что сей союзный трактатъ имѣетъ

быть оборонительнымъ между двухъ потенцій морскихъ. И притомъ объявляетъ, во время случая другъ другу взаимно какимъ числомъ какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути вспомогать; а ежели кто изъ другихъ ихъ союзниковъ пожелаетъ въ оный оборонительный союзъ вступить, то съ общаго согласія примать.

И при отданіи того проекта онъ, милордъ Страффордъ, ихъ, Статовъ, обнадеживалъ, что онъ имѣетъ указъ королевы своей, какъ наискорѣе, сей трактатъ окончать и заключить прежде заключенія мира съ Франціею; того для желаетъ отъ нихъ, Статовъ, скораго на то рѣшенія.

Сей вышепомянутый проектъ многимъ придалъ здѣсь слабость, и тѣмъ, которые были противны миру, а склонны къ продолженію войны.

Здѣсь слухъ втайнѣ проходитъ, и уже чрезъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ людей увѣдомленъ былъ, будто учиненъ проектъ въ имперіи между цесаремъ и другими принцы для собранія одного корпуса войскъ въ Саксоніи нижняго циркуля для охраненія интересовъ имперскихъ отъ войны сѣверной въ Помераніи. А въ проектѣ томъ обязуются: цесарь, король прусскій, курфюрстъ ганноверскій, вольфенбюттельскій, гессенъ-кассельскій, мюнстерскій, и уже будто опредѣляютъ сбирать свои войска вскорѣ. Но въ какое намѣреніе то чинится, знать не можемъ.

965. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. декабря 6. Гистрау.

По его царскаго величества именному указу выбрано изъ полковъ двадцать девять человѣкъ офицеровъ русскихъ и отпущены отсюда въ Голландію для лучшаго обученія офицерскаго чина въ войскахъ чужестранныхъ, о которыхъ его царское величество повелѣлъ мнѣ къ милости вашей писать, дабы вы оныхъ наставили, при которыхъ имъ войскахъ быть и за волонтеровъ

или въ службѣ пребывать; какъ вы наилучше за благо, по тамошнему состоянію смотря, изобрѣтете, такъ съ ними и учинить извольте, чтобъ имъ способнѣе надлежащему обученію офицерскому обучаться возможно было. А нынѣшней зимы до приходящей кампаніи могутъ они межъ тѣмъ языкомъ обучаться. Извольте ихъ рекомендовать, ежели за потребно разсудите, принцу Евгенію или другимъ генераломъ, дабы имъ при своемъ войскѣ въ волонтерахъ или въ службѣ свободно и безъ препятія быть позволили. И въ прочемъ во всемъ изволишь ваша милость имѣть ихъ въ своемъ надзираніи и употребить ихъ къ тому обученію, какимъ образомъ способнѣе разсудите, еже все предаётся наипаче въ ваше разсужденіе. А денегъ имъ дано на то иждивеніе каждому по триста рублевъ. А ежели у Франціи съ высокосоединенными миръ учинится, то изволишь ихъ тогда отпустить къ Ригѣ или къ Кенигсбергу на корабляхъ.

Таково письмо подано въ Амстердамѣ чрезъ Кошелева января 27-го 1713 года. А въ Гагѣ явились изъ вышепомянутыхъ офицеровъ: капитанъ-поручикъ Михайло Епищевъ, поручикъ Петръ Шиповъ, подпоручикъ Григорій Плохово, подпоручикъ Матвѣй Масловъ.

966. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 9. Гага.

Собраніе Статовъ провинціи голландской еще продолжается и, чаю, продолжится до предбудущей недѣли, и рѣшенія еще на предложенія милорда Страффорда никакого не учинили, а отъ другихъ провинцій еще сего мѣсяца не чаютъ отповѣди получить. Но изъ разсужденій здѣсь многихъ статскихъ персонъ можно видѣть, что отъ дня до дня слабы въ резолюціяхъ своихъ являются къ продолженію войны, но весьма къ миру.

Цесарскіе министры, видя слабость здѣшнихъ Господъ, отставя всѣ свои прежніе проекты, трудятся, чтобы Господа Ста-

ты учинили на нѣсколько мѣсяцевъ армистицію, а какъ слышимъ, желаютъ хотя-бъ и на годъ, опасаючись, чтобы при нынѣшнемъ краткомъ времени, какъ Англія намѣрена генваря свой миръ декляровать, и Господа Статы не заключили тотъ миръ обще съ Англіею; какъ уже примѣръ тому былъ при рисвикскомъ съѣздѣ, что цесарь былъ оставленъ, а потомъ дано ему время было на три мѣсяца свою резолюцію брать, такъ и нынѣ сему чаютъ многіе быть. Но помянутую армистицію Англія и Франція весьма учинить не похотятъ.

Здѣсь, какъ можемъ слышать, въ собраніи ихъ, статскомъ, бо́льшая часть на предложенія милорда Страффорда склонны являются и Контей изъ барьера своего намѣрены уступить Франціи, токмо трудность находятъ въ томъ. И трудятся о способѣ, чтобы могли надежны быть на тѣ предложенія отъ Англіи, что Франція оныя вѣрно содержитъ и претензій другихъ ни къ нимъ, ни къ ихъ аліатомъ больше никакихъ не учинитъ, для того что Франція себя прямо имъ, голландцомъ, ни другимъ аліатомъ не объявила. А чрезъ Англію весьма въ томъ не чаютъ быть надежны и опасаются, что Франція, приведя на конецъ зимы, учинитъ большія претензіи къ барьеру, котораго Голландія требуетъ.

Что же принадлежитъ къ интересамъ его царскаго величества,—здѣсь разглашеніе есть, будто Станиславъ Лещинскій при пасѣхъ короля польскаго поѣхалъ чрезъ Польшу въ Бендеръ, приводя короля шведскаго къ миру, и учинитъ ренунціацію отъ себя о коронѣ польской, для того что уже онъ, Станиславъ, о томъ королю Августу свою декляра́цію учинилъ.

Вчерашняго числа былъ я въ конференціи съ ратпенсіонаріемъ и говорилъ о трактатѣ коммерціи, и требовалъ отъ него, чтобы свои ремарки и отповѣдь на тотъ проектъ учинили. И сказалъ, что до окончанія сей недѣли сидѣнья Статовъ провинціи голландской въ семъ дѣлѣ отповѣди учинить не можетъ.

Прежде сего изъ письма вашего превосходительства я уразумѣлъ, что его царское величество указалъ брать въ службу

добрыхъ генераловъ-поручиковъ и генераловъ-майоровъ. И какъ видится по всему, что миръ сей зимы учинится, и оныхъ довольно будетъ, — того для прошу мнѣ приказать прислать вѣдомость окладовъ дачѣ жалованья тѣхъ двухъ помянутыхъ ранговъ, для того, когда будутъ спрашивать, чтобы могъ имъ объявлять.

Объ извѣстномъ дѣлѣ принца гессенъ-кассельскаго я не доношу, для того что еще сюда не бывалъ, и уже ко мнѣ письмомъ отозвался, и обѣщалъ по 4-хъ недѣляхъ сюда прибыть.

Министръ шведскій Пальмквистъ, непрестанно въ Утрехтѣ бывая въ конференціяхъ съ министры французскими и бискупомъ бристольскимъ, уже противное намъ, какъ слышу, предуготавливаетъ, а паче къ интересамъ, что принадлежитъ въ имперіи къ ихъ провинціямъ. И уже онъ, Пальмквистъ, дворъ въ Утрехтѣ взялъ и вскорѣ жить переѣдетъ.

Я въ предбудущую недѣлю намѣренъ въ Утрехтъ ѣхать и о всѣхъ тѣхъ интригахъ, навѣдавшись подлиннѣе, оттуль буду писать.

Писемъ дворовыхъ уже четыре почты не имѣлъ. Книги, которыя велѣно купить, всѣ будутъ съ оказіею до Берлина отправлены.

967 Князь Б. И. Куракинъ — гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 13. Амстердамъ.

Дѣла здѣсь мирныя состоятъ въ рѣшеніи Господъ Статовъ, токмо еще по се число ничего въ собраніи ихъ не опредѣлено. И по всѣмъ обстоятельствамъ дѣлъ здѣшнихъ видимъ, что неволею принуждены есть послѣдствовать аглинскимъ предложеніямъ и миръ учинить такой, который весьма къ удовольству здѣшнихъ не можетъ быть.

Въ собраніи статскомъ прошлаго вторника депутаты города Амстердама первые голосъ свой дали къ миру. И какъ здѣсь могъ увѣдать по пріѣздѣ своемъ, весьма продолженія войны

не хотятъ, для того что не имѣютъ надежды на своихъ аліатовъ отъ ихъ несогласія, а особливе на цесаря отъ безденежства, также и видятъ здѣшнія другія провинціи внѣ состоянія къ продолженію войны; но всѣ тѣ тягости отъ недостатка денегъ будутъ дотыкаться сего города Амстердама, и того для весьма себя опредѣлили къ миру.

О дѣлахъ, чтóбы могло дотыкаться интересомъ его царскаго величества при съѣздѣ въ Утрехтѣ и въ Гагѣ, еще ничего по сіе число нѣтъ, но всѣ смотрятъ на дѣла наши померанскія; а которыя конференціи начинаются быть въ Брунсвикѣ, — и о тѣхъ больше, чаю, ваше превосходительство можетъ вѣдомости имѣть, также и отъ г. Шлейница; но здѣсь разсуждаютъ, что изъ того собранія плода никакого быть не можетъ, а ежели-бъ и былъ, то не чаютъ въ нашъ интересъ.

968. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. декабря 15. Гистрау.

Объявляю вашей милости о случившейся здѣсь, въ Мекленбургіи при Гадебушѣ, сего мѣсяца 9-го дня, между датскою и непріятельскою шведскою арміею баталіи, колико мы объ оной извѣстны.

Когда королевское величество датскій съ арміею своею прибылъ въ Гадебушъ, а царское величество и королевское величество польскій обрѣталися тогда съ своими войски въ Гистрау, то король датскій требовалъ къ себѣ въ слученіе нѣсколько саксонской конницы и россійской пѣхоты. И по тому его требованію, по совѣту съ королевскимъ величествомъ польскимъ, отправлено отсюда сперва къ его королевскому величеству датскому въ слученіе саксонской конницы, подъ командою генералъ-фельдмаршала графа Флемминга, тридцать шквадроновъ нáскоро, которые съ датскими въ день баталіи и соединились. А того же времени изволилъ его царское величество самъ туда идти отсюда 8 декабря съ гвардіею своею и притомъ еще три полка другихъ пѣхоты, а его королевское величество

польскій поѣхалъ на сеймъ въ Варшаву. И того 8 декабря прибылъ его царское величество со всею пѣхотою въ мѣстечко Кривицы, которое отъ того мѣста, гдѣ помянутая баталія была, за четыре мили, куда пришедъ, увѣдомились, что генералъ шведскій Штенбокъ, стоящій при Висмарѣ, упреждая слученіе нашей арміи съ датскою, собрався своими войски и взявъ въ прибавку людей еще изъ Висмара и многое число пушекъ, въ одинъ маршъ подъ датскія войска пришелъ и, не допустя случиться, 9 декабря, предъ полуднемъ о 10-мъ часу, на датчанъ напалъ, и баталія межъ ними была, при которой непріятель хотя напослѣди поле одержалъ, однакоже такъ съ великимъ урономъ своихъ людей, что, чаемъ, малую себѣ утѣху изъ того имѣть будетъ.

Съ датской стороны большой при томъ уронъ въ инфантеріи, а конница мало претерпѣла, и всегда оная въ ту баталію надъ непріятельми побѣдительна была. Но пѣхота за худымъ постомъ не могла стоять, отчего непріятелю послѣ, по уступленіи датской пѣхоты, и поле осталось. Однакоже потомъ датчане и саксонская притомъ конница, уступя отъ непріятеля, паки собрались добрымъ порядкомъ и неподалеку онаго нынѣ стоятъ. Его царское величество хотя изъ Кривицъ съ своею пѣхотою на ту баталію изволилъ-было иттить, но уже увѣдомлены были, что оная окончалась. Итако его царское величество изъ Кривицъ паки возвратился. А войска его царскаго величества стоятъ нынѣ между Кривицъ и Гистрау по деревнямъ.

969. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 16. Гага.

По возвращеніи моемъ изъ Амстердама, о дѣлахъ здѣсь мирныхъ еще вновь предъ прежними моими доношеніи ничего не учинено, и статское собраніе чрезвычайно продолжаться будетъ еще предбудущую недѣлю. Провинціи утрехтская и фришляндская резолюцію свою Статомъ объявили на предложе-

ніе милорда Страффорда весьма миръ чинить, а съ другихъ еще ожидается.

Графъ Цинцендорфъ, получа указъ отъ двора своего, предлагалъ милорду Страффорду учинить на нѣсколько мѣсяцевъ армистицію. Но помянутый милордъ въ томъ весьма отказалъ и сказалъ, что имѣетъ указъ отъ королевы своей конечно предложеніе отъ аліатовъ объ армистиціи не примать; также и Франція нынѣ того учинитъ не похочетъ, а со стороны Статовъ о томъ по се число предложено не было. И посему видится, что съ обѣихъ сторонъ есть проба, а не самое желаніе того дѣла: какъ Англія упрямится армистицію принять, такъ равнымъ видомъ и цесарскіе—предлагать. Можетъ быть, что Англія, не хотя дать знать намѣренія своего о предложеніи сей негоціаціи, чтобы къ бо́льшему авантажу чрезъ то себя и Францію привесть, и являетъ себя будто несклонна,—однакожъ она, Англія, нынѣ вновь съ Франціею армистицію учинила до предбудущаго апрѣля 4-го числа; о чемъ увѣдомились чрезъ послѣднюю почту третьяго дня.

Сіе придало здѣсь многому разсужденію, что конечно Англія негоціацію продолжить хочетъ, чтобы къ веснѣ, приведя аліатовъ и видя въ бо́льшемъ несогласіи и неготовости, принца Галлиса въ Англію перевезть и его въ парламентѣ чрезъ актъ наслѣдникомъ короны учинить.

Въ Утрехтѣ министръ шведскій Пальмквистъ имѣлъ многое домогательство у аглинскихъ министровъ, чтобы деклеровали себя при конгрессѣ къ содержанію провинцій въ имперіи за королемъ его по трактату о гарантіи вестфальскому. И на то онъ, бискупъ бристольскій, ему декляровалъ въ приватной своей конференціи, что королева весьма по трактату вестфальскому гарантію содержать намѣрена, чего для властный интересъ есть Англіи для релижіи, такъ и для потенціи дома аустрійскаго, содержать тѣ провинціи имперіи подъ короною шведскою. Равнымъ же видомъ ему, Пальмквисту, объявилъ, что королева его также понести не можетъ, чтобъ и о Саксоніи какое разореніе или другими какими виды къ предосужденію учинить-

ся могло, но будетъ содержать весьма тишину и покой въ имперіи.

Министръ датскій баронъ Альфельдъ, третьяго дня получа указъ отъ двора своего, вчерась отъѣхалъ ко двору и надѣется быть въ Помераніи и видѣть при съѣздѣ съ королемъ его его царское величество, о которомъ кратко могу засвидѣтельствовать, что есть весьма человѣкъ умный и добрый, и склонный къ нашимъ интересамъ. Того для надѣюся, что его царское величество всякую милость къ нему покажетъ, также и ваше превосходительство пріятельскую склонность ему явите. И надѣюся, что откровенно онъ, баронъ Альфельдъ, рапортъ учинитъ о здѣшнихъ дѣлѣхъ.

Г. Витвортъ, прежде бывшій аглинскій посолъ, третьяго дня изъ Утрехта сюда прибылъ и по двухъ дняхъ отъѣзжаетъ.

Подьячіе отправлены въ путь свой до Вѣны. А долговъ ихъ заплачено немалое число, и по которымъ, за ихъ руками, росписямъ оные долги заплачены, съ тѣхъ при семъ посылаются списки. А что́ имъ дано на дорогу, о томъ будетъ впредь прислана вѣдомость.

На проекты о коммерціи не могу что доносить, для того уже по многимъ моимъ домогательствамъ, отговариваючись многодѣльствомъ нынѣшнихъ дѣлъ, не отвѣтствуютъ.

Вчерашняго вечера графъ Цинцендорфъ, бывъ у меня, сообщилъ мнѣ непріятныя вѣдомости и казалъ письмо принца Трауцена, въ которомъ пишетъ, что они получили курьера изъ Константинополя, что салтанъ 13 ноября по новому, перемѣня везиря, декляровалъ войну противъ его царскаго величества и пребывающихъ тамъ пословъ въ семь туръ посадилъ; а генералъ-майора Гольца, посланника королевскаго величества польскаго, въ Адріанополь за арестъ послалъ, также и посла польскаго, который уже въ пути, велѣно въ Адріанополѣ же за арестъ посадить. А королю шведскому для собранія войскъ Порта отправила 1200 мѣшковъ, также и хану крымскому въ подарокъ 40 тысячъ червонныхъ; и указъ оному данъ, дабы нынѣшней зимы въ земли его царскаго величества

напалъ. А самъ салтанъ декабря послѣднихъ чиселъ намѣренъ прибыть въ Адріанополь и пріуготовленіе къ предбудущей кампаніи чинить, и самому своею особою при войскѣ быть.

Сего дня желалъ видѣться съ ратпенсіонаріемъ, но за многодѣльствомъ его до-завтрее не могъ.

970. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 18. Гага.

По отправленіи прошлой почты, на другой день былъ я у ратпенсіонарія и желалъ вѣдать о новинахъ изъ Константинополя; но оный мнѣ объявилъ, что равныя вѣдомости тому, какъ я въ прежнемъ доносилъ, о турецкихъ дѣлѣхъ они получили отъ своего министра, который при вѣнскомъ дворѣ, а изъ Константинополя отъ посла своего графа Коллiерса они никакой вѣдомости не получили. И не сомнѣвается, ежели такъ остро Порта къ войнѣ резолюцію взяла, то надѣются прибыть сюда присланному нарочно отъ посла ихъ.

Притомъ же пространный разговоръ съ нимъ имѣли о несчастливой баталіи войскъ датскихъ. Ежели такое несчастіе случилося заподлинно, какъ прошлой почты въ письмахъ объявляли, что инфантерія вся на мѣстѣ осталась, также артиллерія и багажъ потеряны, и войска датскія въ Голштенію ретировалися,— то, въ такомъ случаѣ, разсуждаетъ быть послѣдствованію худому какъ интересамъ его царскаго величества и его союзниковъ, такъ равное предосужденіе и интересомъ здѣшняго союза воюющихъ противу Франціи; а особливе при нынѣшнихъ случаяхъ негоціаціи въ Утрехтѣ, впервыхъ, разсуждаетъ погрѣшенію отъ датчанъ великому быть, ежели то правда, что ретировалися въ Голштенію. Но, хотя и по упадкѣ своемъ, надлежало бы, конечно ретировавшись, сойтиться къ войскамъ его царскаго величества, и потомъ могли бы надежнѣе быть въ своихъ намѣренныхъ дѣлахъ. Но ежели оныя ретировались, трудно разсудить можно, ежели его царское величество своими войски продол-

жать время въ Помераніи больше будетъ. Но ежели есть въ состояніи, также и войска саксонскія, соединясь,—лучшаго способа не находится, чтобы надъ непріятелемъ поискъ учинить, нежели, по выступленіи своемъ изъ Помераніи, непріятеля своего въ такой силѣ оставить, который, весьма усилившись въ имперіи, повелителемъ въ дѣлѣхъ многимъ будетъ. Паче же всего Саксонію и Голштенію въ крайнее разореніе приведутъ и, собравшись, нападеніе въ Польшу учинятъ.

Притомъ же разсуждалъ, ежели правда, что Порта войну декляровала противъ его царскаго величества, и слагая авантажи шведскіе, какъ чрезъ нынѣшнюю баталію датчанъ, такъ и чрезъ деклярацію той турецкой войны, съ здѣшними интересы, обязанными ихъ съ Франціею, предусматриваетъ онъ впредь немалымъ премѣнамъ быть въ Европѣ не токмо тѣмъ къ предосужденію ближнимъ, но и дальнимъ, для того что Франція, бывъ и есть въ прежней своей амбиціи, при такихъ нынѣшнихъ ей счастливыхъ случаяхъ авантажа своего искать не оставитъ. И при всѣхъ тѣхъ разговорѣхъ оба тѣ несчастливые помянутые припадки прималъ съ сожалѣніемъ, вмѣняя, яко властный свой интересъ.

Но я, съ свой стороны, при всемъ томъ не могъ что партикулярно предлагать ему, не имѣя указа еще отъ двора и не знавъ состоянія дѣлъ тѣхъ, въ генеральныхъ терминахъ просилъ въ осмотрѣніи имѣть всѣ интересы и его царскаго величества, и его аліатовъ при такихъ нынѣшнихъ случаяхъ, а особливе, чтобъ указъ дали своему министру при датскомъ дворѣ оный дворъ къ содержанію въ союзѣ съ его царскимъ величествомъ подтвержать, который дворъ, можетъ быть, находится при нынѣшнемъ случаѣ въ нѣкоторыхъ своихъ слабыхъ разсужденіяхъ. И о томъ указъ къ министру своему обѣщалъ дать.

Я о датскомъ дворѣ напоминалъ ему для того, что посланникъ ихъ, голландскій, Гоусъ въ своемъ рапортѣ къ Статомъ объявилъ, что какъ скоро король датскій въ Голштенію на свою квартиру поворотился, тогда же призывалъ помянутаго ихъ ми-

нистра статскаго и имѣлъ съ нимъ долгую конференцію, изъ которой есть здѣсь слухъ, что миръ намѣренъ искать; однакоже, чтобъ увѣдать изъ самаго того доносительнаго къ Статомъ письма обстоятельно, не могъ достать. И правда, хотя тѣ предложенія и есть, токмо не чаю, чтобы здѣшніе на то поступили и отъ нашего аліанса датскаго оторвали, но развѣ Англія въ томъ трудъ свой приложитъ.

О дѣлахъ здѣшнихъ доношу. Уже къ прежнимъ провинціямъ, какъ я въ прежнемъ своемъ объявлялъ, которыя къ миру себя декляровали, еще вновь гельдресская равно-жъ объявила; а изъ Зеляндіи еще вѣдомости не получили. Статы голландской провинціи завтрашній день разъѣдутся и всѣ свои резолюціи держатъ нынѣ въ великомъ секретѣ. Однакоже, какъ могъ слышать, на предложенія извѣстныя о мирѣ милорда Страффорда опредѣлили дать своимъ полномочнымъ министрамъ въ Утрехтѣ вновь инструкціи и, впервыхъ, по желанію Англіи, съ министры аглинскими о барьерѣ и о наслѣдствѣ короны аглинской въ линіи протестантской трактовать и, по окончаніи того, въ конгрессъ публичный о мирныхъ дѣлѣхъ вступать. Трудно, чтобы могъ донести той инструкціи всѣ партикулярите́; но о принципальныхъ пунктахъ слышу, что они, Статы, не могутъ на всѣ пункты предложенія милорда Страффорда себя пространно изъявить, прежде нежели Франція не удовольствуетъ ихъ, Статовъ, въ барьеръ Контеемъ, а имперія—Страсбургомъ.

Топерь будемъ смотрѣть: ежели милордъ Страффордъ то приметъ на доношеніе двору, то голландскій есть авантажъ; для того знакъ тому, что Англія какъ ни спѣшила партикулярнымъ миромъ, но, знать, дворъ тотъ опасность отъ народа имѣетъ разлучиться отъ Голландіи. А ежели опасности той не имѣютъ, то министры аглинскіе должны вскорѣ миръ свой партикулярный, учиня, декляровать.

Но по всѣмъ обстоятельствомъ дѣлъ здѣшнихъ видимо, какъ и прежде своими съ пріѣзда доносилъ, что миръ учинится. Однакоже негоціація еще до весны продолжится.

971. Графъ Болинброкъ (Сентъ-Джонъ)—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. декабря 19. Уайтголль.

Monsieur. La reine m'a ordonné de vous faire savoir qu'elle a été très-fâchée de trouver par les représentations que vous m'avez faites, au sujet du Post-Boy du 4 de ce mois, que l'auteur de ce papier a osé parler du Czar, votre maître, d'une manière à vous donner une si juste cause de plainte, et Sa Majesté a commandé à son procureur-général de poursuivre cet auteur suivant toute la rigueur des lois. Je suis, Monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur Bolingbroke.

972. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. декабря 21. Грабоу.

Понеже получили мы въ сихъ дняхъ нечаянную вѣдомость чрезъ Вѣну отъ барона Урбиха, что турки, не смотря на исполненіе всего со стороны его царскаго величества по договору, миръ паки нарушили и нашихъ пословъ заарестовали по ложнымъ доношеніямъ посланнаго въ Польшу отъ салтана солохора, подъ предлогомъ, будто еще войска его царскаго величества обрѣтаются въ Польшѣ; того ради указалъ мнѣ его царское величество къ милости вашей писать, дабы вы изволили имъ, Статомъ, именемъ его царскаго величества о семъ объявить и ихъ просить, дабы они послали свой указъ въ Константинополь къ послу своему, чтобъ онъ трудился, яко медіаторъ, Порту отъ того неправеднаго начинанія отвратить, представляя имъ, что со стороны его царскаго величества по содержанію мирнаго договора все исполнено, и что Портѣ солохоръ о войскахъ его царскаго величества донесъ ложно, будто еще оныя есть въ Польшѣ; ибо оныя изъ всѣхъ мѣстъ всеконечно давно выведены, и нигдѣ ни единаго человѣка ни въ

которомъ городѣ не обрѣтается, и который былъ гварнизонъ въ Эльбингѣ, и тотъ еще въ сентябрѣ выведенъ. И знатно, что то донесъ онъ, солохоръ, лживо по подкупленію непріятельскому, ибо онъ, солохоръ, самъ писалъ къ Портѣ изъ Львова, что войскъ его царскаго величества въ Польшѣ нигдѣ нѣтъ, и для того далѣе въ Польшу не поѣхалъ. Но потомъ, возвращаясь изъ Польши, онъ заѣзжалъ въ Бендеръ къ королю шведскому и, оттуда пріѣхавъ къ Портѣ, то ложное доношеніе учинилъ. А ежели-бъ онъ, солохоръ, ѣздилъ по всей Польшѣ, то бы самъ никогда не увидѣлъ, и невозможно бы дерзнуть по подкупленію непріятелей такую ложную Портѣ реляцію учинить. Какую о семъ отъ Статовъ резолюцію получите, о томъ извольте къ намъ немедленно писать.

О здѣшнемъ объявляю, что генералъ шведскій Штенбокъ маршируетъ со всѣмъ войскомъ къ Голштеніи. И для того датскія и саксонскія войска имѣютъ вскорѣ съ нашими войски совокупиться и надъ онымъ непріятелемъ чинить, при помощи Божіей, поискъ.

973. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 23. Гага.

О турецкихъ дѣлѣхъ третьяго дня Статы отъ своего посла графа Колліерса изъ Константинополя получили письмо, отъ 18 ноября писанное, изъ котораго содержанія къ многому есть разсужденію.

Содержаніе того письма есть. Салтанъ чрезъ интриги хана крымскаго и неправое доношеніе того посланнаго паши въ Польшу войну противъ его царскаго величества декляровалъ, и послы его величества въ семь туръ посажены, для которыхъ велѣно вновь довольно камеръ въ томъ мѣстѣ сдѣлать; пожитки ихъ переписаны, и часть помянутымъ посламъ отдана. Бывшій везирь сосланъ, и пожитки его велѣно распродавать. Салтанъ вскорѣ объявилъ свой походъ въ Адріанополь, гдѣ будетъ пріуготовленія къ кампаніи имѣть. И уже указы войскамъ да-

ны, которыя по сю сторону въ Европѣ, для пріуготовленія въ предбудущую кампанію; также государю молдавскому и валахскому велѣно самимъ въ предбудущую кампанію [быть]. А войскамъ азіатскимъ и въ Анатоліи еще указа никакого не дано, для того что еще ожидается на деклярацію сей войны сентенція, или приговоръ, отъ муфтія, который есть весьма противенъ намѣренію салтанскому и разсуждаетъ противу алкорана ихъ, для того что онъ, муфтій, и другія знатныя персоны при Портѣ знаютъ подлинно, что по неправымъ доношеніямъ и интригамъ хана крымскаго та война весьма противу закона ихъ начинается. И изъ того что̀ будетъ послѣдовать, обѣщалъ имъ, Статомъ, впредь доносить.

Притомъ же объявлялъ свои разсужденія, что сія декляраціа войны учинена противу ихъ обычаевъ древнихъ не во̀время. И того для народамъ въ дѣйствахъ ихъ военныхъ чаянія есть худого, также и по состоянію здѣшняго правленія, какъ можетъ знать, что армія турецкая не можетъ выйти въ кампанію прежде послѣднихъ чиселъ іюня или первыхъ іюля. И притомъ онъ, графъ Колліерсъ, объявлялъ, что хотя съ трудомъ, токмо будетъ послѣдствовать за дворомъ какъ до Адріанополя, такъ и въ кампанію, и по прежнимъ указомъ ихъ, статскимъ, будетъ во всемъ поступать; однакоже требовалъ для премѣны нынѣшнихъ дѣлъ еще вновь указовъ, ежели что сходно будетъ къ интересамъ ихъ, статскимъ.

Притомъ объявлялъ, что прибылъ туда къ Портѣ министръ Станислава Лещинскаго, которому салтанъ объявилъ, что онъ, кромѣ его, иного за короля польскаго не признаваетъ, и обѣщаетъ самъ своими войсками въ Польшу вступить и его на королевствѣ утвердить.

Порта вскорѣ отправляетъ чрезвычайнаго своего посланника къ цесарю. Наконецъ, онъ, графъ Колліерсъ, при письмѣ своемъ заключилъ, что онъ въ сей новой войнѣ многимъ премѣнамъ чаетъ быть и больше трудность находитъ, чтобы салтанъ въ самое дѣйство по намѣренію могъ привесть, для того что всѣ противны неправому сему объявленію войны, зная,

что со стороны его царскаго величества все содержано; а особливе нынѣ послѣдняя на словахъ деклярація пословъ его царскаго величества учинена, что не токмо войска всѣ изъ Польши его царское величество вывелъ, но и всѣ магазины указалъ вывозить. Къ тому же наипервыя персоны при Портѣ разсуждаютъ, что не могутъ себѣ на конецъ сей войны никакого интереса получить за отдаленіемъ краевъ россійскихъ.

Сего момента онъ, Колліерсъ, увѣдомился, что Порта резолюцію беретъ указъ дать хану съ войски татарскими, какъ наискорѣе, съ королемъ шведскимъ нынѣ въ Польшу маршировать и съ войски шведскими соединиться, о которыхъ объявилъ министръ шведскій, что уже въ 20 тысячъ корпусъ войска ихъ въ Польшу маршируетъ.

Я, сего утра бывъ въ конференціи съ ратпенсіонаріемъ, ему предлагалъ, чтобы въ подтверженіе къ прежнимъ указомъ графу Колліерсу данъ былъ указъ искать способъ къ утишенію всѣхъ тѣхъ интригъ при Портѣ короля шведскаго и хана крымскаго. На что мнѣ обѣщалъ конечно, учиня рапортъ Статомъ, указъ къ послу своему послать, чтобы трудился весьма къ утишенію той войны и при всѣхъ случаяхъ въ интересъ его царскаго величества, также, ежели салтанъ въ кампанію самъ пойдетъ, чтобы за нимъ послѣдствовалъ.

Дѣла здѣшнія состоятъ топерь въ конференціяхъ утрехтскихъ, для того что отсель уже они, Статы, о предложеніи съ своей стороны инструкціи дали своимъ полномочнымъ, какъ я въ прежнемъ своемъ доносилъ. Къ сему же Статы всю резолюцію какову взяли, писали грамоту къ королевѣ въ такихъ же терминахъ. И будемъ смотрѣть, что́ будетъ изъ сего происходить.

974. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 26. Гага.

Въ прежнемъ своемъ я доносилъ, какую Статы резолюцію взяли и инструкціи своимъ депутатомъ въ Утрехтъ дали, которые, прибывъ туда въ прошлую субботу, съ аглинскими ми-

нистры имѣли конференцію, въ которой по инструкціи своей имъ, бискупу бристольскому и милорду Страффорду, предлагали, что они, депутаты, имѣютъ указъ отъ Господъ Статовъ на предложеніе милорда Страффорда въ негоціацію мирныхъ договоровъ вступить. И объявили, что Господа Статы, обще съ Англіею, себя къ миру склонно объявляютъ и согласно съ другими своими аліаты, которымъ бы могло быть сходно съ ихъ интересы; токмо, прежде нежели въ партикулярите́ на всѣ пункты могутъ себя по предложенію милорда Страффорда объявить, желаютъ, дабы могли быть удовольствованы отъ Франціи въ барьеръ свой городъ Контей, а имперіи Страсбургъ. Они же, депутаты, имѣютъ указъ объявить, что въ томъ же помянутомъ предложеніи нѣкоторыми термины упомянулось объ интересахъ ихъ аліатовъ, а особливе дома аустрійскаго, чего для ихъ Господа Статы надѣются, что ея королевино величество учинитъ ихъ свободныхъ отъ такихъ дѣлъ, которыя бы предосудительны могли быть ихъ аліатомъ. Притомъ же упоминали о тарифѣ 1664 года, который принадлежитъ къ коммерціи.

Всѣ тѣ ихъ, депутатскія, предложенія лордъ бискупъ и Страффордъ выслушали. Но послѣдній изъ тѣхъ имъ, депутатомъ, отвѣтствовалъ, что онъ, милордъ Страффордъ, краткій имъ отвѣтъ учинитъ, что они, министры аглинскіе, имѣютъ указъ королевы своей и полную мочь безъ премѣны на такомъ основаніи, какъ было отъ него, милорда Страффорда, предложено, миръ учинить; и того для они, лорды, съ ними, депутаты, не могутъ больше ни въ какую негоціацію вступить, но желаютъ отъ Господъ ихъ Статовъ получить отвѣтъ и подлинную резолюцію,—хотятъ ли согласно на объявленномъ основаніи миръ учинить или нѣтъ. И по многимъ разговорамъ, противнымъ одни другимъ, они, депутаты статскіе, просили министровъ аглинскихъ, дабы взяли то на доношеніе своему двору,—въ чемъ имъ весьма отказали. Но депутаты статскіе, возвратясь ни съ чѣмъ изъ той конференціи, были на третій день, въ понедѣльникъ, вновь въ конференціи у нихъ, министровъ аглинскихъ, и повторительно о томъ же предлагали, чтобы взяли

то ихъ предложеніе на доношеніе къ своему двору; на что аглинскіе министры также отказали. И притомъ они, депутаты, имъ, министрамъ аглинскимъ, объявили, что того же времени, какъ имъ, депутатомъ, инструкціи дали, ихъ Господа Статы отправили грамоту до ея королевина величества равно въ тѣхъ терминахъ, каково предложеніе они, депутаты, имъ, лордамъ, чинили; и того для они, депутаты, нынѣ не могутъ ни въ какую матерію дѣлъ мирныхъ вступить, прежде нежели ихъ Господа Статы на ту посланную грамоту отъ королевы отвѣтъ получатъ. И съ тѣмъ разъѣхавшись изъ той послѣдней конференціи, и донынѣ тѣ дѣла такъ остались.

Но какъ нынѣ слышимъ заподлинно, что министры аглинскіе хотя являлися депутатомъ статскимъ съ противностью, однакоже на другой день имѣли тайную конференцію съ министры французскими и о томъ предложеніи статскомъ имъ объявляли, къ чему министры французскіе показали себя несходна и гораздо высоко въ отвѣтѣ явили. И слышимъ, что они, аглинскіе министры, возвратились отъ нихъ неудовольны. И бискупъ бристольскій въ конференціи съ нѣкоторыми пріятели разсужденіе имѣлъ, что онъ, бискупъ, нынѣ, видя всѣ дѣла въ Европѣ премѣнны, въ великой опасности есть, чтобъ они въ намѣреніяхъ своего двора не могли быть обмануты, для того что война турецкая, также и авантажи шведскіе въ меклембургской землѣ обратятъ Францію въ другія мнѣнія, нежели въ чемъ сходны являлись. И уже онъ, бискупъ, видитъ, что она, Франція, больше не въ силѣ ихъ рукъ находится.

Но, сей здѣсь секретный разговоръ увѣдавъ, многіе изъ первыхъ персонъ, которыя и сходны къ миру являлися, начинаютъ быть другого мнѣнія.

Къ сему же сходно есть, что изъ тайной корришпонденціи изъ Франціи увѣдомились на сихъ дняхъ, что г. Прайоръ, посланный министръ изъ Англіи во Францію, тому двору предложилъ тотъ же плянъ о мирѣ, каковъ здѣсь объявилъ своимъ предложеніемъ милордъ Страффордъ. Но дворъ французскій тотъ плянъ отъ него, Прайора, не принялъ и явился противъ Вѣны.

И по всѣмъ тѣмъ новинамъ признаваемъ,—и какъ здѣсь разсуждается,—что, конечно, Францiя при такихъ случаяхъ своего великаго авантажа, что никогда себя такъ счастлива не видала, т.-е. турка въ войну поднявъ, шведа въ имперiи съ немалыми войски видитъ, отъ котораго еще бóльшаго чаянiя своимъ интересомъ впредь есть, то бóльшiя претензiи къ миру учинитъ предъ тѣми, каковы прежде было-объявила Англiи, и не смотря больше на Англiю, для того что уже она, Францiя, нынѣ ее, Англiю, имѣетъ въ рукахъ своихъ, для того что то министерство аглинское, уже обязавшись, принуждены будутъ какой ни есть миръ учинить, токмо бы головъ своихъ не потерять.

Но всѣ тѣ дѣла собравъ, какъ я доносилъ, еще трудно отгадать, чтó бы могло послѣдствовать, для того что часто острыя премѣны въ дѣлѣхъ съ другихъ сторонъ дѣлаются, наприкладъ, авантажъ непрiятеля противу датскихъ весьма здѣсь дѣламъ многую премѣну учинилъ. И всѣ топерь на тѣ обороты Штенбоковы смотрятъ. И слышно здѣсь, что намѣренъ онъ, Штенбокъ, съ войски своими впасть въ Голштенiю и въ контрибуцiю положить; также и съ Гамбурга и Любека денегъ проситъ, и будто Любекъ нѣкоторое число уже дать денегъ аккордовали. И разсуждается здѣсь, что они, шведы, при впаденiи томъ въ Голштенiю и получа довольную сумму денегъ съ контрибуцiй изъ помянутыхъ городовъ, ежели свободную руку имѣть будутъ, въ малое время приведутъ себя въ великую силу и потомъ многимъ будутъ въ имперiи предписывать законы.

И ежели онъ, Штенбокъ, будетъ приходить въ такую силу, весьма здѣсь премѣны въ дѣлѣхъ учинятся. И конечно видимъ, что Францiя сiю негоцiацiю утрехтскую должна продолжать, и то продолженiе, по всѣмъ обстоятельствомъ дѣлъ видится, въ бóльшiй интересъ Францiи есть, а не алiатомъ, ежели счастливое оружiе его царскаго величества непрiятельскую армiю не разрушитъ.

Графъ Цинцендорфъ получилъ указъ отъ двора своего, что послѣднюю резолюцiю цесарь взялъ и при послѣднемъ случаѣ

велѣлъ объявить въ конгрессѣ утрехтскомъ, что онъ такого безчестнаго и убыточнаго мира, также и предосудительнаго всей Европѣ, не учинитъ, и намѣренъ, хотя оставшись одинъ, войну продолжать. Однакоже на сіе разглашеніе министровъ французскихъ уповать неможно, но будемъ смотрѣть, ежели впредь дѣйствительно такъ поступятъ.

Третьяго дня комитетъ-раатъ, взявъ резолюцію, дали указы на рекруты деньги выдавать, такъ и магазины къ предбудущей кампаніи обыкновенные заготовлять. Симъ являютъ нѣкоторую свою бодрость; однакоже не можетъ здѣшнихъ закрыта быть тѣмъ слабость.

Изъ Константинополя чрезъ партикулярныя письма здѣсь объявилось, что посолъ французскій, приводя къ войнѣ противу его царскаго величества, письменно Порту именемъ короля своего обнадежилъ, что король его войну въ Европѣ не прекратитъ, ежели Порта войну съ которымъ христіанскимъ потентатомъ начнетъ. И по разсужденію здѣсь многихъ, конечно, Франція дальній видъ имѣетъ въ своихъ намѣреніяхъ, и подозрѣніе многое сей деклараціи министра французскаго придаетъ войны турецкой противу дома аустрійскаго.

Разсужденіе есть въ такой силѣ, что Порта никакой претензіи къ его царскому величеству не имѣла, какъ объ Азовѣ и о другихъ мѣстѣхъ, которыя уже туркомъ возвращены. А нынѣ больше претензій не имѣетъ, также и за дальностью продолжать войны не будетъ; но токмо, давъ протекцію королю шведскому, ежели можетъ намѣреніе свое Порта исполнить, пришедъ на границы польскія, похочетъ утвердить Станислава Лещинскаго на королевствѣ польскомъ. И приведя въ согласіе всю Польшу съ шведомъ и съ татары противу его царскаго величества, и потомъ Порта со всею своею потенціею свободныя руки будетъ имѣть противу цесаря войну начать.

Концертъ каковъ въ Вольфенбюттелѣ учинили къ содержанію тишины въ имперіи, — о чемъ уже вашему превосходительству есть извѣстно, —и о той матеріи не продолжаю. Но мое мнѣніе объявляю, чтобы сіе весьма при нынѣшнихъ случаяхъ могло

быть въ нашъ интересъ, токмо ежели бы оные принцы имперскіе, которые въ томъ себя обязали, могли то дѣйствительно учинить.

Третьяго дня, чрезъ почту гамбургскую, въ письмахъ здѣсь объявили, что его царское величество изволилъ аліатомъ своимъ декляровать, что четыре недѣли обѣщаетъ еще быть съ войски своими въ Помераніи, и чтобы, соединясь, дѣйствительно противъ непріятеля поступить; а по выхожденіи того термина, принужденъ будетъ для деклараціи турецкой войны въ Польшу уступить. Но я, не имѣя никакого извѣстія о томъ, не могъ отвѣтствовать министромъ своихъ аліатовъ.

Что же принадлежитъ къ интересамъ его царскаго величества и дѣлъ померанскихъ, здѣсь во всякомъ молчаніи о тѣхъ дѣлѣхъ есть: ни намъ противность какую являютъ, ни отъ насъ чего требуютъ, токмо всѣ смотрятъ, чѣмъ тѣ дѣла могутъ окончаться. И сего момента, чрезъ ганноверскую почту, въ письмахъ здѣсь явилося, что уже войска его царскаго величества не въ дальнемъ разстояніи съ непріятельскими находятся; того ради просилъ Вышняго, дабы благословилъ счастливое оружіе его царскому величеству славную викторію надъ непріятелемъ одержать.

Вчерась, ввечеру, ратпенсіонарій желалъ со мною видѣться. И того же вечера, бывъ я у него въ домѣ, имѣлъ со мною разговоры довольные о дѣлахъ померанскихъ, и притомъ мнѣ объявилъ, что они дали еще въ подтверженіе указъ министру своему Гоусу при датскомъ дворѣ, чтобъ оный дворъ подтвержалъ въ слабыхъ мнѣніяхъ того двора и въ бóльшее бы согласіе съ его аліаты приводилъ. Но они какъ могутъ видѣть изъ разныхъ писемъ, его царское величество въ нѣкоторомъ несогласіи находится съ своими аліаты, о чемъ сболѣзнуя, говорилъ и чтобъ искать способы въ бóльшую гармонію привести. И потомъ, минувъ тѣ разговоры, началъ говорить о турецкихъ дѣлѣхъ, и разсуждалъ, что онъ видитъ изъ письма графа Колліерса, посла своего, небезнадежна впредь къ премѣнѣ тѣхъ турецкихъ дѣлъ; того для чаетъ, что его царское величество изволитъ нѣкакихъ искусныхъ эмиссаровъ, хотя

иной націи, въ тѣ краи послать, и тайнымъ образомъ могутъ дѣйствовать между народомъ и другими, какъ бы и публичные министры. И притомъ окончалъ, что они указъ дали графу Колліерсу, послу своему, во всемъ такъ трудиться къ интересамъ его царскаго величества, сколько возможно, и что оный за салтаномъ послѣдствовать будетъ, не отлучаяся, вездѣ.

Изъ всѣхъ тѣхъ его закрытыхъ словъ, что мнѣ не хотѣлъ прямо говорить, я могъ признать, что чрезъ такихъ тайныхъ эмиссаровъ и чрезъ ихъ министра, какъ въ интересъ свой при Портѣ его царскому величеству будетъ дѣлать, такъ и коррипшонденцію о всемъ имѣть. И хотя ту коррипшонденцію посолъ для своего характера своимъ лицомъ дѣлать сможетъ для убѣжанія всякихъ случаевъ, но можетъ чрезъ своихъ доместиковъ.

975. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. января 2. Гага.

Доношу о дѣлахъ здѣсь мирныхъ, что по извѣстныхъ предложеніяхъ пляна мирнаго отъ милорда Страффорда, такъ и на то отвѣтъ отъ Статовъ чрезъ министровъ ихъ полномочныхъ въ Утрехтѣ, какъ уже я прежними доносилъ, и, по отправленіи грамоты къ королевѣ, всѣ тѣ дѣла нынѣ въ молчаніи есть, и ожидается отвѣтъ изъ Англіи.

Топерь секретъ аглинскій открывается, который былъ и есть между дворомъ тѣмъ и савойскимъ, въ плянѣ мирномъ: Англія объявила о королевствѣ сицильскомъ въ награжденіе дуку савойскому, и въ такихъ терминахъ генеральныхъ она, Англія, равно Франціи предложила, къ чему она, Франція, какъ слышимъ, сходна была. Но помянутая Англія, таясь отъ Франціи и отъ всѣхъ своихъ аліатовъ, учинила трактатъ партикулярный съ дукомъ савойскимъ, что ему, дуку савойскому, имѣть во владѣніи все королевство сицильское, а порты мор-

скіе Мессину и другой—Палермо содержать имъ, агличаномъ, въ своемъ правленіи и осадить своими гарнизоны. И указы тайные отъ нея, Англіи, уже были даны дуку д'Аргайлю, который нынѣ губернаторомъ въ портѣ Магонъ, чтобы въ готовости имѣлъ учинить транспортъ и осадить гварнизонами аглинскими тѣ помянутые порты при взятіи поцесса того королевства дукомъ савойскимъ. И отъ тѣхъ непорядочныхъ предуготовленій дука д'Аргайля то обязательство между Англіею и савойскимъ открылося. Сія причина хотя здѣшнимъ великую желюзію и придала, но не есть въ состояніи, чтобы могла сему чѣмъ помѣшать.

Но Франція, какъ слышимъ, весьма въ подозрѣніи отъ Англіи есть и неблагодарна себя за такой Англіи поступокъ являетъ и конечно къ тѣмъ намѣреніямъ аглинскимъ допустить не хочетъ, чтобъ она, Англія, могла имѣть помянутые порты Мессину и Палермо въ рукахъ своихъ, разсуждая для того, что уже она, Англія, въ томъ Медитерранскомъ морѣ имѣетъ два порта Кадиксъ и другой портъ Магонъ. А ежели будетъ имѣть вышепомянутые два, то будетъ имѣть четыре наилучшихъ порта въ Медитерранскомъ морѣ, чрезъ которые можетъ Англія быть майстеромъ всего того моря и всегда, когда похочетъ, какъ Франціи, такъ и Гишпаніи, свободно войну чинить, и коммерцію въ томъ морѣ обѣихъ тѣхъ потенцій запереть.

Министры цесарскіе, получа указъ отъ двора своего по предложенію аглинскому, чтобъ Италію оставить цесарю въ неутральствѣ, ежели похочетъ войну продолжать, и цесареву изъ Каталоніи со всѣми войски Англія обѣщала перевезть,—съ ними, аглинскими министры, тайно о томъ неутральствѣ трактуютъ, также и чрезъ аглинскихъ съ французскими. Но какъ слышимъ, французскіе весьма противны тому являются и не хотятъ, чтобъ Англія изъ Каталоніи цесарское войско перевезла, прежде нежели цесарь мира генеральнаго не учинитъ съ нею, Франціею, для того: ежели цесарь, оставшись въ войнѣ, принужденъ будетъ оныя войска всѣ въ Каталоніи потерять,

то она, Францiя, можетъ пресѣчь коммуникацiю моремъ съ провинцiями итальянскими, откуль рекрутами и другимъ тѣ войска цесарскiя содержатся, также и въ бо́льшемъ безсилiи безъ тѣхъ войскъ съ сей стороны имперiи можетъ быть.

Но все то дѣло не можемъ узнать, ежели прямо цесарскiй дворъ въ томъ дѣлѣ поступаетъ или политикою, усмотря, что Францiи сiе противно, и чтобы чрезъ какiе ни есть способы её, Францiю, съ Англiею въ несогласiе привесть.

Здѣсь Господа Статы прiуготовленiя свои къ кампанiи дѣлаютъ обыкновенныя.

Вчерашнiй день бывъ у ратпенсiонарiя, желалъ вѣдать, ежели что имѣли новинъ изъ Константинополя, и потомъ, какъ уже прежними доносилъ, больше въ подтвержденiе новинъ никакихъ Статы не имѣли. Онъ, ратпенсiонарiй, говорилъ, что еще до того времени, какъ Порта намѣрена въ кампанiю выступить, т.-е. въ iюнѣ мѣсяцѣ, онъ надѣется многимъ премѣнамъ быть.

Я, ожидая указа отъ двора, что принадлежитъ въ тѣхъ дѣлѣхъ турецкихъ, здѣсь, между тѣмъ, не могъ иного что дѣлать, токмо предлагалъ Господамъ Статомъ, чтобы дали указъ своему послу въ Константинополь интересы его царскаго величества престеречь и трудиться къ утишенiю той войны. И разсудилъ за потребно, бывъ на сей недѣлѣ въ конференцiи, объявить ратпенсiонарiю, что его царское величество по трактату мирному съ Портою все содержалъ и войска свои изъ Польши вывелъ; а Порта нынѣ, по доношенiю неправому посланнаго паши въ Польшу, войну его царскому величеству объявила для того, будто его царскаго величества войска еще есть въ Польшѣ. И притомъ просилъ, чтобы Господа Статы послу своему объявили о неправомъ доношенiи того паши, и что его царскаго величества въ Польшѣ никакихъ войскъ не было. И взялъ то онъ, пенсiонарiй, на доношенiе Статомъ.

Я доношу вашему превосходительству, что все то чрезъ наше предложенiе не можетъ быть такъ дѣйствительно, какъ чрезъ письменное какое объявленiе. А особливе нахожу сход-

но, — ежели за благо мое доношеніе изволите принять, — чтобы грамотами отъ царскаго величества Статомъ, такъ и въ Англію обстоятельно объявить съ начала мирныхъ трактатовъ съ Портою, и что миръ оный чрезъ ихъ медіацію былъ подтвержденъ. А самая нужда есть объявить неправый претекстъ отъ Порты, для чего начинаетъ войну, и что войска его царскаго величества изъ Польши уже давно выведены; а при другихъ дворѣхъ, хотя не грамотами, но декляраціями учинить. И чрезъ такія публичныя письменныя объявленія можетъ къ лучшему дѣйству въ интересъ его царскому величеству произойти; и министру голландскому, резидующему при Портѣ, способнѣе въ дѣлѣхъ поступить, для чего здѣшніе Господа принуждены будутъ информе указъ своему послу дать съ объявленіемъ, равнымъ тѣмъ, какъ будетъ къ нимъ вышепомянутою изображено.

При окончаніи сего, получилъ я вашего превосходительства письмо, отъ 8-го нумера, и по указу вновь предлагать буду. Однакожъ уже до указа многія предложенія чинилъ, и обнадеженъ заподлинно, что указъ уже посланъ, и велѣно весьма въ интересъ его царскаго величества стараться послу ихъ и къ утишенію сію войну приводить. А пространнѣе изволите увѣдомиться изъ прежнихъ моихъ, отправленныхъ отсель.

Курфюрстъ ганноверскій два регимента кавалеріи и четыре баталіона беретъ изъ Брабанта къ себѣ, которые будутъ употреблены участкомъ его въ корпусъ войскъ циркуля Саксоніи Нижней, который по концерту, учиненному въ Вольфенбюттелѣ, долженъ быть вскорѣ собранъ. А здѣшнихъ Господъ Статовъ министръ ганноверскій обнадежилъ, что тѣ войска къ предбудущей кампаніи назадъ возвратитъ. Здѣсь всѣ того чаянія, что по сему концерту принцы имперскіе во всемъ дѣйствительно поступятъ.

Здѣсь Статы заподлинно увѣдомились чрезъ своего министра Гоуса, что двору датскому есть предложеніе о мирѣ со стороны шведской чрезъ дворъ голштейнскій, и что министръ первый того двора баронъ Герцъ при дворѣ датскомъ уже дважды былъ. И опасно здѣсь примается, чтобы дворъ датскій къ тому склоненъ не явился. И отсель вновь указъ данъ помяну-

тому ихъ министру Гоусу, чтобы весьма датскій дворъ удерживалъ отъ партикулярнаго мира и подтвержалъ бы, какъ возможно, быть тверду съ аліаты своими.

976. Князь Б. И. Куракинъ—А. В. Макарову.

1713 г. января 3. Гага.

Коробка зашитая запечатана подъ именемъ вашимъ и чрезъ Александра Гавриловича Головкина послана. И когда оная вручена будетъ, прошу изъ оной вынуть порцелинныя шесть чашекъ съ блюдечки среднихъ и шесть меньшихъ и два кувшинца и вручить государынѣ царицѣ; а достальное всё, что́ въ той коробкѣ обрѣтается, пожалуй отдай и съ письмомъ, приложеннымъ при семъ, Павлу Ивановичу Ягужинскому. И по полученіи сего, прошу ко мнѣ отписать.

977. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. января 6. Гага.

Въ собраніи статскомъ предложено, ежели за благо изобрѣтутъ, послать великую депутацію во всѣ города провинціи голландской, также и въ другія провинціи, для понужденія къ заплатѣ денегъ войскамъ чужестраннымъ, для того что многія провинціи своего участка не платятъ. Сіе, разсуждаютъ, есть токмо одинъ претекстъ для помянутой заплаты; но самое дѣло въ тайныхъ инструкціяхъ будетъ дано, чтобы провинціи приводить къ одному мнѣнію въ согласіе или къ миру, или къ войнѣ. И еще резолюція статская по предложеніямъ о посылкѣ той депутаціи не взята, для того что многіе статы въ несогласіи къ сему, и депутатство великое бываетъ въ нѣкоторые годы и то для самыхъ нужныхъ дѣлъ.

Дѣла мирныя всѣ состоятъ въ прежнихъ мѣрахъ за обожданіемъ отповѣди на грамоту статскую отъ королевы. О неут-

ральствѣ Италіи хотя цесарскіе и трактуютъ, токмо еще не чаемо скораго конца тому; также и дѣло конте Рехтерна къ окончанію не приведено, и ожидается отповѣдь чрезъ курьера изъ Парижа о послѣднемъ намѣреніи королевскомъ въ сатисфакціи.

Третьяго дня министръ польскій баронъ Герсдорфъ, бывъ у меня, объявилъ мнѣ, что одинъ полковникъ въ службѣ речи посполитой венетской, въ свитѣ посла ихъ, венетскаго, нынѣ здѣсь, въ Голландіи, родомъ палатинецъ, называется Геслеръ, бывъ у него, барона Герсдорфа, объявилъ ему, что онъ, Геслеръ, желаетъ знаемство со мною взять и мнѣ нѣкоторое предложеніе секретное учинить, которое надлежитъ къ интересамъ его царскаго величества къ нынѣшней начинающей войнѣ съ турки. И на-завтрее того дня онъ, баронъ Герсдорфъ, съ помянутымъ полковникомъ былъ у меня, который мнѣ, сверхъ словеснаго своего предложенія, подалъ проектъ письменный, съ котораго копію при семъ посылаю, изъ того изволите о всемъ пространнѣе увидѣть. И притомъ объявилъ: когда его царское величество за потребно сей проектъ изобрѣтетъ и съ нимъ, полковникомъ, кому о томъ дѣлѣ укажетъ трактовать, и къ тому дѣлу своихъ коммиссаровъ повелитъ прислать, тогда онъ, Геслеръ, объявитъ пространнѣе со всѣми обстоятельствы.

Къ сему же посланному проекту приводя резоны многіе, говорилъ, что ежели со стороны Медитерранскаго моря явятся войска его царскаго величества, тогда мальтійцы, также и дукъ флорентскій въ аліансъ противу турка вступятъ и помогать будутъ. Къ тому же не сумнѣвается, что и папа того аліанса не отлучится.

Что же приналежитъ къ речи посполитой венетской, какъ оная весьма неутральна себя содержать хощетъ, того для надлежитъ искать нарочно способы, чрезъ которые бы съ Портою тоё републику ссорить, что принуждена будетъ въ войну съ турки вступить. И надѣется онъ, Геслеръ, при такомъ случаѣ то учинить, ежели войска его царскаго величества въ тѣхъ назначенныхъ мѣстѣхъ, по проекту его, будутъ. И просилъ меня, чтобы мнѣ, учиня доношеніе двору, учинить ему отповѣдь. Того

для надѣюся, что ваше превосходительство прикажете ко мнѣ отписать, чтобъ ему отповѣдь могъ учинить.

По указу каково предложеніе учинить велѣно Статомъ о неправомъ рапортѣ солохоровомъ къ Портѣ, и то письменно учинилъ, и просилъ, чтобы Господа Статы послу своему, резидующему въ Константинополѣ, указъ дали то неправое доношеніе солохорово Портѣ изъявить и притомъ же по прежней своей медіаціи къ утишенію той войны стараніе приложить и къ начинанію войны Порту не допустить. И депутаты то предложеніе взяли на доношеніе собранію статскому секретныхъ дѣлъ.

Вчерашняго числа, бывъ у меня изъ собранія статскаго, г. Дивинфортъ, который есть по кредиту первымъ человѣкомъ въ здѣшней републикѣ, обнадеживалъ меня, что уже Статы конечно тайный указъ послу своему графу Колліерсу дали, чтобы весьма трудился къ утишенію той войны. И сіе содержатъ секретно они, Статы, чтобы не дать желюзіи ни Англіи, ни шведу.

Сего утра бывъ я у ратпенсіонарія, хотя навѣдаться о дѣлахъ здѣшнихъ, а особливе о конференціи, которую третьяго дня имѣлъ съ депутаты министръ шведскій Пальмквистъ, и объявилъ мнѣ, что помянутый Пальмквистъ предлагалъ Статомъ: впервыхъ, чтобы министръ ихъ, статскій, въ Константинополѣ ни въ какія дѣла, которыя дотыкаются интересамъ его короля, не мѣшался и содержалъ бы себя посредственна; а ежели мѣшаться будетъ, то король его приметъ за нарушеніе трактата, который съ ними имѣетъ; второе,—предлагалъ, чтобъ они, Статы, въ нынѣшнемъ случаѣ, по обязательству своему травендальскаго мира, содержали гварантію, дабы примирить короля датскаго съ ними. И потомъ на все то онъ, пенсіонарій, краткими словами обнадежилъ, чтобъ его царское величество въ тѣхъ дѣлѣхъ отъ Статовъ въ подозрѣніи не былъ. И надѣется онъ, ратпенсіонарій, что Статы всѣ свои мѣры возьмутъ на тѣ Пальмквистовы предложенія инымъ образомъ, нежели ему способныя.

Потомъ говорилъ со мною о дѣлѣ турецкомъ. И сказывалъ, что послѣ первой одной вѣдомости, которую оттуль получили,

больше вѣдомости не имѣли, и признаваетъ быть нѣчто чрезвычайному, что замедлились ихъ письма, для того что обыкновенно каждыя двѣ недѣли письма оттуль они получаютъ.

Притомъ же спрашивалъ меня, ежели при аглинскомъ дворѣ такое же предложеніе велѣно учинить о неправомъ доношеніи Портѣ отъ посланнаго солохора, каково здѣсь я по указу учинилъ, но я отвѣтствовалъ невѣдѣніемъ. И между тѣми разговоры объявлялъ мнѣ, чтобъ Англіи такимъ же образомъ предлагать о неправомъ доношеніи солохоровомъ Портѣ, хотя и знавъ ее, Англію, въ иномъ нынѣ мнѣніи къ интересамъ царскаго величества, токмо для того, чтобъ Англія къ здѣшнимъ Господамъ Статомъ въ томъ дѣлѣ въ подозрѣніи не была; также и объявленіе то о неправомъ доношеніи солохоровѣ что будетъ при многихъ дворѣхъ разглашено, то скорѣе внушено можетъ быть.

Я разсудилъ за потребно, хотя не имѣвъ указа отъ двора, писать сегодня къ г. де-Литу и объявилъ ему, ежели онъ указа отъ двора о семъ не имѣлъ, по повинности своей, какъ министръ, собою предложилъ бы двору аглинскому токмо о неправомъ доношеніи солохоровомъ Портѣ, и что войска его царскаго величества изъ Польши уже давно выведены, также и гарнизонъ эльбингскій въ сентябрѣ мѣсяцѣ; а чтобы просить медіацію ея, Англіи, о томъ я умолчалъ, оставляя на указъ отъ двора.

Предъ нѣсколькими днями здѣсь увѣдомлены были, что цесарскіе министры, подъ претекстомъ неутралиты въ Италіи, трактуютъ съ министры французскими тайно о десяти провинціяхъ нижнихъ, т.-е. Брабантахъ и Фляндрахъ, что все то цесарь уступаетъ на обмѣнъ во владѣніе курфюрсту баварскому, а Баварія должна остаться во владѣніи дома аустрійскаго. А нынѣ Господа Статы въ большомъ подозрѣніи отъ цесарскихъ застаютъ отъ помянутой негоціаціи, когда увѣдомились о томъ въ подтверженіе чрезъ коррипшонденцію отъ двора французскаго. И ежели такой трактатъ цесарскіе правдивымъ намѣреніемъ чинятъ и окончаютъ, то къ великому предосужденію мо-

жетъ быть здѣшнимъ Господамъ Статамъ, для того что отъ пожелаемаго своего барьера они, Статы, ни одной крѣпости не получатъ и принуждены будутъ остаться при своихъ старыхъ границахъ. И смотрѣть будемъ, чтó изъ сего произойдетъ. Токмо сіе дѣло разсуждается, что цесарскіе въ то дѣло вступаютъ и тѣмъ даютъ подозрѣніе здѣшнимъ нарочно, чтобы привести ихъ, Статовъ, чрезъ какіе ни есть способы къ бóльшей резолюціи къ продолженію сей кампаніи.

Министру шведскому третьяго дня депутаты статскими объявлено, что Господа Статы примаютъ сіе властно, какъ къ своему собственному интересу, въ разореніи и пожженіи города Альтны, и тѣмъ поступокъ генерала Штенбока не могутъ инако вмѣнить, какъ самый барбарскій. И многимъ ихъ подданнымъ статскимъ учинено немалое разореніе и убытокъ, и чтобъ впредь онъ, Штенбокъ, отъ своихъ намѣренныхъ барбарскихъ поступковъ себя удержалъ. На то помянутаго министра шведскаго была отговорка тѣми доводы, какъ Штенбокъ въ письмѣ своемъ писалъ; о чемъ уже вамъ извѣстно. Но я, съ своей стороны, тому противно объявлялъ, что войска его царскаго величества никакого разоренія въ Помераніи не чинили, и то его, Штенбоково, разглашеніе есть фальшивое.

На дорогу подьячимъ до Вѣны каждому дано по двадцати червонныхъ, для того что вы изволили мнѣ приказать ихъ отправить чрезъ почту, а ежели бы на простомъ фурманѣ, то бы дешевле.

978. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. января 6. Ванцбергъ.

Хотя я къ вашей милости напредь сего изъ Гистрау, декабря отъ 15-го, подъ № 7-мъ, писалъ о бывшей баталіи при Гадебушѣ межъ датскими и свейскими войски, какимъ оная случаемъ, прежде слученія войскъ его царскаго величества, учинилась, однакожъ еще симъ паки въ пополненіе прежняго, ради всякаго случая, объявляю. Когда король датскій при-

шелъ съ войскомъ своимъ въ Гадебушъ, то прислалъ съ увѣдомленіемъ о томъ къ царскому величеству въ Гистрау генералъ-адъютанта Вильдебоу и требовалъ къ себѣ въ слученіе двадцать шквадроновъ кавалеріи да двухъ полковъ пѣхоты гвардіи царскаго величества, по которому его требованію отправлено тогда изъ Гистрау сперва саксонской конницы тридцать шквадроновъ, подъ командою г. фельдмаршала графа Флемминга; а того же времени изволилъ его царское величество съ первою дивизіею пѣхоты своей, гдѣ и гвардія была, туда же самъ идти. И тогда-жъ отправленъ къ королю датскому помянутый генералъ-адъютантъ съ извѣстіемъ о томъ, и дабы онъ, король датскій, искалъ удобнаго случая со всѣми тѣми, пошедшими отъ Гистрау, войски случиться, не испуская времени, чтобы, случась съ датскими войсками, общими силами противъ непріятеля надежнѣе дѣйствовать. Но онъ, король датскій, хотя отъ непріятелей былъ свободенъ, умѣшкалъ въ Гадебушѣ 5 дней; а тѣмъ временемъ генералъ шведскій Штенбокъ, не допустя нашихъ войскъ до слученія, его атаковалъ. И была та баталія, къ которой токмо приспѣла въ тотъ день саксонская конница. Сіе я пишу къ милости вашей для того, что ежели о томъ кто-либо будетъ говорить, для чего войска наши на ту баталію съ датскими не поспѣли, то извольте по вышеписанному содержанію отвѣтовать, какимъ то случаемъ учинилось.

О здѣшнемъ поведеніи объявляю, что его царское величество съ арміею своею и притомъ съ датскою и саксонскою конницею прибылъ въ Голштенію, и нынѣ обрѣтаемся въ полумилѣ отъ Гамбурга. Генералъ шведскій Штенбокъ, услыша вступленіе наше, сюда маршируетъ съ войскомъ своимъ вдаль Голштеніи и обрѣтается нынѣ въ четырнадцати миляхъ отъ насъ, въ дитмаршеской землѣ, за которымъ наши имѣютъ маршъ свой, елико могутъ продолжать.

979. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. января 13. Гага.

На прошлой почтѣ при аглинскомъ дворѣ резидующій министръ статскій писалъ сюда, что онъ, при поданіи ремарокъ своихъ, разговоръ видѣлъ непріятный отъ статскаго секретарія, и впервыхъ, что Контей Франція никогда не уступитъ, также и не чаетъ, чтобы могло больше отмѣнено быть предъ тѣмъ, какъ чрезъ милорда Страффорда послѣдній плянъ мира объявленъ; однакожъ впредь обѣщалъ письменно отвѣтствовать, какое рѣшеніе учинитъ королева.

Секретарій датскій фонъ-Штеккенъ получилъ указъ отъ двора своего и третьяго дня по тому объявилъ, что король его ту половину войскъ, которая была на заплатѣ аглинской, изъ Брабанта отзываетъ, съ которымъ корпусомъ велѣно дуку Вюртембергу самому маршировать; о чемъ онъ, дукъ, вчерашняго дня бывъ у меня, самъ сообщалъ и сказывалъ, что уже указъ тѣмъ войскамъ далъ, чтобы по пятнадцати дняхъ были въ готовости, а онъ самъ по десяти дняхъ надѣется отъѣхать до Гамбурга напредь. Числомъ тотъ корпусъ, кавалеріи и пѣхоты, около шести тысячъ.

Здѣсь въ великой конфузіи себя при помянутомъ отзывѣ войскъ датскихъ находятъ, для того что тѣ войска первыми изъ союзныхъ во всей ихъ арміи аліатской находятся. Также и саксонскія вскорѣ будутъ маршировать, а ганноверскія и кассельскія уже въ маршѣ. И убавки у нихъ, аліатовъ, въ Братантѣ учинится съ 15 тысячъ войска, опричь прусскихъ, который также, какъ слышимъ, намѣренъ съ 8000 отозвать. И уже по всѣмъ обстоятельствомъ, безъ всякихъ дальнихъ разсужденій, видится здѣсь, что Франція сей весны прежде мира возвратитъ оружіемъ всё, что́ потеряла.

Здѣсь съ великимъ желаніемъ ожидаютъ всегда полезныхъ вѣдомостей о дѣйствахъ счастливаго оружія его царскаго величества и его аліатовъ, и при такомъ случаѣ могли бы себя

въ лучшее состояніе привести, нежели топерь, безъ всякой впредь отвсюду надежды. И какъ слышу въ разсужденіяхъ здѣшнихъ, что за нѣсколько времени сія република такъ въ опасности не была, какъ нынѣ находится: впервыхъ, наипаче всего между ними несогласіе, и многіе партикулярныхъ своихъ интересовъ смотрятъ, нежели отечества; второе, недостатокъ денегъ,—однакожъ, ежели бы доброе согласіе, могли бы способъ найти; третье, чрезъ свою негоціацію Францiя всѣхъ аліатовъ къ такому несогласію привела и всё то мирное дѣло въ мочь рукъ своихъ взяла, что больше въ тѣхъ дѣлѣхъ къ своему авантажу не имѣютъ упованія.

Здѣсь увѣдомлены о проектѣ Штенбока съ Веллингомъ, что оный Штенбокъ баталіи не намѣренъ давать и будетъ ретироваться внутрь Ютландіи и на узкихъ пассажѣхъ вездѣ удерживать армію его царскаго величества, сколько можетъ, и чрезъ то фатиговать войско и продолжать время, слагая съ дѣлы турецкими и входомъ его короля въ Польшу, для того, разсуждая, что будто его царское величество принужденъ будетъ съ войски своими выступить въ Польшу.

Но здѣсь разсужденія многихъ противу того проекта Штенбокова и Веллингова, для того что онъ, Штенбокъ, не въ состояніи на пассажѣхъ войска его царскаго величества удерживать, а особливе, не имѣючи довольно пѣхоты. Также разсуждается, что датскія войска, съ той стороны совокупясь, которыя изъ Норвежіи пришли, при крѣпкихъ и узкихъ мѣстѣхъ не допустятъ его, Штенбока, внутрь своей земли дойти. И, наконецъ, видится весьма ихъ паденію шведскому и разоренію всей ихъ той арміи.

Вчерашняго дня бывъ въ конференціи съ ратпенсіонаріемъ, желалъ отъ нихъ на предложеніе мое отповѣди, чтобъ указъ дали послу своему неправое доношеніе солохорово Портѣ объявить и трудиться къ примиренію той войны. На что онъ мнѣ, ратпенсіонарій, по многихъ разговорѣхъ сказалъ, что со стороны ихъ въ томъ дѣлѣ не упущено ничто, и посолъ ихъ уже указы о томъ имѣетъ; токмо сіе дѣло деликатное. Того для

надлежитъ сіе дѣло искусно повести, для того что министры, французскій и аглинскій, весьма помѣшатели будутъ; а объ отвѣтѣ мнѣ информе письменномъ онъ, пенсіонарій, будетъ еще въ тайномъ собраніи говорить. И притомъ мнѣ сказалъ, что они получили отъ посла своего изъ Константинополя вѣдомость, отъ 12 декабря, въ которой на прежнія свои подтвержаетъ, а особливе объявляетъ, что муфтій еще сентенціи своей къ войнѣ не далъ, и азіатскимъ войскамъ указъ не посланъ, а салтанъ со всѣмъ дворомъ въ Адріанополь поѣхалъ. Онъ будетъ смотрѣть на французскаго и аглинскаго, поѣдутъ ли или нѣтъ, и по тому будетъ примать свои мѣры. А нынѣ они, всѣ министры, секретаріемъ своимъ при дворѣ послѣдствовать велѣли.

Прошу, мой государь, повелѣть ко мнѣ прислать окладомъ отъ генералъ-лейтенанта и до полковника вѣдомость для найма, противъ указа, офицеровъ, для того, чтобы зналъ, имъ что обѣщать.

980. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. января 15. Гага.

Изъ публичныхъ вѣдомостей я увѣдомился о скоромъ походѣ его царскаго величества до С.-Петербурга. Того для понудило меня симъ ваше превосходительство просить о рѣшеніи на дѣла, которыя приналежатъ къ съѣзду утрехтскому, и при семъ послать нѣкоторые пункты, также и на примѣръ формы полномочной и вѣрющихъ, а для лучшаго извѣстія и копіи взятыхъ отъ министровъ польскихъ, о которыхъ прошу скрытно отъ польскаго двора содержать. И на все то буду ожидать чрезъ ваше превосходительство указа его царскаго величества. А когда изволите такія прислать, то копіи извольте прислать только на русскомъ языкѣ, а здѣсь будетъ на латинскомъ поставлено или на французскомъ для лучшей силы.

Всѣ опредѣленные министры къ съѣзду въ Утрехтѣ имѣютъ чинъ статскій тайнаго совѣтника. Того для не имѣю на-

мѣренія просить ваше превосходительство о томъ себѣ чинѣ, токмо прошу для одного нынѣшняго случая съѣзда въ Утрехтѣ хотя написать министромъ статскимъ, какъ я при посланныхъ копіяхъ при семъ нарочно означилъ. И сіе мое прошеніе не для чего иного, токмо для убѣжанія мнѣ партикулярнаго стыда.

981. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. января 15. Ренсбургъ.

Его царское величество повелѣлъ мнѣ къ милости вашей писать, что понеже, можетъ быть, при мирныхъ впредь съ шведомъ трактатахъ трудность большая будетъ о Ригѣ, которой морскія державы, а особливо Голландія, при насъ остаться, или наипаче оную, какъ имъ уже объявлено, полякомъ отдать весьма не похотятъ, и тѣмъ онѣ могутъ въ миротвореніи препятіе чинить,—того ради изволите ваша милость, при разговорѣхъ о сихъ дѣлахъ съ ратпенсіонаріемъ, объявить ему пристойнымъ образомъ, якобы не имѣя о томъ его царскаго величества указа, ниже́ вѣдая о семъ его царскаго величества намѣренія, отъ себя въ разговоръ, что ежели бы тотъ городъ Ригу, ради пресѣченія впредь о ней будущихъ трудностей, оставить вольнымъ подъ протекціею польскою такъ, какъ Гданескъ, пріятно ли то Господамъ Статомъ будетъ. И за такую его царскаго величества уступку (понеже въ томъ будетъ наивящшая Голландіи прибыль и размноженіе въ торгахъ) что́ при будущемъ съ шведомъ мирѣ могутъ въ интересъ его царскаго величества учинить? И что́ на сіе отъ него, пенсіонарія, въ отвѣтъ получишь, и какія онъ о томъ разсужденія отъ себя подавать будетъ, о томъ изволь къ намъ немедленно писать. И при тѣхъ разговорѣхъ увѣрь его, пенсіонарія, въ томъ, чтобъ онъ о семъ до времени другимъ не объявлялъ.

982. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. января 15. Ренсбургъ.

Посылается при семъ его царскаго величества грамота къ Господамъ Статомъ объ объявленіи отъ турокъ противъ его царскаго величества войны, дабы они въ отвращеніе оной, чрезъ посла своего въ Константинополѣ, представленіи своими вспомогали, съ которой, для извѣстія милости вашей, прилагаю списокъ по-русски, а при подлинной грамотѣ приложена копія на латинскомъ языкѣ. И ваша милость извольте ту грамоту Господамъ Статомъ подать и по содержанію оной у нихъ домогаться, чтобъ они турковъ отъ того неправеднаго начинанія войны чрезъ добрыя средства, яко медіаторы, отвратить трудилися и къ послу своему въ Константинополь крѣпкій о томъ указъ дали, за что ихъ обнадежить взаимною пріязнью и обязаніемъ его царскаго величества.

Такая же грамота равнаго содержанія послана нынѣ и къ королевѣ аглинской, но не знаемъ, какъ оная въ томъ поступитъ; о чемъ изволите корреспондовать съ г. Литомъ и общимъ согласіемъ при тѣхъ дворѣхъ о томъ трудиться.

Писалъ ко мнѣ изъ Гаги неоднократно священникъ Аѳанасій Аѳанасьевъ, бывшій при г. Матвѣевѣ, котораго онъ тамъ по отъѣздѣ своемъ оставилъ, прося себѣ указа объ отпускѣ къ Москвѣ и о дачѣ на дорожный проѣздъ жалованья. И я вашей милости симъ напоминаю, что ежели тотъ священникъ вамъ потребенъ, то извольте у себя удержать; а ежели непотребенъ, то, давъ ему на дорожный проѣздъ, что пристойно, отпустите его въ Россію на корабляхъ къ городу или къ Ригѣ, дабы онъ тамо туне не нищенствовалъ. А что изволите ему на проѣздъ денегъ дать, тó милости вашей немедленно заплачено будетъ.

О здѣшнемъ объявляю вашей милости, что его царское величество съ войски своими, а притомъ съ совокупленными датскими и саксонскими, слѣдуя за непріятелемъ въ Голштенію,

прибылъ въ Ренсбургъ, къ которому и помянутая соединенная армія вся пришла. Непріятель обрѣтается нынѣ отсюда въ 4-хъ миляхъ около Гузена, надъ которымъ на сихъ дняхъ чиненъ будетъ надлежащій промыслъ, къ чему даждь, Вышній, намъ счастіе.

983. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. января 16. Гага.

Статы третьяго дня съ почтою получили отъ королевы отповѣдь на извѣстную грамоту, которая въ генеральныхъ терминахъ писана, что она дала указъ на ихъ присланныя ремарки своимъ полномочнымъ въ Утрехтѣ въ конгрессѣ генеральномъ объявить, и все то надѣется быть къ ихъ интересу и удовольству всѣхъ аліатовъ.

Войска датскія отзываются изъ службы ихъ, статской, какъ я о томъ прежними своими доносилъ. И нынѣ изъ разговоровъ какъ ратпенсіонарія, такъ и другихъ депутатовъ я себѣ видѣлъ, что они имѣютъ упованіе немалое въ семъ дѣлѣ на его царское величество, что онъ чрезъ свои добрыя средства датскій дворъ приведетъ къ тому, чтобъ оныя войска тотъ дворъ оставилъ въ ихъ, статской, службѣ, что́ они, Статы, за добрую пріязнь его царскаго величества примутъ. И разсуждаютъ въ томъ быть при нынѣшнихъ случаяхъ властно какъ бы собственнаго интереса его царскаго величества для того, чтобы видѣть здѣшнихъ аліатовъ противу Франціи въ силѣ и въ состояніи добромъ; а ежели будутъ въ безсиліи и безсчастный и худой миръ учинятъ, то тогда и аліатомъ, воюющимъ въ сѣверѣ, худое упованіе имѣть можно будетъ въ дѣлѣхъ своихъ.

И я доношу о томъ къ сему, чтобы чрезъ резидующаго его царскаго величества министра при датскомъ дворѣ въ семъ дѣлѣ къ интересамъ ихъ, статскимъ, стараніе показать. Министръ польскій баронъ Герсдорфъ мнѣ говорилъ, что и онъ отъ короля своего объ отзывѣ войскъ декляровать указъ

имѣетъ, и подъ нынѣшній случай удерживаетъ, чтобы бо́льшую злобу здѣшнимъ не придать, для того что помнятъ, будто то по согласію съ датскимъ дворомъ учинено, для чего есть немалое подозрѣніе въ отзывѣ датскихъ войскъ, что то чрезъ французскія интриги чинится того для, что уже предъ нѣсколькимъ временемъ изъ Франціи въ письмахъ здѣсь являлось, что дворъ французскій надѣяніе имѣетъ объ отзывѣ датскихъ войскъ. И сіе подозрѣніе придаетъ чрезъ тѣ же французскія интриги къ миру партикулярному того двора съ шведомъ.

Прошлой почты я писалъ вашему превосходительству, что ратпенсіонарій на извѣстное мое предложеніе о дѣлѣ турецкомъ обѣщалъ еще въ тайномъ собраніи говорить и мнѣ отповѣдь учинить. И вчерашняго дня, ввечеру, былъ у меня самъ грефій Фагель и объявилъ мнѣ, что Статы на предложеніе мое третьяго дня, во вторникъ 13 января, себя рѣшили и послать указъ въ Константинополь, сверхъ прежде посланныхъ, изъ секрета нынѣ къ послу своему графу Колліерсу велѣли, который сей пятницы завтрее отправленъ будетъ.

Содержаніе того указа есть, чтобъ ему, послу графу Колліерсу, ѣхать немедленно въ Адріанополь и послѣдствовать при Портѣ вездѣ и въ кампаніи неотступно, и, что́ къ пользѣ интересовъ ихъ, статскихъ, также и всего христіанства, во всемъ престерегать, и въ томъ такимъ образомъ со всякою прилежностью поступать, какъ онъ за благо и сходно найдетъ по теченію и случаемъ тамошнихъ дѣлъ. И притомъ онъ, грефій Фагель, мнѣ объявилъ, что сей указъ данъ въ такихъ терминахъ, что его можетъ употребить публично и при случаяхъ показать какъ Портѣ, такъ и министромъ чужестраннымъ, что онъ, по указу статскому, будетъ при дворѣ послѣдствовать вездѣ. А сверхъ сего помянутаго указа, объявилъ мнѣ за самый секретъ, что еще къ прежнимъ въ подтверженіе нынѣ они дали указъ ему, графу Колліерсу, пространный, чтобы трудился къ примиренію той войны съ его царскимъ величествомъ по всей своей возможности и неправое доношеніе паши, бывшаго въ Польшѣ, тамъ внушалъ, и кредитъ на купцовъ тамошнихъ ад-

ресовали нѣкоторой суммы денегъ для нужныхъ ему расходовъ. И притомъ просилъ меня онъ, грефій Фагель, чтобъ я именемъ Господъ Статовъ обнадежилъ его царское величество, что весьма во всѣхъ случаяхъ не оставятъ должности своей показать, гдѣ возможно, къ интересамъ его царскаго величества.

Сего утра бывъ я у ратпенсіонарія, что приналежало, говорилъ о коммерціи и о томъ указѣ статскомъ. Немногими разговоры мнѣ на вышепомянутое подтвердилъ и разсуждалъ, что чаяніемъ надѣется къ доброму окончанію сему турецкому дѣлу приведену быть. А сила въ томъ дѣлѣ та есть, чтобы показать Портѣ о неправомъ доношеніи, что войска его царскаго величества уже давно выведены изъ Польши; того для нынѣ не надлежитъ войскамъ его царскаго величества въ Польшу вступать, но смотрѣть тамошнихъ надобно на послѣдованіе дѣлъ, имѣть добрую корришпонденцію оттуль и, слагая тѣ дѣла, по тому и мѣры свои примать. И притомъ объявилъ, что графъ Колліерсъ нынѣ въ послѣднихъ своихъ письмахъ не объявлялъ ничего о томъ, какъ онъ прежде объявлялъ, что Порта примаетъ резолюцію, чтобы королю шведскому дать нынѣ нѣкоторое число войскъ для его вступленія въ Польшу. И посему видимо, что еще по желанію шведскому не всё исполняется.

Я доношу вашему превосходительству и нахожу сходно, чтобы вы изволили къ графу Колліерсу письмомъ своимъ интересы его царскаго величества рекомендовать и притомъ въ награжденіе ему что обѣщать. А я здѣсь оказію добрую имѣю то письмо къ нему сослать; токмо не сумнѣваюсь, что вы изволите приказать то не въ явныхъ терминахъ написать для всякихъ случаевъ. Но я, съ своей стороны, до него, графа Колліерса, сего же дня при посланномъ указѣ писалъ и рекомендовалъ интересы его царскаго величества. А того человѣка, который мнѣ обязался чрезъ себя сію корришпонденцію съ нимъ, графомъ Колліерсомъ, продолжать, не могъ нынѣ больше инымъ чѣмъ удовольствовать, токмо тѣми пятью парами соболей, которые въ Лейпцигѣ ваша милость мнѣ изволили дать; а не худо бы что еще ему изъ тѣхъ же или чего иного прибавить.

984. Князь Б. И. Куракинъ—кн. В. Л. Долгорукову.

1713 г. января 17. Гага.

Дукъ Вюртембергъ четвертаго дня получилъ указъ отъ двора датскаго здѣсь Статомъ декляровать, что король его указалъ ему маршировать въ Голштенію съ войски датскими тѣми, которыя на заплатѣ аглинской были, что́ всѣхъ учинитъ съ 6000 человѣкъ. И объявилъ, что по пятнадцати дняхъ будутъ маршировать. Здѣшніе Господа въ великой конфузіи находятся, для того что наилучшія ихъ датскія войска изъ службы отойдутъ; также и саксонскихъ 4000, также нѣсколько ганноверскихъ, цельскихъ, прусскихъ, что убавокъ учинитъ въ войскахъ аліатскихъ съ 20 тысячъ, а французскихъ прибудетъ.

И по той деклараціи третьяго дня депутаты статскіе мнѣ говорили, хотя не предложеніемъ, но своимъ разговоромъ, что́ я, признавъ, примаю за самое предложеніе, что они, Статы, при нынѣшнихъ случаяхъ весьма обязаны интересы взаимно другъ другу престерегать съ сѣверными аліаты, и ежели одна другую сторону увидитъ къ паденію, то весьма равная опасность другой можетъ быть; того для они, Статы, надѣются, что его царское величество приложитъ свой трудъ и датскій дворъ отъ того предудержитъ, чтобы тѣ войска изъ службы ихъ, статской, отозваны не были.

Я, съ своей стороны, не могу вамъ свое мнѣніе прямо дать, не знавъ состоянія тамошнихъ дѣлъ, чего для оставляю въ ваше разсужденіе. Но ежели миновать можно, весьма бы сходно было къ общимъ интересамъ, чтобы тѣ войска датскія оставлены въ здѣшней службѣ были, для того что сѣверные воюющіе только однихъ имѣютъ себѣ пріятелей, какъ здѣшнюю потенцію. А ежели здѣшнимъ удовольства не будутъ чинить, или видѣть здѣшнихъ въ несчастіи, то весьма худое упованіе и въ своихъ властныхъ интересахъ имѣть можемъ.

О дѣлахъ турецкихъ ежели всѣ тѣ вѣдомости розныя описывать, то требуетъ долгаго времени; но изъ тѣхъ всѣхъ крат-

ко объявлю, что есть не безъ упованія впредь, что можетъ сіе дѣло примирено быть, токмо бы нашихъ фотовъ не было или какой непресторожности.

Мирныя дѣла состоятъ въ томъ, что ожидается извѣстіе изъ Англіи, и миръ конечно сего года учиненъ будетъ; токмо Францiя весьма кампанію начнетъ, и взятые города всѣ отобравъ, оставя здѣшнихъ Господъ безъ барьера, миръ учинитъ.

Я васъ, мой государь, повторительно прошу показать свою прилежность при томъ дворѣ, чтобы датскихъ войскъ не отзывать. И уже здѣсь чрезъ письма изъ Франціи является, что тотъ дворъ надежнымъ есть, что датскія войска будутъ изъ службы статской отозваны. Сіе придаетъ многому разсужденію, что уже факція французская внутрь того датскаго двора вошла. И посему видится, что тотъ дворъ датскій будетъ себѣ искать способа чрезъ тотъ французскій и къ миру партикулярному, и убѣжать всѣхъ себѣ злостей.

985. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову.

1713 г. января 19. Гага.

Сболѣзнуя сердцемъ о несчастливомъ вамъ, мой государь, припадкѣ и примая то, якобы самому себѣ, надѣюся, что Вышній васъ освободитъ изъ того несчастливаго случая, и дѣла въ лучшее состояніе прійти могутъ.

Топерь объявляю о дѣлахъ. Здѣшнія дѣла такъ въ худомъ состояніи со стороны аліатовъ находятся, что Франція къ своимъ рукамъ въ силу привела, что она есть майстеромъ миръ чинить и войну продолжать; и хотя миръ сего лѣта учиненъ будетъ, однакоже кампанія начнется. И уже предвидѣно, что Франція, при начинаніи сей кампаніи, потерянное все отберетъ, еще къ тому что и чужого прихватитъ, для того что войскъ будетъ предъ аліатами имѣть съ 50 тысячъ лишку. Англія весьма въ интересъ Франціи, токмо тамъ всегда надобно ожидать премѣны.

О дѣлахъ нашихъ. Штенбокъ въ 14 тысячахъ побилъ близъ Висмара датчанъ и артиллерію, и багажъ взялъ, и 3000 полону, и потомъ впалъ въ Голштенію. А царское величество со всѣми своими войски маршируетъ за нимъ, и уже по вчерашнюю почту объявлено, что въ Ренсбургъ его величество пришелъ, а шведы ретируются въ Ютландію. Намѣреніе того Штенбока внутрь провинцій датскихъ войти и принудить къ партикулярному миру, къ чему есть такая опасность, что ежели войска его царскаго величества ничего не учинятъ, то весьма отлученъ будетъ.

Его царское величество на сихъ дняхъ возвращается въ Петербургъ, а государыня царица напредь уже пошла. Дѣла въ Польшѣ въ старыхъ премѣнахъ идутъ.

Надѣюся,—прежде бывшій труды прилагалъ и прилагать будетъ, который довольно наказанъ о томъ. И мы, безъ сумнѣнія, къ доброму концу надежны есть.

986. Князь Б. И. Куракинъ—А. А. Матвѣеву.

1713 г. января 20. Гага.

Министры аглинскіе въ Утрехтѣ третьяго дня, бывъ въ конференціи съ министры статскими, на посланныя ремарки отъ Статовъ пунктуально на всё отвѣтствовали, и по желанію ихъ, статскому, въ главныхъ пунктахъ о Турнэ и о другихъ принадлежащихъ дѣлѣхъ къ барьеру Франція себя сходна явила. А что приналежитъ о разореніи фортеціи Контея и о тарифѣ по ихъ запросамъ, статскимъ, и на то аглинскіе министры объявили имъ, министромъ статскимъ, что о томъ они будутъ лучшаго способа къ удовольству ихъ искать, вступя въ генеральную конференцію съ министры французскими. И того для по двухъ дняхъ начнется генеральный конгрессъ, и предложенія тѣ съ обѣихъ сторонъ публично объявятся.

О нейтральствѣ Каталоніи и Италіи уже цесарскіе министры, какъ слышимъ, въ конференціи съ французскими всту-

пять, и чаемъ, что сіе дѣло къ окончанію приведено будетъ вскорѣ.

Здѣсь, по полученіи вышепомянутаго отвѣта изъ Англіи, видъ весьма есть, что миръ вскорѣ учинится, токмо смотрѣть будемъ, ежели со стороны Франціи того вскорѣ желается. Какъ видимъ нынѣ, министры французскіе третьяго дня объявили аглинскимъ, что конечно ни въ какую конференцію генеральную не вступятъ прежде, ежели Статы удовольство въ дѣлѣ конта Рехтерна безъ малаго изъятія по всѣмъ ихъ запросамъ учинятъ. Того для вчера въ собраніи статскомъ довольно диспута было, однакоже, наконецъ, по желанію помянутыхъ принуждены будутъ все учинить.

Объ отзывѣ войскъ датскихъ, какъ я упоминалъ прежними своими, уже больше нѣтъ вида къ тому, чтобы тѣ могли удержаны быть здѣсь, и въ предбудущую недѣлю маршировать будутъ. Саксонскія указа подлиннаго еще о маршѣ своемъ не имѣютъ, также и прусскія. Я сумнѣваюся, чтобы по обѣщаніямъ своимъ оный дворъ то могъ исполнить и указъ дать въ Константинополь къ своему министру объ извѣстныхъ дѣлѣхъ, для того что г. Далманъ, резидующій того двора министръ, уже абшидъ свой отъ Порты взялъ и въ пути есть.

Что же принадлежитъ въ томъ дѣлѣ смотрѣть мнѣ, пребываючи здѣсь, то весьма не упущено въ томъ ничего такъ, какъ бы годно всякому смотрѣть. Я надѣюся впредь свободенъ быть отъ такихъ экспрессій, которыя бы только долженъ получить отъ двора. Корришпонденція между министры не можетъ въ иномъ состояться, токмо откровенный рапортъ чиня единъ другому о дѣлахъ при своей резиденціи.

987. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. января 24. Утрехтъ.

По пріѣздѣ своемъ, въ Утрехтѣ въ какомъ состояніи дѣла здѣшнія нашелъ, топерь объявлю.

На извѣстныя ремарки Статовъ королева аглинская въ от-

вѣтъ имъ учинила, что ничего премѣнить не можетъ больше, какъ уже прежде плянъ имъ, Статомъ, чрезъ посла ея милорда Страффорда показанъ. И на ту отповѣдь здѣшніе Господа такъ себя явили къ миру склонна, что отдались весьма въ руки королевѣ аглинской и трудятся чрезъ ея министровъ, какъ бы наискорѣе миръ, съ Франціею учинить, не допустя до вступленія въ кампанію.

И четвертаго дня полномочные министры статскіе съ аглинскими трактатъ о барьерѣ и сукцессіи заключили и размѣнялись, о которомъ я предъ нѣсколькими недѣльми двору доносилъ. Хотя подробно не можемъ вѣдать содержаніе того трактата, но, какъ слышимъ, генерально барьеръ тотъ весь подтверженъ, какъ Англія хотѣла, также и сукцессія о коронѣ аглинской, въ которомъ пассажѣ былъ терминъ „эквивакъ", и тотъ нѣкоторымъ образомъ премѣнили явнѣе. И на тѣ трактаты вскорѣ ожидаютъ изъ Англіи ратификаціи.

Сей учиненный трактатъ о барьерѣ знакъ скорому окончанію генеральнаго мира. И повседневно министры аглинскіе съ цесарскими и французскими въ конференціяхъ бываютъ и трудятся о неутральствѣ въ Италіи, также и о транспортѣ цесаревы и войскъ цесарскихъ изъ Каталоніи, и уже къ сходству съ обѣихъ сторонъ приходитъ. Токмо цесарскіе трудятся, чтобы король Филиппъ амнистію всѣмъ каталонцемъ учинилъ и содержалъ бы ихъ въ прежнихъ привилежіяхъ, какъ были прежде сего за королемъ гишпанскимъ.

Министры французскіе въ томъ сходны не являются, но оставляютъ, чтобъ они, цесарскіе, трактовали, по прибытіи сюда, съ министры гишпанскими; также цесареву и войска цесарскія перевезть изъ Каталоніи прежде не хотятъ позволить, ежели миръ генеральный отъ нихъ, цесарскихъ министровъ, подписанъ не будетъ; не хотятъ въ Гишпаніи учинить армистицію партикулярно, кромѣ здѣшнихъ краевъ. И по всѣмъ слабымъ поступкамъ министровъ цесарскихъ видимъ, что сіе помянутое дѣло окончается скоро. А когда сіе о неутральствѣ и транспортѣ изъ Каталоніи къ окончанію приведено будетъ,

то и миръ генеральный уже почитай учиненъ есть. И ежели какихъ нечаянныхъ премѣнъ не припадетъ, то, какъ можемъ видѣть нынѣ, генеральный миръ совсѣмъ окончается въ мартѣ мѣсяцѣ на такомъ основаніи, какъ Англія прежде сего всѣмъ объявила и повелѣла.

Правда, всѣмъ дивенъ поступокъ министровъ цесарскихъ нынѣ, какъ вдругъ, оставя свою спесь, раболѣпно къ аглинскимъ и французскимъ поступаютъ и весьма ищутъ, чтобъ отъ господъ голландцевъ въ трактатахъ мирныхъ не отстать; многимъ та ихъ торопость къ разсужденію розному придаетъ. И отъ нѣкотораго заподлинно мнѣ сказано, что вѣнскій дворъ весьма въ опасности есть чрезъ нѣкоторые уже виды войны турецкой, и будто для сего къ скорому здѣсь окончанію свои дѣла привести хотятъ.

Во всѣхъ здѣшнихъ дѣлахъ по поступкамъ министровъ французскихъ признать не можемъ, ежели оные прямо намѣрены сію негоціацію прежде вступленія въ кампанію окончать или продолжить для того, чтобы, вступя въ кампанію, видя слабость аліатскую, могли что еще взятаго отобрать. Но чаемъ, по согласію ихъ съ Англіею, она, Франція, уже больше не намѣрена себѣ иного авантажа искать, какъ довольно нынѣ имѣетъ, и заключеннаго о барьерѣ трактата, учиненнаго съ Англіею, она, Франція, нарушить не похочетъ, и ни въ какое несогласіе съ нею, Англіею, она, Франція, нынѣ не поступитъ для установленія на тронъ принца Галлиса и къ окончанію послѣдняго своего намѣренія.

Министръ шведскій Пальмквистъ объявилъ уже предъ нѣсколькими днями свою полномочную и непрестанно бываетъ въ конференціяхъ съ министры французскими, также и аглинскими. О всѣхъ тѣхъ его интригахъ еще вскорѣ увѣдомиться не могъ, но слышу, что французскіе министры уже готовы, при окончаніи всѣхъ дѣлъ, вступить въ интересъ шведскій и, по гварантіи вестфальскаго мира, всѣ провинціи за шведомъ въ прежнемъ владѣніи непоколебимо содержать и гварантировать.

И помянутый Пальмквистъ прошлой недѣли говорилъ графу Цинцендорфу, есть ли имъ уже время вступать въ дѣла партикулярныя принцевъ неутральныхъ и гварантію вестфальскаго мира подтвердить. На что Цинцендорфъ, не хотя вступать съ нимъ въ тотъ дишкурсъ, сказалъ, что еще дѣла ихъ властныя требуютъ многаго труда и долгаго времени.

Министръ польскій графъ Вертернъ мнѣ сказывалъ, что онъ при многихъ случаяхъ рекомендовалъ интересъ короля своего министромъ аглинскимъ, которые ему съ немалою противностью отказываютъ, что королева ихъ всѣ интересы короля его оставила, для того что король намѣренъ сына своего принудить католицкую вѣру принять; того для всѣ интересы короля его будутъ оставлены. На что онъ, графъ Вертернъ, мнѣ объявилъ, что писалъ къ своему двору, чтобы король, ежели за благо изобрѣтетъ, далъ ему указъ объявить о вышепомянутомъ за неправое наслушаніе.

Послѣзавтрее возвращусь чрезъ Амстердамъ въ Гагу и буду смотрѣть,—ежели дѣла мирныя всѣ къ концу своему скоро приходить будутъ, то принужденъ буду въ Утрехтъ ѣхать и себя при томъ съѣздѣ объявить.

О священникѣ, когда корабельный отпускъ будетъ, по указу отпущенъ будетъ.

Прошу ваше превосходительство, извольте опредѣлить кого ни есть, какъ обыкновенно у всѣхъ здѣсь, дворянъ человѣка четыре токмо для перваго пріѣзда; а безъ нихъ быть неможно, для того что съ перваго пріѣзда установленъ пріемъ въ визитахъ съ жентиломами. И того для хотя недѣли на двѣ изволите приказать быть при мнѣ изъ здѣшнихъ молодого шляхетства, которые въ Амстердамѣ, и тѣмъ отъ дѣла своего отлучены быть не могутъ, и къ практикѣ своего дѣла могутъ отсель свободны быть; но все то оставляю въ разсужденіе вашего превосходительства.

988. Князь Б. И. Куракинъ—царевичу Алексѣю Петровичу.

1713 г. [января 30].

Получа всемилостивѣйшій вашъ указъ, отъ 8 генваря, и по оному все исправлено будетъ. И сервизъ уже начатъ дѣлать; и буду смотрѣть, какъ возможно, чтобъ исправить дешевле. Также и другую покупку, исправя, пришлю; а чаю отправить будущаго марта все то въ Ревель, ежели способа не найду,— и до самаго Санктъ-Петербурга.

989. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 1. Гага.

Возвратясь изъ Утрехта третьяго дня, статскому президенту г. ванъ-деръ-Лиру грамоту его царскаго величества подалъ, которая приналежитъ въ дѣлѣхъ турецкихъ, и на ту буду впредь требовать отвѣта, который отвѣтъ будетъ учиненъ токмо для одной формы. А уже указы къ послу ихъ, дѣйствительно, давно посланы, о которыхъ вашему превосходительству извѣстно, на которые больше непотребно требовать, развѣ въ подтверженіе, въ чемъ престережено не будетъ.

Г. де-Литу грамота послана, и будемъ въ семъ дѣлѣ съ нимъ сноситься, и впредь вашему превосходительству писать.

Священникъ Аѳанасій будетъ по указу отправленъ на корабляхъ; а что̀ ему дано будетъ на проѣздъ, впредь донесу.

Четвертаго дня явилось здѣсь семь человѣкъ офицеровъ, которые мнѣ подали письмо вашего превосходительства, что велѣно мнѣ по указу его царскаго величества ихъ рекомендовать въ службу здѣсь генераломъ, о чемъ стараться буду; токмо чаю,—сей весны миръ учинится, и дѣла имъ здѣсь не будетъ, то исправлю по указу.

За отходомъ скорой почты не могъ исправиться всѣ обстоятельно донести имѣющія конференціи послѣдняго дня въ

Утрехтѣ съ бискупомъ бристольскимъ и милордомъ Страффордомъ, о чемъ буду доносить на предбудущей почтѣ.

Полиньякъ, министръ французскій, позванъ ко двору, и третьяго дня изъ Утрехта въ Парижъ поѣхалъ. Отъѣздъ его многимъ разсужденіемъ есть, но чаемъ больше всего для инструкцій вновь мирныхъ дѣлъ.

990. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. февраля 3. Фридрихштатъ.

Указалъ его царское величество къ милости вашей писать, дабы вы о городѣ Ригѣ, чтобъ оный вольнымъ оставить подъ протекціею короля польскаго, какъ Гданескъ, такое же предложеніе учинили, которое велѣно вамъ, по письму моему изъ Ренсбурга, подъ нумеромъ 2-мъ, ратпенсіонарію отъ себя объявить и агличаномъ, кому вы за благо разсудите, при разговорѣхъ же публичнымъ образомъ, такожде дабы и увѣдать о томъ ихъ мнѣніе. И чтó на сіе отъ оныхъ въ отвѣтъ получите, о томъ извольте къ намъ писать.

Объявляю вашей милости симъ въ извѣстіе. Когда царское величество и королевское величество датскій, по воспріятомъ маршѣ отъ Ренсбурга, о которомъ я напредь сего къ вамъ писалъ, переправясь рѣку Трену въ двухъ миляхъ отъ Фридрихштата генваря 30 дня, пришли съ арміею въ Гузомъ, то получена [была] вѣдомость отъ взятыхъ въ полонъ шведовъ, которые близъ того города стояли на пасѣ на караулѣ, а именно—одного поручика и одиннадцати рядовыхъ, что непріятель стоитъ, расположась въ Эдерштедскомъ округѣ и на проходахъ, которыхъ только два къ нему обрѣтаются,—одинъ отъ Гузома подлѣ моря, другой при рѣкѣ Тренѣ къ Фридрихштату,—гораздо тѣсные и грязные, чрезъ дамы, и сдѣланы редуты и шанцы, и осажены оные людьми и пушками. Того ради по учиненному воинскому совѣту изволилъ его царское величество съ частью войска коннаго и пѣхоты идти 31 генваря изъ

Гузома къ рѣкѣ Тренѣ въ мѣстечко Швабштедъ для атакованія оттуда учиненныхъ шведскихъ при Фридрихштатѣ шанцевъ и редутовъ. А король датскій съ войски своими, такожъ и съ саксонскими, и съ 4-мя полками пѣхоты россійской остался при Гузомѣ противъ помянутаго другого паса, дабы чрезъ оный непріятель не прошелъ. И непріятель, видя приближеніе нашихъ войскъ, заперъ тотчасъ всѣ обрѣтающіяся кругъ себя слюзы, отчего не токмо рвы, но и всѣ луга и поля наполнилися водою, и токмо остался отъ Швабштеда къ Фридрихштату одинъ вышеписанный путь чрезъ дамъ, который гораздо узкій и грязный, и учинены на немъ редуты съ пушками. И 1 февраля, поутру рано, его царское величество изволилъ идти съ частью конницы и пѣхоты изъ помянутаго мѣстечка къ Фридрихштату тѣмъ дамомъ на непріятельскіе редуты, и непріятель у тѣхъ редутовъ жестоко отъ насъ держался, но, однакожъ, оные отъ нашихъ по многой стрѣльбѣ взяты. И при той акціи непріятелей побито немалое число, да въ полонъ взято солдатъ и кавалеріи больше трехсотъ человѣкъ, межъ которыми много и нынѣ еще оныхъ по нѣскольку наши приводятъ, ибо они, шведы, по той акціи разбѣжались съ редутовъ врознь по деревнямъ. А нашихъ при томъ убито: 1 поручикъ да 1 рядовой, да ранено: 1 капитанъ и 4 рядовыхъ.

По взятіи вышеписанныхъ редутовъ, его царское величество изволилъ прибыть того же дня въ Фридрихштатъ, куда и армія вся пришла и стала кругъ сего города по деревнямъ. И вчерашняго же дня отправлены три полка пѣхоты нашей съ генераломъ-маеоромъ Лесли для занятія у непріятеля поста, отсюда въ полумилѣ, въ село Витвартъ. А напредь той пѣхоты пошелъ генералъ-поручикъ Бауръ съ кавалеріею россійскою предъ самого непріятеля, который обрѣтается отсюда, какъ сказываютъ, въ полуторѣ или въ двухъ миляхъ, со всею арміею при Гардингѣ, и стоитъ зѣло въ крѣпкихъ мѣстахъ, имѣя около себя весьма тѣсные проходы и дамы, и каналы, и поля, наполненныя водою, и учинены предъ нимъ на тѣхъ проходахъ многіе редуты съ пушками. Однакоже наши будутъ паки надъ

онымъ при помощи Божіей надлежащій промыслъ чинить. И, повидимому, непріятелю немочно никуда отъ насъ уступать и уходить, ибо чрезъ рѣку Эдеръ, которой ему одинъ путь есть, за разлитіемъ водъ невозможно переправляться.

991. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 3. Гага.

Я разсудилъ за потребно о посланной грамотѣ къ королевѣ аглинской министромъ ея здѣсь объявить и обстоятельно съ ними говорить, какъ его царское величество по обязанію мирнаго трактата съ Портою все исполнилъ, и изъ Польши россійскія войска уже предъ нѣсколькими мѣсяцы выведены, а по неправому доношенію посланнаго солохора въ Польшу нынѣ Порта неправедно вновь войну противъ его царскаго величества начинаетъ. Того для его царское величество есть надежнымъ, что ея королевино величество для пользы всего христіанства, притомъ и властнаго своего интереса, укажетъ послать указъ къ министру своему, дабы трудился къ примиренію сей новой войны.

И потомъ мнѣ отвѣтствовалъ бискупъ бристольскій, что учинитъ доношеніе своему двору и надѣется, что его королева себя къ интересамъ его царскаго величества склонна явитъ.

Потомъ милордъ Страффордъ говорилъ по обыкновенной своей смѣлости, что онъ, милордъ, подъ сумнѣніемъ былъ, чтобъ его царское величество въ семъ дѣлѣ при Портѣ требовалъ чего отъ его королевы, для того, какъ слышитъ онъ, милордъ, о наслушаніи отъ всѣхъ имъ противной партіи, при нынѣшнимъ случаѣ, будто, она, Англія, весьма къ предосужденію всѣхъ интересовъ его царскаго величества является. И то наслушаніе есть неправое, и Англія никогда къ предосужденію его царскаго величества интересомъ не чинила и чинить не будетъ для своихъ властныхъ интересовъ, какъ для коммерціи, такъ и [для] другихъ. И притомъ просилъ меня, чтобъ я особливе донесъ его царскому величеству, что онъ именемъ королевы своей обнадеживаетъ его величество,

что весьма королева его не есть противна, но паче склонна къ интересамъ его царскаго величества.

А что принадлежитъ до интересовъ шведскихъ, то онъ, милордъ, топерь мнѣ объявляетъ натурально, что Англія никогда не похочетъ видѣть въ разореніи и безсиліи корону шведскую. И подлинное есть намѣреніе ея, Англіи, чтобы потенціи въ сѣверѣ содержать попрежнему въ балянціи, въ чемъ она, Англія, и резонъ имѣетъ. И притомъ говорилъ, что онъ, милордъ, находитъ сходно, чтобы трудиться къ примиренію сѣверной войны, и они къ тому весьма свое намѣреніе имѣютъ, для того, чтобы, прекратя имъ свою войну съ Франціею, покойнымъ быть и коммерціо свое вольное вездѣ имѣть. И объявилъ мнѣ, что министръ шведскій Пальмквистъ имѣетъ указъ отъ короля своего трудиться за прелиминаріи къ миру постановить съ королемъ датскимъ травендальскій трактатъ, а съ королемъ польскимъ — альтранштатскій. И о первомъ разсуждаетъ онъ, милордъ, что могло бы принято быть безъ труда; а о другомъ великую находитъ трудность, чтобы прежде мира король Августъ уступилъ корону польскую. И хотя то уступленіе могло бы сдѣлаться при мирныхъ трактатахъ, токмо въ прелиминаріяхъ учинить ему, королю польскому, никоими мѣрами невозможно. И о томъ онъ, милордъ, Пальмквисту довольно говорилъ. А что приналежитъ къ его царскому величеству, то онъ, милордъ, великую трудность находитъ, что его величество намѣренъ все то удержать въ своемъ владѣніи, которое завоевалъ отъ короны шведской; а противно тому король шведскій весьма ни малой черты уступить не хочетъ. И какъ онъ, милордъ, чаетъ, Ливонія отъ короны шведской на конецъ сей войны отлучена быть не можетъ. И надѣется онъ, милордъ, что его царское величество можетъ быть удоволенъ Петербургомъ, и какъ о томъ намѣреніи уже будто они есть извѣстны.

Я на всѣ тѣ его слова съ должными резонами отвѣтствовалъ, продолжая нарочно, хотя вѣдать больше о всѣхъ тѣхъ ихъ намѣреніяхъ. И говорилъ, что ежели-бъ отъ сего времени шесть лѣтъ назадъ, до понесенныхъ великихъ убытковъ отъ

продолженія войны короля шведскаго, а паче отъ великихъ убытковъ, учиненныхъ отъ войны турецкой, могло бы быть, что царское величество наслѣдственными своими возвращенными провинціи и еще къ тому нѣкоторыми въ прибавокъ въ награжденіе военныхъ убытковъ удовольствовался, но нынѣ весьма безъ награжденія, уравненнаго убыткомъ, трудно его царскому величеству такой миръ учинить.

Потомъ онъ, милордъ, прекратя тѣ слова, говорилъ о положеніи тѣхъ провинцій и разстояніяхъ между Петербурга и Нарвы, также и Ревеля, и Риги, и о Нарвѣ гораздо умножалъ въ своихъ словахъ, что есть обѣимъ потенціямъ нужна та фортеція по ситуаціи мѣста. И на конецъ конференціи при отходѣ моемъ просилъ повторительно обнадежить его царское величество, какъ выше объявлялъ, а о дѣлѣ турецкомъ хотѣлъ учинить доношеніе двору своему.

Изъ всѣхъ тѣхъ его разговоровъ самое ихъ то намѣреніе признаваю въ тѣхъ дѣлѣхъ, что уже съ министры францускими и шведскими конечно нѣчто между ними трактуется, и датскому и польскому, посему вижу, предложенія весьма есть. А о польскихъ еще наипаче признаваю изъ всѣхъ ихъ со мною неоткровенныхъ поступковъ, что они сами у нихъ, аглинскихъ министровъ, мира партикулярнаго ищутъ. И буду смотрѣть, что́ изъ сего будетъ впредь происходить.

Вчерась получилъ я вѣдомость изъ Утрехта, что министры французскіе на сей недѣлѣ намѣрены предлагать всѣмъ аліатомъ, что король ихъ гварантиромъ былъ трактата вестфальскаго, и того для нынѣ по оному содержать все хощетъ, и чтобы въ имперіи провинціи, приналежащія къ коронѣ шведской, были попрежнему содержаны, и нынѣ вновь при семъ трактатѣ гварантировать, а особливе завоеванную провинцію, дукатство бременское, отъ датскаго короля возвратить. И будемъ смотрѣть, ежели такія предложенія учинены будутъ, и что́ изъ того будетъ послѣдствовать.

Я какъ могу видѣть и по должности своей долженъ доносить, что при всѣхъ такихъ случаяхъ мы съ своими союзники

ни на кого уповать не можемъ, кто бы намъ былъ помощникомъ: впервыхъ, министры цесарскіе, видя свое безсиліе, въ дѣлѣхъ весьма менажируютъ шведа; здѣшніе Господа Статы хотя бы что и намѣрены въ нашъ интересъ учинить, но сами въ безсиліи находятся и во всемъ по повелительству аглинскому являются.

Пальмквистъ, министръ шведскій, съ другими министры принцевъ протестантскихъ, что приналежитъ къ релижіи, уже почитай къ концу своему привели, и четвертый артикулъ трактата рисвикскаго будетъ отставленъ.

Должность моя вашему превосходительству донести о г. Литѣ, что во всѣхъ своихъ письмахъ пишетъ ко мнѣ о своемъ отзывѣ отъ того двора, и объявляетъ, что ежели не получитъ о томъ указа, то весьма намѣренъ сего февраля или марта, оставя ту свою резиденцію, ѣхать и причину тому объявить. Я желаю, чтобы сего не допущено было, для того что можетъ великій стыдъ изъ сего быть, и придастся многимъ худое мнѣніе, [такъ]-что впредь трудно въ службу его царскаго величества добрыхъ людей находить. Я, по указу, на его мѣсто довольно искалъ, токмо сыскать не могъ, чтобы годнаго человѣка и вѣрнаго въ то употребить.

По указу офицеровъ по се число нѣсколько годныхъ пріискалъ, о которыхъ при семъ объявлю: въ службѣ статской генералъ-маеоръ графъ Штейнъ отъ кавалеріи, который прошлаго года въ экспедиціи былъ во Францію по самый Парижъ, объявилъ себя готова въ службу его царскаго величества за генерала-лейтенанта, токмо ежели миръ здѣсь съ Франціею учиненъ будетъ; полковникъ отъ артиллеріи Вержиръ, который при всѣхъ атакахъ сей войны былъ здѣсь, и человѣкъ искусный; оберъ-инженеръ Гертеръ, также искусный человѣкъ. Всѣ тѣ въ службѣ статской, и обѣщаютъ идти въ службу его царскаго величества, ежели миръ здѣсь учинится.

И когда вступятъ въ контрактъ, требуютъ отъ меня, чтобъ имъ сообщилъ полную мочь, по чему я долженъ съ ними тотъ контрактъ учинить, и, по учиненіи тѣхъ контрактовъ, подтвер-

жено бы было подписаніемъ властныя руки его царскаго величества. А о запросахъ своихъ мнѣ не объявляютъ, но желаютъ прежде вѣдать отъ меня объ окладахъ такихъ чиновъ его царскаго величества жалованья; о чемъ я предъ нѣсколькими почтами къ вашему превосходительству писалъ, чтобъ оклады отъ генерала-лейтенанта и до полковника мнѣ дать знать, и впредь того буду ожидать. А еще впредь что офицеровъ пріискано будетъ, впредь буду доносить.

992. Князь Б. И. Куракинъ—А. А. Матвѣеву.

1713 г. февраля 6. Гага.

Дѣла мирныя въ Утрехтѣ приходятъ къ своему концу, и со стороны аліатовъ нѣтъ ни одного,—желаютъ какъ наискорѣе прежде кампаніи миръ заключить. Но теперь продолжается со стороны Франціи, и отзывъ г. Полиньяка многому разсужденію есть. И хотя не подлинно, но слышимъ, что будто на его мѣсто будетъ аббе Помпонъ. И ежели оный правдиво назначенъ, то весьма Франція продолжать негоціацію будетъ до весны. И уже есть видъ многій къ осадѣ Монса.

Изъ Англіи пишутъ: секретарій Гаррисонъ, посланный съ трактатомъ, заключеннымъ о барьерѣ, въ Англіи былъ; и будемъ ожидать на тотъ ратификацій, и ежели будетъ сообщенъ парламенту. Однакоже многіе подъ сумнѣніемъ есть, чтобы парламентъ могъ начаться, преже нежели генеральный миръ учинится.

Статы Голландскіе уже третій день въ собраніи есть для помянутой же взаимной ратификаціи о барьерѣ, на которую безъ труда позволятъ.

Трупы датскіе уже въ маршѣ обрѣтаются, также и дукъ Вюртембергъ скоро отъѣзжаетъ; а саксонскіе и ганноверскіе, хотя съ трудомъ, однакожъ еще удержаны.

993. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Трубецкому.

1713 г. февраля 7. Гузомъ.

Его царское величество повелѣлъ мнѣ къ вамъ писать, что понеже въ инструкціяхъ вамъ написано, чтобы вы королевскому величеству польскому и речи посполитой о Ригѣ при случаѣ, а именно, когда съ польской стороны домогаться и того требовать будутъ, объявили, что для лучшаго въ отдачѣ впредь увѣренія соизволяетъ царское величество въ тотъ городъ нѣсколько гарнизона польскаго впустить (которое предложеніе отъ васъ тотчасъ сейму было-ль, о томъ вы еще къ намъ не писали),—а нынѣ предлагалъ здѣсь его царскому величеству графъ Флеммингъ, дабы въ вящшее увѣреніе королю его и речи посполитой позволить нынѣ рижаномъ и лифляндцомъ въ вѣрности учинить присягу. Того ради вы о семъ его королевскому величеству и речи посполитой предложили бы соизволеніе его царскаго величества двѣмя нижеписанными образы, а именно:

1. Его царское величество, въ увѣреніе своего обѣщанія, позволяетъ нынѣ ввесть въ городъ Ригу его королевскому величеству и речи посполитой часть гарнизона своего и онымъ тамъ купно съ гарнизономъ его царскаго величества быть, однакоже подъ такою, именно, кондиціею, что онымъ ни во что до скончанія сей войны не вмѣшиваться, ни отъ жителей или земли что требовать, но такъ, какъ въ залогѣ, для увѣренія тамъ быть.

2. А ежели его королевское величество и речь посполитая, оставя то, требовать будутъ, чтобы, по предложенію графа Флемминга, рижскіе жители и лифляндская шляхта его королевскому величеству и речи посполитой нынѣ присягу учинили, то его царское величество и на то соизволяетъ, чтобы помянутымъ имъ присягу учинить, что оные, по скончаніи сей съ шведомъ войны, его королевскому величеству и речи посполитой вѣрны и послушны быть хотятъ; а между тѣмъ и до оконча-

нія сей войны по прежней учиненной присягѣ его царскому величеству вѣрны и послушны будутъ.

И ежели сіе послѣднее за благо примутъ, то могутъ его королевское величество и речь посполитая кого съ полною мочью отправить, чтобы такую присягу, какъ выше объявлено, отъ рижскихъ и лифляндскихъ жителей принялъ. Но въ обоихъ сихъ случаяхъ, на который бы изъ тѣхъ двухъ пунктовъ ни поступали, надлежитъ королю и речи посполитой письменно обязаться, что, по скончаніи съ шведомъ войны, имъ того города Риги ни подъ какимъ предлогомъ коронѣ шведской, ни иному никому не отдавать; такожде, чтобъ оные за такую его царскаго величества уступку его царскому величеству при настоящей отъ турокъ начатой войнѣ по имѣющему союзу должное и дѣйствительное вспоможеніе учинили, какъ то́ въ вашей инструкціи вящше и обстоятельнѣе изображено.

994. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 7. Гага.

Въ дѣлахъ мирныхъ въ Утрехтѣ вновь ничего не произошло, какъ доносилъ прежними моими, но ожидаются отповѣдь изъ Франціи на дѣла о Каталоніи, также изъ Англіи ратификаціи на трактатъ заключенный барьера.

Третьяго дня Статы въ собраніи своемъ на предложеніе министровъ аглинскихъ взяли резолюцію дать пашпорты министрамъ гишпанскимъ короля Филиппа для пріѣзда ихъ въ конгрессъ утрехтскій, а въ пашпортахъ написать, не именовавъ короля ихъ, токмо властныя ихъ имена, какъ дука д'Оссона и марки Монтеліонъ. И тѣ пашпорты уже даны, которыхъ прибытія въ Утрехтѣ будемъ ожидать вскорѣ.

Агентъ Фанденбургъ, третьяго дня прибывъ сюда, учинилъ мнѣ рапортъ, что купцы голландскіе Пельцъ и Десесъ какъ въ пристани амстердамской, такъ и во Фризіи, въ пристани города Гарлингена закупаютъ фуражъ и провіантъ сол-

датскій многое число и грузятъ на шмаки для отправленія въ Голштенію, въ пристань Тонингъ, для субсистенціи арміи шведской, которые по десяти дняхъ или двухъ недѣляхъ въ путь идти намѣрены. Того для былъ я вчерашняго числа въ конференціи съ ратпенсіонаріемъ, которому предлагалъ, чтобы тѣмъ купцамъ воспретить и указомъ статскимъ заказать, вмѣняя непріятеля осажена. И хотѣлъ Статомъ рапортъ учинить, и притомъ говорилъ, что онъ трудность находитъ немалую, чтобы Статы могли воспретить купцамъ своимъ торгъ имѣть, и хотѣлъ мнѣ отвѣтствовать.

Я, чая здѣшняго продолженія, помянутому агенту велѣлъ трудиться у магистрата амстердамскаго, хотя, ежели публичнымъ указомъ не могутъ въ томъ воспретить, подъ какимъ ни есть претекстомъ нѣкоторое время удержать.

Я слышу, что въ Глюкштатѣ есть нѣсколько фрегатовъ короля датскаго, и ежели-бъ онымъ вскорѣ возможно выйти и противъ той пристани тонингской стоять, и тѣмъ тѣхъ шмаковъ проходъ пресѣчь.

Поздравляю ваше превосходительство съ счастливою акціею, взятіемъ города Фридрихштата, и прошу ваше превосходительство обстоятельнѣе впредь приказать отписать, что̀ будетъ происходить въ военныхъ дѣлѣхъ.

Получилъ я челобитную отъ навигаторовъ и съ росписью ихъ жалованья, которую при семъ посылаю. И буду ожидать указа для того, чтобы въ продержаніи ихъ здѣсь бо̀льшаго убытка не понести.

995. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 10. Гага.

Въ дѣлахъ мирныхъ въ Утрехтѣ больше не поновилося, какъ я послѣднимъ своимъ доносилъ; токмо-что французскіе цесарскимъ вновь предложили, что король ихъ дукатство люксембургское отдаётъ дуку баварскому въ награжденіе за пала-

тинатъ Верхняго Рена, а ежели домъ аустрійскій помянутое дукатство похочетъ имѣть себѣ, то долженъ заплатить помянутому дуку баварскому въ награжденіе девять милліоновъ.

Всѣ дѣла въ Утрехтѣ въ большомъ молчаніи есть для отъѣзда аббата Полиньяка, который при отъѣздѣ своемъ о всѣхъ дѣлѣхъ взялъ на доношеніе своему двору, и оттуль будетъ ожидаться по его пріѣздѣ отповѣдь.

Объ интригахъ и проектѣ слышу здѣсь, который Англія съ Францiею дѣлаетъ въ интересъ шведскій, видя въ нынѣшнемъ случаѣ Штенбока съ войски шведскими въ самой тѣснотѣ и чая ему самаго разоренія. Того для въ сикурсъ помянутому Штенбоку предлагаютъ прусскому двору, чтобы, собравъ войскъ своихъ нѣсколько тысячъ, въ интересъ шведскій помогъ и того Штенбока съ войски освободилъ. И за то ему, прусскому, обѣщаютъ она, Францiя, и Англія въ награжденіе учинить нѣчто по его претензіямъ въ генеральномъ мирѣ. И о семъ министры французскіе съ аглинскими министрамъ прусскимъ предложеніе чинили.

Я изъ сего предложенія и интригъ французскихъ опасности не имѣю, для того что дворъ прусскій въ такое безосновательное дѣло себя не обяжетъ и не въ состояніи есть, чтобы могъ учинить. Также сумнѣваюся, чтобъ Англія мѣшала въ тѣ дѣла себя, еще не видя конца своимъ властнымъ дѣламъ.

Надѣюся, что агентъ Фанденбургъ будетъ къ вашему превосходительству писать изъ Амстердама, какую резолюцію возьметъ тотъ магистратъ на предложеніе его къ удержанію закупкой провизіи въ армію шведскую.

Дѣла здѣшнія нынѣ вновь являются быть премѣнными со стороны Франціи, и чаемъ, что кампанія начнется. Однакоже невозможно себя на томъ основать, того для здѣсь пріуготовленія скорыя къ кампаніи начали чинить, и уже вновь шесть милліоновъ въ лоттерею намѣрены Статы Голландскіе своею провинціею положить. Также, видя лукавство Франціи въ продолженіи сей негоціаціи, уже городъ Амстердамъ, который склоннѣе былъ всѣхъ въ миру, въ раскаяніе приходитъ и мѣры свои

иныя примаетъ. Токмо здѣшніе Господа со всѣми своими аліаты, хотя-бъ и съ Англіею соединясь вмѣстѣ, нынѣшней кампаніи противу Франціи могутъ быть дефенсиве. Однакоже не можемъ на тѣхъ всѣхъ новинахъ и разсужденіяхъ себя основать, для того что все мирное дѣло въ рукахъ Франціи есть, и ежели похочетъ, то въ скорое время миръ заключить можетъ.

О турецкихъ дѣлѣхъ здѣсь вѣдомостей уже чрезъ нѣсколько недѣль никакихъ не получили, и нѣчто чрезвычайнаго въ дѣлѣхъ тамъ признавается.

Вашего превосходительства письмо и съ приложенными, отъ 4 нумера, получилъ, и что приналежитъ о городѣ Ригѣ, то въ такихъ разговорѣхъ отъ меня партикулярныхъ, какъ мнѣ указъ повелѣваетъ, а не предложеніемъ, съ ратпенсіонаріемъ говорилъ, токмо время изыскиваю пространное взять его о томъ мнѣніе, чтобы подлиннѣе двору могъ донести; также и отъ аглинскихъ что мнѣніе ихъ увѣдаю, буду впредь доносить. Того для въ Утрехтъ по окончаніи сей недѣли на время поѣду. А еще вовся себя объявлять не хочу, не усмотря самаго времени, для того что дѣла непостоянныя есть. И опасаюсь, ежели кампанія съ Франціею продолжится, то я принужденъ буду великіе убытки въ тамошнемъ житьѣ понести безъ всякаго плода.

996. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 14. Гага.

О покупкѣ провіанта и фуража въ отпускъ въ шведскую армію въ Амстердамѣ и Фризіи, какъ я прежними доносилъ, на письма отсель тайнаго собранія бургумистры амстердамскіе отвѣтствовали, что они до сего числа ни о чемъ извѣстны не были. Токмо нынѣ увѣдомились, что помянутый купецъ Пельцъ, который коммиссію имѣетъ, купилъ 300 ластовъ ржи, которой часть нѣкоторую уже отправилъ въ Гамбургъ и въ Голштенію для прибытковъ своихъ, торгуя отъ себя, знавъ въ тѣхъ краяхъ великую дороговизнь при нынѣш-

нихъ случаяхъ; а отъ шведовъ о томъ никакой коммиссіи не имѣетъ. А изъ Фришля еще отъ магистрата отповѣди не получили.

Я съ польскимъ министромъ, сколько возможно, трудимся, чтобы въ отпускѣ тѣхъ припасовъ, какіе бы ни могли быть, заказъ учинить въ провозѣ до Голштеніи. И о публичномъ заказѣ великую трудность находятъ, а особливе о провинціи фришляндской, которая весьма съ нашими интересами не обязана есть. А въ Амстердамѣ, хотя не публичными указы, но другими образы къ нашему интересу престережену быть, къ чему отъ депутатовъ того города мы здѣсь обнадеживаніе нѣкоторое имѣемъ.

Сюда вскорѣ ожидается министръ отъ голштейнскаго дука, о которомъ слышу, что будетъ здѣсь предлагать жалобу на войска его царскаго величества, также и короля датскаго, и будетъ просить протекціи, и отсель вскорѣ отъѣдетъ въ Англію для той же жалобы и протекціи. Но я отъ здѣшнихъ Господъ въ той протекціи никакой опасности такъ не имѣю, какъ отъ Англіи. И уже въ послѣднихъ письмахъ сюда оттуль явилося, что тамъ вооружаютъ одну шквадру кораблей, и хотя заподлинно не вѣдаютъ, но признаваютъ, что оная будетъ отправлена въ Балтическое море.

Четвертаго дня чрезъ почту получена здѣсь вѣдомость, что шведскій гарнизонъ въ крѣпость дука голштейнскаго Тонингъ вошелъ, и посему здѣсь разсуждается, что непріятели въ лучшее состояніе пришли предъ тѣмъ, какъ въ крайней нуждѣ были; однакоже тѣмъ себя не освободятъ, но токмо время продолжатъ. Я сіе здѣшнихъ разсужденіе повиненъ доносить нарочно къ извѣстію, ка́къ разсуждаютъ о послѣдованіи впредь тѣхъ дѣлъ.

Топерь всѣ того чаянія, что его царское величество съ своими аліаты принудитъ непріятеля всею его арміею ретироваться въ ту помянутую крѣпость и потомъ бомбардировать. И хотя за великимъ у нихъ достаткомъ провіанта неможно ихъ тѣмъ къ сдачѣ принудить, но токмо кавалерію ихъ всю разорить и потомъ непріятеля блокировать довольно будетъ войскъ

датскихъ, которыя принудятъ къ сдачѣ и къ разоренію непріятельской арміи. Но, хотя-бъ и въ поле вышли, безъ кавалеріи не въ силѣ будутъ противу датскихъ войскъ стоять.

И того же дня помянутой почты въ письмахъ изъ тѣхъ голштейнскихъ краевъ сюда явилося, что опасаются, дабы союзники сѣверные за сдачу шведамъ того города Тонинга провинціи дука голштейнскаго мечомъ и огнемъ не разорили. И въ такомъ случаѣ, какъ здѣсь разсуждается, весьма Англія протекцію дастъ и къ отмщенію королю датскому прежде всѣхъ себя явитъ. Я не могу сказать и о здѣшнихъ, ежели по обязанію съ Англіею и имперіею въ то дѣло не вступятъ.

А ежели въ контрибуцію та провинція голштейнскаго дука положена будетъ въ продолженіе времени той при Тонингѣ атаки, и на ихъ проторяхъ войско содержано будетъ, то хотя здѣсь и будутъ довольно на насъ кричать и противны являться, токмо наружно, а не внутренно, не прямымъ ихъ намѣреніемъ, для того что не хотятъ видѣть при нынѣшнихъ случаяхъ, чтобы Штенбокъ свободныя руки имѣлъ, чего для Франція тогда паче себя не явитъ склонна къ миру, какъ уже и нынѣ нѣкоторые виды къ тому есть.

Министръ польскій баронъ Герсдорфъ, вчерашняго дня бывъ у меня, за секретъ объявилъ мнѣ, что Статы въ тайномъ своемъ собраніи взяли резолюцію дать указы полномочнымъ своимъ въ Утрехтѣ, чтобы, съ министры цесарскими согласясь, трудиться, какими-бъ образы возможно нынѣ при конгрессѣ утрехтскомъ воюющихъ сѣверныхъ примирить. На что я отъ него желалъ вѣдать, ежели та статская резолюція учинена по предложенію его, барона Герсдорфа. И сказалъ, что они, Статы, — усматривая своего собственнаго въ томъ интереса, а не по его предложенію.

Я хотя о томъ и въ Утрехтѣ увѣдомленъ былъ, что они, польскіе министры, ищутъ того, чтобъ о мирѣ сѣверной войны при нынѣшнемъ съѣздѣ въ Утрехтѣ предложено было, но нынѣ явно можно видѣть, что по ихъ предложенію то чинится, для того что мнѣ отъ собранія статскаго ничего по се число о

томъ не объявлено; но ежели-бъ они, Статы, отъ своей воли то намѣреніе имѣли, то бы, конечно, мнѣ такъ объявлено было, какъ и онъ, Герсдорфъ, о томъ вѣдаетъ. И предъ отпускомъ предбудущей почты буду нарочно говорить съ ратпенсіонаріемъ и другими и о томъ о всемъ и ихъ мнѣнія вѣдать; тогда пространнѣе о всемъ донесу.

Но мое мнѣніе о семъ мирномъ дѣлѣ есть такое, что Франція весьма къ окончанію сѣверной войны допускать нынѣ не будетъ и короля Августа на тронѣ польскомъ оставить не похочетъ, въ чемъ она, Франція, свой интересъ немалый усматриваетъ; а паче будетъ желать, чтобы сѣверная война продолжалася, отлуча датскаго короля.

Тотъ же помянутый баронъ Герсдорфъ мнѣ говорилъ, что онъ получилъ письмо изъ Англіи отъ министра своего, который ему объявляетъ, что онъ по указу короля своего съ министры того двора имѣлъ многія конференціи, на которыхъ просилъ королеву аглинскую, дабы при нынѣшнихъ случаяхъ въ интересъ короля его спомоществовать и дать указы къ министрамъ въ Утрехтъ; и не получа на всѣ тѣ предложенія отповѣди, онъ, министръ польскій, принужденъ быть на аудіенціи и о склонности ея, королевы, къ интересамъ короля своего просить. На что она, королева, ему отвѣтствовала, что она давно подозрѣніе имѣла и нынѣ заподлинно увѣдомилась, что король его намѣренъ принудить сына своего принять религію католицкую и донынѣ для того держитъ его въ Италіи, — того для она, королева, не будетъ никогда себя мѣшать въ дѣлахъ къ интересамъ его короля, чего для разсуждаетъ весьма ту премѣну въ религіи къ предосужденію интересамъ аглинскимъ. И притомъ объявила, чтобы король его сына своего изъ Италіи нынѣ взялъ и письменно-бъ её обнадежилъ, что сына своего курпринца содержитъ всегда безъ премѣны въ религіи протестантской. И съ тою отповѣдью тотъ министръ польскій изъ Англіи отправилъ нарочнаго къ королю курьера.

Я больше его, барона Герсдорфа, о причинѣ не хотѣлъ спрашивать, къ какимъ интересамъ склонности отъ королевы

требовалъ, для того, зная, что не что иное, токмо ищутъ, какимъ бы образомъ съ шведомъ примириться. И правда, ежели Англія въ сіе вступится, то свободнѣе всѣхъ можетъ учинить, и ея властный интересъ есть, чтобы короля Августа на тронѣ польскомъ видѣть.

Топерь напоминаю о маріажѣ принца эссенъ-кассельскаго, о чемъ я словесный указъ имѣлъ предлагать. И по пріѣздѣ своемъ къ нему писалъ, и обѣщалъ сюда быть въ шесть недѣль, и по се число еще не бывалъ; того для по се число медлилъ двору доношеніе чинить. И сумнѣваюся, чтобы сіе дѣло къ концу могло приведено быть, для того, какъ слышимъ, что наслѣдственный принцъ трактатъ маріажа на сестрѣ короля шведскаго учинилъ. И нашему намѣренію сіе дѣло, чаю, помѣшаетъ; а ежели тотъ принцъ сюда впредь прибудетъ, то предлагать буду.

Дѣла въ Утрехтѣ, по отправленіи прошлой почты, есть безъ всякой прибавки, токмо-что полномочные аглинскіе, получа ратификацію отъ двора на трактатъ барьера и гварантіи о сукцессіи, съ министры тамъ статскими размѣнялись.

997. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 17. Гага.

По указу его царскаго величества, чрезъ письмо вашего превосходительства, о Ригѣ многажды искалъ случая съ ратпенсіонаріемъ пространно говорить и о томъ намѣренія ихъ вѣдать, но его обыкновенное молчаніе въ такихъ деликатныхъ дѣлѣхъ до сихъ мѣстъ не допустило меня доношеніе двору учинить. Но вчерашняго числа принужденъ я былъ имѣть конференцію съ нимъ, пенсіонаріемъ, что приналежитъ о намѣреніи Англіи къ посылкѣ шквадры, и объ указѣ милорду Страффорду, чтобы здѣсь Статомъ предлагалъ, о чемъ пространнѣе изволите увидѣть изъ другого письма. И между всѣми о томъ и о другихъ дѣлѣхъ имѣлъ я довольный съ нимъ разговоръ о

Ригѣ въ той силѣ, какъ мнѣ указъ повелѣвалъ, отъ себя партикулярно, а не указомъ отъ двора, чтобъ, убѣгая всѣхъ трудностей съ обѣихъ сторонъ и не оставя себя подозрительными быть, ни отъ его царскаго величества, ни отъ Польши для удержанія за собою Риги, ежели бы помянутый городъ Рига на такомъ основаніи вольнымъ подъ протекціею короны польской, какъ Гданескъ, былъ оставленъ, пріятно ли бы то могло быть морскимъ державамъ, а особливе Господамъ Статомъ, за тую уступку его царскаго величества къ властному ихъ интересу для распространенія ихъ коммерціи въ Балтическомъ морѣ. И ежели-бъ его царское величество такое подлинное намѣреніе въ томъ имѣлъ, желалъ отъ него, пенсіонарія, вѣдать, что́ бы за такую склонность и уступку его царскаго величества въ интересъ Господъ Статовъ взаимно при мирныхъ сѣверной войны трактатахъ въ интересъ его царскаго величества учинили.

На что онъ мнѣ, ратпенсіонарій, разсуждая сказалъ: по всѣмъ обстоятельствомъ дѣлъ нынѣшнимъ видимо, что потенціи морскія не въ прежнемъ согласіи между собою есть, и трудно знать намѣреніе Англіи къ тому. Что же приналежитъ къ нимъ, голландцамъ, онъ, съ своей стороны, весьма въ томъ интересъ свой находитъ. И сказалъ, что надлежитъ прежде предусматривать, ежели время самое позволитъ такой миръ учинить, чтобы шведъ оставилъ Ригу и Ливонію, въ чемъ онъ есть подъ сумнѣніемъ, и не чаетъ, чтобы король шведскій безъ Ливоніи помирился, а особливе по премѣнѣ всѣхъ дѣлъ нынѣшнихъ между ими и Франціею и Англіею. Хотя заподлинно они вѣдать не могутъ, токмо есть слухъ, что между помянутыми потенціи и шведомъ учиненъ проектъ къ дѣламъ дальняго вида, что́ можетъ со временемъ оказаться не токмо къ предосужденію интересамъ сѣверныхъ аліатовъ, но и другихъ. И посему видно есть, что Англія ищетъ весьма не токмо отъ него, шведа, что́ убавить, но въ прежнее состояніе его возставить.

Потомъ я ему, ратпенсіонарію, съ своей стороны, напоминалъ его со мною бывшіе разговоры еще прошлаго года, что

онъ, разсуждая, находилъ свой интересъ, чтобы миръ въ сѣверѣ учиненъ былъ прежде ихъ съ Франціею мира. И тогда разсуждали, что къ примиренію той войны за упрямствомъ короля шведскаго нѣтъ иного способа, что аліатомъ, согласясь, его, шведа, къ миру принудить; такъ и нынѣ они, Статы, съ цесаремъ и цесарствомъ учинить то могутъ.

На что онъ, пенсіонарій, мнѣ отвѣтствовалъ кратко, что они не есть въ состояніи съ тѣми своими аліаты не токмо чужіе интересы престерегать и другимъ помогать, но и свои всѣ принуждены отдать въ руки Англіи, которая уже, не содержавъ въ своихъ рукахъ, упустила въ силу и волю Франціи, и что не могутъ уповать во всѣхъ своихъ нынѣ дѣлѣхъ на окончаніе благое, кромѣ самаго предосужденія. И потомъ окончалъ всю ту нашу конференцію послѣднимъ словомъ, что ежели-бъ они находили себя въ прежнемъ состояніи, могъ бы его царское величество конечно надѣяться, чтобы со стороны Господъ Статовъ къ предосужденію его величества ничего не было. И тѣмъ та наша конференція окончалася.

Съ министры аглинскими еще не говорилъ о Ригѣ, противъ указа, и на конецъ сей недѣли, бывъ въ Утрехтѣ, съ ними буду говорить и впредь буду доносить.

Въ ту же свою бытность у него, пенсіонарія, говорилъ, чтобъ отвѣтъ учинили на грамоту его царскаго величества, поданную чрезъ меня, о турецкомъ дѣлѣ, и противъ того бы, ежели за благо разсудитъ, публичный указъ къ министру своему въ Константинополь послать велѣли. На то сказалъ, что указъ министру своему тайный [дали] въ интересъ его царскаго величества довольный, о чемъ я прежде сего чрезъ него и грефія Фагеля увѣренъ былъ; а ежели публичный указъ послать, чтобы тѣмъ больше зла дѣламъ не сдѣлать, для того что Франція нынѣ при Портѣ въ великой силѣ есть и, увѣдавъ, можетъ больше прешкожать нашимъ намѣреніемъ, какъ нынѣ не такъ подозрительнымъ есть.

998. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 17. Гага.

Министръ польскій графъ Вертернъ, получа указъ отъ двора своего, оставляетъ свою коммиссію въ Утрехтѣ графу Лоняску, а самъ сегодня отъѣзжаетъ къ королю и больше сюда не возвратится.

И при отъѣздѣ своемъ вчерась и третьяго дня имѣлъ со мною нарочныя конференціи для вѣдѣнія мнѣ дѣлъ ихъ, чтó происходило въ бытность его въ Утрехтѣ. Предъ самымъ его отъѣздомъ, за день, министры аглинскіе, бискупъ бристольскій и милордъ Страффордъ, вступя съ нимъ, графомъ Вертерномъ, въ конференцію, объявили ему, что они получили чрезъ нарочнаго курьера указъ отъ королевы къ себѣ декляровать ему, графу Вертерну, именемъ королевы своей, что они, полномочные аглинскіе министры, силою того указа ему, графу Вертерну, декляруютъ, что ежели король его сына своего курпринца изъ Италіи вскорѣ не возьметъ и не оставитъ его въ релижіи протестантской, какъ былъ, а принудитъ его принять релижію католицкую (чего для королева ихъ заподлинно увѣдомлена о намѣреніи томъ чрезъ министра своего изъ Флоренціи), то Англія весьма противна интересамъ короля его будетъ и явно партію шведскую возьметъ, и непріятелемъ себя декляруетъ. И притомъ говорили они, аглинскіе министры, ему, графу Вертерну, чтобъ отправилъ съ тѣмъ нарочнаго курьера къ королю своему, съ чѣмъ того же дня и отправленъ.

Я, хотя вѣдать отъ него, графа Вертерна, обстоятельно причину того дѣла, для чего Англія въ такое домовное дѣло вяжется, чтó-было не прилежало ей никогда чинить,—на что мнѣ сказалъ, что Англія имѣетъ въ томъ желюзію, чтобы съ домомъ аустрійскимъ домъ саксонскій въ аліансъ свойствá не допустить; а паче сего, что она, Англія, ищетъ претекстъ, чрезъ что бы могла явнымъ образомъ шведу помогать. Притомъ же говорилъ, что чрезъ многихъ онъ увѣдомленъ, а нынѣ больше

по такому поступку Англіи можетъ завѣрно принять, что между шведомъ, Англіею и Франціею проектъ учиненъ, чтобы короля шведскаго ввести въ имперію и войну новую въ интересъ релижіи начать, и не могутъ къ начатію ближе иного канала найти, какъ Саксонію.

Я при семъ случаѣ нахожу себя такого мнѣнія, ежели возможно, чтобы короля Августа неотмѣнно содержать о сынѣ его въ томъ намѣреніи, въ которомъ до сего времени заставалъ, для того, ежели сынъ его приметъ релижію католицкую, изъ того весьма чаю быть нашего интереса для многихъ причинъ: впервыхъ, что уже всегда Саксонія непріятелемъ шведскимъ будетъ, также и обязаніе свойствóмъ съ домомъ аустрійскимъ намъ предосудительно не можетъ быть, а особливе при нынѣшнихъ случаяхъ; что онъ, король польскій, въ несогласіи съ Англіею будетъ, то лучше къ намъ невольною любовью привязанъ имѣетъ быть; а ежели онъ, король Августъ, съ Англіею въ согласіе придетъ, тогда къ бóльшей намъ опасности будетъ, чтобы партикулярнаго мира съ шведомъ при такомъ случаѣ, ежели турки войны не начнутъ, чрезъ посредство Англіи не учинилъ. А что хотя Англія нынѣ ему и угрожаетъ, но еще и свои интересы властные къ концу своему не привела. И трудно сказать, что здѣсь миръ учинится, къ чему многіе иного мнѣнія являются, и опасны, чтобы Франція кампаніи не начала.

Помянутый же графъ Вертернъ объявилъ мнѣ, что многократно съ министры аглинскими говаривалъ, чтобы вступали въ дѣла къ примиренію нынѣ сѣверной войны, на что они ему всегда отказывали. А бискупъ бристольскій впослѣдніе ему сказалъ, что нынѣ, не учиня своего мира прежде, о мирѣ сѣверномъ трудиться не будутъ; а по учиненіи своего мира, королева въ состояніи себя найдетъ по своему желанію ту войну прекратить. И между всѣхъ тѣхъ разговоровъ объявилъ ему онъ, бискупъ, что онъ заподлинно вѣдаетъ намѣреніе короля шведскаго, что никогда не помирится, ежели все отъ него взятое не возвращено будетъ отъ аліатовъ сѣверныхъ. И притомъ онъ, Вертернъ, разсуждалъ, что по всѣмъ разговоромъ его, би-

скупа, видится, что Англія съ Франціею въ согласіи дать шведу свободныя руки, чая его быть въ силѣ чрезъ армію Штенбока и турецкую войну,—и того для не будутъ искать способа къ примиренію той войны. А ежели тѣ оба упованія ихъ въ ничто обратятся, такъ-что война турецкая не начнется, Штенбокъ съ арміею разоренъ будетъ, то тогда будутъ въ дѣла сѣверныя къ миру вступать и медіацію свою предлагать.

Прошлой почтой увѣдомились, что король датскій во владѣніе свое взялъ провинціи всѣ дука голштейнскаго, изъ тѣхъ многимъ деревни подданнымъ своимъ раздаётъ. Здѣсь сія новина многимъ непріятна есть, и, конечно, ни сами Статы не поступятъ на то, чтобы допустили короля датскаго то дукатство подъ своимъ владѣніемъ имѣть.

И вчерашняго числа дука голштейнскаго министръ графъ Фандернатъ сюда прибылъ и, какъ слышу, будетъ многія жалобы чинить. Однакожс здѣсь всё то не произойдетъ такъ вскорѣ въ дѣйство, какъ въ Англіи, куда по нѣкоторыхъ дняхъ съ тою же жалобою отъѣзжаетъ.

Я по его туда пріѣздѣ опаснымъ есть, чтобъ Англія не отправила своей шквадры въ Зундъ, къ чему топерь претекстъ могутъ свободно сыскать по трактату травендальскому, въ которомъ она, Англія, и Голландія были гварантирами.

Министръ шведскій въ Утрехтѣ цесарскимъ и полномочнымъ статскимъ предлагалъ о партикулярномъ мирѣ съ датскимъ королемъ, котораго пропозиціи, хотя мимоходомъ, приняли. И весьма въ сіе дѣло партикулярнаго мира тѣ обѣ потенціи не вступаютъ, а особливе здѣшніе Господа Статы, развѣ по учиненіи своего мира, здѣсь вступятъ къ примиренію голштейнскаго дука, въ чемъ обязаны есть, яко гварантиры.

Заподлинно не могу знать, токмо слышу, что милордъ Страффордъ получилъ указъ отъ двора Статомъ объявить намѣреніе королевы его о посылкѣ эскадры въ Балтическое море, и чтобъ они, Статы, вѣдавъ, отъ того никакого подозрѣнія не имѣли. Я того для, упреждая, говорилъ съ ратпенсіонаріемъ, чтобъ искать способъ къ недопущенію той аглинской посылки.

На что мнѣ сказалъ, что онъ еще отъ милорда никакого предложенія не слыхалъ, и ежели предложитъ, то по его словамъ можетъ со мною о томъ говорить.

Также слышу, что дворъ аглинскій намѣревается г. Витворта послать во Гданескъ, чтобъ ему, бывъ, усматривать войну сѣверную, и когда время будетъ, то чрезъ него начнутся предложенія о мирѣ воюющимъ въ сѣверѣ, для того что его находятъ свѣдуща въ интересахъ войны въ сѣверѣ.

Здѣсь явилось въ письмахъ изъ Слезіи, что ханъ крымскій съ воеводою кіевскимъ побранился и посадилъ его за арестъ, и войска его всѣ разогналъ. Желаемъ конфирмаціи, чтобы то правда была.

Дукъ Вюртембергъ, генералъ въ службѣ датскаго короля, вчерашняго дня отсель отъѣхалъ до короля въ Голштенію.

О турецкихъ вѣдомостяхъ не могу доносить, что уже Статы многія почты отъ министра своего никакихъ писемъ не получили.

Указъ я имѣлъ писать во Францію объ архитекторѣ, котораго велѣно взять въ службу царскаго величества, и чрезъ все свое стараніе не могъ сыскать годнаго; а который былъ пріисканъ секретаріемъ Волковымъ, называемый Мероль, и тотъ также не ѣдетъ. О семъ дѣлѣ ожидаю послѣдней вѣдомости изъ Парижа.

999. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 20. Гага.

Въ дѣлахъ въ Утрехтѣ министры цесарскіе съ французскими о Каталоніи и о неутральствѣ въ Италіи во всемъ сходны явились, и сего дня тамъ надѣются сему трактату быть заключену. Содержаніе того: цесарь оставляетъ Каталонію и гарнизонъ свой изъ Барселоны выводитъ, но Франція обѣщаетъ свободный транспортъ всѣхъ войскъ цесарскихъ въ Италію, также и цесаревы. Италія оставляется въ неутральствѣ, и войны съ той стороны противу Франціи не будетъ, но цесарь во всѣхъ

тѣхъ провинціяхъ, которыя ему приналежатъ въ Италіи, больше не повиненъ держать своихъ войскъ и съ гарнизоны, какъ 20 тысячъ.

Хотя давно о тѣхъ интригахъ прусскаго двора было разглашеніе, что тотъ дворъ съ французскимъ трактуетъ о Верхней Гельдріи, но нынѣ то въ самомъ дѣлѣ объявилось въ Утрехтѣ между французскими и прусскими. Король прусскій проситъ у Франціи, вмѣсто княжества оранскаго, Верхнюю Гельдрію, которая прежде сего приналежала къ Брабанту во владѣніи короны гишпанской, и въ началѣ сей войны Статы Генералы всю ту провинцію взяли, и своими гарнизоны осадя, и по се число содержатъ; но Франція чужое, не имѣвъ въ рукахъ своихъ, нынѣ ту провинцію уступаетъ королю прусскому за эквивалентъ помянутаго княжества оранскаго. И по увѣдомленіи того дѣла, нынѣ Господа Статы здѣсь въ великій алярмъ пришли, что король прусскій трактуетъ съ Франціею о такой провинціи, которая въ рукахъ ихъ содержится гарнизонами. И та провинція Верхней Гельдріи всей Голландіи весьма есть нужна для прохода водяного Мозою рѣкою, также и въ Брабантѣ съ нѣкоторыми фортеціи, съ Мастрихтомъ, Льежемъ и съ другими, коммуникація пресѣчена будетъ; также и проходъ войскъ изъ имперіи въ Брабантъ и во Фляндры чрезъ ту провинцію бываетъ. А паче всего разсуждается изъ сего дѣла быть опасности той, чтобы король прусскій болѣе какого проекта съ Франціею не учинилъ и въ согласіе чрезъ сіе дѣло съ нею не пришелъ.

О дѣлѣ генеральнаго мира еще въ Утрехтѣ ничего не произошло за ожиданіемъ курьера изъ Франціи съ указы къ ихъ министрамъ по доношенію аббата Полиньяка.

Что приналежитъ къ интересамъ его царскаго величества и его аліатовъ, вновь здѣсь, по отпускѣ прошлой почты, ничего не поновилося, какъ я прежними своими доносилъ; токмо слышу, что король польскій вновь отзываетъ свои войска изъ службы здѣшнихъ. Я истинно доношу, чтобы, какъ возможно, при обоихъ тѣхъ дворѣхъ, датскомъ и польскомъ, трудиться на-

шимъ министрамъ, чтобъ они войска свои въ службѣ Господъ Статовъ на нынѣшнюю кампанію здѣсь оставили, и тѣмъ бы имъ, Статомъ, могли причесть обще мы въ великую облигацію и въ доброе согласіе къ своимъ интересомъ больше-бъ ихъ привели, хотя на конецъ сего мира лучше видѣть своихъ пріятелей въ бóльшей силѣ, нежели въ безсиліи, на кого бы при случаѣ въ своихъ интересахъ могли лучше уповать.

Я о семъ доношу пространно для того, что мнѣ довольно говорено отъ депутатства здѣшняго, а особливе отъ пенсіонарія, какъ я уже прежними объ отзывѣ датскихъ войскъ писалъ.

О голштейнскомъ дѣлѣ,—ни о посылкѣ шквадры изъ Англіи въ Балтическое море, ни здѣсь предложенія какого отъ милорда Страффорда еще по се число не явилося; токмо отъ времени до времени больше разглашается, что Англія и Францiя при датскомъ дворѣ примирить съ шведомъ трудятся.

Офицеры, посланные съ письмомъ вашего превосходительства, уже многіе сюда явилися, и о нихъ, сколько возможно, стараюся; и трехъ человѣкъ волонтерами въ полкъ инфантеріи генерала Фагеля отправилъ, токмо безъ денегъ своихъ быть никоими мѣрами невозможно. А чтобъ имъ сыскать службу въ офицеры, и тому невозможно статься, для того что не умѣютъ языка, также и офицеры здѣсь всѣ свои мѣста покупаютъ немалыми деньгами. И хотя волонтерами ихъ отправлять трудно, чтобы всѣхъ могъ управить, развѣ нѣкоторыхъ; того для прошу объ указѣ, ежели недостатокъ въ деньгахъ будетъ, чѣмъ имъ питаться. Но я и топерь иныхъ вижу въ великой скудости.

При окончаніи сего письма получили здѣсь вѣдомость о смерти короля прусскаго, чего для въ дѣлѣхъ надѣемся быть нѣкоторой малой премѣнѣ, а особливе больше чаютъ склонности кронпринца къ интересамъ аліатскимъ, нежели французскимъ.

Я въ доношеніи предъ симъ запамятовалъ написать, что датскому министру г. Розенкранцу въ Англіи статскій секретарій милордъ Болинброкъ такую же декларацію учинилъ,

что и польскому. И ежели король польскій намѣренія своего не премѣнитъ, то королева весьма противъ короля его явно въ интересъ Швеціи непріятельски поступитъ. А г. де-Литу никакой декляраціи не учинено, и посему не къ лучшему признаваю къ своимъ интересамъ.

Здѣсь чрезъ послѣднюю почту изъ Голштеніи явилося, что многіе необыкновенно переметчики есть изъ арміи непріятельской въ наши войска, между которыми нѣсколько и офицеровъ явилося. О семъ здѣсь разсуждается нѣкотораго вымысла отъ Штенбока, что онъ для недостатка провіанта нарочно дезерторами войска свои убавляетъ; а по свободѣ изъ нашихъ войскъ, оные явятся въ гарнизонахъ шведскихъ въ Висмарѣ и въ другихъ.

Въ тѣхъ же письмахъ является, что онъ, Штенбокъ, намѣренъ со всею своею арміею транспортировать себя въ бременскую провинцію, и будто нѣсколько судовъ при себѣ имѣетъ.

Здѣсь многія персоны изъ правительства ласкаютъ себя лучшей склонности быть нынѣшняго короля прусскаго, нежели отца его, и надѣются весьма, что факція французская при томъ дворѣ угаснетъ.

1000. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. февраля 20. Ганноверъ.

По письму вашей милости, № 4-ый, требованныя отъ васъ къ утрехтскому съѣзду полномочная и вѣрющія, противъ проекта вашего, написаны и при семъ къ вашей милости посылаются, и титулъ вамъ въ оныхъ тайнаго совѣтника данъ.

Что же вы требовали опредѣленія, какъ вамъ при съѣздѣ утрехтскомъ съ министры другихъ потенцій всей Европы себя содержать,—и его царское величество повелѣлъ мнѣ къ вамъ писать, дабы вы при томъ случаѣ съ министры всѣхъ потенцій содерживали себя въ равной мѣрѣ съ датскими министры, которые какъ будутъ въ мѣстахъ съ прочими поступать, то и вы

по тому равно по пристойности можете обходиться со всѣми. А хорошо бы по всякой возможности тѣхъ церемоній, притомъ ради всякихъ случаевъ, какимъ образомъ возможно миновать искать, что̀ наипаче полагается на ваше благоизвѣстное искусство. Въ прочемъ же, ежели сей миръ у союзныхъ съ Франціею на такомъ основаніи состоится, что дукъ д'Анжу Филиппъ королемъ гишпанскимъ, дукъ савойскій королемъ сицильскимъ, дукъ баварскій королемъ же сардинскимъ учинены и отъ цесарскаго величества и отъ всѣхъ державъ признаны будутъ, и вашей милости о томъ формальное объявленіе о нихъ учинятъ, то оныхъ такожде можете за королей признать.

Дворянъ для визитъ при томъ съѣздѣ съ другими министры указалъ царское величество взять вамъ къ себѣ 4-хъ человѣкъ изъ тѣхъ, которые нынѣ въ Голландіи обучаются навигаціи, кого вы за благо разсудите. И совѣтую я вашей милости, дабы вы изволили испросить впредь у его царскаго величества, чтобы при васъ изъ сихъ шляхтичей человѣка два всегда ради случающихся дѣлъ и пересылокъ обрѣтались, которые къ тому по вашему разсмотрѣнію будутъ потребны; ибо его царское величество нынѣ позволилъ такожде г. послу князю Долгорукову взять для такого случая къ себѣ изъ Голландіи Оладьина и другого еще пріискивать, которые бы всегда при немъ безотлучно были. И ежели кого изволишь выбрать, о томъ изволь къ государю отписать.

Хотя ваша милость имѣете у себя кондиціи, опредѣленныя съ нашей стороны къ миру съ шведомъ, въ которыхъ между инымъ о Ригѣ и Лифляндахъ написано, что оные его царское величество королю польскому и речи посполитой отдать обѣщаетъ,—однакоже, что̀ нынѣ о той провинціи въ подтвержденіе въ прежнихъ его царскаго величества объявленіяхъ къ князю Трубецкому, обрѣтающемуся нынѣ при польскомъ дворѣ, писано, съ того письма, для извѣстія вамъ, при семъ копія прилагается, по котораго содержанію при случаѣ, когда либо васъ о томъ союзничьи министры вопрошать или напоминать будутъ, можете по пристойности объявить, при какой резолюціи

его царское величество о Лифляндахъ пребываетъ; о чемъ я, такожде для извѣстія, и къ г. Матвѣеву писалъ.

Каково нынѣ послано отъ меня письмо къ г. де-Литу, такожъ при томъ и грамота отъ царскаго величества королевѣ великобританской, по желанію королевскаго величества датскаго, о намѣряемой посылкѣ кораблей аглинскихъ и французскихъ сюда къ Голштеніи на помочь шведамъ, съ тѣхъ при семъ, для извѣстія милости вашей, списки прилагаю. Изволите о томъ дѣлѣ поступать общимъ согласіемъ съ г. Литомъ, усматривая тамошнія состоянія, и какъ о томъ къ нему, Литу, въ письмѣ моемъ обстоятельно писано.

Посылаются при семъ къ милости вашей три паса корабельные, которыхъ вы требовали чрезъ письма свои къ царскому величеству. Такожде прилагаю, для извѣстія вамъ, копію съ грамоты царскаго величества, отправленной къ цесарю въ отвѣтъ на его грамоту, въ которой онъ писалъ о выводѣ войскъ нашихъ изъ имперскихъ провинцій, и [ежели] что-либо о семъ дѣлѣ отъ кого отзовется, то можете по содержанію сей царскаго величества грамоты отвѣтовать.

Царское величество изволилъ отъ арміи своей изъ Фридрихштата пойтить 14-го сего мѣсяца и третьяго дня сюда въ Ганноверъ прибылъ, а завтра изволитъ идти въ Вольфенбюттель на малое время и оттуда пойдетъ чрезъ Берлинъ въ Петербургъ. Того ради изволите впредь письма свои адресовать къ намъ чрезъ Берлинъ.

1001. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. февраля 23. Брауншвейгъ.

Принятъ нынѣ въ службу царскаго величества баронъ Шакъ, бывшій прежде въ службѣ датской, и отправляется отсюда въ Англію на мѣсто г. де-Лита. И ваша милость извольте ему, барону Шаку, дать изъ переведенныхъ къ вамъ съ Москвы денегъ за смолу пять тысячъ ефимковъ альберту-

совыхъ и въ прочемъ къ нему являть свою пріязнь, и имѣть съ нимъ корреспонденцію. Такожде изволите ему наставленіе учинить, какъ ему въ дѣлахъ при аглинскомъ дворѣ поступать надлежитъ.

1002. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 24. Гага.

Графъ Вандернатъ, министръ дука голштейнскаго, третьяго дня предлагалъ Статомъ о посылкѣ шквадры ихъ въ Балтическое море, сообщась съ аглинскою, что они, Статы, по обязанію своему, какъ есть гвараншрами трактата травендальскаго, должны ту эсквадру послать и датскаго короля изъ Голштеніи принудить выступить, и дуку его все и съ убытки возвратить. И то все его предложеніе взято на доношеніе въ статскомъ собраніи.

Я съ министромъ польскимъ противно сему, съ своей стороны, предлагаемъ, объявляя, что всему тому самъ онъ, дукъ голштейнскій, есть причиною, для чего гарнизонъ непріятельскій свободно впустилъ въ фортецію Тонингъ и непріятельски себя тѣмъ явилъ. И надѣемся, что помянутаго Вандерната коммиссія дѣйствительна такъ не будетъ, какъ въ Англіи, куда онъ въ скорыхъ дняхъ отъѣзжаетъ. И въ надѣяніи такомъ есть, что Англія конечно свою шквадру въ Балтическое море пошлетъ.

Помянутый Вандернатъ здѣсь разглашаетъ, что его царское величество съ королемъ датскимъ учинилъ проектъ, чтобы весною нынѣшнею частью россійскихъ войскъ учинить десантъ въ Шканію.

Въ прежнемъ письмѣ я объявлялъ, что французскіе съ цесарскими о Каталоніи и о неутральствѣ въ Италіи во всемъ сошлись, и чаяли, что оный трактатъ прошлой пятницы будетъ заключенъ. Но министры французскіе, хотя и на мѣрѣ тотъ проектъ поставили, подписать не похотѣли, ожидая министровъ гишпанскихъ, для того что тѣмъ гишпанскимъ ми-

нистромъ то приналежитъ учинить. Изъ сего признавается, паче со стороны французской къ продолженію времени.

Здѣсь со всякою прилежностью трудятся, чтобы прусскаго короля привести въ интересъ свой, и частыхъ курьеровъ туда отправляютъ. И, впервыхъ, ищутъ способъ, чтобы министерство король премѣнилъ, а особливе Ильгена и фонъ-Принца, которые факціи французской есть. А ежели оные министры премѣнены не будутъ, то, разсуждается, не къ пользѣ здѣшнихъ аліатовъ отъ того двора будетъ. И хотя нынѣ король прусскій по прежней своей склонности къ аліатомъ такимъ же себя показывать будетъ, и помянутые два министра для содержанія своего при немъ въ кредитѣ прямымъ образомъ къ предосужденію аліатовъ въ интересъ Франціи являться не будутъ,—но многіе разсуждаютъ, чтобы не начали его, короля, приводить въ интересъ шведскій, и въ войну бы сѣверную не замѣшались. И чрезъ то равное же предосужденіе аліатомъ учинено [можетъ] быть.

Я увѣдомился чрезъ нѣкоторыхъ персонъ: Господа Статы, ища способъ, чтобъ его, короля, привести сходна къ общимъ ихъ интересамъ, знавъ его охоту и склонность къ войнѣ, учинили проектъ къ цесарскому двору, дабы обще предлагать ему, королю, главную команду надъ войски въ имперіи при рѣкѣ Ренѣ или при Мозелѣ и собрать войскъ довольное число, а подъ командою его королевской особы первымъ командиромъ чтобы быть дуку Мальбургу такъ, какъ принцу имперскому, для того, зная склонность давнюю его, короля, къ нему, дуку, также и для добраго совѣта и удержанія отъ скорыхъ резолюцій.

Здѣсь на всѣ тѣ дѣла къ своимъ интересамъ упованіе имѣютъ на принца д'Ангальта, который у него, короля, есть фаворитомъ.

Графъ Тилли, генералъ командирующій арміи статской, по трехъ дняхъ въ войска отъѣзжаетъ, и двадесятое число указъ имѣютъ съ войски въ поле выступить. И больше здѣсь нынѣ о предбудущей кампаніи говорятъ, нежели о мирѣ. Однакоже будемъ смотрѣть, чтó Франція чрезъ ожидающаго курьера будетъ отвѣтствовать.

Изъ Англіи въ письмахъ объявляютъ, что никогда такъ не было вида къ революціи между тамошнимъ народомъ, какъ нынѣ; и чѣмъ парламентъ начнется, то многимъ премѣнамъ чаютъ быть, а особливе отъ бискуповъ и другихъ духовныхъ начнется.

О присланныхъ офицерахъ сюда еще напомяную вашему превосходительству, чтобъ изволили о нихъ опредѣлить.

О турецкихъ дѣлѣхъ Статы уже четыре недѣли не имѣли вѣдомости отъ посла своего.

Здѣсь въ тайномъ собраніи увѣдомленось заподлинно, что Франція короля польскаго къ своимъ интересамъ сходна привела и въ дѣла его вступила, и съ королемъ шведскимъ обѣщала примирить, содержа его на тронѣ польскомъ. Сія новина разсуждается гораздо быть сходна съ дѣломъ турецкимъ: ежели въ интересъ шведскій Порта не вступаетъ такъ, какъ она, Франція, и шведъ желали, то будутъ искать способъ такимъ образомъ, какъ выше явлено.

Къ сему же равно разсуждается премѣна его, короля польскаго, министровъ: изъ Утрехта графъ Вертернъ отозванъ, а Ланяско оставленъ, для того что есть внутреннимъ французомъ.

1003. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 27. Утрехтъ.

Здѣсь непрестанныя конференціи имѣютъ, токмо ни одно дѣло къ окончанію не приведено.

Трактатъ о Каталоніи и о нейтральствѣ въ Италіи еще по се число не подписанъ за ожиданіемъ указа изъ Гишпаніи къ министромъ французскимъ.

Пашпорты для пріѣзда министровъ гишпанскихъ третьяго дня аглинскіе, взявъ у министровъ статскихъ, отдали министромъ французскимъ, которые на-завтрее отправлены въ Парижъ, и посему чаемъ вскорѣ тѣмъ гишпанскимъ министромъ сюда быть.

Дѣла всѣ здѣсь главныя въ несходствѣ есть тѣ. У Англіи съ Франціею и съ Гишпаніею что̀ учинено, того знать не можемъ, кромѣ наружнаго, что уже гварнизоны она свои въ портѣ Магонъ и въ другихъ имѣетъ. Токмо слышимъ, что прииалежитъ о торгѣ, она, Англія, еще по се число съ тѣми потенціями ничего не учинила, а особливе тарифъ свой еще не подтвердила, который весьма противенъ есть интересамъ Франціи, и состоятеленъ быть не можетъ.

Съ Голландіею Франція о барьерѣ сходна есть. Токмо, что принадлежитъ къ тѣмъ завоеваннымъ мѣстамъ отъ нея, Франціи, въ уступку,—принадлежащія провинціи и каштелянства, съ которыхъ доходы немалые есть, такъ-что они, Статы, тѣми доходы могутъ содержать гарнизоны въ тѣхъ завоеванныхъ мѣстѣхъ,—и о томъ есть несходство; однакоже чаютъ въ томъ нѣкоторые средства сыскать къ удовольству обѣихъ сторонъ. А что принадлежитъ объ ихъ съ Франціею тарифѣ, то еще не начинали; а о торгѣ съ Гишпаніею оставлено до пріѣзда министровъ гишпанскихъ, съ которыми будутъ трактовать. И помянутымъ голландцомъ есть труднѣе всѣхъ дѣло здѣсь нынѣ, что Франція, не имѣвъ у себя въ рукахъ, чужое, а не свое, Верхнюю Гельдрію, уступаетъ королю прусскому вмѣсто княжества оранскаго. И нынѣшняго короля намѣренія еще не вѣдаютъ, и начаются здѣсь иного поступка къ своимъ интересамъ, нежели умершій король.

Что же принадлежитъ къ интересамъ дома аустрійскаго, и съ Франціею еще довольно трудностей осталося: впервыхъ, о Баваріи и о возвращеніи дука баварскаго въ первое его достоинство, также и о королевствѣ сардинскомъ въ награжденіе вмѣсто Верхняго Палатината,—и еще ни объ одномъ начала нѣтъ. О Баваріи чаютъ, что домъ аустрійскій возвратитъ, а чтобы въ первое достоинство допустить и быть первымъ курфюрстомъ, въ томъ не токмо цесарь, но и другіе всѣ курфюрсты противными есть и допустить не хотятъ.

Франція предлагаетъ,—когда цесарь не хочетъ уступать Сардинію, то чтобы возвращено было ему, дуку баварскому,

верхнее палатинство. Курфюрстъ палатинскій къ сему сходенъ является, токмо проситъ за награжденіе дукатство люксембургское, Намуръ и прочія. И къ сему ни Англія, ни цесарь сходны не являются.

А между цесарствомъ и Франціею ни мало сходности нѣтъ, такъ-что уповать неможно, чтобы Франція по ихъ запросамъ что̀ могла учинить; и какъ намѣрена барьеръ свой по рѣку Рену содержать, то и цесарство, наконецъ, принуждено будетъ на то позволить.

Между савойскимъ и Франціею тѣ дѣла къ концу своему уже приведены, и королевство сицильское за нимъ удержано будетъ, чего для и со стороны цесарской уже слабыя противности являются.

А что приналежитъ въ Италіи къ интересамъ цесарскимъ — дукатство мантуйское и другія,—и о томъ министры французскіе уже предлагаютъ, чтобы тѣ княжества домъ аустрійскій оставилъ во владѣніе принцевъ наслѣдственныхъ, кому приналежитъ, и феодами къ имперіи содержалъ, а не къ своему дому аустрійскому.

Интересы короля португальскаго оставлены трактовать съ министры гишпанскими, и чаю тѣмъ къ своему удовольству ничего не получить.

И по всему тому [можно] видѣть явно, что миръ прежде кампаніи заключенъ быть не можетъ, и намѣреніе Франціи по пріуготовленіемъ въ кампанію видится такое, что она, Франція, всѣ свои прогрессы хочетъ искать въ имперіи и чрезъ то цесаря и цесарство принудить къ такимъ кондиціямъ по своему желанію, въ чемъ оные нынѣ противны являются. А здѣсь разсуждается, что Франція кампанію въ Брабантѣ дефенсиве поведетъ, для того, чтобъ отъ голландцевъ изъ постановленнаго барьера чего не отлучить, и тѣмъ бы Англію не раздражить. Однакоже на сіе обманное разглашеніе здѣсь не уповаютъ и пріуготовленіе чинятъ, и принца Евженія на конецъ сего мѣсяца ожидаютъ.

Пріѣздъ мой сюда въ Утрехтъ нарочно для извѣстнаго дѣла,— что приналежитъ, о Ригѣ говорить постороннимъ образомъ съ

министры аглинскими, какъ мнѣ о томъ указъ повелѣвалъ. И съ бискупомъ бристольскимъ имѣлъ оказiю пространно о дѣлахъ говорить, однакоже, видя ихъ по всѣмъ словамъ противныхъ намъ, и того для сего времени упустилъ о той матерiи говорить до случая, а особливе при нынѣшнихъ новинахъ и перемѣнѣ дѣлъ турецкихъ въ нашъ интересъ; о чемъ не сумнѣваюся, что уже у двора есть извѣстiя. И въ такомъ случаѣ я разсудилъ, чтобъ имъ, аглинскимъ министромъ, ни мало въ разговорѣхъ не придать вида къ тому, что̀ бы къ миру войны сѣверной касалося. И ежели то правда,—чего отъ Вышняго просилъ,—что въ интересъ его царскаго величества при Портѣ учинено будетъ, то помянутые агличане, чаю, будутъ сами начинать говорить нынѣ о мирѣ сѣверной войны, а не такимъ образомъ молчать, какъ до сего времени были намѣрены, чая быть короля шведскаго воставлена въ силу. И того для хотѣли его оставить въ войнѣ, чрезъ что надѣялися ему прiйти въ прежнюю силу.

И при всѣхъ тѣхъ нынѣшнихъ конъюктурахъ будемъ отбѣгать, какъ возможно, отъ предложенiя ихъ о мирѣ сѣверной войны. Токмо паче всѣхъ опаснѣе, чтобы по слабымъ своимъ обыкновеннымъ поступкамъ король польскiй партикулярнаго мира не учинилъ, что̀ со стороны шведской при нынѣшнемъ случаѣ сходнѣе можетъ быть учинено, нежели прежнее упрямство не допускало того.

Разговоръ нашъ съ бискупомъ бристольскимъ состоялъ въ томъ, что̀ приналежитъ къ интересамъ Голштенiи и короля польскаго о сынѣ. Онъ, бискупъ, говорилъ, что королева его, по обязательству гварантiи трактата травендальскаго, понуждена будетъ въ тѣ дѣла вступить и дуку голштейнскому покой сыскать. Также и о сынѣ короля польскаго, что ежели перемѣнитъ религiю свою и приметъ католицкую, то весьма принуждена будетъ его королева интересы короля Августа не токмо оставить, но еще и противной явиться.

Я, съ своей стороны, ему объявлялъ, что миру травендальскому и ихъ, аглинской, гварантiи король датскiй не есть

нарушителемъ, но надобно смотрѣть причину, откуль начало сего дѣла произошло. И явно, что шведы первые нарушительми есть того трактата своимъ нападеніемъ въ Голштенію; также и дукъ голштейнскій самъ причину тому подалъ, что гарнизонъ шведскій допустилъ въ Тонингъ. Но ежели бы шведы сказали, что резонъ военный принудилъ ихъ вступить въ Голштенію, то равнымъ образомъ тотъ же резонъ военный и датскому королю позволяетъ то чинить. И особливе притомъ я ему, бискупу, говорилъ: „Я надѣюся, что его королева по домогательствомъ министра голштейнскаго никакихъ противныхъ мѣръ интересамъ его царскаго величества и его аліатомъ къ предосужденію не приметъ. А что принадлежитъ до короля польскаго въ интересахъ релижіи сына его, и въ томъ его царское величество не имѣетъ никакой причины мѣшаться въ тѣ дѣла релижіи; токмо, ежели что будетъ касаться интересовъ короля польскаго сѣверной войны, то его царское величество понужденъ будетъ, престерегая общій интересъ, самъ противнымъ образомъ явиться тѣмъ противнымъ воспріятіемъ, которыя общимъ интересамъ сѣверной войны ему и его аліатомъ откуль явятся".

На конецъ всѣхъ нашихъ разговоровъ помянутый бискупъ сказалъ, что его королева вмѣшать себя насильно въ дѣла сѣверныя не похочетъ, но будетъ искать способъ къ утишенію той войны съ удовольствомъ каждому.

Министръ ганноверскій баронъ Ботмаръ, вчерашняго дня бывъ у меня, сказалъ мнѣ за секретомъ, что онъ получилъ указъ отъ двора своего, чтобъ ему именемъ курфюрста своего предлагать здѣсь Статомъ, также и цесарскимъ министромъ, для умноженія войскъ ихъ, аліатскихъ, въ сю кампанію искать способъ просить войскъ въ ихъ, аліатскую, службу у его царскаго величества, такъ и у короля датскаго. И притомъ онъ, баронъ Ботмаръ, мнѣ объявилъ, — сіе отъ двора ихъ произошло по согласію съ его царскимъ величествомъ, и будетъ стараться, чтобы началося отъ Статовъ и отъ цесарскихъ министровъ мнѣ предложеніемъ. И ежели что мнѣ предложено будетъ, я, хотя не имѣвъ вновь указа, по данной мнѣ

инструкціи въ то дѣло буду вступать. И ежели еще къ тому бо́льшее намѣреніе его царскаго величества есть, то прошу мнѣ приказать указами вновь подтвердить и къ инструкціи, ежели что годнаго,—умножить. И въ предбудущую недѣлю онъ, баронъ Ботмаръ, хотѣлъ быть въ Гагу и помянутое предложеніе чинить.

По двухъ дняхъ отсель отъѣзжаю въ Гагу и буду временно здѣсь наѣздомъ къ престереганію своихъ интересовъ, а житьемъ себя не опредѣлю до тѣхъ мѣстъ, когда что коснется весьма къ нашимъ интересамъ.

Каковы новины здѣсь произошли о дѣлѣ турецкомъ. Въ письмѣ графу Цинцендорфу изъ Адріанополя писано,—22 февраля незапно премѣна при Портѣ учинилась: салтанъ посланному въ Бендеръ далъ указъ, чтобы короля шведскаго тотчасъ выслать, а ежели не поѣдетъ, взялъ бы его за арестъ, и намѣренъ послать въ одинъ островъ. Въ другомъ письмѣ объявляетъ: министръ шведскій Функъ и съ другими своей партіи того же дня взятъ за арестъ. Въ третьемъ письмѣ чрезъ Трансильванію является, что дѣла всѣ при Портѣ премѣнились, и войны противу его царскаго величества не будетъ, и пословъ его величества изъ семи туръ велѣно освободить.

Въ отбытность мою изъ Гаги ежели къ Статомъ пришла какая вѣдомость, о томъ буду, повратясь отсель, впредь писать.

1004. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. марта 2. Берлинъ.

Въ данной милости вашей въ Лейпцигѣ инструкціи написано, что когда, при случаѣ разговоровъ о мирѣ сѣверной войны, Соединенные будутъ упоминать о Лифляндахъ, то-бъ объявить имъ, что царское величество при прежней декляраціи пребываетъ уступить оные коронѣ польской. А потомъ къ милости вашей писалъ я изъ Ренсбурга, генваря отъ пятагонадесять дня, чтобы вы ратпенсіонарію, также и аглинскимъ при разговорѣхъ объявили, вывѣдывая ихъ мнѣнія, дабы городъ

Ригу оставить вольнымъ подъ протекціею польскою такъ, какъ Гданскъ. Но послѣ того король польскій и речь посполитая отъ его царскаго величества требовали, чтобы тѣ Лифлянды имъ нынѣ отдать, или бы, въ увѣреніе его царскаго величества имъ обнадеживанія, позволить нынѣ рижаномъ и лифляндцомъ учинить въ вѣрности имъ присягу.

И хотя царское величество весьма не намѣренъ той провинціи Лифляндіи при себѣ удержать, а имъ по обѣщанію своему уступить соизволяетъ; но понеже до окончанія сей съ шведомъ войны, за раздвоенными всегда въ Польшѣ партіями и за обыкновенными ихъ несогласіями, отдать имъ той провинціи его царское величество размышленіе имѣетъ и весьма за невозможно почитаетъ, дабы они какимъ случаемъ той провинціи паки, еще прежде окончанія сей войны, шведу (что̀ легко можетъ случиться) не отдали, для чего оную его царское величество при себѣ и содерживаетъ; того ради, въ увѣреніе королю и речи посполитой его царскаго величества въ отдачѣ оной провинціи обѣщанія, посланъ его царскаго величества указъ предъ недавними днями въ Варшаву къ г. князю Трубецкому,—велѣно ему королю и речи посполитой польской объявить о томъ соизволеніе царскаго величества нижеписанными двѣмя образы:

1. Что его царское величество позволяетъ нынѣ ввести въ Ригу королю и речи посполитой часть гарнизона своего и онымъ тамъ купно съ гарнизономъ царскаго величества быть.

2. А ежели король и речь посполитая, отставя сіе, будутъ требовать, какъ выше написано, чтобы жителемъ Лифляндіи учинить нынѣ имъ присягу, то его царское величество и на то позволилъ, дабы помянутымъ жителемъ имъ присягу учинить, что оные, по скончаніи сей съ шведомъ войны, королю и речи посполитой вѣрны и послушны быть хотятъ.

Нынѣ повелѣлъ его царское величество мнѣ писать, дабы вы о помянутой его царскаго величества деклараціи, которую учинить велѣно князю Трубецкому королю и речи посполитой польской о Ригѣ и Лифляндахъ, Голландіи и Англіи въ удоб-

ный [день], когда за благо разсудите, объявили. А когда станутъ они упоминать, чтобы Рига учинена была вольнымъ [городомъ] со стороны царскаго величества,—на то изволь отвѣтствовать, что намъ того учинить невозможно, для того что обѣщали оную отдать королю и речи посполитой, что̀ и учинили. А ежели объявить оный вольнымъ, то бы поляки приняли то за противность и за нарушеніе съ ними имѣющихъ трактатовъ, какъ и нынѣ турецкая война не отъ кого иного, токмо отъ нихъ наведена.

А что ты говорилъ о томъ имъ отъ стороны царскаго величества, то его царское величество чинитъ въ удовольство имъ, союзнымъ, и дабы они о семъ, ежели имъ то надобно, искали впредь у поляковъ, къ чему его царское величество, съ своей стороны, подъ рукою всякое вспоможеніе чинить не оставитъ.

Если между союзными и Франціею при мирныхъ трактатахъ будутъ говорить и о примиреніи сѣверной войны, то при такомъ случаѣ изволите отвѣтовать онымъ по данной вамъ инструкціи и, сверхъ того, въ прибавокъ, согласясь съ министрами датскимъ и польскимъ, имъ объявить, чтобъ, ежели до того дойдетъ, къ трактованію о томъ мирѣ опредѣлить къ съѣзду со всѣхъ сторонъ полномочнымъ онымъ мѣсто, городъ Гданскъ, который всѣмъ будетъ способный; а наипаче его царскому величеству, за отдаленіемъ его государства, изъ Петербурга ближе будетъ указы къ своимъ тамо полномочнымъ посылать.

1005. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. марта 2. Берлинъ.

Въ бытность его царскаго величества нынѣ въ Ганноверѣ отъ того двора при разговорѣхъ предложено, чтобъ его царское величество, по окончаніи въ Голштеніи при Тонингѣ дѣйствъ, изволилъ изъ арміи своей перепустить въ службу Голландіи нѣсколько инфантеріи, и что оное при нынѣшнихъ конъюктурахъ

за великую пріязнь его царскаго величества принять можетъ. И хотя того не объявили именно, однакоже можно изъ всего видѣть, что сіе они по желанію Голландіи говорили. На что его царское величество изволилъ имъ сказать, что ежели отъ турковъ никакой опасности не будетъ, такожъ и шведовъ Штенбоковъ корпусъ въ Голштеніи разорится, то его величество можетъ онымъ въ такомъ случаѣ изъ войскъ своихъ, сколько мочно, на ихъ заплату перепустить.

И того ради его царское величество повелѣлъ мнѣ къ вамъ писать. Когда вамъ о семъ отъ Голландіи, прямо или чрезъ ихъ союзниковъ, или чрезъ ганноверскій дворъ, предложеніе учинено будетъ, то изволите имъ объявить, что ежели турки отъ начатія войны совершенно удержатся, такожъ и шведовъ Штенбоковъ корпусъ въ Голштеніи разоренъ будетъ, то тогда соизволяетъ его царское величество перепустить Голландіи изъ арміи своей, которая нынѣ въ Голштеніи, шесть тысячъ инфантеріи и двѣ тысячи кавалеріи, не требуя никакихъ на то субсидій, только дабы они онымъ давали плату обыкновенную, квартиры, провіантъ и фуражъ, по тому основанію, какъ они другихъ державъ войскамъ, въ ихъ службѣ обрѣтающимся, даютъ. И когда къ тому помянутый случай явится, и Голландія того требовать будетъ, то можете съ ними о томъ въ трактаты вступать. И за перепускъ тѣхъ войскъ вамъ притомъ требовать, дабы они, Статы, въ договорѣ обязались (какъ вамъ въ инструкціи написано), по окончаніи своей войны нынѣ съ Франціею, привращенныя наслѣдныя земли за его царскимъ величествомъ удержать, такожъ и завоеванные бы города король шведскій при договорѣхъ мирныхъ уступилъ царскому величеству, а его величество обязуется по силѣ трактата, учиненнаго межъ его царскимъ величествомъ съ королемъ польскимъ, Ливонію коронѣ польской уступить. Буде же то тяжко поставятъ, то хотя бы наслѣдныя земли гарантовали; такожъ бы они, Статы, обязались ни при нынѣшнемъ генеральномъ съѣздѣ, ни впредь къ предосужденію его царскому величеству и союзникомъ его царскаго величества ничего не чинить, а особливе

въ померанскомъ дѣлѣ его величеству съ его союзники, по послѣдней мѣрѣ, не мѣшать, но еще вспоможеніе въ томъ чинить. А ежели того вышеписаннаго въ трактатъ внесть они не похотятъ и весьма на то не склонятся, то, по послѣдней мѣрѣ, домогаться вамъ того, чтобы въ тотъ трактатъ внесено было, дабы они, Статы, по принятіи тѣхъ войскъ его царскаго величества въ свою службу, обязались противъ новыхъ непріятелей его царскаго величества и союзниковъ его, кто тогда будетъ прямымъ или посторонпимъ образомъ шведу помогать, сперва оныхъ добрыми своими средствы отвращать, а ежели тѣмъ ихъ удержать неможно, то чинить имъ притомъ его царскому величеству и его союзникомъ всякое вспоможеніе и тѣхъ непріятелей до того не допускать. Буде же и то примать не будутъ, то хотя бы сіе учинить оборонительнымъ видомъ,—на обѣ стороны помогать противъ новыхъ непріятелей. А помянутыя бы войска приняли они сперва полками, шесть пѣхоты и два кавалеріи, а не по числу людей, ибо надлежитъ оные дополнить, чего въ полный комплектъ не достанетъ, рекрутами изъ Россіи, которыхъ могутъ они принять въ Ригѣ или въ Ревелѣ, или въ Петербургѣ при Балтійскомъ морѣ и перевезти въ Голландію на корабляхъ, или бы приняли ихъ въ Смоленскѣ, буде моремъ не похотятъ. Итако можете на вышепомянутыхъ кондиціяхъ о перепускѣ тѣхъ войскъ Голландіи, когда къ тому вышеописанный случай явится, трактатъ сочинять. Но о томъ надлежитъ вамъ прежде корреспондовать и сноситься съ г. фельдмаршаломъ княземъ Меншиковымъ, которому о всемъ томъ нынѣ въ равной силѣ писано. Но ежели же къ тому прежде описаннаго случая не явится, т.-е. турки отъ войны не удержатся, такожде и шведовъ Штенбоковъ корпусъ разоренъ не будетъ, то его царское величество, хотя Голландія прилежно того требовать будетъ, изъ войскъ своихъ ничего оной перепустить не можетъ, но самъ его величество въ нихъ тогда нужду имѣть будетъ.

Его царское величество, ѣдучи изъ Ганновера, изволилъ быть у герцога вольфенбюттельскаго, гдѣ обрѣталась тогда и

ея высочество кронпринцесса (которая пойдетъ оттуда въ Петерсбургъ на сихъ дняхъ), а потомъ имѣлъ его царское величество свиданіе съ новымъ королемъ прусскимъ отсюда за милю въ домѣ его королевскомъ, зовомомъ Шенгаузенъ. Оный король хотя со всякою пріязнью къ его царскому величеству поступилъ, однакоже ни во что письменно обязываться, не усмотрясь еще прежде въ своемъ государствѣ, не хотѣлъ.

Его царское величество по томъ свиданіи вчера воспріялъ путь прямо, не занимая Берлина, въ Петерсбургъ, куда и я завтра на почтѣ отъѣзжаю.

SOUVENIRS

DE VOYAGE

EN HOLLANDE ET EN ANGLETERRE

PAR

LE PRINCE ALEXANDRE KOURAKIN

à sa sortie de l'Université de Leyde durant les années

1770—1772.

1006. Souvenirs de voyage du prince Alexandre Kourakin.

(Suite et fin).

Le gouvernement de la Cité est divisé en 26 districts, dont chacun est sous la direction d'un principal, nommé alderman ou échevin, qui est choisi par les habitants. C'est du nombre de ces échevins qu'on élit, à la pluralité des voix, le lord-maire, dont l'autorité s'étend non seulement sur toute la ville et sur une grande partie des faubourgs, mais encore tout le long de la Tamise, depuis son embouchure jusqu'au pont de Stains, ce qui fait plus de 60 milles; c'est pourquoi on lui donne le titre de conservateur de la rivière. Il est le premier juge de Londres et il a le pouvoir de citer à son tribunal et d'emprisonner tous ceux qui sont sous sa juridiction. Au couronnement du roi il peut prétendre au titre de grand-échanson.

Les aldermen ou échevins sont les premiers en dignité et en pouvoir, après le lord-maire. Chacun d'eux a sous lui un certain nombre de membres du grand conseil, parmi lesquels il prend son député, ainsi que plusieurs autres officiers qui, de même que les échevins, sont choisis par les bourgeois de chaque district. Le lord-maire et les échevins ont le droit de choisir le greffier de la ville, qui est leur juge assesseur, leur avocat principal et leur orateur. Il doit être versé dans toutes les lois municipales et coutumières de la ville. Les shériffs sont aussi des membres considérables de la magistrature et ils ont le droit de citer les bourgeois jurés parmi lesquels ils sont élus chaque

année, à la St. Jean, mais ils n'entrent en fonction qu'à la St. Michel qui suit.

Le gouvernement de la Cité se compose de même que celui de la nation. L'Angleterre est gouvernée par le roi, la Chambre haute et la Chambre basse. La Cité l'est pareillement par le lord-maire, les échevins et le grand conseil. Les membres du grand conseil sont élus annuellement par les bourgeois, au nombre de 231, pour être les représentants de la Cité.

La juridiction du lord-maire finit à Temple-Bar. C'est là que commence Westminster. L'autorité civile et ecclésiastique de cette ville est remise entre les mains du doyen et du chapitre. Le pouvoir exécutif appartient, depuis la réformation, aux séculiers, qui sont élus par le chapitre.

Londres et Westminster forment deux villes. Elles diffèrent entièrement dans leurs privilèges et leur administration intérieure. Cependant, on les comprend communément sous le nom de Londres.

La résidence ordinaire du roi est à St. James, palais bâti par le fameux cardinal de Wolsey, qui, de fils de simple boucher, parvint aux premières dignités de l'Eglise romaine, frisa la tiare, et, pendant près de 30 ans, gouverna despotiquement l'Angleterre. Wolsey céda ce palais à son maître et à son bienfaiteur Henri VIII. Ce bâtiment est irrégulier, ses dehors ne répondent aucunement à la grandeur de la Cour britannique; ce n'est que depuis l'incendie de 1698 qui consuma le palais de Whitehal, que les rois y font leur résidence. Les appartements sont si mesquinement meublés qu'ils ne valent pas la peine qu'on en parle. Il est étonnant que les Anglais, cette nation si fière et si opulente, souffrent que leur roi soit logé d'une façon si peu convenable au rang qu'il tient parmi les souverains de l'Europe.

Dès qu'un étranger a été présenté, il peut aller à la Cour cinq fois par semaine, si bon lui semble. Les lundis, les mercredis et les vendredis, il y a lever. Alors le roi paraît seul et il n'y a que les hommes qui puissent venir lui faire la cour. On s'assemble aussitôt après midi.

Les jeudis et les dimanches il y a cercle. Le roi et la reine paraissent ensemble dans la chambre du dais, où se trouvent assemblés les hommes et les dames, sans distinction du sexe.

On peut dire que la Cour britannique est sur un pied assez étrange. On n'y voit ni pompe, ni magnificence. Tout y est de la plus grande simplicité. Les Anglais ne se laissent pas séduire par les dehors et semblent n'avoir à cœur que les vertus de leurs souverains. Heureux le peuple qui ne dépend point des caprices de son prince, et plus heureux encore le prince qui trouve son bonheur et sa gloire dans l'exercice de la vertu. Le roi actuel, à son avènement au trône, pour se concilier l'affection de ses sujets, s'est imposé la règle gênante de parler à tous ceux qui viendraient à St. James; mais aussi ses discours ne roulent jamais que sur des choses peu importantes, telles que la pluie et le beau temps, etc. La reine en fait autant. Cette princesse, sans être régulièrement belle, a infiniment d'agréments. Elle a pour principe de ne se mêler aucunement d'affaires, et se borne à tâcher de se gagner l'affection de toutes les personnes qui l'approchent. Son esprit est vif et aimable. Elle a l'art de dire à chacun quelque chose de nouveau et d'obligeant. Cette affabilité du roi et de la reine aurait dû leur concilier tous les cœurs, mais elle est regardée comme un devoir de leur part, et si, par inadvertance, il arrive que le roi et la reine oublient d'adresser la parole à quelqu'un, c'en est assez pour que la personne qui a été privée de cet honneur se croie grièvement offensée, éclate en plaintes et se jette dans le parti de l'opposition.

Au couronnement, et aux jours de grandes solennités, on observe à l'égard du roi une étiquette sévère et très respectueuse. Dans ces occasions, aucun roi de l'Europe n'est servi avec plus de respect que celui de la Grande-Bretagne. On le sert ordinairement à genoux. S'il accorde quelque grâce, si quelqu'un de ses sujets lui est présenté ou prend congé de lui, il doit s'agenouiller en baisant sa main. Quant aux dames, le roi les baise à la joue.

Les hommes font à la reine une profonde inclination. Elle baise à la joue les femmes de pairs et les duchesses, ainsi que les filles des ducs, comtes et marquis. Elle donne seulement sa main à baiser aux autres dames.

Le roi et la reine ont fixé leur demeure dans l'hôtel de Buckingham, quoique la résidence soit censée à St. James. Les jours de cour, ils se rendent à St. James, en chaise à porteur.

La reine a un revenu annuel de 50 mille livres sterling pour ses menus plaisirs, ainsi que pour l'entretien de ses enfants mineurs et de sa maison. Les revenus du roi se montent annuellement à 800 mille livres sterling. Il doit entretenir avec cette somme que le Parlement lui a fixée, sa cour, ses ministres d'Etat, ceux qu'il a dans l'étranger, et sa famille, si le Parlement vient à lui refuser un revenu particulier, sortable au rang qu'elle occupe. Les pensions qu'il fait doivent aussi se tirer de ce même fonds.

Ce que le roi a de fixe pour ses menus plaisirs, ce sont 1000 guinées neuves qu'on lui apporte chaque lundi de la Monnaie.

Les sommes nécessaires à l'entretien de l'armée et de la flotte, ainsi que les dépenses extraordinaires sont soldées par le Parlement, d'après la demande du ministre, après s'être assuré que cette demande est juste. A la fin de chaque année, le premier ministre doit rendre compte à la Chambre des Communes de l'emploi des deniers qui ont été accordés pour les besoins de l'Etat.

Le gouvernement de l'Angleterre, quoique compliqué par sa forme, n'en est pas moins un des plus parfaits de l'Europe. Les pouvoirs, monarchique, aristocratique et démocratique, qui se contrebalancent mutuellement, maintiennent un heureux équilibre, d'où résulte un ensemble parfait.

Le roi et les deux Chambres du Parlement constituent le gouvernement. Je parlerai en peu de mots des privilèges exclusifs de chacun de ces trois pouvoirs.

Le roi ne trouve dans ses privilèges que la faculté de faire le bien. Il est dans l'heureuse impuissance de faire le moindre

mal. Son autorité ne peut enfreindre les lois qui décident dans tous les cas. Il peut faire la guerre ou la paix, contracter des alliances, conclure des traités, distribuer les charges et les emplois, etc. Il est encore le chef suprême de l'Eglise anglicane, de l'armée et de la marine. Une de ses prérogatives exclusives, c'est celle de pouvoir arrêter le glaive de la justice. Il a le droit de faire grâce à tout criminel condamné à mort.

La malheureuse catastrophe dont Charles Ier fut la victime, a changé en quelque façon le génie de la nation. Elle semble ne plus vouloir imputer à son roi les fautes qu'elle peut commettre et les ministres en sont seuls responsables. Ils répondent sur leur tête de toutes leurs démarches, quand même ils n'auraient fait qu'obéir aux ordres exprès de leur maître.

Sans l'approbation du roi, aucune loi ne peut exister. En un mot, il est tout puissant, s'il est juste; mais si ses intentions ne sont pas bonnes, le Parlement sait les annuler.

Le Parlement est composé de deux Chambres: de celle des seigneurs et de celle des Communes.

La première est composée des pairs du royaume qui en sont les membres nés. Ces pairs sont ou spirituels ou temporels. Les spirituels sont: l'archevêque de Canterbury, qui est en même temps primat du royaume, celui d'York qui est, pour l'ordinaire, grand aumônier du roi, et 24 évêques.

L'évêché de Durham est le plus riche de tous. On dit qu'il rapporte annuellement au delà de 10 mille livres sterling.

Les évêques ont le titre de milord, comme membres de la Chambre des seigneurs, mais leurs femmes ne sont appelées que mistress, à moins que leur naissance ou celle de leurs maris ne les autorise à porter le titre de milady. En Angleterre l'état ecclésiastique est très considéré et en même temps assez lucratif. Les cadets des premières familles du pays l'embrassent ordinairement dans l'espoir de réparer, par ce moyen, l'état de leur fortune.

La pairie temporelle est composée de 23 ducs, d'un marquis, de 76 comtes, de 13 vicomtes et de 76 barons dont je parlerai bientôt avec plus de détails.

Seize pairs d'Ecosse qui doivent être choisis à l'ouverture de chaque Parlement, sans recommandation préalable du ministre, y ont aussi le droit de séance, en vertu de la célèbre Union de 1707 qui a réuni les deux royaumes sous le nom de Grande-Bretagne.

Il est du devoir des pairs de discuter sur les affaires de l'Etat, d'en porter leur jugement et de tâcher d'engager le roi à des décisions favorables au bien public. Ils doivent aussi juger en dernier ressort les causes civiles et criminelles qui sont appelées par devant leurs tribunaux, et ce que les pairs ont une fois résolu à la pluralité des voix, reste immuablement établi. Le chancelier préside à cette auguste assemblée.

Il est à remarquer qu'il fut stipulé, lors de l'Union, que les pairs d'Angleterre alors existants prendraient le pas sur les pairs d'Ecosse, mais que ceux des deux royaumes, qui seraient créés dans la suite, se rangeraient entre eux suivant l'ancienneté de leurs pairies. Il fut en même temps stipulé qu'aucun pair d'Ecosse ne pourrait être créé pair d'Angleterre, s'il était déjà majeur, mais que la pairie anglaise ne pourrait entrer dans les familles écossaises, qu'en élevant à cette dignité des fils ou des cousins de pairs écossais. C'est la raison pour laquelle la Chambre haute refusait constamment d'admettre à ses séances les ducs de Hamilton et de Queensbury, tous deux écossais qui, au mépris de cette convention, furent créés ducs de Brandon et de Douvres, par la reine Anne, en 1711.

Il y a cette différence notoire entre les pairs d'Angleterre et ceux d'Ecosse, que les premiers ont droit de séance au Parlement par leur naissance, tandis que les seconds n'y parviennent que par l'élection dont j'ai parlé ci-dessus.

Voici une liste de quelques-uns des pairs d'Angleterre et d'Ecosse existants en 1772, selon leurs titres et rang qu'ils observent entre eux dans toutes les cérémonies.

Pairs du sang royal.

S. A. R. George-Auguste-Frédéric, prince de Galles, duc de Cornouailles et de Rothsay, comte de Chester, prince électoral de Brunswick-Lunebourg, comte de Carrick, baron de Renfrew, lord des îles, grand Stuart d'Ecosse, capitaine général du corps d'artillerie et chevalier de la Jarretière (créé en 1762, le 19 août).

S. A. R. Guillaume-Henri, duc de Glocester et d'Edimbourg, comte de Connaught en Irlande, lieutenant-général des armées du roi, colonel du premier régiment des gardes-à-pied, chancelier de l'université de Dublin, grand forestier de la forêt de Windsor et du parc de Hampton-Court, président de l'hôpital de l'infirmerie de Londres, chevalier de la Jarretière (créé en 1764, le 14 novembre). On prétend que ce prince avait contracté un mariage clandestin avec la comtesse douairière de Waldgrave, fille naturelle du fameux Robert Walpole. Ce qu'il y a de sûr, c'est que le roi a assigné une pension à cette dame.

S. A. R. Henri-Frédéric, duc de Cumberland, duc de Strathern et comte de Dublin, grand forestier du parc de Windsor, vice-amiral du pavillon bleu et chevalier de la Jarretière (créé en 1766, le 22 octobre). Ce prince eut en 1770 une aventure avec lady Grosvenor, qui fit beaucoup de bruit et qui n'éclata pas à son avantage. Le mari de cette dame, persuadé de son infidélité, résolut de se séparer d'elle. Il y parvint, en portant en justice ses plaintes et les preuves qu'il avait pour les valider. Milord Mansfield fut le juge. Il jugea l'affaire selon la rigueur des lois, sans avoir égard à la naissance du duc, qui dut payer au lord Grosvenor une indemnisation de 10 mille livres sterling. Depuis, ce prince s'attacha à une certaine Mme de Horton, fille du lord Irnham et sœur du colonel Luttrel, connu pour la protection que lui accorda la Cour, dans sa concurrence avec Wilkes, lors de l'élection de Middlesex.

Mme Horton, déjà veuve et d'une beauté médiocre, eut l'art d'engager son amant à lui donner sa main. Cette cérémonie se fit clandestinement, au mois de novembre 1771. Le roi et la famille royale en furent extrêmement irrités. Le public s'égaya à ce sujet, et l'on vit paraître un bon nombre de satires mordantes. Le duc crut pouvoir apaiser le roi, son père, en quittant l'Angleterre. Il passa en France. Cette démarche inconsidérée ne rétablit point ses affaires. Ses amis l'ayant engagé à revenir, il retourna en Angleterre, mais le roi inflexible lui défendit de paraître jamais en sa présence; il enjoignit même à ses ministres et à ses courtisans de ne plus avoir aucune relation avec le duc, sous peine d'être privés de leurs emplois. Il fut également déclaré au corps diplomatique que la Cour aurait pour agréable, que les ministres étrangers rompissent tout commerce avec lui. Le mariage ayant été conclu dans toutes les formalités de l'Eglise anglicane, les enfants, qui seraient nés de ce mariage, auraient eu droit de succession à la couronne. Plusieurs exemples, tirés de l'histoire de ce pays, autorisent de tels mariages. Edouard VI et Elisabeth, enfants de Henri VIII, montèrent sur le trône, ainsi que Marie et Anne, filles de Jacques II.

La seule punition que le roi puisse infliger à son frère, c'est de ne pas augmenter ses revenus; encore le duc peut-il se passer de cette faveur de la part de son frère, en engageant le Parlement à venir à son secours.

Outre le rapport de leurs charges, les deux frères du roi avaient un revenu annuel de 24 mille livres sterling, dont ils tiraient 12 mille de la caisse civile du roi et 12 mille du Parlement.

Quelques ducs et pairs d'Angleterre.

Guillaume-Fitz-Roi, duc de Cleveland et de Southampton, comte de Chichester, etc. (créé par Charles II, le 3 août 1670). Il descendait d'un bâtard du roi Charles II et de la belle duchesse de Cleveland qui avait été mariée auparavant au comte de Castlemaine (créé par Charles II, le 3 août 1670).

Charles Lennox, duc de Richmond, de Lennox et d'Aubigny, comte de March et de Darnley (créé le 9 août 1675).

C'est un descendant du roi Charles II et de la belle Keroualle, que son amant créa duchesse de Porthsmouth en Angleterre, et que Louis XIV créa duchesse d'Aubigny en France. Mlle de Keroualle accompagna en qualité de fille d'honneur, Mme Henriette d'Orléans, lorsqu'elle alla voir son frère en 1672. Elle l'avait prise à sa suite dans le dessein de lui faire faire la conquête qu'elle fit en effet.

Auguste-Henri-Fitzroy, duc de Grafton, comte d'Euston (créé le 11 septembre 1675). C'est aussi un descendant du roi Charles II et de la duchesse de Cleveland.

Le duc d'aujourd'hui est déjà marié pour la seconde fois. Il avait épousé en secondes noces une nièce du défunt comte de Bedford. Il se sépara de sa première femme après dix ans de mariage, à cause de la différence de leur caractère et de la passion qu'elle avait pour le jeu. Mais quelque temps après leur séparation, il apprit qu'elle était grosse, et le bruit s'en répandit bientôt dans toute la ville. Il en porta ses plaintes au Parlement qui prononça le divorce. La duchesse répudiée épousa le comte d'Upper-Ossory, Irlandais de nation, qui était l'amant favorisé. On prétend qu'il n'avait rien dans sa personne de ce qui peut fixer une femme, mais la duchesse, se trouvant dans un instant de détresse, après avoir fait une grosse perte au jeu, ne put rejeter les offres de milord Ossory qui lui offrait son cœur et sa bourse. On dit de plus qu'avant de succomber, elle exigea de son amant une promesse de 70 mille livres sterling, en cas qu'il ne consentît point à l'épouser après son divorce.

François Russel, duc de Bedford, marquis de Tavistock, etc. (créé le 11 mai 1694).

Il sera un jour un des plus riches particuliers du royaume; il possède déjà 30 ou 40 mille livres sterling de revenu, et sa minorité doit durer encore 12 ans. Son père milord Tavistock mourut malheureusement à la chasse. Son grand-

père, le duc de Bedford, mort en 1770, avait rempli les premières charges du royaume. Il avait été premier lord de l'Amirauté, vice-roi de l'Irlande, et ambassadeur extraordinaire à Paris pour la conclusion de la paix de Fontainebleau en 1763. De retour dans sa patrie, il ne se chargea plus d'aucun emploi public, mais il conserva toujours un si grand crédit dans les affaires, que presque rien ne s'achevait sans sa participation.

Guillaume Cavendish, duc de Devonshire, marquis de Harrington, etc. (créé le 12 mai 1694). C'est un seigneur auquel on compte, dit-on, plus de 40 mille livres sterling de revenu. Il a considérablement augmenté ses biens patrimoniaux par la riche succession de milord Burlington, mort sans enfants mâles. Le duc est propriétaire de deux des plus beaux hôtels de Londres. Il a encore deux magnifiques châteaux à la campagne, l'un situé dans le Derbyshire, c'est Chatsworth, et l'autre, près de Londres, appelé Chiswick.

George Spencer, duc de Malbrough, marquis de Blanford, etc. (créé par la reine Anne, le 2 décembre 1702). Il est, sans contredit, le plus riche seigneur d'Angleterre. On porte ses revenus annuels à 60 mille livres sterling.

Jean Manners, duc de Rutland, marquis de Granby, etc. (créé le 10 mars 1703). Son fils aîné, le marquis de Granby, mort en 1770, s'était distingué dans la dernière guerre contre la France. A son retour en Angleterre, il fut nommé capitaine général, à la place du vieux maréchal Ligonier.

Quelques ducs et pairs d'Ecosse.

Scott, duc de Buccleugh, comte de Dalkeith et de Doncaster (créé en 1673). C'est un descendant du duc de Monmouth, fils naturel du roi Charles II, qui épousa l'héritière de la famille des Scott et du titre de Buccleugh. Après la mort de son père, le duc de Monmouth, ayant aspiré au trône et s'étant engagé dans une rébellion contre

Jacques II son oncle, fut pris et décapité. Tous ses titres furent ôtés à ses enfants qui ne conservèrent que ceux qui leur appartenaient par leur mère et qu'ils conservent jusqu'à présent.

Douglas, duc de Queensbury en Ecosse et de Douvres en Angleterre, marquis de Beverley et de Drumlaring (créé en 1684). Le duc d'aujourd'hui avait un fils unique, milord Drumlaring, qui, après s'être marié, se tua d'un coup de pistolet, en présence de tous ses parents. Il ne laissa point d'enfants. L'héritier actuel du duc de Queensbury est milord comte de Marsh, de la même famille que Douglas, mais il n'hérite que de ses biens et non de son titre, qui doit s'éteindre après sa mort, à moins qu'il ne soit renouvelé par une grâce particulière.

Campbell, duc d'Argyle, marquis de Lorn (créé en 1703). Cette famille est plus particulièrement connue dans l'histoire sous le nom d'Argyle. Il y eut un marquis d'Argyle, qui eut la tête tranchée, lors du rétablissement de Charles II. Il s'était rendu coupable de haute trahison, en favorisant le républicanisme.

Le duc d'Argyle d'aujourd'hui est marié à la duchesse douairière de Hamilton. Elle n'était antérieurement que miss Gunningson, fille d'un pauvre gentilhomme, lorsque le duc, épris de ses attraits, lui donna sa main.

Quelques ducs et pairs de la Grande-Bretagne.

Bertie, duc de Lancaster et de Kesteven, marquis de Lindsay, grand chambellan héréditaire d'Angleterre (créé par le roi George Ier, le 29 juillet 1715). Celui que je connais est grand écuyer du roi. Il a épousé la fille d'un piqueur de Newmarket, qui avait une dot de 40 à 50 mille livres sterling. La chronique prétend même qu'il perdit toute cette somme à son beau-père en différents paris et que, pour se dispenser de la payer, il prit le parti d'épouser sa fille. Quoi qu'il en soit, la duchesse est très

digne de sa fortune, et on l'estime moins pour son rang, que pour son amabilité et ses grâces.

Buyes, duc de Chandos, marquis de Carnaver. On raconte du feu duc de ce nom une aventure assez singulière. Se promenant un jour dans les rues de Londres, il vit un cocher qui battait sa femme. Touché par les cris de cette malheureuse qui peut-être n'était pas dépourvue d'agréments, il demanda au mari pourquoi il la maltraitait de la sorte. «Ah, monseigneur, reprit celui-ci, ce n'est point une femme, c'est un démon. Elle me fait enrager tous les jours, et je suis si las de la rosser, que je suis prêt à la céder à qui voudra m'en donner deux guinées.» Le duc tire son argent, le donne au cocher et s'en retourne chez lui avec cette femme. Elle fut d'abord sa maîtresse, et elle finit par prendre un tel empire sur lui, qu'elle sut l'engager à lui donner sa main. De tels exemples d'une élévation si inopinée ne se rencontrent guère qu'en Angleterre.

Sackville, duc de Dorset, comte de Middlesex, etc. (créé le 13 juin 1720). Il est oncle du lord George de Sackville, qui commanda les troupes anglaises à la bataille de Minden et qui refusa d'obéir au prince Ferdinand de Brunswick qui était son chef. Le roi George II le rappela, et le commandement fut remis au marquis de Granby. Un conseil de guerre fut ordonné pour examiner sa conduite. Il fut cassé militairement et déclaré coupable et incapable de posséder aucune charge. On intercéda en sa faveur auprès du roi, mais il fut inexorable. Sackville était un des plus anciens lieutenants-généraux. Cependant, comme il n'avait rien commis d'illégal contre sa patrie, on ne put le priver des droits communs à tout Anglais, et il fut toujours depuis un des représentants de la nation à la Chambre des Communes. Il changea son nom contre celui de Germain, ayant recueilli un gros héritage qu'une de ses tantes lui avait laissé à cette condition.

Egerton, duc de Bridgewater, marquis de Barckley, etc. Il descend du fameux chevalier Egerton, garde des sceaux, sous Elisabeth, et chancelier, sous Jacques Ier qui

le créa comte de Bridgewater le 13 juin 1720 (créé par George III, le 22 octobre 1766).

Percy, duc et comte de Northumberland, comte de Percy, baron de Warckworth. Le duc d'aujourd'hui était autrefois un simple gentilhomme, appelé Smithson. Les agréments de sa personne lui valurent une fortune brillante. Il plut à lady Betty, fille du duc de Somerset, et héritière du comte de Northumberland, mort sans enfants mâles. La mort de son frère l'ayant rendue maîtresse des grands biens de sa mère, elle parvint, par le crédit de ses parents, à faire donner à son mari le titre de comte de Northumberland. Celui-ci obtint bientôt après, l'ordre de la Jarretière, et fut créé duc en 1766, à condition que ce titre ne passerait après lui qu'aux enfants qu'il aurait eus de lady Betty Percy, et que, s'il arrivait qu'il se remariât en secondes noces, les enfants du second lit ne pourraient hériter d'aucun de ses titres et porteraient son ancien nom de famille, Smithson. La duchesse de Northumberland était une des plus riches héritières du royaume; elle avait apporté en mariage plus de 40 mille livres sterling de revenu annuel. Je ne crois pas qu'il y ait de pays en Europe, où les maris aient un aussi grand pouvoir sur leurs femmes et sur tout ce qui leur appartient, qu'en Angleterre. Ils peuvent disposer des biens selon leur volonté, et ils sont libres de les vendre ou de les aliéner, mais ils doivent payer les dettes de leurs femmes, qu'ils sont censés avoir contractées eux-mêmes. La duchesse de Northumberland a deux fils que je connais. L'aîné, le comte de Percy, est colonel d'infanterie. On prétend qu'il se maria, par des vues d'intérêt, à une des filles de milord Bute. Les deux époux, dont les humeurs ne s'accordaient point, se séparèrent bientôt après. Son frère, milord Algernon-Percy, passe une grande partie de son temps à voyager, l'air de son pays étant contraire à sa santé.

L'hôtel de Northumberland est magnifique. La grande galerie est décorée de cinq tableaux des plus grands maîtres. Ils ont été copiés sur les originaux de Raphaël et de Guido.

L'école d'Athènes est du fameux chevalier Moengs et les quatre autres sont de Battoni.

Montagu, duc de Montagu, marquis de Mortimer, etc. (créé le 5 novembre 1766).

Son nom de famille était Bruce de Brudennell, et son titre, marquis de Cardigan, mais en épousant la fille et l'héritière du dernier duc de Montagu, il quitta son nom de famille pour celui de son beau-père, après la mort duquel il fut créé duc de Montagu.

Marquis de la Grande-Bretagne.

Watson Wentworth, marquis de Rockingham, comte de Malton, etc. (créé en 1746).

Il tenait ordinairement pour le parti de l'opposition. Les deux partis le ménageaient également à cause de ses grandes richesses. Il avait occupé pendant quinze ou dix-huit mois le poste important de premier lord de la Trésorerie, mais s'étant vu forcé de céder au parti opposé, il aima mieux se retirer des affaires que de renoncer à ses opinions. C'était un homme probe et incorruptible, jouissant de l'estime publique et n'ayant rien plus à cœur, que les intérêts de sa patrie.

Quelques comtes et pairs d'Angleterre.

Talbot, comte de Shrewsbury, lord Talbot, comte de Waterford et de Wexford en Irlande, etc. (créé par Henri VI en 1442).

C'est un descendant du fameux Talbot, qui s'est rendu célèbre sous la régence du duc de Bedford, etc.

Stanley, comte de Derby, lord Strange, etc. (créé par Henri VII en 1485).

Il descendait du lord Stanley, qui épousa Marguerite de Lancaster, comtesse douairière de Richmond et mère du roi Henri VII.

Cécil, comte de Salisbury, vicomte de Cranburn (créé en 1605).

Il compte parmi ses ancêtres le chevalier Robert Cécil, qui remplit avec distinction la charge de secrétaire d'Etat pendant les dernières années du règne d'Elisabeth. Il fut un des partisans les plus zélés du roi d'Ecosse, aussi Jacques, en montant sur le trône, le conserva dans sa charge de ministre et eut toujours la plus grande déférence pour ses lumières. Il le créa pair du royaume. Cécil, après le décès d'Elisabeth, sa bienfaitrice, changea entièrement de maxime dans sa politique. Autant il s'était montré ennemi juré de la Cour de Madrid, autant se montra-t-il partisan des intérêts de cette puissance, sous le règne de Jacques II. C'est ce qu'on peut voir plus amplement détaillé dans les mémoires de Sully.

Cécil, comte d'Exeter, lord Burleigh, etc. (créé en 1605).

Il descend du fameux lord Burleigh, grand trésorier du royaume, sous la reine Elisabeth.

Stanhope, comte de Chesterfield, lord Stanhope, etc. (créé en 1628).

C'est un vieillard de beaucoup d'esprit et d'un savoir profond. Son grand âge ne lui permet pas de prendre part aux affaires. Il a passé par les emplois les plus distingués du royaume. Il a beaucoup connu, du temps de son ambassade à la Haye, feu mon grand-père le prince Kourakin. Il termina sa carrière politique par la charge de secrétaire d'Etat, qu'il remplit avec distinction.

Il aime les belles-lettres; son nom n'est pas inconnu parmi les auteurs et il a fait imprimer plusieurs de ses petits ouvrages. Une estime mutuelle, lien ordinaire des génies, a cimenté aussi une correspondance étroite entre lui et Voltaire. Notre Auguste Souveraine n'a pas dédaigné de l'honorer des marques de sa considération. De mon temps elle lui a fait envoyer son portrait dans une boîte d'ivoire qu'elle avait tournée elle-même.

Holles Capel, comte d'Essex, vicomte de Malden (créé en 1661).

Il s'était marié en premières noces avec la fille du chevalier Hambury Williams, jadis ambassadeur en Russie. Il en eut lady Betty Capel.

Howard, comte de Carlisle, vicomte de Morpeth.

C'est un joueur décidé. Il a perdu en deux années 150 mille livres sterling.

Berkeley, comte de Berkeley, vicomte de Dursley, etc. (créé en 1679).

La mère du comte de Berkeley, femme très galante, avait épousé en secondes noces mister Nugent, créé vicomte de Clare en Irlande, mais elle s'en sépara peu d'années après. Elle avait deux filles charmantes. L'aînée a été mariée au comte de Granad en Irlande et la cadette à milord Craven. C'est à cette dernière que j'aurais donné la préférence.

D'Arcy, comte de Holderness, lord d'Arcy.

Celui que j'ai connu était un homme de beaucoup d'esprit. Il avait longtemps séjourné en Hollande, en qualité d'ambassadeur. Il s'y était marié à une femme très aimable, parente du greffier Fagel. A son retour en Angleterre, le roi George II le fit secrétaire d'Etat pour le département du Nord. Il exerça cette charge pendant sept ans. Le fameux Pitt, ou autrement lord Chatham, était son collègue. Il fut le premier des anciens ministres qu'on congédia sous ce règne. Il obtint depuis, la surintendance des cinq ports et il accepta en 1771 la place de gouverneur du prince de Galles et de son frère, l'évêque d'Osnabrück, moyennant la promesse du roi de lui conférer l'ordre de la Jarretière à la première vacance.

Keppel, comte d'Albemarle, vicomte de Bury (créé en 1696).

Celui que je connais commandait en chef à l'expédition de la Havane. Les vainqueurs y firent un butin immense. On assure que la part du milord Albemarle et de miss. Keppel, ses deux frères, montait à trois ou quatre cent mille livres sterling.

Quelques comtes et pairs d'Ecosse.

Stuart, comte de Bute, lord Mount-Stuart. C'est un descendant d'un bâtard de Robert II, roi d'Ecosse. Le nom de Bute est trop connu dans l'histoire de notre temps, pour que je fasse mention de ce personnage. Milord Bute épousa la fille et l'héritière de la célèbre milady Marie Whorsley Montagu. Il eut trois fils: milord Mount-Stuart, mr. Stuart, qui a adopté le nom de Whorsley, moyennant un testament de sa grand-mère qui le constitua son héritier à cette condition, et mr. Stuart, capitaine d'infanterie, le plus bel homme que j'aie jamais vu. De ses quatre filles, trois étaient mariées: l'une au riche chevalier Lowther, qui a soutenu ce grand procès contre le duc de Portland, et dont les frais lui sont revenus à 70 mille livres sterling; la seconde au chevalier George Macartney, ci-devant ministre plénipotentiaire en Russie, pendant les années 1765 et 1766; la troisième au comte de Percy. Le frère de milord Bute porte le nom de Mackenzie. Il est garde du sceau privé en Ecosse.

Quelques comtes et pairs de la Grande-Bretagne.

Harley, comte d'Oxford et de Mortimer, lord Harley (créé en 1711).

Il fut un des premiers hommes d'Etat de son siècle. Il joua un grand rôle sous le règne de la reine Anne. Il fut secrétaire d'Etat, grand trésorier, après la disgrâce de milord comte de Godolphin. Enfin la reine Anne le créa pair du royaume. On sait combien il était zélé pour le rétablissement de la maison des Stuarts et qu'il n'a pas tenu à lui que la famille de Hanovre n'eût été entièrement exclue du trône.

Shirley, comte de Ferrers, vicomte de Tamworth, etc. (créé en 1771).

Son frère aîné, milord Ferrers, a été pendu à Tyburn pour avoir tué son maître d'hôtel d'un coup de couteau.

Wensworth, comte de Stafford, vicomte de Wensworth.

Son père s'est rendu célèbre par ses négociations. N'étant encore que milord Kaby, il résida longtemps, en qualité d'ambassadeur, à la Cour de Frédéric Ier, roi dePrusse. Pollnitz, dans ses mémoires, parle d'une certaine intrigue qu'il doit avoir eue avec la comtesse de Wartenberg, femme du premier ministre. Il fut rappelé de Berlin, pour remplir la place de second ambassadeur au congrès d'Utrecht.

Parker, comte de Macklesfield, vicomte de Parker (créé en 1721).

George Ier avait un chancelier de ce nom, qui fut démis de cette éminente dignité pour cause de malversation.

Howard, comte d'Effingham, lord Howard (créé en 1731).

Celui que j'ai connu était un original des plus parfaits. Il se trouvait en Russie, avec sa femme et son frère, en 1769. Il servit en qualité de volontaire dans une escadre commandée par le contre-amiral Elphinston. Il entra depuis dans le parti de l'opposition. Il ne venait que rarement à Londres et restait presque toujours à sa campagne dans l'Yorkshire. Il aime la chasse et sa femme le cheval. Il est médiocrement à son aise.

Walpole, comte d'Oxford, vicomte de Walpole (créé en 1741).

C'est le petit-fils du fameux chevalier Robert Walpole, réputé un des plus grands hommes d'Etat de son siècle. Il fut un des plus fermes soutiens des intérêts de la Cour. La Chambre des Communes, dont il était membre, avait une telle déférence pour ses avis, que la moindre insinuation de sa part suffisait pour faire entreprendre l'affaire la plus importante. Le commerce surtout se ressentit par un accroissement des plus rapides, de l'influence de son administration. Mais, vers la fin de son ministère, il commença à rencontrer quelquefois des obstacles à ses desseins. La vieille duchesse Sarah de Malbrough, mécontente alors de la Cour et ennemie personnelle de Walpole, lui suscita dans la personne du jeune Pitt

un rival dangereux. Lorsqu'elle le fit entrer dans la Chambre des communes, il n'était encore que cornette dans un régiment de cavalerie. Son instruction et son éloquence faisaient déjà augurer ce qu'il devait être un jour. Ses protecteurs lui avaient recommandé de contrecarrer Walpole dans toutes les occasions; il le fit et l'emporta souvent sur son adversaire. Encouragé par ces petits succès, il fut bientôt en état de tenir tête à son redoutable antagoniste. Walpole, accoutumé à dicter des lois depuis si longtemps, trouva insupportable de se voir un rival heureux et applaudi. D'un autre côté, ses facultés s'affaiblissaient en même temps que son crédit baissait. Il ne songea donc plus qu'à faire une retraite honorable. Ce fut dans ces circonstances que le roi, pour le récompenser de ses services, le fit passer dans la Chambre des seigneurs, avec le titre de comte d'Oxford.

Stanhope, comte d'Harrington, vicomte de Petersham, etc (créé en 1741).

Celui qui fut élevé à cette dignité était le même colonel Stanhope qui résidait à Madrid en qualité d'ambassadeur, lorsque le duc de Reperda, ministre du roi catholique, vint chercher un asile dans sa maison. Les Espagnols, au mépris du droit des gens, forçèrent l'hôtel d'Angleterre, et Reperda fut enlevé. Stanhope prit cette affaire très à cœur et se retira incontinent de la ville. Son offense en était une pour tous les ambassadeurs. Tous ceux qui se trouvaient en Espagne présentèrent un mémoire pour obtenir une satisfaction proportionnée à l'outrage. Les choses en restèrent là, grâce aux dispositions pacifiques des deux Cours. A son retour en Angleterre, Stanhope fut créé pair du royaume par le roi qui était très content de sa conduite. Il remplit depuis avec distinction la charge de secrétaire d'Etat.

Milord Harrington, que je connais, a épousé une fille du duc de Grafton. Cette dame tenait une fort bonne maison. Les étrangers étaient très bien reçus chez elle. On voyait qu'elle avait été parfaitement belle. La chronique prétend qu'elle a su mettre à profit ses avantages naturels et qu'elle a joui de la

vie autant que femme au monde peut en jouir. L'humanité faisait le fond de son caractère. Comment être cruelle, disait-elle, envers quelqu'un qui m'aime? Un certain colonel Craig, cavalier du duc de Cumberland était de mon temps l'ami favorisé. Il était pour le plaisir, tandis que milord Harrington était, dit-on, pour la bourse. Cette répartition se trouvait conforme à la justice: le premier était jeune et bien fait, le second laid et âgé. Les enfants de milady Harrington étaient charmants. Elle avait deux fils et quatre filles. La comtesse de Sifton était l'aînée; elle dansait en perfection. La seconde était la comtesse de Barrymore. La belle, l'aimable, l'intéressante lady Henriette Stanhope était la troisième. Je dois avouer qu'elle avait fixé mon cœur. Je lui ai offert mon encens et je ne me suis consolé d'avoir été dédaigné, qu'en voyant que les autres n'étaient pas mieux traités que moi. Henriette était vertueuse. Elle ne cherchait dans un époux ni bien, ni naissance, mais elle voulait rencontrer toutes les qualités qui peuvent faire le bonheur d'une femme. Le comte de March et milord Villiers, fils de la comtesse de Grandisson, virent leurs hommages rejetés. Heureux le mortel que le sort lui avait destiné!

Gréville, comte de Broocke, lord Gréville (créé en 1746).

Il avait épousé la fille du lord Archimbald de Hamilton, sœur de lady Cathcart, morte en Russie, et du chancelier Hamilton, ministre plénipotentiaire à Naples.

Granville-Leveson-Gower, comte de Gower, vicomte de Trentham, etc.

Il fit son chemin par le crédit de sa sœur, la duchesse de Bedford. Maintenant il est revêtu de l'éminente charge de président du conseil, qui lui donne le pas sur tous les autres pairs de sa classe.

Hobart, comte de Buckingham, lord Hobart.

Pendant les années 1762, 1763 et 1764, il a déployé avec splendeur le caractère d'ambassadeur de la Grande-Bretagne, à la Cour impériale de Russie. Son hôtel était le rendez-vous de

tout ce qu'il y avait de mieux dans la ville. Son départ causa des regrets infinis. Les dames, pour lui témoigner leur reconnaissance, firent graver son portrait avec des attributs très ingénieux et firent mettre au-dessous: «à milord Buckingham, par les dames de St. Pétersbourg.»

Son frère, jadis son secrétaire d'ambassade, avait entrepris la direction du théâtre de l'Opéra.

Wyndham, comte d'Egremont, vicomte de Cockermouth, (créé en 1749).

Celui d'à présent est encore mineur. Son père avait été nommé ambassadeur au congrès, qui devait se tenir à Augsbourg, en 1761. Depuis il devint secrétaire d'Etat pour le Sud. Milord Halifax était son collègue pour le département du Nord. C'est sous leur ministère, qu'éclata l'affaire de Wilkes, qui tourna si désavantageusement pour la Cour. Milord Egremont, qui s'en considérait comme un des principaux moteurs, en conçut un chagrin si violent, qu'il se tua dans son cabinet d'un coup de fusil. Sa famille a fait tout son possible pour étouffer ces bruits et publia qu'il était mort d'une fin naturelle. Sa veuve, autrefois très jolie, était dame d'honneur de la reine, et avait épousé en secondes noces, le comte de Bruhl, ministre de Saxe en Angleterre et neveu du fameux Bruhl, à condition qu'elle conserverait le nom de son premier mari, comme plus honorable pour elle et lui donnant le rang de pairesse.

Harcourt, comte d'Harcourt, vicomte de Nuneham.

De mon temps il était ambassadeur à la Cour de Versailles. Sa belle-fille, milady Nuneham, était une personne fort aimable.

Seymour-Conway, comte d'Hertford, vicomte de Beauchamp (créé en 1750).

Il était alors grand chambellan du roi. Il avait été ambassadeur en France et vice-roi en Irlande. Il épousa une fille du duc de Grafton, sœur de milady Harrington, dont il a eu dix ou douze enfants.

Yorke, comte d'Hardwicke, vicomte de Royston, etc. (créé en 1754).

Son père, de simple clerc, parvint par son mérite à la dignité éminente de chancelier ainsi qu'à celle de pair du royaume. Le chevalier Yorke, ambassadeur d'Angleterre près des Etats-généraux, était le second frère de milord Hardwicke.

Fok, comte d'Ilchester, lord Stavordale. C'était un fort petit gentilhomme, mais son éloquence l'ayant rendu redoutable à la Cour, on l'attira dans la Chambre des seigneurs, pour l'attacher au parti des royalistes.

West, comte de Delawaw, vicomte de Canteloupe (créé par George III, en 1761).

La famille des West est une des plus anciennes de l'Angleterre. Ils étaient en possession de la pairie dès le XVIème siècle, sous le titre de barons Delawaw. Milord Delawaw, que j'ai connu, était grand chambellan de la reine. Sa sœur, lady Caecilia, qui avait épousé le général Johnson, gouverneur de Minorque, aimait beaucoup les Russes. Elle avait eu l'occasion d'en connaître plusieurs à Mahon, lorsque notre flotte, qui appareillait dans l'Archipel, vint y mouiller.

William Pitt, comte de Chatham, vicomte de Barton-Pinsent (créé en 1766).

Tout le monde sait que ce grand homme dut son avancement à son éloquence. Opposé à milord Walpole par la duchesse Sarah de Malbrough, il se fit bientôt un parti considérable. Il entraînait presque toujours l'unanimité des suffrages. La Cour lui fit à diverses reprises des offres brillantes pour l'engager à abandonner le parti du peuple, dont il était l'idole. Il passa successivement par diverses places du ministère. Mais son secrétariat d'Etat mit le comble à sa gloire. Il gouverna sa patrie en maître, et dirigea la guerre avec une sagacité et des succès étonnants. Presque toute l'Europe fléchissait devant ses volontés. Jamais d'époque plus brillante pour l'Angleterre, que celle de son ministère.

Pitt se retira du ministère à la mort de George II, parce qu'il voulait la guerre, tandis que George III, à l'instigation de sa mère et de Bute, s'étaient déclarés pour la paix.

Il prévoyait que la France, dans l'état d'épuisement où elle se trouvait, ne pourrait guère soutenir au delà d'une campagne, et qu'alors l'Angleterre aurait été maîtresse de dicter des conditions beaucoup plus avantageuses, que celles de la paix de Fontainebleau. Pitt aima mieux se retirer que de céder. Cependant son zèle pour le bien public ne lui permettait pas de rester dans une entière inaction. Il déclamait contre la faiblesse des ministres qui lui avaient succédé et faisait remarquer leurs fautes au public. Il resta dans cette position jusqu'en 1766, lorsque le roi crut devoir l'employer pour calmer les mécontentements, qui commençaient à se déclarer. Pitt reprit du service à condition qu'il possèderait la confiance du roi et qu'il aurait l'autorité d'un ministre sans être revêtu de ce titre. Il stipula aussi que toutes ses créatures seraient placées. Ce fut dans ce temps que le jeune duc de Grafton devint secrétaire d'Etat, sans n'en avoir que le nom. Pitt se choisit la place de garde du sceau privé. Mais bientôt après, il se laissa entraîner à une démarche, qui lui fit un tort infini et qui lui aliéna l'esprit d'un grand nombre de ses partisans. Il se laissa surprendre aux amorces de la pairie, dans un âge, où il n'aurait dû songer qu'à soutenir le caractère, qu'il avait jusqu'alors déployé. Il accepta les offres du roi et passa dans la Chambre des seigneurs avec le titre de comte de Chatham. L'étonnement fut général. Cette démarche, dont il aurait dû prévenir les suites funestes, parut d'autant plus incompréhensible, que ses enfants avaient déjà l'expectative de la pairie, du droit de leur mère créée pairesse en 1761, sous le titre de baronne de Chatham. Milord Chatham ne sentit le piège qu'après le coup. En sortant de la Chambre des communes, il se vit dépouillé en grande partie de l'autorité sans bornes, qu'il avait toujours exercée. La nation n'eut plus la même confiance en lui, elle le crut corrompu comme tous les autres. Milord Chatham n'occupa cette fois le ministère que douze à quinze mois. Il s'aperçut bientôt que les propositions du parti opposé étaient mises à exécution préférablement aux siennes.

Il crut qu'il y allait de son honneur de ne pas rester nul dans la direction des affaires et il remit ses emplois entre les mains du roi. Rendu à lui même et dégagé de toute autre obligation, il travailla avec un zèle nouveau aux intérêts de ses concitoyens, mais le mauvais état de sa santé et le dépérissement de ses facultés ne lui permettant pas de se livrer à ses occupations accoutumées, il s'éloigna peu à peu des affaires. Il passait la plus grande partie de son temps à sa campagne de Hayes.

Une ambition démesurée était la passion dominante de milord Chatham. Il avait pour principe de ne jamais approuver les opinions d'autrui, quelque bonnes qu'elles pussent être. Tous les moyens lui étaient bons, pourvu qu'il arrivât à ses fins. Accoutumé à voir ses avis reçus comme des oracles, la moindre contrariété le révoltait. Ses connaissances en politique étaient vastes et profondes. Il avait étudié la situation morale et physique des empires, et l'on peut dire qu'il possédait la science des intérêts de son pays. Il joignait à une pénétration profonde une application infatigable; en un mot, il était doué de toutes les qualités qui constituent l'homme d'Etat. Si l'on peut lui reprocher quelque chose, c'est d'avoir été trop entreprenant et, peut-être, trop prodigue des deniers de la couronne. Quoi qu'il en soit, on doit rendre justice à son génie, et ses ennemis mêmes ont été forcés de convenir que ses défauts ne pouvaient entrer en balance avec son mérite.

Quelques vicomtes et pairs d'Angleterre.

D'Evereux, vicomte de Hereford, premier vicomte d'Angleterre (créé par Edouard VI, en 1549).

Le fameux Robert d'Evereux, comte d'Essex, favori de la reine Elisabeth, décapité pour crime de haute trahison, était de cette même famille. Sa bonne mine, autant que son courage et son esprit, lui valurent les bonnes grâces de sa souveraine. On prétend même, qu'un sentiment, plus vif que celui d'une simple bienveillance, porta la reine à élever cet orgueil-

leux sujet au faîte des honneurs. Cependant des personnes dignes de foi assurent qu'Elisabeth, par un défaut de naissance, était dans l'impossibilité de se marier. C'est pour cette raison, disent-elles, que la reine flattait d'une vaine espérance tous les princes qui briguaient sa main, sans avoir jamais voulu se décider en faveur d'aucun.

Milord Essex, quoique dans un âge peu avancé, passa par les premières dignités de l'Etat. Il fut chargé de plusieurs commissions qui demandaient un homme de confiance, et il s'en tira avec honneur. Il commanda la flotte qui bombarda Cadix, et c'est sous ses ordres que les troupes anglaises marchèrent au secours de Henri IV, dans les guerres de la Ligue. A son retour en Angleterre, ses propres succès et sa faveur l'éblouirent, et enflèrent sa vanité à un tel point que la reine, pour l'éloigner de sa ruine qu'elle prévoyait, le nomma vice-roi d'Irlande, en le chargeant d'étouffer l'esprit de rébellion qui commençait à s'y déclarer. La plus grande partie de la noblesse irlandaise, soutenue par les intrigues du cabinet de Madrid, était contre la Cour. Essex partit pour Dublin, plein d'une confiance présomptueuse. Il disait hautement, qu'il n'avait accepté cette commission que pour relever, par des nouveaux succès, l'éclat de ses triomphes, mais, malheureusement pour lui, l'effet ne répondit point à l'espérance qu'on avait conçue de son habileté. Il est difficile de déchiffrer sa conduite à cette époque. Quelles qu'aient été ses vues, le parti des rebelles prit de nouvelles forces et n'en montra que plus d'audace. Les Anglais en murmurèrent. Essex était au désespoir, et la reine, mécontente de lui, prêta l'oreille aux discours de ses ennemis, qui profitèrent de cette occasion pour le perdre. Essex, ayant appris les suites des bruits qui couraient sur son compte, se laissa entraîner à l'impétuosité de son caractère et revint à Londres pour se justifier, sans avoir égard à l'ordre précis de la reine, de ne pas s'éloigner de l'Irlande, où sa présence était si nécessaire. Cette princesse, offensée d'une désobéissance aussi formelle, lui fit un accueil très froid. Essex, qu'une telle réception

poussait à bout, ne put se contenir. Il éclata dans le conseil en reproches amers sur l'ingratitude, dont on payait ses services. Elisabeth, indignée de l'arrogance de son favori, lui fit l'affront de lui donner un soufflet, injure à laquelle Essex ne répondit qu'en portant la main à son épée. On le retint et l'ordre lui fut signifié de ne pas sortir de sa maison.

La bonne harmonie fut bientôt rétablie. Essex plia, et la reine pardonna. Cependant il crut son honneur trop grièvement blessé, pour en rester là. Il commença par s'éloigner de la Cour, répandant le venin de son ressentiment sur toutes les actions de sa bienfaitrice. Il accueillait tous ceux qui avaient sujet d'être mécontents du gouvernement et les fortifiait dans leurs sentiments séditieux. Sa maison était leur asile; en un mot, il ne méditait rien moins qu'une vengeance éclatante. Il se couvrait du prétexte spécieux d'arracher Elisabeth à ses ministres, qu'il appelait les perturbateurs du repos public, parce que, observateurs trop vigilants de toutes ses démarches, ils l'empêchaient de mener ses projets à leur maturité.

Il prit enfin la résolution de sortir de sa campagne à la tête de trois ou quatre cents séditieux, se flattant que la populace de Londres passerait aussitôt sous ses drapeaux, mais il se trompa. Personne ne bougea, et les gardes de la reine ayant dissipé sa troupe, il se vit contraint de se rendre prisonnier. Il fut alors considéré comme un criminel d'Etat, et jugé comme tel. Selon les lois, il devait payer de sa tête son imprudence, mais la reine, conservant pour lui un reste de tendresse, voulut encore user de clémence à son égard et lui fit entrevoir qu'il pourrait obtenir sa grâce, pourvu toutefois qu'il confessât ses torts et qu'il implorât son pardon. Essex ne voulut point consentir à plier. La modération de la reine lui fit espérer que sa tendresse étoufferait sa justice et qu'elle lui pardonnerait sans qu'il fût réduit à s'humilier. Il persista à protester de son innocence, mais ses justifications ne furent point écoutées, et sa fermeté eut tous les dehors d'une coupable opiniâtreté. Il eut enfin la tête tranchée.

La reine, voulant effacer jusqu'à la trace des bienfaits dont elle l'avait comblé, priva sa famille du titre de comte d'Essex, mais Jacques Ier, à son avènement au trône, rétablit le fils dans toutes les dignités du père. Il se maria et mourut sans postérité. En lui s'éteignit la ligne des comtes d'Essex. Des parents collatéraux assez éloignés lui succédèrent dans le titre de vicomte d'Hereford. Sa veuve, encore très jeune, sut captiver par ses charmes le beau Carr, comte de Sommerset, favori de Jacques Ier, et c'est de concert avec son amant qu'elle se défit du brave Ouverguerck qui s'opposait à leur union.

Charles II renouvela à son avènement à la couronne, la dignité de comte d'Essex, en la conférant à la famille des Capels, qui en est jusqu'à présent en possession.

Townsend, vicomte de Townsend (créé par Charles II en 1682).

Cette famille est depuis longtemps en possession des premiers emplois. De mon temps, l'héritier de ce nom était vice-roi en Irlande. Il passait pour un zélé partisan de la Cour. J'ai aussi beaucoup connu un certain mr. Thomas Townsend, qui avait rempli la place de chancelier de l'Echiquier, mais qui l'avait quittée pour se jeter dans le parti de l'opposition dont milord Chatham était le principal agent. Il me fit beaucoup d'éloges du comte Alexandre Vorontsov, ci-devant notre ministre à Londres, pendant les années 1762 et 1763, avec lequel il avait été intimement lié.

Thinne, vicomte de Wegmouth.

Celui qui vivait de mon temps, avait épousé une sœur du duc de Portland. Sa conduite n'était rien moins qu'exemplaire. Possesseur d'un bien qui lui rapportait 21 mille livres sterling, il s'était déjà tellement endetté, qu'il était réduit à trois mille livres sterling de revenu. Il était connu par son attachement pour les Stuarts. On se souvient encore qu'en 1745, il but à genoux à la santé du prétendant et à l'heureux accomplissement de son entreprise. Cela ne l'empêcha point

d'entrer dans le ministère à la sollicitation du feu duc de Bedford. Il remplit pendant trois ans la place de secrétaire d'Etat du Sud, quoiqu'il n'eût pas la moindre teinture de tout ce qui se nomme politique. Il se démit de cette charge en 1770, lors des difficultés qui survinrent au sujet des îles de Falckland. Les médisants prétendent qu'il se décida à cette démarche, dans la crainte de ne pouvoir suffire aux travaux, qu'entraîne nécessairement une guerre pareille à celle qu'on pouvait prévoir alors.

Quelques vicomtes et pairs d'Ecosse.

Carey, vicomte de Falckland (créé par Jacques Ier, en 1620).

J'ai connu à Bath son frère, le lieutenant-général Carey. Il commanda en Portugal les troupes auxiliaires que les Anglais y envoyèrent en 1762, et le roi, très fidèle, pour le récompenser de ses services, lui fit présent d'un très beau diamant qu'il ne néglige pas de montrer.

Quelques vicomtes et pairs de la Grande-Bretagne.

St. Jean, vicomte de Bolingbroke (créé par la reine Anne, en 1712).

C'est le fameux St. Jean, ministre de la reine Anne, qui obtint pour sa famille le titre de vicomte de Bolingbroke, nom qu'il a rendu si célèbre. La conduite de ce grand homme, dans sa bonne, comme dans sa mauvaise fortune, est suffisamment connue. Celui qui portait son nom, est bien loin de posséder les mêmes qualités. Il ne se distingue que par son peu de délicatesse en fait de sentiments.

Byng, vicomte de Torrington (créé en 1721).

Son oncle, le malheureux Byng, fut arquebusé au commencement de la dernière guerre, pour avoir perdu une bataille navale,

à la vue du port Mahon, contre les Français, perte qui avait entraîné celle de la place.

Fitz-Gerald, vicomte de Leinster de Taplow, duc de Leinster en Irlande (créé par George II, en 1746).

Il porta d'abord le titre de comte, puis celui de marquis de Kildare. Son fils aîné avait alors ce dernier titre. La famille de Fitz-Gerald est une des plus anciennes de l'Irlande. Elle s'est presque toujours déclarée pour le parti de l'opposition, et le nom de Kildare a plus d'une fois paru avec éclat dans les troubles de l'Irlande. On dit que le duc de Leinster possédait un revenu de 40 mille livres sterling.

Quelques barons et pairs d'Angleterre.

Byron, lord Byron, de Rochdale.

Il avait été obligé de comparaître à la barre, devant la chambre des pairs, pour se justifier d'un meurtre qu'on l'accusait d'avoir commis en la personne de milord N.., avec lequel il s'était battu eu duel. Il fut déclaré innocent, à la pluralité des voix. Le commodore Byron, qui a fait le tour du globe, est son frère.

Hampden-Trevor, lord Trevor.

Il a été ambassadeur à la Haye. Sa fille défunte a été mariée à milord Suffolk, secrétaire d'Etat. J'ai souvent vu son fils chez M. Pouchkine; il revenait de son voyage d'Italie. Mme Hampden, fille du général Graem, secrétaire des commandements de la reine, est extêmement aimable.

Masham, lord de Masham (créé en 1713).

Il descend de la célèbre Mme de Masham, que supplanta la duchesse Sarah de Malbrough, dans la faveur de la reine Anne.

Bathurst, lord Bathurst.

Il y a eu un chancelier de ce nom, renommé pour son érudition et son intégrité.

Marsham, lord de Romney (créé par George I, en 1716).

Il est président de la société établie pour l'encouragement des arts et des manufactures.

Bruce Brudenell, lord Bruce (créé en 1746).

Il est le frère cadet du duc de Montagu. Le comte d'Aylersbury, mort sans enfants mâles, l'a fait héritier de ses biens. C'est pour cette raison qu'il a été créé pair. Il a beaucoup voyagé et il était en Russie en 1754.

Walpole, lord Walpole.

J'ai connu deux de ses frères, Thomas et Robert. Le premier était banquier et membre de la Chambre des communes, le second était ministre plénipotentiaire à Lisbonne. Il avait été quatre ans secrétaire d'ambassade à Paris.

Murray, lord Mansfield.

Il est le premier juge du royaume, comme lord-chef de justice du King'sbench. Ses profondes connaissances en judicature ne l'empêchent pas d'être détesté de ses concitoyens. Les feuilles publiques sont journellement remplies de libelles diffamatoires contre ce magistrat. On l'accuse surtout de méchanceté, mais son vrai crime aux yeux du peuple, est le zèle et l'attachement qu'il porte au roi.

Hill, lord Harwich, comte de Hillsborough, en Irlande (créé en 1756).

Il est secrétaire d'Etat pour le département des colonies d'Amérique. Je connais deux de ses filles, ladies Charlotte et Marie Hills, qu'on place à juste titre parmi les beautés de Londres.

Lyttelton, lord Lyttelton (créé en 1541).

Sa vaste érudition et ses connaisances dans les lois et l'histoire de son pays, le rendent célèbre. Il a écrit l'histoire du règne de Henri II, époque très intéressante pour la nation, puisque c'est de là que commence à dater l'existence de la Chambre des communes, ce rempart de la liberté publique. C'est un ouvrage très raisonné et qui a mérité les suffrages des savants. Je connais un frère de milord Lyttelton. Il a été gouverneur de la Jamaique et depuis revêtu du ca-

ractère de ministre plénipotentiaire à la Cour de Lisbonne. Il a désiré remplacer le chevalier Grey dans son ambassade à Madrid, mais milord Grantham lui ayant été préféré, il a remis ses emplois au roi et s'est jeté dans le parti de l'opposition.

Petty, lord Wycombe, comte de Shelburne en Irlande (créé en 1760).

A l'avènement au trône de George III, il avait devant lui la perspective la plus riante. Elevé à la campagne de ce prince, il possédait son amitié et sa confiance. Il a rempli pendant douze ou quinze mois les fonctions de secrétaire d'Etat, mais des sujets de mécontentement l'ont engagé à quitter le ministère. Il est entré dans le parti de l'opposition dont il est devenu un membre des plus zélés. Cette démarche le rendit irréconciliable avec son maître.

Robinson, lord Grantham (créé par George II, en 1661).

Quoique jeune encore, il est ambassadeur à la Cour de Madrid. Il est fils du chevalier Robinson, qui a séjourné longtemps à Vienne et qui s'est acquis une si grande réputation par ses négociations avec presque toutes les Cours de l'Europe.

Irbi, lord Bosin (créé en 1761).

Il a été chambellan de la princesse de Galles, mère du roi. C'est pour cette raison qu'il a été élevé à la pairie.

Pelham, lord Pelham (créé en 1762).

Il est de la même famille que le feu duc Newcastle. Actuellement, il est contrôleur de la maison du roi.

Fox, lord Holland, baron de Foxley (créé en 1763).

C'est le même que son éloquence a rendu si redoutable dans la Chambre des communes. La Cour l'a attiré dans son parti par le puissant attrait des charges. Il a été revêtu de différents emplois et s'est distingué surtout dans celui de payeur-général de l'armée qu'il a exerçé longtemps et qui lui a facilité les moyens de s'enrichir. Il différait de rendre les comptes de son administration, malgré les instances réitérées du parlement. Il a toujours remis de le faire, sous différents prétextes, et même

lorsque la paix était faite, il passait ordinairement en France, vers le temps, où le parlement devait s'assembler. On dit que ses richesses sont immenses, mais il est probable qu'elles ne resteront pas longtemps dans sa famille, car il a le malheur d'avoir pour fils les deux joueurs les plus décidés de l'Angleterre. Il a déjà payé pour eux plus de 150 mille livres sterling. Stephen, qui est l'aîné, auquel il a fait un revenu de sept mille livres sterling, l'a a déjà réduit à deux mille livres sterling. La conduite de ce jeune homme est aussi déréglée que son corps est hideux. L'embonpoint excessif, dont il est surchargé, le plonge souvent dans un sommeil léthargique.

Charles Fox, son frère, n'a pas une meilleure conduite. Il a aussi la passion du jeu, et son extrême vivacité l'entraîne souvent à de grosses pertes; ses talents et son éloquence faisaient concevoir de lui de hautes espérances. A un esprit naturel et à une pénétration facile, il joint l'avantage d'une énonciation agréable. Jeune encore, il a été nommé un des sept commissaires de l'amirauté, charge qui lui rapporte mille livres sterling par an, mais une légère querelle qu'il a eue avec milord North, au sujet d'un emploi que celui-ci a refusé d'accorder à un de ses amis, pour lequel il a demandé, l'a engagé à remettre sa charge entre les mains du roi. Cependant il n'est pas entré pour cela dans le parti de l'opposition, disant qu'il fait une différence notoire entre le maître et le ministre et qu'il peut être attaché au premier, quoique mécontent du second.

Pratt, lord Camden, ancien chancelier (créé en 1765).

Son attachement aux principes politiques de milord Chatham l'a élevé à cette importante dignité. Son intégrité et son zèle pour les immunités du peuple l'ont engagé à s'en démettre. C'est à l'occasion du fameux acte du timbre et des autres affaires des colonies de l'Amérique, auxquelles il n'a pas voulu donner son consentement, qu'il a abandonné ce poste. Milord Camden est considéré comme un des plus zélés défenseurs de la liberté pu-

blique. Quoique retiré du service, il a continué de recevoir une pension de trois mille livres sterling.

Campbell, lord Sandbridge, duc d'Argyle, en Ecosse (créé en 1766).

Il a été créé pair d'Angleterre du vivant de son père, n'étant pas encore pair d'Ecosse par lui-même et ne portant que le titre de marquis de Lorne.

1007. Отрывокъ изъ черновыхъ записокъ кн. Александра Борисовича Куракина.

[1772 г.].

Autant que je puis me souvenir, on compte de Berlin jusqu'à Dantzig 56 milles. Les meilleurs gîtes sur cette route se trouvent à Schwedt, à Stargard, à Coslin et à Stolpe. Sans être aussi bien que dans les auberges de l'Angleterre, on y est passablement. On peut y avoir des lits assez propres, et en général les choses les plus essentielles pour un voyageur. Quant à la table, elle consiste en plats partout assaisonnés avec une égale propreté, mais tous selon le goût du pays, c'est à dire avec beaucoup d'épiceries et de sucre; c'est pourquoi si on a un cuisinier dans sa suite, il n'est pas mal de s'en servir le plus qu'on peut. Les postes sont assez bien réglées. Votre postillon doit vous mener non selon sa fantaisie, mais selon des heures une fois fixées. En y contrevenant, il risque que vos plaintes lui attireront une rude punition.

Comme les postes entre Dantzig et Riga ne sont pas justement sur un fort bon pied; que les chevaux sont pour la plupart des haridelles, que souvent on n'en trouve pas assez pour un train de deux ou trois voitures, et que quelquefois on est obligé de les attendre dans des réduits très dégoûtants, il est à préférer de louer à Dantzig des voituriers qui vous mèneront à Riga presque pour le même prix, et avec la même vitesse que la poste, et l'on évite par là une infinité de désagréments. Ces voituriers sont des gens très sûrs; ils ont des chevaux excellents

et ils veillent à vos équipages avec soin, de plus les voyages fréquents qu'ils sont dans le cas de faire, leur ont fait acquérir une expérience relative à ce chemin qui ne laisse pas d'être très agréable au voyageur. Toujours il faut se fournir à Dantzig de toutes sortes de provisions, surtout de thé, de sucre, de vin, ainsi que de matelas et de coussins, car c'est devenir la victime de son attente que compter en quoi que ce soit sur ces méchantes cabanes, qu'on rencontre sur cette route et qui abusivement portent le nom d'auberges.

Si les voitures ne sont pas trop chargées, il ne serait pas mal de prendre avec soi un petit nécessaire de voyage, où se trouve tout ce qui est relatif au service du thé, quelques verres, cuillères, fourchettes, couteaux, etc. Venant dans le cas, on en verra la nécessité. Cette précaution est littéralement observée par la plupart des Russes qui sortent de leur patrie.

Arrivé à Riga, on ne doit point se laisser persuader par les voituriers pour en prendre d'autres jusqu'à St. Pétersbourg. Ils tentent ordinairement ce manège avec les étrangers. Dès qu'on quitte la Courlande, les postes sont à un prix très modique et parfaitement bien arrangées; on peut aussi être assez content des maisons des commissaires qu'on trouve en Livonie sur toutes les stations. Etant toutes d'un égal arrangement, on ne peut en recommander aucune par préférence.

A Kœnigsberg déjà, il est à conseiller de faire mettre ses voitures sur des traîneaux. Plus on avance, plus on trouve la neige profonde et les gelées fortes, et plus par conséquent on peut aller vite. En allant jour et nuit, on fait le chemin de Riga à St. Pétersbourg en quatre fois, vingt-quatre heures tout au plus.

Comme les ordonnances relatives à la douane sont très rigides en Russie, on est exposé deux ou trois fois, avant d'arriver à la résidence, à la brutale et incommode visite de MM. les douaniers; mais on peut obvier à ce grand désagrément en faisant plomber à Riga tous ses coffres.

1008. Notice pour un séjour à faire à Leyde dans le dessein louable d'y étudier.

[1772 г.].

Un étranger, en arrivant à Leyde, y trouve trois ou quatre auberges des mieux conditionnées pour y descendre d'abord.

L'étendue de cette ville, l'agrément et la commodité de la plupart de ses bâtiments préviennent tout l'embarras qu'il peut avoir pour le choix d'un quartier conforme à ses désirs et à ses finances. S'il veut tenir son propre ménage, il trouve à louer une maison avec toutes les aisances possibles pour 600 à 800 florins par an; mais comme je suppose que, pour éviter les inquiétudes qui accompagnent ordinairement la direction d'un ménage à soi, et ne voulant pas être les dupes de cette foule de petits marchands qui, sans principes et sans conscience, méconnaissent tout, hors leur intérêt et le plaisir qu'ils ont d'obérer les étrangers, qui ne peuvent être assez au fait des prix courants, mes cousins Roumiantsev préféreront et même tâcheront de se loger dans une maison, où en même temps ils pourront profiter de l'avantage de la table et de tous les petits services pour l'intérieur, je ne puis leur donner dans ce cas de meilleur conseil que celui de faire ce que nous avons fait.

Nous étions trois: M. de Saldern, le comte Chérémétev et moi. Nous nous sommes logés sur la Breitstrasse, la plus fréquentée et la plus belle de la ville, à l'auberge qui porte l'enseigne de la *Cour de Hollande*. Nous l'avons occupée en entier pour 1200 florins par an, sous la condition expresse que pendant le temps que nous y demeurerions, l'hôte suspendrait toutes les fonctions de son état. Cependant, comme il y avait une chambre qui ne nous servait de salle à manger que quand nous avions du monde, nous lui permîmes par pure complaisance d'en disposer, les jours que nous n'en avions pas besoin.

La maison est grande, propre, bien éclairée et très joliment meublée. Elle est en boyau, longue sur peu de largeur. Un

corridor communique les deux maisons, dont l'une donne sur la Breitstrasse, l'autre sur le Longport. J'occupais avec M. de Saldern la première, le comte Chérémétev était seul dans la seconde. Je crois que MM. les comtes de Roumiantsev feront bien de se décider pour celle où j'ai demeuré; il y a quatre grandes chambres de maître, deux dans chaque étage, et trois chambres de domestiques dans les mansardes; il me paraît que c'est tout ce qu'il faut pour deux garçons.

L'hôte de la *Cour de Hollande* s'appelle Nagelswoorth. Pendant tous les quinze mois que nous avons demeuré chez lui, il ne nous a donné aucun sujet de plainte; au contraire, il s'est toujours mis en quatre pour prévenir en tout notre volonté. Pour le maintenir dans ses bonnes dispositions, il y a une façon de s'y prendre: c'est d'être de la dernière exactitude dans les paiements qu'on a à lui faire. Nous avions coutume de lui payer chaque mois révolu tout ce qui lui revenait pour son loyer et sa table. De notre temps il avait un très bon cuisinier. Pour nous épargner le désagrément ou plutôt l'impossibilité d'entrer dans tous les détails minutieux de la cuisine, nous avons fait avec lui un accord en gros. Sa table était bonne et pas chère. Dans les jours ordinaires le prix était d'un florin et demi par tête à dîner et d'un florin à souper; il s'entend que c'était sans vin. Quand nous avions du monde chez nous, une augmentation d'un demi florin par tête suffisait pour améliorer les plats et en augmenter le nombre. Nous avions d'habitude six plats à dîner et quatre à souper. Nous ne pouvions pas exiger de lui des friandises; s'il y en avait qui nous tentaient, il fallait les acheter de notre bourse. Le vin et la bière, nous les faisions venir d'un marchand de vin pour le prix courant, mais comme ceux qui appartiennent à l'université jouissent de plusieurs prérogatives, entre autres de ne reconnaître d'autre juge et d'autre supérieur que le conseil académique, et d'être exemptés jusqu'à une certaine somme des taxes assez considérables sur les marchandises de consommation, imposées sur tous les habitants en général, il serait nécessaire que MM. les comtes de Roumian-

tsev dès le commencement allassent prier le recteur magnifique de l'université de les inscrire dans son livre en qualité d'étudiants. Cette incorporation fait déjà un petit article de dépense. Nous avons donné chacun six ducats au recteur et deux ducats au pedell pour leurs peines.

Si par hasard le sieur de Nagelswoorth ne consent plus à louer la moitié de sa maison pour un an et à un prix raisonnable, alors le parti le plus utile à prendre c'est de s'adresser à M. le professeur Pestell dont l'intelligence, la probité et le zèle pour ceux qui se confient à ses soins sont reconnus et prouvés. Ses connaissances sont vastes et profondes, sa réputation est brillante et son cœur, sensible à l'excès, est susceptible de toute l'énergie de l'amitié. Il en aime et en remplit les devoirs. C'est cet homme d'or, que ma conviction me fait proposer à mes cousins comme celui qui peut leur servir d'ami, de conseil et de guide dans toutes les occasions et dans tout ce qu'ils auront à faire et à entreprendre.

A présent j'en viens à la façon dont étaient arrangées mes études, mes heures et mes journées. Une conformité de desseins, une conformité d'âge et de situations me fait croire et espérer que ce même arrangement pourra être approuvé, suivi et adopté par MM. les comtes de Roumiantsev. Mon grand but de devenir citoyen éclairé et un jour utile à ma patrie, le peu de temps que j'avais à perdre avant d'entrer dans le tourbillon du monde pour me former et me procurer les lumières qui me manquaient, tout enfin m'a servi d'émulation et tout m'a engagé d'oublier le reste de l'univers pendant les quinze mois que j'ai été à Leyde, pour ne m'occuper que de mes études et de mon application.

Leyde est vraiment le séjour des Muses; point de bruit, point de fracas, point de séductions: tout y est calme et tranquille, aucune distraction involontaire ne vous y trouble; on peut s'y livrer à l'enthousiasme de la science sans craindre d'en être détourné par quelque autre objet, et on peut presque dire qu'on n'y trouve de plus grande ressource que les livres et les occupations qu'on sait se faire. Chez moi un jour y était com-

me l'autre; mon genre de vie en général était très uniforme, car c'est à cette uniformité qu'on prétend devoir la persévérance dans l'application.

Je me levais tous les jours pendant l'été à six heures et pendant l'hiver à six heures et demie du matin. Ma toilette complète était achevée dans une demi-heure. Jusqu'à huit heures je me préparais aux leçons que je devais avoir en écrivant ou en lisant; à huit heures venait mon maître de mathématiques Fass; à 9 heures j'allais chez le professeur Pestell pour le collège de Droit naturel; à 10 heures, trois fois par semaine, à la salle d'armes, et les jours que je n'y allais pas, j'employais cette heure à coucher sur le papier ce que j'avais retenu du collège de Droit naturel; l'heure, de onze à midi, était destinée tous les jours à la langue latine; à midi j'allais chez le professeur Allamand pour le cours de philosophie; à une heure je revenais chez moi, alors on faisait servir la table et deux heures étaient consacrées au dîner et à la digestion; à trois heures je retournais chez le professeur Pestell pour le collège d'histoire politique, de quatre à cinq j'écrivais mes remarques; à cinq heures venait chez moi mon maître de langue française; de six à sept je continuais mes élaborations particulières; de sept à huit, s'il faisait beau, nous nous promenions hors la ville, si non, nous le faisions dans nos chambres; à huit heures le souper était sur la table, à huit heures et demie il était fini; je me remettais à travailler auprès de mon bureau, et quand la cloche de la ville sonnait dix heures, c'était le signal auquel nous allions nous coucher.

MM. les comtes de Roumiantsev verront par ce précis que je n'avais pas beaucoup d'instants à moi. Il est à remarquer que les mercredis et les samedis je n'avais point de collège ni chez M. Pestell, ni chez M. Allamand: c'était nos jours de manège, de danse et de langues italienne et allemande, et de plus ils étaient destinés à la répétition de ce que j'avais appris le reste de la semaine. En tout, il est nécessaire de rafraîchir sa mémoire, principalement en fait d'études; si on ne le fait pas, on apprend à peine perdue.

Les dimanches, j'avais la permission de dormir une demi-heure de plus. Le samedi au soir je veillais à la propreté de ma tête, je me faisais mettre en papillotes, et le lendemain matin on me mettait les cheveux en ordre pour toute la semaine, parce que je n'osais me servir d'un perruquier que ce jour: les autres jours je devais me friser moi-même. A neuf heures nous nous rassemblions avec le comte Chérémétev dans la salle, où nous lisions alternativement un livre de prières à haute voix pendant une demi-heure. C'était le seul moyen que nous avions de nous acquitter de nos devoirs de religion.

Dans toutes les universités d'Allemagne, les professeurs donnent des collèges publics et des collèges privés. Les collèges publics sont proprement ceux qui constituent l'essence de leur emploi; ils s'y servent de la langue latine et tous les étudiants, qui ont envie de profiter de leurs leçons, y sont admis pour un prix très modique. A Leyde par exemple le prix d'un collège public, depuis le commencement du cours jusqu'à la fin, est de six ducats. Les collèges privés et privatissimes forment les recettes extraordinaires de messieurs les professeurs; aussi y développent-ils plus d'activité et d'érudition, et un étudiant, assez à son aise pour soutenir cette dépense, ne peut faire mieux que s'y résoudre sans hésiter. Mille avantages doivent l'y engager: ce n'est plus lui qui reçoit la loi, c'est lui qui la donne, le professeur emploie la langue qu'il comprend le plus, il lui permet de faire des questions et des objections, ils discutent ensemble et c'est d'un commun accord qu'ils choisissent et examinent les matières. C'est tout différent dans un collège public. L'étudiant n'ose point interrompre le professeur dans le fil de son discours, il ne doit ni parler, ni questionner, ni objecter, il ne peut qu'écouter. A Leyde un collège privé coûte d'ordinaire 100 ducats; si pendant le cours on a reçu des témoignages de zèle particulier de la part du professeur, et qu'on veuille à la fin lui montrer sa reconnaissance, alors on lui fait un présent.

M. de Fass, maître de mathématiques, moyennant un accord, m'a coûté 260 florins.

L'écuyer de l'université s'appelle T i e l m a n; il prend le premier mois 40 florins et les suivants 20 florins.

Le maître d'armes est M. C l e r m o n t, lieutenant de la bourgeoisie; il a porté son art jusqu'à la perfection; son prix est d'un louis d'or par mois.

M. K e r r o u x a été mon maître de langues latine et française. Je le recommande à mes cousins comme un homme très attaché à son devoir et très versé dans les belles-lettres. Il prend deux ducats par mois.

M. C o l i c i m'a enseigné la langue italienne; il a tout plein de talents avec de grandes connaissances dans la musique; il apprend aussi à toucher du clavecin; son prix est également de deux ducats par mois.

Le maître de danse de Leyde, B a g g e, est plus que médiocre. Mon conseil serait que mes cousins attendissent pour cette partie leur arrivée à Paris. Deux mois d'apprentissage chez V e s t r i s feront plus qu'une année partout ailleurs.

Il est à remarquer qu'à Leyde on compte dans un mois de leçons seize billets et non pas douze comme chez nous.

Vu l'excessive cherté des vivres, nous y avons donné à nos domestiques quatre ducats par mois, et ce n'était pas trop.

L'excellent pavé, la propreté des rues et l'admirable simplicité, qui règne encore dans les mœurs de ce pays, sont cause qu'on voit rouler peu d'équipages à Leyde. Les personnes les plus opulentes vont à pied. Cet exemple est trop séduisant, pour que les étrangers se trouvant sur les lieux l'admirent sans le suivre.

Toutes les fois que MM. les comtes de R o u m i a n t s e v seront invités à des soupers en ville, ils auront la faculté de se servir des carrosses de remise, qui sont très bien conditionnés et à très bon marché. Pour aller et venir dans l'enceinte de la ville, on ne paye, autant que je me rappelle, que deux escalins. Le prix augmente quand on va à la campagne.

Les maisons, que nous fréquentions à Leyde dans nos soirées de délassement, étaient celles de M. de L e y d e d'O s t v o o r n, de

M. de Changuion, échevin de la ville. de Mme de Lampsing et de M. de Pestell. Ce sont les plus honnêtes gens du monde.

1009. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. іюня 14. Москва.

Съ г. Кампфомъ получила я отъ васъ перстень, послѣ котораго въ короткое время и сердечко съ вашими волосами, за что сердечно вамъ благодарствую. Вѣрьте, что не инако все это принимаю, какъ за особливые знаки вашей ко мнѣ совершенной любви, въ которой никогда я не сомнѣвалась, и чрезъ свою къ вамъ искреннюю дружбу стараюсь всегда вамъ доказать, какой вы отъ меня оборотъ имѣете, въ знакъ чего обѣ эти вещи всегда на себѣ имѣю.

Крайне меня одолжите увѣдомленіемъ, получили ли вы матушкинъ портретъ, который я чрезъ г. Крока къ вамъ послала.

Письмо ваше послѣднее Юшу у насъ не застало. Правда, что его отъѣздъ мнѣ большое оскорбленіе сдѣлалъ, особливо тѣмъ, что онъ отъ своего отца безъ всякаго призора отпущенъ, что я старалась, какъ можно, исправить, и скорѣе его отпустить сколько для него, чтобы могъ застать начало кампаніи, и для его товарища, который былъ нетерпѣливъ возвратиться въ армію. Итакъ онъ у насъ больше шести дней не былъ. И первыхъ своихъ воиновъ до его пріѣзда отправила, считая его не такъ скоро видѣть.

Къ большому себѣ утѣшенію вижу, что вы съ нимъ очень дружелюбны, чему сердечно радуюсь, и желаю, чтобъ это на вѣкъ въ васъ осталось. Мнѣ самихъ васъ увѣрять невозможно, а думаю, что вы довольно увѣрены о мнѣніи и справедливости, которую всегда вамъ даю; а вамъ о немъ скажу, что онъ, право, стоитъ быть вами любимъ.

О Шереметева отъѣздѣ до сихъ поръ [ничего] рѣшительнаго нѣтъ.

О царевичевой дочерней свадьбѣ удивляюсь, что вы такъ любопытствуете: она кончилась въ деревнѣ безъ всякаго примѣчанія, и никто о ней не думаетъ, не только говоритъ. И вамъ совѣтую, любезный другъ, больше упражнять себя полезными дѣлами, нежели безпокоиться такой пустотой. Знаю, что вамъ не понравится мой совѣтъ; однако вѣрьте,—если бы я сердечно васъ не любила, столь открыто съ вами бы не говорила.

1010. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. іюня 30. Москва.

Хотя я увѣрена, что вы меня не забудете, однако прошу какъ можно чаще ко мнѣ писать, чрезъ что докажете мнѣ еще больше свою дружбу, въ которой я, конечно, не сомнѣваюсь. Думаю, что и вы во мнѣ можете быть довольно увѣрены, что я не лицемѣрно, а сердечно васъ люблю; для того желаю о васъ чаще, какъ можно, вѣдать. Знаете, что, въ отсутствіи будучи, больше удовольствія нѣтъ корришпонденціи. Я же, какъ обѣщала, такъ и продолжаю: всякій мѣсяцъ навѣрно пишу къ вамъ; когда время дозволяетъ, и по дважды. Письма мои къ вамъ были всегда адресованы къ Кроку такъ, какъ вы сами мнѣ предписали, а теперь буду посылать черезъ петербургскаго почтъ-директора.

Жалѣю, если я вамъ своимъ письмомъ какое огорченіе сдѣлала. Если вы такъ его приняли, прошу меня простить и вѣрить, что я никогда о васъ дурно не думала и пороки ваши не такъ помню въ разсужденіе того, что вы сами въ нѣсколькихъ признались съ обѣщаніемъ ихъ совсѣмъ покинуть, что, завѣрно считаю, уже сдѣлано. Итакъ я не столь злопамятна, какъ вы себѣ представляете. Думаю, хваля одного, другого еще тѣмъ не порицаю. Что-жъ о немъ, я къ вамъ для того писала, что совсѣмъ противное слышала тому, какъ я его нашла. Правда, что во многомъ неглижированъ, особливо въ разсужденіе письма, котораго головой ни на какомъ языкѣ не умѣетъ, что мнѣ очень не полюбилось.

Теперь вамъ скажу, что сегодня несказанно я обрадована, получа извѣстіе отъ своего Юши, что онъ благополучно до арміи доѣхалъ въ девятый день, чѣмъ мы много обязаны Кампфу, который не только его, но и наѣхавъ на Степашу съ Лобановымъ, которые слишкомъ за недѣлю до ихъ отъѣзда отправлены, взялъ съ собой и благополучно довезъ, чѣмъ не только мы, но и дядя мой очень былъ доволенъ: безъ того они съ Писаревымъ пропластались [бы] дорогой всю кампанію.

Они теперь всѣ въ должности при дяди ординарцевъ. Знаю, что вы Юшу любите; итакъ вамъ извѣстіе скажу, что отецъ его далъ ему 500 душъ не въ зачетъ будущаго раздѣла, что утверждено закладной на имя Никиты Ивановича, чѣмъ я теперь очень довольна, что какое-нибудь ему основаніе есть.

1011. Вильнефъ—кн. Александру Бор. Куракину.

[1770 г. не ранѣе іюля].

L'idée avantageuse, que vous avez bien voulu vous faire de moi et la bonté avec laquelle vous m'en écrivez, seraient deux nouvelles raisons de redoubler mon zèle et mes soins auprès de Monseigneur votre oncle et de Monsieur votre frère; mais la confiance dont m'honore Son Excellence Monsieur le comte Panine et tous les moyens naturels que ces messieurs ont de m'affecter pour eux journellement du sentiment le plus vif et le plus tendre, ont tout fait sur mon cœur. Je leur suis dévoué bien sincèrement et mes faibles lumières semblent répandre de nouvelles clartés sur mon esprit, en échauffant mes moyens d'instruction de toute la chaleur de mon âme.

Pour mettre en action ces sentiments auprès de ces messieurs, j'ai cru ne pouvoir pas mieux faire que de former exprès pour eux différents traités à la portée de leur âge sur la grammaire française, la morale, la rhétorique, la logique, la poésie théorique et pratique, la connaissance du corps humain, la physique et une courte métaphysique; c'est à quoi je travaille journellement. J'espère que ces traités clairs et concis,

tirés des meilleurs auteurs dans chaque genre, donneront assez de ressorts à leur imagination en peu de temps, pour leur inspirer le goût de la bonne littérature et de ces sciences qui constituent l'homme de lettres, l'honnête homme, l'homme aimable et l'homme utile à sa patrie.

Heureux si ces ouvrages, que je compose successivement avec autant de plaisir que d'attention, en remplissant mes devoirs auprès de ces messieurs, peuvent encore être utiles à la jeunesse du pays où je les compose; si je suis protégé sur ce désir, je lui en présenterai l'hommage, en faisant tout imprimer ici, et j'appellerai cet ouvrage en deux volumes in-8° „Petite encyclopédie portative des adolescents". Peut-être des personnes de tout âge faiblement instruites y trouveront-elles leur compte.

Quant aux points de vue généraux que j'ai sur l'éducation, il semble que j'aie voulu servir votre curiosité si bien placée sur cet objet par le poème sur l'éducation, que je viens de finir; la sincère amitié que j'ai pour ces messieurs m'a inspiré cet ouvrage, et c'est à la position intéressante où la Providence m'a mis, que je dois la promptitude et peut-être le degré de chaleur avec lesquels il est composé.

Comme mon invocation dans ce poème est adressée à Son Altesse Impériale, Monseigneur le grand-duc et à Son Excellence Monsieur le comte Panine, j'attends avec impatience que j'aie leur agrément pour le rendre public, s'ils l'en trouvent digne, en le faisant imprimer ici. La chose faite, j'aurai grand plaisir à vous en faire passer un exemplaire. Ce poème est divisé en cinq chants et est composé de 1260 vers. Il y a entre autre un passage qui répond assez juste à votre sentiment sur ce que vous appelez très bien „la première poussière classique". Le voici:

„L'âge où paisiblement s'ouvre l'intelligence
„Est si court, si troublé, que par trop de science
„De pédants gouverneurs gâtent tout bien souvent.
„Eh! Messieurs... s'agit-il de former un savant?

„Faisons venir le goût au plus haut période;
„Quand il sera venu, présentons la méthode.
„Tâchez que votre plan soit toujours adapté
„Au dessein de nourrir la curiosité,
„Sans la rassasier, etc."

Voilà le point de vue que je me suis fixé, qui s'accorde avec un autre endroit relatif à l'âge de ces messieurs, où je dis:

„L'homme est venu, Mentors, ses ressorts sont montés,
„Ici le même instinct meut d'autres facultés.
„L'activité du corps cherchait à se construire,
„L'activité d'esprit maintenant veut s'instruire.
„Sur cette instruction conservons tous nos droits,
„Sans trop gêner pourtant la liberté du choix:
„A ce qu'apprend l'esprit, l'esprit prétend se plaire;
„Le travail n'est plus rien, dès qu'il peut satisfaire.
„Mais prenons garde aussi que l'inutilité
„Ne soit le triste fruit de cette liberté:
„Sur différents objets un esprit trop volage
„Contracte, en fait d'études, un vrai libertinage;
„Pour vouloir tout savoir, alors il n'apprend rien, etc."

Je vois avec une vraie satisfaction que ces messieurs acquièrent journellement ce goût que je désire leur inspirer complètement; ils sentent déjà la nécessité de s'instruire et ce sentiment, joint à une docilité sans contrainte, me secondera, j'espère, d'une façon victorieuse dans mon entreprise si intéressante.

1012. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину.

1770 г. іюля 5.

Permettez que je profite aussi de l'occasion du départ de cet ordinaire, pour vous présenter mes très humbles hommages. C'est un bonheur dont je ne jouirai plus à l'avenir aussi souvent que je le souhaiterais: mes études y mettront des obstacles. M. de Saldern les a presque toutes arrangées, et je

crois qu'il aura l'honneur de vous en envoyer ci-joint le plan. Hier j'ai commencé déjà avec quelques-uns de mes maîtres. Comme c'est actuellement le temps des vacances, les professeurs Pestell et Allamand, chez lesquels je dois avoir des collèges sur le droit et la philosophie et l'histoire, sont partis pour l'Angleterre, afin d'y profiter de la belle saison. Pendant leur absence, je m'appliquerai d'autant plus, en ayant le loisir à mes autres études, et à leur retour, qui est fixé vers la fin du mois prochain, je commencerai chez eux. Vous pouvez être persuadé, Monseigneur, que je me livrerai de cœur et d'âme à toutes mes occupations. Que Dieu les bénisse seulement et que je puisse voir la continuation de vos bontés paternelles!

1013. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. іюля 7. Петербургъ.

C'est avec le plus grand plaisir du monde que je commence avec vous la correspondance, étant en même temps chargé par la princesse Kourakin de Moscou, de vous remettre les deux incluses ci-jointes. On m'avait conseillé d'attendre le départ d'un courrier pour vous faire tenir le gros paquet. Mais puisque cela se pourrait traîner trop longtemps, j'ai prié M. Eck d'expédier ma lettre par la poste.

Comme je prends une part sincère à tout ce qui vous arrive, je vous supplie de m'informer de l'état de votre santé, de vos occupations et de vos plaisirs et de m'adresser vos lettres pour vos parents, qui s'informent si souvent chez moi s'il n'y a point de lettres de vous.

Pour ce qui regarde les nouvelles d'ici, il n'y en a pas de fort intéressantes. L'Impératrice est partie pour Iambourg, mais cette absence ne sera que de quelques jours. Monseigneur le grand-duc se trouve à Péterhof, se portant très bien. Le jour de son nom s'est passé sans gratification, hormis que M. Strécalov a été décoré de l'ordre de Ste-Anne. Quel crève-cœur

pour les chambellans et quelques sénateurs! Le prince Bariatinski est arrivé avec son épouse la veille de la fête; il fera, à ce qu'on dit, le service comme les autres. Monseigneur le comte votre oncle se porte parfaitement bien, de même que M. de Saldern. Aussitôt qu'il se passera quelque chose d'intéressant, vous en serez informé, mon prince. Mais marquez-moi, je vous en supplie, sur quels articles vous souhaitez d'être éclairci et qui vous tiennent le plus à cœur.

1014. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1770 г. іюля 17. Лейденъ

Vivement pénétré des bontés que Votre Altesse Impériale a bien voulu me témoigner en tout temps et principalement pendant mon dernier séjour à Pétersbourg, je ne saurais lui en marquer assez ma tendre et respectueuse reconnaissance.

Votre Altesse Impériale a daigné me permettre de lui écrire, et elle me l'a même ordonné en termes exprès. Je sens trop, Monseigneur, le prix d'une permission qui m'est si flatteuse, pour me priver plus longtemps de l'honneur d'en profiter. Permettez donc que je fasse à Votre Altesse Impériale un petit détail du plan de mes études. L'intérêt, que vous avez toujours bien voulu prendre à tout ce qui me concerne, m'y autorise en quelque façon.

Grâce aux soins du digne et intègre ami que j'ai avec moi, elles sont déjà arrangées. La philosophie spéculative, le droit de la nature et des gens, les mathématiques et les intérêts différents des Etats de l'Europe, relativement les uns aux autres, ce sont là les sciences auxquelles je m'appliquerai principalement. La langue latine prendra aussi une partie de mon temps. Quoique ce soit une langue morte, elle ne laisse pas d'avoir une utilité réelle, peut-être même de l'agrément pour celui qui s'en occupe. D'ailleurs, c'est votre auguste exemple qui m'a le plus excité à la reprendre et à la cultiver. Mais comme

l'assiduité, qu'exigent ces occupations sédentaires, pourrait contribuer à l'engourdissement du corps, je l'occupe aussi à des exercices sains et utiles. J'ai par semaine quatre heures de manège et deux de danse. De plus, quand il fait beau, je fréquente les promenades de cette ville aussi souvent qu'il m'est possible.

Tout ce que je puis dire pour le présent à Votre Altesse Impériale, de Leyde, c'est qu'elle est fort joliment bâtie. Ce qui m'y a particulièrement frappé, c'est la propreté sans exemple qui règne dans ses rues. Les environs en sont charmants, on y trouve une quantité de jardins, où l'art, porté à la dernière perfection, a tout fait; cela forme un coup d'œil ravissant et qui ne laisse rien à désirer.

L'université est très renommée pour ses bons professeurs, tous gens de grande réputation. M. Pestell, professeur en droit, est celui qui attire le plus d'étudiants. On en compte à présent jusqu'à cinq cents, parmi lesquels se trouvent plusieurs gens de marque. Le prince héréditaire de Hesse-Darmstadt est ici depuis quelques mois et il s'attire une approbation générale, tant par son application que par sa conduite.

1015. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. августа 12. Москва.

Продолженіе моего водяного кура воспрепятствовало мнѣ имѣть удовольствіе къ вамъ, любезный мой князь Александръ Борисовичъ, писать.

За пріятное ваше ко мнѣ приписаніе покорно благодарствую. Радуюсь сердечно, что вы свой путь благополучно окончили; только жалѣю, что вы въ такое короткое время уже скучили въ Голландіи. Правда, что я не столько это предписываю къ вашей молодости, какъ къ тому, что вы слишкомъ рано и много узнали большой свѣтъ, который къ теперешнему вашему положенію много препятствуетъ во многомъ преуспѣвать. Однако

я увѣрена,—когда захотите, себя можете преодолѣть и станете къ наукамъ прилежать, зная, что въ томъ не только собственная вамъ польза, но удовольствіе и польза всему любезному отечеству имѣть достойнаго и знающаго и ко всему способнаго человѣка, чрезъ что сдѣлается надобенъ и любимъ всему обществу. Итакъ, мой любезный другъ, не только совѣтую, но и прошу васъ быть какъ можно прилежнѣе къ наукамъ и послушнѣе тѣмъ достойнымъ людямъ, кому вы препоручены, и не думать, чтобъ это могло вамъ скуку дѣлать, а лучше принять за очень хорошую и полезную вамъ должность. Не думайте, чтобъ я хотѣла вамъ дѣлать нравоученіе: я слишкомъ знаю, что это не мое дѣло, а только, какъ васъ сердечно люблю, дружескій совѣтъ даю, чрезъ что можете видѣть, что я сердечно вамъ всякаго добра желаю.

Теперь въ удовольствіе вамъ скажу, что наши войны, славу Богу, здоровы и къ большому намъ утѣшенію: ихъ храбростью и поведеніемъ всѣ очень довольны; и нашъ князь Степанъ при первой самой вылазкѣ получилъ контузію въ бокъ, однако, славу Богу, самую легкую, которая не препятствовала ему до самаго конца акціи быть. А Юша мой уже проѣхалъ курьеромъ въ Петербургъ, и на дняхъ ожидаю его назадъ отправленнымъ въ армію.

Я не имѣю отъ васъ извѣстія, получили ли вы мои письма и матушкинъ портретъ, который къ вамъ я еще въ іюнѣ послала.

Шереметевъ, которому я письмо ваше вѣрно вручила, отсюда поѣхалъ въ первыхъ числахъ нынѣшняго мѣсяца, сказывая, что и къ вамъ скоро отправится.

1016. Княгиня Наталья Александровна Репнина—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. августа 16. Петербургъ.

Здѣшнихъ новостей скажу, что мужъ мой—егорьевскій кавалеръ второго класса, графъ Румянцевъ—фельдмаршалъ и того же ордена кавалеръ перваго класса. Насъ очень Бендеры

безпокоятъ: до сихъ поръ не сдаются; всякій день вылазки дѣлаютъ и съ великимъ жаромъ. Братъ твой здоровъ и счастливо сноситъ всѣ эти труды. Н е л е д и н с к і й и Л о б а н о в ъ пожалованы въ поручики. Вотъ всѣ вѣдомости здѣшнія. Кавалеровъ егорьевскихъ много, только не упомню всѣхъ назвать.

1017. Аграфена Леонтьевна Апраксина—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. а в г у с т а 31.

Другъ мой сердечный князь Александръ Борисовичъ. Я, мой другъ, два письма получила отъ тебя, одно съ дороги изъ Умеля и при томъ приложенную роспись твоимъ долгамъ, которая и принята, и сообщена къ прочимъ долгамъ. Только, мой другъ, впередъ долговъ не дѣлай. Ты самъ знаешь, что довольно и эти долги хлопотъ надѣлали. А другое письмо я отъ тебя получила уже изъ Ледина, которое скоро по пріѣздѣ твоемъ писано; а больше и не имѣла. Что-жъ я къ тебѣ не писала, причина тому—мои всегдашнія болѣзни; но нынче, благодаря Бога, есть мнѣ полегче. Братья твои А л е ш а, И в а ш а, слава Богу, здоровы. Я же недавно отъ С т е п а н а изъ арміи получила письмо. Онъ здоровъ и сдѣлался неустрашимый воинъ, отчего себѣ и контузію получилъ; однако, благодаря Бога, очень легко, только сдѣлалось маленькое пятнышко на боку. И я отъ него послѣ этого два письма получила. Поздравляю тебя, мой другъ, со вчерашнимъ днёмъ твоего ангела. Боже, дай тебѣ милость свою. Я, мой другъ, тебя самимъ Богомъ увѣщаю, учись прилежнѣе и сдѣлай себѣ къ пользѣ и намъ въ утѣшеніе. Прости, мой другъ, поручаю тебя въ сохраненіе Божіе. Бабка ваша Аграфена А п р а к с и н а.

Сынъ мой и братъ твой за тѣмъ не пишутъ, что ихъ дома нѣтъ. А тетка твоя М а р ь я С т е п а н о в н а тебѣ кланяется.

1018. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. сентября 2. Москва.

Я уже къ вамъ писала о положеніи нашихъ любезныхъ воиновъ, которые, слава Богу, заслуживаютъ своимъ поведеніемъ и храбростью милость всего общества, и Юша уже къ арміи воротился. Такъ какъ они оба съ Лобановымъ не болѣе были, какъ сержанты артиллеріи, [то] по просьбѣ дяди Петра Ивановича пожалованы оба именнымъ указомъ въ армію поручиками, чѣмъ Юша безмѣрно доволенъ, чему и я очень рада, зная склонность его къ военной службѣ.

Вотъ, мой любезный другъ, что теперешній разъ о нихъ вамъ могу сказать; и о Кампфѣ не оставлю вамъ сообщить, что пожалованъ въ капитаны, и дядя взялъ его къ себѣ въ адъютанты.

1019. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. сентября 30. Москва.

Теперь, благодаря Бога, мы всѣмъ обществомъ несказанно обрадованы, получа на дняхъ извѣстіе, что 16 числа нынѣшняго мѣсяца штурмомъ Бендеры взяли, слава Богу, съ очень небольшимъ урономъ. Ближніе наши и знакомые, благодаря Богу, всѣ здоровы. Съ первымъ извѣстіемъ присланъ Броунъ, полковникъ, которому слѣдовалъ А. Ѳ. Талызинъ съ ключами; а на дняхъ ожидаемъ съ трофеями своего князя Степана. Желала-бъ я знать, согласились ли бы вы такъ курьеромъ ѣздить, какъ они.

1020. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ—неизвѣстному.

[1770 г. конецъ сентября]. Лейденъ.

Monsieur. Au lieu de vous fatiguer aujourd'hui par des compliments ordinaires, vous me permettrez d'avoir recours à

quelque chose de plus sérieux. L'intérêt que vous daignez prendre à ma situation actuelle autorise et justifie mon intention. J'ai commencé il a y déjà un mois mon Droit naturel chez M. le professeur Pestell; je viens de finir le premier chapitre, ce qui me fournit l'occasion de vous entretenir un peu sur les nouvelles idées que j'ai acquises.

Ainsi, Monsieur, pour vous donner une légère esquisse de mes progrès, je vous dirai que, sur les principes de mon professeur, je considère le Droit naturel comme la science la plus utile pour les hommes et qui leur est en quelque façon même indispensable. C'est elle qui nous instruit [de] nos devoirs et envers l'Etre suprême et envers nous-mêmes et envers les autres. C'est elle qui nous guide dans le sentier étroit de la vérité, et ce n'est que par elle que nous parvenons à notre but commun, à notre félicité. Que de titres pour nous engager à étudier une science qui doit tant contribuer à nous rendre heureux! Mes yeux se dessillent peu à peu, le bandeau de l'erreur tombe; je me trouve comme transporté dans un autre monde, tellement que je commence à envisager plusieurs choses sous d'autres faces.

L'étude du Droit naturel renferme ces quatre principaux points à observer:

1°. Comment les hommes peuvent vivre heureusement, soit que, par une combinaison de causes qui ne dépend point de leur volonté, ils soient forcés de vivre isolés, ou qu'ils vivent dans cette société universelle que la nature a formée pour leur faire jouir d'un plus grand bonheur en se secourant dans leurs mutuels besoins.

2°. Quels sont les droits et les devoirs mutuels des différents peuples.

3°. Quelle est la relation qui subsiste entre un souverain et ses sujets, relation non fondée sur un état en particulier, mais sur tous en général.

4°. Comment il faut faire des lois pour rendre un peuple heureux et déterminer les devoirs mutuels des citoyens de

chaque état, non seulement entre eux, mais aussi vis-à-vis les étrangers.

Dieu, voulant créer l'homme comme un être raisonnable, susceptible d'un certain degré de félicité proportionnée à sa nature et au système de la Création, a fait une telle liaison entre les choses de ce monde qu'il n'y a qu'un seul chemin qui nous mène à notre bonheur. Sa sagesse et sa bonté ne permettaient pas de nous le laisser ignorer. Ainsi ayant doué notre âme d'une force représentative du monde et du Créateur, il lui a donné l'entendement pour pouvoir discerner le bien et le mal, la liberté pour fixer son attention sur les suites bonnes ou mauvaises d'une action avant que d'agir, et la volonté pour nous déterminer à choisir ou à préférer un état futur qui nous plaît à celui dans lequel nous nous trouvons. La liberté suppose un mouvement intérieur par lequel on se détermine à une action sans y être obligé par aucune cause physique extérieure, c'est ce qu'on appelle spontanéité.

A quoi bon de pouvoir discerner le vrai chemin du bonheur s'il n'y avait en nous quelque instinct qui ne nous montrât évidemment qu'il n'est pas indifférent d'entrer dans l'un ou dans l'autre de ces chemins. Il y a des suites mauvaises des actions, qui, par des circonstances très particulières, sont empêchées d'exister, ou qu'on peut éviter par la prudence. C'est alors qu'on se mettrait au-dessus de l'ordre naturel qui nous conduit à notre bonheur, la morale perdrait sa force persuasive. L'Etre suprême y a pourvu. Il y a donc en nous un penchant qui nous excite à l'examen de nos propres actions. Cet examen porte avec soi des suites inséparables: tantôt c'est une douceur inexprimable que nous sentons après avoir vu l'harmonie entre nos actions et les règles qui nous conduisent à l'accomplissement de l'intention du Créateur, et par conséquent à notre bonheur, tantôt c'est un chagrin corrosif de ce que nous observons le contraire. C'est à cet instinct qui n'est qu'une espèce de sentiment moral que nous donnons le nom de conscience.

J'avoue que le mot de conscience est souvent employé dans un sens un peu différent de celui que je lui donne. Tantôt elle signifie la faculté de raisonner sur la moralité de ses propres actions, et alors ce n'est que la raison appliquée à notre propre conduite. Tantôt elle signifie l'usage que nous faisons de cette faculté et le raisonnement même que nous faisons sur notre conduite. C'est dans ce sens qu'on a plusieurs espèces de consciences. Autrement il n'y a proprement qu'une seule conscience, de même qu'il n'y a qu'une seule raison. Comme il y a des raisonnements certains, probables, douteux et erronés, on a aussi dans ce sens une conscience certaine, probable, douteuse et erronée.

La conscience est le tribunal le plus sévère devant lequel nous ayons à comparaître: là, nous nous jugeons avec impartialité et nous trouvons en nous-mêmes la punition qui nous est due par les remords qui en résultent. Je comprends par remords, le sentiment de la contradiction que nous apercevons dans notre conduite comparée avec la loi. Si la conclusion que nous faisons de la bonté ou de la perversité de nos actions est certaine, alors c'est une conscience droite; mais si la conclusion qu'on fait de la moralité de sa propre conduite n'est que vraisemblable, on l'appelle probable. Il y a des cas, dans lesquels il est impossible d'avoir la conscience certaine et où il faut se contenter de la probable. Il y a aussi un grand abus qu'on en fait, quand, au lieu de peser et de calculer les probabilités, on se contente de se régler selon les sentiments qui sont à la mode ou sur l'autorité de ceux que nous imitons, même dans de tels cas, où nous aurions pu avoir la conscience certaine. Je n'ose pas m'expliquer sur le probabilisme des Jésuites; les préjugés de famille et même les préjugés nationaux en fournissent assez d'exemples. On se fait alors cette illusion: serait-il possible que je pourrais mal agir, si je fais ce que tout le monde approuve, ce que même ceux qui sont du bon ton jugent digne de leurs louanges? il serait bizarre de faire là-dessus des recherches, il faut suivre la

foule, on ne saurait s'y tromper. C'est par cette dernière sorte de conscience que se conduisent la plupart des hommes; il y en a peu qui soient en état de connaître les choses par règles et par principes. J'aurais été du nombre de ces malheureux, si une main bienfaisante ne m'eût retiré de l'abîme où j'allais me plonger.

La conscience est douteuse lorsque l'on n'ose se déterminer à rien, en ne discernant pas clairement les raisons qui existent pour et contre, et qu'on est incertain si l'on fera bien ou mal. Aussitôt qu'on se trouve dans ce cas, il vaut toujours mieux s'empêcher d'agir. Mais cette irrésolution ne doit pas nous être un obstacle de rechercher autant qu'il est en nous la vérité. C'est même un devoir dont personne ne peut se dispenser, car ce n'est nullement une excuse de dire que les doutes de notre conscience sont si grands, que nous ne pouvons nous résoudre à rien ni pour le pour, ni pour le contre.

J'en viens à la conscience erronée. C'est elle à laquelle nous sommes le plus souvent sujets, et qui nous induit à commettre nos mauvaises actions. Je ne saurais mieux la définir qu'en disant que c'est un faux raisonnement sur la moralité, c'est-à-dire sur la liberté de nos propres actions, de la vérité desquelles celui qui les fait est convaincu. Cette erreur peut naître ou d'une fausse idée que l'on se fait des règles selon lesquelles on examine son action, ou de celle que l'on se fait des circonstances du fait dont on examine la moralité, en omettant les circonstances nécessaires qui rendent le fait tout autre que l'on ne se l'imagine, ou en joignant au même fait des circonstances qui n'ont pas été combinées avec lui et qui n'existent que dans l'imagination de celui qui se trouve dans l'erreur. En suivant les mouvements de cette conscience on ne saurait être excusable à moins que l'erreur ne soit invincible. Cette dernière ne peut avoir lieu dans les lois naturelles, qui sont à la portée de chacun, mais seulement dans les lois que le Souverain du pays donne, qui peuvent être si obscures que l'on peut s'y tromper aisément.

Pardonnez, Monsieur, si je vous arrête peut-être trop sur l'article de la conscience, mais c'est un article si délicat et si important qu'on ne saurait assez en dire.

Dans le cours de notre vie nous sommes ordinairement entraînés à plusieurs actions, que nous faisons ou que nous omettons, par la force de l'ignorance qui est une absence de certaines idées, ou un défaut de connaissances. On divise ordinairement l'ignorance en efficace et en inefficace, en volontaire et en involontaire.

L'homme a cela de commun avec les bêtes, qu'il veut; mais il diffère d'elles en ce qu'il prévoit distinctement les suites nécessaires et contingentes d'une action future, et qu'après avoir examiné les suites pour et contre, il peut se déterminer à préférer une action à l'autre, conformément à la représentation prépondérante de ses suites.

En nous déterminant à vouloir, nous nous proposons toujours une fin, un but comme une suite de notre volonté, c'est-à-dire un bien ou un mal qui en doivent résulter. Ainsi la fin est en même temps et le motif prépondérant dans l'âme qui la détermine à agir, et l'effet de la volonté, lequel ne peut suivre qu'après l'exécution de ce qu'on a voulu.

Lorsque l'on attribue à quelqu'un une action et que l'on décide qu'il en est le véritable auteur, il faut supposer qu'il a été dans son pouvoir physique de la faire, qu'il s'y est déterminé par un mouvement intérieur sans aucune cause extérieure, et qu'il a dépendu de sa liberté d'en prévenir les suites et d'agir conformément à cette connaissance.

Nous pouvons considérer nos actions sous de différents points de vue, par les différentes suites qui nous en reviennent. Elles sont ou agréables, ou utiles, ou honnêtes: agréables, lorqu'elles nous causent un plaisir sensuel; utiles, lorsqu'elles nous procurent des choses dont nous croyons avoir besoin, soit pour la nécessité, soit pour la commodité de notre vie, aussi bien que pour engager d'autres hommes à devenir volontairement les instruments de notre volonté et de nos plaisirs, ou

dans la vue de faire noblement du bien; honnêtes, lorsque les suites en peuvent être la satisfaction intérieure que l'on sent, après avoir agi conformément aux lois.

Nos actions sont encore ou volontaires, ou involontaires, ou mixtes. Volontaires, lorsque nous prévoyons que les suites qui en peuvent résulter sont bonnes. Involontaires, lorsque nous préférons un moindre mal au plus grand, en prévoyant de mauvaises suites. Mais si ces mauvaises suites qu'on cherche à éviter ne peuvent exister que par la force d'un autre, alors on les appelle des actions forcées. Mixtes, c'est lorsque notre action est en quelque façon volontaire et involontaire tout ensemble. Involontaire, en ce que nous ne la ferions pas, s'il était en notre pouvoir d'éviter les mauvaises suites que nous en craignons, et volontaire, en ce que nous avons le pouvoir physique de faire le contraire.

Dans les différentes causes qui font agir l'homme, il faut avoir principalement égard aux dispositions de son naturel. Ces dernières ont la plus grande influence sur toutes nos actions. Mais il est de notre devoir de les supprimer autant qu'il est en nous, dès qu'elles pourraient devenir nuisibles à la société.

Nous avons en nous plusieurs instincts, c'est-à-dire des inclinations innées qui nous portent à faire certaines actions conformes à notre nature. Ils viennent néanmoins se réunir tous en un même centre qui est l'instinct, qui se trouve dans tous les hommes en général de désirer d'être heureux. On peut les diviser en deux espèces: 1°. ceux qui nous mènent à satisfaire aux devoirs que nous devons à nous-mêmes et 2°. ceux qui nous portent à remplir nos devoirs envers la société. Chaque homme naît avec une portion de ces deux différents instincts qui lui est propre et par laquelle il diffère des autres hommes. C'est ce qui forme le tempérament d'un homme ou son caractère naturel qui diffère du caractère factice.

Lorsque l'une ou l'autre de ces inclinations naturelles devient plus forte par l'exercice, alors on l'appelle dominante.

L'homme est libre de résister à la force d'une inclination qui veut prendre le dessus, pour empêcher qu'elle ne devienne dominante. Quand elle l'est devenue, il est plus difficile de la dompter, mais il n'est pourtant pas impossible d'y réussir: il ne faut qu'éviter toutes les causes physiques et morales qui pourraient l'accélérer et en outre opposer à cette inclination une autre pour tenir l'équilibre.

Nous sommes aussi terriblement assujettis à la force de l'habitude; la plupart de nos actions s'en ressentent. L'habitude n'est autre chose qu'une action libre souvent répétée, ou bien la facilité de faire une action, laquelle facilité est acquise par la répétition des mêmes actions. Il y a différentes sortes d'habitudes: aux unes, on s'accoutume de dessein prémédité, et aux autres, purement par un instinct machinal.

J'appelle passion une tendance très forte vers un objet qui nous plaît ou bien une forte aversion d'une idée dont l'existence ou la continuation nous déplaît. Les anciens philosophes ont beaucoup agité cette question, si les passions sont si pernicieuses que le sage ne doit jamais en avoir. Les stoiciens, avec leur rigueur ordinaire, voulaient qu'on les déracinât; mais les péripatéticiens ne voulaient seulement que les tempérer. Au fond, ces deux sectes n'avaient qu'une dispute de mots, car leurs idées de l'essence d'une passion étaient différentes.

Il y a des passions bonnes que le sage doit entretenir et produire dans son âme, car il se trouve des devoirs dans l'exécution desquels toute la force de l'âme doit se concentrer, et cela ne peut jamais arriver sans passion. Et, au reste aussi, les passions ne sont pas toujours nuisibles à la santé, puisqu'un trop grand calme souvent n'est avantageux ni pour le corps, ni pour l'âme. La plupart des passions sont indifférentes en elles-mêmes; mais elles ne deviennent mauvaises que par leur excès, c'est-à-dire par leur plus haut degré, qui fait cesser pour le moment tous les raisonnements et met l'âme dans une si forte agitation, qu'elle ne peut pas se souvenir

d'aucune autre idée, ni en admettre une nouvelle; elle se nourrit seulement d'une seule idée qui embrase tout son intérieur d'un feu dévorant. La coutume contribue aussi beaucoup à rendre les passions mauvaises; alors il n'y a d'autre moyen de s'en préserver que de se connaître soi-même, soit par ses propres observations ou plutôt par les observations de son ami.

Mais après avoir reconnu ce qui pourrait devenir notre aible, il faut y opposer toujours le contraire. Ainsi il peut arriver de temps en temps que la force d'une passion, qui serait devenue dominante, sera rompue et un certain flegme raisonnable y succèdera. Les passions peuvent aussi devenir mauvaises, dès qu'elles ont pour but un point contraire aux lois.

Je vais un peu toucher ce que c'est que la maladie de l'âme. Il me paraît qu'on ne peut dire que l'âme est malade que lorsqu'elle sent une impossibilité physique de penser distinctement pour le moment, quoique son bonheur demande des idées distinctes. Ou cette maladie tire son origine de l'état du corps, à cause de l'union intime des deux substances qui composent l'homme, ou elle existe immédiatement dans l'âme même. Ce dernier cas n'arrive que lorsque l'àme se trouve dans une espèce de léthargie, ce qu'on appelle distraction, ou quand elle se trouve dans une agitation véhémente, ce qui caractérise la passion.

Une qualité essentielle de nos actions, considérées par rapport au Droit, c'est qu'elles sont susceptibles d'imputation, c'est-à-dire que celui qui les fait en peut être regardé avec raison comme le véritable auteur, que l'on peut les mettre sur son compte et l'en rendre responsable, tellement que les effets bons ou mauvais qui en proviennent lui seront justement attribués et retomberont sur lui comme en étant la cause.

L'imputation de nos actions va extrêmement loin, et quelles précautions ne doit point employer un homme, né avec un cœur sensible, avant de se déterminer à agir de quelque façon que ce soit, pour ne point s'y exposer. Il en est ainsi avec moi. Quels efforts ne dois-je pas faire pour bien employer

mon année académique de Leyde, afin d'avoir une conscience tranquille et contente et n'être pas obligé un jour de m'imputer l'omission d'un seul de mes devoirs.

Mais nos actions ne peuvent pas toujours nous être imputées, ce qui arrive lorsqu'elles ne sont pas libres, c'est-à-dire quand il n'a pas été dans notre pouvoir physique d'agir autrement que nous avons agi. Ce défaut de liberté peut découler de la force extérieure qui nous pousse à agir, sans que nous eussions le choix de faire le contraire, ou quand une ignorance invincible de la loi nous a mis dans l'impossibilité de choisir le parti que la loi nous prescrit, ou lorsque nous omettons quelque action faute d'occasion, ou lorsque les forces du corps et les limites de la nature humaine ne nous permettent pas de faire l'opposé de ce que nous faisons.

Quelquefois aussi, on nous impute les actions d'autrui, ce qui arrive toujours quand une action libre d'autrui a pu ou dû être empêchée par nous; ou bien quand nous avons contribué à faire agir un autre, quoique nous étions dans l'obligation de ne concourir en aucune façon à cette même action. Il y a des cas dans lesquels l'action d'autrui n'est imputée qu'à celui qui l'ordonne, si le premier n'a eu aucun droit, ainsi aucune liberté de refuser l'exécution de l'ordre. Pourrait-on imputer à un bourreau l'exécution d'une [sentence] injuste? Il n'a rien à se reprocher, n'étant pas juge de la conduite de celui auquel le Souverain a confié le soin de juger. Toute l'atrocité du fait retombe sur celui qui a rendu la sentence. Mais il est plus ordinaire de voir que l'action est imputée en même temps et à celui qui l'a commise et à un autre qui y a concouru, en faisant ou en ne faisant pas certaines choses. Cette dernière imputation se fait en trois manières: ou lorsqu'ils marchent d'un pas égal, ou lorsque celui qui y concourt ou celui qui la met en exécution en sont regardés comme les causes principales.

Voici à peu près un extrait des principes de M. Puffendorf, qu'il nous a donné à connaître dans son premier chapitre des devoirs de l'homme et du citoyen. La façon agréable,

avec laquelle mon digne professeur me les a exposés, a beaucoup contribué à m'en rendre la compréhension facile. Mais au reste tous ces sentiments germent dans nos cœurs, il ne faut que les développer et c'est en quoi consiste le grand art.

1021. Князь Александръ. Бор. Куракинъ—княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ Куракиной.

1770 г. октября 9.

Милостивая государыня бабушка. Въ самое то время, какъ уже отчаяваться начиналъ въ продолженіи вашей ко мнѣ милости, удостоился получить неоцѣненное ваше письмо отъ 31 августа. Сколь я оному обрадовался, довольно изъяснить не могу, а вы можете себѣ оное представить, знавъ мою горячую любовь. Сердечно сожалѣю, что не въ самолучшемъ состояніи вашего здоровья находиться изволили. Никто болѣе меня въ ономъ участія брать не можетъ, и хотя на неопредѣленное время отсутственъ, однако равно къ вамъ привязанъ и равно ко Всевышнему свои молитвы для вашего мнѣ столь надобнаго сохраненія произношу. Я имѣлъ несчастіе, съ малыми случающееся, и отца, и матери въ нужнѣйшихъ лѣтахъ лишиться, что же будетъ со мною, когда меня Небо столь накажетъ, что и васъ лишуся? Не закрою вамъ, милостивая бабушка, что въ васъ свое единое упованіе кладу, и не сомнѣваюсь, чтобы вы своимъ добрымъ сердцемъ, мнѣ довольными опытами знаемымъ, моей надеждѣ совершенно и не соотвѣтствовали.

Слезно васъ прошу, любезнѣйшая бабушка, увѣдомьте меня: конечно мой милостивый отецъ графъ Никита Ивановичъ на меня гнѣвенъ, — ни малѣйшаго извѣстія не имѣю ни о его здоровьи, ни о его ко мнѣ милости. Сіе меня несказанно безпокоитъ. Вы знаете, сколь я ему, выключая должной благодарности, душевно и навѣкъ привязанъ. Первѣйшимъ несчастіемъ почитаю, если бы до столь пагубнаго состоянія, чтобъ его къ себѣ милости и родительской любви лишиться, дойти могъ. Я себѣ воображаю, что онъ на меня прогнѣвался, свѣдавъ оставшіе незаплаченные долги, и нѣкоторымъ образомъ, конечно, и имѣлъ причину. Я

самъ всему виноватъ; мнѣ некому пенять: я въ такихъ лѣтахъ былъ, что бы могъ худое съ добрымъ распознать. Совѣстью я ужасно какъ мучуся, что свое время въ Петербургѣ болѣе себѣ въ пользу не употребилъ, а напротивъ того, совсѣмъ во вредъ и заставилъ всѣхъ хуже о себѣ думать, нежели въ самомъ дѣлѣ я заслуживаю. Но въ нынѣшнемъ свѣтѣ все по вѣроятностямъ управляется, и, слѣдственно, я не могу жаловаться: видимое меня обвиняетъ.

Бога для, я васъ прошу, любезнѣйшая бабушка, если вы меня еще жалуете, изобразите дядюшкѣ столь же живо, какъ я вамъ описываю, несчастное сіе и безпокойствіями преисполненное сердечное положеніе. Признаюся, что инако счастливъ внутренно быть не могу, пока не удостовѣренъ, что онъ меня любитъ и мною доволенъ; въ томъ все удовольствіе и все счастіе кладу.

Теперь приступлю вамъ сказать, что, благодаря вспомоществующей Всевышняго десницѣ, здоровъ и совсѣмъ къ новому образу своей жизни привыкъ. Вѣрьте, милостивая бабушка, что вы меня здѣсь не узнали бы: я не тотъ Куракинъ, котораго, можетъ быть, себѣ представляете; нѣтъ, совсѣмъ другой. Всѣ мои мысли, всѣ мои чувства,—все соединяется къ одному предмету, то-есть, къ благополучному успѣху моего важнаго предпріятія для будущаго счастія и благосостоянія. И совсѣмъ бы спокоенъ былъ, ежели бы меня сіи печальныя мысли о дядюшкѣ, столь любимомъ, не тревожили. Крайне меня одолжите, милостивая бабушка, взявъ на себя малый трудъ меня точно о семъ увѣдомить, а еще болѣе бы утѣшенъ и обрадованъ былъ, если бы дядюшка меня хотя одною строчкою своей руки удостоилъ, но мнѣ извѣстны его многоважныя упражненія, и сіе уничтожаетъ меня.

1022. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину.

1770 г. октября 30. Лейденъ.

Monseigneur, mon très cher et très honoré oncle, daignez agréer mes très humbles félicitations sur l'heureuse réussite d'un événement qui nous intéresse tous également. C'est de

la prise de Bender que je veux parler. Mon tendre attachement pour vous peut vous être un gage de la joie que j'ai ressentie en apprenant cette importante nouvelle. Je prends trop d'intérêt à la gloire de mes bienfaiteurs pour n'y pas être des plus sensibles. Une seule réflexion a terni la sérénité de mon âme au milieu de ses transports. Qu'il est triste d'être obligé d'avoir recours à sa plume pour exprimer les sentiments de son cœur, tandis que tant d'autres jouissent de l'avantage de pouvoir le faire de vive voix! mais ce qui a contribué à me consoler un peu, c'est l'espoir flatteur que l'absence n'altérera en rien votre généreuse façon de penser à mon égard et que vous me tiendrez autant compte de mes lettres qui sont les fidèles interprètes de mon cœur, que vous le feriez des plus vifs témoignages que je pourrais vous donner moi-même de ma sensibilité et de mon respectueux attachement.

Pour vous prouver la sincérité de mes sentiments, permettez, mon tendre père, que je vous découvre ici l'état de mon âme. Elle est déchirée par les plus violents remords. Chaque instant du jour, je me retrace avec amertume ces moments précieux que j'aurais pu employer si efficacement à me rendre plus digne de vos bontés. Mais un destin ennemi m'a empêché de me préserver des préjugés et des égarements ordinaires de la jeunesse, et j'ai montré que l'art de dompter ses passions m'était encore inconnu. Mettre à profit mon séjour de Leyde est le seul chemin qui me reste pour recouvrer ce que j'ai perdu si imprudemment. C'est le prix que vous y avez mis vous-même. Je n'épargne aucun effort pour parvenir à une fin aussi désirée. Dieu seul m'est témoin combien je le souhaite!

1023. Вильнёфъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. декабря 21. Петербургъ.

Vous avez je crois ou trop d'ennuis, ou trop d'occupations, pour que je veuille les augmenter par la trivialité des compliments fastidieux de la nouvelle année. Si je vous savais du

temps à perdre, j'aimerais mieux prendre la liberté de vous proposer la recherche du temps où cette fade coutume a pris naissance parmi les hommes, sans doute bien désœuvrés. De votre côté, pour peu que ce travail ne fût pas de votre goût, il vous serait bien facile de l'abréger en me renvoyant au Déluge et peut être par delà. Tout serait dit, sans autre réplique, tout au plus que de vous rappeler au temps beaucoup plus rapproché du bon roi Numa.

Pour moi qui n'y entends point finesse, tout coup vaille, il en sera ce qu'il vous plaira, ou à messieurs les antiquaires. Je respecte beaucoup Mme l'Antiquité et toute sa bruyante suite; mais des soins bien plus intéressants pour mon cœur doivent occuper mon peu de loisir. Il s'agit pour lui de savoir comment vous vous portez, si vous daignez penser quelquefois à moi qui ne cesse et ne cesserai de penser à mon aimable prince Alexandre envers et contre tous. Je me plais à me le représenter, à son retour, un jour faire l'ornement de la première jeunesse la mieux élevée et la plus solidement instruite de cette brillantissime Cour, et pour prix honorable de ses travaux académiques, captiver à l'envi les plus judicieuses comme les plus aimables de nos dames.

S'il n'y avait point d'indiscrétion dans ma demande, je vous supplierais, cher prince, de joindre à de bonnes nouvelles de votre santé un petit détail de vos occupations de toute espèce; je me garderai bien d'en excepter celles de votre cœur qui, à votre âge, ne doivent pas être les moindres. Comptez sur une discrétion sacrée de ma part et sans exception quelconque. Connaissant, comme je fais, depuis tant d'années le terrain où vous êtes, je suppose que vous y aurez trouvé une grande différence entre le beau sexe et celui de ce pays-ci, et que si vous y formez quelque sorte d'attachement, il vous sera bien plus facile, mais sans doute plus sujet à caution avec les étrangères qu'avec les naturelles du pays. Je crains seulement que le vide des plaisirs bruyants n'ait répandu dans votre âme une sorte d'engourdissement en égard au tumulte

des passe-temps dont on est souvent par contre ici comme accablé. Cette raison m'oblige à briser sur d'autres questions relatives que je m'étais proposé de vous faire.

Sans doute que vous fréquentez assidûment le jeune comte Chérémétev, mais j'ignore s'il voudra accepter par votre canal les assurances bien sincères de mon dévouement éternel avec moins d'indifférence qu'il en a marqué pour moi, depuis qu'il a passé en d'autres mains. J'avoue que je n'ai plus reconnu son cœur à ce procédé qui ne fera pas son éloge au tribunal de l'impartialité, encore moins à celui de la reconnaissance. On n'aima jamais élèves de tel rang qu'on le suppose, on ne leur fut jamais plus attaché de cœur que je le lui ai été, et sans vouloir flatter mon zèle, j'ose dire que le sacrifice, incroyable àtous ceux qui ne l'auraient point vu, est, peut-être, sans exemple, comme la triste récompense qui en a été le fruit. Il n'est point de raison politique assez forte à supposer qui puisse pallier l'indifférence en pareil cas. C'est une loi gravée à fond dans le livre de la nature en tout siècle et chez toutes les nations, à qui elle se fait sentir, cette tendre et vraie reconnaissance qui sait l'emporter sur tout obstacle, sur toute considération quelconque.

Depuis trente-huit ans que mon précepteur repose sous la tombe, sa mémoire me fait encore verser les plus douces larmes. Ma famille lui avait cependant assuré et fait une fortune très honnête et très solide, lorsqu'il demanda à quarante ans sa retraite volontaire, mon éducation n'étant rien moins qu'achevée, n'ayant alors moi que quatorze ans et demi, dont quatre seulement passés sous sa direction; et cette fortune, qui plus est, lui fut assurée à mes propres dépens de façon qu'avec le malheur des temps et la fatalité des édits, je me suis vu forcé moi-même à chercher la mienne dans les pays étrangers par mille travaux et plus de traverses. Quel parallèle bien différent, mon cher prince, dans la conduite du jeune comte à mon égard et d'un comte Chérémétev, fils unique, après avoir élevé tous ses frères et sœurs pendant huit ans et avoir quitté pour lui spéciale-

ment deux fils de roi et deux des plus aimables princes, pour le caractère surtout, que la bonté céleste ait accordés aux humains pour le bonheur de leur siècle! La douleur m'a conduit presque sans le vouloir, à cette digression. Je la soumets à votre prudence entière, bien assuré que vous n'en ferez d'usage qu'avec discrétion, si le cas y échéait.

1024. Княгиня Александра Ивановна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. января 10. Москва.

Здравствуй, другъ мой, съ капитаномъ: князь Степанъ пожалованъ. Какъ мы изъ тебя хотимъ имѣть министра, такъ изъ него—хорошаго генерала, въ чемъ на Бога мою надежду полагаю. Поручаю васъ Богу.

1025. Степанъ Степановичъ Апраксинъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. января 31.

Après bien des compliments et des souhaits de prospérité que je vous fais sur la fête dont nous approchons, je crois que vous serez bien aise que je vous informe des nouveautés et des divertissements de votre ville bien aimée Pétersbourg. Toutes ces fêtes se font au sujet du prince Henri qui fait un grand service à notre beau monde en ce qu'il y a tous les jours ou bals ou concerts dans les appartements de Sa Majesté. Notre prince a débuté par une audience secrète où n'ont présidé que les grands de la Cour; il y a dîné et le fait de même tous les jours depuis son arrivée. Nous avons eu une comédie représentée par les nobles, une mascarade et un feu d'artifice qui signifiait beaucoup, mais à cause du mauvais temps il n'a pas eu grand succès; tout le chemin depuis la ville jusqu'à Tsarskoé-Sélo fut illuminé de différentes pièces d'artifice dans une fête que la Cour y donna. L'on nous régale souvent ici d'opéras, de spectacles français, d'opéras-comiques qui cepen-

dant ont été supprimés à cause qu'iis ont été toujours très mal exécutés.

Il y a environ quinze jours que nous eûmes ici un feu d'artifice au sujet de la célébration de Saint-Georges. Le public jouit encore ici il y a environ huit jours d'un bal masqué dans une salle arrangée exprès et représentant les douze mois de l'année. On en donna encore une dans la même salle et nous y courûmes un assez grand danger à cause du feu qui prit à une niche et qui en brûla quelque peu.

Le prince Henri va quelquefois à la toilette des dames, où vous ne seriez pas mal, je pense.

1026. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. февраля 7.

Думаю, что этимъ временемъ вы мое послѣднее письмо получили, въ которомъ я вамъ обстоятельно дала знать объ отставкѣ дяди Петра Ивановича. Итакъ, онъ, слава Богу, здоровъ; исполнилъ чрезъ это только прихоть своей никѣмъ нетерпимой половины, которая ничѣмъ въ свѣтѣ недовольна, чрезъ что дѣлаетъ его на вѣкъ несчастливымъ, а намъ всѣмъ огорченія. О братьяхъ вашихъ также вы уже знаете, что князь Степанъ будетъ у князя Николая Васильевича. Юша опять въ той же арміи, а Лобанова, по ихъ желанію, пошлютъ къ министру въ Швецію, чтó обѣщалъ Никита Ивановичъ. А когда исполнится,—не знаю.

1027. Герцогъ меклембургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. марта 28. Сентъ-Джемсъ.

Cher Prince et ami. Je vous retrouve donc au moment même qu'il n'y avait plus une lueur d'espérance de recevoir de vos nouvelles. Vous voulez donc, cher Prince, que j'aie le plaisir derechef de vous appeler mon ami. Quel plaisir pour

moi qui n'ai jamais cessé d'être le vôtre! Quelle satisfaction pour moi d'avoir été le plus constant! Oui, cher et aimable ami, je n'ai pas cessé un moment de vous aimer comme mon plus tendre ami; le plaisir de penser à vous perdait sans doute de sa douceur parce qu'il était sans retour, mais il n'a jamais perdu de sa vivacité. Comment avez-vous pu m'oublier? que mes craintes étaient fondées que je vous répétais si souvent dans mes lettres! Vous n'avez connu l'amitié que de nom; je dois me contenter de vos excuses, je le veux bien; je renoue avec vous, que cela soit pour toujours. Que je crains le grand monde et l'absence! Ils ont été mes ennemis déclarés: je me flattais que mon portrait, que vous avez eu la bonté d'accepter, quand je vous vis pour la dernière fois chez moi à Lille, aurait plaidé ma cause; je crains bien que vous l'avez peu regardé, peut-être ne l'avez-vous plus; dans ce cas-là je suis prêt de vous l'envoyer derechef, quoique je ne sois pas dans mon beau pour me faire peindre, car je viens de sortir d'une longue et rude maladie, qui m'a retenu plus de six semaines au lit. Autrefois j'osais espérer de posséder le portrait de mon ami le prince Kourakin; je prie M. de Borissov de lui dire à l'oreille que je le prendrai comme une marque réelle de son amitié, s'il me l'envoyait à cette heure, et de son retour sincère qui me rend tout-à-fait heureux.

Faites bien mes compliments à M. de Saldern et dites-lui mille bonnes choses de ma part.

Vous m'excuserez que je ne vous parle point des amusements de ce pays-ci; je n'en ai pas le temps aujourd'hui, cela sera pour une autre fois, car je me flatte que notre correspondance ne sera plus interrompue. Que notre amitié soit de même constante à jamais! C'est avec une satisfaction sans égal que je vous assure que je suis de cœur et d'âme votre fidèle, tendrement attaché ami et serviteur. Ernest.

Adieu, mon aimable et charmant ami, je vous aime bien, ne m'oubliez pas.

Mettez simplement sur mes lettres „à Londres“, comme vous avez fait sur la première.

1028. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. апрѣля 14.

Мы принуждены были съ Москвы выѣхать по причинѣ нѣкоторыхъ поправокъ въ своемъ домѣ; топерь живемъ у сестры съ ними въ Петровскомъ, гдѣ ожидать будемъ просухи, по которой поѣдемъ па короткое время въ Петербургъ только имѣть удовольствіе своихъ ближнихъ видѣть. Итакъ, прошу васъ не взыскать и не сумнѣваться, если вы нѣсколько времени отъ меня писемъ не получите.

О князь Степанѣ я съ вами очень единомышлена: не только жалѣю, но за грѣхъ ставлю, что его марсомъ дѣлаютъ, прежде нежели онъ свои науки не только кончилъ, но, повидимому, и не начиналъ; кажется, первое никогда бы не ушло, а послѣднему время не всегда равно. Не прощаю вашей петербургской бабушкѣ, что о немъ никакого старанія не имѣла и не удержала его отъ этой посылки. Онъ топерь съ нами въ Петровскомъ и на будущей недѣлѣ въ первую армію отправится.

1029. Герцогъ меклембургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. апрѣля 15. Брайтгельмстонъ.

Cher Prince et ami. Que je suis content de votre seconde lettre! Elle est dans le style de ses précédentes, que je garde soigneusement, lorsque notre amitié était dans son premier lustre et accroissement, où, cher ami, vous ne sauriez trop souvent m'assurer de votre attachement. C'est un langage qui souffre la répétition, je ne me lasserai jamais d'avoir un ami tel que vous et d'entendre qu'il m'assure de son souvenir. Soyez, en revanche, persuadé que je suis la même chose pour

vous; oui, je suis votre tendre ami et le serai toute ma vie. Le portrait et la bague me font un plaisir infini, au moins de les savoir commencés, la possession me rendra heureux.

J'ai quitté la ville pour six semaines et me trouve à cette heure dans un petit endroit habité par des matelots et, par conséquent, fort triste et ennuyant; mais comme je compte y recouvrer ma santé, je me mets au-dessus de cela. J'ai deux officiers avec moi pour me tenir compagnie; la matinée est employée à se baigner et à boire l'eau de la mer; la promenade suit, ou à pied ou en carrosse, et alors le déjeuner. Le reste de la journée se passe en lisant; sur le soir, une partie aux cartes ou aux échecs. Jugez, cher Prince, combien de plaisir vos lettres doivent me faire dans ma solitude, soyez donc diligent dans votre correspondance et dites-vous souvent que vous contribuez à la satisfaction et au contentement de votre ami.

Je puis vous dire avec certitude que je serai encore en Angleterre au commencement d'août, mais je ne sais pas si je ne serai obligé de partir vers la fin de ce mois, vu que mon frère viendra me chercher, et, comme il est marié et a ses enfants, je suppose qu'il fixera son retour pour la fin de ce mois. Je me flatte donc de vous voir et de vous assurer de bouche que je suis de cœur et d'âme votre tendrement attaché ami. Ernest.

1030. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. апрѣля 24. Москва.

Успокойтеся совсѣмъ, любезный другъ и дорогой мой князь Александръ Борисовичъ, о причинѣ моего на два ваши весьма любезныя мнѣ письма до сихъ поръ молчанія. Они оба, вѣрно и въ свое время достигнувъ, нашли сердце мое противъ васъ, дорогой мой, какъ тогда, такъ и теперь ни въ чемъ ни малѣйшимъ образомъ не премѣнно, преисполнено кровною любовью и искреннею дружбою. Но какъ первое изъ нихъ нашло меня

при арміи въ самое то время, когда мои обстоятельства не только ее, но и ту службу покинуть принудили, въ которой я со всею привязанностью, любовью къ отечеству и вѣрностью къ своимъ государемъ состоялъ, такъ второе—въ самое въ Москву возвращеніе съ большимъ припадкомъ подагріи и хирагріи и съ наѣздомъ обоихъ своихъ дѣтей нездоровыми, то сіи одни только приключенія поставили меня до сихъ поръ противъ васъ, дорогой мой другъ, въ молчаніе. Теперь же, Богу благодареніе, самъ освободясь отъ хирагріи, а дѣтей увидѣвъ освободившимися отъ своихъ припадковъ, симъ приступаю къ отвѣту на тѣ два любезныя мнѣ письма и по отзыву вашему, дорогой другъ, къ сестрѣ о вашемъ обо мнѣ безпокойствѣ, который начинаю мысленнымъ моимъ душевнѣйшимъ васъ объятіемъ съ чувствительнымъ возблагодареніемъ какъ за оныя письма, такъ особливо за такія добродѣтельныя въ душѣ вашей противу меня движенія и чувства, присовокупляя къ тому мое сердечное навсегда признаніе и сей дружескій вамъ совѣтъ.

Пожалуй, дорогой и любезный князь, какъ не оставляй питать въ вашей благородной душѣ тѣ любочестныя чувствія, которыя вы возымѣли при случаѣ моего крѣпости Бендерской преодолѣнія и произведенія предводимой мною кампаніи съ тѣмъ твердымъ и непоколебимымъ себя обнадеживаніемъ и неутомленнымъ стремленіемъ къ ревностнѣйшей и вѣрнѣйшей службѣ отечеству и государямъ своимъ, что оныхъ ничто никогда ничѣмъ ни посрамить и ни низложить не можетъ, но при всякихъ обыкновенно случающихся отъ каверзныхъ завистниковъ приключеніяхъ истинная отечеству и государямъ служба паче всего другого доставляетъ душевное спокойствіе и воздаяніе справедливымъ оной признаніемъ, почтеніемъ, честію и славою, изъявляемыми изъ внутренности душъ самыхъ непорочныхъ и добродѣтельныхъ людей, въ чемъ можете, любезный другъ, теперь самый ближній примѣръ принять во мнѣ изъ того особливо, что я по моему собственному желанію и въ срединѣ войны, какъ получилъ отъ нашей государыни самое всемилостивѣйшее меня отъ всѣхъ службъ увольненіе, съ оставленіемъ

по смерть мнѣ прежняго жалованья и съ изъясненіемъ въ увольнительномъ указѣ признанія моихъ заслугъ, такъ теперь наслаждаюсь и въ моемъ свободномъ уже состояніи наилучшими отъ собратій своихъ почтеніемъ и благодарностью къ моей службѣ; да и въ прочемъ, любезный другъ, по моему теперешнему состоянію ни о чемъ не безпокойтесь: мои ни тѣлесныя болѣзни, ни душевные припадки ничего меня противъ того, какъ вы оставили, не перемѣнили, и силы мои къ поднятію всѣхъ ихъ еще не упадаютъ. Пребывай только ты съ Богомъ и не ослабѣвай возрастать и укрѣпляться во всѣхъ тѣхъ подвигахъ, кои обѣщаютъ и могутъ перенести на васъ жизнь именъ какъ вашихъ собственныхъ предковъ, такъ и насъ кровныхъ, чего всею душою желаетъ вамъ тотъ вашъ дѣдъ и другъ, который, повторяя здѣсь свои наидушевнѣйшія васъ объятія, всемъ сердцемъ вездѣ есть и никогда пребывать не перестанетъ вашъ истинный другъ и слуга графъ Петръ Панинъ.

1031. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. мая 12. Брайтгельмстонъ.

Cher Prince et ami. Votre dernière lettre me met dans l'obligation de vous ennuyer. Vous voulez savoir comment j'emploie le temps? Sachez donc, cher Prince, que je suis tout seul ici, dans cette petite ville avec les deux officiers qui m'accompagnent. La saison des bains ne commençant qu'à la fin du mois prochain, je me lève à sept heures du matin et je cours vite au bain froid, où je me fais jeter toujours la tête la première. Cette occupation ne prend qu'une demi-heure tout au plus, je cours alors pour une heure à pied, ordinairement tout seul, à neuf heures je rentre à la maison et je déjeune; après, je vais à cheval, car il faut faire autant d'exercice qu'on peut; c'est un plaisir aussi insipide pour moi, car je ne connais rien de plus ennuyant que de courir sans avoir un but. A mon retour, je lis ou j'écris; ma correspondance est

aussi grande; les livres anglais m'amusent beaucoup, parce que je comprends absolument tout et je parle passablement. A trois heures, je m'habille, et vers les quatre heures je dîne, l'après-dîner, je me promène ou à pied ou en carrosse avec mes compagnons, et je rentre à sept heures pour boire le thé et pour jouer aux cartes; l'heure du souper est à dix, et je suis couché à onze heures régulièrement.

J'aimais bien mieux Pyrmont, je m'en ressouviendrai toute ma vie avec plaisir: que d'heureux moments j'y ai passé dans ma vie! quelle satisfaction n'était-ce pas pour moi de dire à mes amis que je les aimais tendrement, et de recevoir tous les jours de nouvelles marques de leur attachement pour moi!

Voilà, cher ami, tout ce que je puis vous dire de mon personnage. Je ne me suis pas du tout changé depuis que nous ne nous sommes pas vus, je suis toujours le même, j'aime mes amis, et leur souvenir m'est cher. Vous savez, cher Prince, que de tout temps vous avez eu le haut bout, je vous conserverai cette place tant que je vivrai, mais ne me négligez point. Adieu, je vous embrasse mille fois en pensée et suis de cœur et d'âme votre fidèle et tendre ami. Ernest.

Ma santé va bien, et je compte retourner en ville le premier de juin.

1032. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. мая 26. Сентъ-Джемсъ.

Cher Prince et ami. J'ai trouvé à mon retour votre charmante lettre; j'aurais dû y faire réponse d'abord, mais le voyage, le jour de naissance du roi, suivi de l'heureuse délivrance de la reine, ma sœur, toutes ces circonstances sont autant d'excuses pour moi. Ce soir, que je dispose d'un moment ou, pour mieux dire, d'un instant, je l'emploie à vous écrire, mon tendre ami. Je ne suis pas encore en possession du portrait ni de la bague, mais j'attends ces gages d'amitié avec la der-

nière impatience. Vous m'excuserez si cette lettre est si courte, je suis fatigué de la revue de ce matin où j'ai assisté, et demain je dois aller à Windsor pour dîner avec le duc de Cumberland; il faut que j'aille me coucher. Adieu, aimable ami, je suis à jamais tout à vous votre fidèle ami. Ernest.

1033. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. іюня 10. Сентъ-Джемсъ.

Cher Prince et ami. A la fin je suis en possession du portrait de mon tendre ami; quoique la ressemblance soit imparfaite, elle me contente et me rend heureux. Je vous fais mes remerciments pour cette marque d'amitié; la bague ne me quitte point; quelle jolie attention de votre part d'y avoir marqué le jour qui me rendait heureux! Je vous rends justice à cette heure, vous ne m'aviez pas entièrement oublié. Quelle satisfaction pour moi! Enfin je voudrais pouvoir vous exprimer ce que j'ai senti en ouvrant cette caisse qui renfermait de si jolies choses, mais je ne puis: c'est l'effet de la joie et du contentement que de rendre muets les gens qui sont sensibles.

Vous m'excuserez que j'ai fait passer quinze jours sans vous écrire, mais soyez bien persuadé que je n'ai pas eu le temps de le faire: les revues ont pris les matinées, et le reste de la journée appartient de droit à une sœur tendrement aimée et respectée, qui a besoin de compagnie, étant en couches. Elle se porte à merveille, et le baptême se fera en quinze jours. Mon frère doit arriver aujourd'hui ou demain; alors je pourrai vous dire combien de temps je reste encore ici, et si j'ai de l'espérance d'embrasser mon tendre ami à Londres. Il me vient du monde, je suis obligé de finir; conservez-moi votre souvenir et soyez persuadé que je suis de cœur et d'âme votre fidèle ami et serviteur. Ernest, Prince de Mecklembourg.

1034. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. іюня 17. Сентъ-Джемсъ.

Cher Prince et ami. Voici la troisième lettre que j'écris sans recevoir aucune réponse; seriez-vous dejà fatigué de notre correspondance? Non, j'en suis sûr, il faut que vous ayez été empêché. Pourvu que cela ne soit point par raison d'une indisposition! Je me flatte que non.

Mon frère est arrivé la semaine passée; j'étais au lit et il m'a éveillé; la surprise, comme elle était agréable, ne m'a pas fait du mal, c'est ce que je craignais pourtant, car, ayant la santé délicate, le plaisir a le même effet sur moi qu'aurait sur toute autre personne un chagrin inattendu. Nous resterons ici tout le mois d'août; le baptême se fera lundi prochain. Le roi m'a fait la grâce de me nommer un des parrains du petit prince, et, qui plus est, il portera mon nom. Mardi nous allons nous établir avec Leurs Majestés à la campagne; dites-moi donc, cher petit ami, si j'aurai encore le plaisir de vous embrasser ici ou non. Vous ne sauriez vous imaginer combien je languis après ce moment heureux de vous revoir: combien de choses ne nous dirons-nous point! En attendant, je me contente de vous assurer par écrit que je suis de cœur et d'âme votre fidèle ami et serviteur. Ernest.

1035. Княгиня Наталія Александровна Репнина—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. іюня 17. Петербургъ.

Ma mère est arrivée heureusement ici; j'ai été à sa rencontre jusqu'à Tosna. Vous pouvez vous représenter la joie que nous avons eue toutes les deux de nous revoir. Elle loge dans la maison de M. de Saldern; il a eu la bonté de nous l'offrir encore avant son départ pour la Pologne.

1036. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. іюня 27. Ричмондъ.

Cher Prince et ami. Avouez que je suis bien bon de me contenter des excuses que vous me faites pour ne m'avoir point écrit pendant toute une semaine. Vous avez cependant raison de dire dans votre lettre que les absents ont tort: je sais par expérience qu'ils souffrent et qu'ils sont sujets à être oubliés. Savez-vous, cher Prince, quel temps me reste à moi pour vous écrire? c'est le temps de ma toilette que je vous sacrifie et que j'abrège pour l'amour de vous; je néglige mes atours pour m'entretenir avec vous.

Voici à peu près comment ma journée est occupée: je me lève à sept heures, je me baigne et déjeune jusqu'à huit heures, où je suis obligé de me trouver chez le Roi pour me promener avec lui à cheval; je reste avec Leurs Majestés jusqu'à une heure, alors je m'habille pour les rejoindre vers les trois heures, et je ne reviens à la maison que pour me coucher. Vous voyez que toute la journée est prise, mais je trouve toujours des instants pour mes amis.

Je prends la liberté de vous offrir un petit souvenir: c'est une bague faite de mes cheveux. Vous me ferez plaisir de l'accepter et de vous ressouvenir de temps en temps de votre ancien ami qui vous aime toujours beaucoup.

Mon départ pour l'Allemagne n'est pas encore fixé, mais je suis fâché de vous dire d'avance que je ne passerai pas par la Hollande: étant avec mon frère, je suis obligé de le suivre à Darmstadt, où il a laissé la Princesse, son épouse, et ses deux enfants; et la route de Calais est la plus courte. Je n'ai pas besoin, je crois, de vous dire combien cela me fait de la peine de renoncer au plaisir de vous voir: vous savez comment je pense sur votre chapitre. Adieu, je suis de cœur et d'âme votre fidèle ami et serviteur. Ernest.

1037. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину.

[1771 г. іюль].

Monseigneur, mon très cher et très honoré oncle. Comme le temps de mon séjour ici n'a été fixé que pour une année, mes études ont aussi été arrangées en conséquence. Il y a déjà trois semaines que j'ai fini mon cours de philosophie chez le professeur Allamand. Ses instructions m'ont été autant utiles qu'agréables; il m'a facilité, autant qu'en lui a été, les questions épineuses de cette science sublime. Mon avidité d'apprendre s'est toujours entretenue par les nouvelles amorces qu'il m'offrait. Il a commencé par me donner une connaissance préliminaire de la physique expérimentale; il m'y a fait connaître les principales causes de tant de merveilles de la nature que nous contemplons, que nons admirons même, mais sans pouvoir nous pénétrer de toute leur beauté. De là il est passé à la logique et à la morale. Il s'est écarté de la route ordinaire, il m'a inculqué des règles de sagesse et de conduite, non fondées sur celles qui sont uniquement reçues par les savants, mais sur celles qui sont adoptées dans le monde tel qu'il est, et dans lequel je dois vivre. Ce monde est trop parsemé d'épines pour que je n'aie pas senti l'importance de tous ces préceptes; je les ai saisis avec empressement, je les ai gravés dans mon cœur avec la volonté sérieuse de les mettre en œuvre selon mes forces. Dieu sera mon guide et vous serez mon modèle.

Il a fini par me donner une légère teinture de l'histoire naturelle, ainsi que de la construction du corps humain. Que de connaissances n'ai-je pas eu l'occasion d'acquérir à Leyde! Quelle gratitude ne vous en dois-je pas! Votre résolution de m'envoyer ici a été mon vrai bonheur. Avant ce temps-là, n'existant que pour moi-même, j'oubliais le but de mon Créateur, j'oubliais le but du bon citoyen, j'oubliais enfin celui d'un fils reconnaissant. Actuellement, dépouillé de ces dangereuses ténèbres, suites nécessaires d'une jeunesse sans expérience,

j'entrevois qu'une solide façon de penser est égale dans toutes les contrées, qu'elle seule peut faire goûter une félicité pure et durable, et que ce n'est que par elle qu'on parvient à se faire aimer et à se maintenir dans une bonne réputation, objet chéri de toutes nos démarches.

Les deux collèges que j'ai chez le professeur Pestell, l'un sur le droit naturel. l'autre sur l'histoire politique de l'Europe, ne sont pas encore finis; ils vont l'être dans une quinzaine de jours. Alors sera achevée la carrière que vous m'aviez imposée.

Jusqu'ici nous nous trouvons encore dans la plus grande incertitude sur la résolution que vous avez daigné prendre, quant à ce qui nous regarde. Quelle que soit cette résolution, soyez persuadé, mon tendre père, que vous ne trouverez en moi que respect, que soumission et qu'obéissance aveugle.

1038. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. августа 15. Петербургъ.

О себѣ же вамъ скажу, что мы, слава Богу, здоровы; остались здѣсь до перваго пути, чтó противъ своего желанія по нѣкоторымъ обстоятельствамъ принуждены сдѣлать. Если хотите, чтобъ я вамъ правду сказала,—намъ здѣсь несказанно скучно, общества головою никакого нѣтъ, и вездѣ пусто; время же безмѣрно дурно: уже мѣсяцъ ежедневно продолжаются ужасные дожди, хотя бы среди осени.

Хотя я уже къ вамъ писала, однако, какъ вы не получили, скажу вамъ, что къ утѣшенію себѣ я нашла Ивашу совсѣмъ не такъ, какъ мнѣ о немъ описывали: сталъ мальчикъ изрядный, и директоръ ихъ меня увѣрилъ, что учится хорошо. Однако за несчастье ему ставлю, что онъ въ этомъ мѣстѣ и такъ странно воспитывается; мнѣ кажется, что изъ этого общества ничего путнаго не выйдетъ. Князь Алексѣй очень любезенъ, о князь Степанѣ никакого извѣстія не имѣемъ съ тѣхъ поръ, какъ

въ армію по ѣхалъ, —видно, что грамоты не умѣетъ и волю даётъ своей праздности. Знаю, что вы въ Юшѣ участіе берете; для того вамъ умолчать не хочу, что онъ нынѣшнюю кампанію произведенъ въ капитаны точно по выслугѣ, чѣмъ онъ очень доволенъ. Лобанова отправили въ Швецію по его желанію; о васъ слышу, что въ Лейденѣ еще до октября продержатъ.

1039. Графъ Сальдернъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. августа 21. Варшава.

En lisant et relisant votre lettre du 6 d'août que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser, j'ai cru entrevoir que vous avez quitté quantité des anciennes folies, qui résidaient autrefois tantôt dans votre cœur et tantôt dans votre tête. Je souhaite, mon cher ami, que votre conduite ultérieure me puisse garantir contre toutes les attaques de soupçons, dont, je vous l'avoue, je ne suis pas encore entièrement tranquillisé. Mais vous me guérirez entièrement, dès que je trouverai, à votre retour, que mes appréhensions soient mal fondées.

Par la lettre de mon frère, je vois avec plaisir que vous vous appliquez aux études. J'espère que vous n'oublierez pas l'étude de votre propre cœur. Au nom de Dieu, mon cher ami, pensez-y. Tout est perdu, tout est inutile, si vous ne vous donnez pas cette peine. C'est tout ce que je demande de vous avec instance et au prix de mon amitié.

Vous saurez déjà apparemment que vous allez commencer vos voyages. Profitez-en, je vous prie instamment.

Je recommande à votre amitié le prince Gagarine, ou plutôt M. de Penzine. C'est mon ami, c'est l'ami du Grand-Duc. Je me flatte que vous le connaissez, j'espère que vous l'aimerez. C'est un jeune homme qui promet beaucoup; je sais qu'il a de l'honneur et des sentiments. Il fera les voyages avec vous en Angleterre et en France. Marquez-lui toute sorte d'égards et de politesses: il les mérite.

Adieu, mon cher ami, écrivez-moi souvent et soyez bien persuadé que je veux votre bien, que je vous aime du fond de mon cœur et que j'aurai tous les soins imaginables pour vous. Faites de sorte que je puisse être content de vous. Pensez à l'avenir. Perfer et obdura: dolor hic tibi proderit olim.

1040. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину.

[1771 г. сентябрь].

Monseigneur, mon très cher et très honoré oncle. Par ma dernière lettre vous avez été informé de notre tournée à Amsterdam et dans les autres principales villes de ces contrées; il nous restait La Haye, où nous n'avions pas encore été, par la crainte du dérangement que les distractions de cette résidence auraient pu causer à nos études. C'est un devoir que nous venons de remplir. Ayant reçu les ordres nécessaires de M. Saldern, l'ambassadeur, de quitter ce pays, nous nous y rendîmes incessamment.

Nous y avons passé cinq jours. Ce temps vous paraîtra peut-être court, mais il nous a été de la dernière impossibilité de l'augmenter, et d'ailleurs le public de La Haye n'est nullement considérable pour fixer l'attention d'un étranger pendant plus longtemps. Après avoir vu tout ce qu'il y avait à voir, nous n'avons cherché qu'à y faire la connaissance du Corps diplomatique et de la Cour. Cependant le peu de séjour, que j'y ai fait, ne m'a pas empêché d'entrevoir que c'était un endroit charmant, et que tous ceux des ministres étrangers qui s'y trouvent peuvent se compter les plus heureux du monde. Vivre sous un ciel qui, sans être entièrement beau, est du moins tempéré, jouir de tous les agréments, de toutes les commodités, dont la vie de l'homme est susceptible, ne reconnaître d'autre règle dans sa conduite que celle de la vertu et de la convenance, ne posséder l'estime publique que relativement à son propre mérite et non à des qualités futiles qui, pour la

plupart, ne sont que des dons du hasard, ce sont de ces avantages réels et séduisants que rarement on trouve réunis ailleurs. Vous voyez, mon tendre père, que je suis bien épris de la Hollande. Comment ne le serais-je point? outre les agréments qui sont très grands, c'est un pays, où l'on m'a appris à me connaître moi-même, à savoir résister à l'éclat trompeur des passions mondaines, à devenir un membre utile de la société. C'est ma seconde patrie: j'ai commencé à exister en Russie et ce n'est qu'ici que j'ai pu apprécier le but de mon existence.

Nous sommes revenus de La Haye avant-hier. A notre retour nous trouvâmes ici le Prince Gagarine qui vient de Varsovie, pour voyager avec nous, sous le nom de Penzine. C'est notre parent bien proche, il est tout aimable. Ce sont deux qualités très précieuses à mon âme sensible, et qui me le font aimer du fond de mon cœur. Notre départ de Leyde est fixé au deux du mois prochain. Nous allons à Londres par Anvers, Bruxelles et Calais. Nous nous arrêterons quelques jours à Bruxelles; les curiosités de bonne compagnie de cette ville ainsi que le Prince Charles, que nous désirons de connaître, en sont des motifs plausibles.

Je joins une lettre pour Monseigneur le Grand-Duc. J'ose me flatter que vous voudrez bien la lui remettre: elle m'intéresse. Je prends la liberté de lui communiquer les petites observations qu'il m'a été possible de faire sur la constitution essentielle de cette république. J'ai déjà imploré son indulgence; j'implore aussi la vôtre dans le cas que vous daignerez y jeter un coup d'œil. Ce sont les faibles efforts d'un neveu qui ne soupire qu'à se rendre digne de vos soins paternels.

J'ai reçu ces jours passés une lettre de ma tante Repnine qui m'a causé une grande joie. Elle me témoigne votre contentement; elle me flatte même d'une lettre de votre part. Moins je suis accoutumé à un tel langage et plus délicieux il m'a été. Ciel, pourrai-je enfin voir arriver cet heureux instant qui forme jusqu'à présent l'objet chéri de mes inutiles vœux?

Laissez à la nature reprendre les droits sacrés sur votre cœur; cessez d'être rigoureux; vous ne vivez que pour le bonheur de vos semblables.

Avant de commencer nos longs voyages, je vous demande avec instance votre bénédiction paternelle. Accordez-la moi.

1041. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1771 г. сентября 20. Лейденъ.

Monseigneur. Je sens ma témérité; elle est grande. Vous faire un tableau de la forme du gouvernement, des mœurs, du commerce d'une république, chef-d'œuvre de l'industrie et du travail, d'une république qui excite la jalousie autant que l'admiration du reste de l'Europe, c'est une entreprise bien au-dessus de mes forces. J'en fais l'aveu: je ne puis en tracer à Votre Altesse Impériale que la plus légère esquisse.

Je vis depuis quinze mois dans un pays, dont ni l'étendue, ni la nature n'est proportionnée au nombre de ses habitants. On y en compte presque deux millions. La plus grande partie jouit d'une heureuse aisance; il est vrai qu'on n'y voit point de ces fortunes qui étonnent dans un lord Clyve. Les biens sont ici plus partagés que dans les autres pays, et cette distribution, favorisée également dans toutes les classes par l'esprit industrieux et infatigable de la nation, contribue à l'opulence générale. La constitution naturelle du gouvernement engage les habitants à entretenir cette opulence, et réciproquement leur manière de vivre et d'agir se trouve conforme à la nature et aux principes du gouvernement. Il n'est pas partout le même. La République prise en corps est un système de confédération entre sept républiques différentes étroitement unies. Sept souverains se sont indissolublement alliés par l'Union d'Utrecht pour se défendre, pour se maintenir mutuellement dans leurs prérogatives respectives et pour éviter tout ce qui pourrait rendre une province plus puissante par la destruction de l'autre. C'est la raison pourquoi la

monnaie, cette âme du commerce, doit être réglée sur le même pied dans toutes les sept provinces et elle l'est en effet.

L'armée, qui consiste à présent en trente-trois mille hommes, est entretenue aux dépens de la généralité. Les régiments et l'état-major sont répartis sur chaque province en particulier. Chacune d'elles paye selon la cote qui lui est assignée. La Hollande porte la plus grande charge, étant la plus riche, la plus commerçante et la plus peuplée. Les sommes tant ordinaires qu'extraordinaires, qu'elle fournit à l'Etat, sont en proportion de la somme totale comme cinquante-sept à cent. Le commandement des troupes est confié en commission héréditaire au Prince d'Orange, sous le titre de Capitaine-Général, de même qu'il dirige la marine de la République sous le nom d'Amiral-Général.

Les affaires de l'Etat, soit au dedans, soit au dehors, ayant besoin d'une direction toujours subsistante en temps de paix et en temps de guerre, elle se trouve confiée à une assemblée de députés de chaque province confédérée, qui doivent la représenter dans tous les cas qu'exigent l'expédition des affaires et l'exercice de la souveraineté dans les pays conquis de la généralité, comme une partie du Brabant, de la Flandre, de la Gueldre, etc. Cette assemblée est désignée par le nom d'Etats-Généraux des Provinces-Unies. Elle se tient toujours à la Haye. C'est elle qui donne audience aux ambassadeurs et aux ministres étrangers, qui reçoit leurs propositions et qui y répond après que les députés ont consulté leurs supérieurs. C'est elle qui déclare la guerre, qui fait la paix, qui contracte des traités et des alliances. On n'y opine pas par tête, mais par le nombre des provinces dont chacune y envoie autant de députés qu'elle veut, qui tous ensemble n'ont qu'une voix. Chaque province préside une semaine. Cet honneur est déféré au principal des députés; c'est avec lui que confèrent les ministres étrangers et c'est à lui qu'ils s'adressent pour demander audience. Les commissions des députés aux Etats-Généraux ne sont pas à vie, pour l'ordinaire elles sont triennales. Le Prince stadthouder

peut entrer dans cette assemblée pour faire des propositions qui regardent le bien public, mais il n'y a point droit de suffrage. On donne aux Etats-Généraux le titre de hauts et puissants seigneurs. Les députés considérés dans leur individu ne sont rien moins que souverains. Chacun d'eux reste ministre de sa province; il faut qu'il lui fasse ses rapports, qu'il demande ses ordres avant de commencer et de finir toute affaire de conséquence, et il est comptable de sa conduite.

Le conseil d'état est le collège principal après cette assemblée. Il est aussi composé des députés de toutes les provinces. Le Prince stadthouder y a séance et voix active. Le nombre des députés de chaque province est fixé: la Hollande y envoie trois; la Zélande, la Frise et Groningue, chacune deux; la Gueldre, Utrecht et l'Over-Yssel, chacune un. Le conseil exécute les ordres des Etats-Généraux, expédie des passeports, a soin du revenu et des deniers de l'Etat, des fortifications, etc. On n'opine point dans ce conseil par province, mais par tête. Chaque député y préside une semaine, celui de la noblesse de Hollande et les députés de Zélande sont inamovibles.

Chaque province a une forme de gouvernement qui lui est particulière. La Frise, par exemple, en a une qui approche beaucoup de celle de l'Angleterre; quant à celles des autres provinces, elles sont plus ou moins aristocratiques. Le stadthouder héréditaire n'est pas souverain; c'est son avis sage et son autorité qui doivent guider les délibérations dans chaque province et en concilier les différents membres, quand leurs intérêts ou leurs passions se croisent. Ainsi le souverain est invisible. Il faut le chercher dans les différents corps de chaque province, dont les membres considérés séparément ne sont que des sujets; et les lois du pays ont la même force contre les régents qui les font que contre les autres particuliers qui sont exclus du droit de concourir à la législation. Les villes mêmes sont autant de petites républiques, gouvernées par un sénat qu'on nomme communément la régence. Ce sont des corps politiques établis pour veiller à la police intérieure des villes,

pour délibérer sur les affaires ordinaires de l'Etat, pour donner des instructions à leurs députés à l'assemblée des états de la province, pour administrer la justice dans leur territoire, etc. Le nombre des régents est déterminé dans chaque ville; quand il y a des places vacantes, alors la régence a ordinairement le droit de les remplacer en se choisissant de nouveaux collègues dans la bourgeoisie, ou bien en accordant au Prince d'Orange le privilège de déclarer celui qui lui plaît le plus d'entre les candidats qui lui sont présentés.

La République s'est soutenue jusqu'ici sous les auspices de ce gouvernement, quoique dans différentes époques il ait souffert plusieurs altérations. Cet esprit d'égalité, ce flegme dans les résolutions, cette tranquillité dans les amusements, ce préjugé national de ne pouvoir vivre nulle part avec plus de commodités et d'agréments que dans un pays, où l'on trouve au moyen de l'argent tout ce que renferment les quatre parties de notre globe, cet empressement de ceux qui vont aux Indes de rapporter dans leur patrie de nouvelles richesses, cette tolérance de tous les cultes, ont nourri le patriotisme, prévenu la dépopulation et ouvert les sources de l'abondance publique. Le Hollandais est né avec une aversion décidée pour la violence, mais avec la politesse et le ton persuasif on peut l'engager à tout. Il est naturellement bon et humain. Ce n'est que quand il s'aperçoit qu'on veut le maîtriser qu'il commence à s'irriter; il résiste avec force et est ferme dans sa résistance.

La liberté de ce pays, dont on parle tant ailleurs, n'est, quand on l'analyse de plus près, que ce même don que la nature confère à tous les êtres raisonnables. Aucune licence n'est tolérée ici; mais d'un autre côté, chacun peut vivre selon sa fantaisie, pourvu qu'il n'offre aucun spectacle de scandale.

On ne force personne de rester dans le pays contre son gré, comme j'ai pu remarquer qu'on le faisait dans le voisinage de la République. Tout le monde est libre de s'expatrier, et même on est très facile à se relâcher sur les droits de sortie

que l'on a introduits par manière de rétorsion. Mais ces exemples sont rares, puisque les habitants croient ne pouvoir trouver mieux leur compte en d'autres pays, où ils s'imaginent qu'ils seraient asservis à une contrainte odieuse. Au contraire, ce sont les étrangers qui viennent en foule demeurer dans le sein de la République. La liberté de conscience, les appas séduisants de l'égalité, la tranquillité d'âme, suite ordinaire d'une vie heureuse, la conviction d'être à l'abri de toutes chicanes, la consolation de vivre dans un pays où l'on compte que la sagesse, la candeur et la probité ont établi leur siège, où l'on ne fait aucune attention au faux brillant de ces dons du hasard et de l'aveugle fortune, qui dans le monde sont presque partout autant de titres légitimes à l'estime publique, où enfin l'on ne distingue que le seul mérite intrinsèque; toutes ces considérations, qui sont le premier des biens de tout être pensant, sont autant d'amorces qui y attirent la multitude.

La liberté du commerce, qui forme l'objet des éloges et de l'envie des autres puissances, me paraît ne consister que dans cette sagesse du gouvernement à s'abstenir de tout ce qui pourrait le gêner au dedans et au dehors. En passant, il y a un an, par les Etats d'un certain monarque, le héros du siècle, j'ai beaucoup entendu parler de certains financiers que par dérision on y appelle les faiseurs du „plus", et qui ne s'occupent qu'à enfanter de nouveaux projets pour faire fleurir le commerce. Cependant l'expérience prouve, dit-on, qu'on s'y éloigne de ce but autant qu'on semble le chercher avec avidité; c'est qu'on y a ce principe destructeur de n'envisager le commerce que comme un objet propre à remplir les coffres du souverain. Ici personne n'y pense. Les commerçants ne sont pas gênés, et le commerce fleurit. Il est néanmoins vrai qu'il a perdu plusieurs de ses branches très lucratives et qu'à beaucoup près il n'est plus si étendu qu'il l'a été il y a trente ou quarante ans.

Les raisons en sont toutes simples. Les puissances de l'Europe attentives à la splendeur, où étaient parvenus les Hol-

landais en recherchèrent les causes. L'économie et le commerce en étaient les véritables germes. De là, le désir ardent de se modeler d'après cette république, d'adopter ses maximes. A présent elles se disputent à l'envi, à qui protègera le plus le commerce, les manufactures, les fabriques, etc., ce qui ne peut avoir qu'une influence fatale sur le commerce d'un si petit Etat qui ne se sent que trop du progrès de ses voisins. Le luxe dévorateur, incompatible avec la constitution de cette République, vient miner la prospérité dont elle a joui et contribue encore plus à opérer la décadence. On n'entend ici que clameurs contre un mal si grand; on crie, on se plaint et déjà le soi-disant bon ton s'est malheureusement si fort introduit qu'il est presque impossible de le déraciner, à moins que les gens de poids ne soient les premiers à donner l'exemple de retourner à cette ancienne simplicité de mœurs qui affermit le berceau de la République et fut l'origine de son agrandissement.

Les fabriques en général tombent ici par la quantité qu'il y en a en France, en Angleterre, en Allemagne, et celles-ci trouvent un débit plus facile, la main d'œuvre n'y étant pas si chère. Le commerce de frêt aussi n'est plus si considérable. Autrefois les Hollandais faisaient pour ainsi dire les seuls négociants de l'Europe. Ils enseignèrent aux autres nations la conduite qu'elles devaient observer, et actuellement celles-ci tâchent de faire leur commerce par elles-mêmes, du moins autant que la forme de leur gouvernement, leur situation et leurs forces le leur permettent. Les seuls avantages qui restent pour la conservation de ces républicains, c'est le commerce exclusif des épiceries, celui des lettres de change, des assurances, et la pêche du hareng. Ce sont les pivots sur lesquels tourne encore le reste de la machine. La Compagnie des Indes Orientales éprouve les suites désavantageuses de la prépondérance que les Anglais commencent à acquérir en Asie. Elle se soutient jusqu'à présent, mais avec une diminution considérable et de sa puissance et du gain de ses actionnaires.

Les arrangements du gouvernement pour la sûreté et pour la prospérité publiques sont, autant qu'il m'a été possible de l'approfondir, infiniment plus dispendieux que dans nul autre Etat. Le pays est exposé aux ravages de l'océan, aux débordements des rivières dont les lits se haussent de plus en plus; ce sont des maux qui affligent presque annuellement le laboureur. De ceux-ci résultent d'autres maux: la misère d'une quantité de citoyens, la cherté des denrées, la désolation et l'effroi qui s'impriment dans l'âme de ceux qui ont eu le bonheur d'échapper cette année, mais qui craignent, qui s'attendent à en devenir les tristes victimes. Le gouvernement n'épargne rien pour prévenir ces calamités; il fait élever à grands frais des digues pour les opposer à ces torrents impétueux.

La marine et l'armée sont encore deux objets de grande dépense. Quoique le soldat ne soit pas trop libéralement payé, non plus que l'officier, cependant ce dernier est très content de son sort par la sûreté de son poste, qui ne peut lui être ôté que par un conseil de guerre. Les dettes que l'Etat a dû contracter, surtout depuis l'avènement de Guillaume III au trône d'Angleterre, rendent nécessaire l'existence d'impôts exorbitants, dont on n'a nulle part un exemple aussi frappant. Dans un cas inattendu comme celui de 1748, on a recours à des subsides extraordinaires. Alors chacun des habitants dut payer ici le cinquantième de ses biens et dans les Indes le quarantième. On peut s'imaginer les sommes immenses que cet expédient forcé a fait recueillir. Le plus étonnant, c'est que le peuple, affaissé sous le poids étonnant des impôts, ne laisse jamais échapper le moindre murmure. La conviction intime que l'argent qu'il donne n'est pas destiné aux dépenses frivoles ou à la cupidité de ceux qui sont à la tête de l'administration, mais qu'il est employé aux besoins réels de la patrie, lui fait supporter le tout avec la plus grande résignation. La République est pacifique par raison d'Etat et par l'inclination de ses habitants, tout le monde étant persuadé que l'esprit de conquête lui serait funeste, même au milieu des avantages les plus brillants.

L'autorité du stadthouder ne va pas si loin que de pouvoir donner des ordres à cette multitude d'individus qui constituent le gouvernement de la République; il ne peut réussir que par la voix de la persuasion. Cependant il faut convenir, que malgré cet enthousiasme de liberté qu'on affecte ici, tous ces républicains se sont tellement accoutumés à une déférence aveugle aux désirs du Prince stadthouder, principalement depuis la révolution de 1747 qui rendit le stadthoudérat héréditaire dans la maison d'Orange, que la moindre insinuation venue de sa part est non seulement respectée comme un ordre, mais comme une loi. Les ennemis du gouvernement monarchique prétendent que ce grand nombre de régents n'empêche nullement les affaires d'aller au mieux en temps de paix, et que même l'expérience semblait démontrer qu'en temps de guerre elles n'allaient pas moins bien. On peut les réfuter non par des assertions, mais par le fait. Qu'on considère les difficultés de réunir à un seul et même but tant de personnes; surtout quand dans les provinces différentes ou quand dans la même province les intérêts des différents corps sont opposés. Quoique, à force de permanence et à force d'employer ces puissants ressorts qui agissent si fortement sur l'âme de l'homme, on parvient quelquefois à les concilier, cependant il en résulte toujours une lenteur dangereuse dans les conseils et une lenteur plus grande encore dans leur exécution.

La considération de ces inconvénients terribles qui nécessairement doivent affecter tout bon patriote, me conduit au bonheur que j'ai d'être né dans un empire vaste et puissant qui ne reconnaît qu'un seul monarque. Dans sa volonté se concentrent les volontés de tous les citoyens, et c'est en faisant des heureux qu'il réussit lui-même à l'être. Si notre empire n'avait été gouverné par des génies bienfaisants, serait-il jamais parvenu à ce degré de gloire, de puissance et de félicité? Le monarque en est, si j'ose m'exprimer ainsi, l'âme vivifiante. Il l'anime, il le soutient; sans ce secours les différentes parties qui le composent se détacheraient, et une machine aussi com-

pliquée s'écroulerait par son propre poids. Toute autre forme de gouvernement ferait indubitablement le malheur et la ruine de la Russie: la jalousie, la discorde, fléaux ordinaires d'une cruelle anarchie, viendraient aveugler les esprits, et en méconnaissant le bien public, les passions violentes, dont ils seraient la proie, les précipiteraient dans un abîme de dissensions et de troubles. Dans les fastes de quelle république aperçoit-on les merveilles qui immortalisent le règne de notre auguste souveraine? Elle s'attire les bénédictions de ses sujets, et loin de notre patrie, nous sommes les heureux témoins de l'admiration qu'elle inspire; son nom est consacré dans le temple de l'immortalité! Que de grâces n'ai-je pas à rendre au Très-Haut de me faire exister dans un temps où Il veille si visiblement à notre félicité! En aimant aussi ma patrie, je ne puis, Monseigneur, que former les vœux les plus sincères pour votre conservation. A présent notre espoir, un jour notre père, fasse seulement le Ciel que vous le soyez jusqu'à l'âge le plus avancé!

1042. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1771 г. октября 9. Брюссель.

La Cour du Prince stadthouder qui est montée sur un très bon pied, contribue beaucoup aux amusements de la Haye. En hiver, il y a alternativement bal, concert, souper; on n'y vient qu'étant invité. Le cercle, depuis le mariage du Prince, se tient tous les quinze jours à la vieille Cour, qui est un palais antique, mais ayant des appartements très spacieux, il est toujours choisi pour de pareilles occasions. Lorsqu'il y a cercle, l'accès en est permis à tout le monde. On y voit des femmes de négociants, des juives et celles-ci sont même les plus parées. Il suffit qu'elles aient de quoi se faire une robe à panier pour vouloir profiter des prérogatives d'égalité, qu'on dit devoir exister dans une république, et la Princesse, pour ne choquer personne, est obligée de parler à chacune de ces dames.

Il n'y a proprement aucune étiquette à cette Cour, surtout envers les étrangers, qui affectent de ne considérer le Prince d'Orange que comme le premier ministre de l'Etat. Cependant son influence prodigieuse dans les affaires, ainsi que sa faculté de distribuer des grâces, font que ceux du pays ne sont pas si scrupuleux à lui accorder ce qu'il semble désirer; et quoique cela se fasse d'une manière indirecte, il n'en résulte pas moins que, sans avoir le nom de souverain, il en a presque tous les agréments.

Lorsqu'on lui est présenté, il est fort poli. Tous ceux qui ont à lui parler s'assemblent dans une des antichambres et s'annoncent au chambellan de service, qui vous inscrit d'abord sur son portefeuille. On entre chez le Prince sans aucune distinction de rang, c'est selon qu'on a été inscrit. Il vous reçoit à la porte du salon où il se trouve, et, après vous avoir fait asseoir à ses côtés, il s'entretient de la façon la plus obligeante.

La Princesse observe déjà plus de cérémonial. On tâche de la faire considérer non comme l'épouse du Prince d'Orange, mais relativement à sa naissance, comme princesse royale, titre qui entraîne après soi plus d'égards, plus de respect et en général plus d'étiquette. Ces prétentions, quoique au fond peu fondées, ne sont pourtant contestées par personne. Les attentions dues à son sexe et à sa naissance engagent de ne pas y regarder de si près. La seule ambassadrice de France a eu à ce sujet une explication assez vive. Arrivée à la Haye au commencement de cette année, elle prétendit que la Princesse devait lui rendre la contre-visite de cérémonie, ainsi que le Prince le faisait à l'ambassadeur. On lui répondit que c'était contraire à l'usage et que les ambassadrices n'avaient jamais fait de pareilles difficultés à feu la Princesse Gouvernante, mère du stadthouder. L'ambassadrice répliqua qu'elle ne pouvait nier le fait, mais qu'on devait avoir égard à ce que la Princesse d'Orange n'était que nièce de roi, tandis que la défunte avait été fille de roi.

Ce sont de ces subtilités qui pour l'ordinaire tournent au grand désagrément de la personne forcée de s'en servir, soit par le caractère dont elle est revêtue, soit par ses instructions secrètes. Témoin Mme de Noailles: brouillée avec la Cour, elle doit éviter toutes les occasions, où elle pourrait se rencontrer avec la Princesse, même en lieu tiers, conduite qui entraîne une grande gêne dans celle que tout le monde doit observer à son égard.

Il est seulement à remarquer, dès les temps les plus reculés, que, de toutes les Cours de l'Europe, celle de Versailles a toujours été la plus empressée à faire exister de pareilles contestations; c'est comme si son ministère croyait augmenter par cette politique l'éclat, la grandeur ou la puissance du roi. Louis XIV, communément appelé le Grand, prince avide d'une vaine gloire et prodigue du sang de ses sujets, enchaînait les circonstances d'une façon à faire naître de telles disputes, et puis pour les vider, il faisait la guerre. Actuellement l'état intérieur du royaume ne permet point de recourir à ces moyens, mais on n'en alimente pas moins les causes funestes qui pourraient les produire, et quand l'élévation et la prospérité d'un Etat quelconque, loin d'une juste admiration, n'excitent qu'une noire jalousie, on a recours aux armes des faibles, aux cabales, aux intrigues, pour offusquer les yeux des autres puissances, pour émouvoir leurs inquiétudes et en faire autant d'ennemis; c'est alors que sourdement on effectue ce qu'on n'ose effectuer à force ouverte.

La considération et le crédit, dont jouit le duc Louis de Brunswick, sont des motifs puissants qui m'engagent à en parler. Son abord des plus affables prévient en sa faveur, et un esprit solide, joint à une âme excellente lui concilie tous les cœurs. Il est maréchal-général au service de la République. C'est lui qui commande en chef l'armée, c'est aussi sur lui que roule la principale direction de toutes les affaires. Initié depuis vingt ans dans les mystères de l'Etat et s'étant acquitté à son grand honneur de la tutelle, dont il a été chargé pendant la minorité

du stadthouder, ce sont ses titres pour jouir d'une confiance sans bornes du jeune Prince, ainsi que des égards respectueux des régents et à plus forte raison de ceux du reste du public. Rien de conséquence ne s'achève sans connaître préalablement son avis. Son zèle pour les intérêts de son pupille s'est manifesté dans toutes les occasions.

C'est le feu Prince d'Orange qui a jeté les fondements de cette autorité jusqu'à présent inouïe dans cette république, qui réside entre les mains de son fils, et c'est le duc Louis qui l'a menée à ce point de perfection où elle se trouve, qui l'a affermie et qui tâche de l'augmenter journellement. Le militaire lui doit de grandes obligations: il l'a mis sur un pied infiniment plus respectable, qu'il ne l'a jamais été autrefois. C'est avec un goût décidé qu'il vaque aux fonctions pénibles de sa charge. Il affecte de ne se donner aucun instant de loisir; il travaille à la continue depuis le matin jusqu'au soir, et ce n'est que par un train de vie aussi fatigant qu'il soutient son corps accablé d'un embonpoint excessif. Il a élevé le Prince d'Orange avec des inclinations entièrement martiales. Néanmoins on doit faire cette différence essentielle que le duc Louis ne s'adonne au militaire qu'en homme consommé et que pour y trouver l'utile et le réel; car il est incontestable que la prospérité de tout Etat repose en grande partie sur la situation plus ou moins formidable de ses forces: au lieu que le stadthouder, entraîné encore par la fougue de son âge, ne s'y livre que pour satisfaire à sa passion et y trouver un amusement relatif à son goût. Aussi les malins ont-ils remarqué que, depuis son voyage de Berlin, toutes ces minuties qui, sans constituer le fond du service, ne servent qu'à le rendre plus piquant, ont commencé à être introduites avec empressement parmi les troupes hollandaises. C'est alors qu'on a vu paraître ces chapeaux énormes, ces uniformes étroits et courts et, en général, ce gênant, ce pincé dans l'attirail du soldat, qui, loin de faciliter ses manœuvres, plaît à la vue et ne fait que les empêcher.

La voix publique me guide en ce que j'ai l'honneur d'avancer à Votre Altesse Impériale; la matière est trop délicate pour oser le faire de mon propre chef.

Je dois ajouter que ce Prince n'a pu éviter de tomber dans un malheur commun à presque tous les grands seigneurs. Il est entouré de gens assez lâches qui, quoique agissant par différents principes, concourent cependant à un même but, c'est de fortifier en lui une passion qui peut-être n'est que naissante. Les uns pour avancer ainsi leur fortune sur les débris du bien public, les autres pour le détourner d'affaires plus solides et plus importantes, dont le maniement dans ce cas doit naturellement rester aux régents, souvent leurs parents et quelquefois leurs amis.

A notre retour de la Haye nous trouvâmes à Leyde le prince Gabriel Gagarine qui venait de Varsovie pour voyager avec nous, sous le nom de Penzine. Grâce aux bontés de ceux qui daignent diriger nos voyages, nous formons à présent une petite société des plus agréables, principalement pour des voyageurs, qui, inconnus partout, auraient souvent été obligés de s'ennuyer seuls dans leurs auberges. Loin d'être assujettis à de tels inconvénients, nous jouissons dans la réalité d'avantages bien grands. Les objets qui s'offrent à nos regards et qui excitent notre attention sont si variés et en une telle quantité, qu'il est de la dernière impossibilité à un seul de les embrasser tous; il en laisse toujours échapper quelques-uns. Mais étant en compagnie, ce qui n'est point remarqué par l'un, l'est par l'autre; on se communique réciproquement les observations qu'on a faites, et les liens de l'amitié, fortifiés par une confiance mutuelle, autorisent chacun à dire ingénument son sentiment. On en raisonne, quelquefois même on en dispute, c'est ainsi qu'en choisissant des voies aussi faciles qu'amusantes, nous tâchons de parvenir au but que l'on nous a proposé, et qu'une intime conviction nous fait regarder comme essentiel à notre vraie félicité.

1043. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. ноября 3. Лейденъ.

Mon inquiétude était grande, mon Prince, avant que vous m'ayez fait l'honneur de m'apprendre votre trajet incommode, mais heureux. Daignez, je vous supplie, agréer mon compliment de félicitation et les grâces que je vous rends, mon Prince, de ces sentiments dignes de vous, dont votre honorée est remplie. Trop clairvoyant pour méconnaître ceux qui vous sont véritablement attachés, vous avez trop de respect pour vous-même, pour que vous les puissiez oublier. Je me flatte que ma manière de penser ne vous est pas inconnue: je ne me donnerai jamais le démenti dans l'empressement sincère de vous servir, vous trouverez toujours, mon Prince, le même homme enchanté de pouvoir vour rendre justice et mériter votre affection. Je ne fais qu'attendre vos ordres. Vous voilà donc dans cette île heureuse qui offre tant d'objets frappants et originaux! Combien souhaiterai-je, mon Prince, d'être avec vous dans les Provinces, d'y admirer la belle nature et l'art qui doit plaire d'autant plus, qu'il approche à la nature et en est presque indivisible, et surtout d'y profiter dans l'étude de l'homme. Vous avez traversé un pays dans lequel l'un copie l'autre; en Angleterre chacun est par soi-même ce qu'il est, „a selfman". M. de Rathsamhausen m'a fait l'honneur de me mander quelques particularités des courses qu'il a faites avec le prince héréditaire. Je n'y trouve pas Bridgewater: je suis encore fâché de n'avoir pas vu cette invention peut-être unique dans son genre, toujours très curieuse. Je ne doute nullement qu'étant à Londres vous n'ayez été très content de votre réception à la Cour.

Vous me demandez des nouvelles de nos contrées, mon Prince, il n'y en a presque aucune. Une vie tranquille et uniforme, qui règne partout, en fournit fort peu. Permettez-moi pourtant de vous rapporter un fait, dans lequel vous ne recon-

naîtrez pas le caractère national, puisqu'il donne trop dans le romanesque. M. Kresselmar, major aux gardes hollandaises à la Haye, a une très jolie fille avec laquelle M. Schleiber, fils du président de la Cour de Hollande, va se marier. Celui-ci étant menacé par une lettre anonyme dont les lettres étaient tirées d'un livre imprimé, qu'on lui casserait le cou, quand il oserait consommer le mariage, sans se laisser ébranler, va chez sa belle qui demeure dans une campagne pas loin de la Haye. Etant de retour et seul à cheval, deux hommes habillés en matelots le prient dans un chemin étroit, mettant le pistolet sur sa poitrine, de descendre et d'aller avec eux dans une prairie, où, après avoir en vain tenté de le contraindre à jurer qu'il [se] désisterait du mariage, ils lui donnent de légères blessures dans le visage, lui [le] menacent la [de] mort en cas qu'il épouserait la demoiselle et se retirent. M. Schleiber l'ayant dénoncé, la Cour de Hollande a offert un prix de mille ducats à celui qui dénoncerait les coupables et trois mille florins à celui qui donnerait des indices satisfaisants pour faire l'inquisition. Le village, dans la juridiction duquel cela s'est passé, offre 300 florins, et on promet l'impunité au valet (si l'un des deux fût un tel) pour dénoncer le maître. Cette matière occupe beaucoup le public qui aime à exercer son calcul de probabilité sur les motifs et les auteurs.

1044. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину.

1771 г. декабря 21. Лондонъ.

Vous nous savez déjà de retour à Londres; il est donc de mon devoir de vous rendre compte de nos occupations actuelles. Ne croyez point, mon tendre père, que le bruyant du grand monde nous ait éblouis au point d'étouffer en nous tout autre sentiment que celui qui nous conduirait à une dissipation pernicieuse. Notre temps, par les soins vigilants de M. de Saldern, est partagé entre l'utile et l'amusant. Les matinées sont

destinées à voir ce qu'il y a de remarquable dans la ville, à une lecture instructive et aux élaborations particulières d'un chacun; quant aux après-dîners, qui ne commencent ici qu après les cinq heures, elles sont destinées à courir les amusements publics et à fréquenter les sociétés qui nous sont ouvertes. M. de Pouchkine contribue de toutes ses forces à nous rendre le séjour de cette capitale agréable; sa maison nous est un asile constant pour toutes les soirées, où nous sommes désœuvrés. Il vit parfaitement bien, et beaucoup mieux qu'on n'a droit de s'y attendre, vu les deux mille livres sterlings qu'il a seulement à dépenser sur un pavé si exorbitamment cher. Il jouit ici d'une estime générale: on le considère comme homme de probité, et on l'aime comme homme aimable. De ce côté son sort m'a paru très heureux, car que peut-il arriver de plus flatteur à un ministre étranger, que de jouir d'une pareille approbation dans le pays où il réside? J'ai en mon particulier de grandes raisons de me louer des politesses et même de l'amitié qu'il me témoigne. Sachant que votre but principal, en m'envoyant hors de ma patrie, a été de m'instruire sur les mœurs, les usages et les maximes fondamentales des différents peuples, parmi lesquels je séjournerais, il s'empresse de me procurer toutes les connaissances qui sont à sa portée. Il regrette vivement de n'avoir pas le bonheur de vous connaître personnellement; il ne vous connaît que par vos bienfaits qui ont imprimé en lui une juste gratitude, jointe à la vénération la plus profonde pour votre personne.

1045. Князь Александръ Бор. Куракинъ—княгинѣ Наталіи Александровнѣ Репниной.

1771 г. декабря 25. Лондонъ.

Je vais épancher dans votre sein, ma très chère tante, la tristesse profonde dont je suis ulcéré. J'ai perdu une grand' mère chérie et en elle une amie respectable. Il semble que je suis destiné par le sort rigoureux à essuyer toujours d'aussi

rudes assauts. Ce n'était pas assez d'avoir perdu père et mère, il fallait encore être privé de ceux de mes parents qui m'aimaient le plus et qui s'intéressaient le plus vivement à ma destinée. Jusqu'à présent je n'ai pas été directement informé de cette triste nouvelle. Je considère le silence que vous avez gardé sur cet évènement, non comme un oubli, mais comme une attention très tendre de votre part, pour ne point donner lieu au libre cours de mes justes larmes.

La situation de mon oncle Apraxine est à plaindre. Assez raisonnable pour sentir la grandeur de sa perte, il est trop jeune pour se gouverner soi-même. Sa jeunesse invoque les soins et les bontés d'un troisième. J'espère que mon tendre père augmentera en lui le nombre des heureux qu'il fait; ne suivant que les mouvements de sa générosité, il le prendra sous ses auspices, et il sera son bienfaiteur, ainsi qu'il l'est de toute notre famille. Mon frère Alexis en profitera également. Je doute qu'on veuille le séparer de son oncle, avec lequel il a été élevé dès sa première enfance. Rien de mieux ne pourrait leur arriver, que de les envoyer hors du pays, et je sais, que, si j'avais voix au chapitre, je préfèrerais Leyde à tout autre endroit. La célébrité de cette académie m'est connue par ma propre expérience: j'en ai retiré toute l'utilité possible, et de plus nous y connaissons les meilleurs professeurs, qui certainement s'empresseraient de leur communiquer leurs lumières avec le plus grand zèle. Il s'agit seulement de trouver un homme de probité et de conduite, auquel on pût confier un dépôt qui nous est si précieux.

Apres avoir parlé pour d'autres, j'ai à parler pour moi-même. Je m'adresse à vous comme à une tante que j'aime, comme à une amie sensible qui daignera ne rien épargner pour faire réussir celui qui espère en elle. Je me trouve dans le cas des Suisses. Vous savez que, quand ils sont longtemps absents de leur patrie, un penchant invincible les y rappelle. Depuis quelque temps déjá je suis en guerre avec moi-même, à la fin je succombe. Vous n'ignorez point que, par le

premier arrangement fait à mon départ, mon retour était fixé au mois de septembre prochain. Il n'y faut plus penser. Nos dernières lettres de Varsovie nous apprennent que nous devons aller en Italie, ce qui prolonge mon séjour dans les pays étrangers pour le moins d'une année. Je suis réellement affligé de ce contretemps. Quelque charmé que je serais de voir tous ces pays dans un autre temps, je ne le suis point dans ma situation actuelle, et je regarderais comme un grand bonheur si, dispensé de ce nouvel arrangement, je pouvais retourner chez moi selon ce qui en a été premièrement décidé. Mon retour anticipé ne doit point déranger le voyage de mes compagnons; après notre séjour de Paris ils continueront leur route, tandis que je rétrograderai.

1046. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Сальдерну.

1772 г. январь. Лондонъ.

J'eus la témérité de vous promettre dans ma lettre précédente de vous communiquer mes observations sur les principes de ce ministère. Le peu de temps que nous sommes ici et ma pénétration, trop faiblement encore exercée, sont les entraves qui ne m'ont guère permis de les approfondir beaucoup. Je m'acquitterai cependant aujourd'hui de cette tâche tant bien que mal. Je ne sais si j'ai saisi les choses dans leur véritable point de vue. Toujours je n'ai rien épargné pour y réussir, et ce zèle m'autorise à me fortifier de l'idée consolante de trouver en vous un père indulgent.

Le Roi est un prince d'un cœur excellent. Incapable de faire du mal à personne, il n'a d'autre désir que de satisfaire à son humeur pacifique et de régner en paix. Il n'est dominé par aucune passion violente, et c'est cet état d'indifférence qui lui fait regarder avec la plus grande tranquillité toutes les diverses révolutions, qui se passent sur le continent. Elevé par sa mère dans une crainte pusillanime, il continue d'avoir une

déférence aveugle à ses conseils. Accoutumé aussi dès sa plus tendre jeunesse d'aimer milord Bute, jadis son principal éducateur, il a placé en lui toute sa confiance.

C'est la Princesse de Galles et Bute, qui lui ont tracé un plan de gouvernement, tout différent de celui de ses ancêtres. On prétend qu' ils l'ont tiré d'un certain passage de l'histoire de Rapin-Thoyras; l'objet essentiel en est d'étendre les limites de l'autorité royale. Tous ceux qui aspirent aux bienfaits de la Cour doivent promettre d'agir conformément à ce plan, auquel est inviolablement attaché le roi, séduit par l'espérance flatteuse des fruits qu'il pourrait en cueillir.

On ne doit point croire que les fréquents changements, arrivés déjà sous ce règne dans le ministère, aient été autant de changements dans les principes fondamentaux du gouvernement. Ceux-ci, à l'envisager d'une certaine face, restent invariables. Le Roi change quelquefois ses ministres pour céder aux murmures importuns du public, qui leur attribue tout sans rien référer à sa personne, mais en les changeant il impose aux nouveaux la condition de rester dans le même sentier que les anciens. A dire vrai, cette condescendance ne peut être que très nuisible aux affaires, car quoique le gouvernail soit constamment dirigé vers un même point, il est conduit par différents pilotes, et ceux-ci diffèrent essentiellement entre eux par leur façon de penser, par leurs génies et par leurs intérêts. Les uns agissent avec une hauteur capable d'irriter les esprits les plus doux, d'autres adoptent des maximes opposées et suivent déjà une modération condamnable, les troisièmes enfin sont encore d'un autre genre: ils ne considèrent leurs emplois que comme des moyens pour améliorer leus fortune et celle de leur famille, et en conséquence ils ne songent qu'à se maintenir et à placer avantageusement ceux qui leur appartiennent.

Autant que les précédents rois de la Grande-Bretagne avaient à cœur de conserver une influence prépondérante dans les affaires politiques de l'Europe, même au prix du sang et des bourses de leurs sujets, autant celui d'à présent, effrayé par les

guerres que ses prédécesseurs ont eu à soutenir et par les subsides immenses qu'ils étaient obligés de payer à plusieurs Cours, semble ne s'embarrasser de ce qui se passe sur le continent qu'autant qu'il ne peut raisonnablement s'en dispenser. Les ministres actuels, trop occupés des affaires intérieures du royaume et de la réussite épineuse de leur plan, tâchent d'affaiblir le plus qu'ils peuvent les fortes connexions qu'on pourrait avoir avec d'autres Cours, par l'appréhension que celles-ci ne les entraînassent déjà malgré eux dans des querelles étrangères. Ils sont de l'opinion qu'aussi longtemps qu'ils goûteront les douceurs de la paix, il leur est de la dernière inutilité de cimenter leurs alliances sur le continent. L'économie a aussi beaucoup de part à cette conduite, où ils épargnent des sommes considérables. Ils prétendent même que les critiques les plus austères ne peuvent jamais avoir de juste prise sur eux, puisqu'en temps de guerre ils se flattent d'obtenir au prix de leurs guinées l'amitié et l'assistance de tous les princes qu'ils rechercheront. Je ne sais justement, si cette attente n'est pas illusoire. On ne peut en porter que des simples conjectures; c'est le temps seul qui pourra déchirer le voile de l'incertitude qui jusqu'à présent cache tous ces principes.

Le parti de l'opposition dont on crie tant ailleurs, et qu'on croit si formidable, n'est, quand on l'examine de près, qu'un composé de plusieurs factions, qui ne subsistent et ne doivent leur existence qu'à l'impétuosité des passions personnelles des particuliers. Le bien public, l'amour de la patrie et celui de la gloire de son souverain,— ce sont là les beaux noms qui colorent leurs véritables démarches, et dont ils se servent pour atteindre le but auquel leur ambition les instigue. Autant que mon peu d'expérience m'a permis de le remarquer, les moyens nécessaires pour assouvir cette dernière passion varient dans tous les Etats selon la différence du gouvernement. Dans une monarchie on s'efforce de se concilier la bienveillance du monarque comme de celui qui seul met en mouvement tout le corps et qui seul peut en vivifier ou anéantir les parties;

mais dans cette île, où la forme du gouvernement est si compliquée, et où l'argent, ce nerf si indispensable, qui donne ou ôte la vigueur aux opérations de l'administration, dépend uniquement du bon plaisir de la nation, il est aussi beaucoup plus utile de se concilier préalablement la confiance et l'amour de celle-ci, car par là on se procure autant de degrés pour monter aux emplois les plus éminents, et on se trouve encore dans le cas d'être recherché par la Cour, plutôt que de la rechercher.

On compte actuellement dans l'opposition jusqu'à huit différentes factions, qui, sans pouvoir être d'accord sur ce qu'elles veulent, contribuent elles-mêmes à diminuer cette considération, dont elles devraient indubitablement jouir au moyen d'une bonne harmonie solidement établie. Les seigneurs anglais font consister leur principal point d'honneur à avoir dans la Chambre des Communes le plus de voix qu'ils peuvent à leur disposition. Plus ils en ont, et plus ils jouissent de la faculté de prétendre aux bienfaits du roi et même souvent d'en disposer, soit en leur propre faveur, soit en celle de leurs amis, en obtenant ou des places lucratives, ou des nouveaux titres, ou bien des fortes pensions. Si au contraire un tel seigneur, mécontent de la Cour, rejette ses offres et entre dans l'opposition, il y est également reçu à bras ouverts. De sorte que, de quelque côté qu'il se tourne, partout il est considéré, partout déjà il peut donner un certain poids aux affaires.

La plupart de ceux que je connais ici ont été à plusieurs reprises tantôt de l'un, tantôt de l'autre parti; c'était selon que des circonstances plus ou moins favorables l'exigeaient, et en général l'on m'a fortement assuré qu'ils ne connaissaient de plus grande règle que celle de la convenance. Pour réussir à obtenir ces avantages imaginaires ou réels, mais servant cependant à contenter leurs passions, ils n'épargnent aucun argent. Ils vont même si loin, que souvent ils deviennent les tristes victimes de leur folle prodigalité. On a des exemples que

des élections des membres de la Chambre basse ont coûté à de simples particuliers plus de 80 mille pièces. Quelle contradiction! Les Anglais élèvent leurs clameurs contre la Cour; ils se plaignent amèrement de ce que leurs subsides sont employés en grande partie à les corrompre, tandis qu'eux-mêmes, pour agir conformément à l'ambition qui les agite et non au vrai bien public qu'ils n'allèguent que dans leurs vaines paroles, ne se servent de leurs richesses que pour se jouer mutuellement le même tour.

L'animosité de la nation contre milord Bute ne lui permet point de se mêler ouvertement dans les affaires publiques, mais il n'en est pas moins celui sans l'avis duquel rien ne s'achève. Son pouvoir sur l'esprit du Roi est si grand, que ce ne sont proprement que ses sectateurs qui peuvent aspirer à obtenir une place dans le ministère. Il est toujours dans une campagne proche de la ville, et c'est en conservant l'incognito le plus profond qu'il a ses conférences avec le Roi ou avec sa mère.

Le ministère d'Angleterre est proprement composé de six personnes. On compte de ce nombre le premier lord de la Trésorerie. Il est à la tête des affaires de l'intérieur, il a le maniement des finances du royaume, et ses lumières doivent diriger les opérations de ses autres collègues, qui sans lui ne peuvent rien entreprendre. C'est une place enfin à laquelle sont attachés tous les agréments et presque toute l'autorité due à un premier ministre. Le lord North, fils du comte de Guildford, en est actuellement revêtu. Le comte de Gower est président du conseil privé, le duc de Grafton garde des sceaux, les comtes de Rochefort et de Suffolk secrétaires d'Etat pour les affaires étrangères—le premier ayant le département du Sud et le second celui du Nord—et le comte de Sandwich premier lord de l'Amirauté.

A ce qu'on m'a assuré, les affaires ne s'achèvent jamais du seul consentement du ministre au département duquel elles appartiennent. Il y a six boîtes pour celles qui exigent résolution, et elles doivent faire la ronde de tout le ministère; en-

suite elles passent entre les mains du roi, qui les remet déjà au ministre, qui par sa fonction en doit être l'exécuteur. Une taverne est le rendez-vous ordinaire des ministres pour délibérer sur la politique. Quelquefois aussi ils s'assemblent dans une des salles du vieux palais Whitehall, mais il faut que le cas soit bien grave et bien extraordinaire. Je ne connais point de pays, où ceux qui se vouent au service de leur patrie et de leur souverain soient mieux payés qu'ici; par exemple la charge d'auditeur de l'Echiquier, que possède actuellement le duc de Newcastle, rapporte par an jusqu'à 18 mille livres sterling; celle de premier lord de la Trésorerie jusqu'à 10 mille et chacun des secrétaires d'Etat peut compter jusqu'à huit mille pièces par an, outre les extraordinaires qui montent aussi fort haut.

Ce que je trouve encore de très attrayant dans cette île bienheureuse, c'est que, sans être gêné en rien dans sa façon de vivre, chacun peut penser et agir absolument comme il le juge à propos, pourvu qu'il ne soit pas un perturbateur de la société civile. De cette source découlent cette infinité d'originaux, que nous ne pouvons contempler qu'avec une surprise stupide des plis différents que l'esprit humain peut se donner, sans parvenir jamais à les approfondir et encore moins à les imiter. L'estime publique n'est point attachée ici au faux éclat des dignités et des rangs, que le souverain confère souvent d'une main trop prodigue, mais uniquement au prix intrinsèque des qualités de l'esprit et du cœur. Si un ministre flaire de temps en temps la suave odeur des roses, il est obligé en revanche d'obvier bien souvent aux incommodités des ronces et des épines, dont sa place est parsemée.

Je n'ose laisser un libre cours aux réflexions, qu'une imagination, trop échauffée par les objets que je vois et par les récits que j'entends, pourrait me suggérer. Chaque lettre doit vous offrir une nouvelle matière.

1047. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн Александру Бор. Куракину.

1772 г. января 4. Петербургъ.

Apprenez, Monsieur, que Sa Majesté Impériale vous a nommé son gentilhomme de chambre. Je vous en fais, mon Prince, mon très humble compliment de félicitation en vous souhaitant du fond de mon cœur la continuation non interrompue de toutes les prospérités imaginables. Vous ne douterez pas assurément de la sincérité et de la ferveur de mes vœux, connaissant la part que mon attachement pour votre personne me fait prendre à tout ce qui vous regarde. Pour satisfaire à votre curiosité, j'ai l'honneur de vous mander qu'il y a encore huit personnes qui sont nommées gentilshommes de chambre, savoir: les princes Youssoupov, Gagarine, Dolgorouki, MM. Zagriaski, Domachnev, Samarine, Potemkine et le comte Munnich qui épousera dans peu de jours la comtesse Anne Efimovski. La nouvelle d'aujourd'hui est trop intéressante pour la confondre avec d'autres. Aussi n'y en a-t-il pas beaucoup à présent.

C'était avec une attention toute particulière que le Grand-Duc s'est fait lire votre relation sur vos voyages dans les provinces d'Angleterre. Tout le monde a applaudi à l'exactitude avec laquelle elle était écrite, et on s'est convaincu que vous avez profité, on ne le pourrait plus, de votre séjour à Leyde et en Angleterre. Votre modestie, mon Prince, m'épargnera le détail des éloges qu'on vous a donnés.

1048. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Маріи Степановнѣ Талызиной.

1772 г. января 10. Лондонъ.

Бывъ самъ наиглубочайшею неожиданно общею нашею потерею ввергнутъ въ печаль, всеконечно, болѣе заслуживаю сожалѣнія, нежели въ состояніи малѣйшее до столь поразительнаго взаимной чувствительности удара касательное сдѣлать увѣщаніе. Лишилися мы и матери, и благодѣтельницы; и всѣ наши

слезы недовольны для оказанія должной благодарности за всю любовь, за всѣ милости и за всю искренность, оною при всякомъ случаѣ нелицемѣрно намъ оказанныя. Въ малолѣтствѣ имѣлъ несчастіе потерять отца; когда зачалъ себя чувствовать, лишился матери, а теперь лишаюсь и той, которая, первыхъ своею горячностью занявъ мѣсто, истинно въ трудностяхъ суетъ свѣтскихъ руководствовала и вѣрнымъ въ моихъ до сего времени еще маловажныхъ злоключеніяхъ служила прибѣжищемъ. Кладу всю въ осиротѣломъ состояніи надежду на любовь и милость настоящаго моего отца и покровителя; кладу же оную и въ справедливо отъ васъ ожиданной взаимности, уважая всѣ тѣ навѣкъ вамъ непоколебимо посвященные сентименты. Равному мы нашимъ событіемъ обязаны источнику, равная въ насъ кровь, и тѣмъ, неоспоримо, живѣе моя къ вамъ предапность.

Коль счастливымъ себя, моя милостивая тетушка, почту, найдя въ васъ стремительно желаемый мною оборотъ! Возвращеніе въ отчизну во всей вамъ пространности искренность мою окажетъ, окажетъ же и мнѣ, коликою о васъ ласкаться могу надеждою. Отсутственнаго не забудьте, а предстоящаго извольте на пути чести и правды исцѣлительными своими удерживать наставленіями. Вотъ, о чемъ прошу и объ исполненіи чего внѣдрившимся во мнѣ о добромъ вашемъ сердцѣ познаніемъ успокаиваюся.

1049. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 января 13. Село Никольское.

Чувства мои, кои вы, дорогой другъ князь Александръ Борисовичъ, во мнѣ возбудили любезнѣйшимъ вашимъ письмомъ, отъ 13 декабря минувшаго года, изъ Лондона пущеннымъ, тѣмъ наипаче теперь произвели первое сіе движеніе, что мысленно бросаюсь на вашу шею, объемлю и цѣлуя поздравляю н..искреннѣйшимъ образомъ васъ въ камеръ-юнкерахъ комнаты нашей всемилостивѣйшей государыни. Боже, Творецъ вселенной, да устроитъ своимъ милосердымъ промысломъ все то,

что можетъ возвести васъ, любезный мой, на вышнюю степень вашего собственнаго удовольствія въ славу предковъ и потомковъ вашихъ и на мою собственную совершенную радость.

Благодарствую всей душою за оное ваше письмо. Оно изъявленіемъ душевныхъ вашихъ драгоцѣнныхъ добродѣтелей, привязанности ко мнѣ и благороднаго подражанія доброй славѣ, указавши притомъ и успѣхъ вашихъ пріобрѣтеній, восхитило меня радостію и удовольствіемъ до пораженія. И я, вторично еще васъ теперь мысленно объемля, прошу и всѣмъ сердцемъ желаю, — да укрѣпляйтесь вы, драгоцѣннѣйшій другъ, въ непоколебимости сихъ вашихъ душевныхъ расположеній, кои, всеконечно, одинъ и настоящій источникъ къ созиданію человѣковъ на украшеніе своего отечества и всѣхъ вообще людей. Я тутъ тогда найду безпреткновенное себя обрадованіе въ заключительной уже въ душѣ моей сладкой сей надеждѣ, что дѣти мои по мнѣ и ваши невзрослые братцы пріобрѣтутъ въ васъ къ своему примѣру и ихъ предводительству то, что по счастію вы въ братѣ моемъ и во мнѣ сами познаёте, и что конечно услаждаетъ наши души больше всякаго наружнаго могущаго быть воздаянія.

Недавно князь Гаврила Петровичъ Гагаринъ любезнымъ же мнѣ письмомъ далъ спознать его къ вамъ присоединеніе и оправданіе моему о его весьма добродѣтельныхъ качествахъ заключенію. Я, теперь здѣсь же и васъ, дорогой мой свойственникъ и пріятель, всею душою благодарствуя, обоихъ васъ, любезные друзья, совокупно прошу преумножить вашу ко мнѣ привязанность тѣмъ, чтобы соединиться между собою въ вѣрную ближнихъ свойственниковъ любовь, дружбу и взаимное одного противъ другого подражаніе въ добродѣтеляхъ и подвигахъ, составляющихъ истинную вѣрность къ своему обладателю, любовь къ отечеству, способность къ принесенію собою плодовъ полезныхъ и украшенію славы предковъ и предводителей вашихъ. Въ семъ Господь, Творецъ вселенной, да подкрѣпляетъ васъ своею милосердою и промышляющею о нашемъ отечествѣ спасительною десницею!

Пожалуйте, друзья мои сердечные, исполняйте ваше ко мнѣ обѣщаніе намѣренными меня увѣдомленіями. А отъ васъ, дорогой князь Александръ Борисовичъ, я того письма не получалъ, на которое вы моего отвѣта не имѣли. И неудивительно, что въ оныхъ было препятствіе по извѣстнымъ здѣшнимъ общимъ несчастливымъ приключеніямъ. Но чтобы вы оба, дорогіе, и по оному высвободились изъ большого сомнѣнія, то я прибавляю къ сему потребное ради того увѣдомленіе: отъ обоихъ нашихъ злоключеній не толико изъ вашихъ ближнихъ, но и никто изъ благородныхъ не претерпѣлъ. А одно изъ оныхъ пресѣчено препохвальнѣйшею патріотизмою и мужествомъ нашего же любезнаго Петра Дмитріевича Еропкина въ самомъ его началѣ безъ всякой отрыжки; а въ другомъ заразою поражались единственно неостерегающіеся отъ ближняго сообщенія и прикосновенія, коя и обратилась между одною подлостью, а лучшаго оной житья всѣ спаслись. И теперь сей гнѣвъ Божій повсемѣстно коли не совсѣмъ, то, по послѣдней мѣрѣ, почти до неуваженія прекратился. Да хранитъ только спасительная десница при наступленіи лѣта! Однакоже всѣ человѣческія къ тому предосторожности предприняты, лишь бы оныя превозмогли случаи обыкновеннаго людямъ злоупотребленія и небреженія.

Я съ іюня мѣсяца, выѣхавъ для употребленія пирмонтскихъ водъ, держался въ Петровскомъ графа Кирилла Григорьевича до тѣхъ поръ, пока объявлено было, чтобы неимѣющіе привязанности къ Москвѣ службою отъ оной въ разсужденіе тѣсноты поотдались на время. Тогда въ половинѣ сентября мѣсяца, когда моръ взошелъ уже больше половины своей степени, переѣхалъ сюда въ деревню брата покойной моей жены, гдѣ съ безвредностью всѣхъ моихъ имѣю всякое возможное спокойствіе и удовольствіе и гдѣ такъ, какъ и во всякомъ мѣстѣ, съ преисполненною душою любви и дружбы всегда обоимъ пребываю вашимъ сіятельствамъ, дорогіе друзья, вѣрный и искренній слуга. Графъ Петръ Панинъ.

1050. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину.

[1772 г. середина января].

Je viens de recevoir la nouvelle inattendue que Sa Majesté l'Impératrice a daigné me nommer son gentilhomme de Chambre. Je sais apprécier mon peu de valeur avec trop d'exactitude pour oser croire que cette faveur me regarde particulièrement. Je sens que c'est l'unique bonheur de vous appartenir de si près qui me l'a procurée. Que ne vous dois-je point tout! je ne vis, je n'existe que par vous. En entrant dans les droits d'un père tendre, vous entrez aussi dans ceux d'un bienfaiteur généreux. J'admire vos vertus; je suis si pénétré de reconnaissance, d'amour et d'attachement qu'il ne m'est plus possible de vous rien consacrer que vous ne possédiez déjà depuis longtemps. Il me reste seulement à vous prouver par le fait, combien je suis inébranlable sur tout ce qui vous concerne, et combien j'ai à cœur de justifier tout ce que vous voulez bien faire pour mon établissement.

Quoique je me trouve actuellement bien éloigné de ma patrie, au milieu d'un pays étranger, d'un pays qui par ses beautés différentes offre de très grandes amorces, et que dans peu je verrai des contrées peut-être plus belles, plus délicieuses, je vous supplie néanmoins d'être persuadé que tous ces objets, quelque séduisants qu'ils soient, ne pourront jamais effacer en moi les sentiments d'un patriote zélé et sensible. Je tâche de considérer mon existence non en épicurien, mais en cosmopolite qui se dévoue à l'utilité publique. Une indifférence, plus même, un mépris total sont les suites non douteuses de la façon de penser du premier; tandis qu'une estime affectueuse et universelle est la récompense de celle de l'autre. Servir ma patrie et ma Souveraine avec distinction, être aimé de mes parents, avoir des amis tendres et m'acquérir dans le monde une opinion avantageuse surtout de mon caractère moral,— ce sont là les seuls buts, auxquels j'achemine tous mes désirs, tous

mes vœux. En prodiguant mes jours, mon sang et secondé de la bénédiction divine, j'espère pouvoir atteindre le premier de ces buts, à moins que je ne sois arrêté par un de ces malheurs que le destin prépare et que l'homme, dont les faibles connaissances, sans pénétrer dans l'avenir, ne s'étendent que sur le passé et sur le présent, ne peut prévoir. Une déférence aveugle à vos volontés et une conduite réglée sur les maximes les plus rigides pourront m'assurer du second. Le troisième dépendra en partie d'une certaine sympathie qui se rencontre parmi nous et en partie des circonstances; mais quant au quatrième, c'est le plus épineux, le plus difficile et le moins déchiffrable à mes yeux.

Etre exposé au venin de l'adulation, à la séduction dangereuse de nos passions qui, sous le masque de l'agrément, ne font que nous précipiter dans un cours d'infortunes, être assailli par tout ce que la jalousie, la calomnie de nos envieux et de nos ennemis ont de plus noir, et cependant fuir les uns, terrasser les autres, se rendre invulnérable aux traits empoisonnés des troisièmes et sortir de tous ces dangers le cœur non perverti, la conscience tranquille, n'ayant commis aucune action dont on puisse ensuite rougir, et être couronné des applaudissements de ceux avec qui on a eu à faire, c'est mettre en œuvre les facultés inestimables de cette raison que le Très-Haut nous a donnée en partage, c'est s'éloigner de la route erronée que prend la plupart du vulgaire, c'est se montrer enfin tel qu'on doit être. Mais comment ne pas broncher sur cette scène raboteuse, comment demeurer dans ce tourbillon tumultueux aussi inflexible qu'un rocher qui résiste aux vagues assaillantes d'une mer orageuse? Je n'y connais qu'un seul moyen et il est aussi salutaire qu'efficace, c'est de posséder l'affection d'un protecteur généreux, d'être éclairé par ses lumières bienfaisantes et d'en être guidé dans ces sentiers inconnus qu'une longue expérience lui a rendus familiers. Ayant le bonheur de vous posséder, mon tendre père, je crois posséder déjà tous ces avantages. Vous m'avez

pris sous vos auspices dès ma tendre enfance, vous m'avez accordé le nom précieux de votre fils; que de motifs pour que vous daigniez influer également sur mon bien-être futur! C'est de cette seule influence que j'attends tout mon bonheur.

Je ne puis vous cacher qu'en réfléchissant sur les événements de ma vie, je deviens souvent la proie des regrets les plus cuisants. Je me trouve encore parmi cette classe de citoyens qu'on ne connaît que par l'ouï-dire et qui, n'étant rien, ne sont que préparés à devenir quelque chose; et par vos bontés j'aurais pu être du nombre de ceux qui, travaillant pour l'Etat, reçoivent tous les jours de nouveaux aiguillons à leur zèle, à leurs travaux, soit par les faveurs du monarque, soit par l'approbation de leurs supérieurs. J'ai à rejeter le tout sur moi-même: je suis le seul fautif et il est juste que j'en porte aussi la peine. Que d'occasions ne m'avez-vous pas fournies! Je pouvais et je devais en profiter; mais malheureusement trop faible, trop léger, je souffris que des erreurs impardonnables fascinassent ma vue sur mon vrai bien. Je m'égarais, et en m'égarant j'aliénais de moi tous ceux qui m'aimaient le plus.

1051. Князь Александръ Бор Куракинъ —цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. января 16. Лондонъ.

Nous avons assisté le 10 (21) du courant à l'ouverture du Parlement. C'est une des cérémonies les plus augustes et les plus imposantes que j'aie jamais vues. Elle m'a trop vivement frappé pour que je ne m'en serve d'occasion afin de faire à Votre Altesse Impériale une faible esquisse de l'heureuse forme du gouvernement de ce pays. Il vous est connu, Monseigneur, qu'elle est une des plus compliquées et, malgré cet inconvénient, une des plus parfaites de l'Europe. On y aperçoit un mélange de la monarchie, de l'aristocratie et de la démocratie, et c'est de ce mélange que sort un tout admirable. Le roi et les deux Chambres du Parlement constituent ici le gouverne-

ment; ainsi pour en parler intelligiblement, je vais en disséquer les parties. Je crois de mon devoir de communiquer à Votre Altesse Impériale sans réserve tout ce qui peut m'affecter. Je ne tâche point d'y prêter un ornement illusoire par le fard de la fiction et de l'éloquence; vous n'y trouverez que l'ingénuité de la nature innocente.

La Chambre des Communes qui est proprement le fiscal du Royaume est composée de cinq cent treize membres pour l'Angleterre et de quarante-cinq pour l'Ecosse. Ce sont des députés qui représentent, soit des comtés, soit des villes. Les comtés envoient toujours deux députés, quant aux villes, ce nombre n'est pas égal: tantôt un, tantôt deux, tantôt trois; Londres seul a le droit d'en envoyer quatre, et si l'on y ajoute comme de raison ceux de Westminster et de Southwark, alors elle en envoie huit.

Cette Chambre s'occupe principalement des impôts et en général des finances. Elle a un orateur qui y préside et qui doit y veiller au bon ordre. Les affaires s'y décident ainsi que dans la Chambre haute à la pluralité des voix. Quand le terme de la durée du Parlement est évolu et que le roi veut en convoquer un nouveau, il faut que les villes et les comtés procèdent à de nouvelles élections des députés qui doivent les représenter. Ces élections se font dans des assemblées libres des pères de famille dans les comtés et des bourgeois dans les villes. Pour qu'un père de famille puisse devenir électeur, il faut qu'il possède, selon une loi promulguée sous Henri II, un bien-fonds qui lui rapporte un revenu de quarante schellings, somme qui, alors très considérable par la rareté de l'argent, n'est de nos jours que des plus communes. Chaque cultivateur peut presque se dire propriétaire d'un tel bien, ce qui, augmentant le nombre des électeurs indigents, augmente naturellement la facilité de les corrompre.

Etonné qu'après une suite de cinq à six siècles on laissât subsister une loi, qui par son exécution s'était tellement éloignée du sens du législateur, je m'en suis expliqué envers plusieurs Anglais. Mais

leur réponse a été, que c'était dans cet inconvénient même, si on osait le nommer ainsi, qu'il fallait chercher les véritables sources du maintien de la liberté britannique sur un pied stable, puisque par là tous les moyens étaient ôtés aux grands de fouler les indigents, car leurs intérêts, exigeant d'avoir à leur disposition le plus d'électeurs qu'ils peuvent, ils se voient nécessités de les ménager dans toutes les occasions. Quand un député est une fois légalement élu, il conserve pendant toute la durée du Parlement un droit sur son emploi, que personne ne peut lui ôter, à moins qu'il ne soit trouvé coupable par la contravention de quelque loi; et ceux qui l'ont élu doivent déjà patiemment souffrir ses démarches, supposé même qu'elles seraient directement opposées aux instructions qui lui ont été données à cet égard.

Les deux Chambres du Parlement travaillent séparément au même but qui est la félicité de leur patrie, sans qu'aucune d'elles puisse s'ingérer dans les affaires ou dans les décisions de l'autre. Tout membre de la Chambre des Communes, avant son entrée en fonction, doit prêter serment d'observer et de reconnaître les quatre points suivants:

1°. La suprématie du roi dans l'Eglise, selon l'acte de 1534.

2°. L'acte du Test, fait sous Charles II en 1674.

3°. L'acte de 1702 qui exclut les Stuarts du trône.

4°. Le serment prescrit en 1706 après la conspiration des Poudres.

Ces quatre articles ont été établis, comme on le sent parfaitement, pour éloigner les catholiques des affaires. Dans ce temps ils étaient très redoutables par rapport à leurs connexions, et quoiqu'ils ne le soient plus à l'heure qu'il est, on continue cependant les mêmes usages que la méfiance avait autrefois fait établir.

La Chambre des Communes ne permet jamais que celle des seigneurs s'ingère de décider, si un de ses membres a été éligible ou non, s'il peut être chassé ou s'il doit être conservé. Les prérogatives diverses de cette Chambre ne sont

pas bien éclaircies jusqu'ici, non plus que celles de la Chambre haute. Chaque membre de la Chambre des Communes donne son suffrage pour soi-même; la procuration n'y est pas admise, mais bien dans la Chambre des seigneurs, et encore n'est ce que tant que ceux du parti opposé veulent l'accepter, sans quoi ce ne sont que les présents dont les voix sont comptées. L'orateur, élu à la pluralité des suffrages et nommé par la Cour, préside dans la Chambre des Communes; chaque membre ose pourtant faire une proposition qu'on appelle „bill". Celui-ci ne peut jamais passer sans avoir été lu et examiné trois fois, précaution admirable contre tous les abus, qui pourraient y intervenir, et un bill ne peut autrement obtenir force de loi que par l'approbation expresse du roi; alors il change de nom et prend celui d'Acte du Parlement.

Le Parlement, à moins que d'être cassé à l'occasion d'un cas extraordinaire, doit actuellement rester assemblé durant sept ans; c'est ainsi qu'il en a été décidé sous le ministère du célèbre chevalier Robert Walpole. Cette innovation a été un des premiers chefs-d'œuvre de ce grand ministre, et c'est à elle proprement qu'il faut attribuer l'affermissement du trône de la Grande-Bretagne dans la maison de Hanovre.

Autrefois le Parlement était triennal, ce qui n'avait lieu qu'au grand détriment de la Cour; par là les cas, où là corruption était nécessaire, se répétant infiniment plus souvent, il arrivait que le roi ne pouvait suffire à ces grandes et fréquentes dépenses qui en étaient des suites indispensables. Il en résultait aussi que le parti opposé aux vues de la Cour, reprenant une nouvelle vigueur, ne pouvait faire dans tous les cas qu'une résistance d'autant plus efficace. Jadis ces deux partis se distinguaient par les noms de whigs et de tories. Les premiers s'étaient décidés pour la succession protestante, au lieu que les seconds penchaient en faveur des Stuarts et de l'établissement du pouvoir arbitraire.

La grande révolution de 1688 plaça les rênes du gouvernement entre les mains des whigs; ils en furent en possession jusqu'en

1711, que l'aventure la plus étrange les en déposséda, en privant de leurs emplois le fameux duc de Malborough et le comte de Godolphin qui en étaient les deux chefs. Ce changement de scène fut très favorable aux tories: ils se parèrent incontinent de toutes les dépouilles de leurs antagonistes. Le duc d'Ormond devint capitaine général, Harley, comte d'Oxford, grand trésorier et le docte St. Jean, vicomte de Bolingbroke, secrétaire d'Etat. Constamment occupés de mettre en œuvre d'aussi grands desseins, leurs soins principaux se fixèrent sur les affaires intérieures de leur patrie. Ils considérèrent la guerre que l'Angleterre avait alors sur les bras, quelque glorieuse qu'elle fût, comme un obstacle invincible à tout ce qu'ils pourraient entreprendre, par les frais énormes et l'attention vigilante qu'elle exigeait. Cette disposition, au fond peu patriotique du ministère anglais, sauva la France. Dix ans d'adversités l'avaient mise aux abois et on ne sait pas les dures conditions auxquelles elle aurait été obligée de souscrire sans l'armistice, que le duc d'Ormond fit publier d'abord après son arrivée en Flandre. Louis XIV reprit courage et, n'étant plus si pressé de tous côtés, il repoussa ses autres ennemis avec vigueur ainsi qu'avec un succès qui déjà lui était presque inconnu.

Les négociations de paix, si souvent entamées et plus souvent encore rompues, furent reprises à Utrecht. On en vit bientôt éclore le fruit bienfaisant qui, en arrêtant le cours des fureurs de Bellone, rétablit le repos d'une partie de l'Europe par la paix de 1713. Cette paix, quoique conclue au grand détriment des couronnes de la maison de Bourbon, n'assurait pas à l'Angleterre tous les avantages qu'elle avait droit d'espérer comme une suite de ses victoires multipliées. Les Anglais, indignés de cette faiblesse, ne l'attribuèrent qu'aux vues personnelles des tories ce qui, aigrissant les esprits contre eux, contribua à diminuer le nombre de leurs partisans et à affaiblir en eux tout espoir de réussite. La trop grande timidité de milord Bolingbroke et la mort subite de la reine Anne achevèrent de renverser et de faire échouer tous leurs projets qui, conduits autrement, auraient

peut-être eu une destinée moins sinistre. Du temps que l'amour fraternel n'avait pas encore repris son empire sacré sur le cœur de cette princesse, le Parlement avait arrangé la régence qui existerait après qu'elle serait expirée. Tous les membres de cette régence étaient whigs, nouveau malheur pour les tories, qu'il leur avait été impossible d'éviter, puisque annuler ce qui avait été constitué par acte solennel du Parlement, c'était attaquer la nation dans sa prérogative la plus chère. Les nouveaux régents avaient à venger les affronts qu'ils avaient essuyés; ils avaient aussi à établir leurs principes d'une façon à ne plus être ébranlés. Pour écraser cette hydre contre laquelle ils avaient à lutter, ils commencèrent par en abattre les têtes: le duc d'Ormond et Bolingbroke eurent leurs biens confisqués et furent bannis à perpétuité; quant à milord d'Oxford, on lui intenta un procès qui bientôt lui aurait coûté la vie, mais il en fut quitte pour une longue prison.

Ce fut au milieu de ces circonstances orageuses que George I monta sur le trône. L'agitation des esprits était trop véhémente pour que l'arrivée du nouveau monarque eût pu ramener le calme désiré. Le feu couva toujours sous la cendre; il n'alluma jamais d'incendie général, mais il en échappa de temps en temps de grosses étincelles qui peut-être auraient produit cet effet, si la fermeté et la prudence de l'administration ne l'avaient empêché. Les troubles de 1715 et 1745 sont les principaux de ceux qui ont altéré la félicité des règnes des deux premiers rois de la maison de Hanovre. Plusieurs y trempèrent ouvertement; la plus grande partie cependant les fomentaient à la sourdine, attendant une heureuse issue pour lever le masque. Ces tentatives échouèrent toujours et malgré les secours étrangers, la haine contre le catholicisme et contre le pouvoir arbitraire prévalut. Des revers suivis et la porte des emplois qu'ils se voyaient continuellement fermée dégoûtèrent les Jacobites de leur ancienne permanence, et c'est à la perte de la bataille de Culloden qu'il faut dater l'époque d'un attiédissement visible de

tous les esprits à l'égard des Stuarts. A présent on n'en parle que comme d'une famille malheureuse qui, ayant eu autrefois des droits incontestables sur ces trois royaumes, avait contribué elle-même à les anéantir par une conduite entièrement contradictoire aux lois et aux privilèges de la nation.

Si d'un côté les princes de la maison de Brunswick ont réussi à s'affermir la couronne qu'ils portent, de l'autre ils n'ont pu parvenir à engager leurs sujets d'agir avec unanimité et conformément à ce qu'ils leur prescrivaient comme utile au bien public. Cet esprit de faction et de parti n'a pu s'extirper en Angleterre; il règne toujours, mais avec cette différence, que jadis il tendait à détrôner les monarques et qu'actuellement il ne tend qu'à déplacer les ministres, dont on croit avoir lieu de se plaindre. L'opposition existante, trop convaincu de la bonté du caractère du Roi, ne l'accuse en rien; elle n'attribue qu'à ceux en qui il a placé sa confiance toutes les démarches auxquelles, à ce qu'elle prétend, il a été entraîné. Si ce parti jouit d'un certain relief, c'est à cause qu'on y voit des Chatham, des Temple, des Cambden, des Rockingham, — gens également recommandables par leur vertu, leurs talents et les services signalés qu'ils ont déjà rendus à leur patrie.

La Cour a cependant toujours la majorité de son côté, les appas des charges et des bienfaits qu'elle peut distribuer lui attirent journellement de nouveaux partisans. Le roi distribue seulement en appointement près de trois millions de livres sterling. L'homme ne peut guère se démentir de sa vraie nature: il a beau affecter durant quelque temps un stoïcisme rigide, finalement il succombe à la véhémence de ses passions. Elles dominent impérieusement sur sa faible âme, et rarement il trouve en soi des ressources suffisantes pour parer les coups qu'elles lui portent.

La politique de la Cour est d'avoir toujours beaucoup de places à distribuer, afin d'augmenter, en les conférant, le nombre de ses partisans dans la Chambre des Communes. C'est par cette raison qu'elle a disséqué toutes les grandes charges, car,

suivant cette méthode, elle peut obliger et s'attacher plusieurs, au lieu de n'en obliger qu'un seul. C'est aussi sur ces mêmes principes que la charge de grand-amiral a été suspendue, pour être exercée par sept députés, à la tête desquels se trouve le comte de Sandvich. Il ne possède cet emploi que depuis l'hiver passé. Il y a succédé à l'amiral Hawke, dont on a été assez mécontent. La réputation qu'il s'était acquise par ses victoires navales lui avait fait confier après la conclusion de la paix la direction de toute la flotte, mais de fréquentes maladies l'empêchèrent d'y vaquer avec cette vigilance et cette exactitude qui y sont nécessaires.

Tout dépérissait lorsque l'affaire de Falckland, venant réveiller les Anglais de cette profonde sécurité, où ils étaient ensevelis, fit penser sérieusement à des préparatifs de guerre. Malgré la presse des matelots et l'armement le plus forcé, on ne put mettre en mer que dix-huit vaisseaux de ligne. Quelle prodigieuse différence de ce nombre à celui de près de trois cents qu'ils ont eus il n'y a que dix ou douze ans! Cette époque, si j'en excepte les dépenses inutiles qu'elle a occasionnées, a produit un grand bien: elle a engagé l'Angleterre de veiller plus soigneusement à la conservation de l'état florissant de cette partie de ses forces, la plus utile pour sa situation et la plus formidable pour ses voisins.

L'activité et le zèle laborieux de milord Sandvich ont contribué à remettre son département sur un meilleur pied, et on a tout lieu d'attendre que tous les jours ce ne pourra aller que de mieux en mieux. Ce ministre s'est déjà fait connaître par ses autres commissions publiques, surtout par son ambassade au congrès d'Aix-la-Chapelle, et par la place de secrétaire d'Etat, qu'il a occupée les deux premières années de ce règne.

Le comte de Gover est président du conseil-privé. Il est père de la duchesse douairière de Bedford, dont le génie n'est que trop connu. C'est par le crédit de sa sœur qu'il parvint à être créé pair du royaume sous George II, et qu'il obtint sous ce roi-ci la Jarretière et sa charge actuelle.

Les sceaux privés sont à présent entre les mains du duc de Grafton. Votre Altesse Impériale le connaîtra déjà de réputation. Il se trouve dans le ministère depuis 1765. Au retour de ses voyages et dans un âge, où jamais il n'aurait osé aspirer à un emploi aussi considérable, il fut fait secrétaire d'Etat à la recommandation particulière de milord Chatham. Ensuite il passa à la direction de la Trésorerie, qu'il conserva jusqu'en 1770. Les désagréments, que lui occasionnèrent les affaires des colonies de l'Amérique, les suites qu'il en craignait et l'éloignement où il était obligé de vivre des plaisirs, auxquels on prétend qu'il n'est que trop attaché, l'engagèrent de remettre au Roi, sous le prétexte d'une santé délabrée, l'emploi pénible qui lui avait été confié. Comme on voulut cependant le conserver dans le ministère, on fit en sorte que le comte de Bristol, ci-devant ambassadeur en Espagne, lors de la rupture entre les deux couronnes en 1761, lui cédât les sceaux pour la place de premier chambellan du roi.

Les deux secrétaires d'Etat sont les comtes de Rochefort et de Suffolk, le premier pour le département du Sud et le second pour celui du Nord. Milord Rochefort s'est acquis de la réputation par ses longues ambassades aux cours de Madrid et de Versailles. Quant à milord Suffolk, c'est de sa vie pour la première fois qu'il est employé; il possède même assez faiblement les langues étrangères. Une éloquence naturelle, dont il a su se servir avec avantage dans les séances du Parlement, a montré à la Cour la grande utilité de l'avoir des siens, et c'est alors que pour lui faire abandonner le parti de l'opposition, on lui offrit le secrétariat d'Etat, qu'il ne tarda point d'accepter.

L'armée est sous la direction spéciale du roi, qui y vaque étant assisté de deux ou trois généraux, qu'il choisit à cet effet. Le vicomte de Barrington est chargé du secrétariat de la guerre, et conséquemment de tous les devoirs qui y sont annexés.

Je vous supplie, Monseigneur, de daigner me pardonner, si je me suis écarté de nouveau de cette brièveté, que je me

propose depuis longtemps; la fécondité du sujet m'a entraîné. J'omets les détails de l'étiquette, qui s'observe à la Cour, ainsi que de plusieurs cérémonies, auxquelles nous avons assisté, les considérant absolument comme des minuties indignes de fixer votre attention. D'ailleurs, si Votre Altesse Impériale désirera un jour d'en être mise au fait, je pourrai la satisfaire beaucoup plus à mon retour de vive-voix, que je ne puis le faire actuellement au moyen de ma plume. Il me reste encore plusieurs autres objets très intéressants, qui formeront le sujet de quelques-unes de mes lettres à venir.

1052. Степанъ Степановичъ Апраксинъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. января 27. Петербургъ.

Vous avez dû être informé de la grâce que Sa Majeste Impériale a daigné me faire de la remise des 20 mille roubles que feu ma chère mère devait à la Banque. Mes trois tuteurs, M. le comte Panine, M. Talisine et le comte Apraxine, ont disposé de tout au mieux, selon leur prudence ordinaire. La plupart des gens de feu ma mère ont eu les uns la liberté absolue, d'autres une retraite assurée dans les villages, tous récompensés. Les deux premiers Zachar et Alexis ont eu chacun cent roubles de pension viagère et cinquante roubles pour le logement de la première année. Pour Moussorine, il conserve sa place. Quant à ce qui me regarde, j'ai toujours mon cher M. de Villeneuve qui vous présente ses respects et les autres maîtres qui étaient de votre temps. On me promet que, dans un an ou environ, j'irai continuer mes études dans la ville qui vous a formé.

1053. Графъ Сальдернъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. февраля 4. Варшава.

Je reçois toujours avec satisfaction les lettres que vous m'écrivez, mais celle du 14 janvier, où vous me parlez sur la politique, m'a fait un plaisir d'autant plus sensible, que

j'y remarque que vous aimez à vous appliquer au sérieux et que vous détaillez avec exactitude ce dont vous voulez m'informer. Je vous en remercie beaucoup et souhaite très sincèrement que vous puissiez tourner à votre avantage les remarques faites par vous-même. Soyez persuadé que la propre conviction sur le bien ou le mal des choses, appuyée par les raisonnements de ceux que leur âge et l'expérience met en droit de le mieux connaître, est la voie la plus sûre de parvenir à être heureux. C'est le but auquel nous visons tous et que nous pouvons rarement manquer, tant que nous prendrons pour base de notre conduite l'amour de la patrie et de notre prochain.

C'est avec la même satisfaction que je viens de recevoir votre lettre du 30 janvier. Malgré qu'elle ne soit qu'historique, elle m'a rappelé avec plaisir les événements que j'avais presque oubliés. Permettez-moi que j'y ajoute une seule réflexion qui vous est peut-être échappée, que mylord Bolingbroke, étant un des premiers hommes d'Etat de son siècle, était en même temps un homme sans religion, sans loi et sans foi. Il me faut faire à cette occasion une petite digression.

Vous êtes actuellement en Angleterre; il me paraît que ce pays, comme en général toute la nation, vous plaisent beaucoup. Si cela est comme je me l'imagine, réfléchissez aussi un peu combien la religion influe sur le caractère d'une nation. J'espère que vous jugerez que je parle de cette espèce de religion qui influe sur le cœur d'un homme, sur ses sentiments, sur ses vertus et ses vices et qu'il ne s'agit pas dans ces moments du culte externe, si indifférent aux hommes qui pensent bien. Rappelez vous, mon Prince, ce que je vous disais si souvent sur cet article, et n'oubliez jamais qu'un homme sans religion est si méprisable, qu'un homme sans honneur ne peut jamais l'être. Je touche à dessein cet article, connaissant combien peu on y réfléchit à votre âge. Vous savez le peu de cas qu'on fait malheureusement, dans le monde où nous sommes, de la religion.

Avant de finir, mon cher ami, il faut que je vous dise ces mots sur la nouvelle dignité que l'Impératrice vous a conférée.

Ah! monsieur le courtisan, vous êtes actuellement, par votre charge et par le privilège [qui] y [est] attaché, un illustre fainéant. Mais non: j'espère que vous envisagerez ce pas pour vous rendre digne d'autres emplois et que vous ne l'envisagerez [que] comme un mal nécessaire de percer la foule. Si je n'en étais pas persuadé, je vous proteste que je ne me consolerais pas et que j'envisagerais comme un malheur que l'Impératrice vous a nommé le gentilhomme de Chambre.

1054. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Ивану Ивановичу Круку.

1772 г. февраля 7. Лондонъ.

Je vous suis sensiblement obligé de m'avoir informé du nom de ceux qui ont été avancés en même temps que moi, mais je vous serais encore plus obligé si vous vouliez avoir la bonté de me marquer quelle ancienneté nous observerons entre nous, qui est le premier, qui est le dernier, et comment nous avons été rangés dans l'ukase qui a été envoyé au sénat à cet égard? Excusez mon importunité; il ne vous en coûtera qu'une légère information.

Je suis enchanté d'avoir le prince Youssoupov parmi mes collègues. Il est aimable, modeste, et ce qui [est] plus, [il] est rempli de connaissances. J'ai toujours été de ses grands amis; j'ai même ardemment souhaité de pouvoir voyager ensemble, ce qui malheureusement ne put se faire par des raisons qu'il m'est superflu et d'ailleurs trop long de détailler ici. Vous aurez la bonté de lui faire parvenir cette lettre que je lui écris, et de vous charger de toutes celles qu'il poura m'adresser. J'attends cette complaisance de votre amitié.

1055. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. февраля 11. [Петербургъ].

Что же вы желаете знать о положеніи оставшихъ послѣ покойной Аграфены Леонтьевны,—начинаю тѣмъ вамъ сказать, что тетушка ваша съ своимъ любезнымъ супругомъ

совсѣмъ въ домъ покойной переѣхали. Итакъ, несчастныя сироты подъ ихъ опекунствомъ. Можно сказать, что, кто былъ привязанъ къ этому дому, нынче безъ огорченія въѣхать не можетъ оттого только, что печаль въ очень короткое время миновалась... comme si rien n'était.

О перстнѣ своемъ будьте спокойны: онъ вѣрно проданъ не будетъ; книги же, сказываютъ, у Крока, а въ домѣ тутъ нѣтъ.

О князѣ Алексѣѣ вамъ скажу, что большую надежду даётъ быть своимъ въ утѣшеніе и полезнымъ отечеству; прилежностью его къ наукамъ очень довольны, и скажу, что я его сердечно люблю.

Князь Степанъ здѣсь уже мѣсяцъ живетъ, надняхъ отправляется къ Бибикову, въ Польшу. Признаюсь, что онъ мнѣ очень жалокъ тѣмъ, что его время ни къ чему пропало: прошедшую кампанію ни къ чему его потѣшили, что послали въ армію, гдѣ онъ головой ничего не дѣлалъ, а только былъ дежурнымъ при фельдмаршалѣ и, не дождавшись конца кампаніи, отпросился домой. Юша дѣйствительно служитъ, очень доволенъ, что за взятіе Перекопа пожалованъ въ капитаны, для чего нынѣшнюю зиму сюда не будетъ; съ полкомъ своимъ топерь пошелъ въ Смоленскъ, гдѣ станетъ ожидать своего жребія.

Дядя Петръ Ивановичъ съ самаго того времени, какъ стало быть опасно въ Москвѣ, живётъ въ деревнѣ своего шурина Татищева, которая отъ Москвы разстояніемъ верстъ восемьдесятъ; по письмамъ видно, что, слава Богу, здоровъ. Сестра княгиня Катерина Александровна до самой зимы жила въ своей Волоколамской деревнѣ, топерь въ Москвѣ по причинѣ полученія наслѣдства послѣ смерти ихъ тетки Кантемировой, которое очень знатно, а большой ихъ сынъ въ Швеціи, по ихъ желанію, при нашемъ министрѣ.

Вотъ, мой дорогой другъ, я обстоятельно васъ извѣстила о всѣхъ нашихъ ближнихъ. О себѣ-жъ иного не могу вамъ сказать, что здѣсь въ превеликой скукѣ живёмъ и въ ужасной

пустотѣ. Хотя жалѣю, что съ вами долго не увижусь, однако не только вамъ совѣтую, а прошу быть терпѣливѣе—не такъ скоро желать возвратиться, а пользоваться какъ можно больше этимъ временемъ, чтобы свѣтъ видѣть, зная, что никогда не опоздаете быть на здѣшнемъ паркетѣ.

1056. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. марта 6. Лейденъ.

Je m'acquitte de ma promesse, en ajoutant quelques observations sur les impôts de ce pays-ci. Si elles ne répondent pas en tout à votre attente, mon Prince, je vous prie de ne l'imputer pas à mon application à vous servir, mais à mon ignorance de vos intentions. Après en être informé je pourrais donner des éclaircissements ultérieurs autant que je les puis avoir ou donner. J'ai lu la note sur l'immunité que le duc d'Aiguillon a remise aux ministres publics qui résident à la Cour de France, et serais charmé d'apprendre ce que vous en jugez, mon Prince, et ce qu'on en pense en Angleterre. On nie que celle-ci ferait une loi dans une affaire si délicate, et pourtant cette loi existe depuis plus d'un demi-siècle. On allègue le procédé à Vienne, touchant M. de Chernichov; mais, comme on m'assure, ce comte n'était pas accrédité à la Cour impériale, et ainsi n'avait [pas] plus de droit qu'un autre étranger de distinction, etc. Enfin, si j'ose le dire, il me paraît que cette pièce contient des principes opposés à ceux qui sont reçus jusqu'ici et très désavantageux à tout le corps respectable des ministres, et des faits ou insuffisants pour fournir une preuve dans un point si considérable, ou sans application.

Les nouvelles de ce pays-ci sont peu importantes. On vit ici sur l'ancien pied, mais votre mémoire, mon Prince, et celle de M. le baron de Saldern et de M. le comte de Chérémétev est toujours très précieuse à tous ceux qui ont eu le bonheur de vous connaître.

1057. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Сальдерну.

1772 г. марта 6. Лондонъ.

Je vous supplie d'être persuadé vous-même et de persuader aussi mon cher oncle, qu'un jour de retour chez moi ma conduite sera tout autre qu'elle n'a été autrefois. Alors j'étais aveugle, mais à présent j'espère être un peu plus clairvoyant, surtout en des choses qui me regardent de si près. Qu'est-ce qui peut mieux nous forcer à devenir sages, si ce n'est une propre expérience assez triste? Les devoirs annexés à ma charge ne sont pas si étendus, pour qu'ils puissent me prendre tout mon temps, ils ne me prendront que six ou huit jours par mois tout au plus. Mon dessein est de prier instamment mon cher oncle de me permettre d'écrire sous sa dictée, de travailler dans sa chancellerie ou bien dans tel bureau qu'il jugera le plus convenable. C'est cette permission que je regarderai comme un nouveau bonheur, et que je m'efforcerai d'obtenir. L'envisageant de ce côté, mon retour dans ma patrie ne peut m'être que des plus utiles; car plus tôt je serai introduit dans cette carrière qui jusqu'à présent m'est inconnue, et plus tôt j'en pourrai ressentir les bénins effets à l'avenir. Je me réfère à vos lumières, à votre tendresse; daignez me communiquer ce qu'elles vous dicteront, et principalement daignez vous souvenir que c'est un fils sincère et obéissant qui vous écrit. Je désire revoir si tôt mes dieux pénates en bon parent, en citoyen et en patriote.

Demain nous partons pour la France, pour ce pays, siège de la frivolité et des plaisirs, mais actuellement, par la persécution des parlements, par l'oppression du peuple, siège du chagrin, de l'effroi, de l'affliction et des troubles.

En analysant les voyages avec un peu d'exactitude, on trouve qu'on parvient à voir une quantité de bâtiments, parmi lesquels il y en a de beaux et de mauvais, plusieurs peuples, et avec cela une foule de folies, de préjugés et de toutes sortes de

vices. Si on a le bonheur d'être aussi bien conduits que nous le sommes, on ne peut que profiter d'un pareil spectacle, qui doit imprimer une véritable aversion. Le guide vigilant fait observer les bonnes choses comme des exemples à suivre, et les mauvaises comme des pièges dangereux à éviter. La lecture nous peint les hommes avec les couleurs les plus avantageuses, tandis que souvent l'effet ne répond nullement à l'attente qu'on s'en forme, et rarement les nations gagnent à être connues de près, surtout celles dont on a des idées préliminaires trop flatteuses.

1058. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину.

1772 г. марта 12 [1]. Лондонъ.

Nous sommes déjà sur notre départ. Je dois avouer que ce n'est pas sans regret que je quitte Londres. On nous y comblait de politesses, et nous vivions très contents, après nous être un peu accoutumés aux mœurs et à la façon de vivre de la nation. J'aurais toujours regretté de n'avoir pas vu l'Angleterre de mes propres yeux. On débite sur ce beau pays tant de contes, qu'il est presque impossible de ne pas s'en laisser séduire; mais à présent je sais du moins à quoi m'en tenir, et je puis apprécier plus au juste le prix de tout ce que je serai dans le cas d'en entendre dire.

De tous les peuples qui habitent sur notre globe, les Anglais sont à ce que je crois les plus heureux et les plus à envier. Non soumis à la volonté arbitraire ou plutôt au caprice d'un seul, ils n'obéissent qu'à des lois dictées par la sagesse même, et que forma la seule unanimité. Leur vie ne peut devenir la victime des passions vicieuses d'un troisième; leurs biens sont à l'abri de toute violence. Leurs actions sont spontanées et absolument destituées d'une gêne odieuse. Ils n'ont rien à craindre ni de la disgrâce du souverain, ni de la haine des ministres et des courtisans: leur excellente Constitution est l'égide redoutable qui les garantit de toute

injustice. Ils n'ont enfin qu'à jouir de leur existence, chacun selon son bon plaisir et sa fantaisie; mais la plupart n'en jouissent pourtant qu'en gens sensés qui connaissent et le but de celui qui les a créés, et jusqu'où s'étend la chaîne de leurs devoirs envers eux-mêmes et envers les autres. Je suis si pénétré de cette situation que, si je n'étais attaché à ma patrie par des liens aussi indissolubles, et ayant à choisir en même temps le pays auquel je devrais consacrer et ma vie et mes travaux, l'Angleterre serait sans aucun doute celui que je choisirais par affection autant que par conviction.

Nous allons diriger nos pas vers un royaume qui de tout temps est entré en concurrence avec celui que nous quittons, dont la principale ambition n'est que de conserver dans toutes les parties une prééminence flatteuse, et qui peut-être dans plusieurs l'a effectivement obtenue. La lecture d'une infinité d'auteurs assez partiaux, des dictions invétérées de l'enfance, la beauté du climat, la gaieté et l'agrément du caractère national, — tout me parle en faveur de la France. Sans y avoir jamais été, je lui cède déjà une partie de mon admiration. Je ne sais si les objets, qui se présenteront à mes regards avides, pourront réaliser les idées avantageuses que je m'en forme. Je tâcherai d'approfondir tout ce qui excitera mon attention avec un œil curieux, mais impartial. Je bannirai toute prédilection, toute prévention; elles sont des plus pernicieuses à cet égard, et si, peut-être, trop faible, je serai prêt à succomber, j'ai un antidote merveilleux, pour me faire recouvrer d'abord mes premiers sentiments, ce sont les avis sages, les conseils tendres de mon guide actuel. Trop persuadé de son amitié, je ne puis recevoir qu'avec une déférence illimitée tout ce qui me vient de sa part.

Je vous supplie aussi, mon tendre père, d'être pleinement convaincu que j'emploie tous mes efforts, pour ne pas ressembler à beaucoup de nos compatriotes qui, sans avoir bien étudié ce qu'ils ont vu, et ridiculement éblouis du premier éclat qui les a frappés, donnent incontinent dans un enthousiasme hébété

et conçoivent injustement du mépris pour les lieux qui les ont vus naître. Nous voyons chez nous plusieurs de ces pauvres esprits qui, pour avoir été quelques mois dans un pays étranger, croient avoir acquis en revenant chez eux le droit de tout censurer et de tout mépriser, et par là ils deviennent eux-mêmes à juste titre la risée et le rebut de tout le monde. Que Dieu me garde de pouvoir donner le moindre soupçon d'un pareil travers! Je désire m'orner l'esprit, pour communiquer à mes concitoyens les lumières faibles ou utiles que j'aurai eu l'occasion d'acquérir, et non pour m'en prévaloir contre eux.

1059. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. марта 16. [Петербургъ].

Князь Степанъ въ концѣ прошлаго мѣсяца отправился въ Варшаву, князь Алексѣй здоровъ и очень любезенъ. Меньшого самаго уже нѣсколько мѣсяцевъ не видала, о нёмъ ничего не знаю, какъ и объ Юшѣ ничего сказать вамъ не могу: очень давно писемъ отъ него не имѣю, считаю въ походѣ.

Думаю, вы моимъ письмомъ будете недовольны. Вѣрьте, мой дорогой, что я сама очень желала бы васъ видѣть, только въ этомъ никакъ помочь вамъ не могу, — знаете, что мой голосъ въ своей семьѣ никогда ни въ чемъ не предуспѣетъ.

1060. Графъ Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772. г. марта 30. Лондонъ.

Les avantages que vous acquièrent vos connaissances m'engagèrent dès le commencement à y donner toute mon attention; celle d'approfondir votre caractère a mis le comble à ma satisfaction. Elle vous acquit tout d'abord l'estime la plus sincère avec l'intérêt le plus vif. Vous ne sauriez être indifférent à ce tribut que mon cœur rend avec tant de plaisir. Il en garantit la conservation invariable, d'autant mieux qu'il ne se laisse

pas prendre trop légèrement. Votre bonne maman vous en assure tout autant, et vous nous trouverez l'un et l'autre toujours d'accord sur ce chapitre, comme nous le sommes avec nos inclinations. Elle ne peut pas vous le dire aujourd'hui elle-même, des maux de tête l'en empêchent; à peine me laissent les miens la force de vous écrire. Mon envie de me dédommager un peu de votre absence surmonte seule ce cruel empêchement qui me fait tant souffrir; il m'ôte même la faculté de penser, il ne me laisse presque que celle de sentir. Aussi me réservé-je à une autre fois une discussion plus suivie d'un parallèle qu'il y aurait à faire entre le pays que vous habitez et celui où l'on vous regrette tant.

Rien n'est plus juste cependant que ce que vous dites du caractère national qui est encore préservé de cette teinte qu'on appelle „astuce", introduite par l'Italien Mazarin et de ce faux vernis qu'on attrape à Versailles. L'art d'embellir paraît être le fort de cette nation-là. C'est lui peut-être qui a fait donner à l'industrie le besoin pour mère. Cet aiguillon, joint à la sûreté du produit, donne à l'esprit humain une activité étonnante, et c'est elle qui soutient un commerce immense de bagatelles les unes plus frivoles que les autres, parce qu'elles flattent et plaisent. L'opinion en est donc la base et le besoin la cheville ouvrière, mais elle est un peu oppressée.

1061. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину.

[1772 г. апрѣль].

L'obligation est très grande que je vous ai, mon Prince, qu'au milieu des plaisirs et du grand monde vous ne cessez pas de penser à ceux qui vous sont véritablement attachés. Le séjour à Londres ne peut avoir que beaucoup de charmes pour vous, mon Prince. Le prince de Mecklembourg, la maison de Monsieur l'envoyé de Russie toujours réputée pour une qui fait le meilleur accueil aux étrangers et plus encore aux

seigneurs de Russie, les Anglais naturellement portés pour être bien avec les étrangers dont ils connaissent le mérite et qui veulent un peu entrer dans leur manière de penser, — tout cela doit concourir, mon Prince, à vous faire souhaiter, qu'il vous soit permis de rester plus longtemps dans cette capitale presque du monde.

Vous demandez, mon Prince, une description détaillée de nos impôts; je ne manquerai pas de vous la donner avant votre départ pour Paris, il me faut un peu de temps pour en donner une description raisonnée, puisque la nature de ces impôts, la manière de les lever et leur destination diffèrent dans chaque province. La ville de Leyde a trouvé depuis peu une nouvelle source de ses revenus. Le gazetier hollandais étant subitement mort, la ville vendit bien cher la permission de continuer la gazette; la veuve du défunt l'a rachetée moyennant 8375 florins qu'elle paye tous les ans à la trésorerie et 600 florins à la Maison des orphelins. Combien le mari ne doit pas avoir gagné par an! Voici un revenu auquel on pense peu dans d'autres pays. A Amsterdam on vend tous les samedis le billet de l'église, portant le nom de ceux qui doivent prêcher dans toute la semaine. On dit que celui qui le faisait imprimer en gagnait tous les ans une somme de 20 jusqu'à 30 mille florins. Après sa mort la ville a incorporé ce revenu à la trésorerie et fait imprimer ce billet à ses dépens.

Il n'y a point de nouvelles ici, dignes de votre attention. M. Oakes qui a quitté cette académie l'année passée ira à Pétersbourg en qualité de secrétaire d'ambassade. Les princes de Volkonski se portent bien, le prince de Galitzine aussi. Les premiers s'appliquent au droit naturel, le dernier fait beaucoup de cahiers remplis de l'histoire de l'Empire. Au reste on vous rend justice ici, mon Prince, ce dont je suis charmé.

1062. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. апрѣля 6. Парижъ.

Les deux lettres dont Votre Altesse Impériale m'a honoré, l'une du 14 octobre, l'autre du 25 janvier, m'ont comblé de la joie la plus vive. J'en ai été si pénétré, qu'à peine j'osais croire ce que je lisais. Qu'il m'est doux, Monseigneur, de voir que l'absence n'ait pu m'effacer de votre souvenir! Ma reconnaissance est proportionnée à mon attachement tendre et respectueux. Vos bontés vous soumettent mon cœur par des droits plus forts encore que ceux du devoir. Heureux de les posséder, j'en connais tout le prix. Je sens que je ne puis trop faire pour n'en être pas indigne dans la suite.

C'est le 15 (26) du mois passé que nous sommes arrivés ici; mon contentement égala ma curiosité. J'avoue qu'une trop puissante prédilection avait couvert mes yeux d'une faible gaze: j'étais disposé depuis longtemps à voir tout en beau, aussi voyais-je tout du bon côté. Le mauvais cependant ne m'a pas échappé; je suis même de l'opinion, que s'il y avait à faire quelque réforme générale, la France pourrait en être tout autant susceptible que ces pays qu'on lui suppose si inférieurs. Je me tais sur les chemins, sur les auberges, sur la malpropreté et la misère dans les provinces; ces objets perdent trop à être comparés avec ce que j'ai vu dans l'heureuse Angleterre.

Ce qui parle en faveur des Français, c'est la beauté de leur climat, c'est leur industrie et surtout cette fécondité d'imagination qui ne se trouve au même degré dans aucune autre nation. Je suis bien loin d'entendre par ce mot de fécondité tout ce que peuvent embrasser les facultés de notre esprit; d'autres peuples ont montré que l'art de penser était aussi leur apanage, et que peut-être ils pensaient plus solidement; mais je n'entends par là que cette facilité qu'ils ont d'inventer tout ce qui peut augmenter les agréments de notre vie et qui sont également nécessaires au philosophe et à l'homme du monde, au citoyen et au guerrier, à l'agricole et au citadin.

Paris ne gagne pas au premier coup d'œil. La hauteur des bâtiments ne permet point que du carrosse on en puisse contempler la belle structure. On aperçoit seulement des rues fangeuses, étroites et remplies d'un monde prodigieux. Nos oreilles ont été étourdies d'un fracas continuel, et nos yeux, frappés d'une rapide ondulation d'objets de toutes les espèces, ne savaient où préférablement ils devaient se fixer. Je confesse que je me suis demandé en moi-même, n'est-ce que cela? Est-ce là le beau, le grand, le merveilleux Paris? Je ne pouvais concilier ce que je voyais avec ce que je m'étais figuré. Je flottais dans cette incertitude jusqu'au lendemain.

Nous allâmes voir le grand Opéra. Le tumulte de mes sens, occasionné par la beauté du spectacle, me dit assez combien j'avais eu tort de permettre aux premières apparences de faire quelque impression sur mon âme. Le goût des décorations, la promptitude des machines, la délicatesse des danses, la décence et le bon ordre qu'observaient les spectateurs, tout m'enchanta. Je n'ose hasarder mon sentiment sur le chant national: le louer ce serait heurter contre l'avis d'un public connaisseur, et le blâmer ce serait me servir d'un ton de suffisance que j'abhorre.

Nous avons aussi assisté à la représentation d'une nouvelle tragédie intitulée „les Druides". Elle renferme de très grandes beautés; l'auteur qui est un nommé Le Blanc s'est écarté de la route ordinaire: ce n'est ni dans les élans de l'amour, ni dans des fureurs guerrières, qu'il a puisé son sujet; mais c'est la religion la plus épurée, c'est la vertu la plus raisonnée qui en constituent la base, et les éloges d'une sage tolérance et les réflexions les plus philosophiques sur le danger des erreurs, sur la destination de l'homme en forment les incidents. L'auteur ne s'est pas contenté de nous présenter des vers bien rimés, il nous a offert des maximes, et des maximes d'une sagesse si évidente, qu'il serait à désirer pour le bien de l'humanité, qu'elles fussent mises en œuvre plus scrupuleusement. Alors la félicité seule régnerait sur la terre, alors existerait peut-être cet âge d'or tant vanté par les poètes.

Brizard dans le rôle du Pontife-suprême a excité toute notre admiration et la Sainvar a su émouvoir nos cœurs. Molé m'a paru excellent dans l'action, mais il a à lutter contre un grand désagrément naturel, qui est une poitrine fort faible. Il nous reste à voir Lekain et la Dumesnil, ces deux ornements du théâtre français.

Les spectacles, fermés depuis une dizaine de jours, vont recommencer après la quinzaine. Alors nous ne croirons mieux faire qu'en leur accordant tous nos instants de loisir. Etre étranger à Paris et ne pas tâcher de se former le goût, ce serait agir contre son vrai bien. Quels moyens plus utiles à corriger les vices du cœur et à perfectionner les facultés de l'esprit, que de fréquenter ces écoles du bon goût et des bonnes mœurs? Pour en retirer cette utilité il faut se ranger du nombre des spectateurs raisonnables, et non de ceux qui n'y viennent que pour étaler leurs vaines grâces et pour se séduire eux-mêmes en séduisant les autres.

Ce sont les Italiens que nous avons fréquentés jusqu'à présent le plus souvent: l'attrait des charmants petits opéras nous y a attirés. En voyant Carlin on ne peut s'empêcher de rire. Mme La Ruette chante avec une mélodie merveilleuse. Clairval intéresse autant par la noblesse de sa figure que par celle de son jeu; quant à Caillaut je ne puis lui accorder que tous mes éloges réunis. Pour le naturel on le croit bien supérieur même à Lekain et on ne lui compte que Garrick pour égal.

Samedi passé la foire de St. Germain a également été fermée. Le Vauxhall d'hiver était charmant: sans être trop spacieux, il offrait le coup d'œil le plus ravissant; glaces, peintures, dorures, rien n'a été épargné dans la décoration; un goût exquis perçait dans toutes les parties. L'assemblée était tous les soirs fort nombreuse, et on y voyait du nouveau dans l'ajustement de chaque personne. Les Français en de pareilles occasions sont très polis; ils n'omettent rien de tout ce que prescrit la bienséance, mais du reste ils sont d'un abord presque inaccessible aux étrangers et il faut se borner absolument aux

seuls compliments d'usage; avec toute la bonne volonté qu'on témoigne et toutes les avances qu'on fait, on ne saurait guère aller plus loin.

Mardi passé nous avons été présentés à Versailles. C'est avec de grandes idées que je suis parti de Paris: mon imagination m'exagérait tous les objets. Mais il m'arriva cette fois comme tant d'autres: l'effet fut inférieur à l'attente. Je trouvai un vaste bâtiment qui en imposait par sa grandeur. Jadis il avait été éclatant par sa magnificence, mais le temps en avait terni l'éclat: je n'en aperçus que quelques vestiges épars, et encore néglige-t-on de commencer une réparation nécessaire.

C'est l'introducteur des ambassadeurs qui nous a présentés au Roi et à la famille royale. Louis XV à son premier aspect annonce ce qu'il est; il a une grande noblesse dans tous ses traits, sa physionomie frappe, et malgré le poids de l'âge, il est toujours bel homme. La Dauphine est d'une figure à épuiser tous les éloges; elle est plus que jolie.

Voilà, Monseigneur, les petites remarques que j'ai pu faire dans le peu de jours que nous sommes à Paris. Il y a plusieurs articles que je ne touche point. Je me réserve de vous en faire un jour de vive voix un rapport plus exact et plus fidèle.

J'ai encore un million de grâces à rendre à Votre Altesse Impériale pour la permission qu'elle a daigné m'accorder autrefois de parcourir seul et en sa compagnie tous les ouvrages d'architecture, qui se trouvent dans sa bibliothèque. C'est actuellement que je ressens la grande utilité de ce passe-temps, que je regardais plutôt comme un simple amusement. Blondel a traité amplement des principaux édifices de cette ville, et c'est avec attention que je les ai examinés. Je n'ai qu'à me rappeler ce que j'ai vu, et je reconnais ce que je vois, cependant avec cette différence essentielle, que sur les planches tout était représenté si avantageusement, que je ne saisissais que le beau, au lieu qu'à présent voyant la réalité, je vois et les beautés et les défauts.

1063. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину.

1772 г. апрѣля 6. Парижъ.

Le peu de séjour que nous avons encore fait à Paris ne me permet guère de vous en entretenir beaucoup. Tout ce que je puis dire avec fondement c'est que les idées, que je m'en formais avant de l'avoir vu, étaient infiniment plus brillantes et plus flatteuses, que celles que j'en ai actuellement, et Dieu sait celles que j'en aurai encore au bout de trois mois. Je compatis du fond de mon cœur à la conduite d'une infinité de nos compatriotes, qui, se laissant éblouir par le faux-brillant des nombreuses frivolités qu'on voit ici, s'oublient au point condamnable d'éteindre en soi tout amour de sa patrie, et tout désir d'y retourner. Quant à moi, je puis attester que plus j'apprends à connaître l'étranger chez lui, et plus mon attachement pour mon pays natal prend racine dans mon cœur. Il est vrai qu'on trouve chez nous une quantité d'articles qui exigent réforme; mais quels sont les pays qui ne soient pas dans le même cas, et même ceux que nous tâchons de prendre pour modèles, ceux que nous croyons plus accomplis que le nôtre, n'offrent-ils point un égal spectacle d'abus, d'erreurs, et de préjugés? Au reste, où peut-on être mieux qu'au sein de sa famille, surtout quand, ainsi que moi, on a le bonheur de trouver parmi les siens des exemples aussi glorieux qu'utiles à suivre? Partout ailleurs on ne goûte que des plaisirs fades et insipides; ce n'est que chez soi qu'on est à même de savourer la volupté réelle.

On doit avouer que Paris est vraiment la capitale des arts, du bon goût, des modes, des plaisirs; l'homme y trouve en abondance de quoi satisfaire à ses besoins et à ses caprices. Il n'a qu'à avoir de l'argent; les moyens de le dépenser ne lui manqueront point. Mais le grand désagrément pour le voyageur, c'est l'accès difficile ou plutôt impossible des sociétés nationa-

les, et pourtant c'est un but principal, en voyant un pays, que de vouloir connaître ceux qui l'habitent. Les Parisiens allèguent une raison qui leur semble assez plausible. Ils disent qu'en se liant avec un étranger, c'est s'assujettir à des regrets, s'il est aimable et s'il reste peu de temps parmi eux, et qu'au contraire c'est se précipiter dans d'autres inconvénients, si c'est un avanturier ou quelque mal-moriginé. C'est en s'acquérant une certaine réputation et en restant ici plusieurs mois, qu'on parvient à s'initier dans ces coteries; avantage qu'on doit se croire très heureux d'obtenir.

Il est aisé de prévoir le temps immense que nous aurons de cette façon à notre entière disposition, mais notre cher guide, toujours vigilant sur ce qui regarde notre bien, a déjà su le partager à notre plus grande utilité. Toutes nos matinées sont prises; elles sont destinées à une étude réfléchie du vrai génie et des beautés de la langue française, à une teinture de l'italien et à l'acquisition de toutes ces bagatelles, qui servent à décorer l'extérieur et à prêter au moyen de la danse des manières plus aisées sans affectation. Je ne compte point parmi les occupations sérieuses notre empressement à courir voir ce qu'il y a de remarquable dans la ville et dans les environs; c'est plutôt une récréation.

Mardi passé nous avons été à Versailles. Le duc d'Aiguillon nous a témoigné beaucoup d'attentions, et selon la coutume nous avons dîné ce jour chez lui. De tout le corps diplomatique le comte de Creutz, ministre de Suède, est jusqu'ici celui qui nous a fait le plus de politesses. Son accueil est tel, que jamais nous ne pouvions nous y attendre. Avant même que nous lui eussions fait notre première visite, il nous invita à dîner, et ces jours-ci apprenant qu'une légère indisposition me retenait à la maison, il n'eut rien de plus pressé que de venir me voir. Il faut nécessairement qu'il ait eu l'honneur de vous connaître à Stockholm, et peut-être qu'il ait éprouvé quelque effet de vos bontés.

1064. Графъ Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. апрѣля 24. Лондонъ.

Si vous pouviez, mon Prince, connaître tout le plaisir que j'ai eu en lisant votre charmante lettre du 12 avril, vous seriez sans doute amplement dédommagé de la peine que vous avez prise à me l'écrire. Rien n'est plus juste que les réflexions que vous faites en chemin faisant sur la capitale qui vous possède. Elle doit à plus d'un égard l'emporter avec vous de préférence sur celle qui vous regrette encore. Je ne parle point de l'avantage de savoir la langue seulement, mais de celui d'être préparé par toute l'éducation de l'extérieur à ne pas y être étranger. Mœurs, façons, goût, plaisirs même, tout vous y est commun avec ses habitants. D'ailleurs les agréments de Paris sont l'effet d'un système politique pendant que ceux de Londres ne le sont que ceux de l'opulence réelle. Ici le luxe est naturel, là il n'est qu'artificiel. Colbert crut devoir encourager l'industrie; mais il ne vécut pas assez longtemps pour s'apercevoir que c'était aux dépens de l'agriculture. Cette erreur est encore à corriger. Cependant les sources des richesses se dessèchent et se tarissent, le brillant éblouit et cache le squelette; c'est ainsi qu'il l'emporte en tout. Les spectacles, comme les endroits les plus fréquentés, substituent l'illusion à la vérité; la frivolité ne pense pas plus loin et prend l'éclat pour de la beauté. Vous avez donc vu, mon cher Prince, les Italiens? Pouvez-vous les comparer aux pièces de Corneille, Racine, etc.? Je ne dis pas à leurs meilleures pièces. Ce sont ces disciples et rivaux de Sophocle et d'Euripide, de Térence et d'Eschyle qui ont valu aux récits de leurs drames la belle nomination d'école de mœurs, mais aux Italiens.... Je crains que les mœurs ne se corrompent et qu'un homme sage n'y trouve que du joli, vide d'intérêt et souvent de sens. L'œil et l'oreille ont sans doute de quoi s'y satisfaire: que tout y est beau et brillant j'en conviens; mais qu'en restera-t-il dans l'âme? Et

voilà la provision que je voudrais qu'on fît dans le printemps pour les jours de l'hiver. On a tant de temps à passer avec soi-même, et il y a tant d'instants dans la vie à remplir! L'art de penser est le seul qui peut alors dédommager des plaisirs de la jeunesse.

Pour soutenir mon ton de pédagogue, permettez-moi de vous dire que je n'aime ni la froideur affectée des Français, ni leurs politesses qui consistent en phrases seulement bien tournées et en lieux communs. Je connais cependant des Français d'autant plus estimables qu'ils joignent la candeur de l'âme à la politesse qui caractérise leur nation et qui était l'exemple pour l'Europe du temps de Louis XIV. L'Europe copie encore quand l'original s'est gâté. Votre description des ameublements de Versailles trouve ici tout naturellement sa place, on n'en voit que des vestiges, dites-vous. C'est très vrai.

Богъ избави насъ такого министра, какого прочитъ теперь Францiя въ особѣ г. Бролiо: смѣшаетъ онъ небо съ землей, а оный не перемѣнилъ своего сварливаго нрава. Братъ его герцогъ—человѣкъ предостойный. Часъ съ часа ожидаю я извѣстiя о перемирiи, а миръ, конечно, вскорѣ воспослѣдуетъ: опасность повѣтрiя не мало и насъ заставляетъ того желать. Польскiя дѣла въ самомъ кризисѣ. Король прусскiй, вѣнскiй дворъ и мы посылаемъ туда новыя войска для утушенiя огня,—вдругъ со всѣхъ сторонъ. Чѣмъ же все то кончится—не знаю, да и знать напередъ нельзя.

О датскихъ дѣлахъ писалъ я г. Сальдерну; прошу ему отъ меня поклониться, равно какъ и любезнымъ вашимъ товарищамъ и спутникамъ.

Le prince Ernest est parti il y a longtemps. Le Prince polonais est aussi disparu du théâtre du monde; c'est une fleur qui n'a brillé qu'un jour et qui a vécu trop d'un jour.

Kochelev est si enfoncé dans son anglais que je ne le vois qu'au hasard.

1065. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. мая 2. Петербургъ.

Pour satisfaire à vos ordres, je vous manderai, mon Prince, toute sorte de nouvelles. Vous n'exigerez pas de moi cet ordre et cette élégance dans le style, que vous possédez dans un degré aussi parfait. Le temps ne me permet pas d'y étudier et à peine en ai-je aujourd'hui autant pour écrire cette lettre.

La fête du 21 s'est passée sans quelque gratification particulière. Les trois majors-généraux: Stcherbatchov, chef de la Yemskoï, Maslov, major aux gardes, et Rjevski,—au corps de troupes en Pologne, ont reçu l'ordre de Ste-Anne. Le 23 l'Impératrice s'est rendue à Tzarskoé et le 25 le comte Grégoire Orlov est parti pour le congrès qui se tiendra peut-être à Bukharest. Vous saurez peut-être que le comte Orlov est le premier et M. Oubril est le second plénipotentiaire. Le comte Fédor Orlov, le général Lœven du service de Holstein, nommé de [par] Sa Majesté Impériale il n'y a que quelques jours son chambellan actuel et quelques gentilshommes russes et livoniens y vont comme volontaires. Le capitaine aux gardes M. Nolken fait le voyage comme maréchal de l'ambassade. M. Nabokov est chef de la chancellerie et M. Kozlovski se trouve auprès de la personne du comte Orlov comme son secrétaire. M. de Talisine se porte parfaitement bien et m'a expressément chargé de vous faire mille compliments de sa part. Il est conjointement avec Son Excellence M. le comte Panine, votre grand-oncle, tuteur de M. Apraxine qui est logé chez le premier dans la maison de feu madame la maréchale. L'autre maison est louée au comte Munnich, marié avec la comtesse Yéfimovski. Mme de Talisine, qui a beaucoup souffert après la mort de madame sa mère, se porte à présent un peu mieux. Son époux n'est pas encore major, quoiqu'il en fasse le service depuis longtemps.

M. d'Osterwald vous fait bien ses compliments. Il est extrêmement chagrin et principalement madame, de ce qu'ils

viennent de perdre leur fils âgé d'une année et quelques mois. M. la Fermière se trouve bien flatté de l'honneur de trouver tant de belles choses à son sujet dans votre lettre à moi. Il vous conserve, mon Prince, un attachement zélé.

Tout ce que vous dites, mon Prince, au sujet de M. de Pouchkine n'est que trop vrai. C'est un des plus dignes hommes que je connaisse. J'espère de la bonté de M. le comte Panine qu'il aura soin de soulager son état. La paix qui paraît se conclure cette année-ci y fournira l'occasion.

Le Grand-Duc qui se trouve incommodé depuis quelques jours d'un rhume de cerveau se réserve le plaisir de vous écrire lui-même. Son Excellence le comte Panine m'a expressément chargé de vous faire bien des compliments de sa part et de vous assurer qu'il vous écrira dans ces jours-ci. Je doute, mon Prince, que ses affaires le lui permettent si tôt.

1066. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. мая 7. Село Никольское.

Невозможно больше никому и ничѣмъ, какъ вы, любезнѣйшій мой внукъ и дорогой другъ князь Александръ Борисовичъ, воздвигнули въ душѣ моей чувствительнѣйшія движенія радости, признанія, благодарности и утвержденія въ надеждѣ, о васъ мною предположенной, а вамъ уже до сего извѣстной, чрезъ любезное мнѣ ваше письмо, отъ 28-го числа прошедшаго февраля мѣсяца пущенное, но до меня на сихъ дняхъ только дошедшее. Оно всеконечно преисполнено существительныхъ изъявленій вашихъ какъ природныхъ дарованій, такъ возведенія ихъ на лучшую степень прилежнымъ вашимъ употребленіемъ себя въ науки и прописанія, къ оному способствующія.

Я столько, мой любезный, всѣмъ симъ о васъ объятъ, что и теперь, равно какъ при первомъ прочитаніи вашего письма, не могу инымъ зачать, какъ съ испущеніемъ радостныхъ слезъ, мысленно бросившись на вашу шею, лобызать

васъ всѣмъ сердцемъ. Воспріимите, дорогой другъ, такое мое о васъ заочное движеніе съ соотвѣтственнымъ драгоцѣнной душѣ вашей чувствованіемъ и приносимое чрезъ сіе мое признательное благодареніе за оное ваше письмо, изъявившее столько вашего утвердительнаго благорасположенія ко мнѣ и къ себѣ собственно. Да укрѣпитъ васъ въ ономъ вышняя десница и да благословитъ всѣ ваши подвиги, съ таковыми благонамѣреніями воспріемлемые на всякое лучшее ваше благополучіе и возвышеніе, въ чемъ, дорогой другъ, и не сумнѣвайтесь. По испытаніямъ, многими и мною собственно о семъ сдѣланнымъ, что въ теченіе человѣческой жизни, располагаемой по правиламъ истинной добродѣтели, никто безъ внутренняго воздаянія отъ правосуднаго Промысла не оставался и не останется; а внутреннее воздаяніе, т.-е. всегдашнее спокойствіе души, конечно, сладостнѣе всѣхъ другихъ блистательныхъ, коихъ услажденіе получается только при достиженіи оныхъ, а потомъ безпокойствами новыхъ пожеланій, такъ сказать, мгновенно проходитъ. Но услажденіе душевнаго спокойствія, въ чувствіяхъ своего поведенія во всемъ на правилахъ истинной добродѣтели, остается и подаетъ удовольствіе навсегда.

Не попускай, любезный другъ, вашу душу, до толикой степени познанія добродѣтелей дошедшую, въ погрѣшеніе и о томъ, что когда она своею справедливостью представляетъ вамъ въ братѣ моемъ прямо отеческое о вашемъ благѣ попеченіе, то и слѣдуетъ ввѣриться ему въ вашемъ въ отечество возвращеніи и во всемъ прочемъ больше, нежели собственнымъ прельщаемымъ воображеніямъ. Въ немъ видимыя всему свѣту неошибки въ разбираніи настоящаго, въ прозрѣніи будущаго и въ соображеніяхъ къ избраніямъ самаго лучшаго и удобнаго къ благодостиженіямъ, совокупно съ истинною къ вамъ его отеческою любовью и попеченіемъ, могутъ уже безпрекословно утверждать васъ о своемъ жребіи самымъ лучшимъ спокойствіемъ. И я увѣренъ, что онъ въ томъ столько ничего не пропуститъ, какъ бы о сынѣ собственномъ или о моемъ.

Я теперь хотя въ отдаленіи отъ большого свѣта, но прямодушная моя привязанность о промышленіи вамъ лучшаго и прочнаго блага принуждаетъ признаться предъ вами и собственно въ моемъ о вашемъ возвращеніи такомъ соображеніи, что я желаю видѣть его хотя не столь скоро, но съ тѣмъ уже, чтобы вы, любезный другъ, прибыли не для практики комнатной службы, а, съ уваженіемъ васъ, къ употребленію въ государственныя способствованія.

Повѣрь, любезный, гласу вашихъ сердечныхъ друзей, что всѣ прочія прельщающія выгоды нималѣйшаго сравненія въ своей прочности и въ истинныхъ услажденіяхъ съ тѣмъ не имѣютъ, что̀ во зрѣломъ вѣкѣ приноситъ поставленіе себя достойнымъ въ важное государственное споспѣшествованіе. Сего единаго мы оба вамъ предпочтительнѣе всякихъ другихъ выгодностей всѣмъ сердцемъ и желаемъ.

Въ похвальное ваше попеченіе о тѣхъ двухъ женщинахъ, отъ коихъ вы въ воспитаніи заслугу за собой признаёте, я, конечно, не оставляю сдѣлать достойное соотвѣтствіе вашему желанію. Князь Гаврила Петровичъ меня утѣшилъ искреннимъ желаніемъ съ удобовозможнымъ стараніемъ своимъ пріобрѣсти вашу къ себѣ любовь съ довѣренностью, и надежду въономъ полагаетъ на ваше драгоцѣнное, а къ нему благообращаемое сердце. Вы знаете, драгоцѣнный другъ,—мнѣ извѣстныя сего молодца поведеніе и душевное расположеніе съ предвозвѣщаніями будущихъ вашихъ жизненныхъ теченій воображаютъ полезнымъ пріобрѣсти вамъ между собою и любовь, и истинную дружбу. Онъ хотя имѣніемъ не богатъ, но чувствіемъ истинныхъ добродѣтелей и прилежаніемъ къ познаніямъ изобиленъ.

Здѣсь пріобщенное скажетъ во всей ясности моей Марьи Родіоновны къ вамъ настоящее душевное расположеніе, то мнѣ и остается только присовокупить, что я съ нею и съ обоими дѣтьми въ изрядномъ здоровья состояніи, и что по нынѣшней въ Москвѣ безвредности скоро переѣдемъ на лѣто въ Михалково, княгини Дашковой подмосковное, и что же я

вездѣ и всегда съ сердцемъ, преисполненнымъ къ вамъ любви, дружбы и привязанности, пребываю на всю жизнь вашего сіятельства усердный дядя, вѣрный другъ и слуга. Графъ Петръ Панинъ.

1067. Графиня Марія Родіоновна Панина—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. мая 7. Никольское.

Votre charmante lettre, mon aimable Prince, m'a pénétrée de sentiments de reconnaissance pour toutes les marques d'amitié que vous me témoignez et d'estime pour vos bonnes qualités et votre façon de penser qui me fait autant de plaisir, qu'elle fait honneur à mon cher neveu que j'aime de tout mon cœur, et pour le lui prouver, je ferai tout mon possible pour empêcher son retour à Pétersbourg où il peut tout perdre sans rien gagner, étant continuellement sur le théâtre parmi les mauvais acteurs, où à la fin il sera obligé de jouer avec eux de vilains rôles ou d'être ridicule; car il n'y a rien de plus ridicule au monde qu'un courtisan qui pense bien en dépit de tous les autres.

Ainsi, mon cher Prince, vous voyez bien que vous avez choisi un très mauvais avocat pour plaider votre retour auprès de votre oncle qui malgré vous, mais pour votre bien, est aussi de mon sentiment là-dessus. Cependant vous devez être sûr, qu'en différant votre retour, je n'en désire pas moins de vous voir, mais tant que je ne pourrai pas le faire, sans vous nuire, j'aimerais mieux me priver de ce plaisir et vous prier de me donner toujours de vos nouvelles avec des remarques sur les pays où vous serez et les choses que vous trouverez dignes de votre attention.

Quant à moi, vivant dans un coin du monde assez peu remarquable, dans le climat le plus affreux et n'ayant qu'une société à peine sociable, je n'ai rien autre chose à vous dire, sinon que, malgré tout cela, je me porte assez bien et que,

avant que l'ennui me tourne la tête, vous pouvez être sûr que je serai toujours avec une estime distinguée et l'attachement le plus sincère votre très affectionnée comtesse Marie de Panine.

1068. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину.

1772 г. мая 7. Ліонъ.

Les plaisirs et les distractions de Paris n'ont pu nous éblouir au point de nous faire négliger les règles que nous prescrit notre religion. Nous avons fait nos dévotions aussi scrupuleusement et avec le même jeûne que si nous avions été au sein de notre patrie. Je m'y suis porté avec un empressement d'autant plus vif, qu'il m'avait été de toute impossibilité d'y vaquer l'année dernière. Notre aumônier est un très galant homme. Ses missions durent depuis dix-sept ans. Il a adopté avec facilité les manières étrangères, et il parle plusieurs langues. Seulement il a conservé un certain faible pour sa vénérable barbe, qui l'a empêché de s'en défaire. Il ne risque rien dans les pays catholiques: les yeux y sont accoutumés à voir des capucins, mais ce serait autre chose parmi les protestants, et surtout en Angleterre. Deux ou trois de nos prêtres, trop attachés à leurs anciens usages, ont eu le désagrément d'y souffrir les avanies d'une populace grossière et accoutumée à une grande licence.

1069. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. мая 12. Ліонъ.

C'est de Lyon que j'ai l'honneur d'écrire à Votre Altesse Impériale. Nous avons entrepris ce voyage pour une quinzaine de jours; les fréquentes indispositions du comte Chérémétev en ont été le motif. Il a consulté plusieurs habiles médecins,

même le fameux Tronchin, et tous se sont réunis à l'assurer qu'elles ne provenaient que de son ver solitaire qu'à différentes reprises il avait tâché de chasser de son corps, mais qui toujours opiniâtre avait résisté aux remèdes et persévérait à le tourmenter. Ils lui conseillèrent comme dernière ressource d'avoir recours à la poudre du Sr Pouteau, qui dans toutes ses cures avait eu le succès le plus heureux. Ce conseil fut suffisant pour nous décider dans l'instant. Trop occupés du bien-être de notre compagnon, nous ne songeâmes qu'à lui faire recouvrer sa santé. La voix de l'amitié prévalut sur l'instinct qui nous attachait peut-être au séjour de la capitale.

Lyon a ses grandes beautés. C'est une ville de commerce, riche, opulente et très peuplée; elle est censée être la seconde ville du Royaume. On y compte jusqu'à 180 mille habitants, dont les trois quarts sont des ouvriers employés aux fabriques. C'est un siège archiépiscopal, et depuis la réforme des parlements, celui d'une Cour souveraine de justice, qui porte le nom de Conseil supérieur. L'on prétend que toute la réussite des grands projets de M. de Meaupou dépendait de son établissement. S'il était venu à manquer, aucun des desseins de ce chef de la magistrature n'aurait réussi. Le chapitre de la cathédrale est très illustre: les chanoines pour être reçus doivent faire preuve de noblesse. Ils ont le titre de comtes de Lyon, et leur marque distinctive est une croix d'or, attachée à un large ruban rouge bordé de bleu qu'ils portent au cou.

La ville est bien bâtie. A juger par la hauteur des édifices, on dirait que Lyon forme deux ou trois villes entassées les unes sur les autres. Les maisons sont en pierre de taille, et toutes à cinq ou six étages. Les rues ne sont pas également larges, quelquefois étroites, et par là même elles attestent une haute antiquité. La place de Bellecour, où est placée la statue équestre de Louis XIV, est la plus vaste et la plus belle. On voit à un des côtés de la statue, une allée d'arbres fort touffus, qui sert de promenade publique.

La situation de Lyon est charmante. Au confluent de deux rivières navigables du Rhône et de la Saône, elle a l'utile et l'agréable. De tous les côtés s'offrent des points de vue délicieux; les tableaux sont variés: on se plaît à considérer les bateaux, les barques, les gondoles qui voguent à l'infini sur ces rivières; on voit des collines fertiles, ornées de vignes et de bocages riants; on admire des plaines qui portent les plus riches moissons. De jolies maisons de campagne, et les demeures rustiques de l'heureux villageois, qui s'élèvent du sein de ces beautés champêtres, contribuent à rendre ce mélange plus curieux et en délassant la vue, la fixent encore plus agréablement.

On peut dire avec fondement que tous les habitants de Lyon sans exception ont été frappés du caducée de Mercure. Ils ne veulent se vouer à aucune autre occupation, qu'à celles qui sont relatives à leur commerce. Absorbés dans leurs travaux, leurs calculs et leurs spéculations, ils ne songent qu'à le faire fleurir, qu'à le soutenir et qu'à l'étendre. C'est ainsi que s'enrichissant eux-mêmes, ils enrichissent aussi le souverain dont ils sont les sujets. Ils payent au roi des droits énormes; ces sommes montent à des millions. Heureux est le pays, où les citoyens, méprisant les peines et les fatigues, sont animés de la noble émulation de coopérer également au bien général, car de la félicité du tout résulte nécessairement la félicité des parties!

La proximité de l'Italie avantageuse pour l'importation des soies, les eaux de la Saône excellentes pour la teinture des couleurs, et celles du Rhône favorables pour le transport des marchandises en Suisse et aux ports de la Méditerranée,—voilà les raisons qui engagèrent à faire de Lyon le centre de l'industrie. On m'a assuré qu'on y travaillait journellement à plus de quatre mille métiers pour étoffes, et à quinze cents métiers pour bas de soie. Ces fabriques fournissent la France et travaillent encore bien plus au compte de l'étranger. La solidité de leurs étoffes, l'éclat des couleurs, le goût des dessins et la modicité du prix, les font préférer à toutes

celles qui se fabriquent ailleurs. Les fabricants, loin de manquer d'ouvrage, n'en sont que trop surchargés. Ils avouent cependant que leur commerce a perdu depuis quelques années quantité de ses branches. Plusieurs monarques, pour encourager l'industrie de leurs sujets et favoriser leurs propres manufactures, ont entièrement prohibé toutes importations étrangères, ou bien les tolèrent, mais en les soumettant à des taxes exorbitantes; on voit ces exemples en Angleterre, en Danemark, en quelques parties de l'Allemagne, etc.

Les Lyonnais se plaignent beaucoup de la guerre. Ils disent qu'elle donne de grandes entraves à leur négoce dans le nord. Ils unissent leurs vœux aux nôtres pour en voir bientôt la fin. Ils espèrent que des jours plus calmes, plus sereins succéderont à ces temps orageux, et que par là leur marchandise trouvera plus de débit.

Henri IV voulut priver l'Italie de l'argent qu'elle tire annuellement de la France, en équivalent de la soie qu'elle lui livre. Il fit venir des mûriers, ainsi qu'on le voit dans les mémoires de Sully, et il ordonna de les planter dans les provinces méridionales de son royaume, mais cette soie est trop rude. Pour les étoffes fines on a toujours besoin de celle d'Italie; on emploie aussi celle de la Chine, surtout lorsqu'on veut faire quelque chose de durable.

Il n'y a presque point de noblesse à Lyon. Les nobles qui s'y trouvent ne peuvent guère montrer une longue suite d'aïeux. Ce n'est pas une noblesse obtenue au prix du sang et de la valeur; elle s'acquiert par les différents degrés de la magistrature. Henri IV aimait cette ville, et voulant lui perpétuer les marques de sa bienveillance, il anoblit la charge des échevins. Comme ce n'est pas une ville frontière, le roi n'y entretient point garnison. Les bourgeois se gardent eux-mêmes; c'est un effet de l'humeur sage et tranquille des négociants. Après leur commerce ils ne pensent à rien tant qu'à conserver la paix dans leurs ménages, et la fougue d'une jeunesse aimable qui souvent est désœuvrée, leur est trop redoutable.

Pour venir à Lyon, nous avons préféré la route qui traverse la Bourgogne. C'est une bien belle province; les vignes y occupent la meilleure partie du terrain. Les lieux principaux, par où nous avons passé, sont Sens, Auxerre, Dijon, Beaune, Mâcon, Châlon, etc. Je ne m'arrêterai pas à en faire la description; il est impossible de connaître une ville en courant la poste. Je puis dire seulement que la France ne gagne pas à être vue incontinent après l'Angleterre; ce n'est ni la même propreté, ni la même opulence.

Il faut convenir que la France n'est pas actuellement dans cet état florissant, où elle pourrait et devrait être, mais on ne peut en tirer aucune conclusion, qui lui soit foncièrement désavantageuse. Je puis me tromper, mais autant que la faible expérience que j'ai pu tirer de mes voyages me l'apprend, c'est le pays sur lequel la nature a le plus richement versé ses dons divers. Beauté de climat, fertilité de terrain, population suffisante, abondance de tous les produits et de toutes les espèces, qui servent à satisfaire et les besoins réels de l'homme et ses besoins d'opinion, soit de luxe, soit de pure fantaisie,—tout s'y trouve, et encore avec une telle profusion, qu'il y en a suffisamment pour être exportés chez l'étranger. C'est dans cette exportation qu'on trouve une source féconde des richesses du pays; elle nourrit l'esprit laborieux des habitants, elle les aiguillonne au travail et les pare en même temps, d'une façon légitime et par un consentement mutuel, des dépouilles des autres nations.

La France renferme dans son sein tout ce qui est nécessaire pour sa propre consommation. Elle se suffit à elle-même, et n'a presque rien à envier à ses voisins dans le physique. Au contraire tous les peuples de l'Europe par la force de l'usage, autant que par celle de l'éducation, ne peuvent se passer que très difficilement de ses productions. Souvent ils affrontent les dangers de longues et périlleuses navigations pour venir les chercher. Ils y apportent les fruits des travaux de l'homme et ils reçoivent en échange les fruits de la terre. Il est assez

perceptible, combien cette situation est heureuse, combien grand en est l'avantage, et quels profits immenses on en doit retirer. Tout semble concourir à rendre la France un royaume florissant et capable de faire régner au dedans la félicité et d'imprimer au dehors le respect et la terreur. Ici l'on se rappelle à chaque instant avec extase l'éclat du siècle de Louis XIV. On l'admire, on admire ceux qui ont contribué à sa grandeur, mais ce ne sont que de vains sentiments, trop faibles encore pour faire exister une certaine égalité entre ces héros morts et leurs descendants.

1070. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. мая 29. Парижъ.

C'est depuis avant-hier que je respire de nouveau l'air de Paris. A peine arrivé j'eus le bonheur de recevoir la gracieuse lettre du 9 mars, dont Votre Altesse Impériale m'a honoré en dernier lieu, et qui m'est une preuve nouvelle de ses bontés. J'ai lu avec un ravissement inexprimable les réflexions que Votre Altesse Impériale a daigné me communiquer; je les ai gravées dans mon cœur. Elles méritent d'être recueillies et feraient autant d'honneur au prince de qui elles viennent qu'à la nation dont il sera un jour le monarque. Quel bonheur pour l'humanité, si tous les souverains pouvaient penser de même! Leur propre gloire et la félicité de leurs sujets découleraient alors d'une seule source. Les lumières que vous vous êtes déjà acquises, Monseigneur, celles que l'expérience vous destine et surtout ce cœur excellent que la nature vous donna et que vous tâchez de former avec tant d'empressement, — ce sont là des gages sûrs de ce contentement inaltérable, que nous devrons goûter sous votre règne. Très heureux déjà par la mère, nous le serons aussi par le fils. Son exemple illustre vous sera un nouvel aiguillon de ne rien tenir que de la vertu, de ne pas vous écarter de son glorieux sentier, et d'immortaliser ainsi votre nom jusque dans les siècles les plus avancés.

Je sais la vénération profonde qui est due à l'éclat qui vous environne, je sais ce que je dois à mon souverain futur; mais aussi j'ose distinguer en lui l'homme, j'ose l'aimer. Né pour être votre sujet, toutes mes obligations, et envers mon créateur et envers la société, m'ordonnent de vous être attaché, soumis, fidèle; mais en même temps né homme avec la libre faculté de penser, je pense et je vous aime. Ces sentiments ne se contredisent point; ils se réunissent et tendent tous au même but. L'un est l'effet de mon devoir, l'autre celui de l'inclination, plus même, de la sympathie,—mouvement si impérieux de l'âme que je ne saurais définir et que je me crois presque inné.

Je reviens à mon état de voyageur. Je vais narrer. Fontainebleau se trouve sur le grand chemin qui conduit à Lyon. Nous nous y sommes arrêtés pour parcourir cet antique château qui, avant que Louis XIV eût prodigué ses trésors à embellir Versailles, passait pour le plus beau de tous ceux qu'avaient les rois de France. Le château a plusieurs cours, et il est très vaste. Ce sont différentes maisons ensemble, qui ont été jointes les unes aux autres graduellement et sans aucun ordre. Toutes ces maisons forment une grande masse confuse et mal entendue, qui cependant ne laisse pas d'être pleine de grandeur.

Chaque roi y a fait quelque augmentation. Il date de Louis VIII. Le roi par exemple couche dans la chambre de Henri IV, son antichambre était celle de St-Louis, et sa salle des gardes servait au même usage à un autre de ses prédécesseurs. Il est impossible de ne rien dire sur l'architecture: elle y est trop irrégulière.

La situation en est basse et a quelque chose d'horrible. Fontainebleau est au milieu d'une grande forêt; on voit à l'entour de la maison quantité de collines couvertes de roches, qui ne produisent aucun fruit, et ne font qu'attrister la vue. La forêt est pleine de cerfs; c'est ici la chasse favorite. Les jardins ne veulent rien dire, et les appartements encore moins; point d'enfilade, point de riches meubles.

Le roi vient y passer six semaines de l'année avec toute sa Cour, il y reste depuis le 4 octobre jusqu'à la mi-novembre. Quantité d'étrangers et nombre de seigneurs du pays s'y rendent alors avec la permission d'assister à ces magnifiques chasses. C'est le temps où la Cour est la plus brillante. On dit qu'elle abonde en plaisirs, c'est pour ainsi dire son carnaval. Matin—chasse, soir—spectacle et bal jusqu'à ce que l'aurore vienne dissiper les ténèbres de la nuit; c'est de cette façon que se passent les journées. La Dauphine et Mme de Provence, princesses vives, jeunes et belles, sont l'âme de ces plaisirs: elles s'amusent elles-mêmes, elles égayent la Cour et rappellent aux vieux courtisans leur printemps passé.

Le théâtre de Fontainebleau a été construit sur les débris de la salle de bal de Henri IV. Il est de toute beauté et, quoique d'une grandeur médiocre, il ne laisse rien à désirer, ni du côté de l'arrangement, ni du côté des ornements. On m'a assuré qu'il y avait des décorations superbes, enrichies de pierres de strass et de marcassites, faites encore du temps de Louis XIV, ensuite rongées par la poussière dans un vieux garde-meuble, mais déterrées et renouvelées à l'occasion des deux derniers mariages.

Après les vacances de Pâques nous avons assisté à la rentrée de deux Académies, de celle des sciences et de celle des belles-lettres, toutes deux de la fondation de Louis XIV, de ce prince, protecteur des neuf sœurs et de tout leur brillant cortège. Ces Académies tiennent leurs assemblées au Louvre: celle des belles-lettres dans un salon du rez-de-chaussée, et celle des sciences dans une des grandes antichambres au premier. Des tableaux allégoriques du pinceau du célèbre Lebrun décorent ces asiles sacrés du savoir et servent à éterniser leur auguste fondateur. Les séances ne doivent jamais durer au delà d'une heure et demie. Durant l'assemblée on fait la lecture de différentes pièces de la composition des membres, mais pour se séparer on n'attend point la fin de la dissertation qui se lit, on attend seulement la fin du temps prescrit. Cette manière de procéder

m'a, je l'avoue, paru très étrange, et elle a ses grands inconvénients. Messieurs les académiciens, jaloux d'attirer les applaudissements des auditeurs aux efforts de leurs génies, s'empressent de faire la lecture de leurs ouvrages. Il en résulte qu'à force de se hâter trop, souvent ils se rendent inintelligibles, et lorsque nous y fûmes, celui qui tenait l'assemblée en pria plusieurs à haute voix de modérer leur impatience.

M. Lebeau, auteur de l'excellente histoire du Bas-Empire et secrétaire perpétuel de l'Académie des belles-lettres, ouvrit la séance, en indiquant les prix qui avaient été gagnés cette année et ceux qui étaient à gagner l'année prochaine. Il lut ensuite, selon l'institut, les éloges de deux membres de l'académie morts, de M. Gibert, avocat au Parlement de Paris, et de M. Schœpflin, fameux professeur d'histoire politique à Strasbourg. Ces éloges étaient beaux, éloquents, énergiques. M. Lebeau avait su y allier le sublime de l'art oratoire avec ce pathétique qui va droit au cœur. Les défunts y étaient loués avec vérité, mais sans ostentation. Il avait saisi les actions de leurs vies les plus remarquables, il en avait tiré parti et les auditeurs émus, en accordant leur admiration à celui qui avait écrit les éloges, ne purent accorder que leurs regrets à ceux qui en étaient les objets. M. de Sigrais présida à cette assemblée.

Le lendemain se fit l'ouverture de l'Académie des sciences au même temps et à la même heure, ce qui était à quatre heures de l'après-midi. On y suivit exactement le même ordre. On commença par indiquer les prix. Notre savant Euler avait gagné celui de cette année; le secrétaire lut un éloge de sa composition du Sr Morgani, célèbre anatomiste et professeur à Padoue; puis on nous régala de quelques dissertations très abstraites de physique. Le marquis de Paulmy, ancien ministre et secrétaire d'Etat ayant le département de la guerre, ancien ambassadeur du roi en Pologne et à Venise, commandeur de ses ordres et membre honoraire de l'Académie, y présida.

Il devint secrétaire d'Etat très jeune, dans cet âge encore, où la théorie tient seule lieu de pratique. Il avait obtenu la survivance de son oncle le comte d'Argenson qui, comme on le sait, a été revêtu de cet emploi durant plusieurs années. M. de Paulmy le céda au maréchal duc de Belle-Isle au commencement de la dernière guerre. On crut alors non sans fondement que pour conduire des opérations militaires dans un pays ennemi, un vieux routinier du métier valait bien un jeune homme qui ne pouvait se régler que sur des principes généraux. A la mort d'Auguste III arrivée en 1763, il fut chargé de l'ambassade de Varsovie; il est connu comme il en partit. De retour en France, le Roi lui accorda le poste de Venise, dont plusieurs de ses ancêtres s'étaient acquittés à leur grand honneur; la République même en reconnaissance des services que les Voyer lui ont rendus, leur a accordé la permission distinguée d'insérer le lion de St-Marc dans leurs armes. M. de Paulmy a déjà quitté Venise, et c'est le baron de Zuckmantel ci-devant envoyé à la cour de Dresde qui l'y a remplacé l'année dernière en qualité d'ambassadeur.

1071. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину.

1772 г. іюня 13. Парижъ.

J'ai encore à vous adresser une prière, dans un autre genre il est vrai, mais qui ne laisse pas de m'intéresser beaucoup. J'ai augmenté ici ma garde-robe de quelques habits. Les prendre avec moi, serait un trop grand embarras dans un long voyage, nous n'emportons absolument que l'indispensable. Je suis déterminé à les envoyer par mer à St-Pétersbourg sous votre nom. Vous daignerez m'accorder cette permission et en même temps la grâce de les faire retirer de la douane sous le titre de vos propres effets. J'ose vous prévenir que la plupart de ces habits sont en broderie de soie, il y en a peu en or, mais il me semble que ce dernier article est chez nous de contre-

bande, surtout lorsqu'il doit passer pour neuf. Je prendrai la précaution de leur faire donner l'air d'avoir été portés, j'abandonne le reste à vos bontés. A présent je me trouve un peu équipé pour ma première entrée. Considérez combien il serait désagréable, et à ma bourse et à moi en personne, d'en être privé par un accident que votre nom seul peut parer.

1072. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. іюня 13. Парижъ.

Le 7 de ce mois, jour de la Pentecôte, nous fûmes de bon matin à Versailles pour y assister à la cérémonie des chevaliers de l'ordre du St-Esprit. On ne s'attendait à aucune promotion, vu que le jeune duc de Bourbon, quoique déjà dans l'âge prescrit, n'était pas encore reçu. Cependant on se trompa; le Roi nomma cinq nouveaux chevaliers, dont les plus qualifiés sont les ducs de Villeroi et de Tresmes. La cérémonie fut simple et sans pompe. Les chevaliers revêtus de leurs habits d'ordre s'assemblèrent dans l'antichambre du Roi qu'ils accompagnèrent dans la chapelle. Tous assistèrent à une messe pontificale officiée par l'archevêque de Paris. La messe achevée, ils retournèrent dans le même ordre qu'ils étaient venus. L'arrivée et le départ du Roi furent annoncés au bruit des timbales et des trompettes. Les chevaliers n'eurent point l'honneur de dîner à la table du Grand Maître; ici il est d'usage que le roi ne mange en public qu'avec sa famille.

L'habit de l'ordre n'a rien de particulier; il est moins magnifique que celui de St-André. Les chevaliers ont des habits d'étoffe noire et un manteau par-dessus de cette couleur, qui leur descend jusqu'aux genoux. Les parements et la veste sont ordinairement pareils à la doublure du manteau, et il dépend de chacun de les faire tels que bon lui semble. Les uns les ont en drap d'or ou d'argent, les autres en riche broderie. Le cordon bleu est mis en écharpe sur l'habit, et le

collier de l'ordre est passé par dessus le manteau. Ceux des chevaliers qui sont décorés de la Toison d'or, censée ordre de famille depuis l'avènement des Bourbons au trône d'Espagne, doivent en porter les colliers au bas de celui du St-Esprit. Les chevaliers ecclésiastiques paraissent à la cérémonie avec leurs camails et leurs rochets. Les jours de solennité et de fête l'accès des grands appartements de Versailles est ouvert à tout le monde. On les voit remplis d'une foule prodigieuse; les différentes classes de citoyens y sont confondues. On ne distingue les seigneurs qu'à la richesse de leurs vêtements et à leurs autres décorations extérieures. Si j'ose en dire mon opinion, cette popularité me paraît extrêmement louable. Pourquoi interdire aux sujets la vue de leur souverain? N'est-il pas leur père, et des enfants n'ont-ils pas le droit incontestable de le voir, de le connaître, et d'en être connus?

L'après-dîner nous allâmes voir le petit Trianon; c'est ainsi que s'appelle un pavillon que Louis XV a fait construire au milieu d'un des bosquets de l'ancien Trianon. Ce nouveau bâtiment n'a rien de grand ni de majestueux; ce n'est proprement qu'une petite maison de particulier. Elle a été bâtie pour servir aux parties privées du roi. Il y a son appartement, Mme du Barry a le sien; quelques autres sont destinés aux courtisans admis à la familiarité du monarque. Ces appartements sont plus élégants que riches.

Le petit Trianon a été élevé sur les dessins de M. Gabriel, premier architecte de la Cour. La vue en est très bornée; il se trouve environné de bois. Comme le Roi témoigne assez de goût pour les fleurs, on y en voit en quantité. Entre autres on nous y a montré un parterre en escalier de fleurs de toutes les espèces, qui formaient la devise: „Vivat rex dilectissimus". Des fleurs blanches composaient la devise, et des nuances variées remplissaient les vides. Ce spectacle produisait un effet séduisant. Il était une suite des soins ingénieux du jardinier, qui, connaissant combien la satiété avait émoussé les goûts de son maître, voulut lui causer une surprise agréable et dans un genre nouveau.

A peu de distance de ce pavillon se trouve l'ancien Trianon. Ce palais n'est que trop connu par les descriptions multipliées qu'on en a faites. C'est un vrai séjour des fées. Le palais n'a qu'un rez-de-chaussée; un péristyle de colonnes de marbre rouge superbes divise le bâtiment. Des colonnes pareilles décorent tout l'édifice entre les croisées. L'aile droite est la plus grande; c'est là qu'est logé le roi, sa famille et une partie de ses courtisans. C'était la retraite favorite de Louis XIV dans ses vieux jours. Les appartements sont très bien éclairés, ils ont tous une belle hauteur, et on pourrait en faire quelque chose de beau. Les meubles sont presque tous de l'ancien temps; magnifiques alors, ils sont dégoûtants à présent. La plupart des chambres sont dégarnies de tapisseries; quelques tableaux et des ornements de stuc en blanc en forment toute la décoration. Ce palais tombe en ruines, et les frais de la réparation ont été parmi les motifs qui engagèrent le Roi à l'abandonner.

Les jardins de Trianon offrent tout ce qu'on peut voir d'agréable. Il y a des parterres nuancés du coloris le plus vif. On dit que du temps de Louis XIV ils changeaient de fleurs tous les quinze jours. Les allées y sont à perte de vue, et l'ombre, qui y est des plus épaisses, y fait goûter les charmes du printemps au milieu des chaleurs les plus brûlantes. Si on le voulait absolument, on pourrait compter Trianon comme une dépendance de Versailles, quoiqu'il porte le nom d'un château particulier. Trianon est à la droite du grand canal qui fait face au château de Versailles, et la ménagerie est à sa gauche.

Marly est à une petite demi-heure de Versailles; on y est conduit par une très belle avenue. Les jardins y sont délicieux, et en quelque façon je les préfère à ceux de Versailles. Il est vrai qu'ils ne sont ni si magnifiques ni si recherchés; on n'y voit point tant de beaux marbres, et en général les chefs-d'œuvre de sculpture ne s'y trouvent pas également prodigués; mais en revanche la situation naturelle est infiniment plus belle. Marly est sur une élévation, d'où l'on jouit de tous côtés de vue

ravissants: l'œil s'y promène sur des plaines aussi vastes que riantes. Les jets d'eau y sont de toute beauté. La machine, au moyen de laquelle les eaux y sont conduites, est fameuse dans toute l'Europe par sa merveilleuse construction. Le château n'est pas grand; il est en carré et situé aux bords du grand bassin, aux deux côtés duquel sont bâtis symétriquement douze pavillons pour le logement des courtisans.

Je reviens au jardin de Versailles, à ce chef-d'œuvre de l'art. La nature avait refusé à Versailles une belle situation; il était réservé à Louis XIV de faire heureusement disparaître ce défaut et de créer une nature nouvelle. Guidé par la richesse de son imagination, et au moyen des grands hommes qu'il a su employer à l'exécution de ses projets, il s'est formé un point de vue des plus beaux, et d'un lieu ingrat et sauvage il en a fait un lieu de délices. Voyant tous ces grands ouvrages achevés, il est impossible de leur refuser son admiration. Louis XIV, grand en tout, s'est surpassé lui-même. Il a montré à l'Europe étonnée ce que pouvait un roi de France avec une administration sage, bien entendue et vigilante. Les frais énormes des guerres continuelles qu'il soutint au dehors, l'entretien des forces navales et de celles de terre, ses grandes largesses et aux gens de lettres et à ceux de sa Cour,—rien ne put être un obstacle à la réussite de ses vastes desseins. Il suffit à tout.

Le jardin de Versailles est planté par le fameux Le Nôtre et par la Quintinie. On y trouve réunies toutes les beautés du jardinage. Les allées sont d'une variété charmante; le clair et l'obscur y sont artistement ménagés. On peut jouir à découvert de toute la beauté du ciel, et aussi on peut y goûter le plaisir de la promenade, en y trouvant un voile continuel contre les rayons du soleil.

Les beautés principales de ce jardin unique consistent dans les bosquets, qui se trouvent artistement arrangés des deux côtés de la grande allée du milieu. Si ces bosquets étaient entretenus convenablement, on ne pourrait les attribuer qu'à

quelque puissance magique. L'art y éclate dans tout son brillant. Destinés à surprendre agréablement, on y a construit des fontaines superbes. Celles-ci vont à l'infini et se présentent toujours sous des décorations nouvelles, les unes plus intéressantes que les autres. La colonnade, les bains d'Apollon, le labyrinthe où l'on voit quarante fontaines différentes ornées d'autant de groupes en bronze doré, faisant allusion aux fables d'Esope, la pyramide, etc., sont les plus remarquables d'entre les bosquets. La curiosité, irritée et jamais satisfaite, ne sait où se fixer et par où commencer. Le plus beau marbre y est prodigué; sa rareté atteste la richesse de ces monuments de goût, et l'habile marteau du grand Girardon, ainsi que de tant d'autres artistes non moins savants, leur ont prêté une expression qui ne laisse rien à désirer. Les allées sont parsemées de statues. Toutes d'un travail achevé, elles représentent les plus belles antiques connues. Si ces copies n'égalent point leurs originaux, elles n'en sont pas moins dignes de servir de modèles à la postérité.

On peut juger de l'immensité des sommes que Versailles a coûté à construire par celles qui sont annuellement nécessaires pour son entretien. Elles sont si considérables et les besoins de l'Etat si multipliés, que depuis plusieurs années on n'a pu les fournir. Un dépérissement total en est une suite bien visible. Les eaux sont arrêtées, les fontaines ne jouent plus, le bronze exige réparation, les statues pour la plupart mutilées, la charmille mal entretenue,—tout enfin dans ce beau jardin présage une prochaine décadence. Ce qu'au commencement on aurait pu prévenir par de petits frais, à présent il faut y employer des sommes très considérables, et encore l'œil d'un maître amateur y est-il également nécessaire. Car quelle est la cause principale du dépérissement de Versailles? On aurait toujours trouvé l'argent dont on avait besoin; mais c'est que le Roi hait les beautés de l'art et ne se plaît que dans la simplicité de la nature; la chasse est son amusement favori. Depuis vingt ans déjà il n'a mis le pied dans un jardin unique, et où il

n'avait qu'un escalier à descendre. Telles ont été ses propres paroles. Il les adressa à Mme de Provence, en la conduisant dans les bosquets.

Du côté de l'entrée le château ne présente rien de grand. C'est un bâtiment écrasé, la façade en est irrégulière, il est surchargé d'ornements, et l'on peut aisément voir que c'est à des reprises différentes qu'on l'a augmenté. Le défaut principal vient de ce que Louis XIV en l'embellissant voulut, par respect pour la mémoire de son père, conserver l'ancien palais qu'il avait habité. La chambre à coucher de Louis XIII est jusqu'à présent celle du Roi. C'était donner des entraves à l'imagination de l'architecte et lui lier les bras pour toute l'exécution de l'édifice. Aussi Mansart, malgré la perfection de son art, n'a pu parvenir à rendre cet inconvénient imperceptible. Mais autant que la façade sur la cour est informe, autant celle des jardins est grande, belle et majestueuse. Après la fameuse colonnade du Louvre, c'est ce qu'il y a de plus beau en France dans ce genre. La prodigieuse malpropreté, qui règne dans tout Versailles, ne contribue pas peu à en diminuer l'éclat. Elle se fait apercevoir aussi bien au dehors, que dans les appartements. Les dorures sont ternies, les parquets non cirés, les peintures les plus rares flétries par la poussière, les tapisseries sans couleurs,—en un mot partout on ne saurait se méprendre aux traces manifestes de la vétusté et de la négligence impardonnable de ceux qui par leurs charges doivent en entretenir la propreté.

La grande galerie et la chapelle sont les deux pièces les plus remarquables du château, par les belles peintures de Lebrun qui en décorent les plafonds. Celui de la galerie présente plusieurs tableaux, dont les sujets sont tirés de l'histoire de Louis XIV dès l'instant où il prit lui-même les rênes du gouvernement en 1661, jusqu'à la conclusion de la paix de Nimègue en 1678. Ce sont des allégories ingénieuses sur les conquêtes de ce monarque, sur la sagesse de son administration, sur la protection qu'il accorda aux arts et aux sciences, et sur

toutes ses grandes et belles actions. On y admire et le pinceau délicat du peintre et le feu de son imagination.

Les grands appartements qui précèdent la galerie méritent aussi d'être remarqués par la beauté de leurs plafonds; on aperçoit de la magnificence dans le reste de leurs ornements, mais c'est une magnificence surannée et qui cesse de l'être de nos jours. On sait que les deux salons de la Paix et de la Guerre terminent la galerie. Comme le premier faisait partie de l'appartement de la feue reine, il ne s'ouvre plus au public. Le dernier est décoré en sculptures de marbre superbes; entre autres on y admire un bas-relief qui représente Louis XIV à cheval de grandeur naturelle.

Le grand escalier, nommé l'escalier des Ambassadeurs, peut passer pour très beau; la rampe en est large et commode, la peinture et le marbre en forment les ornements. J'y ai vu au bas et sur le palier plusieurs boutiques symétriquement arrangées; on y trouvait à acheter des livres, des odeurs, des pommades, et en général toutes sortes de petites marchandises. J'avoue que j'ai été très étonné qu'on le souffrît dans le château du monarque, et même si près de son appartement.

Les chambres du roi sont plutôt laides que belles; leur arrangement est connu. La salle des gardes est un sombre et vaste réduit très malpropre. La salle du grand couvert n'est guère mieux éclairée; de vieilles tentures des Gobelins et quelques tableaux,—voilà ce qui s'y voit. L'antichambre, dite l'Œil-de-bœuf à cause d'une fenêtre ronde qui lui donne le jour d'un côté, brillait autrefois par ses glaces et ses dorures, mais ces beautés, loin d'avoir conservé leur premier éclat, sont à présent toutes ternies. La chambre à coucher est en velours cramoisi, relevé d'un galon d'or; la broderie du lit est d'une grande richesse; aux deux côtés sont pendus deux excellents tableaux, l'un de Raphaël, l'autre du Dominiquin. Le lit est derrière une balustrade.

Les appartements de la Dauphine sont ceux où règne le plus de magnificence et de goût. Les princes voient les étrangers

dans leurs cabinets, et les princesses les voient dans leurs chambres à coucher; c'est là l'étiquette. Le salon d'Hercule qui précède la chapelle est recommandable par ses peintures; le plafond représente l'apothéose de ce demi-Dieu et vis-à-vis la cheminée est placé le grandissime tableau de Paul Véronèse, dont la République de Venise fit présent à Louis XIV vers la fin du siècle passé. Les ministres occupent les ailes séparées du château.

Le séjour continuel de la Cour depuis près d'un siècle à Versailles en a fait une petite ville fort jolie. Les artisans s'y sont transportés en foule, mais ce qui a le plus contribué à son embellissement, c'est la quantité de seigneurs et de personnes obligées par leurs emplois de suivre la Cour, dont chacun a voulu y avoir un chez-soi commode et agréable.

Je borne ma description de Versailles à ce peu de mots. Trois avenues viennent y aboutir. Celle du milieu conduit à Paris; on a besoin de deux heures pour faire ce chemin à son aise; il est très agréable: on passe continuellement par des habitations, des jardins, des champs labourés et chaque pas offre un nouveau tableau. En sortant de Paris on traverse Chaillot, village rempli de maisons de campagne. On côtoie la Seine jusqu'à Sèvres qui est à mi-chemin. Là on aperçoit à droite la grande grille de St-Cloud, et à gauche, sur une élévation, Belle-Vue, château jadis appartenant à la marquise de Pompadour et actuellement au Roi. A la fin du bourg de Sèvres se trouve le vaste édifice nouvellement construit à l'usage de la fabrique de porcelaine, qui y a été transférée de Vincennes.

Mais c'est assez entretenir Votre Altesse Impériale de beautés muettes et inanimées; je passe à ces intelligences pures que nous nous sommes fait un devoir de rechercher pour les progrès de notre raison. Nous avons été introduits chez Mme Geoffrin. C'est une femme qui a su se faire connaître très avantageusement. Restée veuve avec un bien considérable, elle s'est livrée en entier à son goût pour les sciences. Sa maison est devenue le sanctuaire des muses et du bon goût. Les savants

viennent lui offrir leurs hommages certains jours de la semaine, les artistes renommés en ont d'autres, et les gens les plus sensés de Paris se font un titre de gloire de son amitié. Il semble qu'elle imprime sur tout ce qui l'environne le caractère du génie. Elle reçoit parfaitement bien son monde; polie sans contrainte et sans ostentation, elle semble craindre qu'on ne s'aperçoive de son mérite; elle parle peu, mais toujours avec grâce et justesse. Naturelle dans son maintien, sublime dans ses pensées, elle n'a ni le jargon, ni les prétentions d'une précieuse. Le plaisir que cause sa conversation fait oublier qu'on est vis-à-vis d'une vieille octogénaire.

C'est à Mme Geoffrin, que le roi de Pologne aujourd'hui régnant doit la meilleure partie de son éducation. Etant à Paris comme comte de Poniatowski, il se fit pour ainsi dire son disciple, et elle lui donna des conseils qui furent des leçons. Elevé par la fortune à un rang que sa naissance ne semblait point lui destiner, il n'eut pas honte de témoigner publiquement sa reconnaissance envers sa bienfaitrice. Il l'engagea de venir à Varsovie, il la logea dans son château, il la traita de mère et tous à l'exemple de leur roi s'empressèrent de la combler de politesses. L'intention était de lui faire oublier le séjour de Paris, mais trop de charmes l'y attiraient: elle y avait sa maison, sa fille, ses amis,—motifs bien puissants sur une âme sensible. Elle suivit les mouvements de son cœur, n'accepta rien, et interdisant à la vanité ses amorces dangereuses, elle retourna dans sa patrie pour y faire les délices de ses connaissances et n'en plus sortir.

Il y a à Paris plusieurs de ces maisons, où sont admis les savants, les artistes, les amateurs des sciences, et où la conversation ne roule que sur des objets d'érudition et de littérature. On les appelle bureaux d'esprit; jamais nom ne fut donné plus convenablement. Parmi ces bureaux le plus fameux est celui de Mme Geoffrin, ensuite viennent ceux de Mme du Bocage, de M. de Mirabeau, du duc de Nivernais, etc.

Nous avons aussi formé la connaissance de Diderot. La réputation de ce philosophe sublime a pénétré jusqu'à Votre Altesse Impériale. Il vous est connu, Monseigneur, par les bienfaits magnanimes qu'a versés sur lui votre auguste mère. Protectrice des vertus et des talents, elle a récompensé le sage qui consacrait son temps et ses lumières à l'utilité des hommes. Elle n'a pas fait un ingrat; toutes ses paroles, tous ses discours ne tendent qu'à exprimer sa reconnaissance. Il ne cesse de publier les louanges de la main bienfaisante, qui l'a retiré de l'indigence, et ne cesse de la bénir. „Dans ma patrie, dit-il, j'aurais pu regorger d'honneurs, on m'estime, on me respecte, j'ose même assurer qu'on m'aime. Des mœurs irréprochables et une vie retirée ne pouvaient donner prise à la jalousie, et encore moins à la haine de mes chers concitoyens; mais avec tous ces avantages, vœux les plus précieux de l'homme opulent, je périssais de misère, je fus obligé de vendre ma bibliothèque, et vous savez, messieurs, ajouta-t-il, que quand un ouvrier est forcé de vendre ses outils, c'est la plus grande marque d'un besoin urgent. Enfin ce que je ne trouvais point chez moi, mon ange tutélaire me le fit trouver dans le Nord, à quatre cents lieues de ma patrie: votre grande Impératrice de la façon du monde la moins attendue et la plus généreuse changea ma situation; elle la rendit aussi riante qu'elle était déplorable, et tout nouvellement encore elle vient de m'enfouir dans un monceau d'or".

Ce sont ses expressions; j'ai entendu dire que Sa Majesté Impiale a daigné lui faire payer sa pension pour plusieurs années d'avance. «Non, [ajouta-t-il], je ne suis pas content de lui porter mon admiration de loin, je veux aller à St-Pétersbourg, je veux me jeter à ses pieds». Effectivement son départ paraît fixé au printemps prochain, et il compte passer chez nous les quatre saisons. Dans la conversation il est plus qu'aimable; de sa sublimité je n'en parle point, on s'y attend déjà. Il descend à la condition de ceux avec qui il converse et dédaigne de faire sentir sa supériorité; profond avec le philosophe, il est enjoué

avec l'homme du monde. Sans être un moraliste sévère, il se sert avec succès du langage séduisant de la persuasion. Son air honnête et modeste prévient en sa faveur, et toutes ses paroles sont portées droit au cœur. J'ose assurer Votre Altesse Impériale, qu'une demi-heure d'entretien avec Diderot peut faire plus d'impression qu'une lecture de deux heures du livre le mieux écrit.

Il a une fille unique, qui reçoit une éducation conforme aux lumières du père; il l'adore. Elle a un talent supérieur pour la musique. En notre présence il la fit toucher du clavecin. Elle n'exécuta que des impromptus, et cependant elle sut nous étaler toute l'harmonie de son instrument. A moins d'avoir des organes émoussés, il est impossible de ne pas être ravi de son jeu.

1073. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. іюня 26. Лейденъ.

La lettre, que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire, ne fait que me confirmer dans l'idée que j'ai toujours eue de vos sentiments. Au milieu des distractions agréables et variées que la ville, qu'on fait passer pour la capitale du monde, vous offre à tout moment, mon Prince, vous ne cessez pas de penser à ceux qui vous sont dévoués. En goûtant les plaisirs du monde, vous ne perdez pas de vue de rentrer dans vous-même et d'acquérir un fond de gaieté, qui vous mettra à l'avenir autant au-dessus de tout ennui, qu'il vous fera d'honneur et vous rendra respectable aux yeux de l'univers.

Combien souhaiterais-je que les circonstances me permissent de faire un tour pendant les vacances! Je viendrais à Paris pour être témoin oculaire de cette manière d'agir, dont je fais les plus heureux présages, et serais enchanté de ce doux plaisir de vous revoir et de vous rendre en personne l'hommage de mon parfait attachement et respect.

Le siècle de Louis XIV était celui des arts. Avec peu de connaissances il avait beaucoup de goût. Tous les nerfs de la nation, si j'ose m'exprimer ainsi, étaient alors dans leur première vigueur. Ayant vu l'Italie, vous jugerez mieux que je ne le saurais faire, si le siècle d'Auguste peut être comparé à celui de Louis XIV. Quant aux productions de l'esprit, l'éloquence était mâle aussi bien dans l'une que dans l'autre époque, autant qu'elle le peut être dans un Etat purement monarchique, mais les poètes les plus favorisés par Auguste me semblent surpasser ceux du siècle passé.

Le grand but des voyages dans les pays étrangers est, comme vous remarquez, mon Prince, de connaître bien la nation. On manque donc son but, quand la nation se cache et cesse d'admettre les étrangers à leurs coteries.

Il n'y a aucune nouvelle remarquable de ce pays-ci. Nous n'en sommes pas pour cela moins heureux. La vie uniforme et tranquille a aussi ses attraits quand on y est accoutumé. M. La Pierre se porte bien, mais il n'est pas encore grand-père. Il est très sensible, mon Prince, à l'honneur de votre souvenir. M. Colici s'est marié. M. Kerroux mène encore le même train de vie, et M. Fass se porte fort bien. On a fait des conditions très avantageuses à la Cour de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand-Duc au neveu de M. Allamand. M. Kolitchov fait à présent les fonctions de secrétaire à la Haye.

Je ne doute pas, mon Prince, que le prince votre frère troisième et M. le comte d'Apraxine ne vous ressemblent. Jugez par cela, je vous supplie, combien je serais charmé de pouvoir témoigner à l'occasion de leur séjour à Leyde qu'il n'y a personne qui vous soit plus attaché avec un zèle vif et une considération plus distinguée que celui qui a l'honneur de se dire jusqu'au tombeau, mon Prince, votre très humble et très obéissant serviteur. Pestel.

1074. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. іюля 13. Парижъ.

Les spectacles ici sont une ressource si agréable et si féconde pour les étrangers, que j'espère que Votre Altesse Impériale daignera me pardonner si j'ose l'en entretenir. J'avoue que le sujet n'est ni grave, ni intéressant, mais s'il peut tout au plus amuser, c'est tout ce que je désire. Il me souvient d'en avoir légèrement parlé dans ma première lettre de Paris. Aujourd'hui j'en ferai mon objet principal, et je tâcherai de n'oublier aucune des circonstances, capables d'en offrir une image assez vive pour suppléer à la réalité.

Il y a ici trois grands spectacles réglés: l'Opéra, la Comédie-Française et la Comédie-Italienne jointe à l'Opéra-Comique. Ils sont ouverts pendant toute l'année.

L'Opéra réunit en quelque sorte toutes les richesses des autres spectacles: la pompe, l'intérêt de la scène, la variété des évènements, la magie d'une poésie facile et lyrique, une musique savante et le secours des premiers talents pour le jeu, pour le chant et pour la danse. Il est au Palais-Royal. Il ravit les sens par la beauté du coup d'œil; les machines y agissent avec une célérité merveilleuse; les décorations sont superbes, et les ballets tels que nulle part on ne peut en voir de plus beaux. Les danseurs de l'Europe les plus habiles y développent avec adresse toutes les ressources de leur art. Je ne suis pas assez connaisseur pour hasarder mon sentiment sur la musique française. Il faut être très grand amateur, pour qu'elle puisse plaire: elle a de ces beautés, qui ne sautent point d'abord aux yeux, il faut les chercher, et dans cette recherche souvent on se perd d'une façon à ne pouvoir y trouver que des difformités effrayantes. Je suis même de l'opinion, que la plupart de ses partisans y tiennent bien plus par point d'honneur national que par l'agrément qu'ils y trouvent.

La Comédie-Française n'est pas un spectacle qui frappe les sens, mais il émeut, il attendrit le cœur. C'est l'école du bon goût, des bonnes mœurs, c'est la source bienfaisante où se puisent les grands sentiments. Nos vertus y sont exaltées et nos vices et nos travers tracés avec le pinceau le plus mâle et le plus énergique. On a le plaisir d'y entendre une déclamation pathétique, de beaux vers et surtout de belles maximes, applicables à tous les différents cas, où nous pouvons nous trouver dans notre vie. On connaît les merveilleuses productions de tant de grands auteurs, ces chefs-d'œuvre de l'esprit humain qui anoblissent ce théâtre. Voltaire, Corneille, Racine, Crébillon, Molière et tant d'autres n'ont pas dédaigné de lui consacrer leurs travaux et leur temps. Ces noms, glorieux à la nation dont ils font partie et respectables à la postérité, sont immortels dans la république des lettres.

Quelques misanthropes austères ont osé avancer que les beautés dramatiques, loin d'avoir servi à perfectionner nos mœurs, n'avaient contribué qu'à les corrompre. Mais il faut rechercher le mobile de ces assertions, aussi fausses dans leur origine que dangereuses dans leur application. On reconnaîtra que ces sophistes insidieux, dégoûtés du monde, insupportables à eux-mêmes, haïssant tout et n'aimant rien, n'avaient de plus grande consolation dans leur odieux état, que de priver, s'il était possible, leurs semblables du plus doux attrait de la vie, de cette sociabilité, de cette politesse, qui ne s'acquièrent pour ainsi dire que par le violent désir d'imitation qu'inspirent ces beaux modèles.

Exposer leurs paradoxes, c'est les réfuter. La grande utilité qui nous est revenue et qui nous revient des spectacles est trop sensible. Je vais plus loin. J'ose même croire, que dans la mémoire des citoyens la première place après les législateurs appartient aux bons écrivains dramatiques, principalement s'ils voulaient employer la fécondité de leur imagination aux avantages de la société. N'est-ce pas aux Sophocle, aux Euripide, que la Grèce dut cet atticisme, qui la mettait pour lors si

fort au-dessus du barbare? N'est-ce pas aux Plaute et aux Térence, que Rome, cette maîtresse du monde, fut jadis redevable de son urbanité et de son goût exquis? N'est-ce pas enfin aux Molière, aux Corneille et aux Racine, que Louis XIV dut en bonne partie la splendeur et l'éclat de son siècle? Ne sont-ce pas ces hommes divins qui par leurs écrits ont corrigé leurs contemporains de cette ancienne rudesse qui les dégradait si fort? Ils ont extirpé en eux cette barbarie qui exerçait sur leurs âmes un empire si absolu; ce sont eux qui ont fait percer l'humanité à travers ce voile nébuleux, qui depuis une suite de siècles la dérobait à tous les regards.

Actuellement la troupe des comédiens est très bien composée. Mlle Dumesnil, Dubois, Vestris, Sainval brillent dans le tragique.

La réputation de la Dumesnil est établie depuis longtemps; la destination de la Sainval est de la doubler. On prétend que rien au monde ne fait mieux déclamer la Dumesnil qu'une bouteille de vin de Champagne. C'est déjà une vieille femme. Elle n'est pas égale dans son jeu: tantôt rampante, tantôt sublime, elle s'élance au grand avec un naturel et une force inimitables. La Sainval n'a pas la supériorité de ses talents, mais elle met beaucoup d'âme dans son geste et dans ce qu'elle dit.

La Dubois prévient par sa figure; grande, bien faite, elle semble être née pour régner sur la scène; on lui reproche trop de froideur et trop d'affectation par le grand empressement qu'elle a de montrer ses bras qui sont assez beaux.

La Vestris est celle qui entraîne le plus de suffrages, et qu'on juge la plus digne de consoler le public de la perte de Mlle Clairon. C'est dans l'école de cette admirable actrice qu'elle s'est formée. Mlle Clairon haïssant le père de la Dubois n'a rien épargné pour transmettre ses talents à Mlle Vestris. Aussi celle-ci, ayant adopté sa manière de sentir et de se pénétrer de la situation où la transporte son rôle, a aussi adopté sa manière d'exprimer ce qu'elle sent.

Lekain n'a qu'à paraître pour exciter les plus grands applaudissements. C'est un juste tribut dû à son mérite. Il enlève par la force, la noblesse et l'énergie, qu'il emploie dans ses rôles. Il se sert de peu de gestes, mais il met toute son expression dans sa voix, dans son maintien et surtout dans ses yeux.

Molé est le second acteur pour le tragique. Il est bon, seulement il ne sait pas modérer sa voix; il lui donne trop d'élans, et d'ailleurs il a à lutter contre un grand désagrément naturel qui est une poitrine fort faible. Je le préfère dans le comique; alors il est charmant.

Brizard est aussi compté parmi les grands acteurs. Il rend les rôles de père avec une naïveté noble et sensible. On pourrait lui reprocher, non sans fondement, de trop courir après la simplicité. Ne voulant pas être affecté, voulant être naturel, souvent il est froid.

Bellecour dans les premiers amoureux, Molé dans les mêmes rôles, l'incomparable Préville dans les valets, et la femme de Bellecour, autrement dite Gogo, sont les ornements de la Comédie. Je ne saurais dire assez de bien de Préville. Il joue avec tant de naturel, d'esprit et de gaieté, que sans hésiter on peut lui adjuger la palme dans son genre.

Quelquefois lorsque les pièces l'exigent on donne sur ce théâtre des divertissements, où ne dansent que des enfants de dix à quinze ans, mais qui s'acquittent assez bien de leux tâche. Le public se plaît à leur faire éprouver les effets de son indulgence. Il renonce à sa sévérité de censeur, quand il considère leur extrême jeunesse et les grâces naïves répandues sur leurs petites figures.

La Comédie-Italienne n'a en soi rien d'intéressant. C'est une rapsodie de différentes farces dont le sujet, qui roule en bonne partie sur les brouilleries d'Arlequin et de Scapin, ne peut guère amuser que le paradis. L'Arlequin est le meilleur acteur, c'est le fameux Carlin. Quoique vieux et ayant un corps assez gros à mouvoir, il ne laisse pas d'avoir beaucoup

d'agilité; il rend son rôle dans tout le costume qu'il exige. Ce théâtre attire cependant la multitude; je croirais presque qu'il est le plus fréquenté des trois. Sa réunion avec l'Opéra-Comique lui a été très favorable. Tel est l'effet de la légèreté du public. Comment préférer des petits vaudevilles, des dialogues de paysans, ou bien des intrigues d'amour mal tissues et souvent massacrées en faveur de la musique, au plaisir d'entendre de beaux vers et de belles pensées, ou à celui d'enchanter ses yeux par l'illusion qui frappe si fortement à la salle du Palais-Royal? Il faut convenir que les acteurs sont excellents, et c'est en cette considération qu'on peut encore excuser la manie qu'on a de venir les entendre. Le goût des pièces change aussi très avantageusement: ce bas comique, qui jadis en formait le caractère, commence à en être banni.

Les compositeurs français ambitionnent d'attraper le sublime de la musique italienne, et les succès brillants des travaux de Grétry et de Monsigny prouvent combien ce nouveau genre est préférable à l'ancien. Si le fond des accompagnements a changé, l'intrigue des pièces a également éprouvé une très grande révolution. On a tâché d'y introduire le langage du cœur et du sentiment. On y voit des amants qui se disent qu'ils s'aiment, qui en raisonnent et qui quelquefois fournissent des scènes très intéressantes. C'est en partie à Marmontel qu'on est redevable de ce changement. Il a enrichi ce théâtre de plusieurs de ses ouvrages, qui tous sont marqués au coin de la sensibilité; et d'autres auteurs avec moins de célébrité, mais avec non moins d'imagination, se sont fait un titre de gloire de courir cette carrière nouvelle. Il y a quelques années qu'on allait aux Italiens pour rire, à présent on y va pour y pleurer.

Outre la ressource de ces trois spectacles qui satisfont les yeux, l'oreille et le cœur, il existe encore en hiver celle du bal de l'Opéra, et à son défaut on profite en été des promenades, qui sans exagération ne laissent rien à désirer. Je ne parle point des environs: il est constaté qu'ils sont délicieux. Des plaines fertiles et arrosées par les eaux de la

Seine, des situations inégales, des maisons de campagne, un nombre plus grand encore d'habitations villageoises, — tout cet ensemble présente un aspect enchanteur. Mais la ville.... combien de promenades charmantes ne renferme-t-elle point? Les Tuileries, le Palais-Royal, le Luxembourg ont déjà trois jardins ouverts au public à toutes les heures du jour; on est sûr de n'y être jamais seul, on y rencontre toujours une foule de monde. C'est dans ces endroits qu'on a la satisfaction d'étudier les différents caractères des hommes, sans gêne et sans contrainte; c'est à leur mine, à leur démarche, à leur façon de se mettre, qu'on se forme des idées justes, pour l'ordinaire, de ce qui se passe dans leur intérieur. On rit de la fatuité des uns et on compatit aux airs graves et empesés des autres.

Les boulevards offrent encore ici un genre de promenade inconnu ailleurs et cependant des plus agréables. On s'y rassemble après les six heures du soir. La vanité est le motif principal qui a mis cette promenade en vogue. Les femmes y viennent pour voir et pour être vues; les hommes pour les admirer et tous pour étaler, soit leurs vaines grâces, soit leurs équipages. Le milieu de l'allée est occupé par les carrosses qui quelquefois sont en quatre files, et les deux côtés sont destinés pour les piétons.

Parmi ceux-ci on ne compte ordinairement que de bons bourgeois; la mode exerce ici un pouvoir tyrannique, et il est contre le bon ton de descendre de sa voiture revêtu d'un habit habillé. Il est vrai qu'en secouant le joug odieux de l'usage on goûte plus de plaisir, mais on ne peut décemment pénétrer dans la foule que sous le déguisement d'un frac. Je ne connais point de pays au monde, qui se conforme plus à des bienséances souvent de fantaisie, et qui s'assujettisse à des minuties vraiment puériles. Je ne puis vous faire, Monseigneur, de tableau plus fidèle de cette promenade, qu'en vous suppliant de daigner vous rappeler la petite pièce de F a v a r t, intitulée „La soirée des boulevards". Elle est écrite dans l'exacte vérité. Différents jeux, des cafés, des guinguettes, des charlatans s'y

trouvent en foule, et servent d'amorce au peuple, toujours avide de nouveautés, et qui y court avec empressement, dès qu'il croit pouvoir le faire sans nuire aux occupations qui lui font gagner sa vie.

Je dois dire un mot du Colisée. Ce nom seul en développe l'idée, mais son usage est différent de celui qui existait à Rome. Là, c'était un bâtiment sans toit, destiné à des jeux et à des spectacles; ici, c'est un bâtiment couvert, où s'assemble indistinctement tout le public. Le Colisée est bâti au sein des Champs-Elysées. Autant qu'il m'a paru, il est octogone; chacune de ses faces a une décoration et une cour particulières. Le treillis, ornement agréable des jardins, et le majestueux de l'architecture antique s'y confondent et de cette confusion naît une variété des plus intéressantes. C'est un édifice immense qui peut contenir un monde prodigieux. L'arrangement de l'intérieur dépend de la grande rotonde du milieu, pièce principale. Elle est en Panthéon dans le goût du petit Vauxhall d'hiver, qui n'en est qu'une très légère esquisse. La dorure n'y a pas été épargnée; le coup d'œil en est éblouissant. On y entre par quatre portes précédées de vastes péristyles à la romaine, ornés de colonnades et de sculpture. Ces péristyles trouvent encore un ornement dans les jolies boutiques, qui y sont placées. On y voit aussi une loterie pour amuser ceux qui veulent bien l'être. Plusieurs salons et cabinets très joliment meublés environnent la rotonde. Le monde peut s'y retirer pour jouer, ou bien pour s'y délasser du bruit continuel qui fatigue dans le tourbillon. De beaux escaliers conduisent au premier étage, dont la distribution est pareille à celle du bas. Une plate-forme règne sur tout le bâtiment. L'entrée ne coûte que trente sols; pour ce prix modique on voit une assemblée brillante, une salle superbe, un joli feu d'artifice, et on entend une assez bonne musique. Les feux d'artifice se tirent sur un large bassin qui précède la belle façade. On y donne aussi quelquefois des joutes dans le goût des anciens. Le Colisée n'est ouvert que les jeudis et les dimanches. On fait bien d'en rarifier

le plaisir, une jouissance trop fréquente cesserait de le rendre piquant. Tel qu'il est, il coûte déjà aux entrepreneurs au delà de dix-sept cent mille francs.

Ils se sont ruinés pour s'être flattés d'une réussite supérieure à celle qu'ils ont eue et malgré la puissante protection du ministère, ils ne peuvent s'indemniser encore de leurs avances. C'est en leur faveur que la police a défendu aux spectacles des boulevards de ne plus jouer après les huit heures du soir. Ils ont aussi obtenu le singulier privilège de ne pouvoir être inquités par leurs créanciers pendant neuf ans entiers. Ce n'est qu'un avantage illusoire: il est bien vrai qu'ils ont le temps de respirer, mais leur crédit est abimé, personne ne veut plus travailler pour leur compte qu'argent comptant, et faute de celui-ci ils sont obligés de se désister de quantité de projets, dont l'exécution aurait été une source renaissante de plaisir pour le public.

Mais si Paris abonde en objets qui éblouissent l'étranger, il ne laisse pas d'avoir ses grands désagréments. La privation de toute liaison avec les gens du pays peut être comptée comme un des principaux. A moins de rester ici un ou deux ans, on doit absolument renoncer aux sociétés particulières. Elles sont d'un accès impénétrable. On a beau tenter jusqu'à l'impossible pour y être introduit, jamais on ne réussit. Votre politesse réelle n'est payée qu'en politesses simulées. Ce sont des vaines protestations qui n'aboutissent qu'à vous nourrir dans un faux espoir, et à la fin on part de Paris avec aussi peu de lumières sur la façon dont on vit dans les grandes et les bonnes maisons, que lorsqu'on y est arrivé. Cette singulière conduite trouve excuse d'un certain côté; elle est moins à condamner, quand on considère le nombre étonnant d'étrangers qui circulent et se succèdent ici pendant toutes les saisons de l'année. Parmi cette foule, il y a une infinité de gens comme il faut, qui de droit aspirent à être reçus partout, et s'ils réussissaient dans leurs démarches, quels états immenses ne devraient pas tenir les Parisiens pour y suffire et les recevoir convenablement! Ils

sentent cependant que leur conduite est susceptible de reproches et de ridicule. Comment, cette nation qui prétend être la législatrice de l'univers en politesse, en civilité, en tous les usages reçus dans la société, cette nation est la première à contrevenir aux règles qu'elle prescrit! Ils allèguent plusieurs raisons pour leur justification, mais toutes frivoles elles peuvent être renversées aussitôt que combattues.

Il faut pourtant avouer que ces inconvénients ne sont éprouvés que par le voyageur qui ne reste à Paris que peu de temps. Celui qui y vient avec le dessein d'y faire un long séjour, et dont l'esprit, la naissance et les mœurs correspondent aux désirs des personnes qu'il recherche, au lieu d'éclater en plaintes, n'aura certainement raison que de se louer de l'accueil obligeant qu'il recevra, du bon ton, de la gaieté et de la décence qui règnent, à ce qu'on dit, dans ces sociétés. Ici il n'est pas nécessaire de se borner à une seule. Il y en a de toutes les classes et aussi de toutes les sortes, de gaies et de tristes, de badines et de sérieuses, de frivoles et de solides. On en trouve chez le grand seigneur, chez le noble opulent, chez le financier, chez les gens de lettres, et même parmi la bonne roture. Les premières sont brillantes, aux secondes on commence un peu plus à respirer l'air de liberté, mais les deux dernières sont sans contredit les plus agréables, et celles qui doivent avoir le plus de prix envers l'homme sensé. On y est libre, on y est maître de faire ce qu'on veut, tandis que l'esprit d'étiquette, de contrainte et de qui-vive continuel, a déjà en soi un odieux qui engage à le détester et à le fuir, plutôt qu'à le rechercher.

N'étant à Paris que pour quatre mois, nous n'avons pu compter que sur les amusements publics. Partout ailleurs ce serait insupportable: quel vide dans le journée! mais ici c'est imperceptible. Notre curiosité nous fait employer plusieurs heures à parcourir ce qu'il y a de remarquable en tous les genres; les promenades nous occupent agréablement, et ensuite les spectacles nous prennent toute notre soirée. Lorsque vers les

neuf heures nous rentrons à la maison, chacun est charmé d'avoir quelques instants à sa propre disposition. Alors sans être troublé, je tâche de réfléchir sur ce que j'ai vu, fait et entendu pendant la journée; je vaque à ma petite correspondance, je fais quelque lecture, soit instructive, soit purement amusante, je couche sur le papier mes faibles idées, j'y trace ce qui m'a le plus frappé. Ainsi mon temps se passe, si j'ose le dire, avec utilité, avec agrément et sans trouver aucun vide.

Quoique plongés dans une certaine dissipation, pourtant nous ne perdons point de vue le grand but de notre voyage. Les noms de patriotes et de sujets fidèles sont nos premiers devoirs, et l'acquisition des qualités y requises forme notre plus chère ambition. A Leyde nous nous sommes efforcés d'aiguiser et d'orner notre esprit, ici nous portons les mêmes soins à perfectionner notre extérieur, à le dépouiller de ce vernis de gaucherie, suite ordinaire de la vie sédentaire de l'école. Nous acquérir quelques connaissances dans les belles-lettres, nous familiariser avec la langue italienne et nous appliquer au talent de Terpsichore,—voilà l'objet de nos occupations journalières. Nous restons ici encore jusqu'à la fin du mois prochain. Alors nous partons pour l'Italie, en prenant notre route par la Suisse et les provinces méridionales.

1075. Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. іюля 28. Кусково.

Je vous suis infiniment obligé de la belle description que vous avez bien voulu me donner de la ville de Paris et de celle de Lyon. L'énergie agréable qui règne dans votre récit et les remarques judicieuses qui l'accompagnent me confirment bien dans la bonne opinion que j'ai eue de vous, Monsieur, que vous tireriez un fruit réel de vos voyages, et prouvent bien que votre application est aussi solide que suivie. Je ne doute point que ous ne verrez l'Italie avec les mêmes attentions et serai fort

charmé si à votre loisir vous voulez bien me communiquer ce que vous y aurez trouvé de plus remarquable.

Les nouvelles intéressantes que vous venez me donner au sujet du rétablissement de mon fils me font le plus grand plaisir du monde. Comme vous êtes dans le cas, Monsieur, de pouvoir juger de l'effet de sa cure mieux que personne, le voyant tous les jours et l'ayant connu depuis longtemps dans son état d'accablement, je m'en rapporte avec toute la confiance possible à ce que vous m'en dites et suis fort sensible à la part amicale que vous voulez bien y prendre.

N'ayant pas vu depuis quelque temps ma sœur ni ma nièce nouvellement mariée, m'étant promené dans mes terres éloignées de Moscou, mais, comme je suis de retour à Kouskovo depuis avant-hier, je serai au premier jour dans le cas de leur faire part de votre obligeant souvenir, dont certainement elles vous tiendront bon compte.

1076. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. августа 1. Петербургъ.

Думаю, что вы, мой сердечный другъ, способъ можете имѣть достать хорошенькую французскую собаку. Очень много меня одолжите, если мнѣ её привезете. Только мохнатыхъ я не люблю; очень хочется съ низкою шерстью, очень долгія уши; хотя собой и не очень мала будетъ, только этого сорта; съ шерстью бѣлою съ какими-нинаесть пятнами,—чѣмъ меня крайне одолжишь, и приму за особливый знакъ вашей дружбы.

Знаю, сколь вы своихъ сердечно любите; итакъ, безызвѣстнымъ васъ о нихъ не хочу оставить. Братья ваши оба здѣсь, слава Богу, здоровы. Вильнева отпустили, выписали на его мѣсто изъ Парижа очень достойнаго человѣка, который князь Алексѣемъ очень доволенъ.

1077. Ландграфъ гессенъ-кассельскій Георгъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. августа 4.

Je prends la liberté de vous envoyer avec la pièce originale sa traduction qui est le premier essai que j'aie jamais fait dans ce genre; vous reconnaîtrez aussi par parenthèse, combien m'a ennuyé de récrire toute une pièce et de faire le copiste de mon propre ouvrage; le griffonnage en est un témoin visible.

Pour vous dire ce que je pense de la pièce même, je trouve que le sujet est des plus beaux et des plus intéressants, puisque nous manquons malheureusement d'exemples propres à nous rendre des actions pareilles familières, tant en exécution qu'en principes. L'auteur, en copiant son original, y a prêté tant d'attention et d'exactitude que déjà dans sa préface, que je compare aux premiers contours et premières lignes de crayon d'un tableau, l'on trouve une annonce parfaite d'une bonne copie. Ce qui plus est, il ne s'est pas écarté du tout de son premier dessein, mais, au contraire, il en a augmenté la perfection, en donnant à son tableau un coloris vif et agréable de dialogues remplis de beaux sentiments et de sentences choisies, placées cependant dans un jour d'occasion qui les rend agréables et les éloigne du pédantisme. L'auteur a enfin su donner à son ouvrage une draperie si naturelle et agréable qui cache jusqu'au temps nécessaire l'intrigue et le dénouement, que, sans le savoir, on conserve même durant tout le temps l'attention et l'intérêt qu'on a eus au commencement. Il ne s'est en rien éloigné des règles du spectacle en général et n'a fait que marquer en tout des traits de vraisemblance et possibilité à arriver dans l'unité du jour.

Il s'y peut trouver cependant quelques fautes qui paraîtront tout de suite aux yeux des connaisseurs; toujours je peux avancer que la pièce est bonne, en me fondant sur ce que disait M. de Turenne, que ceux étaient les plus parfaits qui avaient le moins de fautes.

Pour ce qui regarde ma traduction, je vous supplie de la lire avec indulgence, mais de m'honorer de vos bons conseils pour lui donner par là quelque degré de perfection. J'ai l'honneur d'être, mon cher Prince, votre très humble serviteur. Georges.

1078. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. августа 12. Парижъ.

Je n'ai pas encore eu l'occasion d'entretenir Votre Altesse Impériale sur les détails de Paris. Si la multiplicité d'objets attrayants offre un champ très fécond, d'autres m'ont précédé pour en cueillir les fleurs. Je ne pourrais rien dire de nouveau; tout déjà se trouve détaillé plus amplement et avec plus d'agrément dans les descriptions imprimées. Il ne me reste qu'à vous exposer, Monseigneur, quelques réflexions générales, que j'ai eu la témérité de former. Je les soumets à votre critique.

Paris abonde en édifices remarquables, qui éblouissent les yeux de l'étranger autant qu'ils affectent délicieusement son âme. Il y en a de toutes les espèces. Les embrasser tous, ce serait franchir les bornes d'une lettre; je ne puis m'arrêter qu'à ceux qui m'ont frappé le plus. Le Louvre et les Tuileries étaient jadis la demeure des rois. On forma divers projets pour leur embellissement; Perrault et Bernini, rivaux célèbres, y épuisèrent conjointement les richesses de leur art, mais jamais on ne les porta à une entière exécution. Je m'imagine qu'alors cet ouvrage aurait été unique, puisque les parties qui en sont encore informes excitent la plus grande admiration des connaisseurs.

Depuis plus d'un siècle, le Louvre n'est plus le séjour de la Cour, il est devenu le sanctuaire des muses. C'est là que se trouvent les quatre académies, ces asiles sacrés que Louis XIV accorda aux arts et aux sciences, pour les sauver à l'avenir d'un naufrage pareil à celui, qui les avait pour ainsi dire anéantis

pendant tant de siècles. Ce prince faisait éclore le génie, comme il aimait à le récompenser. Avide de gloire et attentif aux progrès des avantages de la société, il n'épargne rien pour arriver à ces deux buts, qui lui étaient si intéressants, et dont le dernier devait être un bienfait versé sur la postérité.

L'Hôtel des Invalides est un monument immortel de la grandeur de son âme. Partout on y voit l'empreinte du grand monarque. De quel respect ne se sent-on point saisi à la vue de toutes ces victimes de la patrie! Le cœur le plus indifférent ne saurait y être insensible. Autrefois les officiers et les soldats, hors d'état de servir, étaient répartis sur les abbayes, qui devaient pourvoir à leur entretien le reste de leurs jours, mais cette disposition fut changée par Louis XIV. Il y découvrit une source de gloire inconnue jusque-là. Il voulut que ces militaires, vieillis dans la poussière du camp, fussent entretenus aux dépens de cette même couronne pour qui ils s'étaient sacrifiés. Le clergé fut affranchi de sa première obligation, moyennant une somme de 100 mille écus, qu'il doit contribuer annuellement aux autres revenus que le Roi a assignés à l'Hôtel. Quoique toute la perception monte jusqu'à trois millions de livres, elle est encore insuffisante.

Le roi a en tout plus de 20 mille invalides à nourrir. Ils sont distribués dans les différentes garnisons de l'intérieur du Royaume. Ils ne parviennent à être reçus dans l'Hôtel, qui se trouve aux environs de cette capitale, que quand leurs infirmités, ou bien leur grand âge, les empêchent de vaquer aux fonctions de soldat. Le nombre de ceux que peut contenir cet Hôtel n'excède point celui de trois mille. Parmi eux se trouvent aussi des officiers, depuis le lieutenant-colonel jusqu'à l'enseigne. Ils sont tous très bien. Chaque grade mange à part. Leurs tables ne sont pas somptueusement, mais très proprement servies; il y a toujours cinq bons plats avec la soupe. Les couverts sont d'argent, et chacun a sa demi-bouteille de vin. Les chambres des capitaines se distinguent, parce qu'elles sont boisées; ils logent deux à deux, et les lieutenants par quatre.

La même subordination, qui règne dans une garnison, assure aussi la police de cette maison. On n'exige rien de ces anciens guerriers; on veille seulement au bon ordre, et d'ailleurs accoutumés à obéir dès leur première jeunesse, il ne leur est nullement pénible de continuer à vivre dans la même habitude. Le gouverneur est pour l'ordinaire un officier général; il y a de plus un intendant, qui est toujours un homme de robe, pour présider à l'économie de la maison.

Mais si cet établissement fait tant d'honneur à la magnanimité de Louis XIV, celui de l'Ecole militaire n'en fait pas moins aux sentiments nobles, généreux et patriotiques de son successeur. Il savait que les braves citoyens qui se sacrifiaient pour la défense de la patrie avaient un asile assuré dans leur débile vieillesse; il voulut lui préparer des défenseurs, il voulut se former des sujets capables de le servir et de maintenir sa gloire et celle de la nation dans tout son brillant. Inspiré par le zèle du comte d'Argenson, secrétaire d'Etat ayant le département de la guerre, il fonda cette excellente institution pour l'entretien de six cents jeunes gentilshommes, qui pour être reçus doivent faire preuve de quatre degrés de noblesse du côté paternel. Ils y restent de treize ans jusqu'à dix-huit. S'il arrive qu'ils sont reçus avant cet âge, alors on les élève, jusqu'à ce qu'ils y soient parvenus, en province dans des maisons dépendantes de celle-ci.

Tout dans leur éducation est subordonné aux grands mobiles du vrai courage et du seul héroïsme auquel des hommes peuvent prétendre. On leur apprend tout à la fois les exercices du guerrier et les vertus du citoyen, mais celles-ci ont toujours la préférence. Cette jeunesse, élevée à l'ombre des lauriers dont ses instituteurs sont couverts, puise dans leurs exemples le désir d'en faire une prompte moisson. Ils apprennent d'eux à chérir la gloire, et plus encore la vertu. Leurs études commencent à six heures du matin et continuent jusqu'à huit heures du soir; ils n'ont de relâche dans la journée que le temps du repas, du goûter, du déjeuner, et de plus deux heures de récréation. Notre Corps des cadets

ressemble à plusieurs égards à cette école. Dans celle-ci il y a également des officiers, la même subordination et en été les mêmes évolutions en fait de tactique. Dans plusieurs points nos cadets l'emportent, surtout pour ce qui regarde la propreté et la table.

Le bâtiment est un chef-d'œuvre d'architecture, construit sur le dessin de M. Gabriel. La grande façade et la nouvelle chapelle méritent d'être remarquées. Au milieu de la cour principale est placée la statue pédestre du Roi, que Lemoyne a exécutée en marbre.

Les jeunes élèves obtiennent ordinairement à leur sortie des lieutenances. Leur uniforme est tout simple: habit bleu, veste, parements et collet rouge, avec des boutons à fil d'argent. Le Roi a gratifié cette Maison pour son entretien du revenu que produisent la loterie d'Etat et timbre imposé sur les cartes; ces deux sommes réunies forment à ce qu'on m'a assuré un total de six millions. Les élèves n'ont point de chambres particulières. Ils ont de grands et longs dortoirs communs; chacun a cependant une petite cellule à soi, séparée par une cloison, où est un lit très dur, une chaise de bois, une petite table, avec tout ce qu'il faut pour son habillement. Ces cellules ont leurs portes, qui se ferment à clé, dès que les élèves sont couchés. On a introduit cette coutume pour prévenir tous les désordres assez ordinaires dans une assemblée aussi nombreuse de jeunes gens. Les élèves les plus favorisés de la fortune n'osent se procurer aucune commodité distinctive; il leur est même interdit d'avoir leurs propres domestiques; ils sont tous servis par ceux qu'entretient à cet effet l'école. De plus les élèves, dès le moment de leur entrée dans la Maison jusqu'à celui de leur sortie, ne peuvent s'en absenter ni pour voir leurs parents, ni pour visiter leurs connaissances, qui tous en revanche ont la liberté de venir à l'école, sans y interrompre les occupations accoutumées.

Parmi les établissements qui ne doivent leur existence qu'à la générosité des particuliers, il y a principalement à admirer

la Sorbonne, le collège des Quatre-Nations et l'hôpital, dit de la Charité.

La Sorbonne est le plus fameux collège de théologie du Royaume. Il fut fondé, si je ne me trompe, dans le treizième siècle par un prêtre nommé Sorbon, et c'est en mémoire de son fondateur qu'il en porte le nom. L'époque de sa plus grande célébrité date du cardinal de Richelieu; il en fut le protecteur. Cet homme extraordinaire affectait un grand goût pour les lettres, mais son plus grand faible fut de vouloir vivre avec éclat dans la mémoire de la postérité. Il voulut s'illustrer par la construction de quelque édifice remarquable; c'est lui qui augmenta les fonds de la Sorbonne, qui en fit réparer les bâtiments et édifier la superbe église dans l'état où on l'admire à présent. Il n'a point négligé de faire mettre partout son chiffre ou ses armes. Son mausolée, qui, de l'aveu des maîtres de l'art, est un chef-d'œuvre, est placé au milieu du chœur. Le cardinal est représenté en marbre blanc, à demicouché sur une forme de tombeau antique; la Religion le soutient, la Science est à ses pieds et paraît inconsolable, deux génies portent ses armes décorées de toutes ses dignités. Ce monument, compté pour le plus parfait qui existe en France, est dû au génie de Lebrun et à l'habile ciseau de Girardon. L'invention est sublime, mais l'exécution est infiniment supérieure. On rapporte ici encore avec extase, Monseigneur, les paroles que votre auguste bisaïeul ne put s'empêcher de proférer à la vue de ce mausolée,—paroles qui font autant d'honneur au monarque qui les prononça, qu'à celui en faveur de qui elles ont été prononcées. Au-dessous du chœur est pratiqué un caveau de sépulture pour la famille de Richelieu. Si je ne me trompe pas, le collège de la Sorbonne est composé de trente-six docteurs.

Le collège des Quatre-Nations, ou autrement le collège Mazarin, est une institution du cardinal de ce nom. Emule en tout de Richelieu, son prédécesseur dans le ministère, il voulut ainsi que lui contribuer aux progrès des sciences. Pour mul-

tiplier leurs temples, il fit élever ce bel édifice. On voit dans l'église le mausolée du cardinal à genoux sur un tombeau de marbre noir. Un ange derrière lui tient des faisceaux qui forment les armes de la maison. Sur les degrés sont assises trois figures de bronze qui désignent la Prudence, l'Abondance et la Fidélité. La bibliothèque mérite d'être vue; on y compte environ 60 mille volumes, parmi lesquels se trouvent des manuscrits très estimés On dit qu'il y a toujours quarante élèves entretenus aux dépens du Collège.

La Charité est un de ces établissements qui soulagent les misères de l'humanité et qui immortalisent la bienfaisance compatissante de leurs fondateurs. Cet hôpital ne doit point son existence à la munificence royale; il n'en est redevable qu'à la générosité de quelques particuliers. Ses fonds suffisent à son entretien, et c'est gratuitement qu'on y reçoit les malades qui se présentent. Ils sont servis et soignés avec une propreté, une commodité et un ordre admirables. L'arrangement des salles et des lits vaut la peine de l'aller voir.

Paris offre aussi dans ses églises un spectacle de magnificence, et le vulgaire paraît ici persuadé que Dieu est plus grand dans de superbes palais que dans d'humbles cabanes. On peut les diviser en deux classes: les antiques et les modernes. Parmi les premières, Notre-Dame, qui est la métropole, obtient sans aucun doute la préférence, soit pour sa grandeur, soit pour le hardi et le délicat qu'on aperçoit dans toutes ses parties, mais quant aux secondes, il n'y en a aucune encore qui puisse être comparée à celle de St-Sulpice. C'est sans contredit la plus belle église de la ville. Elle est dans le faubourg St-Germain, et on y compte près de 100 mille paroissiens. L'édifice est superbe. Ce n'est que depuis quelques années qu'il a été achevé sur les dessins de Servandoni. L'architecture en est mâle, noble, majestueuse. Le portail est tout ce qu'on peut voir de beau. Cinq bas-reliefs qu'on y aperçoit méritent une attention particulière. Seulement c'est dommage que ce chef-d'œuvre du goût de notre siècle ne soit point précédé

par une place publique, ou bien par une cour: le passage étant à présent des plus étroits, il est presque impossible de jouir de toute la beauté du coup d'œil.

C'est aux travaux et aux soins de M. de Gergy, ancien curé de St-Sulpice, que Paris est redevable de ce superbe monument. Ce zélé pasteur n'épargna rien pour engager le public à contribuer à l'accomplissement d'un dessein aussi grand et aussi généreux. Il donna l'exemple; riche de lui-même, il sacrifia tout son bien à l'érection du Temple du Seigneur, au soutien des pauvres de sa paroisse et à plusieurs établissements pieux, asiles de l'humanité indigente et ornements éternels de la mémoire de leur généreux fondateur.

En traversant la rue vis-à-vis l'église, on trouve un vaste bâtiment à plusieurs étages, qui est le séminaire de la paroisse également existant par le zèle de M. de Gergy. Cet homme admirable s'acquit à juste titre durant sa vie la réputation la plus brillante. Bienfaiteur des pauvres, consolateur des affligés, exemple des bonnes mœurs, prêtre raisonnable et citoyen utile, il brillait autant par les qualités de son cœur que par celles de son esprit. Toutes les dignités de l'église furent soumises à son choix. Les évêchés les plus illustres, les bénéfices les plus riches lui furent offerts par le Roi; le pape voulut lui envoyer la barrette, non qu'il crût l'en honorer, mais pour se glorifier soi-même d'une telle nomination. Gergy ne se démentit point de ses principes, il dédaigna, il refusa tout. Il n'avait d'autre ambition que celle de bien servir son Dieu, de remplir tous les devoirs de citoyen et d'être le père des infortunés. Une fois consacrée au bien de sa paroisse, toute sa vie ne fut plus qu'un tissu de travaux pour parvenir à cette glorieuse fin. Il réussit, et après avoir joui de la rare consolation de savoir qu'il était aimé, il mourut en odeur de sainteté pour être encore plus révéré par la postérité impartiale. On voit son mausolée dans une des chapelles de l'église; les cœurs reconnaissants de ses paroissiens l'ont élevé à sa gloire.

L'église est infiniment plus belle au dehors qu'au-dedans. On n'a pas eu le temps de prêter à l'intérieur tous les ornements qui y sont nécessaires, pour répondre convenablement aux beautés de la façade. On y aperçoit jusqu'ici ni marbre, ni belles peintures. Il faut espérer que ce léger défaut disparaîtra bientôt.

Les couvents occupent encore ici un très grand espace. Par curiosité nous avons été voir la Chartreuse. Il est impossible de s'en former une juste idée. Voir un tel couvent, c'est, si j'ose le dire, voir le comble des erreurs humaines. La règle des Chartreux, destructive de l'ordre social, injurieuse à l'humanité, me semble même odieuse à cet Etre tout bon et tout parfait qu'elle se propose de fléchir. Peut-on se faire une vertu de ce qui n'est que fanatisme outré? Peut-on se croire plus digne des faveurs du ciel en se rendant inutile à ses semblables? Cette matière si importante fournit une infinité de réflexions. Je me borne à croire que c'est offenser la divinité que de supposer qu'elle puisse voir d'un œil favorable un culte extérieur barbare, contraire à toutes les lois naturelles, peut-être aux civiles, et dont le cœur ne sent rien.

Combien de fois ces tristes victimes de la superstition ne doivent-elles point regretter la démarche précipitée et cependant si importante, où un repentir ou bien un désespoir momentanés ont pu les entraîner! Enchaînés à leur sort par des vœux irrévocables, ils sentent d'autant plus vivement l'horreur de leurs liens. Leurs occupations monotones, le vide qu'ils doivent nécessairement ressentir dans la journée, tout les plonge dans la plus noire mélancolie. L'homme le plus doué d'esprit et de raison est aussi le plus susceptible de regrets cuisants du pénible sacrifice, auquel il s'est dévoué lui-même.

De tous les religieux, les Chartreux ont les règles les plus austères. Ils ne sont surpassés que par ceux de la Trappe, qui cependant existent par la seule tolérance du gouvernement, mais sans aucune confirmation du pape. Les Chartreux, dès qu'ils ont endossé l'habit de leur Ordre, sont censés morts pour le reste

du monde. Leur principe est de se mortifier en tout ce qui flatte les sens. C'est dans l'église seulement qu'ils peuvent se réunir, et là n'est-ce encore que pour le service. Ils ne doivent jamais se parler sans prononcer le terrible „memento-mori", toutes les fois qu'ils se rencontrent. Ils habitent tous des maisonnettes séparées, construites sur le même modèle. Chacun cultive lui-même son petit jardin, et il orne sa retraite selon son plus ou moins d'industrie. Ordinairement ils travaillent beaucoup à des ouvrages de menuiserie, pour suppléer par cet exercice violent à celui qui leur manque d'ailleurs. Ils ont un jour de récréation dans la semaine, où au moyen de la permission du supérieur ils peuvent se voir et se parler mutuellement,—permission qui déjà leur tient lieu des plaisirs les plus piquants. Leur solitude n'est jamais troublée, et, forcés de se contempler eux-mêmes, ils ont tout le temps de s'abandonner à leurs méditations. La lecture est une grande ressource qui les console encore dans leurs instants de loisir; ils peuvent en profiter tant qu'ils veulent. Rarement cependant leur attention se fixe sur des objets utiles au monde qu'ils viennent de quitter; ils sont trop occupés de celui auquel ils se préparent. La plus belle des Chartreuses connues en Europe est à Grenoble; c'est pour ainsi dire la capitale de l'Ordre, c'est là que doivent se tenir tous les grands chapitres. Celle de Paris est très médiocre; il y a à peine quarante moines.

La bibliothèque du roi mérite que j'en fasse mention. Placée dans un vaste bâtiment, voisin de celui de la compagnie des Indes, qui jadis réunis formaient le palais du cardinal Mazarin, elle est, à ce que j'ose croire, la première de l'Europe après celle du Vatican, tant par sa collection nombreuse que par la rareté de ses livres. On y compte jusqu'à 200 mille volumes, parmi lesquels doivent se trouver près de 70 mille manuscrits des plus précieux.

Au milieu d'une des salles est placé le fameux Parnasse français de Titon du Tillet exécuté en bronze. Il a voulu mmortaliser Louis XIV et tous les grands génies qui ont

illustré son règne. Ce prince est personnifié dans la figure d'Apollon. M. du Tillet donna l'esquisse de ce monument, qui aurait dû former la gloire de la nation avec un prospectus des plus éloquents dans la vue qu'on l'érigeât en grand sur une place publique, mais les besoins de l'Etat ont empêché jusqu'à présent d'y fournir les sommes nécessaires.

La bibliothèque s'augmente tous les jours considérablement, sans qu'il en coûte au roi la moindre dépense, si j'en excepte l'acquisition des livres imprimés chez l'étranger, car pour les libraires-imprimeurs de France ils doivent y déposer trois exemplaires de chaque ouvrage qu'ils publient.

Le Cabinet des médailles et celui des estampes du roi sont encore deux collections, si j'ose le dire, uniques dans leur genre. Il est sûr que l'art du burin n'a été porté nulle part à une si haute perfection qu'en France, et les estampes du roi renferment non seulement toutes celles qui ont été gravées dans le pays, mais aussi toutes celles qui ont paru au dehors. On y voit répétés à l'infini les chefs-d'œuvre si rares des plus fameux peintres, et si ces copies sont destituées du coloris et des vives nuances de leurs modèles, on n'y admire pas moins l'imagination féconde de l'artiste, la hardiesse et la perfection de l'ouvrage. Cette riche collection est composée de plus de quatre mille volumes in-folio.

Je me tais sur le Cabinet des médailles. Il est le fruit des recherches de Louis XIV, c'est en dire assez; on sait combien ce prince a répandu ses trésors pour rassembler ce que l'antiquité avait de plus précieux. Ce Cabinet jouit d'une très grande réputation en fait de médailles antiques; la partie moderne n'y est pas si complète, mais toujours elle peut figurer avec éclat parmi les plus riches collections de cette espèce.

Il semble d'abord que la multitude d'hôtels, qui se trouvent dans cette capitale, doivent contribuer à son embellissement. C'est cependant tout le contraire. Les hôtels, quoique réunissant quelquefois les beautés différentes de l'architecture, sont pour la plupart bâtis au milieu de cours fermées, de façon que

de la rue, au lieu de jouir de l'aspect du bâtiment, on ne voit souvent qu'une vile muraille. Il m'est inutile de m'étendre sur ceux qu'on doit discerner de la foule: Votre Altesse Impériale les connaît déjà beaucoup mieux que je ne pourrai jamais les lui dépeindre. Blondel les détaille avec une exactitude qui ne me laisse qu'à m'y référer; aucun édifice remarquable n'a été construit depuis son temps. Actuellement le prince de Condé fait faire des augmentations considérables au Palais-Bourbon, dont il a hérité de sa grand-mère, fille légitimée de Louis XIV et de la marquise de Montespan. Il le destine pour son fils, qui depuis une quinzaine de jours est devenu père de famille à l'âge de seize ans; quant à lui il prétend occuper l'hôtel de Lassay, qui en est tout voisin, et qu'il vient de faire réparer après l'avoir acheté.

Le Palais-Royal, bâti anciennement par le cardinal de Richelieu, habité par Anne d'Autriche et donné ensuite par Louis XIV à son frère, a passé en succession à la maison d'Orléans. Le duc d'à présent y a fait de grands embellissements. Le dernier incendie de la salle de l'Opéra l'avait beaucoup endommagé, et il s'est servi de cette occasion pour faire donner à la façade un aspect plus gracieux, sous la direction de M. Contant.

La nouvelle salle de l'Opéra a été construite par M. Moreau avec toute l'élégance imaginable. Rien n'a été épargné dans la décoration: l'or y brille de tous les côtés, et l'ingénieux plafond n'en attire pas moins les regards; on considère cette salle comme un modèle en son genre.

Le duc d'Orléans possède encore une superbe collection de tableaux, rassemblée par les soins du Régent. Tant que ce prince eut le gouvernail en main, les arts et les sciences eurent en lui un protecteur éclairé. Enviant à l'Italie ses chefs-d'œuvre, il employa des sommes immenses pour en enlever autant qu'il lui fut possible. Les tableaux de l'école italienne sont les plus nombreux dans cette galerie; on y voit fort peu de peintres

flamands. Quelques morceaux de Teniers et de Van den Velde servent à décorer les petits appartements du Duc.

Le Luxembourg est un vaste palais que Marie de Médicis fit élever au commencement du siècle passé. Depuis la mort de Mademoiselle, fille de Gaston, il appartient au roi qui y accorde à plusieurs de ses courtisans un logement. La fameuse galerie peinte par Rubens mérite toute admiration. Ce grand peintre a représenté en vingt-cinq tableaux les principaux [épisodes] de l'histoire de la veuve de Henri IV. L'allégorie est merveilleusement soutenue, et j'ose croire que la richesse de l'imagination y égalise la délicatesse du pinceau.

Voilà quelques-uns des monuments les plus remarquables de Paris. A en entendre seulement parler, on en tire déjà sur le reste des conclusions également avantageuses. Cependant lorsqu'on voit de ses propres yeux, le charme se dissipe, et on ne tient plus entre ses bras qu'une vaine ombre qui se dérobe sans cesse à vos embrassements. La ville, il est vrai, est immense; elle présente de très beaux détails, mais l'ensemble n'a rien de conforme aux idées flatteuses dont on s'est nourri. La totalité des maisons n'offre à l'œil rien d'agréable; toutes à cinq ou six étages, malpropres et dénuées d'ornements, elles empêchent le soleil de pénétrer dans les rues et contribuent à les rendre obscures et fangeuses.

Sur ce point Londres l'emporte de beaucoup sur Paris. On est ébloui lors de sa première entrée: les maisons quoique simples y sont propres et plaisent par cette même simplicité; les rues sont larges, droites, bien illuminées et ayant des deux côtés des trottoirs aussi beaux que commodes. Mais si la première de ces capitales frappe au premier aspect, la seconde en revanche gagne d'autant plus à être connue. Quand on en dissèque les parties, tous les jours on y découvre des beautés nouvelles, et dans tous les genres on a de quoi se satisfaire.

Abusant déjà de vos bontés, Monseigneur, par la longueur de cette relation, je réserve à un autre ordinaire les légères observations que j'ai pu faire sur le caractère et les mœurs des Français.

1079. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. августа 14. Петербургъ.

Надѣюсь, вы уже получили мое послѣднее письмо, изъ котораго свѣдали, что дядя Никита Ивановичъ очень доволенъ вашимъ къ нему повиновеніемъ, чему я сердечно радуюсь, не сумнѣваяся, чтобы вы, мой любезный другъ, чистосердечно въ этомъ ему открылисв. Но сколько однимъ былъ доволенъ—видѣть, что вы жадность къ возвращенію въ отечество отмѣнили, не меньше оскорбился вашимъ малодушіемъ касательно до гардеробы, которая если не отправлена,—сдѣлано очень хорошо. Касательно же до рубашекъ, я бы для васъ ничего не пожалѣла, но, къ несчастью, первое ваше о нихъ ко мнѣ письмо попалось прежде матушкѣ въ руки, которая безъ всякаго умысла объ этомъ ему сказала, что̀ онъ запретилъ дѣлать, считая, что̀ въ самомъ дѣлѣ правда, вамъ гораздо способнѣе, ѣдучи назадъ чрезъ Голландію, тамъ себя этимъ снабдить: въ разсужденіи полотенъ гораздо лучше ихъ найдете. Итакъ, мой другъ, пожалуй, на меня не огорчайтесь: знаете сами, что я ни въ чемъ никому не смѣю противорѣчить. Да и то правда, если въ этомъ будетъ вамъ нужда, по вашемъ возвращеніи, очень скоро можно будетъ ихъ шить.

Въ будущемъ мѣсяцѣ сюда ожидаютъ г. Сальдерна; итакъ, мы должны изъ его дома выѣхать. По сихъ поръ помѣсячно не найдемъ дома нанять; итакъ, не знаю, гдѣ будемъ жить. Старались, какъ можно, отсюдова осенью ѣхать, однако до перваго пути не пускаютъ, чѣмъ, могу сказать, я прямо недовольна. Признаюсь, что къ здѣшней скучной жизни никакъ привыкнуть не могу, ничего столько не желаю,—чтобы скорѣе домой возвратиться.

1080. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. августа 15. Петербургъ.

Mon attachement pour vous, mon Prince, m'aurait porté à trouver peut-être des moyens, tout difficiles qu'ils sont, de sauver vos habits brodés que vous envoyez ici. Mais la lettre de Son Excellence le comte Nikita Ivanovitch à M. de Saldern vous fera voir qu'il me sera presque impossible de m'employer en faveur de vos habits. Votre cher oncle est très indisposé contre vous de ce que vous montrez tant d'impatience d'entrer en fonction de votre charge, et que toutes vos lettres, tant à lui qu'aux autres parents, en parlent. Pardonnez, mon Prince, que je vous avoue que vous n'avez pas agi dans ce cas-là avec assez de circonspection. Les conseils de Son Excellence, tout sérieux qu'ils sont, proviennent d'une tendre affection pour vous.

L'Impératrice a nommé il y a quelques semaines cinq gentilshommes de chambre, savoir: les deux comtes Roumiantsev, MM. Spiridov, Valouïev et Vassiltchikov, officier de la garde à cheval. M. le baron de Stackelberg part demain pour Varsovie pour y relever Son Excellence M. de Saldern, mais dans le caractère de ministre plénipotentiaire. M. le conseiller d'Etat de Simoline, ministre à Ratisbonne, est nommé ministre plénipotentaire pour Copenhague à la place de M. de Philosophov qui a le malheur d'être mélancolique dans le plus grand degré et qui insiste sur l'idée de partir pour Jérusalem y faire sa dévotion.

Sa Majesté Impériale quittera demain Péterhof, et Monseigneur le Grand-Duc après-demain, pour se rendre à Tzarskoé-Sélo où Sa Majesté et Son Altesse passeront peut-être tout ce mois-ci. On dit que le Grand-Duc après son retour en ville aura des gentilshommes de la chambre de Sa Majesté pour son service. Другого двора особливаго, какъ слышно, не будетъ, а о свадьбѣ совсѣмъ не слышно.

1081. Княгиня Наталія Александровна Репнина—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. августа 17. Петербургъ.

Правда, что я должна отвѣтомъ на два твои письма, дорогой князь Александръ Борисовичъ; не думай, чтобы лѣность моя тому была причиною, а мои собственныя хлопоты или, лучше сказать, неудовольствія отъ сего отвели. Я признаюся тебѣ, что твое первое письмо меня раздразнило, и я ничего по твоей просьбѣ Никитѣ Ивановичу не говорила. Однакоже, какъ говорится, ты не пронялся, и самъ къ нему отозвался точно съ тою же просьбою, и думаю,—отвѣтъ получилъ неутѣшительный.

Позволь себѣ сказать: кажется, ты предвидѣть могъ, что твоему покровителю будетъ твоя просьба непріятна, знавши его образъ мыслей. И для чего не повиноваться его волѣ? Если-бъ онъ считалъ за нужное тебѣ здѣсь быть, то бы, конечно, не дождавшися твоей просьбы, самъ привезъ тебя сюда. Повѣрь мнѣ: время не ушло, будешь еще дежурить довольно, и много здѣсь твоихъ товарищей, которые желали бы быть на твоемъ мѣстѣ, да не всѣ имѣютъ Никиту Ивановича, или, лучше сказать, никто! А потеряннаго времени возвратить неможно будетъ никогда.

На меня всегда считать можешь: я тебѣ, конечно, искренній другъ, желаю тебя видѣть счастливаго, а во-первыхъ, достойнаго, однимъ словомъ, желаю въ тебѣ найти отца твоего. Думаю, что лучше пожелать тебѣ не могу, и оттого, что тебя люблю, правду тебѣ и сказываю.

О себѣ скажу тебѣ, мой другъ, что я очень нездорова: съ начала самаго лѣта имѣю лихорадку и до сихъ поръ не могу избавиться. Съ другой стороны, князь Николай Васильевичъ все неможетъ: топерича у водъ шпаскихъ. Матушка осталась здѣсь до перваго пути, а тамъ ѣдетъ въ Москву. Братья твои всѣ здоровы; князь Степанъ въ Варшавѣ, Алеша учится хорошо и имѣетъ достойнаго гофмейстера, который имъ

доволенъ. Мои дѣти всѣ тебѣ кланяются; Полякъ добрѣетъ очень, подумай, что уже онъ верхомъ ѣздитъ изрядно; я его представляла великому князю, и они очень другъ другу полюбились.

1082. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину.

1772 г. августа 20. Парижъ.

Je me trouve obligé de vous exposer aujourd'hui l'état de ma bourse. M. de Saldern a reçu en deux reprises 22493 florins, et en ayant rabattu 888 qui lui étaient dus pour mon séjour de Leyde, il en est resté 21605. De ceux-ci 16 mille ont été d'abord destinés aux frais du voyage, et les autres 5605 florins pour ma propre personne; j'en ai employé 4191 aux petites emplettes relatives à mon habillement. J'ai eu besoin pour mon argent de poche, depuis le premier octobre, jour de notre départ de la Hollande, de 1188 florins; sous cet article est compris tout ce que j'ai dépensé pour lavage, frisure, chaussure, livres, papier, rafraîchissements et mille autres bagatelles qui s'offrent tous les jours, qu'il m'est impossible de détailler ici, mais qui sont exactement notées dans mon livre. Ces deux sommes réunies, l'une de 4191, l'autre de 1188, forment 5379 florins; ainsi vous voyez, Monseigneur, combien peu j'en ai pu conserver, et si j'ai été follement prodigue. Je doute que vous trouviez extraordinaire qu'il m'a fallu pendant une année pour mes dépenses journalières à peine 600 roubles. Daignez songer à ce que vous m'accordiez au sein de ma famille.

Le séjour, que je dois encore faire par vos ordres dans les pays étrangers, vous est mieux connu qu'à moi. J'ai à voyager près d'un an, et les 226 florins ou 113 roubles qui me restent pour mes petites dépenses, comme vous le sentez parfaitement, ne pourront guère me suffire que pour quatre à cinq mois, et ce devra être avec l'observation de l'économie la plus sévère.

1083. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. сентября 3. Лейденъ.

Je suis pénétré des bontés que vous continuez toujours de me témoigner, et vous en ai une obligation infinie. Vous étant trop attaché, mon Prince, pour vous souhaiter du mal même momentané, je sens pourtant que mon amour-propre n'est pas indifférent à vos moments d'ennui, pourvu qu'ils vous puissent engager, comme ils ont fait dernièrement, de m'écrire. Vous m'avez tracé l'intérieur de votre cœur, agréez, mon Prince, que pour un retour de sincérité je vous ouvre le mien. Ne me croyez pas assez pédant ou assez vieux que d'être insensible aux plaisirs du monde. Votre naissance et votre destination vous engageraient à les aller connaître, même si le printemps de votre âge ne vous y portait point.

Paris est le séjour des plaisirs, dont le grand monde est ébloui. Voilà ce qu'on y appelle vivre. Voilà la source de la subsistance d'une infinité de gens, qui autrement se trouveraient dans un état déplorable et qui, pour leur propre intérêt, ne font qu'entretenir et varier leur goût pour les amusements. Le sexe qui a autant d'esprit que de vivacité cherche à plaire; ne fût-ce que par ambition, l'homme se fait un point d'honneur de lui plaire; la nature, ranimée par des charmes la plupart plus artificiels que naturels, se mêle du jeu, et on croit pendant quelques années vivre dans le paradis terrestre. Tout cela contribue beaucoup à inspirer à plusieurs voyageurs un dégoût pour leur patrie; étant de retour, la moindre difformité dans les mœurs, qui leur paraissent les uniques modèles d'une vie agréable, les ennuie, et la demeure dans le sein de leurs concitoyens leur paraît une espèce de prison.

Voici, mon Prince, les suites, quand on s'attache trop aux amusements de la capitale du monde, qui est sûrement la capitale du règne des plaisirs. Je vois ces suites plus souvent que je ne voudrais. Jugez vous-même, mon Prince, si un attachement

si fort vous puisse convenir. Appelé par votre nom et par l'attente qu'on a de vous de ne rester jamais dans une médiocrité obscure, votre carrière sera glorieuse, si vous jouissez du monde sans succomber aux gênes des plaisirs. En dix ans la plupart vous paraîtront fades; en les cherchant trop dans cet intervalle, vous manquerez d'autres sources d'un agrément solide et grand, qui vous sera un contentement infini et rendra votre nom respectable aux gens qui pensent. Il vous arrive peut-être, mon Prince, de souhaiter et d'être empêché de jouir, et cet état de dépendance vous fera quelquefois gémir. Mais, mon Prince, vous êtes dans un pays, dont le maître a déclaré très souvent qu'il était quelquefois dans une impuissance heureuse de faire ce qu'il voulait. La considération de l'avenir, et même d'un avenir heureux, sera toujours un antidote fort et suffisant contre ces moments de dépit.

Vous dites, mon Prince, que la gloire n'était qu'une fumée. Je l'avoue, si on l'envisage d'un seul côté. Mais, mon Prince, l'homme est un animal d'habitude. Qu'est-ce qui nous empêche d'avoir le cœur aussi sensible à l'approbation des gens qui nous estiment, qu'aux œillades d'une belle femme? Celles-ci ne font qu'un plaisir passager et momentané, celle-là fait un agrément durable et est un aiguillon très fort de faire beaucoup de bien. Vous avez un mentor éclairé qui vous aime. Une année passera comme autant de jours, et alors vous recueillerez les fruits d'avoir suivi ses conseils.

1084. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Петру Ивановичу Панину.

1772 г. сентября 7. Парижъ.

Милостивый государь дѣдушка. При отъѣздѣ моемъ изъ сей сколь славной, столь же и великолѣпной столицы, не хотѣлъ первѣйшаго упустить случая, не возобновивъ вамъ всѣ сердечныя мои и навѣкъ непоколебимо сохраняющіяся любви и благодарности поползновенія. По первымъ нашимъ предпріятіямъ

николи бы здѣсь столь долго не остались, но побудило насъ къ тому единственное ежедневныхъ отъ плоскихъ глистъ Николая Петровича происходящихъ припадковъ попеченіе. О началѣ, приращеніи и теперешнемъ его, хотя мало опасной, но пребезпокойнѣйшей болѣзни положеніи несомнѣнно уже извѣщены. Надобно признаться, что прямое въ его лѣтахъ несчастіе съ толикимъ страдать упорствомъ, а особливо ничѣмъ онаго не заслужа. По расположенію нашего естества, внутреннія наши чувства необузданно надъ всею владычествуютъ внѣшностью: испытаннѣйшій мудрецъ тщетно въ подобномъ случаѣ собою преодолѣвать старается, а больной человѣкъ, до сей твердости духа еще не достигшій, неоспоримо ничего съ участіемъ вкушать и къ какимъ бы то ни было предметамъ примѣчаніе свое обращать не можетъ.

Теперь отправляемся прямо въ Швейцарію, уваженіемъ наступающей осенней слякоти и должнаго любопытства сію добродѣтельною своихъ обитателей суровостью и странными своими мѣстоположеніями достопамятную узнать землю. Оттуда воротимся въ южныя сего государства провинціи, общимъ признаніемъ, прелестнѣйшими натуры дарами украшенныя. Способнѣйшее къ познанію оныхъ время будетъ мѣсяца черезъ два: лѣтомъ жестокими обезпокоены жарами, а когда другія страны всѣхъ своихъ зимними строгостями лишаются украсъ, тогда представляютъ еще оныя всѣ весеннія пріятности. Изъ оныхъ обратимъ нашъ путь чрезъ нѣкоторые знаменитѣйшіе нѣмецкіе дворы къ Вѣнѣ, гдѣ пробывъ нѣсколько и не останавливаясь болѣе, со всевозможною поспѣшностью нашу любезную и мною столь давно втунѣ желаемую достигнуть отчизну стараться будемъ. По нашему счету, какъ и по послѣднему отъ посла изъ Варшавы полученному письму, всѣ наши путешествія къ послѣднимъ будущаго іюня мѣсяца числамъ въ окончаніе приведены быть должны. Вспомните, милостивый государь, всегдашнія мои желанія, взойдите въ радостный мой восторгъ: чрезъ годъ осчастливлюся васъ видѣть, облобызать и о всемъ внутренно чув-

ствуемомъ самолично удостовѣрить; однимъ словомъ, я на верхѣ своего буду благоденствія.

Чувствительность моя сердечная, не знавъ большаго мученія непрерывныхъ моихъ о здоровьѣ драгоцѣнно любимаго друга и пріятеля безпокойствъ, безъ малѣйшаго, признаюся, вижу соболѣзнованія, что предпринимающееся наше по полученнымъ дальнимъ приказаніямъ Италію объѣздить совсѣмъ исчезло намѣреніе. Сіе отечество всѣхъ цвѣтущихъ художествъ, думаю, болѣе или, лучше сказать, надъ нашимъ только въ разборѣ оныхъ дѣйствуетъ вкусомъ, а не надъ сердцемъ или разумомъ. Въ ономъ, по общему мнѣнію, о пріобрѣтеніи себѣ полезныхъ совершенностей старающійся мало къ своему найдетъ наученію, а, напротивъ того, любопытный весьма много къ насыщенію первенствующей страсти своей. И заключить осмѣливаюся, что Италія, своими многочисленными достопамятствами вниманіе и похвалы всѣхъ равномѣрно заслуживая, не инако видима быть должна, какъ отдохновеніемъ послѣ тяжкихъ трудовъ въ зрѣлыя уже лѣта, когда человѣкъ своими глядѣть глазами привыкъ, собственными себя вести правилами и собственными же, а не чужими, разсуждать мыслями.

Позвольте, милостивый государь, васъ о дѣлаемыхъ мною [наблюденіяхъ] о политическомъ государствъ положеніи, о промышленничествѣ, о способностяхъ, о нравахъ и обычаяхъ народовъ въ отсутствіи не увѣдомлять. Предоставляю себѣ, по своемъ возвращеніи, съ нужною оное учинить обширностью.

1085. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. сентября 7. Парижъ.

Jamais je n'ai commencé de lettre avec plus de timidité. Je dois rendre compte à Votre Altesse Impériale des petites observations, que j'ai pu faire sur le caractère et les mœurs des Français. Daignez les lire avec indulgence et les recevoir avec bonté. J'avoue que l'entreprise est au-dessus de mes forces, mais je n'aspire pas à la palme d'écrivain, je ne prétends

qu'à la seule consolation de vous convaincre de la réalité de mon attachement. Voyez en moi le sujet fidèle, soumis, respectueux, mais surtout distinguez l'âme tendre qui vous a consacré toute sa sensibilité.

La France d'un aveu unanime est un pays délicieux. Sa situation est avantageuse, le ciel y est beau et le sol fertile. Les provinces méridionales offrent le spectacle d'un printemps continuel, et dans celles qui sont situées vers le nord on méconnaît les rigueurs de l'hiver. Cette température influe également et sur les productions de la terre, et sur le caractère national. Les fruits les plus délicieux, les moissons les plus riches semblent promettre au cultivateur l'abondance et toutes ses suites précieuses. Comblé des bienfaits de la nature, il devrait effectivement en jouir, si moins accablé d'impôts et de vexations il pouvait se flatter de ne pas être troublé dans les droits de propriété et dans le produit de ses propres travaux.

L'agriculture languit dans une espèce d'enfance. Tous ceux qui ont été préposés jusqu'ici à l'administration publique n'en ont point encore fait un objet digne de toute leur attention. Colbert, ce grand ministre, fit la même faute; il la négligea, donnant tous ses soins à faire prospérer les manufactures, les fabriques qu'il multiplia dans les principales villes du royaume. Il augmenta dans sa patrie le luxe, il donna à ses compatriotes le goût de la dépense et leur fit connaître de nouveaux besoins, sans songer à perpétuer les moyens d'y satisfaire. Au lieu d'extirper jusque dans ses racines la tige du mal que les disgrâces précédentes avaient laissé à la France, il se contenta d'en pallier les sinistres effets et par son zèle à veiller aux arts mécaniques il perdit de vue l'art nutricier, le plus intéressant de tous, celui qui est le plus ignoré, le moins protégé, et cependant le véritable germe de la félicité des peuples. Colbert, échauffé par un génie aussi vaste qu'actif, le tourna malheureusement vers des objets dont le succès plus prompt et plus brillant aurait dû former la fin plutôt, et non le commencement de ses opérations.

Ceux qui lui succédèrent, loin de corriger des abus que peut-être il n'avait point touchés de dessein prémédité, saisis d'une admiration aveugle pour la supériorité des talents de leur prédécesseur, ne créèrent point, mais se traînèrent servilement dans la route qu'il avait tracée. Il faut dire à l'excuse des uns et des autres que les calamités continuelles du temps ont pu être des entraves à l'exécution de leurs desseins salutaires. Présidant aux finances et obligés souvent de fournir au roi des sommes qui excédaient ses revenus ordinaires, ils devaient naturellement se complaire à inventer des sources toujours renaissantes et propres à les tirer d'embarras; l'avantage du moment leur faisait illusion sur l'avenir. Mais si c'est un mal qui existe, il n'est pas irréparable: que la France goûte quelques années les douceurs de la paix, que le gouvernement porte ses regards sur cette partie jusqu'à présent abandonnée au jeu du seul hasard, alors on verra disparaître subitement ces ravages funestes, opérés par différentes causes. La misère fera place à l'opulence, et les plaintes et les gémissements des sujets seront changés en chants d'allégresse. Les libéralités de la terre y concourraient de leur côté bien plus encore que l'encouragement des dépositaires de la volonté du prince.

Certains calculateurs prétendent que la France pourrait nourrir de son propre blé près de 43 millions d'habitants, et elle n'en a actuellement qu'entre dix-sept et dix-huit. De ce superflu il lui serait aisé d'entamer avec ses voisins un commerce jusqu'ici inconnu et qui lui produirait une source féconde de richesses. Plus d'une raison contribue à cette inertie présente où se trouve l'agriculture. Tant de campagnes fertiles restent en friche parce que les préjugés ne leur arrachent que trop de bras utiles. L'aiguillon de la guerre, qui agit si puissamment dans le cœur des Français, en engage une quantité à abandonner l'héritage de leurs pères pour courir après un fantôme de gloire. Ces établissements, qu'inventa le luxe et que soutient l'industrie, en enlèvent autant. Il faut y ajouter aussi le grand nombre de ceux qui, dominés par l'indigne attrait d'une lâche

oisiveté, préfèrent de végéter dans les murs d'un cloître, ou bien de devenir les fléaux des bonnes mœurs, en circulant dans les villes, esclaves odieux des plaisirs et des fantaisies des gens opulents. Un caprice impardonnable de l'usage, qui proprement n'est qu'un écart de l'esprit, fait considérer ici cette portion des citoyens, la plus utile et la plus nombreuse, comme la plus vile et la plus abjecte. Une espèce d'avilissement est attachée au métier de laboureur; et qui ne conviendra point que l'opinion, que nous savons que les autres ont de nous, influe prodigieusement sur la nature de nos actions? Tous les hommes ne sont point nés philosophes, ils le deviennent par l'étude. Comment donc prétendre que ceux, qui par leur état même sont et doivent être les plus ignorants, soient les moins soumis à l'empire despotique de notre amour-propre?

Le commerce forme une branche principale des richesses de la France. Non seulement toute l'Europe, mais aussi plusieurs des peuples les plus éloignés sont tributaires de ses excellentes productions, aussi bien que de l'industrie ingénieuse de ses habitants. Cependant il devrait être infiniment plus étendu, si la marine se trouvait sur un pied assez respectable pour protéger le commerçant. Le pays gagnerait au double, si les Français trafiquaient partout par eux-mêmes; actuellement ils délivrent leurs marchandises aux Hollandais, qui, la transportant plus loin, recueillent aussi le premier gain. Le caractère national, si j'ose le dire, est encore un obstacle à une extension trop progressive du commerce. Vifs, pétulants, impatients, ils languissent déjà après l'instant où ils peuvent jouir de la récompense de leurs peines. Un gain sûr, rapide et quoique peu important les tente beaucoup plus que la fortune la plus considérable, aperçue dans le lointain et dans les tourments de l'incertitude. Avec un esprit plus subtil, mais moins fait aux spéculations profondes et peut-être moins constant dans les adversités, ils ne peuvent jamais marcher d'égal sur ce point avec nos deux nations maritimes. Il est d'ailleurs de l'intérêt de celles-ci de

les contenir toujours dans une espèce de dépendance, qui ne leur permette point de hasarder un trop grand essor.

Ce sont les gros négociants qui doivent porter le commerce d'un Etat à un degré florissant; il faut qu'ils sachent préparer les évènements et les diriger, pour en assurer le succès. Une âme élevée leur est tout aussi nécessaire qu'un grand esprit de combinaison. Sans se roidir imprudemment contre les circonstances, ils sont obligés souvent d'abandonner à la fragilité de la fortune et à la fureur des flots tous les biens qu'ils possèdent; une réussite fortunée couronne bientôt ces tentatives courageuses. Si le Français ne se sert point des mêmes moyens, ce n'est pas par indifférence pour les dons de Plutus, peut-être la soif de l'or agit-elle aussi fortement sur son âme; mais il ne peut jouir de tous les avantages inestimables qui découlent de cette précieuse liberté, que font éclore le gouvernement républicain des Provinces-Unies et la constitution excellente de celui de la Grande-Bretagne.

En France il y a peu de négociants, et beaucoup de marchands. Chacun se borne à pouvoir maîtriser son petit commerce selon les changements éphémères, qui arrivent et dans le système politique et dans la mode. Les abus en sont très faciles à corriger. Il s'agit seulement de tourner plus vers le grand des vues, qui jusqu'ici ne s'étendent guère au-delà des limites étroites de leur patrie.

La marine, qui doit son existence au génie transcendant du cardinal de Richelieu, commence actuellement à se relever de cet état de dépérissement où l'avait plongé le trop paisible Fleury. Les Anglais lui portèrent les derniers coups dans la dernière guerre. A dire vrai, jamais elle n'a été si florissante qu'elle aurait pu l'être. La Cour a sans cesse à combattre le préjugé dominant et presque indélébile, que le service de mer n'est ni aussi honorable, ni aussi avantageux que celui de terre. La noblesse, dominée à sa honte par cette prévention futile, dédaigne de s'appliquer à la navigation, et par ce besoin d'officiers éclairés cette branche essentielle des forces du royaume

n'a pu que se flétrir et se dessécher. Les grandes cessions au-delà des mers, faites à l'Angleterre dans les deux mondes par la paix de Fontainebleau, doivent être regardées comme très pernicieuses au rétablissement et à la perfection de la marine. Les navigateurs, n'ayant plus la même vocation de faire d'aussi longs trajets, ne peuvent acquérir cette expérience étendue qui pour ainsi dire constitue la base de leur métier; ils sont obligés de se borner à la Méditerranée et à quelques autres excursions de peu d'importance. La nouvelle acquisition de la Corse fait espérer d'y avoir trouvé une pépinière de bons matelots. On dit les Corses familiarisés avec les ondes, ainsi que nous pourrions l'être avec nos champs. Le calcul ordinaire détermine la marine présente à 60 vaisseaux de ligne, sans comprendre les frégates et autres bâtiments armés.

Quant à l'armée, elle s'est établie graduellement jusqu'à ce que sous Louis XIV elle est parvenue à être la terreur des puissances européennes. Ce prince a commencé le premier à entretenir des troupes aussi nombreuses en temps de paix qu'en temps de guerre. Dévoré des chimères de l'ambition et soupirant après l'immortalité, il entretint ses voisins, pendant tout son règne qui fut si long, dans des angoisses continuelles. La nécessité les força d'imiter son exemple et, pour ne pas être victimes de son activité, d'établir des troupes toujours subsistantes. L'abus du temps dégénéra en coutume; à présent nous voyons l'Europe inondée de gens armés, et ce qui devrait contribuer à éteindre le feu de la guerre ne sert qu'à l'attiser avec une plus grande violence.

L'armée française redoutable par le nombre de ses troupes l'est encore infiniment plus par leur valeur personnelle. Je doute que le point d'honneur puisse être porté plus loin que parmi le soldat français: incapable de commettre une lâcheté, il ne vit, il ne respire que pour sa gloire et la défense de sa patrie. Cependant il faut avouer que ce même point d'honneur, si admirable dans ses effets, en produit d'autres aussi très désavantageux. Celui qui porte le mousquet s'émancipe jusqu'à croire

qu'il possède tout autant de pénétration que ceux qui le commandent. Quand il reçoit des ordres, il n'obéit pas aveuglément comme il le doit, mais il en raisonne et en porte des jugements souvent nuisibles à cette subordination, l'âme du service militaire. Dans les batailles, intrépide au premier choc il ne sait point vaincre la résistance de l'ennemi, et une fois subjugué par la peur, rien ne le rappelle plus à son devoir; la fuite est le seul salut qu'il cherche.

On compte actuellement 150 mille combattants effectifs, outre la milice qui au moindre signal doit se ranger sous le drapeau. Les besoins de l'Etat ont engagé d'en réformer depuis quelques années pour le moins le quart. Le duc de Choiseul a tâché durant son ministère d'y introduire la discipline, les manœuvres et même jusqu'aux minuties prussiennes. Ces innovations n'ont pu s'accomplir sans de grands murmures de la part des anciens routiniers. Sans vouloir approfondir le bien qui devait en résulter, ils n'envisageaient que l'odieux de se conformer à des usages puisés dans une source étrangère. La constance, avec laquelle on a pressé l'exécution de cette réforme si nécessaire, a non seulement prévenu, mais même étouffé tous les mécontentements qu'elle avait causés. Les maîtres de l'art prétendent que les troupes françaises sont à présent de beaucoup supérieures à ce qu'elles ont été, tant par la précision de leurs évolutions, que par la subordination qu'on commence à leur faire connaître dans toute sa rigidité. Il y en a fort peu ou presque point dans l'intérieur du royaume; elles sont distribuées en quartiers sur les frontières et particulièrement sur celles de l'Allemagne. La vie des garnisons ici n'est rien moins qu'oisive; on les tient continuellement en haleine et dans tous leurs exercices on cherche à leur retracer l'image de la guerre et à les y accoutumer.

Comme les mœurs des officiers se ressentaient des tristes suites des ravages du luxe, le duc de Choiseul, en citoyen zélé et en ministre habile, songea sérieusement à réprimer ces désordres. Il ordonna que dorénavant aucun d'eux n'osât paraître en public

qu'avec son uniforme. L'ordonnance était excellente; elle allait avoir son effet, lorsque le prévôt des marchands vint représenter au nom de la ville de Paris, que par là son plus grand débit étant interrompu, elle ne pourrait plus continuer à payer au roi les mêmes impôts. Ces remontrances firent impression, et on oublia le grand but de ne vouloir confier la défense de l'Etat qu'à des gens aguerris, ennemis de la mollesse, et non à des sibarites. La mode a tellement su captiver les penchants frivoles de la nation par son pouvoir tyrannique, qu'elle ne trouve ni des indociles, ni des rebelles. Dans les villes, surtout dans la capitale, personne n'ose se faire voir avec décence, que sous l'habit d'un homme du monde; ce n'est que dans les garnisons qu'un militaire n'a point à rougir de son état honoré partout autant qu'il est honorable. Aucune armée ne possède plus de généraux, mais ils ne font point de grand vide dans le trésor royal; peu d'entre eux reçoivent des appointements, ce n'est que quand ils sont en exercice qu'ils en obtiennent de fixes.

Un autre mérite que M. de Choiseul s'est acquis envers cette partie de son ancienne administration, c'est d'avoir anéanti les prérogatives que donnaïent jadis l'ancienneté à l'avancement. A présent on ne suit plus l'ordre du tableau, c'est le seul mérite qui en décide; l'émulation en est devenue plus forte, les recommandations plus circonspectes et les récompenses plus éclatantes. Il reste encore un abus considérable à déraciner: c'est la vénalité des régiments, qui quelquefois s'étend aux simples compagnies. Le malheur des temps a engendré cette coutume pernicieuse; souvent on voit une jeunesse ignorante, inexpérimentée et n'ayant de mérite plus solide qu'une bourse bien garnie, usurper sur le talent des dignités qui en constituent le seul et unique prix.

Le marquis de Monteynard, nouveau ministre de la guerre, vient d'établir parmi les soldats une distinction très louable et qui sera d'une utilité évidente au service du roi. Anciennement ils avaient beau prodiguer leur sang pour leur patrie et se sacrifier toute leur vie à sa défense, ils restaient confondus dans la foule. On a inventé un moyen de leur témoigner la

reconnaissance du souverain, en intéressant leur gloire personnelle. Les marques distinctives qu'on leur accorde sont relatives à leur ancienneté dans le service, et on les leur confère avec toute cette pompe et tout cet éclat extérieur qui en relèvent encore le prix.

La noblesse en France est très nombreuse. C'est un corps respectable aussi bien par son antiquité que par les vertus et la célébrité qui caractérisent les aïeux de plusieurs familles. On distingue la noblesse d'épée de celle de robe. Quoique toutes deux également illustres, la dernière ne se consacre qu'aux fonctions de la magistrature et n'aspire à rien de plus, tandis que la première accumule sur sa tête tous les honneurs, toutes les dignités qui peuvent allumer l'ambition. Parmi la robe, les familles se soutiennent avec un éclat moins interrompu; les gros biens qu'elles sont censées posséder, l'ordre et l'arrangement de leurs affaires contribuent à les préserver de leur ruine.

Le titre de duc et pair est le seul de tous ceux qui décorent la noblesse d'épée, qui aille à conséquence. Celui qui en est revêtu a par là-même droit de séance au Parlement, réputé Chambre des Pairs; il jouit de toutes les distinctions qui s'accordent à la Cour, et si le cas arrivait que les Etats-généraux fussent assemblés, il est un des représentants nés de la nation. Le roi confère encore les dignités de duc héréditaire et de duc à brevet, mais ce sont des titres qui ne donnent des prérogatives qu'à la Cour du souverain, et non devant la nation assemblée.

Les noms de comte et de marquis sont quelquefois attachés à des terres, le plus souvent cependant ils sont assez arbitraires. On voit nombre de financiers, qui au moyen de leur argent s'acquièrent les dépouilles des plus grandes maisons, mais ces hommes nouveaux n'en sont pas plus estimés; on sait distinguer leur prix intrinsèque à travers ce faux-brillant, dont ils cherchent à éblouir. Les dettes qui accablent les seigneurs français et leurs affaires si souvent délabrées les engagent à être moins

scrupuleux sur leurs alliances, qu'on l'est d'ordinaire dans d'autres pays; le seul intérêt les guide, tout parti leur est convenable, pourvu qu'il remplisse le vide creusé par leurs profusions et toujours ce n'est pas la personne, mais son bien qu'ils épousent. L'impardonnable légèreté, dont on traite ici les devoirs sacrés de l'hymen, est une preuve triomphante de cette corruption générale, où se trouvent actuellement les mœurs. Quel sinistre spectacle pour la partie sensée de la nation! Quel présage odieux! Les exemples des temps passés attestent que les mœurs ne se dépravent que pour un bouleversement subit de l'harmonie sociale.

On doit attribuer ces effets déplorables à la mauvaise éducation de ceux, qui par leur naissance et leurs obligations, sont destinés à servir de modèle à la multitude. Malgré tant de grands hommes qui ont épuisé leurs génies à épurer la raison de leurs concitoyens, à leur démontrer l'utile influence des sciences sur tous les évènements de notre vie, ils ne sont parvenus qu'à leur donner un vernis des vertus, qui n'a servi qu'à tempérer la contagion dont ils étaient intérieurement infectés. On ne cherche ici qu'à donner au corps toutes les grâces, sans s'embarrasser de la culture des deux facultés essentielles de notre être. Les parents, ravis des manières aisées de leurs enfants, s'en félicitent et ne les approfondissent pas davantage. On oublie de former des hommes, on ne fait que des automates futiles, insipides, à qui l'arrogance tient lieu de mérite, la fadeur d'agréments et la présomption de savoir et de connaissances. C'est là l'illustre pépinière dont on doit tirer ces citoyens éclairés, qui doivent présider aux destins de la patrie, assister de leurs lumières le monarque, l'aider à supporter le poids du gouvernement et exécuter ses volontés. Tout ce qui arrive ne peut plus étonner, dès qu'on connaît ainsi les principaux moteurs des fastes de l'Etat.

J'ose attribuer cette funeste décadence à la vénalité des emplois et aux faveurs trop faciles de la Cour. Il suffit d'être riche pour risquer des prétentions sur les dignités les plus

éminentes. Sans mérite, sans connaissances, sans capacité, on est jugé le plus digne dès qu'on répand avec profusion ce précieux métal, qui peut amollir ces âmes assez viles et assez lâches pour en être tentées. Il y a encore des charges héréditaires par différentes conventions qui, souvent aussi honorables que lucratives, sont exercées par des jeunes gens qui à peine peuvent en connaître les fonctions, de façon que ce qui s'obtient ailleurs comme une récompense du zèle et des services rendus n'est ici que l'objet d'un indigne trafic. La rapidité, avec laquelle la jeunesse parvient à faire sa fortune, l'aveugle sur les qualités qui y sont requises. Entretenue dans cette coupable cécité par une foule de subalternes qui y trouvent leur compte, elle n'en secoue jamais le joug odieux et, réduite à voir par les yeux et à se conduire par les idées d'autrui, il lui manque jusqu'à la première teinture des affaires.

Une seconde cause principale découle des vastes prérogatives attachées à l'aînesse. Excellentes, puisqu'elles remplissent le but de leur institution qui est de maintenir la splendeur et l'opulence dans les familles, elles dérogent à l'humanité et sont absolument contraires à tous les droits naturels. Quelle injustice pour des parents, dont la première vertu doit être une âme tendre et sensible, de priver des enfants, également nés de leur sang, de leurs biens légitimes pour les donner exclusivement à un seul! Si cette préférence servait encore d'amorce aux aînés aux grandes et belles actions, elle produirait du moins un effet louable et utile; mais malheureusement elle ne les excite qu'à satisfaire tous les délires d'une imagination embrasée, qu'à fomenter toutes les séditions de leurs passions turbulentes; elle les fait incliner à tous les vices qu'engendre une fainéante mollesse, et elle les autorise à ne pas rougir du nom humiliant de citoyens aussi oiseux qu'inutiles. Les puînés, qui n'ont à envisager dans la fortune qu'une dure marâtre, ne possèdent que deux moyens pour se soustraire aux bienfaits pesamment accordés de leur aîné, c'est de se faire jour à la pointe de leur épée par une supériorité de talents, ou bien de trouver un établissement

avantageux sous les auspices de l'amour et à la face de l'autel. Une éducation négligée est ordinairement un obstacle à leurs tentatives, et celui, qui est assez heureux par sa constance et ses travaux de vaincre ces difficultés presque insurmontables, montre suffisamment que la nature plus compatissante avait déjà mis en lui le principe du grand.

L'état ecclésiastique est encore pour les puînés un asile plus doux, plus sûr, plus consolant. Avec moins de peines ils obtiennent plus de respect et de vénération, ils se rendent les arbitres pacifiques des consciences, et sur un chemin semé de fleurs ils arrivent à posséder plus de tranquillité, d'éclat et de biens. L'Eglise est une mère tendre qui leur tend ses mains bienfaisantes; elle les reçoit dans son sein, et sous sa protection imposante ils parviennent au comble des grandeurs humaines. Ils n'ont besoin ni de se faire au choc dangereux des orages fréquents de la Cour, ni de partager les fatigues et les dangers du soldat, ni de vieillir au milieu de la poussière de leurs livres, soit pour se faire un vain nom, soit pour se procurer plus de commodités et d'aisance.

Pasteurs tranquilles de troupeaux soumis, ils n'ont qu'à goûter toutes les douceurs, tous les plaisirs de cette abondance que leur assure la crédule docilité de leurs brebis. De la candeur, de la probité, une foi sans fanatisme, un zèle sans superstition et quelques lumières relatives à leur état, voilà tout ce qu'on exige d'eux. Il est vrai que la plupart, au lieu d'être scrupuleux à observer ces règles si simples et primitives par cette humilité apostolique qui devrait être la base de toutes leurs actions, s'en écartent sans pudeur et sans remords. Parés de la mitre et de la crosse, ils se croient pétris d'un limon plus pur que le reste des hommes, interprètes de la parole divine, supérieurs aux plus grands et affranchis de toute puissance temporelle. L'expérience prouve que toutes les passions en général et surtout l'ambition gravent de plus profonds sillons dans la solitude des cloîtres qu'au sein des dissipations du grand monde.

Le clergé en France est sur un très grand pied: révéré par le vulgaire, ménagé par les gens éclairés et caressé par le souverain, il sait arracher de tous ces démonstrations extérieures qui constituent la considération interne. Possesseur de très gros biens, il jouit de toutes les facultés d'être redoutable. Plus de 300 millions de rentes, lui facilitant les moyens de tout enfreindre, lui en assurent une longue impunité. L'autorité royale s'abstient de toucher à ses arrangements économiques; tout ce qui appartient au sacerdoce est réputé trop sacré pour pouvoir être en proie à la cupidité profane. La Cour se contente d'exposer de temps en temps ses besoins au clergé assemblé, et celui-ci, après quelques délibérations assez inutiles, souscrit ordinairement à ses désirs, en lui accordant un subside sous le nom de don gratuit; celui de cette année montait à 12 millions.

L'Eglise gallicane a de très grandes immunités. Elle est plus indépendante des papes que le reste de la catholicité. Elle méconnaît ses qualités infaillibles et plusieurs des points principaux de son autorité spirituelle. Dans le siècle dernier les affaires s'aigrirent au point qu'elle fut prête de rompre ce peu de liens qui existent encore, ne voulant dépendre que de ses propres synodes. Le pouvoir du pontife est tellement limité qu'aucune de ses bulles, de quelque nature qu'elle soit, n'est admissible qu'après avoir passé la censure préliminaire du Parlement. Cette louable coutume a été établie par édit du roi, pour empêcher les progrès dangereux de la puissance monacale, toujours prompte à se déborder depuis que la fameuse constitution Unigenitus jeta tant d'étincelles de discorde, qui bientôt et sans la vigilance particulière du ministère auraient embrasé tout l'Etat. On traite avec la cour de Rome conformément au concordat, conclu entre Léon X et François Ier, qui se donnèrent mutuellement ce qui ne leur appartenait pas. Le roi a le droit de nomination à tous les évêchés et à tous les bénéfices; le pape confirme simplement et sans contester les sujets nommés.

Il est connu que la France est un royaume monarchique. Depuis l'extinction des anciens fiefs, son gouvernement a souvent changé de face. En le suivant graduellement, on remarque de la part de la Cour un système presque toujours suivi de s'approprier le pouvoir absolu. Louis XI commença à y aspirer avec moins de retenue que ses prédécesseurs et en fraya une route nouvelle. Richelieu, grand homme d'Etat, mais cruel, fit respecter les volontés de son maître, le glaive à la main et en rougissant les échafauds du sang des sujets trop ardents à défendre leur cause. Louis XIV sut se faire obéir en se faisant admirer, et les révolutions arrivées de nos jours sont trop récentes pour qu'il me soit nécessaire d'en retracer ici la marche et les motifs. Quoique toute la forme du gouvernement réside principalement en l'unique personne du roi, elle ne laisse pas d'être très compliquée à l'égard de ses différentes cours souveraines; pour y voir clair, il faut avoir fait une étude particulière de la science du barreau.

Les parlements sont les premiers tribunaux de la nation et les plus augustes par l'annihilation des Etats-généraux. Ils jugent toutes les causes civiles et criminelles. Organes des lois, ils prétendent être la puissance intermédiaire entre le trône et les sujets. C'est dans leurs seins que les monarques déposent leurs intentions. Exécuteurs des ordres du prince, ils sont en même temps les représentants et les avocats du peuple. A celui-ci ils publient sa destinée; au roi ils exposent sa situation, ses calamités, ses ressources. Ne se contentant point de porter de vaines paroles, ils prétendirent, en cas que leurs remontrances restassent sans effets, n'être point obligés de souscrire à des ordres destructeurs, et ce fut par ce principe qu'ils refusèrent en dernier lieu l'enregistrement du fameux édit qui a préparé leur chute.

La dernière réforme vient d'éteindre la vénalité des emplois civils, inventée par le cardinal Duprat, chancelier de François Ier, et tolérée depuis par la nécessité des temps. Envisagée sous cette seule face, elle est sans contredit une des excellentes

opérations du siècle. A présent le roi donne des appointements à tous les présidents, conseillers et autres membres de ses parlements: la stabilité de leurs charges ne relève uniquement que de son bon plaisir. Le remboursement des anciens, auquel la Cour s'est engagée, monte à des sommes très considérables. Si le choix de ces magistrats se faisait toujours avec discernement, le citoyen aurait sans doute tout lieu d'y applaudir, voyant son sort préférablement confié à la vertu éclairée.

Le chancelier, chef de la magistrature, est le premier du royaume après les princes du sang. Il ne peut être pris que de la robe, et par là même il est privé de l'honneur de manger avec le roi et d'aller dans ses carrosses. L'étiquette est assez singulière, que l'homme de confiance du souverain, celui entre les mains de qui il remet ses intérêts les plus chers, sa propre gloire et le bonheur de son peuple, partage ses peines, ses soucis, ses travaux et non les agréments de sa vie privée.

Les intérêts politiques du Royaume, ses relations avec les autres potentats de l'Europe, les opérations de finance, les arrangements de la police générale, la réforme des abus et les dispositions militaires se discutent et se décident dans les différents conseils, où préside le roi en personne, assisté de quelques-uns de sa cour, auxquels il a cru reconnaître le plus de capacité, et de ses quatre principaux secrétaires d'Etat, dont chacun régit son département particulier.

Ceux-ci, interceptant les rayons qui émanent du trône, sont les conservateurs de toutes ses prérogatives et de toute son autorité. Ils distribuent les grâces et les châtiments, ou plutôt ils font le bien et le mal. Pilotes réels du vaisseau public, ce sont eux qui en dirigent tous les mouvements. Leur pouvoir est excessif: le roi, par des motifs qu'il ne m'est ni permis, ni séant d'approfondir, leur abandonne la plénitude de sa puissance; rarement il examine leur conduite et il approuve tout ce qu'ils lui représentent. Si, également habiles, également pénétrés de zèle, ils se donnaient la main pour travailler conjointement au salut de la patrie, quel bien immense en

résulterait incontinent! Mais au milieu de leurs grandeurs ils développent toutes les faiblesses de l'homme, leur élévation laisse mieux apercevoir leur petitesse, et l'intérêt personnel leur fait oublier leurs devoirs et le bien général.

L'état actuel des finances offre un tableau trop déplorable, trop vif, pour que mon faible pinceau puisse y ajouter quelque expression. Les dépenses sont exorbitantes et excèdent de beaucoup la recette. Les menus plaisirs du roi, sa chasse, l'entretien de sa maison et de celle de ses enfants sont autant de gouffres qui engloutissent les deniers du trésor public et servent à la rapacité d'une multitude de subalternes. Les sommes, que prodigue la France pour conserver sa prétendue influence dans les affaires de l'Europe, et la dissipation des ministres pour l'exécution de projets, souvent mal conçus et encore plus mal dirigés, forment aussi un très grand objet ravi à la circulation intérieure. Outre les dépenses nécessaires, qui absorbent déjà les revenus de l'Etat qu'on fait monter à 300 millions, il y en a quantité de superflues. Les supprimer devrait être le premier commencement pour travailler au rétablissement de cette partie délabrée et cependant si importante de l'administration, mais aucun contrôleur général n'ose le tenter: montrer des sentiments patriotiques, ce serait provoquer sa disgrâce. La volonté du maître est que les besoins de sa personne soient satisfaits avant tout et lui parler d'y faire quelques retranchements ne servirait qu'à l'irriter sans succès et sans fruit. Ordinairement on choisit pour mettre à la tête des finances des gens accoutumés à plier et incapables de s'opposer avec fermeté à des arrangements, quoique désapprouvés par leur propre conscience. Le feu primitif de leur zèle évanoui, ils ne songent qu'à se maintenir, en inventant tous les jours de nouveaux moyens qui tournent toujours au détriment du citoyen, victime souffrante de l'inconduite des uns et des autres.

Les plus grandes sangsues du peuple sont les fermiers généraux. La régie de toutes les richesses de l'Etat leur a été abandonnée. On les a établis pour suppléer aux nécessités

urgentes. Lorsqu'on manque d'argent, c'est dans leurs coffres qu'on va librement puiser à titre d'avances pour les années à venir. On m'a assuré que le Roi avait déjà dissipé ses revenus jusqu'en 1785. Mais si ces messieurs sont complaisants à ce point envers le souverain, ils s'indemnisent avec d'autant plus de facilité dans le reste. Exacteurs impitoyables du public, ils insultent à ses misères par le faste insolent et le sot orgueil qu'ils étalent. Les commis, destinés à percevoir les revenus royaux, s'acquittent de leurs ordres avec des cœurs de roche; l'infortuné habitant de la campagne, n'ayant que des larmes à leur donner, a le plus à gémir de leur inhumanité.

Cependant il dépend du roi de se rendre par un mot plus riche de moitié. Plusieurs provinces se sont offertes à payer à la Couronne le double de leurs taxes, pourvu que la Cour, cessant de s'en mêler, leur permît de les lever elles-mêmes. Le premier aspect de cette offre est séduisant; néanmoins elle fut rejetée du ministère: l'idée de tolérer des assemblées provinciales le révolta. On préféra de faire obéir aveuglément les Français aux ordres absolus de leur maître, sans leur permettre de se flatter un seul instant qu'ils jouissent des privilèges des nations libres. On craignit les conséquences de ces assemblées qui ont leurs grands avantages et qui peuvent avoir de plus grands abus.

Il me reste à dire un mot sur le caractère national. A beaucoup de pétillant dans l'esprit le Français joint peu de solidité. Mais cette légèreté ne l'empêche point de porter son application sur les sciences les plus abstraites, de les perfectionner en plusieurs points essentiels et d'être récompensé de ces travaux par des fruits aussi glorieux à lui-même qu'utiles à la société. La France a produit de grands hommes en tous les genres; leurs noms célèbres servent toujours de modèle aux talents naissants.

Les arts et les sciences languissaient en France dans la même inertie que dans le reste de l'Europe. Le règne de François Ier leur fut une époque favorable. Ce prince osa

rassembler les débris de la Grèce dispersés dans l'Italie. Sa postérité, en proie à toutes les fureurs du fanatisme, ne put favoriser leurs accroissements; Richelieu vint et fut leur second restaurateur. Louis XIV, persuadé que la plus grande félicité d'un Etat dépendait de citoyens éclairés, déploya sa magnificence à protéger et à favoriser les progrès de la raison. Animé de ces sentiments, il les fit influer sur tout ce qui l'environnait. Il est toujours du maître de se créer des sujets: Néron était un vil débauché, et Rome fut dissolue; Charles XII était soldat, et la Suède fut militaire; Louis XIV aima les talents, et la France les cultiva et fut savante. Nul règne aussi fécond en génies. Les lettres parvinrent avec rapidité à un degré étonnant de splendeur. La protection du monarque rendit la nature moins tardive, et aiguillonnée par ses bienfaits elle se hâta de faire mûrir ses dons. Ce siècle conservera encore longtemps sa supériorité; bien peu d'auteurs vivants peuvent entrer en comparaison avec ceux qui les ont précédés, et nos ornements les plus précieux ne consistent que dans les dépouilles de ces temps féconds. La nature des ouvrages actuels, moins vaste, moins intéressante n'excite qu'un mouvement momentané d'admiration. Les nourrissons des muses, se bornant à présent au cercle étroit de leurs vies, n'ambitionnent point de régner dans la mémoire de la postérité; leur modestie semble se contenter des faibles applaudissements de l'instant, où leurs productions, soumises aux circonstances et à des goûts passagers, voient la lumière. J'aurais tort de parler généralement; il y a de très grandes exceptions. Les deux Rousseau, Fontenelle, Montesquieu, Buffon ont bien mérité d'être tirés hors de la foule; et Voltaire, ce prince de la poésie, cet ami de l'humanité, cet adversaire redoutable des préjugés et de la superstition, n'a-t-il pas captivé à des titres irrévocables notre vénération et notre reconnaissance? J'ose même croire que ces deux sentiments si justes se perpétueront jusque dans l'éternité.

Les arts se trouvent à peu près dans un état égal à celui

des sciences; on a beaucoup d'artistes, plusieurs de bons, mais aucun qui s'élève au sublime.

Le Français sacrifie tout à son point d'honneur; que ce soit chimère ou réalité, c'est son idole favorite. Sa gaieté, son enjouement, sa politesse lui ont acquis ces manières libres et aisées, ce ton de société que les autres peuples s'empressent de copier, rarement dans le naturel et souvent avec gaucherie et excès. Son amour-propre, si ridicule aux yeux du sage, contribue à le rendre aimable; plus il croit plaire, plus il a de penchant à aimer. La frivolité est une de ses qualités distinctives; nuisible à la perfection de ses talents et de ses vertus, elle le préserve en même temps des crimes noirs et réfléchis; la misère est le principal écueil de sa probité. Son amour pour le sang de ses souverains est une de ses premières vertus. Adorant son roi, il supporte avec patience les plus rudes impôts, dès qu'il peut seulement se flatter qu'ils seront bien employés; s'il est persuadé du contraire, il s'en venge par un vaudeville ou par une épigramme. Le goût de la galanterie est inné en lui. La constance n'est point son partage; c'est dans le changement qu'il cherche inutilement sa félicité, et c'est en variant ses plaisirs qu'il s'efforce de les perpétuer. En général on peut dire du Français, presque sans se tromper, que ses vertus ont peu de consistance, et que ses vices n'ont point de racines.

Quant à la France, il est impossible de lui contester qu'elle ne soit la demeure du bon goût, du bel esprit, en un mot de tout ce qui doit contribuer aux agréments de notre vie. L'homme dans ses différents âges y trouve sans peine de quoi se satisfaire et de quoi s'occuper. Si quelques voyageurs ont peut-être donné dans des travers, il est injuste de l'imputer au pays: le vice germait déjà certainement dans leurs cœurs et n'attendait pour se développer que le moment de l'irruption. D'ailleurs quiconque ne peut résister à l'impulsion de ses sens, n'a pas besoin de faire le voyage de Paris pour y succomber: le moindre hameau pourra être le lieu de sa défaite.

1086. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. сентября 10. Петербургъ.

О братьяхъ вашихъ скажу, что князь Алексѣй часъ отъ часу любезнѣе сколь хорошествомъ, и прилежаніемъ къ наукамъ. О самомъ меньшомъ иного не знаю, что изъ лазарета не выходитъ,—безъ всякаго призора; и никакъ видѣть его не могу: увѣряютъ, что вся голова осыпана. О князь Степанѣ ничего больше не знаю,—только, что въ Варшавѣ; ни къ кому, по обыкновенію своему, не пишетъ. Знаю, что вы Юшу любите; о немъ себѣ очень непріятное свѣдала,—что въ Полтавѣ близъ четырехъ мѣсяцевъ лежитъ боленъ лихорадкою, что̀ меня несказанно горчитъ, зная въ тамошнемъ климатѣ эту болѣзнь не только продолжительной,—и небезопасной.

Графиня А. А. Матюшкина вамъ кланяется.

1087. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. сентября 16. Петербургъ.

J'ai présenté à Son Excellence le comte Panine la liste de vos habits, et il m'a expressément défendu de ne pas m'employer sous main en faveur de votre garde-robe. Il est fâché de vous, puisque vous ne l'avez pas consulté et demandé premièrement la permission d'arranger votre garde-robe. Après une telle déclaration de la part de Son Excellence, je ne devrais plus me mêler de rien, mais je vous suis trop attaché pour ne pas songer à tous les moyens possibles d'adoucir le courroux de votre cher oncle et de le détourner du dessein de faire confisquer votre garde-robe. Je ne sais pas si j'y réussirai, mais je vous conseille, mon Prince, de ne pas vous alarmer et de n'intéresser personne dans cette affaire. Plus vous serez tranquille, plus vous réussirez. Abandonnez le reste au temps et à mes soins que je saurai employer à propos. J'ai reçu de

M. de Saldern le connaissement, mais le vaisseau n'est pas encore arrivé.

Votre respectable grand'mère occupait la maison de M. l'ambassadeur de Saldern depuis son arrivée ici, mais comme il sera lui-même ici dans trois semaines, et que Monsieur son frère ne la laisse pas partir pour Moscou, elle a loué la maison de M. Lomonossov, près de la Moïka, à peu près vis-à-vis du comte Zachar Tchernichov. La princesse Kourakin, votre tante, mérite assurément, Monsieur, votre tendre attachement pour elle par les sentiments de bonté et d'une affection toute particulière que je lui trouve pour vous. M. Vassiltchikov, nommé gentilhomme de la chambre il n'y a que quelques semaines, est déclaré il y a deux semaines chambellan actuel et occupe à la Cour mes chambres près du théâtre, où était ci-devant la chancellerie, et à laquelle on a ajouté encore d'autres chambres.

J'étais justement malade quand on a pris mes chambres, où se trouve aussi votre bibliothèque qui, se trouvant à présent dans la chancellerie de Son Excellence, sera assurément maltraitée. J'en suis bien fâché, mais je n'y puis pas remédier. Mes papiers, qui ne trouveront pourtant pas tant d'amateurs que vos livres, sont de même dans la plus grande confusion.

Notre Cour aussi bien que celle de Vienne et de Berlin ont, par un plan concerté entre eux le plus amiablement du monde, arrondi leurs frontières en incorporant à leurs Etats respectifs quelques provinces de la Pologne. Les gouvernements, qui nous sont tombés en partage et dont le comte Zachar Grigoriévitch est nommé gouverneur général, ont déjà prêté serment.

Le comte Grégoire Orlov est de retour, puisque le congrès est rompu. Il s'arrête à Gatchina par rapport à la quarantaine, mais on dit que sa santé l'obligera de prendre les eaux ou de quitter le service.

Son Excellence votre cher oncle a été gratifié, à l'occasion du plan mentionné, de la part de l'Impératrice Reine,

de son portrait richement garni de brillants, et de la part du roi de Prusse, d'une bague avec son portrait couvert d'un beau brillant. On pourrait évaluer ces deux présents à 25 mille roubles.

Le prince Galitzine à Vienne aura le cordon de St. André. M. Lassy est arrivé ici de Stockholm dans [depuis] trois jours pour remplacer M. Herreria, et le chambellan Numsen vient d'arriver comme ministre de Danemark.

1088. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. октября 12. Петербургъ.

Son Excellence M. le comte de Panine a bien voulu lire avec attention la lettre où vous lui demandez pardon de la vanité qu'il s'est proposé de punir par la confiscation de tous vos habits. Votre résignation à ses volontés paraissait le réconcilier un peu, mais je crains que votre lettre à moi, dans laquelle vous vous informez avec impatience du sort de vos habits et s'ils seraient réellement confisqués, ne l'empêche pas. Vous auriez dû, mon Prince, tenir au moins le même langage dans votre lettre à moi. Pardonnez à ma franchise, si je vous avoue que vous avez trop dépensé pour votre habillement. Il me sera donc très difficile de vous procurer quelque argent. En ami dévoué, je ferai tout ce que je pourrai.

Je crois vous avoir déjà mandé que le comte André Rasoumovski et les lieutenants de la garde à cheval le prince Volkonski, qui a épousé la frêle [Fräulein?] Chafirov, et M. Vassiltchikov, frère du chambellan, ont été nommés gentilshommes de la chambre de Sa Majesté Impériale; que le comte Grégoire a reçu la permission de s'absenter pour une année en gardant pourtant ses postes et son appointement avec une pension annuelle de 150 mille roubles et 100 mille pour l'établissement de sa maison, six mille paysans, une vaisselle d'argent de 200 et une autre de 100 mille roubles. Il a aussi la permission de demeurer à Tzarskoé-Sélo.

Il y a quelques semaines que l'Impératrice a consenti à sa demande de faire usage du diplôme du [de] prince de [du] St. Empire Romain, dont feu l'empereur François l'a gratifié il y a huit ans.

Je ne doute pas que le prince Youssoupov n'ait pour vous, Monsieur, bien d'amitié, mais il ne s'empresse pas de vous écrire quoique j'en ressouvienne presque tous les jours. Et bientôt les occupations importantes l'en empêcheront, puisqu'il a demandé de Son Excellence la permission de travailler dans la chancellerie sous les auspices de M. von Wiesen.

Son Excellence M. de Saldern est, grâce à Dieu, de retour de Varsovie, mais il ne se porte pas trop bien, de sorte qu'il n'a été qu'une seule fois à la Cour. M. de Sacken est arrivé ici avant-hier.

Son Altesse Impériale se porte, grâce à Dieu, parfaitement bien; il conserve pour vous la même bienveillance dont il vous a toujours préférablement honoré. Son Altesse dîne à présent tous les jours chez l'Impératrice, et on ne le voit que les soirs ou plutôt au souper.

Я надѣюсь выходить денегъ, да и о платьяхъ вашихъ усердно постараюсь.

1089. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. октября 17. Парижъ.

J'eus l'honneur de marquer à Votre Altesse Impériale dans ma dernière lettre que nous étions sur le point de quitter Paris. Mais la santé chancelante et délicate du comte Chérémétev a changé le plan de nos voyages. Pour lui donner le temps de se rétablir, nous nous sommes décidés à prolonger notre séjour dans cette capitale. Peut-être, Monseigneur, serez-vous étonné qu'après la justice que je lui ai rendue, j'y reste actuellement sans goût et sans intérêt. On se lasse enfin d'être un admirateur continuel de beautés inanimées,

qu'on connaît et qu'on a approfondies de tous les côtés. Il est de l'homme d'être sociable et de vouloir vivre avec ses pareils; c'est là le seul article qu'on ne peut obtenir ici malgré les plus grands efforts. La nation s'est adopté sur ce point une façon de penser, que rien au monde ne peut lui faire abandonner.

Les spectacles, notre unique ressource, commencent aussi, si j'ose le dire, à perdre leurs premiers attraits. Ils n'offrent plus cette magie qui nous en imposa d'abord. Nos oreilles ne sont plus que faiblement touchées de la déclamation harmonieuse des acteurs; nos yeux se sont déjà familiarisés avec tous ces objets séduisants, ces machines, ces décorations merveilleuses qui ne pouvaient assez les rassasier; notre curiosité épuisée n'a plus rien qui la réveille; et quant à nos cœurs, je puis vous assurer, Monseigneur, qu'ils sont trop soumis aux absents, pour se soustraire un seul instant à un aussi doux empire, notre plus forte consolation dans l'éloignement.

Nous sommes nés avec l'instinct de la variété, et qu'est-ce qui nous inspire un plus prompt dégoût des choses les plus agréables, si ce n'est une monotonie assommante? S'il m'était permis de m'expliquer, j'avancerais que le plaisir même, quelque piquant qu'il soit, cesse de l'être, dès que goûté insipidement il ne se trouve plus dans le cas d'être désiré. Nos jours nous paraîtraient infiniment plus longs, mais grâce aux soins de notre guide qui en tout nous donne lui-même l'exemple, nous tâchons de les employer davantage à une utilité réelle et durable, qu'à un amusement futile et passager. Sans sortir de notre hôtel nous avons de l'occupation et du délassement: nos différents maîtres nous occupent, et la lecture nous délasse.

Votre Altesse Impériale sait par sa propre expérience que la littérature est un champ si vaste et si fécond, que plus on est heureux d'y faire quelques faibles progrès, et plus on se sent attiré par un charme inconnu à redoubler d'application. Il reste toujours de nouvelles terres à défricher, de nouvelles beautés à découvrir, et les fleurs qu'on y cueille sont souvent

d'un prix à nourrir notre illusion à défaut de la réalité. Je ne parle point des autres avantages qu'on en retire; ils sont aussi manifestes que connus.

Ces jours passés il m'est tombé entre les mains un petit conte de Voltaire, intitulé la Bégueule; on le dit récemment écrit. La trempe de cet écrivain inimitable s'y fait reconnaître dans tout son brillant. Tout y est à sa place, et on n'y saurait rien ajouter ni rien supprimer, sans en diminuer le mérite. Par une fiction ingénieuse et plaisante, il y a développé avec art les deux grandes maximes, que c'est un beau secret de savoir être heureux chez soi, et que quand on est bien, on ne doit jamais chercher mieux. Elles sont simples, naturelles et se trouvent gravées en nous, mais rarement on se porte de soi-même à les éplucher et à les prendre pour règles de ses actions. Ce n'est qu'à un génie comme celui de Voltaire qu'appartient le don de savoir tout embellir et de plaire dans le temps qu'il instruit. Les dispositions de mon cœur, que je ne vous ai jamais cachées, Monseigneur, peuvent attester combien j'en ai été affecté. Déjà depuis longtemps pénétré de ces vérités, j'ai été enchanté de l'autorité irrésistible qu'elles acquièrent par la façon dont elles viennent de nous être présentées. Elles m'ont plus que frappé.

Faute de nouvelles plus intéressantes, je vais me replier sur les spectacles. Le Théâtre-français est celui que nous suivons avec le plus d'empressement, comme une école excellente pour l'esprit et le cœur. On y a donné depuis quelque temps deux nouvelles tragédies; toutes deux ont été couronnées des plus grands applaudissements, et surtout la première. C'est Roméo et Juliette, pièce tirée de l'anglais et accommodée à la scène française par un certain M. Ducis qui déjà avait réformé au goût du siècle le monstrueux Hamlet de Shakespeare. A présent l'anglomanie règne en France à un degré surprenant; non seulement que les modes en général et les minuties de l'habillement sont infectées de cette contagion, mais, se transformant en enthousiasme, elle étend ses ravages jusque sur les

opérations intellectuelles. Malgré le succès étonnant de Roméo qui fut représentée dix-neuf fois de suite, sans que le public se fatiguât de l'applaudir, elle eut plusieurs censeurs sévères assez audacieux pour publier qu'elle manquait absolument de dessein, qu'il s'y trouvait à la vérité des situations intéressantes et des pensées heureuses, mais que le tout était noyé dans des scènes mal conduites. Sans aspirer trop téméraireraent à passer pour connaisseur, j'ose dire ingénûment que cette pièce épouvante plus qu'elle n'intéresse. L'amour, ce délice des âmes sensibles, y flétrit et déchire les cœurs bien plus qu'il ne les émeut et les attendrit. Le démon de la vengeance y exhale partout son souffle empoisonné. Toutes les passions en un mot y sont gigantesquement traitées, et la nature y est présentée dans toute sa difformité. Je ne connais point sur le théâtre de rôle plus outré que celui de Montaigu. C'est un furieux inaccessible à la raison, altéré de sang et qui se joue impunément de tout ce qui ne sert point sa rage. Cette pièce est une preuve de plus, que ce qui convient à une nation ne convient pas à l'autre, et qu'un succès, dû à des causes éphémères, ne peut continuer à exister, lorsque celles-ci ont une fois disparu.

La seconde tragédie, dont j'ai parlé, a pour titre „Les Chérusques“. Elle est imitée de l'allemand. L'Arminius de M. Schlegel a servi à M. Bauvin d'excellent original pour en tirer une très mauvaise copie. Le sujet, quoique éloigné de la vérité historique, serait assez beau; c'est l'instant où Arminius soulève les Chérusques contre l'aigle romaine, brisant les fers que Varus avait voulu leur imposer sous le nom spécieux de réformateur. M. Bauvin, sans saisir l'énergie de son modèle, n'a pu être ni tragique, ni éloquent. On lui trouve des longueurs insoutenables, point de chaleur dans le récit, point d'images brillantes, une versification très rude et toutes les glaces d'un esprit septuagénaire. Il est facile de reconnaître qu'accoutumé dès sa jeunesse à ramper dans la poussière classique il a éprouvé l'impossibilité de prendre son essor vers le

sublime. La pièce plus que médiocre n'était point recevable, aussi ne l'aurait-elle pas été, si un mouvement de générosité ne l'avait emporté chez les comédiens par-dessus toute autre considération. L'auteur français, peut-être mieux partagé du côté des connaissances que de celui de la fortune, avait la promesse d'une pension que les états de la province d'Artois lui accordaient à condition que sa tragédie fût jouée et applaudie. Le public a été aussi compatissant que le sénat dramatique, et on ne la suspendit qu'à la huitième représentation par la maladie d'un des acteurs. M. Bauvin eut même l'honneur d'être invité à paraître sur la planche; cette distinction flattait autrefois le mérite supérieur, tandis qu'à présent elle est tombée en un simple usage souvent trop prodigué au faux éclat du beau.

Lekain, à son retour de Ferney, a remis sur le théâtre le Manlius de M. Lafosse. C'est une des bonnes productions du dernier siècle. Les maîtres de l'art semblent l'estimer; ils y trouvent beaucoup de beautés et prétendent que Corneille même n'aurait pas honte de s'en avouer le créateur. Les acteurs s'y sont surpassés, et en général la pièce a causé une très grande sensation. Il est seulement à regretter que nous devions toujours admirer des vertus qui approchent de l'héroïsme, mais qui ne sont guère praticables dans le siècle où nous vivons. Tout a changé depuis: les hommes n'ont d'invariable que leur forme extérieure et le fond de leurs passions. Chaque lustre voit naître de nouvelles modifications dans nos âmes, et les changements dans nos mœurs et dans nos usages de moindre conséquence s'opèrent encore avec plus de facilité. Que n'est-ce donc dans un espace de deux ou trois mille ans! C'est la comédie qui jusqu'ici s'est emparée du privilège de moraliser les vices et les travers du temps; il paraît que ceux qui ambitionnent la couronne tragique préfèrent de tirer leurs héros des époques les plus ténébreuses pour les élever autant au-dessus de la nature humaine que des bons vers sont au-dessus de la prose ordinaire.

La Cour est à Fontainebleau depuis le 6 du courant. Elle y restera jusqu'au 17 du mois prochain. La chasse du cerf, qui y est très belle, forme le principal amusement du Roi, et les spectacles qu'on y donne trois fois par semaine contribuent à distraire agréablement sa famille et sa Cour. Ces plaisirs, quoique assez variés, manquent cependant, à ce qu'on m'a assuré, de cette vivacité qui en doit être le premier caractère. Celui qui en est l'objet a déjà atteint un âge où, avec un goût malheureusement trop émoussé par la jouissance, il ne trouve plus rien qui puisse exciter ses désirs, et cesser de désirer, c'est perdre à mes yeux un des plus grands appuis de notre existence.

1090. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Сальдерну.

1772 г. октября 19. Парижъ.

L'uniformité du genre de vie que nous menons ici ne me permet point de vous en entretenir. Vous en êtes assez instruit, pour savoir que malgré le préjugé général nous nous ennuyons mortellement dans le chaos de l'immense Paris. Le récit de Monsieur votre frère pourra vous être moins suspect; un jeune homme est toujours accusé de se laisser emporter par ses passions. Mais si nos plaisirs languissent, notre activité en est d'autant plus grande à ne rien omettre de ce qui peut nous procurer notre utilité. L'ennui quelquefois, il faut l'avouer, est un souverain maître: son insipidité est plus imposante que l'énergie des principes les mieux établis, il nous invite à puiser en nous-mêmes les ressources consolantes pour le combattre, il nous fait trouver le grand art de nous passer des objets extérieurs qui nous manquent, il nous accoutume à nous suffire à nous-mêmes et à être, en un mot, aussi heureux dans la solitude du cabinet, qu'on croit l'être dans le tumulte du grand monde. Je m'en rapporte à vous-même, je respecte l'autorité que vous donne votre raison et votre expérience; vous savez combien nos réflexions nous entraînent malgré nous, il est nécessaire de savoir tout apprécier selon sa juste

valeur et de se familiariser de loin avec les incidents multipliés qui semblent nous menacer dans le cours de notre vie, mais je vous jure que souvent ces recherches, en nous faisant rougir de nos vœux, ne nous conduisent qu'aux idées les plus humiliantes. Pardonnez-moi, peut-être je m'abandonne un peu trop à la licence de ma plume, mais elle est le pinceau fidèle de mon âme, et il m'est doux de soumettre ses opérations à un arbitre aussi respectable.

Je vous importunerai par une prière très instante. Voici de quoi il s'agit. M. Turpin, savant d'un grand mérite, connu par plusieurs ouvrages, où l'empreinte du génie se fait admirer dans tout son brillant, et auquel j'ai des obligations particulières pour les peines qu'il a prises de me familiariser avec les belles-lettres de sa nation, vient de composer une histoire de Mahomet ou de l'islamisme. Elle est écrite dans un genre aussi nouveau qu'intéressant. Il ne se borne pas au simple récit des faits; il les considère et les présente en philosophe impartial et en citoyen du monde. Pour illustrer son ouvrage, il désire ardemment de le faire paraître sous les auspices de Son Altesse Impériale, mais par un excès de délicatesse il voudrait en avoir la permission préliminaire. Enchanté de cette occasion, je me suis chargé de porter pour lui la parole, et c'est à vous que je prends la liberté de m'adresser. Vous daignerez bien intercéder en sa faveur auprès de Monseigneur le Grand-Duc. Je n'ai pas osé en écrire ni à ce prince ni à mon oncle. Un scrupule, à mes yeux très fondé, m'en a empêché: jusqu'ici j'ai assez à faire pour me recommander moi-même, comment puis-je donc avoir la témérité de me rendre le garant du mérite des autres?

Notre auteur, richement partagé du côté des connaissances, ne l'est point de celui de la fortune. Il se nourrit d'espérance, et l'impression de son livre est suspendue juspu'au moment que je serai dans le cas de lui donner une réponse décisive. Je vous supplie de daigner informer Monsieur votre frère, si ma prière aura réussi ou échoué, car, quant à moi, je commence à désespérer de recevoir dorénavant de vos nouvelles.

1091. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ—кн. А. Б. Куракину и кн. Г. П. Гагарину.

1772 г. октября 25. Москва.

Государи мои и дорогіе пріятели, князь Александръ Борисовичъ и князь Гаврила Петровичъ. Отъ обоихъ васъ, любезнѣйшіе, двои письма, писанныя изъ Парижа и преисполненныя достовѣрнѣйшихъ знаковъ вашихъ ко мнѣ и ко всему моему дому совершенно свойственническихъ и искренне дружескихъ расположеній, а о себѣ собственно похвальныхъ, добродѣтельныхъ и прилежныхъ оказательствъ, получили мы съ Марьею Родіоновною одно послѣ другого и послѣднее только третьяго дня, къ великому нашему обрадованію и къ наполненію къ вамъ совершенно дружеской привязанности, любви и надежды получить отъ васъ, дорогіе друзья, споспѣшествованіе полезной службѣ нашего отечества, къ возобновленію добраго нашего по смерти имени и къ вспомоществованію нашимъ дѣтямъ.

Простите, пожалуйте, что по отъѣздамъ моимъ изъ города и отъ бывшихъ хирагрическихъ припадковъ промедлилъ я до сего отвѣтомъ на ваше изъ оныхъ первое. Теперь, мысленно всею душою васъ обоихъ объемля, весьма благодарю вдругъ за тѣ оба ваши драгоцѣнныя мнѣ письма, изъ коихъ послѣднее нашло въ томъ положеніи, что Марья Родіоновна на сихъ дняхъ благополучно разрѣшилась отъ беременности, произведя на свѣтъ дочь мою Софью, почему ея состояніе не дозволяетъ теперь самой къ вамъ писать, а меня принудило и однимъ письмомъ съ обоими вами сноситься, и его сокращать. Богу благодареніе, роженица въ обыкновенной только слабости и поручила мнѣ обоихъ васъ, любезные пріятели, возблагодарить за ваши къ ней почтительныя и усердныя письма и приписки, а обще со мною поручаетъ она нашу новорожденную такъ, какъ Никитушку и Катеньку, въ ваше навсегда свойственническое призрѣніе и любовь.

Я со всѣми тремя теперь дѣтьми впрочемъ здоровы, кромѣ обыкновенныхъ моихъ ежедневныхъ болей отъ летучей, а часто и отъ настоящей подагры и хирагры. Къ тому же, дорогіе друзья, чувствую уже я гораздо, что шестой десятокъ вѣка гораздо человѣка приближаетъ къ окончанію онаго, почему тѣмъ особливѣе обрадовался я, что обстоятельства сокращаютъ ваше отъ насъ дальнее отлученіе, и уже наслаждаюсь мысленно, что скоро буду я существенно всею душою обнимать и благоповеденіемъ веселиться тѣхъ, кого я всею душою люблю и которымъ всею искренностію съ почтеніемъ и всеусердно навсегда пребываю, вашихъ сіятельствъ, государи мои, искренній другъ и слуга графъ Петръ Панинъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ ШЕСТОЙ КНИГѢ

„АРХИВА КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА“.

А.

Августъ, курфюрстъ саксонскій и король польскій, р. 1696 г., † 1763 г. 10, 107, 108, 121, 168, 179, 180, 184, 197.

Аладьинъ, см. **Оладьинъ.**

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, племянникъ кн. Ксеніи Федоровны Куракиной, ур. Лопухиной; р. 1690 г., † 1718 г. 117, 164.

Альбертъ, прусскій принцъ, дядя короля. 23.

Альфельдъ, баронъ, датскій посланникъ въ Гагѣ. 31, 32, 53, 58, 59, 80, 126.

фонъ-Альфенъ, депутатъ статскій чужестр. дѣлъ. 21.

д'Ангальтъ, принцъ, фаворитъ прусскаго короля. 193.

д'Анжу, герцогъ, см. **Филиппъ V.**

Апраксина Аграфена Леонтьевна, ур. Соймонова, статсъ-дама, вторая жена фельдм.; р. 1719 г. іюня 4, † 1771 г. октября 28. 256, 328.

Апраксинъ Степанъ Степановичъ, дядя кн. Александра Борис., единств. сынъ фельдм.; р. въ Ригѣ 1743 г., † 1827 г.; пяти лѣтъ, по указу Петра III, произведенъ въ капитаны; съ 1772 г. въ дѣйствит. службѣ, 1777 г. полковникъ, 1778 г. адъютантъ Екатерины II, 1781 г. бригадиръ, 1783 г. командиръ астраханскаго драгунскаго полка, 1786 г. генералъ-майоръ, 1788 г. участвовалъ во взятіи Очакова, 1793 г.— во многихъ сраженіяхъ въ Польшѣ, 1798 г. ген. отъ кавалеріи и въ томъ же году вышелъ въ отставку, въ 1801 г., съ воцареніемъ Александра I, вновь вступилъ на службу, 1803 г. назначенъ Смоленск. воен. губерн.; основатель Смоленской гимназіи, владѣлецъ 27 тысячъ крестьянъ; 1809 г. вышелъ окончательно въ отставку и жилъ съ тѣхъ поръ въ Москвѣ, отличаясь широкимъ гостепріимствомъ; † 1827 г. февраля 8. Съ 1793 г. женатъ на кн. Екатеринѣ Владиміровнѣ Голицыной, съ 1827 г. статсъ-дамѣ и съ 1841 г. оберъ-гофмейстеринѣ В. К. Елены Павловны; † 1854 г. 272, 304, 326, 345, 371.

Апраксинъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, графъ, родственникъ княгини Елены Степановны Куракиной, ур. Апра-

ксиной, матери князя Александра Борис.; р. 1733 г., родной внукъ боярина Петра Матвѣевича, перваго графа Апраксина; женатъ на Екатеринѣ Владиміровнѣ Салтыковой; онъ приходился отчасти родственникомъ и кн. Куракиныхъ, такъ какъ графиня Марія Михайловна Апраксина, супруга его дяди гр. Александра Петровича, ур. кж. Куракина, была двоюродная тетка кн. Бориса Александровича. 326.

д'Аргайль (d'Argyle), герцогъ, знаменитый англійскій генералъ, род. 1648 г., † 1742 г. 140.

Аренфельдъ, швед. ген.-м. 26.

Афанасій, священникъ, состоявшій въ Гагѣ при послѣ А. А. Матвѣевѣ. 153, 164.

Б.

Барятинскій Иванъ Сергѣевичъ, князь, р. 1738 г. февраля 28, 1767 г. янв. 8 жен. на принцессѣ Екатеринѣ Петровнѣ Гольштейнъ-Бекъ (р. 1750 г., † 1811 г.), дочери принца Августа-Фридриха, ген.-фельдм., петерб. и эстлянд. ген.-губерн.; состоялъ при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ; 1773—1785 гг. посланникъ, носилъ заграницей прозвище „le beau Russe", ген.-лейт., дѣдъ знаменитаго фельдмаршала; † 1811 г. февр. 23. 253.

Бауэръ, вѣроятно, **Бауръ** Родіонъ Христіановичъ, рус. ген. отъ кавал., р. около 1667 г. и началъ службу рядовымъ въ шведскомъ войскѣ; 1700 г. подъ Нарвою передался русскимъ и сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ Петра В. 109, 166.

Бекъ Робертъ, нѣмецъ, проживавшій въ Лондонѣ. 116.

Бернеръ, генер., гольштинскій послан. въ Гагѣ. 27.

Бибиковъ, генералъ. 329.

Блуа, депутатъ статскій чужестран. дѣлъ. 22.

Болинброкъ, графъ, см. **Сентъ-Джонъ**.

Ботмаръ Іоганнъ-Каспаръ, баронъ, гановерскій посланникъ; р. 1656 г., † 1732 г. 13, 27, 53, 60, 61, 83, 105, 198.

Боцисъ Иванъ Федосѣевичъ, графъ, контръ-адміралъ гребного флота; † 1714 г. 50.

де-**Бракъ-Гюйсенъ,** баронъ, депутатъ статскій чужестр. дѣлъ. 21.

Брантъ Христофоръ (Christoffel Brandt), голландскій купецъ, проживавшій съ конца XVII в. то на Москвѣ, то въ Голландіи; съ 1717 г. рус. резидентъ въ Амстердамѣ. 9.

Броліо, герцогъ, фр. министръ. 344.

Броунъ, вѣроятно, Петръ, полковникъ, въ службѣ съ 1762 г., 1771 г. ген.-м. 257.

Брюховской, польскій региментарь. 85.

де-**Бурманнія,** депутатъ статскій чужестран. дѣлъ. 22.

В.

Валуевъ, вѣроятно, Петръ Степановичъ, д. т. с., главноначальствующій надъ Кремлевской экспедиціей. 397.

ванъ-деръ-**Лиръ,** см. **Лиръ**.

Вандернатъ, см. **Фандернатъ**.

Васильчиковъ, вѣроятно, Александръ Семеновичъ, 1773—1776 г. дѣйств. камергеръ, фаворитъ императрицы Екатерины II. 397, 423.

Васильчиковъ, братъ предыдущаго. 424.

Веллингъ, графъ, швед. генер. 150.

Вержиръ, голландскій артил. полковникъ. 170.

де-**Вертернъ,** вѣроятно, Георгъ, графъ, возведенъ въ это достоинство имп. Леопольдомъ въ 1702 г.; д. т. с. саксонской службы; польскій полномоч. мин. въ Голландіи, канцлеръ саксонскаго электора Фридриха-Августа I, бывшаго польскимъ королемъ подъ именемъ Августа II. 81, 92, 93, 95, 163, 183, 184, 194.

Веселовскій Авраамъ Павловичъ, р. 1685 г., рус. резидентъ въ Вѣнѣ; будучи замѣшанъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя, скрылся въ 1719 г. въ Швейцарію, гдѣ и умеръ 1785 г. 109.

Веселовскій Яковъ Павловичъ, вѣроятно, братъ предыдущаго, хотя въ Русской родословной книгѣ, изд. въ 1895 г. кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, въ родословіи Веселовскихъ (т. I, стр. 97—98) онъ не значится. 45.

Вилларсъ, франц. фельдм. 4.

Вильгельмъ, принцъ гессенъ-кассельскій, сватавшійся къ Аннѣ Іоанновнѣ въ 1712 г. 23, 95.

Вильдебоу, датскій ген.-адъют. 148.

Вильнефъ, гувернеръ при кн. Алексѣѣ Бор. Куракинѣ и его дядѣ Степанѣ Степановичѣ Апраксинѣ. 249, 269, 326, 382.

фонъ-**Вильчекъ** Гейнрихъ - Вильгельмъ, графъ, ген., съ марта 1711 г. австрійскій чрезв. посолъ на Москвѣ; въ окт. 1712 г. заключилъ съ Петромъ I проектъ оборонительнаго союза противъ турокъ. 93.

Витвортъ Карлъ, англійскій посланникъ при рус. дворѣ, сынъ дворянина изъ графства Страффордъ; получилъ блестящее образованіе и въ юныхъ годахъ подъ руководствомъ своего воспитателя Стэннія, замѣчательнаго публициста, госуд. человѣка и поэта, объѣздилъ многіе германскіе дворы, приготовляясь къ дипломатической карьерѣ. Въ 1702 г. назначенъ представителемъ на съѣздѣ въ Ратисбоннѣ, а въ 1704 г.—чрезв. посл. при Петрѣ I; второй разъ онъ былъ при рус. дворѣ уже въ качествѣ чрезв. посла въ 1710 г. по поводу оскорбленія русскаго посла въ Лондонѣ Матвѣева; 1714 г. участвовалъ на съѣздѣ въ Аугсбургѣ и Ратисбоннѣ; 1716 г. назначенъ полномочнымъ мин. при прусскомъ дворѣ, а 1717 г. въ Ригѣ, 1721 г. снова былъ въ Берлинѣ; 1722 г. принималъ участіе на конгрессѣ въ Камбрэ; † 1724 г. въ Лондонѣ. Послѣ него остались весьма интересные мемуары о пребываніи въ Россіи въ 1710 г., а въ рукахъ его потомковъ должны находиться письма кн. Б. И. Куракина. 116, 126, 186.

Витсенъ, амстердамскій бюргермейстеръ, р. 1640 г., † 1717 г., путешественникъ по Россіи (1666 г.) и авторъ любопытнаго сочиненія о ней; въ 1687 г. издалъ карту сѣв.-восточн. Азіи и Европы. 66.

Волковъ Григорій Ивановичъ, секретарь рус. посольства въ Парижѣ (см. т. V, стр. 431). 186.

Волконскіе, князья, обучавшіеся въ 1772 г. въ Лейденѣ. 336.

Волконскій Михаилъ Сергѣевичъ, князь, р. 1745 г., † 1812 г. 424.

Воронцовъ Александръ Романовичъ, графъ, 1762—1763 гг. рус. послан. въ Лондонѣ, госуд. канцлеръ, писатель, р. 1741 г., † 1805 г. 233.

Вюртембергъ, герцогъ, ген. въ датской службѣ. 149, 157, 171, 186.

Г.

Гагаринъ Гавріилъ Петровичъ, князь, путешествовавшій заграницей подъ фамиліей Пензина (см. V, 432). 285, 287, 300, 313, 348, 432.

Гагаринъ, князь, назначен. въ 1772 г. камеръ-юнкеромъ. 311.

Галлисъ, принцъ, см. **Яковъ III**.

Гариссонъ, англійскій дипломатъ. 171.

Геемсъ, баронъ, цесарскій послан. въ Гагѣ. 27, 53, 104.

Генсіусъ, гол. пенсіонарій. 31, 54, 63, 65, 66.

Герсдорфъ, вѣроятно, Готлибъ-Фридрихъ, баронъ, 1711 г. польско-саксонскій послан. въ Голландіи; 1745 г. получилъ графскій титулъ. 21—23, 27—29, 31, 32, 53, 59, 107, 144, 154, 178, 179.

Гертеръ, голландскій оберъ-инженеръ. 170.

Герцъ, баронъ, первый голштинскій министръ, т. с. и ганноверскій верховный казначей. 142.

Геслеръ, полковн., членъ венец. посольства въ Гагѣ. 144.

Гимменъ, баронъ, прусскій посланникъ въ Гагѣ. 13, 14.

Голицынъ Дмитрій Михайловичъ, князь, р. 1721 г.; 1761—1792 гг. посолъ въ Вѣнѣ, д. т. с., учредитель Голицынской больницы въ Москвѣ; женатъ на свѣтлѣйшей княжнѣ Екатеринѣ-Смарагдѣ Димитріевнѣ Кантемиръ, статсъ-дамѣ; † 1793 г. въ Вѣнѣ. 424.

Голицынъ Петръ Алексѣевичъ, князь (см. V, 178). 89.

Голицынъ, князь, обучавшійся въ 1772 г. въ Лейденѣ. 336.

Головкинъ Александръ Гавріиловичъ, графъ, послан. во Франціи и Голландіи, сынъ канцлера; съ 1704 г. обучался заграницей подъ руководствомъ Курбатова; † 1760 г. 8, 46, 143.

Головкинъ Гавріилъ Ивановичъ, р. 1660 г.; 1707 г. графъ, 1710 г. государственный канцлеръ; † 1734 г. 45, 77, 79, 83, 86, 87, 89—92, 94, 97, 99, 100, 102, 104, 105, 107, 110, 112, 118—120, 122—124, 127, 130, 131, 133, 139, 143, 147, 149, 151—154, 160, 164, 165, 167, 172—174, 176, 180, 183, 186, 189, 191, 192, 194, 199, 201.

Гольцъ, ген.-майоръ, польскій послан. въ Турціи. 126.

Гоппъ, гол. великій казначей. 66.

Гоусъ, гол. посланникъ при датскомъ дворѣ. 45, 54, 59, 60, 74, 128, 138, 142, 143.

Гротъ, спальникъ шведскаго короля. 10, 11.

Гроціусъ Гуго, знаменитый гол. ученый, р. 1583 г., † 1646 г. 25.

Грудинскій, региментарь польскій. 85.

Д.

Дальманъ, датскій послан. въ Константинополѣ. 160.

Дашкова, княгиня. 348.

Десесъ, голландскій купецъ. 173.

Дивинфортъ, гол. дворянинъ. 66, 145.

Долгорукій, князь, назначен. въ 1772 г. камеръ-юнкеромъ. 311.

Долгорукій Василій Владиміровичъ, кн., ген.-фельдм., презид. военной кол.; р. 1667 г., † 1746 г. 85, 100.

Долгоруковъ Василій Лукичъ, князь, чрезв. посолъ въ Копенгагенѣ, д. т. с., знаменитый верховникъ; казненъ при Аннѣ Іоанновнѣ 1739 г. октября 26. 157, 190.

Домашневъ, вѣроятно, Сергѣй Герасимовичъ, 1763 г. поручикъ, депутатъ въ Коммиссіи по составленію новаго Уложенія, 1772 г. камеръ-юнкеръ, дѣйств. камергеръ, директоръ Академіи Наукъ, путешественникъ, писатель, р. 1743 г., † 1795 г. 311.

Дюмонъ, адвокатъ, находившійся сначала при цесарскомъ министрѣ гр. Цинцендорфѣ во время мирныхъ переговоровъ въ Утрехтѣ, а затѣмъ опредѣленный на рус. службу. 42.

Е.

Евженій (Евгеній), принцъ савойскій; р. 1663 г., † 1736 г., талантливый полководецъ. 78, 87, 95, 97, 101—103, 120, 196.

Епищевъ Михаилъ, капит.-поруч., отправленный для обученія военному дѣлу въ Голландію. 120.

Еропкинъ Петръ Дмитріевичъ, р. 1724 г., † 1805 г., усмиритель бунта въ Москвѣ во время чумы, затѣмъ московскій ген.-губерн. 314.

Ефимовская Анна, графиня, въ замужествѣ за графомъ Мюнnихомъ. 311, 345.

З.

Загряжскій, назначенный въ 1772 г. камеръ-юнкеромъ. 311.

И.

Ильгенъ, прус. министръ. 193.

К.

Кампфъ, капитанъ, адъютантъ гр. Петра Ивановича Панина. 247, 249, 257.

Кантемиръ Аграфена Яковлевна, княгиня, ур. кж. Лобанова-Ростовская, р. 1708 г., † 1772 г., не оставивъ потомства. 329.

Козловскій, секретарь графа Григорія Орлова на Бухарестскомъ съѣздѣ. 345.

Колліерсъ, графъ, гол. мин.-резид. въ Константинополѣ. 65—67, 127, 131—133, 138, 139, 145, 155, 156.

Колычевъ Степанъ Алексѣевичъ, р. 1746 г., † 1805 г.; 1760 г. поступилъ въ Изм. полкъ, 1770 г. по настоянію гр. Н. И. Панина, друга его отца, посланъ для усовершенствованія въ наукахъ въ Лейденск. академію, гдѣ пробылъ 15 мѣсяцевъ, былъ въ Парижѣ и Лондонѣ; 1772 г. исполнялъ обяз. секрет. при рус. послан. въ Гагѣ, затѣмъ нѣсколько лѣтъ былъ совѣтн. посольства въ Парижѣ, 1783 г. чрезвыч. послан. въ Гагѣ, 1794 г. полномочный мин. въ Берлинѣ, 1797 г. чрезв. послан. при Голландской республикѣ, 1801 г. пожалованъ въ вице-канцл., съ 1799 г. женатъ на Наталіи Захаровнѣ Хитрово, фрейл. императрицы Маріи Ѳеодоровны. Александръ I предполагалъ назначить его посломъ въ Лондонъ вмѣсто гр. Семена Романовича Воронцова, но смерть Степана Алексѣевича помѣшала этому плану. 371.

де-**Конинкъ**, депутатъ статскій чужестр. дѣлъ. 21, 22, 24.

Корверъ, амстердамскій бургомистръ. 66.

Кордесъ, рижскій купецъ. 45.

Кошелевъ, въ 1712 г. проживавшій въ Амстердамѣ. 120.

Кошелевъ, обучавшійся въ 1722 г. въ Лондонѣ; кажется, состоялъ тамъ при посольствѣ. 344.

Краненбургъ, гол. мин.-резид. въ Лондонѣ. 109.

Красовъ (Крассау), шведскій ген. 25.

Крокъ, см. **Крукъ**.

Крукъ Иванъ Ивановичъ, сынъ Іоганна-Матіасъ, сенатск. переводчика, и самъ сначала сенатскій переводчикъ, а потомъ совѣтникъ канцеляріи коллегіи иностранныхъ дѣлъ; р. 1730 г., † 1798 г. 247, 248, 252, 311, 328, 329. 345, 397, 422, 424.

Куракина Аграфена Александровна, княжна, третья дочь кн. Александра Борисовича I, р. 1734 г. мая 27, императрицею Елисаветою Петровною пожалована во фрейлины, а при Екатеринѣ II считалась въ отпуску, проживая, главнымъ образомъ, въ Москвѣ съ своею престарѣлою матерью; скончалась скоропостижно 1791 г. іюня 11 и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ подъ соборнымъ храмомъ. 247, 248, 252, 254, 257, 273, 275, 284, 328, 334, 382, 396, 422, 423.

Куракина Александра Ивановна, княгиня, р. 1711 г., † 1786 г. февраля 11, рожд. Панина, родная сестра знаменитыхъ графовъ Никиты Ив. и Петра Ив., супруга полн. ген., полномоч. посла въ Парижѣ, оберъшталмейстера кн. Александра Бор. I. 267, 272.

Куракинъ Борисъ Ивановичъ, князь, р. 1676 г. іюля 20, † 1727 г. сент. 18. Страницы, гдѣ онъ упомянутъ, не обозначены, ибо ему, главнымъ образомъ, посвящена вся первая половина книги.

Куракинъ Александръ Борисовичъ II, князь, р. 1752 г. января 18, † 1818 г. іюля 25 въ Веймарѣ. Страницы, гдѣ онъ упомянутъ, не обозначены, ибо ему, главнымъ образомъ, посвящена вся вторая половина книги.

Куракинъ Алексѣй Борисовичъ, князь, р. 1759 г. сентября 19, † 1829 г. декабря 30, д. т. с., ген.-прокуроръ при Павлѣ, 1807—1810 гг. министръ внутреннихъ дѣлъ, канцлеръ всѣхъ рос. орденовъ; женатъ на Наталіи Ивановнѣ Головиной, статсъ-дамѣ и кавалерственной дамѣ ордена Св. Екатерины, р. 1768 г., † отъ холеры 1831 г. іюля 2. 256, 284, 304, 329, 334, 382, 398, 422.

Куракинъ Иванъ Борисовичъ, князь, р. 1761 г. октября 26, воспитывался въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, кавал. полковникъ, † 1827 г. въ апрѣлѣ, въ Москвѣ; съ 1788 г. женатъ на Екатеринѣ Андреевнѣ Бутурлиной. 256, 284.

Куракинъ Степанъ Борисовичъ, князь (см. т. V, стр. 438). 249, 255, 257, 272, 273, 275, 284, 329, 334, 398, 422.

Л.

Латмаръ, баронъ, статскій депут., гол. коммисаръ воинскихъ дѣлъ. 27, 30, 31, 65, 71.

Левендаль, баронъ, пол. ген. 104.

Лёвенъ, ген. гольштин. службы. 345.

Лесли, рус. ген.-майоръ. 166.

Лещинскій Станиславъ, р. 1677 г., польскій посолъ при шведскомъ дворѣ и другъ Карла XII; съ 1704 г. польскій король; 1709 г. принужденъ уступить престолъ Августу, саксонскому курфюрсту; † 1766 г. 107, 108, 118, 121, 132, 137.

Либессеръ, шведскій ген.-лейт. 26.

Лили, шведскій вице-адмиралъ. 50.

Липка, татаринъ. 12.

ванъ-деръ-**Лиръ,** презид. Генеральныхъ Штатовъ 5, 66, 164.

фонъ-**Литъ,** рус. чрезвыч. послан. въ Даніи, рус. мин.-резид. въ Берлинѣ. 67, 69, 90, 116, 117, 146, 153, 164, 189, 191.

Лобанова-Ростовская Екатерина Александровна, княгиня, р. 1735 г. сентября 3, † 1791 г. марта 26, дочь кн. Александра Борисовича Куракина, съ 1752 г. мая 4 супруга кн. Ивана Ивановича Лобанова-Ростовскаго. 329.

Лобановъ-Ростовскій Александръ Ивановичъ, князь, р. 1754 г. мая 24, † 1830 г. января 20, двоюродный братъ молодыхъ князей Куракиныхъ, ген.-майоръ, женатъ на Аннѣ Никифоровнѣ Масловой. 249, 256, 257, 273, 285.

Ломоносовъ. 423.

Ляняскъ или **Лоняско,** графъ, польскій уполномоч. въ Утрехтѣ. 183, 194.

Лопухинъ Авраамъ Федоровичъ (см. т. V, стр. 440). 85.

М.

Мазарини (Mazarin), кардиналъ, французскій извѣстный министръ, р. 1602 г. † 1661 г. 4.

Макаровъ Алексѣй Васильевичъ, кабинетъ-секретарь Петра I, р. 1674, † 1740 г. 143.

Мальбургъ (Мальборо) Джонъ-Черчиль, герцогъ, знаменитый англійскій полководецъ, р. 1656 г., † 1722 г. 31, 98, 193.

Масловъ, гвардіи-майоръ. 345.

Масловъ Матвѣй, подпоруч., отправленный въ Голландію для обученія воен. дѣлу. 120.

Матвѣевъ Андрей Артамоновичъ, графъ, р. 1666 г., † 1728 г., воевода, посолъ въ Англію и Голландію, презид. юстицъ-коллегіи, сенаторъ. 83, 87, 88, 90, 91, 104, 105, 153, 159, 171, 191.

Матюшкина Анна Алексѣевна, графиня, урожд. кж. Гагарина, р. 1716 г., † 1804 г., супруга т. с., камер-

гера гр. Димитрія Михайловича, р. 1725 г., † 1800 г. 422.

Меерфельдъ, шведскій ген.-майоръ. 69.

Ментенонъ, маркиза, р. 1635 г., 1684 г. сочеталась тайнымъ бракомъ съ Людовикомъ XIV, † 1719 г. 4.

Меншиковъ Александръ Даниловичъ, князь, генералиссимусъ, р. 1673 г., † 1729 г. 22, 26, 71, 85, 203.

Мерикоръ-ага, чауша-паша. 9.

Мероль, франц. архитекторъ. 186.

Михаилъ Федоровичъ, царь, родоначальникъ царствующаго Дома Романовыхъ, р. 1596 г. іюля 12, † 1645 г. іюня 12. 41.

Михельсонъ, амстердамскій бургомистръ. 66.

Монтеліонъ, маркизъ, испанскій послан. на Утрехтскомъ съѣздѣ. 173.

Мусинъ-Пушкинъ Алексѣй Семеновичъ, графъ, 1769—1778 гг. рус. послан. въ Лондонѣ, р. 1730 г., † 1817 г., д. т. с., сенаторъ. 235, 303, 334, 335, 343, 346.

Мусоринъ, управл. Аграфены Леонтьевны Апраксиной изъ крѣпостныхъ. 326.

Мустафа, чаушъ-паша. 10, 13.

Мюннихъ, графъ, въ 1772 г. камеръ-юнкеръ. 311, 345.

Н.

Набоковъ, начальникъ канцеляріи нашего посла гр. Орлова на Бухарестскомъ съѣздѣ. 345.

Нарышкинъ, рус. пос. къ цесарскому двору въ 1713 г. (см. т. V, стр. 442). 84, 93.

Нелединскій-Мелецкій Юрій Александровичъ (см. V, 442). 247, 249, 255—257, 273, 285, 329, 334, 422.

Нолькенъ, маршалъ при посольствѣ гр. Орлова на Бухарестскомъ съѣздѣ. 345.

О.

Оладьинъ Богданъ Васильевичъ, русскій чиновникъ при посольствѣ въ Голландіи; 1700 г. стольникъ, состоялъ при князѣ Б. И. Куракинѣ до самой смерти сего послѣдняго, т. е. до 1727 г.; 1731 г. ноября 18, будучи въ чинѣ гвардіи капитана, назначенъ совѣтникомъ въ камеръ-коллегію; 1736 г. января 30 назначенъ совѣтникомъ Мастерской палаты въ Москвѣ, состоящ. въ вѣдѣніи ген.-лейт. Михаила Волкова; 1740 г. октября 30 уволенъ отъ дѣлъ съ пожалованіемъ въ с. с. 190.

Орловъ Григорій Григорьевичъ, графъ, впослѣдствіи князь, р. 1734 г. октября 6; на службѣ съ 1749 г., ген.-фельдцейхм.; † 1783 г. апрѣля 13. 345, 423, 424.

Орловъ Федоръ Григорьевичъ, графъ, р. 1741 г., † 1796 г., генералъ-аншефъ, оберъ-прокуроръ Сената. 345.

д'Ормондъ, герцогъ (см. т. V, стр. 442). 78, 87.

д'Оссона, герцогъ, испанскій послан. на Утрехтскомъ съѣздѣ. 173.

фонъ-деръ-**Остенъ-Сакенъ** Карлъ Ивановичъ (см. V, 442). 425.

Остервальдъ Анна Павловна, жена Тимофея Ивановича, урожд. Зассъ (см. V, 435). 345.

Остервальдъ Тимофей Ивановичъ, преподаватель цесаревича Павла Петровича (см. V, 443). 345.

Остерманъ Андрей Ивановичъ, русскій дипломатъ (см. V, 442). 39.

П.

Павелъ Петровичъ I, императоръ, р. 1754 г. сент. 20, вступилъ на престолъ 1796 г. ноября 7, † 1801 г. въ ночь съ 11 на 12 марта. 253, 288, 296, 317, 337, 350, 355, 360, 372, 384, 403, 425.

Пальмквистъ, шведскій посланникъ въ Гагѣ (см. V, 443). 4, 23, 34, 62, 63, 103, 110, 122, 125, 145, 162, 163, 168, 170.

Панина Екатерина Петровна, графиня, дочь гр. П. Ив., † до 1775 г. 432.

Панина Марія Родіоновна, графиня, супруга гр. Петра Ивановича (см. V, 443). 273, 348—350, 432.

Панина Софія Петровна, графиня, р. 1772 г., † 1833 г., въ замужествѣ за д. т. с. И. В. Тутолминымъ. 432.

Панинъ Петръ Ивановичъ, графъ (см. V, 444). 257, 273, 276, 278, 312, 314, 329, 346, 349, 432, 433.

Панинъ Никита Ивановичъ, графъ (см. V, 443). 249—251, 267, 268, 273, 283, 286, 302, 315, 326, 332, 341, 345, 346, 350, 359, 396—399, 401, 422, 424.

Панинъ Никита Петровичъ, графъ (см. V, 443). 432.

Панкрасъ, амстердамскій бургомистръ. 66.

Пельцъ, гол. купецъ. 7, 173, 176.

Пензинъ, см. **Гагаринъ** Гавріилъ Петровичъ, князь

Петкумъ (Петтекумъ), гольштинск. мин.-резид. въ Голландіи. 27.

Писаревъ, офицеръ. 249.

Плохово Григорій, подпоруч., отправленный въ Голландію для обуч. воен. дѣлу. 120.

Полиньякъ, аббатъ, франц. послан. на Утрехтскомъ съѣздѣ (см. V, 445). 4, 165, 171, 175, 187.

Помпонъ, аббатъ, р. 1669 г., † 1756 г., француз. госуд. человѣкъ. 171.

Понятовскій графъ, р. 1732 г., † 1798 г., сначала польскій послан. въ Петербургѣ; 1764 г. по настоянію Екатерины II избранъ польскимъ королемъ подъ именемъ Станислава II Августа, 1795 г. отрекся отъ престола, 1797 г. † въ Петербургѣ; 1765 г. имъ былъ основанъ орденъ Св. Станислава, вошедшій съ 1816 г. въ число рус. орденовъ. 368.

Потемкинъ, въ 1772 г. камеръ-юнкеръ. 311.

Потоцкій, польскій коронный писарь. 85.

Прайоръ, англійскій послан. въ Парижѣ. 135.

фонъ-**Принцъ,** прусскій министръ. 193.

Пушкинъ, см. **Мусинъ-Пушкинъ.**

Р.

Разумовскій Андрей Кирилловичъ, графъ, а затѣмъ свѣтл. князь, р. 1752 г., † 1836 г. 424.

Разумовскій Кириллъ Григорьевичъ, р. 1728 г., † 1803 г., съ 1744 г. графъ, малорос. гетманъ, ген.-фельдм., женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной, † 1771 г. іюля 22. 314.

Репнина Наталія Александровна, княгиня, урожд. кж. Куракина (см. V, 445—446). 255, 281, 287, 303, 398.

Репнинъ Аникита Ивановичъ, князь, р. 1668 г., † 1726 г. (см. V, 446). 85.

Репнинъ Николай Васильевичъ, князь (см. V, 446). 273, 398.

Рехтернъ, графъ. 144, 160.

Ржевскій, майоръ. 345.

Ришельё, кардиналъ. 4.

Розенбаумъ, агентъ Генеральныхъ Штатовъ. 23, 24.

Розенкранцъ, датскій послан. въ Англіи. 188.

Ромодановскій Федоръ Юрьевичъ, князь, въ 1697 г. правитель государства съ титуломъ князя-кесаря; † 1717 г. 89.

Румянцевъ-Задунайскій Петръ Александровичъ, графъ, фельдм., р. 1725 г., † 1796 г. 255.

Румянцевы, графы, вѣроятно, Сергѣй Петровичъ, д. т. с., послѣдній въ родѣ, р. 1753 г., † 1838 г., и Николай Петровичъ, основатель Румянцевскаго музея, государств. канцлеръ, р. 1754 г., † 1826 г., 1785—1788 гг. посланникъ въ Берлинѣ, 1793—1795 гг. въ Стокгольмѣ. 241—244, 246, 397.

С.

Сакенъ, см. фонъ-деръ-**Остенъ-Сакенъ**.

Салтыковъ Федоръ Степановичъ, † 1715 г. августа 2 (см. т. V, стр. 447). 9.

Сальдернъ Каспаръ, графъ, р. 1711 г. въ Гольштейнѣ, 1771 г. рус. послан. въ Варшавѣ, сынъ ремесленника, въ царствованіе Елисаветы опредѣленъ въ иностранную коллегію, 1768 г. іюля 3 н. с. возведенъ въ графское достоинства Датскаго королевства. 253, 281, 285, 286, 305, 326, 331, 344, 396, 397, 423, 425, 430.

Сальдернъ Карлъ-Генрихъ, графъ, воспитатель кн. Александра Бор., братъ посланника (см. т. V, предисловіе, стр. XXIX). 241, 242, 251, 274, 302, 330, 399, 423.

Самаринъ, въ 1772 г. камеръ-юнкеръ. 311.

Санктъ-Пьеръ (San-Pietro-in-Calatina), герцогъ; нынѣ въ городѣ этого имени всего 8 т. жителей. 4.

Сентъ-Джонъ (см. IV, 461). 130, 188.

Симолинъ Иванъ Матвѣевичъ, мин. въ Регенсбургѣ, презид. юстицъ-коллегіи лифл., эстл. и финл. дѣлъ. 397.

Синявскій, польскій гетманъ. 94.

де-**Слотъ**, депутатъ статскій чужестран. дѣлъ. 22.

Соловьевъ Осипъ Алексѣевичъ, р. 1671 г., † 1747 г. (см. т. V, стр. 448). 9.

Спиридовъ, пожалованный въ 1772 г. въ камеръ-юнкеры. 397.

Станиславъ, пол. король, см. **Лещинскій**.

Стельсъ Томасъ, членъ россійск. торгов. комп. (см. т. V, стр. 448). 9.

Страффордъ, англійскій посолъ въ Гагѣ. 13, 22, 30—34, 38, 41, 43, 54, 57, 65, 67, 72, 73, 75, 77, 78, 83, 95, 96, 98, 102, 103, 105, 110—115, 117—121, 125, 129, 134, 135, 139, 149, 161, 165, 167, 180, 183, 185, 188.

Стрекаловъ, вѣроятно, Степанъ Федоровичъ, статсъ-секретарь Екатерины II, т. с., сенаторъ, р. 1728 г., † 1805 г. 252.

Т.

Талляртъ (Camille d'Hostun, duc de Tallart), франц. фельдм., р. 1652 г., † 1728 г. 4.

Талызина Марія Степановна, урожд. Апраксина, дочь фельдмаршала, родная тетка князя Александра Бор. Куракина. 256, 311, 345.

Талызинъ Александръ Ѳедоровичъ, одинъ изъ пособниковъ Екатерины при восшествіи ея на престолъ, впослѣдствіи т. сов. и сенаторъ, опекунъ малолѣтнихъ князей Куракиныхъ; замѣтимъ, что золовка кн. Екатерины Александровны Лобановой-Ростовской, ур. кж. Куракиной, кж. Параскева Ивановна Лобанова-Ростовская была въ замужествѣ за т. сов. Лукьяномъ Ив. Талызинымъ, сыномъ изв. адмирала Ивана Лукьяновича, двоюр. брата канцлера Бестужева-Рюмина, близкаго родств. гр. Никиты Ивановича Панина; Талызины пошли отъ мурзы Кучука-Тагалдизина, прибывшаго изъ Золотой орды къ В. Кн. Василію Васильевичу, 1436 г. 257, 326, 345.

Тарминга, депут. стат. чужестр. дѣлъ. 22.

Татищевъ, шуринъ гр. Петра Ивановича Панина, владѣлецъ села Никольскаго (гр. Панинъ былъ женатъ первымъ бракомъ на Аннѣ Алексѣевнѣ Татищевой, р. 1748 г., † 1764 г.). 329.

Тилли, графъ, главнокоманд. гол. арміей. 193.

де-**Торсій**, маркизъ (см. V, 449). 4.

Трауценъ, принцъ. 126.

Трубецкой, князь, послан. въ Польшѣ. 172, 190, 200.

У.

Убри, рус. дипломатъ (см. V, 449). 345.

Урбихъ, баронъ, русскій послан. въ Вѣнѣ (см. V, 449). 84, 88, 93, 100, 106, 130.

Ф.

Фагель, гол. ген. 188.

Фагель, вѣроятно, Францискъ, гол. грефій, баронъ (см. V, 449). 22, 66, 71, 81, 155, 156, 182.

Фалькъ, секретарь дат. короля. 86.

Фанденбургъ, или фанъ-денъ-**Бургъ**, русскій агентъ въ Гагѣ (см. V, 449). 7, 173, 175.

Фандернатъ, графъ, голштин. послан. въ Гагѣ. 185, 192.

Филиппъ V, король испанскій (см. V, 450). 75, 96, 103, 114, 161, 173, 190.

Философовъ (см. V, 450). 397.

Флеммингъ Яковъ-Генрихъ, графъ, саксон. фельдм. (см. V, 450). 22, 104, 108, 109, 123, 148, 172.

Фонъ-Визинъ Денисъ Ивановичъ, представитель VII колѣна своего рода отъ барона Петра Владиміровича, взятаго въ плѣнъ Іоанномъ IV во время Ливонской войны.; р. 1743 г., † 1791 г., извѣстный писатель. 425.

Франсъ, амстердамскій купецъ. 7.

Фризендорфъ, швед. министръ. 112.

Функъ, швед. послан. въ Константинополѣ. 199.

Ц.

Цедергельмъ, швед. тайный секретарь. 69.

Цинцендорфъ Филиппъ-Людвигъ, графъ (см. V, 451). 13, 42, 63, 92, 107, 113, 125, 126, 136, 163, 199.

Ч.

Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ, графъ (см. V, 451). 423.

Чернышовъ, вѣроятно, гр. Петръ Григорьевичъ, р. 1712 г., † 1773 г., д. т. с., посланникъ при разныхъ дворахъ. 330.

Ш.

Шакъ, баронъ, сначала бывшій въ дат. службѣ, а затѣмъ рус. резид. въ Англіи. 43, 191.

Шафирова Екатерина Исаевна, баронесса, внучка знамен. госуд. вице-канц., р. 1734 г., † 1795 г.; въ замужествѣ за кн. Михаиломъ Сергѣевичемъ Волконскимъ. 424.

Шафировъ Петръ Павловичъ, баронъ, рус. посолъ въ Константинополѣ (см. V, 451). 65, 67, 85, 158.

Шереметевъ Борисъ Петровичъ, графъ (см. V, 451). 85.

Шереметевъ Николай Петровичъ, графъ (см. V, 452). 241, 242, 245, 247, 255, 271, 330, 350, 402, 425.

Шереметевъ Петръ Борисовичъ, графъ, сынъ знамен. фельдм., полный ген., оберъ-камергеръ при Петрѣ III и Екатеринѣ II, сенаторъ, р. 1713 г., † 1788 г. 381.

Шиповъ Петръ, поручикъ, отправл. въ Голландію для обученія военному дѣлу. 120.

Шлейницъ, баронъ, русскій послан. въ Гановерѣ (см. V, 452). 46, 60, 61, 84, 93, 123.

Шлингерляптъ, гол. государствен. секретарь. 66.

Шпаръ, швед. генералъ. 98.

Штакельбергъ, дипломатъ (см. V, 452). 397.

Штейнъ, графъ, гол. ген.-майоръ. 170.

фонъ-**Штекенъ**, секретарь дат. посольства. 22, 149.

Штенбокъ Магнусъ, швед. ген. (см. V, 452). 7, 8, 22, 23, 28, 67, 94, 99, 101, 103, 104, 106, 108, 109, 116, 124, 131, 136, 147, 148, 150, 159, 175, 178, 185, 189, 202, 203.

Шхелингъ, поручикъ рус. флота. 26.

Щ.

Щербаковъ, директоръ почтъ. 345.

Э.

Эйлеръ Иванъ Альбертовичъ, академикъ, знамен. математикъ и астрономъ, непремѣн. секрет. Академiи Наукъ, р. 1734 г., † 1800 г. 358.

фонъ-**Экъ** Матвѣй Матвѣевичъ, съ 1746 г. переводчикъ, 1766—1789 гг. директоръ Спб. почтамта, д. с. с., р. 1726 г. 252.

Ю.

Юсуповъ, князь, вѣроятно, Николай Петровичъ, назнач. въ 1772 г. камеръ-юнкеромъ, р. 1750 г., † 1831, д. т. с. 311, 328, 425.

Юсуфъ-ага, капиджи-баши, султанскiй верховный придверный. 9.

Я.

Ягужинскiй Павелъ Ивановичъ, р. 1683 г., † 1736 г.; съ 1731 г. графъ, ген.-аншефъ; оберъ-шталм. и оберъ прокуроръ. 45, 112, 143.

Яковъ III, анг. король (см. V, 453). 75, 125, 162.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИНОСТРАННЫХЪ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ ПЯТОЙ И ШЕСТОЙ КНИГАХЪ *)

„АРХИВА КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА".

А.

d'Aiguillon (Armand de Vignerot, duc d'), р. 1720 г., † 1782 г., мин. иностр. дѣлъ въ концѣ царств. Людовика XV. 330, 342.

d'Albemarle, графъ. 222.

Alfred, король. V, 408.

Algernon-Percy, лордъ. 219.

Allamand (Jean-Nicolas-Sébastien), ученый, р. въ Лозаннѣ въ 1713 г., † въ Лейденѣ въ 1787 г. (см. т. V, стр. XXVIII и XXIX). V, 334, 339; VI, 244, 252, 283, 371.

Anne, англ. королева, р. 1664, † 1714. V, 394, 411, 418; VI, 212, 214, 216, 223, 234, 235, 321.

Anne d'Autriche, фр. королева, старшая дочь испанскаго короля Филиппа III, р. 1602 г., съ 1615 г. супруга Людовика XIII, мать Людовика XIV, † 1666 г. 394.

d'Arcy, лордъ. 222.

Argenson (Voyer d'), графъ, р. 1696 г., † 1764 г., франц. академикъ, воен. мин. 359, 386.

d'Argyle, маркизъ. 217.

d'Arundel, графъ, англ. фельдм., † 1646 г. V, 408.

d'Assebourg. V, 291, 292.

Auguste (Caius Julius Caesar Octavianus Augustus), первый римскій импер., р. 63 г. до Р. Х., † 14 г. по Р. Х. 371.

Auguste III, курфюрстъ саксонскій, король польскій, р. 1696 г., воцарился въ Польшѣ 1733 г., † 1763 г. 359.

Auvrais, см. **Desaudrais**.

d'Aylersbury, графъ. 236.

B.

Bagge, преподаватель танцевъ въ Лейденѣ. 246.

Baïev, см. **Тюфякинъ** Иванъ, князь (т. V, стр. 449).

de **Barrington**, виконтъ. 325.

du **Barry**, см. **Du Barry**.

Barrymore, графиня. 226.

Bathurst, лордъ. 235.

Battoni, художникъ. 220.

Bauvin (Jean-Grégoire), франц. адвокатъ, преподав. воен. школы, трудолюбивый писатель, р. 1714 г., † 1776 г. 428, 429.

Beausset, маркизъ. V, 338.

de **Beckford**, вдова знаменитаго лордъ-мера. V, 407.

Bedford (François Russel), герцогъ. V, 425; VI, 215, 216, 234.

Bedfort, герцогиня. 226, 324.

Bedfort, графъ. 215.

Bellecour, знам. фр. комикъ, вступилъ на подмостки въ 1750 г., † 1778 г. 375.

de **Belle-Isle**, герцогъ, фр. маршалъ, р. 1684 г., † 1761 г. 359.

*) Страницы, не имѣющія римской цыфры передъ собою, относятся къ VI т.

de **Berkeley**, графъ. 222.

Bernini, знам. художникъ, р. въ Неаполѣ 1598 г., † 1680 г. 384.

Bertie, duc de Lancaster. 217.

Betty, лэди. 219.

Bielfeld (правильно Bielefeld), голштинскій торговый агентъ въ Гамбургѣ въ 1768 г. V, 380.

Blanford (правильно Blandford), маркизъ, сынъ герцога Марльборо. V, 383.

Blondel, житель Роттердама. V, 358, 361.

Blondel, знамен. фр. архитекторъ, р. 1617 г., † 1686 г. 340, 394.

du **Bocage** (правильно du Boccage), жена поэта того же имени, р. 1710 г., † 1802 г., писательница, хозяйка извѣстнаго литературнаго салона. 368.

van **Boezlarrs** (правильно Boetzlaer), баронесса; эта фамилія до сихъ поръ существ. въ Голландіи; можетъ быть, жена ген.-майора Бёцлера, прославившагося защитой Виллемштата противъ Дюмурье въ 1793 г.; онъ умеръ въ концѣ прошлаго вѣка. V, 356.

Bolingbroke, виконтъ. 234, 321, 322, 327.

Boleyn (Anne), съ 1533 г. супруга англ. короля Генриха VIII, мать знаменитой королевы Елисаветы, обезглавлена 1536 г. V, 390, 417.

Bolton, фабрикантъ въ окрестностяхъ Бирмингама. V, 403.

Bosin, лордъ. 237.

Bourbon, фр. царственный домъ, извѣстный съ X вѣка; кромѣ линій, царствовавшихъ во Франціи, Испаніи, двухъ Сициліяхъ и Пармѣ, къ нему принадлежатъ фамиліи Конде и Конти, нынѣ угасшія. 361.

Bourbon (Louis-Henri-Joseph, duc de), prince de Condé, р. 1756 г., отецъ злополучнаго герцога Энгіенскаго, † 1830. 360, 361.

Braem, M-lle (есть бельгійская фамилія Braemt). V, 354.

Branckamp (правильно Branekamp). V, 350.

Briançon, графъ. V, 411.

Bridgewater, см. **Egerton**.

Bristol, графъ, англ. послан. въ Испаніи. 325.

Brizard, извѣстный фр. актеръ. 339, 375.

Bruce de Brudenell, лордъ. 236.

Bruhl Henri, графъ, первый мин. и фаворитъ Августа III, саксонскаго курфюрста и польскаго короля, р. 1700 г., † 1764 г. 227.

Bruhl, графъ, саксонскій послан. при англ. дворѣ. 227.

de **Brunswick**, княжескій владѣтельн. домъ. 323.

de **Brunswick** Ferdinand, принцъ. 218.

de **Brunswick** Louis, герцогъ. 298, 299.

Buckingham, англ. герцогскій домъ. V, 425.

Buchingham, герцогъ. V, 411.

Buckingham, графъ, 1762—1764 гг. англ. посолъ при русск. дворѣ. 226, 227.

Buffon (G. L. Leclerc, comte de), знамен. натуралистъ, р. 1707 г., † 1788 г. 420.

Burleigh (Cécil William), лордъ, р. 1520 г., государств. секретарь въ царствов. Эдуарда VI и Елисаветы, англ. великій казначей, 1588 г. заключилъ выгодный трактатъ съ съ гол. штатами, за что и получилъ титулъ барона Бюрлейга, † 1598 г. V, 383.

Burleigh, лордъ. 221.

Burlington, лордъ. V, 425; VI, 216.

Bute, графъ, знамен. англ. мин., р. 1713 г., † 1792 г. 223, 228, 229.

Bute, лордъ. 219, 306, 309.

Buyes, duc de Chandos. 218.

Byng (John), англійскій адмиралъ, р. 1704 г., казненъ за неудачную битву 1757 г., несмотря на краснорѣчивый призывъ Вольтера къ общественному мнѣнію Европы. 234.

Byron, капитанъ-командоръ. 235.

Byron, лордъ. 235.

C.

Caffieri, банкиры. V, 351.
Caillaut, изв. фр. актеръ. 339.
Calvin, или **Cauvin** (Jean), р. 1509 г., † 1564 г. въ Женевѣ, реформаторъ. V, 391.
Camden, лордъ, англ. канцлеръ. 238.
Campbell, duc d'Argyle. 217.
Capel, англ. дворянская фамилія. 233.
Capel (Betty), лэди. 222.
Carey, англ. ген.-лейт. 234.
Carlin (Bertinazzi), знамен. комикъ, р. въ Туринѣ 1713 г., † въ Парижѣ 1783 г. 339, 375.
Castlemaine, графъ. 214.
Cathcart, лэди. 226.
Cavendish, англ. дворянская фамилія, ведетъ свое начало отъ Вильяма Кавендиша († 1557 г.); его внукъ, также Вильямъ Кавендишъ († 1676 г.), ревностный сторонникъ Іакова I и Карла I, былъ возведенъ этимъ послѣднимъ въ званіе графа Ньюкэстль, а Карломъ II ему было пожаловано достоинство герцога. V, 386, 393, 401.
Cavendish (Guillaume), duc de Devonshire. V, 394, 401, 425; VI, 216.
Cécil, извѣстная шотландская дворянская фамилія. V, 384.
Cécil (Robert), chevalier. V, 383, 407, 410; VI, 221.
César (Jules). V, 423.
Changuion, гол. дворянская фамилія, извѣстная съ 1562 г. V, 340.
Changuion, г-жа, сестра супруги амстердамскаго городского головы (échevin). V, 351.
de **Changuion**, лейден. городской голова. 247.
Charles, принцъ. 287.
Charles I (Стюартъ), англійскій король, р. 1600 г., воцарился 1625 г., обезглавленъ 1649 г. V, 391, 410, 411, 418; VI, 211.
Charles-Louis, принцъ мекленбургскій, р. 1741 г. V, 315, 316, 365, 366.
Charles II, англ. король, р. 1630 г., † 1686 г. V, 392, 409, 414; VI, 214—217, 233, 319.
Charles V (Charles-Quint), германскій императоръ, король Испаніи и обѣихъ Сицилій, р. 1500 г., † 1558 г. V, 368, 370.
Charles VI (l'Insensé), франц. король, р. 1362 г., † 1422 г. V, 368.
Charles XII, швед. король, р. 1682 г., воцарился 1697 г., † 1718 г. 420.
Chatham, баронесса. 229.
Chatham, см. **Pitt**.
Chesterfield, графъ. 221.
de **Choiseul**, герцогъ, знамен. фр. мин., р. 1719 г., † 1785 г. 409, 410.
Christine, шведская королева. V, 342, 367, 412.
Clairon, изв. фр. актриса, р. 1723 г., † 1803 г. 374.
Clairval, извѣстн. фр. пѣвецъ. 339.
Clarchil (John), англ. скульпторъ. V, 409.
Clermont, гол. лейтенантъ, преподаватель фехтованія въ Лейденѣ кн. Александра Бор. Куракина. V, 334; VI, 246.
Cleveland, герцогиня. 214, 215.
Cleveland (Guillaume-Fitz-Roi), герцогъ. 214.
Clifford (George), житель Гарлема. V, 341.
Clyve, лордъ. 288.
Colbert (Jean-Baptiste), знамен. фр. мин., р. 1619 г., † 1683 г. 343, 404.
Colici (правильнѣе Colizzi), преподаватель итальян. яз. въ Лейденѣ. V, 334; VI, 246, 371.
Condé (Louis-Joseph, prince de), р. 1736 г., 1789 г. сформировалъ на Рейнѣ армію эмигрантовъ, † 1818 г.; отецъ герцога Бурбонскаго (см. это имя). 394.
Constantin le Grand. V, 423.
Contant, фр. архитекторъ. 394.
Cordon, владѣлецъ картинной галлереи въ Антверпенѣ. V, 356.
Corneille, отецъ фр. трагедіи, р. 1606 г., † 1684 г. 343, 373, 429.
Coster Laurent (правильнѣе Koster), изо-

брѣтатель книгопечатанія, по увѣренію голландцевъ; р. 1370 г., † 1439 г. V, 342.

Craig, полковникъ. 226.

Craven, лордъ. 222.

Crébillon, фр. поэтъ, р. 1674 г., † 1762 г., академикъ. 373.

Creps, часовщикъ въ Амстердамѣ. V, 354.

Creutz, графъ, шведскій послан. въ Парижѣ. 342.

Crispin. V, 406.

Cromwell (Olivier), р. 1599 г., † 1658 г., англ. протекторъ. V, 392.

Cumberland, герцогъ. 226, 280.

Д.

David, шотландскій король. V, 410.

Dédel (Abraham), гарлемскій житель. V, 341.

Delawaw, графъ. 228.

Desaudrais, франц. уполномоченный въ Берлинѣ. V, 338.

Devel, вѣроятно, **Dedel**, гол. послан. въ Констант., представитель старинной дворянской фамиліи, донынѣ извѣстной въ Гагѣ и Амстердамѣ. V, 340.

Devonshire, см. **Cavendish**.

Diederich, баронъ, страсбургскій банкиръ. V, 351.

Diderot (Denis), знамен. фр. философъ, р. 1712 г., † 1784 г. 369, 370.

Dimoncel, вѣроятно, **Dumoncel**, первый актеръ театра въ Гагѣ. V, 357.

Dohna, графъ, представитель фамиліи, получившей свое имя отъ саксонскаго мѣстечка Дона близъ Дрездена, извѣстной со временъ Карла В. и существующей до сихъ поръ. V, 345.

Doisemont, первый актеръ брюссельскаго театра. V, 365.

Dominiquin (Dominico Zampieri), знамен. болонскій художникъ, р. 1581 г., † 1641 г. 366.

Douglas, см. **Queensbury**.

Drumlaring, лордъ. 217.

Du Barry, графиня, фаворитка Людовика XV, р. 1743 г., казнена 1793 г. 361.

Dubois, изв. фр. актеръ. 374.

Ducis, переводчикъ Шекспира. 427.

Dumesnil, знам. фр. трагич. актриса, р. 1713 г., вступила на сцену 1737 г., † 1803 г. 339, 374.

Duprat, кардиналъ, фр. канцлеръ, р. 1463 г., † 1535 г. 416.

van **Dyck**, фламан. знамен. художникъ; р. 1599 г. въ Антверпенѣ, † 1641 г., ученикъ Рубенса, въ историческомъ жанрѣ равнялся своему учителю, а въ портретной живописи соперничалъ съ Тиціаномъ; вызванный въ 1632 г. въ Англію королемъ Карломъ I, жилъ тамъ до смерти. Въ Луврѣ находится 20 его картинъ, изъ которыхъ лучшая „Св. Себастьянъ“. V, 360.

Е.

Edouard I, англійскій король, вступилъ на престолъ 900 г., † 925 г. основатель Кэмбриджскаго университета. V, 411, 414, 417.

Edouard III (le Confesseur), англійскій король, вступилъ на престолъ 1041 г., † 1066 г. V, 374, 409—411.

Edouard IV, англійскій король, р. 1442 г., † 1483 г. V, 410.

Edouard VI, англ. король, р. 1537 г., вступилъ на престолъ 1547 г., † 1553 г. V, 390, 407; VI, 214, 230.

d'**Effingham**, comtesse douairière, статсъ-дама англійской королевы. V, 406.

Egerton, chevalier. 218.

Egerton, duc de Bridgewater, маркизъ. V, 339; VI, 218.

Egremont, лордъ, англ. статсъ-секретарь. 227.

Elisabeth, англійская королева, дочь Генриха VIII и Анны Болейнъ, р. 1533 г., † 1603 г. V, 383, 390, 391, 407, 409, 417, 418; VI, 214, 218, 221, 230—232.

Elison Robert, лондонскій банкиръ. V, 350, 379.

Elphinston, контръ-адмиралъ. 224.

Enschede, извѣстная фамилія типографщиковъ въ Гарлемѣ, существ. и до сихъ поръ. V, 342.

Ernest, prince de Mecklembourg. V, 380, 406, 412; VI, 273, 274—276, 278—282, 335, 344.

d'Essex, графъ, см. **d'Evereux**.

Ethelbert, англ. король, царствовалъ съ 860 г. по 866 г. V, 413.

Euler, см. **Эйлеръ**.

d'Eutin, принцъ, представитель третьей вѣтви гольштейнъ-готторпскаго дома, изъ коихъ первая занимала тронъ Швеціи съ 1751 г. по 1818 г. и существуетъ доселѣ, вторая вѣтвь Гольштейнъ-Этинъ-Ольденбургская владѣла великимъ герцогствомъ Ольденбургскимъ до 1823 г., третья же вѣтвь Гольштейнъ-Этинская владѣетъ названнымъ герцогствомъ съ 1823 г. V, 378.

d'Evereux, comte d'Essex, фаворитъ королевы Елисаветы. 221, 230—232.

d'Exeter, вѣроятно, marquis et comte Bronnlan Cécil d'Exeter, † 1793 г. V, 383; VI, 221.

van **Eyck**, фламандскій живописецъ, р. около 1386 г., † 1440 г. въ Брюжѣ; ему приписываютъ изобрѣтеніе живописи масляными красками; сочность его кисти поразительна, и, по прошествіи четырехъ вѣковъ, краски не поблѣднѣли. V, 342.

F.

Fagel, гол. госуд. дѣятель. 222.

Falckland, викontъ. 234.

Fass, преподаватель математики кн. Александра Бор. Куракина въ Лейденѣ. V, 334; VI, 244, 245, 371.

Favart, фр. комикъ и авторъ многихъ комэдій, р. 1710 г., † 1792 г. 377.

Ferrers, лордъ. 223.

Filar, можетъ быть, **Tilar**, португальскій консулъ, владѣлецъ картинной галлереи. V, 364.

Fischer, музыкантъ-гобоистъ мангеймскаго оркестра. V, 406.

Fleury (André-Hercule de), франц. кардиналъ и мин., р. 1653 г., † 1743 г. 407.

Fontenelle, знамен. фр. ученый, р. 1667 г., † 1757 г. 420.

Fox (Stephen), сынъ лорда Голланда. 238.

Fox (Charles), братъ предыдущаго, одинъ изъ величайшихъ англійскихъ ораторовъ. р. 1748 г., † 1806 г. 238.

François I, фр. король, р. 1494 г., † 1547 г. 415, 416, 419.

François I, герм. императоръ, р. 1708 г., 1745 г. вступилъ на престолъ, отецъ Маріи Антуанеты, † 1765 г. 425.

François, служитель гр. Н. П. Шереметева. V, 339.

Frédéric I, прус. король, р. 1657 г., † 1713 г. 224.

G.

Gabriel, знам. фр. архитекторъ, р. 1710 г., † 1782 г. 361, 387.

de **Galles**, принцесса, мать англ. короля Георга III. V, 386; VI, 237, 306.

de **Galles**, принцъ, впослѣдствіи англ. король Георгъ IV, р. 1762 г., † 1830 г. V, 409; VI, 213, 222.

Garrick (David), р. 1716 г., † 1779 г., знамен. англ. актеръ. 339.

Gaston, см. **d'Orléans**.

de **Gemblours**, или **Gembloux**, аббатъ монастыря этого имени, основаннаго въ 933 г.; всѣ аббаты его пользуются графскимъ титуломъ; при этомъ мѣстечкѣ донъ Жуанъ Австрійскій во главѣ испанскаго войска разбилъ армію генер. штатовъ; теперь это маленькій городокъ, принадлежащій Бельгіи. V, 366.

Geoffrin (Marie-Thérèse Rodet, dame), р. 1699 г., † 1777 г., одна изъ образованнѣйшихъ и даровитѣйшихъ женщинъ своего времени. 367, 368.

George I, англ. король, р. 1660 г., † 1727 г., съ 1698 г. курфюрстъ ганноверскій, вступилъ на престолъ 1714 г., по смерти королевы Анны, сынъ Софіи пфальцской, внучки англ. короля Іакова I. V, 383, 388, 394, 411; VI, 217, 224, 235, 322.

George II, англ. король, ган. курфюрстъ, р. 1683 г., † 1760 г., наслѣдовалъ престолъ въ 1727 г., въ войнѣ за австрійское наслѣдство принялъ сторону Маріи-Терезіи противъ Франціи, но съ перемѣн. успѣхомъ; основатель Британскаго музея. V, 383, 386; VI, 218, 222, 228, 235, 237, 324.

George III, англ. король, р. 1738 г., † 1820 г. V, 414; VI, 219, 228, 237.

Georges-Guillaume, сначала ландграфъ, а потомъ курфюрстъ гессенъ-кассельскій, р. 1743 г., † 1821 г. 383, 384.

de **Germain**, см. **Sackville**.

Gergy, см. **Languet**.

Gibert, фр. адвокатъ, академикъ. 358.

Girardon (François), изв. фр. скульпторъ, р. 1630 г., † 1715 г. 364, 388.

Gobius, гол. докторъ. V, 343.

Godolphin, графъ, англ. госуд. дѣятель въ царствованіе Анны. 223, 321.

Gogo (Le Roi Beaumenard), жена знам. комика Bellecour (см. это слово), болѣе извѣстная подъ именемъ Gogo; вступила на подмостки въ 1743 г., въ теченіе 30 лѣтъ превосходно исполняла роли субретокъ, † 1799 г., 375.

Goll de **Franckenberg**, вѣроятно, **Frankensteyn**, банкиръ въ Амстердамѣ, получившій дворянство въ 1766 г. V, 354.

Gower, графъ, презид. англ. тайнаго совѣта. 226, 309, 324.

Graem, англ. ген. 235.

Grafton (Auguste-Henri-Fitzroy de), герцогъ. 215, 229.

Grafton, герцогъ, оберегатель англ. госуд. печати. 225, 227, 309, 325.

Gramby, маркизъ. 216, 218.

Granad, графъ. 222.

Grandisson, графиня. 226.

Grantham, лордъ. 237.

Gresham (Thomas), chevalier. V, 414.

Grétry (André-Ernest-Modeste), франц. композиторъ, р. 1741 г., † 1813 г. 376.

Gréville, лордъ. 226.

Grey, англ. послан. въ Мадритѣ. 237.

Grimm (Frédéric-Melchior), баронъ, знаменитый критикъ, р. 1723 г. въ Регенсбургѣ, въ бѣдной и простой семьѣ, † 1807 г.; былъ сначала учителемъ, затѣмъ переѣхалъ въ Парижъ и сдѣлался секретаремъ герцога Орлеанскаго; находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ разными учеными, въ особенности съ Руссо и Дидро; велъ обширную переписку съ Екатериной II, герцогомъ саксенъ-готскимъ и др. лицами, имѣвшую цѣлью знакомить ихъ съ франц. литературными новостями; 1774—1775 гг. былъ гувернеромъ гр. Николая и Сергѣя Петр. Румянцевыхъ; въ 1776 г. герцогомъ саксенъ-готскимъ возведенъ въ достоинство барона и пожалованъ полномочнымъ мин. во Францію; въ 1790 г. выѣхалъ изъ Франціи въ Готу; въ 1795 г. Екатерина II сдѣлала его своимъ резидентомъ въ Гамбургѣ. V, 381.

Gronovius (Jacobus), сынъ знамен. комментатора древнихъ классиковъ, р. 1645 г., † 1716 г., профессоръ и библіотекарь Лейденскаго университета. V, 343.

Grosvenor, леди. 213.

Grosvenor, лордъ. 213.

Grovestein, конечно, van **Grovestins**, баронъ, ген., представитель очень древней фрисландской фамиліи (grove сѣдой, a stins замокъ). V, 365.

Gudule (Ste), патронесса г. Брюсселя, почитается во всей Бельгіи, р. въ Брабантѣ около 650 г., † 712 г.;

церковь Св. Михаила въ Брюсселѣ, гдѣ она погребена, носитъ ея имя до сихъ поръ. V, 367.

Guido Reni, знам. итальян. художникъ, р. 1575 г., † 1642 г. 219.

Guilford, графъ. 309.

Guillaume-Henri, duc de Glocester et d'Edinbourg. 213.

Guillaume II (le Roux), вступилъ на престолъ 1087 г., † 1100 г. V, 411.

Guillaume III, англ. король, р. 1650 г., избранъ голланд. штатгальтеромъ 1672 г., вступилъ на англ. престолъ 1689 г., † 1702 г. V, 393, 394, 401, 409, 411, 416—418; VI, 294.

Guise (François de Lorraine, duc de), р. 1519 г., одинъ изъ величайшихъ франц. полководцевъ; 1557 г. разбилъ англичанъ и отнялъ у нихъ, между прочимъ, Калэ; убитъ въ 1563 г. V, 374.

Gunningson, miss, см. **Hamilton.**

Guttemberg (Jean), изобрѣтатель книгопечатанія, р. около 1400 г. въ Майнцѣ, † 1468 г. V, 342.

H.

Halifax, лордъ. 227.

Hamden, г-жа. 235.

Hamilton, англ. герцогская фамилія. 212.

Hamilton, герцогиня. 217.

Hamilton, коллекціонеръ въ Лондонѣ. V, 412.

Hamilton (Archimbald), лордъ. 226.

Hamilton, полномоч. мин. въ Неаполѣ, канцлеръ. 226.

Harcourt, графъ, англ. послан. при франц. дворѣ. 227.

Hardwicke, графъ. 227, 228.

Harley, лордъ, знамен. госуд. человѣкъ въ царств. Анны. 223, 321, 322.

Harrington, лэди. 226, 227.

Harrington, лордъ. 225, 226.

Harting, житель Гаги. V, 357.

Harwich, лордъ, государ. секретарь. 236.

Hawke, адмиралъ. 324.

Heissler, купецъ въ Берлинѣ. V, 339.

Heninor (?), m-lle. V, 356.

Henri, прусскій принцъ. 272, 273.

Henri II, англійскій король, р. 1133 г., вступилъ на престолъ 1154 г., † 1189 г. V, 377; VI, 236, 318.

Henri III, англ. король, воцарился 1216 г., † 1272 г. V, 410.

Henri IV, англ. король, р. 1367 г., 1399 г. свергъ съ престола Ричарда II, † 1413 г. 376.

Henri VI, англ. король, р. 1421 г., † 1472 г., 9 мѣс. отъ роду провозглашенъ королемъ Англіи и Франціи подъ регентствомъ дяди своего герцога Бедфорда; былъ побѣжденъ Карломъ VII при помощи т. н. Орлеанской дѣвы и потерялъ французскую корону. V, 383, 410; VI, 220.

Henri VII, родоначальникъ фамиліи Тюдоровъ, англ. король, р. 1458 г., † 1509 г. V, 411; VI, 220.

Henri VIII, англ. король, р. 1491 г., вступилъ на престолъ 1509 г., † 1547 г. V, 382, 383, 389, 390, 408—410, 417, 418; VI, 208, 214.

Henri IV, франц. король, прозван. Великимъ, р. 1553 г., воцарился 1594 г., убитъ 1610 г. 231, 353, 356, 357, 395.

Henri-Frédéric, duc de Cumberland. 213.

Herbert, см. **Pembroke.**

Hereford, виконтъ. 230, 233.

Hereford, графъ, великій камергеръ при англ. дворѣ. V, 378.

Herreria, дипломатъ. 424.

Hertford, графъ, бывш. англ. послан. во Франціи и ирландскій вице-король. 227.

de **Hesse-Darmstadt**, наслѣдный принцъ, вѣроятно, Людовикъ X, р. 1753 г., † 1830 г., братъ первой супруги Павла Петровича Наталіи Алексѣевны, съ 8 ноября н. с. 1769 г. состоялъ студентомъ Лейденскаго университета, женатъ на своей кузинѣ принцессѣ Луизѣ Гессенъ-Дармштадтской. V, 381; VI, 254.

Hills Marie, лэди. 236.

Hills Charlotte, лэди. 236.

Hoare, англ. землевладѣлецъ. V, 407.

Holland (Henri Fox, lord), р. 1705 г., † 1774 г., англ. госуд. дѣятель, постоянный противникъ Питта. 237.

Hompesch, графъ, bailli de Wœrden, представитель фамиліи, вышедшей изъ Вестфаліи и слившейся въ 1722 г. съ древней фам. Гейденъ (съ 1790 г. въ рус. подданствѣ). V, 344, 349, 381.

Hoop (правильнѣе Hope), братья, амстердамскіе банкиры. V, 350, 351, 375.

Hoop Adrien (правильнѣе **Hope**), банкиръ, любитель живописи. V, 351.

Horton, г-жа. 213, 214.

van der **Houff** (вѣрнѣе Hoeven), жена амстердамскаго городского головы. V, 351.

Howard, англ. изв. дворянская фамилія. V, 389.

Howard, графъ. 222.

Howard, лордъ. 224.

I.

Irnham, лордъ. 213.

Isabelle, датская королева. V, 370.

J.

Jacques I, англ. король, р. 1556 г., сынъ Маріи Стюартъ, съ 1567 г., по отреченіи матери своей, король шотландскій; въ 1603 г. вступилъ на англ. престолъ, † 1625 г. V, 383, 384, 391, 408, 411; VI, 218, 233, 234.

Jacques II, англ. король, второй сынъ Карла I, р. 1633 г., † 1701 г., наслѣдовалъ престолъ послѣ своего брата Карла II въ 1685 г. V, 393, 416; VI, 214, 217, 221.

Jean Sans Terre, англ. король, р. 1166 г., † 1216. V, 418.

Jean II (le Bon), фр. король, р. 1319 г., вступилъ на престолъ 1350 г., 1355 г. разбитъ англ. принцемъ Эдуардомъ и отведенъ въ плѣнъ въ Лондонъ; † 1364 г. V, 410.

John, миссъ, дочь придворной поставщицы кружевъ. V, 376.

Johnson (Caecilia), лэди. 228.

Johnson, ген.-губернаторъ острова Минорки. 228.

K.

Kaby, см. **Stafford**.

van **Kampen**, гарлемскій садовникъ. V, 341.

Keppel, г-жа. 222.

Keroualle, или **Kerhoual**, duchesse de Portsmouth, фаворитка Карла II, англ. короля; р. 1649 г., † 1743 г. 215.

Kerroux, преподаватель латин. и фр. яз. кн. Александра Бор. Куракина въ Лейденѣ. V, 334; VI, 246, 371.

Kingston, герцогиня. V, 387.

Kingston, герцогъ. V, 384, 386, 388.

Kneif, правильнѣе **Knyff** (Pierre-Joseph-André), р. 1713 г., † 1784 г., каноникъ антверпенскаго собора (см. Nobiliaire des Pays-Bas et du comté de Bourgogne par le baron Herckenrode). V, 364.

Kock, собственникъ картинной галлереи въ Антверпенѣ. V, 364.

Kresselmar, гол. майоръ. 302.

L.

La Fermière, фр. гувернеръ въ Петербургѣ. 346.

Lafosse (Ant. d'Aubigny de), драм. поэтъ, р. 1653 г., † 1708 г. 429.

La Leroy, амстердамскій ювелиръ. V, 354.

Lampsing (правильнѣе Amsincq), жительница Лейдена. V, 340; VI, 247.

de **Lancaster** (Marguerite), мать англ. короля Генриха VII. 220.

Languet de Gergy (J.-B.-Joseph), р. 1675 г., † 1750 г., знамен. священникъ церкви Св. Сульпиція въ Парижѣ. 390.

Lapierre (правильнѣе La Pierre), фр. купецъ въ Лейденѣ. V, 334, 336, 341, 344; VI, 371.
Lapierre, банкиръ въ Антверпенѣ. V, 361.
La Quintinie, изв. фр. агрономъ, р. 1626 г., † 1688 г. 363.
La Ruette, извѣстная пѣвица. 339.
Lassy, дипломатъ. 424.
Lebeau, фр. историкъ и непремѣн. секретарь Академіи наукъ. 358.
Le Blanc, фр. драматургъ. 338.
Lebrun (Charles), знамен. фр. художникъ, р. 1619 г., † 1690 г. 357, 365, 388.
Lefort (правильнѣе Le Fort), Петръ Петровичъ, баронъ, саксон. ген.-майоръ, 1758 г., во вниманіе къ заслугамъ Россіи отца его и дѣда, принятъ въ россійскую службу и назначенъ оберъ-церемоніймейстеромъ Высочайшаго Двора; 1760 г. по его проекту учреждена госуд. лоттерея для содержанія отставныхъ и раненыхъ офицеровъ и рядовыхъ, и самъ онъ сдѣланъ генералъ-директоромъ этой лоттереи, подъ протекціею Прав. Сената. V, 343.
Leinster, герцогъ. 235.
Lekain, знам. фр. актеръ. 339, 375, 429.
Lemoyne, изв. скульпторъ, р. 1665 г., † 1755 г. 387.
Le Nôtre (André), фр. архитекторъ и рисовальщикъ садовыхъ плановъ, р. 1613 г., † 1700 г. 363.
Léon X (Jean de Médicis), р. 1475 г., † 1521 г., уже 13 лѣтъ былъ избранъ кардиналомъ, изв. папа римскій. 415.
Léopoldine, брабантская эрцгерцогиня. V, 367.
Lesselles, эсквайръ. V, 398.
Lestevenon van Berkenrode, главный судья и начальникъ полиціи (drossart) въ гол. городѣ Бредѣ (въ Сѣв. Брабантѣ). V, 356.
Leveux, банкиръ въ Калэ. V, 351, 375.
de **Leyde**. 246.
de **Ligne**, принцъ. V, 365.
Ligonier, фельдм. 216.
Lincoln, лордъ. V, 386.
Lindsey, маркизъ. V, 425.
Littelton, правильнѣе **Lyttleton**; см. это слово.
Lockhorst, г-жа, представительница старинной гол. фамиліи, нынѣ угасшей. V, 348.
Louis VIII, прозванный Львомъ, фр. король, р. 1187 г., воцарился 1223 г., † 1226 г. 356.
St-**Louis**, или **Louis** IX, фр. король, р. 1215 г., воцарился 1226 г., † 1270 г. 356.
Louis XI, фр. король, р. 1423 г., † 1483 г. 416.
Louis XIII, фр. король, прозванный Справедливымъ, р. 1601 г., воцарился 1610 г., † 1643 г. 365.
Louis XIV, фр. король, р. 1638 г., † 1 сент. н. с. 1715 г., 1643 г. наслѣдовалъ престолъ подъ опекою матери; 1660 г. женился на австр. принцессѣ Маріи-Терезіи; 1666 г. сталъ самостоятельно править государствомъ. V, 345; VI, 215, 298, 321, 344, 351, 356, 357, 362, 363, 365—367, 371, 374, 384—386, 392—394, 408, 416, 420.
Louis XV, фр. король, правнукъ Людовика XIV, р. 1710 г., † 1774 г. 340, 361—363.
Lowther, chevalier. 223.
Lublin, табачный торговецъ, обладатель картин. галлереи въ Амстердамѣ. V, 355.
de **Luders**, секретарь русскаго посольства въ Лондонѣ; о немъ говорится въ книгѣ Блюма о гр. Сиверсѣ. V, 406.
Lutterel, полковникъ. 213.
Lyttleton (George), лордъ, р. 1709 г. въ своемъ имѣніи „Hagley", † 1773 г., англ. госуд. дѣятель и писатель. V, 404; VI, 236.

M.

Macartney (George), 1765—1766 гг. полномоч. англ. мин. въ Россіи. 223.

Mackenzie, оберегатель шотландской государственной печати. 223.

Mademoiselle, см. **Montpensier**.

Malborough, извѣстная англ. герцогская фамилія. V, 409.

Malborough (Sarah), герцогиня. 224, 228, 235.

Malborough, герцогъ, знамен. англ. ген. V, 383; VI, 321.

Manners (Jean), duc de Rutland. 216.

Mansart, извѣст. фр. архитекторъ, р. 1598 г., † 1666 г. 365.

Mansfield, лордъ, первый судья королевства, р. 1705 г., † 1793 г. 213, 236.

March, графъ. 226.

Marie II, англ. королева, р. 1662 г., † 1695 г., дочь Іакова II, супруга принца Оранскаго, впослѣдствіи короля Вильгельма III. V, 393; VI, 214.

Marie Stuart, королева англ. и шотландская, р. 1542 г., казнена 1587 г. V, 390, 391.

van der **Mark**, лейденскій бургомистръ, собиратель картинъ. V, 340.

Marmontel, фр. писатель, р. 1723 г., † 1799 г. 376.

de **Marsh**, лордъ. 217.

Masham, г-жа, фаворитка королевы Анны. 235.

Masham, лордъ. 235.

Masseran, князь, испан. послан. V, 425.

Matty, докторъ. V, 381, 419.

Mayane, амстердамскій ювелиръ. V, 354.

Mazarin, фр. извѣст. мин. 335, 392.

de **Meaupou** (René-Nicolas), фр. канцлеръ, р. 1714 г., † 1792 г. 351.

de **Médicis** (Marie), р. 1573 г., † 1640 г., съ 1600 г. супруга фр. короля Генриха IV. 395.

Mello (вѣроятно, Pedro de), португальскій послан. въ Лондонѣ. V, 379.

van **Merlen**, торговецъ кружевами. V, 362.

Mérode, графиня, вѣроятно, супруга бельг. сенатора гр. Гейнриха Мерода и мать гр. Вильгельма Мерода, († 1830 г.), брюссельскаго мэра и оберъ-гофм. при дворѣ гол. короля. V, 365.

Mirabeau (Victor Riquetti, marquis de), фр. экономистъ и писатель, отецъ знамен. дѣятеля фр. революціи, р. 1715 г., † 1789 г. 368.

Moengs (правильно Mengs), извѣстный нѣм. художникъ, † 1779 г. 220.

Molé, фр. актеръ. 339, 375.

Molière, знам. фр. писатель, р. 1622 г., † 1673 г. 373.

van **Moll**, владѣлецъ замѣчательнаго сада въ Утрехтѣ. V, 345.

de **Monaco**, принцъ. V, 378.

de **Monmouth**, герцогъ. 216.

de **Monsigny**, изв. фр. композиторъ, р. 1729 г., † 1817 г. 376.

Montagu (lady Marie Whorsley), правильно **Montague** (lady Mary **Wortley**), р. 1690 г., † 1762 г., англ. писательница, одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ XVIII в. 223.

Montagu, послѣдній герцогъ. V, 418, 425; VI, 220, 236.

de **Montespan**, фаворитка Людовика XIV, р. 1641 г., † 1707 г. 394.

Montesquieu, фр. знамен. публицистъ и философъ; р. 1689 г., † 1755 г. 420.

de **Monteynard**, маркизъ, фр. воен. мин. 410.

Montpensier (Anne-Marie-Louise d'Orléans, duchesse de), извѣстная подъ именемъ „Mademoiselle“, р. 1627 г., † 1693 г., племянница Людовика XIII. 395.

Moreau, фр. архитекторъ. 394.

Morgani (правильно **Morgagni**), р. 1682 г., † 1771 г.; извѣстный врачъ и писатель. 358.

Morin, содержатель гостинницы въ Брюселѣ. V, 365.

Mossel, любитель живописи въ Лейденѣ. V, 340.
Mount-Stuart, лордъ, см. **Bute**.
Muller, нѣм. механикъ, устроитель знам. органа въ Гарлемѣ. V, 342.

N.

Nagelsworth, содержатель гостинницы въ Лейденѣ. 242, 243.
de **Nassau-Siegen**, принцъ, вѣроятно, Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ, р. 1745 г., † 1818 г., 1759 г. вступилъ въ франц. службу, съ 1788 г. адм. рус. флота, побѣдитель турокъ при Очаковѣ; въ 1790 г. разбитъ шведами при Выборгѣ и принужденъ оставить Россiю. V, 381.
Néron, римскiй императоръ, р. въ 37 г. по Р. Х., † 68 г. V, 423; VI, 420.
de **Neuwied**, графъ, житель Гаги. V, 343.
Newcastle, герцоги. V, 384—386, 393, 410, 425.
Newcastle, герцогъ. 237, 310.
Newton Исаакъ, знам. математикъ, р. 1642 г., † 1727 г. V, 382, 410.
de **Nivernais**, герцогъ, р. 1716 г., † 1798 г., акад.микъ. 368.
de **Noailles**, супруга фр. послан. при гол. дворѣ. 298.
Norfolk, герцогская фамилiя, владѣвшая графствомъ того же имени въ восточной Англiи и происходящая отъ второго сына короля Эдуарда I. Въ XIV в. Маргарита, послѣдняя герцогиня Норфолькъ, передала свой титулъ мужу своему Роберту Говарду. Норфольки занимаютъ въ Англiи то же мѣсто, что и Монморанси во Францiи: глава этой фамилiи имѣетъ титулъ перваго герцога, перваго маркиза, перваго графа и перваго барона въ королевствѣ. V, 384, 388, 389, 391.
North, лордъ, первый англ. мин. 238, 309.
Nugent, mister, vicomte de Clare. 222.
Numsen, камергеръ. 424.
Nuneham, лэди. 227.

O.

Oakes, голланд. дипломатъ. 336.
Oblet, французъ, содержатель гостин. въ Утрехтѣ, въ которой останавливался кн. Александръ Бор. Куракинъ. V, 344.
Œlmann, берейторъ, вѣроятно, тоже лицо, что далѣе **Tielman**. V, 334.
Oldecop, коммерческiй агентъ рус. Двора въ Амстердамѣ; кн. Александръ Бор. велъ съ нимъ впослѣдствiи переписку до самой его смерти (если не ошибаемся, въ 1795 г.). V, 355.
d'**Orange**, принцесса. 297.
d'**Orange**, принцъ, гол. штатгальтеръ. V, 357, 366, 393, 394; VI, 289, 291, 297, 299.
d'**Orléans**, фр. герцогскiй домъ; герцогъ Орлеанскiй Люи-Филиппъ съ 1830 г. былъ фр. королемъ. 394.
d'**Orléans** (Henriette), принцесса. 215.
Orléans (Gaston, duc d'), 3-й сынъ Генриха IV и братъ Людовика XIII, р. 1608 г., † 1660 г. 395.
d'**Orléans** (Louis-Philippe), герцогъ, р. 1725 г., † 1785 г., покровитель наукъ и литературы. V, 381; VI, 394.
Ormond, герцогъ, англ. фельдм. 321, 322.
Osborne (George). V, 406.
d'**Osnabrück**, епископъ. 222.
d'**Ostvoorn**, житель Лейдена. 246.
Ouverguerck, вѣроятно, **Overgury** (Thomas), англ. поэтъ, былъ долгое время другомъ и совѣтникомъ Роберта Карра, графа Сомерсета, фаворита Якова I; онъ противился браку его съ графиней Эссексъ, но влюбленные сумѣли упрятать его въ тюрьму, гдѣ онъ погибъ отъ яда (1613 г.). 233.
d'**Oxford**, графъ, см. **Harley**.

P.

Parker, виконтъ. 224.
de **Paulmy**, маркизъ, членъ фр. академiи наукъ, статсъ-секрет. и мин. 358, 359.

Pelham, лордъ. 237.

Pellissary de **Salcomay** (правильно Salconnay), воспитатель принца Оттона нассау-зигенскаго (см. это слово). V, 381.

Pembroke (Herbert), графъ. V, 407.

Percy, duc et comte de Northumberland. 219.

Percy, графъ, полковникъ. 219, 223.

Perle, возлюбленная вице-канцл. Безбородка, быть можетъ, внучка фехтмейстера Петра Перль (1669 г.). V, 338, 339.

Perrault (Claude), р. 1613 г. въ Парижѣ, † 1688 г., извѣстный фр. архитекторъ, академикъ. 384.

Pestel Фридрихъ-Вильгельмъ, нѣмец. юристъ, р. 1724 г., † въ Лейденѣ 1805 г., сынъ профессора морали и права въ Ринтельнскомъ университетѣ, оставившаго около 60 сочиненій; съ 1767 г. читалъ въ Лейденѣ естественное и публичное право; 1795 г. вслѣдствіе привязанности къ оранскому дому долженъ былъ оставить свою кафедру, которую возвратили ему въ 1801 г.; отъ него осталось также не мало ученыхъ сочиненій. Множество писемъ его, сохранившихся въ Надеждинскомъ архивѣ, и отвѣтныхъ черновиковъ кн. Александра Бор. Куракина свидѣтельствуетъ о добрыхъ отношеніяхъ между ученикомъ и наставникомъ. Замѣтимъ кстати, что русская фамилія Пестелей, къ коей принадлежали извѣстный московскій почтъ-директоръ въ прошломъ вѣкѣ Борисъ Владиміровичъ, ген.-губ. Восточной Сибири Иванъ Борисовичъ и командиръ Вятскаго полка Павелъ Ивановичъ, повѣшенный въ 1826 г., совсѣмъ другого происхожденія и ведетъ свое начало отъ Владиміра Пестеля, также московскаго почтъ-директора при Елисаветѣ Петровнѣ, вступившаго въ русскую службу въ 1718 г. V, 333, 334, 337, 341; VI, 243, 244, 247, 252, 254, 258, 284, 301, 370, 371, 400.

Philippe II, испанскій король, р. 1527 г., † 1598 г. V, 359, 417.

Philippe III (le Bon), герцогъ бургонскій, вступилъ на престолъ 1419 г., † 1467 г. V, 368.

Pierre, см. **Lapierre**.

Pitt (William), lord Chatam, р. 1708 г., † 1778 г., знамен. мин. 222, 224, 228—230, 233, 238, 325.

Polnitz, правильно **Poellnitz** (Charles-Louis, baron de), р. 1692 г., † 1775 г., нѣм. авантюристъ, извѣстный мемуарами (1734 г.). 224.

Polus, кардиналъ, р. 1500 г., † 1558 г., родственникъ Генриха VII и Эдуарда IV. V, 376.

de **Pompadour** (Jeanne-Antoinette Poisson, marquise de), фаворитка Людовика XV; р. 1721 г., † 1764 г. 367.

de **Porter**, другъ рус. послан. въ Лондонѣ гр. Мусина-Пушкина. V, 406.

Portland, герцогъ. V, 384, 393, 394; VI, 223, 233.

Pouteau (Claude), знам. фр. хирургъ, р. 1725 г., † 1775 г. 351.

Povis, лордъ. V, 425.

Préville, знам. фр. комикъ, р. 1721 г., † 1799 г. 375.

de **Provence** (M-me), супруга Людовика XVIII. 357, 365.

Pufendorf Самуилъ, баронъ, изв. ученый юристъ и историкъ, р. 1632 г., † 1694 г. 266.

Q.

Queensbury, герцогъ. V, 425; VI, 212, 217.

R.

Racine, знам. фр. писатель, р. 1639 г., † 1699 г. 343, 373.

Radcliffe, владѣлецъ фабрики бархата и шелка. V, 398.

Raphaël Sanzio, величайшій изъ художниковъ, прозванный Гомеромъ жи-

вописи, р. 1483 г., † 1520 г. 219, 366.
de **Rapin-Thoyras** (Paul), историкъ, р. 1661 г., † 1725 г.; 1724 г. онъ издалъ въ восьми томахъ исторію Англіи. 306.
Rathsamhausen, баронъ, подъ 1769 г. значился въ спискахъ студентовъ Лейденскаго университета: „Samson Baro de Ratzamhausen, vir nobilis ex comitatu Serenissimi Principis". 301.
de **Raye** de **Brenkelwarth**, вѣроятно, **Raye** de **Brenkelerward**, т. е. владѣлецъ Brenkeler, сеньёріи въ Утрехтской провинціи; по-голландски просто van Rooy, лейденскій знакомый кн. Александра Бор. Куракина. V, 340, 381; VI, 301.
Rembrandt, знам. голланд. художникъ, р. 1606 г., † 1674 г. въ Амстердамѣ. V, 351.
Reperda, герцогъ. 225.
Richard II, англ. король, р. 1366 г., воцарился 1377 г., † 1399 г. V, 411.
Richard III, англ. король, р. 1452 г., вступилъ на престолъ 1483 г., † 1485 г. V, 389, 392.
Richelieu (Armand du Plessis, duc de), кардиналъ, знам. мин. Людовика XIII, р. 1585 г., † 1642 г. 388, 394, 407, 416, 420.
Richmond (Charles Lenox), герцогъ. 215.
Robert II (Stuart), шотландскій король, р. 1316 г., † 1390 г. 223.
Robinson, англ. послан. при вѣнскомъ Дворѣ. 237.
Rochefort, графъ, англ. статсъ-секретарь. 309, 325.
Rockingham, маркизъ. V, 394.
van **Roggen**, ректоръ лейденскаго университета. V, 333.
Romney, лордъ. 235.
Ronquillo (don Pedro), испан. дипломатъ. V, 411.
Routebulle, псевдонимъ Сальдерна, воспитателя кн. Александра Бор. Куракина. V, 358.
Rossignol, фр. консулъ въ Петербургѣ. V, 338.
Rousseau, знам. писатель, р. 1712 г. въ Женевѣ, † 1778 г. 420.
Rubens, знам. фламандскій живописецъ, р. 1577 г., † 1640 г. V, 360, 362—364, 370; VI, 395.
Runckenius (David), знамен. филологъ, р. 1723 г. въ Помераніи, † 1798 г., 1757—1761 гг. профес. греческаго языка въ лейденск. университетѣ, 1762—1770 гг. профессоръ исторіи и краснорѣчія, съ 1771 г. библіотекарь. V, 343.

S.

Sackville (George), лордъ. 218.
Sackville, duc de Dorset. 218.
Sainval, франц. трагич. актриса, р. 1742 г., окончила свою артистич. карьеру въ 1779 г. вслѣдствіе продолж. ссоръ съ Вестрисъ, своей соперницей. 339, 374.
Salisbury, см. **Cécil** (Robert).
Salisbury, графъ. 221.
Sandbridge, лордъ. 239.
Sandwich, графъ, первый лордъ адмиралтейства. V, 407; VI, 309, 324.
Scarsdale, лордъ. V, 402.
Schlegel, нѣмецкій поэтъ, р. 1718 г., † 1749 г. 428.
Schleiber, сынъ президента гол. двора. 302.
Schœpflin, профес. политической исторіи въ Страсбургѣ. 358.
Schoseel, антверпенскій бургомистръ. V, 364.
Scott, duc de Buccleugh. 216.
Servandoni, извѣст. художникъ и архит., р. во Флоренціи 1695 г., † 1766 г. 389.
Shakespeare, знам. англ. драматургъ, р. 1564 г., † 1616 г. 427.
Shirley, графъ. 223.
Sibert I, король Эссекса. V, 410.
Sifton, графиня. 226.
de **Sigrais** (Claude-Guillaume Bourdon de), франц. академикъ, р. 1715 г., † 1791 г. 358.

Simon, банкиръ. V, 378.
Sloane (Hans), знам. ирланд. ботаникъ, р. 1660 г., † 1752 г. V, 419.
Smetz, г-жа. V, 362.
Smithson, см. **Percy**.
Somerset, канцлеръ Кембрижскаго университета. V, 383.
Somerset, графъ. 233.
Somerset, герцогъ. 219.
Sorbon (Robert), р. 1201 г., † 1274 г., духовникъ Людовика IX, ученый теологъ, основатель Сорбонны. 388.
Spencer (George), duc de Malbrough. 216.
Stafford, графъ, знамен. дипломатъ. V, 394, 410; VI, 224.
Stahremberg, принцъ. V, 365.
Stanhope (Henriette), лэди. 226.
Stanhope, графъ. 225.
Stanley, comte de Derby. 220.
Stavordale, лордъ. 228.
Stockton, продавецъ вина. V, 378.
Strange, лордъ. 220.
Strong, каменщикъ. V, 413.
Stuart, шотландскій королевскій домъ. V, 394; VI, 223, 233, 319, 320, 323.
Stuart, de Whorsley. 223.
Stuart, капитанъ. 223.
Suffolk, лордъ, англ. статсъ-секретарь. 235, 309, 325.
Sully (Maximilien de Béthune, duc de), р. 1560 г., † 1641 г., мин. Генриха IV, авторъ драгоцѣнныхъ мемуаровъ, вышедшихъ въ первый разъ въ 4 томахъ въ 1634—1662 гг. 221, 353.
Suzette, фр. опереточная актриса. V, 365.

T.

Tacite, римскій историкъ, р. около 54 г., † 130 г. или 134 г. V, 423.
Talbot, lord, comte de Shrewsbury. 220.
Tallart (Camille d'Hostun, duc de), р. 1652 г., † 1728 г., 1703 г. фр. маршалъ. V, 409.
Tavistock, лордъ. 215.
Téniers (David), фламандскій художникъ, р. 1582 г., † 1649 г., ученикъ Рубенса. 395.
Testard, сынъ лейденскаго бургомистра, капитанъ. V, 349.
Thiébaut, содержатель гостинницы въ Амстердамѣ. V, 350.
Tielman, берейторъ при Лейденскомъ университетѣ. 246.
Titon du Tillet, р. 1677 г., † 1762 г., любитель наукъ и литературы. 392, 393.
Torrington, виконтъ. 234.
Tothergill, фабрикантъ въ окрестностяхъ Бирмингама. V, 403.
Townsend, виконтъ. 233.
Townsend (Thomas). 233.
de **Tresmes**, герцогъ. 360.
Trevor, лордъ. 235.
Tronchin (Théodore), р. 1709 г., † 1781 г., академикъ, лейбъ-медикъ герцога Орлеанскаго, пользовавшій также графа Николая Петровича Шереметева въ 1772 г. 351.
Tudor, англ. королевскій домъ, царствовавшій съ 1485 г. по 1603 г. V, 394.
Turenne, вѣроятно, знам. фр. маршалъ, р. 1611 г., убитъ 1675 г.; оставилъ мемуары, опубликованные въ 1782 г. 383.
Turpin, преподаватель исторіи и писатель, р. 1709 г., † 1799 г. 431.

U.

d'**Upper-Ossory**, графъ. 215.
d'**Ursel**, герцогъ, губернаторъ Брюсселя, представитель очень древней фамиліи, имѣвшей въ своей средѣ графовъ, герцоговъ и князей римской имперіи; титулъ графа d'Ursel былъ данъ фамиліи Schetz, comte van Grobbendonck. V, 368.

V.

Vanrogen, правильнѣе van **Roggen**; см. это слово.
van den **Velde**, знам. голландскій художникъ. 395.
Verelst, chevalier, житель Брюсселя, можетъ быть, сынъ фламандскаго

живописца Симона Вереста, р. 1664 г., † около 1715 г.; онъ былъ извѣстенъ картинами фруктовъ и плодовъ, а затѣмъ, переселившись въ Лондонъ, сталъ портретистомъ; отъ чрезмѣрныхъ похвалъ онъ сошелъ съ ума. V, 369.
Véronèse (Paul), знам. итал. художникъ, р. 1530 г., † 1588. 367.
Verteuil, актриса въ брюссельскомъ театрѣ. V, 365.
Vestris, знам. фр. трагич. актриса, р. 1746 г., † 1804 г. 374.
Vestris, знам. фр. балетмейстеръ. 246.
Villers (George), см. **Buckingham**.
Villeroi, герцогъ. 360.
Villiers, графъ. 226.
Voltaire, знам. фр. философъ, р. 1694 г., † 1778 г. 221, 373, 420, 427.
Vorhelm, гарлемскій садовникъ. V, 341.
Vossius (Isaacus), р. 1618 г. въ Лейденѣ, † 1689 г. въ Англіи, сынъ знам. Герарда Воссія, нѣмец. ученаго, переселившагося впослѣдствіи въ Голландію; жилъ нѣкоторое время въ Швеціи, гдѣ былъ библіотекаремъ и преподавателемъ греческаго языка королевы Христины. V, 342.
Voyer, см. **Argenson**.

W.

Wade, генералъ. V, 425.
Waldgrave, графиня. 213.
Walpole, виконтъ. 224.
Walpole, лордъ. 236.
Walpole (Robert), знам. англ. госуд. дѣятель. 213, 224, 225, 228, 236, 320.
Walpole (Thomas), братъ лорда. 236.
Walpole (Thomas), лондонскій банкиръ. V, 350, 379.
Wartenberg, графиня. 224.
Wechmeister (правильно Wachtmeister), графиня Софія Алексѣевна, супруга гр. А. С. Мусина-Пушкина. V, 379.
Wedmouth, виконтъ. 233.
Wentworth, лордъ. 220.
West, англ. старинная дворянская фамилія. 228.
Wilkes (John), англ. публицистъ и ораторъ, р. 1727 г., † 1797 г. 213.
Wilkes, графъ. 227.
Williams, англ. посланникъ въ Россіи. 222.
Witt, амстердамскій бургомистръ, потомокъ знам. пенсіонарія Ивана Виттъ. V, 348.
Whorsley, см. **Bute**.
Wolsey (Thomas), р. 1471 г., † 1530 г., кардиналъ, епископъ іоркскій, министръ Генриха VIII. V, 408; VI, 208.
Wren, англ. архитекторъ. V, 413.
Wycombe, лордъ. 237.
Wyndham, графъ. 227.

Y.

van den **Yvar**, братья, парижскіе банкиры. V, 351.
d'**Yorck**, англ. посланникъ въ Гагѣ. V, 356, 378; VI, 228.

Z.

Zuckmantel, баронъ, фр. послан. въ Венеціи. 359.
Zwingle (Ulrich), знам. реформаторъ, швейцарецъ, р. 1484 г., † 1531 г. V, 391.

Примѣчанія къ VI книгѣ „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“.

На стр. 459—461 тома V „Архива кн. Ф. А. Куракина“ мы помѣстили списокъ бумагъ князя Григорія Семеновича Куракина, уже обнародованныхъ въ нашей исторической литературѣ. Въ настоящую минуту приводимъ таковой же перечень относительно другихъ членовъ рода князей Куракиныхъ, насколько намъ удалось розыскать ихъ письма, статьи и бумаги въ разныхъ книгахъ и журналахъ.

Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ, бояринъ, воевода тобольскій († 1632 г.).

4 отписки его царю Михаилу Феодоровичу о путяхъ сообщенія изъ Мангазеи на Русь, отъ 6 февраля и 22 марта 1616 г., 17 ноября 1617 г., 11 іюля 1619 г. Рус. Ист. Библіотека, изд. Археографическою Коммиссіею, т. II. Спб. 1875 года. Столб. 1049—1056, 1059, 1070—1073.

Князь Василій Семеновичъ Куракинъ, воевода на Москвѣ 1618 г. († 1623 г.).

Отписка воеводъ кн. В. С. Куракина и Ивана Бутурлина съ просьбою недозволять служилымъ людямъ переписываться изъ полка въ полкъ. Акты Московскаго государства, изданные Импер. Академіей наукъ подъ редакціей Н. А. Попова. Т. I. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571—1634 гг. Спб. 1890 г. № 114, стр. 149.—Отписка тѣхъ же воеводъ, что дѣти боярскія являются на службу пѣши, а потому на заставу и въ проѣзды посылать ихъ нельзя. № 115, стр. 150.—Отписка тѣхъ же воеводъ объ ослушаніи дворянъ ѣздить въ подъѣзды и на заставы. № 117, стр. 150.—Отписка тѣхъ же воеводъ о неявкѣ на заставу дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, а также стремянныхъ и надворныхъ конюховъ. № 119, стр. 151.

Князь Феодоръ Семеновичъ Куракинъ, бояринъ, воевода въ Калугѣ († 1656 г.).

Отписка воеводъ кн. Ф. С. Куракина и кн. Феодора Волконскаго 1633 г. объ отказѣ Ивана Кошкарова да двухъ медынцевъ взять государево денежное жалованье и быть на

службѣ, по причинѣ разоренія ихъ помѣстій. Тамъ же, № 597, стр. 555—556.—Отписка тѣхъ же воеводъ 1633 г. объ отказѣ служилыхъ людей брать государево жалованье и идти на службу по причинѣ ихъ разоренія отъ татаръ; здѣсь же государева грамота къ воеводамъ. № 598.—Отписка тѣхъ же воеводъ 1633 г. о пьянствѣ служилыхъ людей. № 599, стр. 557.—Доклады тѣхъ же воеводъ 1634 г. о количествѣ ратныхъ людей въ Калугѣ и требующихся для нихъ зельѣ и свинцѣ: было тамъ со стольникомъ и воеводою кн. Ф. С. Куракинымъ пѣшихъ людей съ огненнымъ боемъ 1402 ч. № 603, стр. 566.—Отписка воеводы кн. Ф. С. Куракина 1634 г. о недостаткѣ конскихъ кормовъ у ратныхъ людей его полка и о мѣрахъ, принятыхъ имъ для добычи кормовъ. № 656, стр. 609.—Отписка его же 1634 г. о пожарѣ города Боровска. № 642, стр. 591—592. О томъ же—№ 643; сгорѣло, между прочимъ, все имущество князя: такъ исчезали фамильные документы кн. Куракиныхъ.—Отписка калужскихъ воеводъ кн. Ф. С. Куракина и кн. Ф. Ф. Волконскаго 1634 г. о пораженіи польско-литовскихъ людей въ селѣ Сухиничахъ Мещевскаго уѣзда. № 613, стр. 571. —Отписка воеводы кн. Ф. С. Куракина 1634 г. съ приложеніемъ челобитной служилыхъ людей его полка о посылкѣ ихъ изъ Боровска для защиты украинныхъ городовъ отъ польскихъ набѣговъ. № 660, стр. 613—614.—Письмо его кн. Василію Васильевичу Голицыну отъ 3-го іюля (годъ не обозначенъ) изъ Москвы. Временникъ Имп. Моск. Общ. исторіи и древностей рос. Книга XII. М. 1852 г. Смѣсь, 36—37.

Князь Иванъ Григорьевичъ Куракинъ, бояринъ († 1682 г.).

Письмо его князю Василію Васильевичу Голицыну.—Временникъ Император. Московъ. Общества исторіи и древностей россійскихъ. Книга VI. 1850 г. Отдѣлъ смѣси, стр. 46. Сообщено И. Бѣляевымъ:

„Государю моему брату князю Василію Васильевичу братишко твой Ивашко Куракинъ челомъ бьетъ: государь, прикажи ко мнѣ писать о своемъ многолѣтнемъ здоровьѣ, какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ. А пожалуешь про насъ изволишь спросить: и государи мои, батюшко князь Григорей Семеновичъ и матушка княгиня Ульяна Ивановна, и язъ з' женишкою и з' дѣтишками при государской милости царя и великаго князя Федора Алексѣевича, всеа великія и малыя Россіи самодержца, іюля по 23-й день живы, а впереди Богъ воленъ. Сынъ твой, государь, князь Алексѣй Васильевичъ, въ походы за великимъ государемъ ѣздитъ. Буди, государь братецъ, тебѣ вѣдомо: іюля въ 20-й день женишку мою Богъ простилъ,—родила сына, а имя нарекли Борискомъ *). А по семъ тебѣ, государю своему, много челомъ бью“.

*) Знаменитый князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, р. 1676 г. іюля 20, † въ Парижѣ 1727 г. сентября 18.

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ († 1727).

Письмо, отъ 20 октября 1712 г., изъ Гаги къ гр. Б. П. Шереметеву.—Русская Старина 1872 г. Т. V, стр. 924.

Росписка, отъ 29 марта 1715 г., въ полученіи 5000 ефимковъ на покупку часовъ для Государыни.—Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общества. Т. XI. Спб. 1873 г., стр. 75.

Письмо, отъ 9 октября 1716 года, къ О. А. Соловьеву, съ препровожденіемъ росписки объ уплатѣ денегъ за напечатаніе Евангелія. Тамъ же, стр. 76.

Письмо на французскомъ языкѣ, отъ 26 мая 1717 года, изъ Марли къ маршалу де-Тессе о дипломатическихъ переговорахъ и о желаніи царя видѣть процессію съ участіемъ кардинала де-Ноаль. Тамъ же, т. XXXIV. Спб. 1881 г., стр. 207—208.

Письмо къ Петру В. изъ Гаги, отъ 29 января 1712 г. (Каб. дѣл. отд. II № 15; напеч. у Берха).—Елагинъ. Матеріалы для исторіи русскаго флота. Ч. I. Спб. 1865 г., стр. 273—274.

Письмо къ тому же изъ Гаги, отъ 1 марта 1712 г., о покупкѣ корабля въ Дюнкирхенѣ и объ отправленіи капитана. (Каб. дѣл. отд. II № 15; напеч. у Берха съ ошибкою въ мѣсяцѣ). Тамъ же, стр. 275—276.

Письмо къ тому же изъ Гаги, отъ 8 іюля 1712 г., о прибытіи въ Копенгагенъ корабля Эсперансъ (Каб. дѣл. отд. II № 15; напечатано у Берха). Тамъ же, стр. 293.

Выдержки изъ письма къ Салтыкову изъ Гаги, отъ 17 іюля 1712 г. (хранятся въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ Адмиралтейской канцеляріи, подъ № 17). Тамъ же, стр. 296.

Письмо къ Петру В., отъ 4 ноября 1712 г. (Каб. дѣл. отд. II № 15), и приложенныя при немъ 4 доношенія: 1) „Доношеніе, каково учинено его царскому величеству для покупки кораблей“, 2) „Что на лицо денегъ есть, и откуль надлежитъ ожидать“, 3) „Какимъ способомъ можно здѣсь деньги сыскать у купцовъ“, 4) „О строеніи кораблей“. Тамъ же, стр. 328—333.

Письмо къ тому же, отъ 26 декабря 1712 г. (Каб. дѣл. отд. II № 15); излагаетъ между прочимъ письмо Франца Поппа. Тамъ же, стр. 338—339.

Выдержка изъ письма къ Салтыкову изъ Гаги, отъ 19 января 1713 г. (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ Адмиралтейской канцеляріи, подъ № 17). Тамъ же, стр. 340.

Выдержка изъ письма къ Петру В., отъ 14 апрѣля 1713 г. (Каб. дѣл. отд II № 17). Тамъ же, стр. 358—359.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Гаги, отъ 25 іюля 1713 г. (Каб. дѣл. отд. II № 17), съ приложеніемъ „Вѣдѣнія о купленныхъ корабляхъ, которые отправлены и которые здѣсь". Тамъ же, стр. 417—418.

Письмо къ тому же, отъ 25 августа 1713 г. (Каб. дѣл. отд. II № 17). Тамъ же, стр. 428—429.

Письмо къ тому же, отъ 8 сентября 1713 г. (Каб. дѣл. отд. II № 17), съ приложеніемъ размѣровъ корабля Фортуны. Тамъ же, стр. 440.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Гаги, отъ 18 сентября 1713 г. Тамъ же, стр. 443.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Гаги, отъ 25 декабря 1713 г. (Каб. дѣл. отд. II № 17), съ приложеніемъ препорціи новокупленному кораблю Лефержу. Тамъ же, стр. 458.

Письмо къ тому же, отъ 5 марта 1714 г. (Каб. дѣл. отд. II № 20; напеч. у Берха); упоминается о покупкѣ корабля Ботавія. Тамъ же, стр. 464—465.

Письмо къ тому же изъ Гаги, отъ 3 августа 1714 г. (Каб. дѣл. отд. II № 20), о томъ, что онъ не можетъ „сыскать больше способа о подрядѣ прочихъ кораблей для того, что нѣтъ здѣсь такой вольности, какъ въ Англіи". Тамъ же, стр. 543.

Письмо къ тому же, отъ 4 января 1715 г., о желаніи купца Элтона взять на себя строеніе кораблей (Каб. дѣл. отд. II № 23). Тамъ же, стр. 586.

Письмо къ тому же, отъ 7 января 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23), въ отвѣтъ на указы царскіе отъ 12 и 28 ноября. Тамъ же, стр. 588.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Лондона, отъ 3 февраля 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23), о купцѣ Робинсонѣ и корабляхъ Свиверенѣ, Лондонѣ, Булимбрукѣ и Гретъ-Аленѣ. Тамъ же, стр. 592.

Письмо къ тому же изъ Лондона, отъ 15 февраля 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23), о препровожденіи построенныхъ кораблей до Копенгагена. Тамъ же, стр. 596.

Письмо къ тому же изъ Лондона, отъ 25 февраля 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23), съ жалобой на купца Робинсона. Тамъ же, стр. 597.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Лондона, отъ 8 марта 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23). Тамъ же, стр. 599—600.

Письмо къ тому же, отъ 5 апрѣля 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23; напеч. у Берха), съ просьбой „объ учиненіи немедленнаго рѣшенія о тѣхъ трехъ корабляхъ, кои Робинсонъ задержалъ“. Тамъ же, стр. 607.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Амстердама, отъ 26 апрѣля 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23). Тамъ же, стр. 613.

Письмо къ тому же, отъ 6 мая 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23; напеч. у Берха подъ 15-мъ числомъ мая), съ просьбою выслать денегъ на отправленіе кораблей и объ уплатѣ долга Робинсону. Тамъ же, стр. 620—621.

Письмо къ тому же, отъ 15 мая 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23; напеч. у Берха), о томъ, что адмиралъ Норисъ обѣщалъ купленные корабли подъ свою протекцію взять и проводить, и объ отвѣтѣ Бернсдорфа. Тамъ же, стр. 624.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Амстердама, отъ 24 іюня 1715 г. (Каб. дѣл. отд. № 23). Тамъ же, стр. 640.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ лагеря подъ Стральзундомъ, отъ 2 августа 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23). Тамъ же, стр. 657—658.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Берлина, отъ 3 августа 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23). Тамъ же, стр. 658.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ лагеря, отъ 30 августа 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23). Тамъ же, стр. 676—677.

Письмо къ тому же изъ лагеря, отъ 18 сентября 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23), съ приложеніемъ перевода письма Робинсона. Тамъ же, стр. 681—682.

Письмо къ тому же изъ лагеря, отъ 17 ноября 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23; напеч. у Берха въ сокращеніи), съ донесеніемъ, „каковы вѣдомости изъ Англіи получилъ“. Тамъ же, стр. 694—696.

Письмо къ Девіеру, отъ 29 ноября 1715 г. (хранится въ копіи въ Главномъ Морскомъ Архивѣ, при дѣлѣ графа Апраксина, подъ № 99). Тамъ же, стр. 697—698.

Письмо къ графу Ѳ. М. Апраксину изъ Гаги, отъ 6 февраля 1716 г. (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлѣ графа Апраксина, подъ № 126), съ приложеніемъ счета издержкамъ за корабль Булинбрукъ.—Елагинъ. Матеріалы для исторіи рус. флота. Часть II. Спб. 1865 г., стр. 10—11.

Выдержка изъ письма къ Петру В. изъ Англіи, отъ 18 мая 1716 г. (Каб. дѣл. отд. II № 27). Тамъ же, стр. 68.

Извлеченіе изъ письма къ тому же изъ Гаги, отъ 26 февраля 1720 г. (хранится въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлѣ графа Апраксина, подъ № 247), съ приложеніемъ проекта отправленія припасовъ къ строенію кораблей. Тамъ же, стр. 450—451.

Извлеченіе изъ двухъ писемъ къ тому же изъ Гаги, отъ 12 марта 1720 г. (хранятся въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлѣ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 453—455.

Донесеніе тому же изъ Гаги, отъ 14 іюня 1720 г. (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлѣ графа Апраксина, подъ № 247), о томъ, какимъ порядкомъ принять отправленный корабль. Тамъ же, стр. 492.

Донесеніе тому же изъ Гаги, отъ 1 іюля 1720 г. (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247), о великой трудности выпускать новопостроенные корабли изъ пристаней голландскихъ. Тамъ же, стр. 496.

Извлеченіе изъ письма къ тому же изъ Амстердама, отъ 29 іюля 1720 г. (Каб. дѣл. отд. II № 46). Тамъ же, стр. 504—505.

Донесеніе тому же изъ Гаги, отъ 25 августа 1720 г., относительно „армистиціи“ Швеціи и о трехъ корабляхъ (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 519—520.

Донесеніе тому же, отъ „ “ августа 1720 г., „о несчастливомъ случаѣ отправленнаго гекбота“ (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 521—522.

Письмо къ тому же изъ Гаги, отъ 13 сентября 1720 г., между прочимъ, о способѣ отправленія гекботовъ подъ протекціею короля прусскаго (Каб. дѣл. отд. II № 55). Тамъ же, стр. 525—526.

Донесеніе тому же изъ Гаги, отъ 27 сентября 1720 г., объ отсутствіи причинъ у шведовъ для конфискаціи взятаго гекбота (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 527—528.

Донесеніе тому же изъ Гаги, отъ 22 ноября 1720 г. (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247), о поискахъ лица, съ которымъ можно было бы отправить въ Остенду 2 гекбота. Тамъ же, стр. 531—532.

Донесеніе Государю изъ Гаги, отъ 3 января 1721 г., о прибытіи курьеромъ кн. Мещерскаго и объ отправленіи двухъ кораблей (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 534—535.

Выписка изъ донесенія тому же изъ Гаги, отъ 27 іюня 1721 г. (въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247), о двухъ гекботахъ, „кои отданы въ коммиссію Варейну по согласію съ королемъ прусскимъ“, и о двухъ пятидесятныхъ корабляхъ. Тамъ же, стр. 601—603.

Письмо къ Алексѣю Васильевичу Макарову, кабинетъ-секретарю, изъ Брюсселя, отъ 13 августа 1721 г. (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 617—618.

Выдержка изъ письма къ Государю изъ Гаги, отъ 10 октября 1721 г. (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ №247). Тамъ же, стр. 636—638.

Выдержка изъ письма къ Государю изъ Гаги, отъ 14 ноября 1721 г. (хран. въ Главн. Мор. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина. подъ № 247). Тамъ же, стр. 646—647.

Письмо къ А. В. Макарову изъ Гаги, отъ 22 декабря 1721 г. (Каб. дѣл. отд. II № 60). Тамъ же, стр. 652—653.

Письмо къ Государю изъ Гаги, отъ 16 февраля 1722 г., между прочимъ, о томъ, что на четыре письма къ Марку Дюпре онъ не можетъ получить отвѣта (хран. въ Главн. Мор. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 653—654.

Письмо къ Государю изъ Гаги, отъ 13 марта 1722 г. о кораблѣ „Принцъ Евгеній“ (хран. въ Главн. Мор. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 657.

Письмо къ Государю изъ Гаги, отъ 12 іюня 1722 г., о публичной продажѣ двухъ старыхъ кораблей: Ягудіила и Уріила (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 657—658.

Письмо къ графу де-Морвиль изъ Форжа, отъ 8 іюля 1727 г. —Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общ. Т. LXXV. 1891 г., стр. 38—39.

Княжна Прасковья Михайловна Куракина († 1750 г.) *).

Указъ о полученіи оброчныхъ денегъ, о построеніи Троицкой церкви и о покупкѣ рыбы, 1746 г. Сообщилъ А. И. Голышевъ, дѣйств. членъ Владимірскаго губ. статистическаго комитета.—Владимірскія губ. вѣдомости 1867 г. № 52.

Указъ о припискѣ къ Холуйской слободѣ двухъ мальчиковъ и отдачѣ рекрутъ.

*) Дочь князя Михаила Ив. Куракина († 1695 г.), ближняго стольника и спальника при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Ред.

„Подлинный указъ крѣпленъ тако: Княжна Прасковья Куракина. Марта 26 дня 1747 г. Москва. Получено марта 30 дня съ попомъ Иваномъ Ефимовымъ. Къ сей копіи вотчинскій попъ Иванъ Ефимовъ руку приложилъ; подлинный указъ къ себѣ взялъ“.

Эта копія хранится у жителя села Холуя Мих. Петр. Шахова. Тамъ же. 1868 г. № 2.

Указъ о полученіи рыбы и оброчныхъ денегъ, о постройкѣ церкви, о недозволеніи строить солодовни, о покупкѣ холстовъ и малины и о бѣленіи скатертей, отъ 20 ноября 1747 г., изъ Москвы. Подлинный указъ хранится у Мих. Петр. Шахова. Тамъ же.

Указъ о полученіи не въ зачетъ оброчныхъ денегъ и о службѣ молебновъ иконѣ Неопалимой Купинѣ и Нерукотворенному образу, 1748 г. Тамъ же. 1868 г. № 3.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ I († 1749 г.).

Записка, отъ 31 мая 1726 г., объ отставкѣ герцога Бурбона. Извлечено П. И. Бартеневымъ изъ тетради „Оригинальныя письма къ кн. Ивану Андреевичу Щербатову (1724—1745 гг.)“.—Зритель 1861 г. № 1, стр. 18—22.

Пять писемъ къ кн. Ивану Андреевичу Щербатову изъ Парижа 1727 г. (послѣднее о смерти отца, кн. Б. И. Куракина, послѣдовавшей 18 (29) сентября въ 11 час. по утру).—Зритель 1868 г. № 8, стр. 253—255.

Письмо къ кардиналу Флёри въ Парижѣ, отъ 1 октября н. с. 1727 г., съ подробностями о кончинѣ кн. Бориса Ивановича.—Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. LXXV. Спб. 1891 г., стр. 93—95.

30 сентября н. ст. тѣло князя было бальзамировано и перенесено въ часовню, гдѣ и лежало до отправленія въ Россію; кн. Александръ Бор. опровергаетъ публичность церемоніи, въ чемъ его упрекалъ кардиналъ.

Письмо, отъ 8 января 1737 г., изъ Петербурга къ оберъ-гофмейстеру, ген.-адъютанту гр. Салтыкову, съ приказаніемъ отобрать всѣ книги библіотеки д. т. с. кн. Д. М. Голицына, обвиненнаго въ госуд. преступленіи (въ числѣ 6 т. книгъ было не мало рѣдкихъ, были и рукописи; куда все это дѣвалъ Салтыковъ, неизвѣстно).— Библіографическія Записки 1861 г. № 11, стр. 319—322.

Князь Борисъ Александровичъ Куракинъ († 1764 г.).

Письмо къ Аннѣ Ивановнѣ Нелединской изъ Петербурга, отъ 29 октября 1758 г., о зачисленіи въ службу фурьеромъ шестилѣтняго внука ея Юрія Нелединскаго.—Русскій Архивъ 1867 г., столб. 117—118.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ II († 1818 г.).

Précis historique de la vie du comte Nikita Ivanovitch de Panine. A Londres, 1784. 16⁰, 28 p.

Что брошюра эта, на коей фамиліи автора не обозначено, принадлежитъ перу кн. Александра Бор., видно изъ черновой рукописи, хранящейся въ Надеждинскомъ архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина.

Письмо изъ Надеждина, отъ 25 сентября 1786 г., къ Г. Р. Державину съ просьбою оказать покровительство нѣкоему Ивану Прянишникову, у котораго было дѣло въ Тамбовской уголовной палатѣ.—Сочиненія Державина, съ примѣчаніями Грота. 2-е изд. Императорской Академіи наукъ. Т. V. 1876 г., стр. 586—587.

Письмо, отъ 15 іюля 1788 г., изъ С.-Петербурга къ камергеру Федору Федоровичу Вадковскому.—П. И. Бартеневъ. Осмнадцатый вѣкъ. Т. IV. М. 1869 г., стр. 487. Между прочимъ, онъ пишетъ: „Я все еще нахожусь при Государынѣ Великой Княгинѣ, которую люблю болѣе съ каждымъ днемъ за безграничную ея привязанность къ ея мужу, къ этому дорогому Павлушкѣ, котораго я также люблю всѣмъ сердцемъ“.

Два отвѣтныхъ письма 1792 г. къ Цесаревичу Павлу Петровичу объ отношеніяхъ послѣдняго къ Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой [1]). Русскій Архивъ 1873 г., стлб. 2165—2166.

Описаніе путешествія въ 1786 г. его сіятельства Двора Ея Императорскаго Величества камергера и разныхъ орденовъ кавалера кн. Александра Борисовича Куракина [2]) внизъ по Сурѣ, отъ Красноярской до Чирковской пристани, находящейся при устьѣ впадающей въ Суру рѣки Инзы, съ пріобщеніемъ извѣстія о той рѣкѣ. Спб. 1793 г. 8⁰.

Въ памятной книжкѣ Пензенской губ. на 1864 г. (изд. Губернскаго статистическаго комитета, стр. 76 и 86) о ней говорится:

„Эту весьма рѣдкую книгу намъ удалось видѣть въ библіотекѣ А. П. Зарицкаго, находящейся Саратовской губ., Петровскаго уѣзда въ селѣ Варыпаевѣ. Кромѣ рѣдкости, книга эта замѣчательна еще и въ томъ отношеніи, что сообщаетъ любопытныя подробности о рѣкахъ Сурѣ и Инзѣ“. [3])

[1]) Авторъ біографіи Нелидовой, между прочимъ, сожалѣетъ, что не имѣлъ подъ рукою писемъ самого Великаго Князя къ князю Александру Борисовичу. Можемъ прибавить, что таковыхъ нѣтъ и въ архивѣ села Надеждина. (См. стр. XXX—XXI т. V „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“). Письма Нелидовой 1792—1795 гг. къ кн. Александру Бор. Куракину были изданы въ 1896 г. княгиней Е. Э. Трубецкой подъ заглавіемъ „Correspondance de Sa Majesté l'Impératrice Marie Féodorovna avec M-lle de Nélidov, sa demoiselle d'honneur (1897—1801), suivie des letres de M-lle de Nélidov au prince A. B. Kourakine“. Paris. Ред.

[2]) Городищинскаго уѣзда. Ред.

[3]) Въ обширной родовой библіотекѣ кн. Ѳ. А. Куракина въ селѣ Надеждинѣ, насчитывающей до 10 тысячъ томовъ, мы этой книги не видали, по думаемъ своевременно перепечатать ее въ настоящемъ сборникѣ съ экземпляра, имѣющагося въ Чертковской библіотекѣ. Ред.

Значится также въ каталогѣ Сопикова подъ № 7705. Одинъ экземпляръ ея находился въ библіотекѣ Морского Министерства. См. также Григорія Геннади „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 г. по 1825 г." Берлинъ. 1880 г., стр. 202.

Циркуляръ 1796 г. объ улучшеніи русскаго слога въ дѣловой перепискѣ.—Русская Старина. Т. III. 1871 г., стр. 531.

Восемь писемъ къ гр. Семену Романовичу Воронцову, отъ 20 января 1797 г. изъ Петербурга, отъ 6 марта 1797 г. изъ Москвы, отъ 16 іюня 1797 г. изъ Павловска, отъ 15 января 1798 г. изъ Петербурга, отъ 12 ноября 1798 г. изъ Москвы; въ послѣднемъ, между прочимъ, онъ пишетъ:

„Обрадуяся душевному спокойствію, коимъ братецъ вашъ нѣсколько лѣтъ уже въ уединеніи своемъ наслаждается, ѣду я теперь таковаго же искать въ моихъ Саратовскихъ деревняхъ и оттуда буду всякій годъ только на три зимніе мѣсяца сюда возвращаться".

Отъ 7 мая 1801 г. изъ Петербурга, отъ 11 іюля 1802 г. [1]), отъ 21 іюля 1802 г. [2]).—Архивъ кн. Воронцова. Кн XXX. 1884 г., стр. 475—483.

Письма къ гр. Петру Ивановичу Панину о прусскихъ дѣлахъ 1798 г.—Русская Старина. Т. VIII. 1873 г., стр. 338—373. Т. IX. 1874 г., стр. 71—85, 323—336, 561—584.

Письмо на французскомъ языкѣ, отъ 20 января 1798 г., къ гр. Зубову.—Русскій Архивъ 1866 г., стлб. 964.

Письмо, отъ 20 ноября 1801 г., къ Г. Р. Державину въ отвѣтъ на просьбу послѣдняго оказать протекцію племяннику его Леониду Николаевичу Львову.—Сочиненія Державина. 2-е изд. Академіи Наукъ. Т. VI. 1876 г., стр. 138—139.

Письмо, отъ 24 августа 1802 г., къ Г. Р. Державину съ защитой учуговъ и прежней системы рыболовства. Изъ этого же письма видно, что астраханскія рыбныя ловли, пожалованныя Императоромъ Павломъ [3]) кн. Куракинымъ, должны были

[1]) Мѣсто не указано; вѣроятно, изъ Петербурга. Ред.

[2]) Мѣсто также не указано. Ред.

[3]) По указу отъ 10 апрѣля 1797 г. Помянутыя ловли были даны въ вѣчное владѣніе (см. сочиненія Державина, т. VII, стр. 401), что противорѣчитъ словамъ кн. А. Б. въ этомъ письмѣ: „въ подкрѣпленіе правъ тамошнихъ рыболовныхъ промысловъ, всемилостивѣйше пожалованныхъ мнѣ и брату моему, идущихъ по жизни нашей обратно въ казну". Эти богатѣйшія воды были съ 1762 г. въ содержаніи астраханскаго купечества, а потому князья Куракины обязались платить въ казну вносившійся купечествомъ оброкъ и сверхъ того въ пользу Астрахани ежегодно по 12 т. р.; доходу они получали до 450 т. р. въ годъ, отдавая промыслы въ аренду крестьянамъ села Малыкова (нынѣ Вольскъ Сарат. губ.) Сапожниковымъ. Ред.

по смерти обоихъ братьевъ отойти обратно въ казну. Какъ извѣстно изъ высочайшаго указа, отъ 27 авг. 1802 г., мнѣніе кн. Александра Борисовича не имѣло успѣха. Тамъ же, т. VII, 1878 г., стр. 401—402.

Письмо изъ Петербурга, отъ 7 декабря 1805 г., къ брату князю Алексѣю Борисовичу Куракину, бывшему въ то время въ Курской губерніи, съ рекомендаціей тамошняго предводителя дворянства П. А. Гасвицкаго. Тамъ же, т. VI, стр. 189.

Записка, поданная имъ императору Александру послѣ Аустерлицкаго сраженія, 31 дек. 1805 г.—Русскій Архивъ 1869 г., стлб. 1125—1138. Въ послѣсловіи къ ней П. И. Бартенева говорится: ,,Записка эта печатается съ черноваго подлинника, сохранившагося въ бумагахъ покойнаго Алексѣя Николаевича Шенига и сообщеннаго намъ при обязательномъ посредствѣ кн. Николая Сергѣевича Оболенскаго. Въ то время, когда писана эта записка, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ собственно находился не у дѣлъ: онъ носилъ званіе канцлера россійскихъ орденовъ и состоялъ членомъ тогдашняго еще непреобразованнаго Государственнаго Совѣта. Другъ Императора Павла и Императрицы Маріи Феодоровны счелъ своимъ долгомъ подать голосъ въ критическую минуту русской исторіи, послѣ Аустерлицкаго разгрома, въ коемъ едва не погибъ самъ Государь. Когда Александръ Павловичъ пріѣхалъ изъ Моравіи въ Петербургъ, кн. Куракинъ вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ кн. Прозоровскимъ *), въ день его рожденія, 12 декабря 1805 г., подносили ему ленту военнаго ордена, въ ознаменованіе оказанной имъ храбрости въ бою; Государь принялъ знаки ордена, но лишь четвертой степени. Совѣтъ кн. Куракина былъ принятъ, и въ апрѣлѣ 1806 г., по окончательномъ возвращеніи изъ похода русскихъ войскъ, послали въ Парижъ для переговоровъ стат. сов. Убри, подъ предлогомъ попеченія о нашихъ плѣнныхъ. 18 іюля того же года кн. Куракинъ назначенъ посломъ въ Вѣну.“

Утвержденное положеніе князя Александра Борисовича Куракина для дарованія послѣ его смерти вѣчной свободы одной изъ вотчинъ его (также на нѣм. яз.). Петербургъ. 1807 г. 4⁰.

Указано въ каталогѣ Смирдина, подъ № 2066, и въ каталогѣ Вольнаго Экономическаго Общества. Петербургъ. 1866 г. Стр. 422.

33 письма 1807 г. съ дороги къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.—Русскій Архивъ 1868 г., стр. 23—86; 161—240 **) и стр. 334—335 (поправки къ нимъ). Рига, Мемель, Тильзитъ. Фридланскій разгромъ. Заключеніе Тильзитскаго мира. Дальнѣйшее путешествіе въ Вѣну. Вѣна. (Письма въ видѣ дневниковъ).

Изъ предисловія П. И. Бартенева: ,,Канцлеръ россійскихъ орденовъ, дѣйств. т. сов. князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (род. 1752 г., умеръ 1818 г.), правнукъ того князя Бориса Ивановича, который былъ свойкомъ Петру Великому (жены ихъ Лопухины—родныя сестры), по про-

*) Отецъ княгини Анны Александровны Голицыной, родной бабки издателя архива, кн. Ө. А. Куракина. Ред.

**) Одно изъ этихъ писемъ, отъ 3 іюля 1807 г., изъ Тильзита приводится въ статьѣ Карновича ,,Цесаревичъ Константинъ Павловичъ“.—Русская Старина. Т. XX. 1877 г. Стр. 542. Ред.

исхожденію, связямъ и воспитанію былъ настоящій другъ царей. Приходясь внучатнымъ племянникомъ гр. Никитѣ Ивановичу Панину, онъ учился подъ его надзоромъ вмѣстѣ съ Императоромъ Павломъ и съ раннихъ лѣтъ возымѣлъ горячую, искреннюю приверженность къ своему царственному соученику—правнуку Петра Великаго. Эта благородная преданность составляетъ главную черту въ политической дѣятельности кн. Куракина. Извѣстно по преданію, что въ царствованіе Екатерины, когда Павлу Петровичу случалась нужда въ деньгахъ, кн. Куракинъ закладывалъ свои деревни для того, чтобы доставить помощь Великому Князю. Извѣстно также, что онъ долженъ былъ долго проживать вдали отъ Двора, въ одной изъ саратовскихъ деревень своихъ (Сердобскаго уѣзда), которую онъ назвалъ знаменательнымъ именемъ Надеждино. Извѣстно, наконецъ, что надежда не обманула кн. Куракина, и что, по восшествіи своемъ на престолъ, Павелъ Петровичъ удивилъ современниковъ обиліемъ и разнообразіемъ наградъ, излившихся на преданнаго, благороднаго друга.

Когда скончался Павелъ Петровичъ, кн. Куракину поручено было Императоромъ Александромъ разобрать и привести въ порядокъ всѣ оставшіяся послѣ него бумаги. Въ сердечной приверженности своей къ покойному Государю (съ коимъ онъ былъ связанъ по раннему товариществу, позднѣе дружеству и, наконецъ, по масонству) кн. Куракинъ не только сдѣлалъ описи этимъ бумагамъ, но и списывалъ для себя нѣкоторыя изъ нихъ.

Нота герцогу Кадорскому, отъ 1 декабря 1810 г., по поводу присоединія къ Франціи ганзеатическихъ городовъ, отъ чего потерпѣлъ всего болѣе дядя россійскаго Императора, герцогъ Ольденбургскій; донесенія изъ Франціи Императору Александру Павловичу о бесѣдахъ съ Наполеономъ 1809—1811 гг. (Французскіе новооткрытые подлинники съ русскимъ переводомъ).—Русскій Архивъ 1870 г., стлб. 1—136. Въ предисловіи, между прочимъ, говорится:

„Печатаются со списковъ, которые самъ кн. Александръ Борисовичъ оставлялъ у себя, и которые сохранились въ бумагахъ его, доставшихся А. Н. Шенигу. Князь Куракинъ былъ переведенъ изъ Вѣны (гдѣ пребываніе становилось невозможнымъ вслѣдствіе переговоровъ о бракѣ Великой Княжны Екатерины Павловны) посломъ въ Парижъ. Эти донесенія относятся къ тому тяжелому времени нашей исторіи, когда союзъ съ Наполеономъ подавлялъ Россію, и когда открытый разрывъ казался легче вынужденной дружбы. Назначеніе въ Парижъ такого лица, какъ князь Куракинъ, какъ бы отвѣчало тогдашнему отношенію Россіи къ Франціи.“

Письма, въ бытность посломъ въ Парижѣ, къ государственному канцлеру гр. Н. П. Румянцеву. Съ черновыхъ подлинниковъ 1810 г., сохранившихся у С. Н. Шенига.—Русскій Архивъ 1873 г., стр. 392—410.

Донесенія въ 1811 г. о враждебныхъ замыслахъ Наполеона противъ Россіи.—Богдановичъ. Исторія царствованія Императора Александра I. Т. II, стр. 531.

Письмо (на франц. языкѣ съ рус. пер.) къ государственному канцлеру гр. Н. П. Румянцеву о важномъ разговорѣ съ Наполеономъ, отъ 3 августа 1811 г.—Русскій Архивъ 1870 г., стлб. 135—162.

Пять донесеній Императору Александру Павловичу изъ Парижа, отъ 6 фев. 1811 г., отъ 19 марта, 26 и 29 апр.,

21 іюня 1812 г. Тутъ же копія письма князя Александра Борисовича, посланнаго герцогу Бассано 25 апр. 1812 г. Девять донесеній и писемъ его канцлеру графу Н. П. Румянцеву изъ Парижа, отъ 30 ноября и 24 дек. 1811 г., 12 фев., 11, 15, 16, 20, 24 и 27 апр. 1812 г. Тутъ же отвѣтъ князя, отъ 27 апр. 1812 г., на ноту герцога Бассано.—Сбор. Импер. Русск. Истор. Общества. Т. XXI. 1877 г., стр. 329—410.

Содержаніе: „Жалуется на неблаговидное поведеніе герцога Бассано въ отношеніи его, кн. Куракина, 342—345; отвѣтъ на ноту герцога Бассано по вопросу о соглашеніи, 398—400; разговоръ съ герцогомъ Бассано о прусскихъ и шведскихъ дѣлахъ, 248. А) Говоря объ Англіи, совѣтуетъ скорѣе заключить союзъ съ нею, не обращая вниманія на разныя обязательства въ отношеніи Франціи, ибо для отраженія врага необходимо пользоваться всякими средствами, 336; отъ этого союза съ Англіей можетъ быть двоякая выгода и въ торговомъ отношеніи: съ открытіемъ портовъ для Англіи повысится нашъ курсъ, и увеличится входъ денегъ въ имперію, 337; совѣтуетъ даже, при посредствѣ Англіи, заключить миръ съ турками, ибо Англія пріобрѣла особенное вліяніе на Турцію, 337; доноситъ со словъ Бассано, что англичане заняли Сицилію, каковое обстоятельство заставитъ неаполитанскаго короля покинуть Парижъ, 393. Б) Предлагаетъ Императору Александру I, если не войти въ соглашеніе съ Австріей, то, по крайней мѣрѣ, убѣдить ее быть нейтральной, указавъ ей на то, что родственныя связи царствующихъ домовъ въ глазахъ Наполеона ничего не стоятъ и не спасутъ ее отъ погибели, 333—334; предлагаетъ оставить пока виды на пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи, а лучше, заключивъ оборонительный союзъ съ Австріей и Пруссіей, готовиться къ отраженію Наполеона, 334—335. В) Сообщаетъ, что опасеніе возстановленія Польши не было основательнымъ поводомъ для войны Наполеону, 358; доноситъ о томъ, что Наполеонъ считаетъ герцогство варшавское принадлежащимъ ему, какъ государю рейнскаго союза, 368; сообщаетъ мнѣніе Наполеона о томъ, что напрасно Императоръ Александръ хочетъ объявить себя польскимъ королемъ, что черезъ это онъ потеряетъ прежде бывшія польскія провинціи, 377. Г) Предлагаетъ Императору Александру немедленно войти въ соглашеніе съ Пруссіей, предваривъ такимъ образомъ моментъ, когда ей придется выбирать между Россіей и Франціей, 332—333; Наполеонъ смотритъ на Пруссію, какъ на свою союзницу, а наше вступленіе въ Пруссію будетъ считать началомъ военныхъ дѣйствій, 358, 368; Наполеонъ оскорбляется предложеніемъ нашимъ очистить Пруссію, называя это предложеніе безчестнымъ, 364. Д) Предлагаетъ Императору Александру заключить союзъ съ Швеціей, чтобъ обезпечить себя съ этой стороны, 336. Е) Доноситъ Императору Александру, что французское вліяніе сказывается на всѣхъ державахъ, и вся система дѣйствій Наполеона направлена къ разрыву съ Россіей, 329—331; что всѣ смотрятъ на Россію, какъ на свою избавительницу (тамъ же); заявляетъ Наполеону, что движеніе его войскъ къ Вислѣ ставитъ Францію въ военное положеніе противъ Россіи, и что вслѣдствіе этого движенія послѣдуетъ и выступленіе нашихъ войскъ за границы имперіи, 366—367; совѣтуетъ Императору Александру избѣгать генеральныхъ сраженій съ Наполеономъ, а слѣдовать примѣру испанцевъ, 338; мирныя предложенія не имѣютъ смысла, ибо Наполеонъ не исполняетъ одного изъ условій—очищенія Пруссіи, 339—340; жалуется на то, что министръ иностранныхъ дѣлъ Бассано не даетъ ему конференціи, что указываетъ на рѣшеніе воевать и желаніе выиграть время, 341; онъ рѣшился требовать свои паспорты и покинуть Парижъ, такъ какъ отъ Бассано не получилъ никакихъ объясненій на оффиціальныя ноты, 346—347; сообщаетъ объ отъѣздѣ Наполеона изъ Парижа къ германской арміи, 348—349; доноситъ, что организуется національная гвардія, идетъ новая конскрипція, что большія силы уже сдвигаются на сѣверъ Германіи, что офицеры получили большое жало-

ванье, въ госпиталяхъ готовятъ корпію для арміи, что все это явно говоритъ за войну Наполеона съ Россіей, 351—353; доноситъ, что уже заказалъ ящики для архива, который желаетъ везти съ собою въ Петербургъ, 355—361; что посольство гр. Нессельроде не будетъ имѣть никакого значенія въ переговорахъ съ Наполеономъ о мирѣ, 355; сообщаетъ объ отправленіи съ Чернышовымъ собственноручнаго письма Наполеона къ Императору Александру, 357, 360; сообщаетъ свой разговоръ съ Наполеономъ о томъ, что послужило ему поводомъ начинать съ нами войну, 375—376; заявляетъ Наполеону о томъ, что если французскій посланникъ Лористонъ уѣхалъ изъ Петербурга, то и онъ потребуетъ у Наполеона выдачи ему паспортовъ, 378; сообщаетъ свой разговоръ съ Бассано о томъ, какимъ образомъ достигнуть соглашенія двухъ имперій, не прибѣгая къ войнѣ, 380—383; Бассано убѣждаетъ его въ томъ, что изъ донесеній Лористона не видно военныхъ приготовленій Императора Александра, что путешествіе Императора по Россіи имѣетъ цѣлію осмотрѣть резервы корпуса, а потому ему, Куракину, не зачѣмъ требовать настойчиво своихъ паспортовъ, 385—390; доноситъ о томъ, что Бассано всячески старается убѣдить его о возможности соглашенія, что всѣ слухи о военныхъ операціяхъ онъ называетъ ложью, что вслѣдствіе этого Куракину излишне просить своихъ паспортовъ, 391—396; герцогъ Бассано доказываетъ ему, что онъ, Куракинъ, несправедливо требуетъ своихъ паспортовъ, что Лористонъ не отозванъ изъ Петербурга, что онъ, Бассано, и Наполеонъ стоятъ за миръ, а не за войну, что отъѣздъ его, Куракина, дастъ поводъ думать о войнѣ съ Россіей, 400—402; по этому случаѣ кн. Куракинъ проситъ Бассано составить оффиціальную ноту, адресованную на его имя, а Бассано принимаетъ это за угрозу, 403—404; Бассано не соглашается вести съ нимъ, Куракинымъ, мирные переговоры, такъ какъ послѣдній не имѣетъ полномочій отъ своего Государя, 405—407; кн. Куракинъ протестуетъ герцогу Бассано противъ ареста своего слуги, Вюстгера, и считаетъ это нарушеніемъ международнаго права, 407—409; рѣшительно заявляетъ о нежеланіи своемъ оставаться въ Парижѣ и проситъ выдачи паспортовъ, на проѣздъ въ Петербургъ, себѣ и курьеру Кологривову, 410; сообщаетъ о полученіи имъ паспортовъ изъ министерства въ іюнѣ 1812 г., 348—349".

Письмо, отъ 22 мая 1812 г., о живописцѣ Жанѣ Віолье. —Русская Старина. Т. XXIII. 1878 г., стр. 544. Письмо это находится въ архивѣ гр. Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, принадлежащемъ нынѣ правнуку его кн. Н. В. Репнину.

Обрядъ правила для здѣшняго образа жизни въ селѣ Надеждинѣ. (Князь А. Б. Куракинъ въ селѣ Надеждинѣ Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ., въ концѣ XVIII в.) Сообщ. И. Ф. Горбуновъ *).—Русская Старина 1887 г., т. LVI, стр. 618.

1. Хозяинъ, удаляясь отъ суетъ и пышностей мірскихъ, желаетъ и надѣется обрѣсти здѣсь уединеніе совершенное и отъ онаго проистекающее счастливое и ничѣмъ неколебимое спокойствіе духа.

2. Хозяинъ почитаетъ хлѣбосольство и гостепріимство основаніемъ взаимственнаго удовольствія въ общежитіи, слѣдственно, видитъ въ оныхъ пріятныя для себя должности.

3. Всякое здѣсь дѣланное посѣщеніе хозяину будетъ имъ принято съ удовольствіемъ и признаніемъ совершеннымъ.

*) Правила эти были составлены въ промежутокъ времени между 1782 г. и 1796 г., когда кн. Александръ Борисовичъ, по волѣ Императрицы, находился въ отдаленіи отъ Двора и жилъ почти безвыѣздно въ своихъ деревняхъ. Объ этомъ изгнаніи, дѣлающемъ честь чувствамъ его преданности Цесаревичу, мы будемъ еще имѣть случай говорить весьма подробно. Ред.

4. Хозяинъ, наблюдая предметъ и пользу своего сюда пріѣзда, опредѣляетъ въ каждый день раздѣлять свое время съ жалующими къ нему гостьми отъ часу пополудни до обѣда, время обѣда и всѣ часы послѣ обѣда до семи часовъ вечера.

5 Хозяинъ, по вышесказанному наблюденію, опредѣляетъ утро каждаго дня, отъ семи часовъ до полудня, для разныхъ собственныхъ его хозяйственныхъ объѣздовъ, осмотровъ и упражненій; а вечеръ каждаго дня, отъ семи до десяти часовъ, опредѣляетъ онъ для уединеннаго своего чтенія или письма.

6. Хозяинъ проситъ тѣхъ, кои могутъ пожаловать къ нему на одинъ или на два, или на многіе дни, чтобъ,бывъ въ его домѣ, почитали сами себя хозяевами, никакъ не помня о немъ единственно въ семъ качествѣ; приказывали бы его людямъ все надобное для ихъ услуги и, однимъ словомъ, распорязались бы своимъ временемъ и своими упражненіями отъ самаго утра, какъ каждый привыкъ и какъ каждому угодно, отнюдь не снаравливаяся къ провожденію времени самого хозяина, который чрезъ то, съ новою къ нимъ благодарностію, получитъ всю свободу имъ предпринятое безостановочно и съ продолжительнымъ тщаніемъ выполнять.

7. Хозяинъ никогда не ужинаетъ, но всякій день, въ девять часовъ вечера, будетъ у него ужинъ готовъ для всѣхъ прибывшихъ къ оному; и онъ, прося дозволенія отъ онаго всегда отлучаться, проситъ также своихъ случающихся гостей, несмотря на его отсутствіе, за оный садиться и за онымъ самимъ хозяйничать".

Souvenirs d' un voyage en Hollande et en Angleterre par le P. A. K., à sa sortie de l'université de Leyde durant les années 1770, 1771 et 1772. St. Pétersbourg. 1815. (См. стр. XXXI—XXXII т. V „Архива кн. Ф. А. Куракина").

№ 938, стр. 4. „Король въ чрезвычайную слабость пришелъ здоровья своего".—Напомнимъ, что Людовикъ XIV скончался 1715 г. сентября 1 н. с., оставивъ корону своему правнуку Людовику XV, имѣвшему тогда всего 5 лѣтъ.

№ 938, стр. 9. „Капиджи-баши", начальникъ капиджи, т. е. султанскихъ тѣлохранителей, находящихся при входахъ въ сераль. „Атши-шерифъ", конечно, турецкое слово „гати-шерифъ", именной султанскій приказъ, непремѣнно подлежащій исполненію. „Чаушъ-паша", чиновникъ, находящійся при входѣ въ Диванъ Оттоманской порты.

№ 938, стр. 25. „На сіе доводитъ Гроціусъ въ книгѣ своей".—Здѣсь разумѣется его трактатъ „De jure belli et pacis". Paris. 1624.

№ 938, стр. 26. „Русскій бригантиръ", правильнѣе бригантина (итал. brigantino, франц. brigantin) 1) судно въ Средиземномъ морѣ съ 20—40 веслами и 3 мачтами, на которыхъ поднимаются треугольные паруса; 2) небольшой бригъ. „Шнау", иначе шнава, шнява, по-нѣмецки die Schnaue, родъ корабля.

№ 938, стр. 30. „Со всѣми къ нимъ принадлежащими речьми".—Здѣсь „речь" въ значеніи вещь, а потому и пишется черезъ е.

№ 938, стр. 49. „Рецессъ" (лат.) выводъ, заключеніе.

№ 938, стр. 50. „Шаутбенахтъ" (голл.), прежнее названіе рус. контръадмираловъ.

№ 938, стр. 74. „Менажировать" (франц.) сберегать, щадить.

№ 945, стр. 89. „Одиночество мое".—Князь Борисъ Ивановичъ съ ноября 1699 г. былъ женатъ вторымъ бракомъ на княжнѣ Маріи Федоровнѣ Урусовой († 1731 г.), отъ которой имѣлъ дочь княжну Екатерину Борисовну (р. 1703 г. октября 25, † 1772 г. ноября 15, съ 1730 г. въ замужествѣ за фельдм. гр. Александромъ Бор. Бутурлинымъ); но бракъ кн. Бориса Ив. былъ несчастливъ, главнымъ образомъ, изъ-за происковъ тещи его княгини Феклы Семеновны Урусовой; послѣдняя помѣшала замужеству княжны Екатерины Бор. съ граф. Михаиломъ Гавріиловичемъ Головкинымъ, сыномъ канцлера. (См. т. II „Архива кн. Ф. А. Куракина", стр. 397—402, 405—409, 411).

№ 946, стр. 89. Письмо гр. Г. И. Головкина за № 24 находится на стр. 165 т. XI Надеждинскаго архива (1712 г. іюля 11, изъ Эльбинга): „Писалъ я къ милости вашей указомъ Царскаго Величества, дабы вы, когда увѣдаете о пріѣздѣ цесаря въ Франкфортъ, тогда были ко двору Его Величества;

а нынѣ указалъ Его Царское Величество къ вамъ писать, чтобы, по полученіи сего, тотчасъ, не мѣшкая ни мало и оставя всѣ свои вещи въ Голландіи, пріѣзжать къ Его Царскому Величеству въ Померанію на почтѣ, не дожидая цесарскаго прибытія въ Франкфортъ".

№ 952, стр. 98. „Бендерскій житель",—это Карлъ XII.

№ 953, стр. 100. „Съ чего при семъ посылаю списокъ".—Помянутаго списка въ Надеждинскомъ архивѣ не оказалось.

№ 962, стр. 115. „Аранга" (франц. harangue, итал. aringa)—рѣчь.

№ 977, стр. 144. „Проектъ письменный, съ котораго копію при семъ посылаю".—Означенной копіи въ Надеждинскомъ архивѣ нѣтъ.

№ 979, стр. 150. „Многіе партикулярныхъ своихъ интересовъ смотрятъ, нежели отечества".—Въ этомъ смыслѣ прежде не говорилось. П. Б.

№ 982, стр. 153. „На корабляхъ къ городу", т. е. къ Архангельску. П. Б.

№ 983, стр. 155. Передъ словами „Прошлой почты я писалъ вашему превосходительству" рукою посольскаго подьячаго приписано: „При семъ письмѣ послано за печатью о тайномъ дѣлѣ особымъ письмомъ, что при семъ слѣдуетъ".

№ 990, стр. 165. „Дамы" (нѣм. Damm), запруда, плотина, по нынѣшнему, „дамба".

№ 1000, стр. 189. „И титулъ вамъ тайнаго совѣтника данъ".—См. т. II „Архива кн. Ѳ. А. Куракина", стр. 64—65, № 51. („Полномочная грамота князю Б. И. Куракину къ съѣзду мирныхъ трактатовъ сѣверной войны междо высокими союзники и шведомъ").

№ 1000, стр. 190. „Съ того письма, для извѣстія вамъ, при семъ копія прилагается",—см. стр. 172, № 993.

№ 1008, стр. 241. Замѣтка эта, какъ и предыдущій № 1007, относится скорѣе къ 1774 г., когда графы Николай Петр. и Сергѣй Петр. Румянцевы были отправлены въ Лейденъ, но мы сочли болѣе цѣлесообразнымъ помѣстить ее подъ 1772 г., такъ какъ по содержанію своему она тѣсно примыкаетъ къ № 1006. Мать графовъ Румянцевыхъ, которые были немногимъ моложе кн. Александра Бор., графиня Екатерина Михайловна была дочь изв. петровскаго фельдм. князя Михаила Михаиловича Голицына отъ втораго его брака съ княжною Татіаной Бор. Куракиной, родною сестрою дѣда кн. Александра Бор. Такимъ образомъ графы Румянцевы приходились послѣднему троюродными братьями.

№ 1020, стр. 259. Князь Александръ Бор. владѣлъ весьма изящно франц. языкомъ; тѣмъ не менѣе онъ допускалъ по временамъ погрѣшности противъ него, которыя мы исправляемъ здѣсь только въ томъ случаѣ, когда онѣ измѣняютъ смыслъ фразы. Такъ, вмѣсто „sont empêchées d'exister", должно быть „sont dans l'impossibilité d'exister".

№ 1026, стр. 273. „Мое послѣднее письмо",—см. т. V „Архива кн. Ѳ. А. Куракина", № 930, стр. 323—324.

№ 1027, стр. 274. „Je prie M. de Borissov",—это псевдонимъ кн. Александра Бор., подъ которымъ онъ, а впослѣдствіи и братъ его кн. Алексѣй Бор. жили въ Лейденѣ.

№ 1028, стр. 275. „Живемъ у сестры въ Петровскомъ".—Здѣсь разумѣется, вѣроятно, княгиня Екатерина Александровна Лобанова-Ростовская. (См. алфавитный указатель).

№ 1028, стр. 275. „Не прощаю вашей петербургской бабушкѣ", т. е. Аграфенѣ Леонтьевнѣ Апраксиной.

№ 1039, стр. 285. „La lettre de mon frère", т. е. графа Карла-Генриха Сальдерна, воспитателя кн. Александра Бор.

№ 1041, стр. 289. „Aux dépens de la généralité", конечно, „aux dépens de la confédération".

№ 1041, стр. 289. „Вмѣсто „on y opine", слѣдовало бы сказать „on y vote".

№ 1048, стр. 311. „Лишились мы и матери, и благодѣтельницы".—Рѣчь идетъ объ Аграфенѣ Леонтьевнѣ Апраксиной, родной бабушкѣ по матери кн. Александра Бор., † 28 октября 1771 г. (См. это слово въ алфавитномъ указателѣ).

№ 1048, стр. 312. „Кладу всю въ осиротѣломъ состояніи надежду на любовь и милость настоящаго моего отца и покровителя", т. е. графа Н. И. Панина, одного изъ четырехъ опекуновъ малолѣтнихъ кн. Куракиныхъ.

№ 1049, стр. 313. „Дорогой мой свойственникъ и пріятель",—это обращеніе къ князю Гаврiилу Петровичу Гагарину, который, между прочимъ, былъ впослѣдствіи и душеприкащикомъ гр. П. И. Панина. (См. Брикнера „Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина". Т. I. 1888 г. Стр. 65).

№ 1049, стр. 313. „Вѣрность къ своему обладателю", т. е. къ Государю.

№ 1049, стр. 314. „По извѣстнымъ здѣшнимъ общимъ несчастливымъ приключеніямъ", т. е. вслѣдствіе свирѣпствовавшей тогда чумы.

№ 1049, стр. 314. „Между одною подлостью".—Здѣсь употреблено это слово въ своемъ старинномъ значеніи—простой народъ.

№ 1049, стр. 314. „Держался въ Петровскомъ графа Кирилла Григорьевича".—Здѣсь разумѣется село Петровское-Разумовское, въ пяти верстахъ отъ Москвы, принадлежавшее прежде царю Алексѣю Михайловичу и подаренное имъ тестю своему Кириллу Полуэктовичу Нарышкину; въ 1763 г. оно перешло во владѣніе гр. Кирилла Григорьевича Разумовскаго, женившагося на Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной.

№ 1049, стр. 314. „Въ деревню брата покойной моей жены", т. е. въ село Никольское-Татищево, въ 70 верстахъ отъ Москвы, близъ Клина.

№ 1051, стр. 318. Передъ словами „La Chambre des Communes" нами опущенъ довольно большой отрывокъ объ англ. королевской власти и о парламентѣ въ виду того, что здѣсь кн. Александръ Бор. повторилъ съ небольшими измѣненіями то, что было сказано имъ на стр. 210—211.

№ 1051, стр. 323. „Передъ тѣмъ, какъ говорить о политикѣ англійскаго Двора, исключенъ повторенный княземъ Александромъ Бор. довольно большой отрывокъ объ англійскомъ министерствѣ. (См. стр. 339 со словъ „Le ministère" и кончая словами „lord de l'Amirauté").

№ 1051, стр. 325. Послѣ характеристики лорда Суффолька мы опустили отрывокъ о способѣ рѣшенія дѣлъ англ. министрами, уже напечатанный нами въ письмѣ къ Сальдерну (конецъ 309 и первая половина 310 стр.).

№ 1055, стр. 328. „Послѣ покойной Аграфены Леонтьевны".—Здѣсь разумѣется бабушка кн. Александра Бор. по матери,—Апраксина, дочь которой Марія Степановна была замужемъ за т. с. Александромъ Федоровичемъ Талызинымъ.

№ 1055, стр. 329. „По причинѣ полученія наслѣдства послѣ смерти ихъ тетки Кантемировой, которое очень знатно".—Помянутое наслѣдство, спустя три года, князь Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій долженъ былъ уступить графинѣ Фетиньѣ Яковлевнѣ Шереметевой (р. 1714 г., † 1777 г. февраля 16,) супругѣ графа Сергѣя Борисовича Шереметева († 1768 г.), сына знам. фельдм., на основаніи нижеслѣдующаго именного указа Сенату, отъ 9 декабря 1775 г.:

„По прошенію, поданному Намъ отъ графини Фетиньи Шереметевой, разсмотрѣвъ Мы рѣшенное Сенатомъ въ прошломъ 1774 г. дѣло ея съ племянникомъ ея роднымъ, княземъ Иваномъ Лобановымъ-Ростовскимъ, о имѣніи, оставшемся послѣ сестры ея родной княгини Аграфены Кантемировой, находимъ, что графиня Шереметева, рожденная отъ одного отца и одной матери съ княгиней Кантемировою, къ сему имѣнію ближе имѣетъ право, нежели князь Лобановъ-Ростовскій, ихъ обѣихъ племянникъ, котораго отецъ, хотя рожденъ съ ними отъ одного отца, но отъ другой матери, и сіе имѣніе не изъ рода Лобановыхъ до Кантемировой дошло, но досталось ей послѣ ея мужа. Слѣдовательно, повелѣваемъ, отставя сенатское о семъ дѣлѣ рѣшеніе, утвердить оное имѣніе за графинею Шереметевою, яко ближайшею къ оному наслѣдницею". (Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Т. XX. № 14406. Стр. 321).

Вотъ, на какомъ родствѣ основывалъ свой искъ кн. Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, супругъ Екатерины Александровны, ур. княжны Куракиной (см. т. 442 Надеждинскаго архива, стр. 125):

- Князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій († 1732 г.).
 - Князь Михайло († 1722 г., т. е. за 10 лѣтъ прежде отца своего).
 - Княгиня Аграфена Барятинская, челобитчица.
 - Князь Иванъ († 1740 г.).
 - Князь Иванъ, челобитчикъ.
 - Княгиня Аграфена, по мужѣ Кантемирова, имѣніе получила послѣ мужа и вотчинница сдѣлалась въ 1771 г., а † въ 1772 г.
 - Графиня Шереметева проситъ объ отдачѣ всего.

№ 1058, стр. 332. Это письмо, какъ видно изъ его первыхъ строчекъ, должно предшествовать № 1057, такъ какъ князь Александръ Бор. оставилъ Лондонъ 7 марта ст. с. 1772 г., почему № 1058 слѣдуетъ, вѣроятно, отнести къ 1-ому марта, какъ мы и поставили въ скобкахъ. Князь Александръ Бор. помѣчалъ свои письма то старымъ, то новымъ стилемъ, и весьма часто опредѣлить точную дату невозможно. Располагая документы въ хронологическомъ порядкѣ, мы принимаемъ за основаніе старый стиль и таковымъ помѣчаемъ печатаемые документы.

№ 1059, стр. 334. „Князь Алексѣй очень любезенъ“. — Князь Алексѣй Бор. обладалъ и впослѣдствіи превосходнымъ характеромъ, большою снисходительностью и привѣтливостью; современники говорили, что отъ него пріятнѣе было услышать нѣтъ, чѣмъ отъ иного да. „Въ характерѣ онъ соединялъ важность съ піитическими цвѣтами..... Другая нравственная черта вельможи была, что онъ любилъ замѣчать, выводить и обязывать дѣловыхъ людей. И когда изъ отставки своей онъ вызванъ былъ Императоромъ Александромъ въ 1802 г. для опредѣленія малорос. ген.-губ., я съ восторгомъ видѣлъ, какъ зало его наполнялось съѣздомъ обязанныхъ ему выходомъ въ чинахъ и мѣстахъ, какъ добродушно освѣдомлялся онъ о каждомъ по роду его службы“. (См. записки И. Ф. Тимковскаго.—Москвитянинъ. 1852 г. № 20, стр. 54—55).

№ 1059, стр. 334. „Меньшого самаго уже мѣсяцъ не видала“. —Княжна Аграфена Александровна вполнѣ замѣняла малолѣтнимъ кн. Куракинымъ родную мать и заботилась обо всѣхъ одинаково, не смотря на то, что князь Иванъ Бор., младшій изъ братьевъ, былъ почему-то мало любимъ родными, можетъ быть, за свое нелюдимство и за дурное поведеніе въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ получалъ образованіе. (Ср. также № 1086, стр. 422). Отецъ Николая Григорьевича Устрялова былъ крѣпостнымъ кн. Куракиныхъ и находился въ должности прикащика въ селѣ Богородскомъ Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губ. Въ своихъ воспоминіяхъ (Древняя и новая Россія 1880 г. Т. XVII. Стр. 603—604) нашъ знаменитый историкъ сообщаетъ интересныя подробности о кн. Иванѣ Бор. Онъ былъ извѣстенъ необычайною тучностью; постоянно живя въ Петербургѣ *) и Москвѣ, ни разу не пріѣзжалъ въ свое помѣстье; характера былъ своенравнаго и строптиваго; письма его были написаны такимъ почеркомъ, что не было возможности разобрать ихъ.

№ 1061, стр. 335. „La maison de M. l'envoyé de Russie“ и т. д. Замѣтимъ, что графъ Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ долгое время въ числѣ самыхъ близкихъ друзей кн. Александра Бор. (Ср. т. V „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“, стр. 379), равно какъ и его жена графиня Софія Алексѣевна, ур. гр. Вахтмейстеръ (см. алфавитный указатель), дочь камергера рус. Двора гр. Акселя-Вильгельма († 1763 г.) отъ его перваго брака съ дочерью голь-

*) Въ 1820 г. кн. Иванъ Борисовичъ нанималъ домъ на Мойкѣ, близъ Синяго моста. Ред.

штинскаго министра графиней Маргаритой-Фредерикой Бассевичъ. Графиню Софію Алексѣевну князь Александръ Бор. въ шутку называлъ „maman“.

№ 1062, стр. 340. „La Dauphine est d'une figure à épuiser tous les éloges“. —Это юношеское восхищеніе передъ Маріей-Антуанетой пережило несчастную королеву, и превосходный мраморный бюстъ въ столовой обширнаго Надеждинскаго дома еще и теперь напоминаетъ ея красивыя, правильныя черты. Когда-то онъ находился на вершинѣ колонны въ старинномъ Надеждинскомъ паркѣ, и старики-дворовые показываютъ до сихъ поръ мѣсто, гдѣ стоялъ „памятникъ Марьѣ Антоновнѣ“.

№ 1065, стр. 345. „Chef de la Yemskoï“, т. е. Алексѣй Логиновичъ Щербачовъ, д. т. сов., ген.-поручикъ (съ 10 іюля 1775 г.), ямской канцеляріи главный судья; † 1802 г. іюня 25, на 82-мъ году жизни.

№ 1066, стр. 348. „Ваше попеченіе о тѣхъ двухъ женщинахъ“.—Здѣсь разумѣются княгиня Александра Ивановна Куракина, бабушка кн. Александра Бор., и княжна Аграфена Александровна Куракина, его тетка, а можетъ быть, вмѣсто сей послѣдней, Аграфена Леонтьевна Апраксина, его бабка по матери.

№ 1072, стр. 365. Не забыто про нечистоплотность французовъ. П. Б.

№ 1076, стр. 382. „Выписали на его мѣсто изъ Парижа очень достойнаго человѣка“,—это г. Муасси, который сопутствовалъ кн. Алексѣю Бор. Куракину и С. С. Апраксину въ Лейденъ. О немъ мы встрѣтимъ не мало подробностей въ VII т. (см. также конецъ стр. 398).

№ 1077, стр. 383. „Je prends la liberté de vous envoyer avec la pièce originale“ и т. д. -Этихъ приложеній въ Надеждинскомъ архивѣ нѣтъ.

№ 1078, стр. 384—395. Куракинское описаніе Парижа было, конечно, прочтено Великимъ Княземъ и черезъ 9 лѣтъ могло быть имъ провѣрено лично. Сопровождая графа и графиню Сѣверныхъ въ ихъ путешествіи, въ 1781 г., кн. Александръ Бор. изъ всѣхъ лицъ ихъ свиты былъ наилучшимъ cicerone. П. Б.

№ 1078, стр. 389. Выраженіе „hardi et délicat“ дѣлаетъ честь художественной наблюдательности писавшаго. П. Б.

№ 1081, стр. 398. „Будешь еще дежурить довольно“, т. е. при Дворѣ; кн. Александръ Бор. незадолго передъ этимъ получилъ званіе камеръ-юнкера и рвался скорѣе приступить къ исполненію своихъ обязанностей, которымъ онъ придавалъ очень большое значеніе.

№ 1081, стр. 399. Кто этотъ Полякъ? У князя Н. В. Репнина сыновей не было. П. Б.

№ 1083, стр. 400—401. Конечно, ученикъ послушался своего професора и не возымѣлъ отвращенія къ своей непоказной и, сравнительно съ Европой, бѣдной родинѣ. П. Б.

№ 1084, стр. 401. Въ письмѣ къ графу П. И. Панину соблюденъ слогъ сего послѣдняго, вычурный и полунѣмецкій. П. Б.

№ 1085, стр. 420. Сказано хорошо о Вольтерѣ, почитателемъ котораго, впрочемъ, Павелъ Петровичъ не былъ. П. Б.

№ 1086, стр. 422. „Князь Алексѣй часъ отъ часу любезнѣе сколь хорошествомъ, и прилежаніемъ въ наукахъ“.—Илья Федоровичъ Тимковскій, секретарь князя, говоритъ про него въ своихъ запискахъ: „Онъ былъ плотенъ, величавъ, красивъ, всегда наряденъ, окруженъ большою свитою“ (См. Москвитянинъ 1852 г. № 20, стр. 87).

№ 1087, стр. 423. Домъ Ломоносова, невдалекѣ отъ Синяго моста (нынѣ закрытаго, подъ нимъ текла Мойка), на Б.-Морской, впослѣдствіи П. Н. Демидова, нынѣ, кажется, Стобеуса. П. Б.

№ 1091, стр. 432. „Произведя на свѣтъ дочь мою Софью,“—это Софья Петровна Тутолмина, а Катенька, т. е. графиня Екатерина Петровна Панина, умерла въ младенчествѣ. П. Б.

Что касается примѣчаній къ собственнымъ именамъ, встрѣчаемымъ въ настоящей книгѣ „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“, то всѣ необходимыя объясненія и біографическія данныя помѣщены въ надлежащихъ мѣстахъ алфавитнаго указателя.

ПОПРАВКИ

къ VI книгѣ историческаго сборника „Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина“.

Стран.	Строка сверху	снизу	Напечатано:	Должно быть:
17	—	2	союзные	союзныя
69	1	—	королю	къ королю
235	—	9	extêmement	extrêmement
236	—	1	Jamaique	Jamaïque
258	3	—	il a y	il y a
264	—	17	stoiciens	stoïciens
265	8	—	aible	faible
265	—	16	l'àme	l'âme
274	—	5	égal	égale
279	—	9	passé	passés
304	—	16	préfèrerais	préférerais
306	—	7	leus	leur
323	14	—	convaincu	convaincue
342	6	—	avanturier	aventurier
342	7	—	mal-moriginé	mal-morigéné
363	1	—	ravissants	ravissante
375	—	11	leux	leur
379	10	—	inquités	inquiétés
380	—	5	le journée	la journée
381	—	1	ous	vous
385	3	—	n'épargne	n'épargna
392	—	1	mmortaliser	immortaliser
431	—	5	juspu'au	jusqu'au
445	2	—	Щербаковъ	Щербачовъ

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Archiv kn. F. A. Kurakina Izd. knjazem F'. A. Kurakinym [Fedor Alekseevič knjaz' Kurakin]. Pod red. M. I. Semevskago i V. N. Smol'janinova. [Geschlecht Kurakin]
Bd.: 6

1896

Geneal. 224 l-6
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11808492-6